

Сергей Беляков

Тень Мазепы

Украинская нация в эпоху Гоголя

Лауреат премии
«Большая книга»

Table of Contents

[Annotation](#)

[Сергей Беляков Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя](#)

[Часть I География нации: граница и земли](#)

[С чего начинается Украина?](#)

[Украина и Малороссия](#)

[Полтава – столица Малороссии](#)

[«Наш Киев дряхлый...»](#)

[Слободская Украина](#)

[Харьков](#)

[Новороссия](#)

[Часть II Имя и нация](#)

[Западные русские](#)

[Черкасы и «хохлы бесовские»](#)

[Народ малороссийский](#)

[Страна козаков](#)

[Украина це окраина?](#)

[Часть III Этнография нации](#)

[Русский взгляд на украинца](#)

[Хата](#)

[«Не было, нет и быть не может!»](#)

[Мова](#)

[«Чистый, как заря небесная...»](#)

[«Не по-московському, а по-нашому...»](#)

[Латынь](#)

[Жинка](#)

[Ведьма](#)

[Лицари](#)

[Ужас украинский](#)

[Часть IV Незалежность](#)

[Незалежность](#)

[Гетманщина](#)

[Злой гений](#)

[«Малороссия не гордится счастьем»](#)

[Колесо истории](#)

[Сила, пропавшая даром](#)

[Воспоминание о Запорожье](#)

[Рыцари-разбойники](#)

[Запорожец на Кубани](#)

[Век героев](#)

[Век обывателей](#)

[Бедная Малороссия](#)

[Часть V Нация и ее боги](#)

[Нация и ее боги](#)
[Русская вера](#)
[Московская вера](#)
[Киевский синопсис](#)
[Священная война в легенде и в истории](#)
[Народный герой](#)
[P.S.](#)

[Часть VI Польский мир](#)

[Царь Польский](#)
[Магнаты, паны и подпанки](#)
[Польский национализм](#)
[Польша превыше всего](#)
[«Украинская школа»](#)
[«Згине ляцька земля, згине!»](#)

[Часть VII Еврейский мир](#)

[Старые знакомые](#)
[В осажденной крепости](#)
[Зло повседневное, зло общепринятое](#)
[«Дуже стара и дуже тверда вира»](#)
[Золотой навет?](#)
[Банкир, стало быть, еврей](#)

[Часть VIII Русский мир](#)

[Русь Восточная и Русь Западная](#)
[Переяславская рада](#)
[«Страна русского полудня»](#)
[Братья навек](#)
[Слишком близкое знакомство](#)
[«По народности вовсе не русские»](#)
[Москали](#)
[Кацапы](#)
[Несколько слов о русофобии](#)

[Часть IX Там, на реках Петербурга](#)

[Финские гены и русские песни](#)
[Научная мифология и ее разоблачение](#)
[Угрюмый край](#)
[Город немецкий](#)
[Песнь на чужой земле](#)
[«Борщу и не спрашивай!»](#)
[Там, на реках Петербурга](#)
[В снегах и на чужбине](#)

[Часть X Элита нации: карьера и фортуна](#)

[Хазары украинские, сарматы польские, татары русские](#)
[От шляхтича Демьяна...](#)
[Малороссийское дворянство](#)
[Без «малорусской личности»](#)

[Русский учитель, русский ученик](#)

[Птенцы гнезда Перова](#)

[P.S.](#)

[Часть XI Нация и память: Иван Мазепа в легенде и в истории](#)

[От Варшавы до Москвы](#)

[Слуга Москвы](#)

[Ошибка](#)

[Измена](#)

[Гром и молнии русской победы](#)

[Герой-любовник, герой-злодей](#)

[Мазепа: речи и литературные размышления](#)

[Забытое предательство](#)

[P.S.](#)

[Часть XII Цветы и корни](#)

[Мужицкая нация](#)

[С чего начинается Родина?](#)

[Во имя святых Кирилла и Мефодия](#)

[Цветы и корни](#)

[Кобзарь и народ](#)

[Взрыв русской ярости](#)

[Великая иллюзия](#)

[Часть XIII Нация и Гоголь](#)

[Выбор нации](#)

[Благодатная Малороссия](#)

[Хохлячка Россети](#)

[«Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик...»](#)

[Европейская Малороссия](#)

[«Хохол по рождению»](#)

[По страницам забытой книги](#)

[Гоголь-чаровник](#)

[Русский поворот](#)

[Чичиков как москаль](#)

[Маленькая трагедия](#)

[«Заплакала Русь...»](#)

[Птица-тройка, или Несбывшееся пророчество](#)

[P.S.](#)

[Две сабли: вместо заключения](#)

[Библиография](#)

[Письма. Мемуары. Дневники. Опубликованные документы](#)

[Сочинения историков, филологов, публицистов XVIII–XIX веков](#)

[Этнография и фольклор](#)

[Художественная литература и литературная критика](#)

[Газеты, литературные журналы и альманахи](#)

[Источники по истории Древнего мира, Средних веков и Раннего Нового времени](#)

[Энциклопедии. Словари](#)

[Исследования](#)

[Электронные ресурсы](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[41](#)

[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)

[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)

[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)

[177](#)
[178](#)
[179](#)
[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)
[197](#)
[198](#)
[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)
[203](#)
[204](#)
[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)

[222](#)
[223](#)
[224](#)
[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)
[242](#)
[243](#)
[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)
[248](#)
[249](#)
[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)

[267](#)
[268](#)
[269](#)
[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)
[287](#)
[288](#)
[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)
[293](#)
[294](#)
[295](#)
[296](#)
[297](#)
[298](#)
[299](#)
[300](#)
[301](#)
[302](#)
[303](#)
[304](#)
[305](#)
[306](#)
[307](#)
[308](#)
[309](#)
[310](#)
[311](#)

[312](#)
[313](#)
[314](#)
[315](#)
[316](#)
[317](#)
[318](#)
[319](#)
[320](#)
[321](#)
[322](#)
[323](#)
[324](#)
[325](#)
[326](#)
[327](#)
[328](#)
[329](#)
[330](#)
[331](#)
[332](#)
[333](#)
[334](#)
[335](#)
[336](#)
[337](#)
[338](#)
[339](#)
[340](#)
[341](#)
[342](#)
[343](#)
[344](#)
[345](#)
[346](#)
[347](#)
[348](#)
[349](#)
[350](#)
[351](#)
[352](#)
[353](#)
[354](#)
[355](#)
[356](#)

[357](#)
[358](#)
[359](#)
[360](#)
[361](#)
[362](#)
[363](#)
[364](#)
[365](#)
[366](#)
[367](#)
[368](#)
[369](#)
[370](#)
[371](#)
[372](#)
[373](#)
[374](#)
[375](#)
[376](#)
[377](#)
[378](#)
[379](#)
[380](#)
[381](#)
[382](#)
[383](#)
[384](#)
[385](#)
[386](#)
[387](#)
[388](#)
[389](#)
[390](#)
[391](#)
[392](#)
[393](#)
[394](#)
[395](#)
[396](#)
[397](#)
[398](#)
[399](#)
[400](#)
[401](#)

[402](#)
[403](#)
[404](#)
[405](#)
[406](#)
[407](#)
[408](#)
[409](#)
[410](#)
[411](#)
[412](#)
[413](#)
[414](#)
[415](#)
[416](#)
[417](#)
[418](#)
[419](#)
[420](#)
[421](#)
[422](#)
[423](#)
[424](#)
[425](#)
[426](#)
[427](#)
[428](#)
[429](#)
[430](#)
[431](#)
[432](#)
[433](#)
[434](#)
[435](#)
[436](#)
[437](#)
[438](#)
[439](#)
[440](#)
[441](#)
[442](#)
[443](#)
[444](#)
[445](#)
[446](#)

[447](#)
[448](#)
[449](#)
[450](#)
[451](#)
[452](#)
[453](#)
[454](#)
[455](#)
[456](#)
[457](#)
[458](#)
[459](#)
[460](#)
[461](#)
[462](#)
[463](#)
[464](#)
[465](#)
[466](#)
[467](#)
[468](#)
[469](#)
[470](#)
[471](#)
[472](#)
[473](#)
[474](#)
[475](#)
[476](#)
[477](#)
[478](#)
[479](#)
[480](#)
[481](#)
[482](#)
[483](#)
[484](#)
[485](#)
[486](#)
[487](#)
[488](#)
[489](#)
[490](#)
[491](#)

[492](#)
[493](#)
[494](#)
[495](#)
[496](#)
[497](#)
[498](#)
[499](#)
[500](#)
[501](#)
[502](#)
[503](#)
[504](#)
[505](#)
[506](#)
[507](#)
[508](#)
[509](#)
[510](#)
[511](#)
[512](#)
[513](#)
[514](#)
[515](#)
[516](#)
[517](#)
[518](#)
[519](#)
[520](#)
[521](#)
[522](#)
[523](#)
[524](#)
[525](#)
[526](#)
[527](#)
[528](#)
[529](#)
[530](#)
[531](#)
[532](#)
[533](#)
[534](#)
[535](#)
[536](#)

[537](#)
[538](#)
[539](#)
[540](#)
[541](#)
[542](#)
[543](#)
[544](#)
[545](#)
[546](#)
[547](#)
[548](#)
[549](#)
[550](#)
[551](#)
[552](#)
[553](#)
[554](#)
[555](#)
[556](#)
[557](#)
[558](#)
[559](#)
[560](#)
[561](#)
[562](#)
[563](#)
[564](#)
[565](#)
[566](#)
[567](#)
[568](#)
[569](#)
[570](#)
[571](#)
[572](#)
[573](#)
[574](#)
[575](#)
[576](#)
[577](#)
[578](#)
[579](#)
[580](#)
[581](#)

[582](#)
[583](#)
[584](#)
[585](#)
[586](#)
[587](#)
[588](#)
[589](#)
[590](#)
[591](#)
[592](#)
[593](#)
[594](#)
[595](#)
[596](#)
[597](#)
[598](#)
[599](#)
[600](#)
[601](#)
[602](#)
[603](#)
[604](#)
[605](#)
[606](#)
[607](#)
[608](#)
[609](#)
[610](#)
[611](#)
[612](#)
[613](#)
[614](#)
[615](#)
[616](#)
[617](#)
[618](#)
[619](#)
[620](#)
[621](#)
[622](#)
[623](#)
[624](#)
[625](#)
[626](#)

[627](#)
[628](#)
[629](#)
[630](#)
[631](#)
[632](#)
[633](#)
[634](#)
[635](#)
[636](#)
[637](#)
[638](#)
[639](#)
[640](#)
[641](#)
[642](#)
[643](#)
[644](#)
[645](#)
[646](#)
[647](#)
[648](#)
[649](#)
[650](#)
[651](#)
[652](#)
[653](#)
[654](#)
[655](#)
[656](#)
[657](#)
[658](#)
[659](#)
[660](#)
[661](#)
[662](#)
[663](#)
[664](#)
[665](#)
[666](#)
[667](#)
[668](#)
[669](#)
[670](#)
[671](#)

[672](#)
[673](#)
[674](#)
[675](#)
[676](#)
[677](#)
[678](#)
[679](#)
[680](#)
[681](#)
[682](#)
[683](#)
[684](#)
[685](#)
[686](#)
[687](#)
[688](#)
[689](#)
[690](#)
[691](#)
[692](#)
[693](#)
[694](#)
[695](#)
[696](#)
[697](#)
[698](#)
[699](#)
[700](#)
[701](#)
[702](#)
[703](#)
[704](#)
[705](#)
[706](#)
[707](#)
[708](#)
[709](#)
[710](#)
[711](#)
[712](#)
[713](#)
[714](#)
[715](#)
[716](#)

[717](#)
[718](#)
[719](#)
[720](#)
[721](#)
[722](#)
[723](#)
[724](#)
[725](#)
[726](#)
[727](#)
[728](#)
[729](#)
[730](#)
[731](#)
[732](#)
[733](#)
[734](#)
[735](#)
[736](#)
[737](#)
[738](#)
[739](#)
[740](#)
[741](#)
[742](#)
[743](#)
[744](#)
[745](#)
[746](#)
[747](#)
[748](#)
[749](#)
[750](#)
[751](#)
[752](#)
[753](#)
[754](#)
[755](#)
[756](#)
[757](#)
[758](#)
[759](#)
[760](#)
[761](#)

[762](#)
[763](#)
[764](#)
[765](#)
[766](#)
[767](#)
[768](#)
[769](#)
[770](#)
[771](#)
[772](#)
[773](#)
[774](#)
[775](#)
[776](#)
[777](#)
[778](#)
[779](#)
[780](#)
[781](#)
[782](#)
[783](#)
[784](#)
[785](#)
[786](#)
[787](#)
[788](#)
[789](#)
[790](#)
[791](#)
[792](#)
[793](#)
[794](#)
[795](#)
[796](#)
[797](#)
[798](#)
[799](#)
[800](#)
[801](#)
[802](#)
[803](#)
[804](#)
[805](#)
[806](#)

[807](#)
[808](#)
[809](#)
[810](#)
[811](#)
[812](#)
[813](#)
[814](#)
[815](#)
[816](#)
[817](#)
[818](#)
[819](#)
[820](#)
[821](#)
[822](#)
[823](#)
[824](#)
[825](#)
[826](#)
[827](#)
[828](#)
[829](#)
[830](#)
[831](#)
[832](#)
[833](#)
[834](#)
[835](#)
[836](#)
[837](#)
[838](#)
[839](#)
[840](#)
[841](#)
[842](#)
[843](#)
[844](#)
[845](#)
[846](#)
[847](#)
[848](#)
[849](#)
[850](#)
[851](#)

[852](#)
[853](#)
[854](#)
[855](#)
[856](#)
[857](#)
[858](#)
[859](#)
[860](#)
[861](#)
[862](#)
[863](#)
[864](#)
[865](#)
[866](#)
[867](#)
[868](#)
[869](#)
[870](#)
[871](#)
[872](#)
[873](#)
[874](#)
[875](#)
[876](#)
[877](#)
[878](#)
[879](#)
[880](#)
[881](#)
[882](#)
[883](#)
[884](#)
[885](#)
[886](#)
[887](#)
[888](#)
[889](#)
[890](#)
[891](#)
[892](#)
[893](#)
[894](#)
[895](#)
[896](#)

[897](#)
[898](#)
[899](#)
[900](#)
[901](#)
[902](#)
[903](#)
[904](#)
[905](#)
[906](#)
[907](#)
[908](#)
[909](#)
[910](#)
[911](#)
[912](#)
[913](#)
[914](#)
[915](#)
[916](#)
[917](#)
[918](#)
[919](#)
[920](#)
[921](#)
[922](#)
[923](#)
[924](#)
[925](#)
[926](#)
[927](#)
[928](#)
[929](#)
[930](#)
[931](#)
[932](#)
[933](#)
[934](#)
[935](#)
[936](#)
[937](#)
[938](#)
[939](#)
[940](#)
[941](#)

[942](#)
[943](#)
[944](#)
[945](#)
[946](#)
[947](#)
[948](#)
[949](#)
[950](#)
[951](#)
[952](#)
[953](#)
[954](#)
[955](#)
[956](#)
[957](#)
[958](#)
[959](#)
[960](#)
[961](#)
[962](#)
[963](#)
[964](#)
[965](#)
[966](#)
[967](#)
[968](#)
[969](#)
[970](#)
[971](#)
[972](#)
[973](#)
[974](#)
[975](#)
[976](#)
[977](#)
[978](#)
[979](#)
[980](#)
[981](#)
[982](#)
[983](#)
[984](#)
[985](#)
[986](#)

[987](#)
[988](#)
[989](#)
[990](#)
[991](#)
[992](#)
[993](#)
[994](#)
[995](#)
[996](#)
[997](#)
[998](#)
[999](#)
[1000](#)
[1001](#)
[1002](#)
[1003](#)
[1004](#)
[1005](#)
[1006](#)
[1007](#)
[1008](#)
[1009](#)
[1010](#)
[1011](#)
[1012](#)
[1013](#)
[1014](#)
[1015](#)
[1016](#)
[1017](#)
[1018](#)
[1019](#)
[1020](#)
[1021](#)
[1022](#)
[1023](#)
[1024](#)
[1025](#)
[1026](#)
[1027](#)
[1028](#)
[1029](#)
[1030](#)
[1031](#)

[1032](#)
[1033](#)
[1034](#)
[1035](#)
[1036](#)
[1037](#)
[1038](#)
[1039](#)
[1040](#)
[1041](#)
[1042](#)
[1043](#)
[1044](#)
[1045](#)
[1046](#)
[1047](#)
[1048](#)
[1049](#)
[1050](#)
[1051](#)
[1052](#)
[1053](#)
[1054](#)
[1055](#)
[1056](#)
[1057](#)
[1058](#)
[1059](#)
[1060](#)
[1061](#)
[1062](#)
[1063](#)
[1064](#)
[1065](#)
[1066](#)
[1067](#)
[1068](#)
[1069](#)
[1070](#)
[1071](#)
[1072](#)
[1073](#)
[1074](#)
[1075](#)
[1076](#)

[1077](#)
[1078](#)
[1079](#)
[1080](#)
[1081](#)
[1082](#)
[1083](#)
[1084](#)
[1085](#)
[1086](#)
[1087](#)
[1088](#)
[1089](#)
[1090](#)
[1091](#)
[1092](#)
[1093](#)
[1094](#)
[1095](#)
[1096](#)
[1097](#)
[1098](#)
[1099](#)
[1100](#)
[1101](#)
[1102](#)
[1103](#)
[1104](#)
[1105](#)
[1106](#)
[1107](#)
[1108](#)
[1109](#)
[1110](#)
[1111](#)
[1112](#)
[1113](#)
[1114](#)
[1115](#)
[1116](#)
[1117](#)
[1118](#)
[1119](#)
[1120](#)
[1121](#)

[1122](#)
[1123](#)
[1124](#)
[1125](#)
[1126](#)
[1127](#)
[1128](#)
[1129](#)
[1130](#)
[1131](#)
[1132](#)
[1133](#)
[1134](#)
[1135](#)
[1136](#)
[1137](#)
[1138](#)
[1139](#)
[1140](#)
[1141](#)
[1142](#)
[1143](#)
[1144](#)
[1145](#)
[1146](#)
[1147](#)
[1148](#)
[1149](#)
[1150](#)
[1151](#)
[1152](#)
[1153](#)
[1154](#)
[1155](#)
[1156](#)
[1157](#)
[1158](#)
[1159](#)
[1160](#)
[1161](#)
[1162](#)
[1163](#)
[1164](#)
[1165](#)
[1166](#)

[1167](#)
[1168](#)
[1169](#)
[1170](#)
[1171](#)
[1172](#)
[1173](#)
[1174](#)
[1175](#)
[1176](#)
[1177](#)
[1178](#)
[1179](#)
[1180](#)
[1181](#)
[1182](#)
[1183](#)
[1184](#)
[1185](#)
[1186](#)
[1187](#)
[1188](#)
[1189](#)
[1190](#)
[1191](#)
[1192](#)
[1193](#)
[1194](#)
[1195](#)
[1196](#)
[1197](#)
[1198](#)
[1199](#)
[1200](#)
[1201](#)
[1202](#)
[1203](#)
[1204](#)
[1205](#)
[1206](#)
[1207](#)
[1208](#)
[1209](#)
[1210](#)
[1211](#)

[1212](#)
[1213](#)
[1214](#)
[1215](#)
[1216](#)
[1217](#)
[1218](#)
[1219](#)
[1220](#)
[1221](#)
[1222](#)
[1223](#)
[1224](#)
[1225](#)
[1226](#)
[1227](#)
[1228](#)
[1229](#)
[1230](#)
[1231](#)
[1232](#)
[1233](#)
[1234](#)
[1235](#)
[1236](#)
[1237](#)
[1238](#)
[1239](#)
[1240](#)
[1241](#)
[1242](#)
[1243](#)
[1244](#)
[1245](#)
[1246](#)
[1247](#)
[1248](#)
[1249](#)
[1250](#)
[1251](#)
[1252](#)
[1253](#)
[1254](#)
[1255](#)
[1256](#)

[1257](#)
[1258](#)
[1259](#)
[1260](#)
[1261](#)
[1262](#)
[1263](#)
[1264](#)
[1265](#)
[1266](#)
[1267](#)
[1268](#)
[1269](#)
[1270](#)
[1271](#)
[1272](#)
[1273](#)
[1274](#)
[1275](#)
[1276](#)
[1277](#)
[1278](#)
[1279](#)
[1280](#)
[1281](#)
[1282](#)
[1283](#)
[1284](#)
[1285](#)
[1286](#)
[1287](#)
[1288](#)
[1289](#)
[1290](#)
[1291](#)
[1292](#)
[1293](#)
[1294](#)
[1295](#)
[1296](#)
[1297](#)
[1298](#)
[1299](#)
[1300](#)
[1301](#)

[1302](#)
[1303](#)
[1304](#)
[1305](#)
[1306](#)
[1307](#)
[1308](#)
[1309](#)
[1310](#)
[1311](#)
[1312](#)
[1313](#)
[1314](#)
[1315](#)
[1316](#)
[1317](#)
[1318](#)
[1319](#)
[1320](#)
[1321](#)
[1322](#)
[1323](#)
[1324](#)
[1325](#)
[1326](#)
[1327](#)
[1328](#)
[1329](#)
[1330](#)
[1331](#)
[1332](#)
[1333](#)
[1334](#)
[1335](#)
[1336](#)
[1337](#)
[1338](#)
[1339](#)
[1340](#)
[1341](#)
[1342](#)
[1343](#)
[1344](#)
[1345](#)
[1346](#)

[1347](#)
[1348](#)
[1349](#)
[1350](#)
[1351](#)
[1352](#)
[1353](#)
[1354](#)
[1355](#)
[1356](#)
[1357](#)
[1358](#)
[1359](#)
[1360](#)
[1361](#)
[1362](#)
[1363](#)
[1364](#)
[1365](#)
[1366](#)
[1367](#)
[1368](#)
[1369](#)
[1370](#)
[1371](#)
[1372](#)
[1373](#)
[1374](#)
[1375](#)
[1376](#)
[1377](#)
[1378](#)
[1379](#)
[1380](#)
[1381](#)
[1382](#)
[1383](#)
[1384](#)
[1385](#)
[1386](#)
[1387](#)
[1388](#)
[1389](#)
[1390](#)
[1391](#)

[1392](#)
[1393](#)
[1394](#)
[1395](#)
[1396](#)
[1397](#)
[1398](#)
[1399](#)
[1400](#)
[1401](#)
[1402](#)
[1403](#)
[1404](#)
[1405](#)
[1406](#)
[1407](#)
[1408](#)
[1409](#)
[1410](#)
[1411](#)
[1412](#)
[1413](#)
[1414](#)
[1415](#)
[1416](#)
[1417](#)
[1418](#)
[1419](#)
[1420](#)
[1421](#)
[1422](#)
[1423](#)
[1424](#)
[1425](#)
[1426](#)
[1427](#)
[1428](#)
[1429](#)
[1430](#)
[1431](#)
[1432](#)
[1433](#)
[1434](#)
[1435](#)
[1436](#)

[1437](#)
[1438](#)
[1439](#)
[1440](#)
[1441](#)
[1442](#)
[1443](#)
[1444](#)
[1445](#)
[1446](#)
[1447](#)
[1448](#)
[1449](#)
[1450](#)
[1451](#)
[1452](#)
[1453](#)
[1454](#)
[1455](#)
[1456](#)
[1457](#)
[1458](#)
[1459](#)
[1460](#)
[1461](#)
[1462](#)
[1463](#)
[1464](#)
[1465](#)
[1466](#)
[1467](#)
[1468](#)
[1469](#)
[1470](#)
[1471](#)
[1472](#)
[1473](#)
[1474](#)
[1475](#)
[1476](#)
[1477](#)
[1478](#)
[1479](#)
[1480](#)
[1481](#)

[1482](#)
[1483](#)
[1484](#)
[1485](#)
[1486](#)
[1487](#)
[1488](#)
[1489](#)
[1490](#)
[1491](#)
[1492](#)
[1493](#)
[1494](#)
[1495](#)
[1496](#)
[1497](#)
[1498](#)
[1499](#)
[1500](#)
[1501](#)
[1502](#)
[1503](#)
[1504](#)
[1505](#)
[1506](#)
[1507](#)
[1508](#)
[1509](#)
[1510](#)
[1511](#)
[1512](#)
[1513](#)
[1514](#)
[1515](#)
[1516](#)
[1517](#)
[1518](#)
[1519](#)
[1520](#)
[1521](#)
[1522](#)
[1523](#)
[1524](#)
[1525](#)
[1526](#)

[1527](#)
[1528](#)
[1529](#)
[1530](#)
[1531](#)
[1532](#)
[1533](#)
[1534](#)
[1535](#)
[1536](#)
[1537](#)
[1538](#)
[1539](#)
[1540](#)
[1541](#)
[1542](#)
[1543](#)
[1544](#)
[1545](#)
[1546](#)
[1547](#)
[1548](#)
[1549](#)
[1550](#)
[1551](#)
[1552](#)
[1553](#)
[1554](#)
[1555](#)
[1556](#)
[1557](#)
[1558](#)
[1559](#)
[1560](#)
[1561](#)
[1562](#)
[1563](#)
[1564](#)
[1565](#)
[1566](#)
[1567](#)
[1568](#)
[1569](#)
[1570](#)
[1571](#)

[1572](#)
[1573](#)
[1574](#)
[1575](#)
[1576](#)
[1577](#)
[1578](#)
[1579](#)
[1580](#)
[1581](#)
[1582](#)
[1583](#)
[1584](#)
[1585](#)
[1586](#)
[1587](#)
[1588](#)
[1589](#)
[1590](#)
[1591](#)
[1592](#)
[1593](#)
[1594](#)
[1595](#)
[1596](#)
[1597](#)
[1598](#)
[1599](#)
[1600](#)
[1601](#)
[1602](#)
[1603](#)
[1604](#)
[1605](#)
[1606](#)
[1607](#)
[1608](#)
[1609](#)
[1610](#)
[1611](#)
[1612](#)
[1613](#)
[1614](#)
[1615](#)
[1616](#)

[1617](#)
[1618](#)
[1619](#)
[1620](#)
[1621](#)
[1622](#)
[1623](#)
[1624](#)
[1625](#)
[1626](#)
[1627](#)
[1628](#)
[1629](#)
[1630](#)
[1631](#)
[1632](#)
[1633](#)
[1634](#)
[1635](#)
[1636](#)
[1637](#)
[1638](#)
[1639](#)
[1640](#)
[1641](#)
[1642](#)
[1643](#)
[1644](#)
[1645](#)
[1646](#)
[1647](#)
[1648](#)
[1649](#)
[1650](#)
[1651](#)
[1652](#)
[1653](#)
[1654](#)
[1655](#)
[1656](#)
[1657](#)
[1658](#)
[1659](#)
[1660](#)
[1661](#)

[1662](#)
[1663](#)
[1664](#)
[1665](#)
[1666](#)
[1667](#)
[1668](#)
[1669](#)
[1670](#)
[1671](#)
[1672](#)
[1673](#)
[1674](#)
[1675](#)
[1676](#)
[1677](#)
[1678](#)
[1679](#)
[1680](#)
[1681](#)
[1682](#)
[1683](#)
[1684](#)
[1685](#)
[1686](#)
[1687](#)
[1688](#)
[1689](#)
[1690](#)
[1691](#)
[1692](#)
[1693](#)
[1694](#)
[1695](#)
[1696](#)
[1697](#)
[1698](#)
[1699](#)
[1700](#)
[1701](#)
[1702](#)
[1703](#)
[1704](#)
[1705](#)
[1706](#)

[1707](#)
[1708](#)
[1709](#)
[1710](#)
[1711](#)
[1712](#)
[1713](#)
[1714](#)
[1715](#)
[1716](#)
[1717](#)
[1718](#)
[1719](#)
[1720](#)
[1721](#)
[1722](#)
[1723](#)
[1724](#)
[1725](#)
[1726](#)
[1727](#)
[1728](#)
[1729](#)
[1730](#)
[1731](#)
[1732](#)
[1733](#)
[1734](#)
[1735](#)
[1736](#)
[1737](#)
[1738](#)
[1739](#)
[1740](#)
[1741](#)
[1742](#)
[1743](#)
[1744](#)
[1745](#)
[1746](#)
[1747](#)
[1748](#)
[1749](#)
[1750](#)
[1751](#)

[1752](#)
[1753](#)
[1754](#)
[1755](#)
[1756](#)
[1757](#)
[1758](#)
[1759](#)
[1760](#)
[1761](#)
[1762](#)
[1763](#)
[1764](#)
[1765](#)
[1766](#)
[1767](#)
[1768](#)
[1769](#)
[1770](#)
[1771](#)
[1772](#)
[1773](#)
[1774](#)
[1775](#)
[1776](#)
[1777](#)
[1778](#)
[1779](#)
[1780](#)

Annotation

Сергей Беляков – историк, литературовед, автор биографии-бестселлера «Гумилев сын Гумилева» (премия «БОЛЬШАЯ КНИГА»).

Соединяя дотошность историка с талантом рассказчика, в новой книге «Тень Мазепы» он совершает, казалось бы, невозможное: фундаментальное исследование, основанное на множестве источников, оказывается увлекательнее романа. Здесь гетманы вершат судьбы Войска Запорожского и слышна козацкая речь, здесь оживает в ярких запахах, звуках, красках волшебный мир малороссийской деревни, здесь биографии великих писателей и поэтов – даже Шевченко и Гоголя – лишь часть общей биографии и судьбы... Здесь рождается нация.

«Я хотел доказать, что история национализма – это не сборник скучных “идейных” текстов, не история политических партий или движений, не эволюция политических программ. Это – интересный мир, полный страсти, энергии и творчества». Сергей Беляков

Сергей Беляков

Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя

© Беляков С. С.

© ООО «Издательство АСТ»

© Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

© Государственный литературный музей, Москва

Часть I

География нации: граница и земли

С чего начинается Украина?

Где начинается Украина? Восточная граница современного украинского государства сложилась в двадцатые годы двадцатого века, когда на карте появилась Украинская Советская Социалистическая Республика. Штрихи к этой границе добавляли уже после смерти Ленина. Возвращали советской России Шахты и Таганрог, подаренные было советской Украине, передавали УССР русский Путивль. Решения о границе принимали тогда в ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР, их визировал ЦИК СССР. В декабре 1991-го эта граница, прежде внутренняя, административная, стала государственной. Но мало кто из русских признает Донецк и Харьков чужими городами. Он скорее согласится отнести границу далеко на Запад – к Тернополю и Львову, в бывшую Восточную Галицию, польскую, потом австрийскую и снова польскую провинцию.

Но разве у соседних Волыни и Подолии меньше оснований называться украинскими землями, чем у Галичины? А Поднепровье, родина Тараса Шевченко? Запорожье, прославленное в народных думах, которые распевали слепые бандуристы еще полтора столетия назад? Или Полтавщина, которая подарила миру не только Гоголя, Гнедича, Боровиковского, но и Петлюру? Разве всё это не Украина?

«Идите от Москвы на юг, и вы увидите, что, постепенно находя изменения, за Десной и Сью вы перешли к народу, совершенно отличному от нас, чистых руссов. Язык, одежда, облик лица, жилища, мнения, поверья – совершенно не наши!»^[1] – отмечал в 1830 году издатель «Московского телеграфа» Николай Полевой.

Для русских путешественников начала XIX века русско-украинская граница проходила не на Волыни или в Галиции, а много восточнее, где-то между малороссийским Глуховом и великорусским Севском: «Восхождение солнца мы видели в области хохлов, а захождению его кланялись в России»^[2], – писал князь Иван Михайлович Долгорукий в 1817 году.

Князь всего-навсего покинул Черниговскую губернию и переехал в Орловскую. На его пути не было ни широкой реки, ни горного хребта. Однако «область хохлов» даже внешне отличалась от Великороссии. «Вместо ракитника по сторонам дороги красуются высокие развесистые вербы»^[3]. Арбузы зреют не в барских оранжереях под присмотром садовника, а на баштане (крестьянской бахче). Даже вкус яблок и груш как будто совсем другой. Последнее отмечали не только украинцы, вернувшиеся на родину из Великороссии, но и русские путешественники^[4].

И все-таки две страны разделяла прежде всего не география, а этнография. На русско-украинской этнографической границе были и земли, которые трудно разграничить. Жители Северщины очень долго сохраняли особенности бытовой культуры и даже самоназвание «севрюки». Еще в середине XIX века славянофил Иван Аксаков уверенно писал: «Древняя Северия – не Малороссия»^[5]. «Севрюки» к

тому же носили бороды, что сближало их с русскими крестьянами – их восточными и северо-восточными соседями.

На севере Черниговской губернии жили белорусы и русские староверы, причем русские резко отличались не только своими традициями и одеждой, но и внешностью: «...великолепное раскольниковое население, бодрое, богатое, промышленное: всё народ крупный и рослый, но несколько угрюмый и суровый на вид»^[6]. Зато южные уезды Черниговской губернии имели типично малороссийский облик: белые хаты, живописно разбросанные между холмов и долин, приветливо выглядывали «из-за зеленых садов своих»^[7].

К юго-западу от Севска, Рыльска, Белгорода постепенно исчезали деревни, застроенные бревенчатыми избами, нередко курными, то есть топившимися по-черному, без трубы^[8]. Вместо них появлялись слободы, застроенные чистенькими мазанками, белеными известью изнутри и снаружи. «В первом селе Черниговской губернии уже беленькие хатки, соломой крытые, с дымарами, а не серые бревенчатые избы. Костюм, язык, физиономии – совершенно всё другое. И вся эта перемена совершается на пространстве двадцати верст. В продолжение одного часа вы уже чувствуете себя как будто в другой атмосфере»^[9], – замечал герой Тараса Шевченко.

Дорога в Харьков, столицу Слободской Украины, отмечена теми же приметами. Русский издатель, библиофил и путешественник Николай Сергеевич Всеволожский в 1836 году приехал в Белгород. На почтовом дворе «насилу разбудил двух малороссиян», те лениво запрягли лошадей и поехали. Прекрасный русский Белгород, «наполненный церквями и монастырями»^[10], остался позади, начиналась другая страна: «Здесь чувствуешь уже совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! Народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, всё принимает другой вид»^[11].

Ивану Аксакову переход от Великороссии к Малороссии казался более плавным, постепенным. Только между Харьковом и Полтавой началась «настоящая Хохландия»^[12].

Другой климат, другая природа, другое жилье, другой народ. «Здесь я уже почитал себя в чужих краях»^[13], – признавался князь Долгорукий. В этой «чужой земле» он благодарил Бога не только за встречу с сестрой и зятем, но даже обрадовался русскому торговому мужику, который вез серу из Одессы в Москву. А уже на правобережной Украине, под Новомиргородом, князь увидел селение, основанное русскими крестьянами из Обояни, и «с удовольствием любовался на сарафан нашего покроя, какого уже давно не видал»^[14]. Как будто и правда в другую страну приехал и нашел там соотечественников.

Славист Измаил Срезневский вырос в Харькове в те годы, когда этот город был центром украинской культуры. Учился в Харьковском университете, где преподавали не только русские и немцы, но и «природные малороссияне» вроде профессора Гулака-Артемовского,

одного из основоположников современной украинской литературы. Срезневский увлекался украинской культурой, слушал кобзарей, записывал народные песни и думы, но оставался именно русским человеком. В шестнадцать лет он писал матери: «Вы знаете, маменька, как я любил слушать рассказы <...> о моей милой родине и о русских; я желал, подобно птичке полуденной, вскормленной на чуждой стороне, полететь на свою невиданную родину»^[15]. Значит, даже Харьков представлялся ему уже «чуждой стороной».

В отличие от людей XIX века, Лидии Яковлевне Гинзбург был доступен взгляд сверху, с низколетящего самолета, и различие двух миров, украинского и русского в ее описании даже нагляднее, чем у Аксакова, Всеволожского или Долгорукого: «...на воздушном пути из Украины в Россию вы видите с учебно-экскурсионной наглядностью, как кончаются белые, зеленые, сумбурные деревни, как начинаются деревни голые, деревянные, пополам разделенные дорогой»^[16].

Украина и Малороссия

Эти слова в гоголевское время могли быть синонимами, а могли обозначать особые исторические области. Малороссия – это и все земли, населенные малороссиянами (украинцами), и только левобережье Днепра^[17], бывшая Гетманщина (территория Полтавской и Черниговской губерний). Украина в широком смысле охватывала все населенные украинским народом земли от Харькова до западных рубежей Волыни и Подолии. Но Украина в узком смысле – это всего лишь Поднепровье.

Тарас Шевченко не сомневался в единстве украинского народа и украинских земель, но даже он, случалось, подчеркивал превосходство его родного Поднепровья, именно его называя Украиной: «Бедная, малосильная Волынь и Подолия, она охраняла своих распинателей (польских шляхтичей. – С. Б.) в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы. <...> ворога деспота под ноги топтала и свободная, нерастленная умирала...»^[18].

Волынь и Подолия, конечно, тоже украинские земли, да и зря Тарас Григорьевич упрекал их в слабосилии. Подольские левенцы во времена Хмельницкого были храбрецами и головорезами, отбивались от турок, татар и ляхов, ходили с войском Тимоша Хмельницкого воевать в Молдавию и Валахию. Но геополитическое положение этой страны было гибельным: до начала XVIII века она оставалась полем битвы между Польшей и Османской империей. Разоренная, обескровленная земля,

которую в те времена не смогли освободить ни Войско Запорожское, ни регулярная армия русского царя.

Волынь очень долго была цитаделью православия. Именно здесь святое Евангелие впервые перевели на народный язык, который теперь называют западнорусским или староукраинским. На Волыни располагались владения Константина Острожского, великого просветителя и мецената. Острожский приютил у себя бежавшего из Москвы русского первопечатника Ивана Федорова, открыл школу, не уступавшую иезуитским коллегиям (тогда лучшим средним школам Европы), под его опекой и за его счет была создана Острожская Библия – первая печатная Библия православного мира. Но и Волынь оставалась под властью Польши до самого конца XVIII века. Там стояли замки польских магнатов, в многочисленных костелах пели *Te Deum*, а униаты уже не только славили имя папы Римского, но всё больше и больше подражали католикам даже в обрядах, одежде, манере держаться. Лишь в николаевское время развернулось масштабное контрнаступление русского православия. Греко-католиков вернули в православие, а в 1832 году, после ста двадцатилетнего перерыва, стены Почаевской лавры слышали настоящую православную обедню.

Однако последствия польского господства, долгих войн «за веру», гайдаматчины ощущались на правобережной Украине даже спустя много десятилетий после ее присоединения к России. В 1842 году профессор Погодин отмечал, что на правом берегу Днепра Малороссия имеет «уже другой характер»: селений мало, «кое-где видишь грязный шинок, и только»^[19].

Украинские земли продолжались и к западу от российско-австрийской границы. Под властью австрийского императора, который по совместительству был и венгерским королем, жили русины Галиции, Буковины и Закарпатья. Закарпатских русинов в России называли карпато-россами и не причисляли к малороссиянам. Галиция находилась под иноземной властью со второй половины XIV века, хотя все ее названия были связаны с Древней Русью. «Королевство Галиция» напоминало о Галиче, древней столице страны, некогда славной именами Ярослава Осмомысла и Даниила Галицкого. Слово «Лодомерия» отсылало к городу Владимиру (Владимиру-Волинскому) и к памяти равноапостольного князя. Наконец, во времена Речи Посполитой на землях Галиции располагалось Русское воеводство, а в России писатели, этнографы, историки называли эту страну Червонной Русью. Но пусть не смущают читателя слова «Русь» и «русские», они здесь обманчивы. Землевладельцами там были поляки, городское население составляли поляки и евреи. В XVII веке войска Богдана Хмельницкого занимали почти всю Галицию и брали в осаду Львов, но не сумели освободить. В начале XVIII века видела Галиция козаков гетмана Мазепы, однако и те вынуждены были оставить Червонную Русь в польских руках. При разделах Речи Посполитой Русское

воеводство досталось империи Габсбургов. Но многочисленное крестьянское население Галиции не забыло своего родства с народом Украины. Русские и украинские ученые удивлялись, до чего же «червонорусские» села походили на малороссийские.

По словам фольклориста Платона Лукашевича, Галиция уже в тридцатые годы XIX века отличалась даже большей приверженностью ко всему украинскому, чем собственно Малороссия. Галичане, правда, исповедовали униатство, но приезжий этнограф с удивлением замечал, что «нравы и обычаи их нисколько не разнятся от малороссийских»^[21]. Более того, галичане даже лучше знали и охотнее пели украинские народные песни и всячески подчеркивали свое родство с украинцами из России.

Из книги Платона Лукашевича «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни»: «Украина, Малороссия, есть для их сердца обетованная земля, куда стремятся все их помыслы и думы. С какою заботливостью галичанин расспрашивает заезжего из России гостя о судьбе своих братьев украинцев, он с радостью разделит с ним свою убогую трапезу, чтобы узнать что нового об украинских казаках»^[22].

Но время Галиции пока не пришло. Это все-таки была далекая окраина украинского мира. Власти Австрийской империи еще не пытались использовать русинов как противовес полякам Галиции, а потому эффективно давили все проявления национального возрождения. «Зорю», первый альманах, подготовленный местными просветителями-русинами в 1834 году, цензура запретила. Новый альманах «Русалка Днистровая» удалось напечатать в Пеште. Событие было важное: авторы «Русалки» писали на народном языке, то есть на диалекте украинской мовы, распространенном в Галиции. Они впервые использовали фонетическое письмо (на основе кириллицы). Но как только тираж привезли во Львов, альманах был запрещен. До читателя дошло сто или двести экземпляров. Один из создателей альманаха, поэт Маркиан Шашкевич, вскоре умер в нищете и безвестности. Только в 1848-м, через одиннадцать лет после издания, запрет удалось снять.

Исторические земли – понятие текучее, непостоянное. История меняет и политические, и этнографические границы. Древняя Иония, родина Гераклита и Геродота, становится побережьем турецкой Анатолии. Рашка, в Средние века центр сербской государственности, превращается в албанское Косово. Южная Венгрия становится сербской землей Воеводиной.

Императрица Екатерина ликвидировала Запорожскую Сечь, раздала земли русским и малороссийским помещикам, немецким колонистам и даже молдаванам и сербам. Запорожье стало частью обширной и богатой Новороссии. Но эта же императрица подарила запорожцам новую землю. Если Галиция, Буковина и Закарпатье были западной окраиной украинского мира, то окраиной юго-восточной можно назвать Тамань и низовья реки Кубани.

На правом берегу Кубани (левый был еще во власти воинственных черкесов – адыгских племен) появилась новая Малороссия. Даже город Екатеринодар, столица Черноморского войска, в первой половине XIX века напоминал большое малороссийское село, беспорядочно застроенное обычными украинскими хатами-мазанками^[23]. Помимо этих мазанок и общественных зданий в Екатеринодаре построили сорок куреней-общешитий для холостых козаков^[24]. Такие курени стояли прежде на Сечи^[25].

Долгое время на Кубани существовало и старинное запорожское деление на курени, а не на станицы. «Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, под их военной кавказской оболочкой, черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном. Напев на клиросе, веснянка на улице, щедрование под окном, жениханье на вечерницах и выбеленный угол хаты <...> всё напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину»^[26], – писал Иван Диомидович Попко, один из первых историков черноморского казачества.

Если все великорусские земли уже много веков жили в одном государстве под властью одного русского царя, то земли украинские были разделены не только административными, но нередко и государственными границами. Больше века просуществовала граница по Днепру между «русской» и «польской» Украиной. Тем не менее связь между этими землями не прерывалась, а украинцы Левобережья были готовы разделить историческую судьбу украинцев Киевщины и Подолья. Во время восстания гайдамаков 1768 года, когда большая часть правобережной Украины еще была под властью Польши, малороссийский генерал-губернатор Петр Александрович Румянцев с тревогой писал, что не ручается за «здешних жителей», которые желают идти на помощь повстанцам-гайдамакам, подданным польской короны^[27].

Тарас Шевченко вскоре после выхода первого издания «Кобзаря» и «Гайдамаков» несколько раз побывает на Украине, а в 1845–1846 годах станет сотрудником Археографической комиссии, что позволит ему много путешествовать по малороссийским землям. Он объездит и бывшую Гетманщину, и Поднепровье, доберется и до западных границ Волыни. Наблюдения, сделанные тогда, он использует десять лет спустя, когда будет работать над повестью «Прогулка с удовольствием и не без морали». В уста своего героя Шевченко охотно вкладывает собственные мысли: «От берегов тихого Дона до кремнистых берегов быстротекущего Днестра – одна почва земли, одна речь, один быт, одна физиономия народа; даже и песни одни и те же. Как одной матери дети»^[28].

Полтава - столица Малороссии

При первых гетманах - Хмельницком, Выговском, Дорошенко - столицей Гетманщины был Чигирин, город на реке Тясмин, что на правом берегу Днепра. Но под угрозой турецкой оккупации Чигирин будет оставлен, его укрепления - взорваны. При гетмане Мазепе столица размещалась в Батурине - небольшом городе, на украшение которого могущественный и богатый Мазепа не жалел средств. Но в ноябре 1708 года князь Меншиков разрушил столицу гетмана-изменника. Иван Скоропадский, Павел Полуботок, Даниил Апостол управляли Гетманщиной уже из Глухова - города на восточной окраине украинских земель. Кирилл Разумовский хотя и принял гетманские клейноды в Глухове, но больше любил Батурин и едва не сделал его фактической столицей Малороссии вплоть до 1764 года, когда вынужден был сложить свои полномочия и стать из малороссийских гетманов русским генерал-фельдмаршалом.

В екатерининские и павловские времена Малороссия пережила несколько административных реформ, завершились они уже при Александре Павловиче. На землях старой Гетманщины появились Черниговская и Полтавская губернии, объединенные властью малороссийского генерал-губернатора. Древний Чернигов, маленький городишко с населением в 7000 жителей, был полуживым памятником своей былой славе. Только почтение к его великой истории не позволило превратить Чернигов в уездный город.

Полтава как будто не должна была стать центром губернии. Во времена Гетманщины она оставалась одним из полковых городов. Город ни в чем не превосходил, скажем, Нежин или Миргород. Захолустье. Быть бы Полтаве уездным городом, да еще хорошо, если не заштатным. А губерния называлась бы Миргородской или Лубенской. Лубны во времена Гетманщины были гораздо важнее Полтавы. Географическое положение этого города также было лучше: «Природа щедрою рукою рассыпала здесь все дары свои»^[29]. Даже Пирятин, в гетманское время не полковой, а всего лишь сотенный город^[30], мало чем уступал Полтаве. «Широко и далеко раскидывался он по скату горы над Удаем, часто сверкали кресты церквей между его темными, зелеными садами, шумны были его базары; на них громко гремели вольные речи, бряцали сабли и пестрели казацкие шапки и жупаны; польские купцы привозили туда тонкие сукна и бархат; нежинский грек выхвалял свои восточные товары: то сверкал на солнце острием кинжала, то поворачивал длинную винтовку, окованную серебром...», - писал о Пирятине Евгений Гребенка в романе «Чайковский»^[31].

Но столицу губернии и генерал-губернаторства выбирали в Петербурге, а потому остановились именно на Полтаве, где в 1709 году состоялось сражение, изменившее ход истории не только России, Швеции, Прибалтики, но и Украины.

Полтава быстро обогнала в развитии и маленький Чернигов, и Лубны, и Ромны, и прелестный, утонувший в черешневых садах Миргород. Если верить воспоминаниям российского военного историка академика А. И. Михайловского-Данилевского, который участвовал вместе с императором в очередных торжествах, посвященных Полтавской виктории, Полтаву уже при Александре I называли «столицей Украины»^[32].

Столицей Украины управляли русские аристократы. В 1802-м первым малороссийским генерал-губернатором стал князь Куракин, его сменил князь Лобанов-Ростовский, сенатор и камергер, а ему на смену пришел князь Николай Репнин, женатый на Варваре Разумовской, внучке последнего гетмана. Собственно говоря, настоящей фамилией князя Николая Григорьевича была – Волконский. Но старинный род Репниных прервался, и князь по высочайшему повелению принял фамилию матери – Александры Николаевны Репниной, статс-дамы и дочери фельдмаршала. Николай Григорьевич Репнин (Волконский) был известным дипломатом и военным. При Аустерлице получил тяжелое ранение и попал в плен, как князь Андрей из «Войны и мира», но в остальном мало походил на героя Толстого. Уже в 1809-м он стал русским посланником при дворе Жерома Бонапарта, короля Вестфалии, затем при дворе его брата Жозефа, короля Испании. В 1813-м Репнин сражался с армией Наполеона, одно время даже управлял Саксонским королевством, освобожденным от французов и их сторонников. Военным губернатором Малороссии Репнин станет в 1818 году и прослужит в этой должности шестнадцать лет.

По словам филолога и историка Осипа Бодянского, Репнин «пользовался необыкновенной привязанностью к нему малороссиян»^[33]. Укратиофильство Репнина было всем хорошо известно. В 1831-м он снаряжал козацкие отряды на борьбу с польскими повстанцами, доказывал необходимость восстановить на Украине казачество. Его дочери Варваре Николаевне посвящал стихи Тарас Шевченко. Репнина даже подозревали в сочувствии малороссийскому сепаратизму, а следовательно, и мазепинству. Обвинение вполне вздорное, характеризующее скорее его обвинителей. О честности Репнина сохранилось несколько исторических анекдотов. Так, князь будто бы отослал назад преподнесенный ему персидский ковер и приложил записку, что отсылает ковер «за ненадобностью». Впрочем, Репнин, женатый на наследнице огромных земельных владений Разумовских, не особенно нуждался. Он был владельцем двадцати тысяч душ в Полтавской, Черниговской, Нижегородской губерниях.

Впечатления русских путешественников от Полтавы зависят часто от «оптики» самого наблюдателя. От его настроения, от тяжести кошелька, от привычки к приятной, комфортной жизни. Аристократам Вяземскому и Долгорукому Полтава не понравилась. Князь Долгорукий любил телятину и свежие сливки, но на Украине предпочитали свинину, а сливки переводились сразу на сметану. Вот князь и злился, что ему, барину и высокопоставленному чиновнику (он был владимирским губернатором), не могут подать к столу любимые блюда. Край показался ему бедным, Полтава – некрасивым и неуютным местом: «... сколь славен город, столь дурен в натуре. <...> Князь Лобанов уверял меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть может, но я того не заметил... »^[34]

Юному и сентиментально настроенному Алексею Левшину, студенту Харьковского университета, напротив, всё нравилось: «Местоположение Полтавы прекрасно, окрестности ее прелестны»^[35].

Некоторые детали позволяют воссоздать картину городской жизни. Малороссийские города походили на большие села. В отличие от Харькова, где быстро росло русское торгово-промышленное население, от еврейско-польского Киева, города бывшей Гетманщины – Полтава, Миргород, Ромны, Лубны, Кролевец – были заселены в основном малороссиянами, которые жили в привычных хатах. Если не считать новых каменных зданий в центре Полтавы, то большая часть города была застроена мазанками. Эти чистенькие, беленные известью хаты тонули в зелени садов – яблоневых, грушевых, абрикосовых, черешневых и вишневых. Украинцы привыкли жить в окружении любимых садов, а губернаторы озеленяли город по-своему, разбивая бульвары.

Воздух сладостно-струистой
Благовоньем напоен;
Здесь с акацией душистой
Стройный тополь, темный клен...

– писал о Полтаве князь Петр Вяземский^[36]. Но городские удобства были мало известны в Полтаве. Даже тусклые масляные фонари зажигали только по большим праздникам, в особенности если город посещал государь или наследник. Кроме того, Полтава была не мощеным, а значит – очень грязным городом. Кареты состоятельных жителей тонули в грязи. В распутицу экипаж, запряженный лошадьми, часто не мог добраться до места назначения. Горожанам приходилось прибегать к помощи тогдашних малороссийских «внедорожников» – то есть к упряжкам волов. Случалось, что дама в дорогом наряде с брильянтами отправлялась на бал в мужицкой телеге, запряженной этими волами^[37].

Но и радость смотрит горем:
И в Аркадии моей

Город смотрит грязным морем,
Как придет пора дождей.

Здесь стоит по целым суткам
И по месяцам вода,
И по улицам лишь уткам
Беспрепятственна езда^[38].

Первые военные и гражданские губернаторы по мере сил благоустраивали Полтаву и старались просвещать ее жителей. Князь Куракин начал строить по тем временам большие (в два-три этажа) присутственные здания. Лобанов-Ростовский открыл в Полтаве театр, а Репнин пригласил из Харькова труппу Штейна, в которой блистал молодой Михаил Щепкин. Актер был еще крепостным, и князь Репнин помог купить ему вольную. В городе появились гимназия, институт благородных девиц и даже «школа чистописцев», куда принимали сирот из воспитательных домов и готовили их к службе в канцелярии. Нерадивых учеников потом записывали в податное сословие, способные и старательные могли сделать карьеру чиновника. В России было всего две такие школы – в Полтаве и в Ярославле^[39].

Еще раньше этой школы появился в Полтаве «Дом для воспитания бедных дворян», его «надзирателем» (директором) стал отставной кавалерийский офицер Иван Петрович Котляревский. Он же служил содиректором театра, для которого написал свои знаменитые комедии «Наталка-полтавка» и «Москаль-чаровник». Их и теперь ставят в украинских театрах. После того как в Петербурге в 1798 году вышло первое издание «Энеиды», где герои Вергилия заговорили языком запорожских козаков, Иван Петрович стал местной достопримечательностью. Его представляли автором «Энеиды» и даже «переводчиком» Вергилия на малороссийский язык, хотя поэма Котляревского, конечно же, не перевод и не пересказ, а пародия^[40]. Тогда еще трудно было предвидеть, что с этой веселой поэмы начнется история современной украинской литературы, а Иван Петрович окажется предшественником Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко.

«Энеиду» несколько раз переиздавали, сначала в Петербурге, потом – в Харькове. В Полтаве же долгое время не было ни издательства, ни типографии, ни библиотеки. Адмирал Мордвинов предложил генерал-губернатору Репнину открыть в «столице Украины» публичную, открытую для читателей всех сословий библиотеку и обещал прислать для нее книги, изданные Вольным экономическим обществом и Академией наук. В 1830 году библиотеку открыли, библиотекарем назначили смотрителя полтавского уездного училища. За двенадцать лет, с 1830 по 1842-й, библиотека пополнилась только на 310 книг (416 томов), в основном это были подарки. Но книги пылились, сложенные в кипы, потому что жители Полтавы «не интересовались чтением и не

посещали библиотеки». Библиотекарь И. Зозулин просил 450 рублей на содержание библиотеки, однако мецената не нашлось. Зозулина поддержал губернский предводитель дворянства. Он просил дворян собрать хоть по 15 рублей с уезда, но малороссийские дворяне и по 15 рублей с уезда не дали. Так это полезное для дела просвещения заведение совсем захирело.

Книгам жители Полтавы и дворяне Полтавской губернии предпочитали игру в карты, балы и музыку. У многих богатых малороссийских помещиков были тогда собственные оркестры и капеллы. Украина славилась прекрасными голосами. Еще царь Алексей Михайлович выписывал в Москву малороссийских певчих. В XVII веке их приглашали по рекомендации участников малороссийских посольств, которые регулярно прибывали с Украины в Москву от гетмана, от митрополита, от архимандрита Киево-Печерской лавры. В XVIII веке в придворную капеллу стали набирать не только уже известных певцов, но и молодых людей, одаренных певческим талантом^[41]. Эта практика сохранилась и в начале XIX века. Знаменитый композитор Дмитрий Бортнянский, сам малороссиянин, писал в Полтаву генерал-губернатору, чтобы тот отобрал для придворной капеллы дискантов и альтов. Правда, музыкальным центром Малороссии был Глухов, а не Полтава. В Глухове еще гетман Даниил Апостол основал певческую школу, в Глухове учился и Бортнянский, и его старший коллега, композитор Максим Березовский. Хотя после смерти Бортнянского в 1825 году эпоха господства малороссиан в Придворной певческой капелле ушла в прошлое, однако и в дальнейшем туда охотно принимали украинских певчих. М. И. Глинка, когда служил капельмейстером придворной капеллы, в 1836 году отправился в «экспедицию» за хорошими голосами. Объехав Черниговскую и Полтавскую губернии, он переманил в Петербург не менее двадцати певчих^[42].

Словом, музыка, живопись и театр были образованным малороссиянам интереснее литературы. Тем удивительнее, что именно Полтавщина стала родиной многих писателей, поэтов, драматургов, переводчиков.

В Полтаве родился Николай Гнедич, автор до сих пор не превзойденного русского перевода «Илиады». Он учился в одной семинарии вместе с Иваном Петровичем Котляревским и Василием Афанасьевичем Гоголем. Сын Василия Афанасьевича не только родился и проведет детство в Полтавской губернии, но и начнет учебу именно в Полтаве, в поветовом (уездном) училище.

В Полтавской губернии родился Евгений Гребенка, украинский и русский прозаик и поэт, подаривший русскому народу плохую, но неотвязную песню «Очи черные». Неподалеку от Миргорода в своем имении Обуховке жил Василий Капнист, известный поэт и автор пьесы «Ябеда», одной из самых знаменитых в русской драматургии

догоголевской эпохи. Его земляк, Василий Нарезный, хотя и не получил громкой славы, но навсегда занял место в истории русской литературы как создатель жанра русского авантюрного романа. Михаил Херасков, несправедливо забытый автор некогда гремевшей «Россиады», тоже уроженец Малороссии, хотя и не малороссиянин. Когда уже не было в живых Ломоносова, а звезда Державина только загоралась, именно Херасков воспевал триумфы русского оружия торжественными и звучными стихами.

«Наш Киев дряхлый...»

Зимой 1787 года императрица Екатерина впервые увидела Киев, но даже не признала его городом: «С тех пор как я здесь, всё ищу: где город, но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий»^[43]. Императрице гораздо больше понравится Кременчуг. Сопровождавший Екатерину граф Кобленц, посол союзной Австрии, пытался польстить ей, уверяя, что нигде не видел такого великолепия. Но английский посол, не имевший оснований льстить, холодно заметил: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки»^[44].

За восемьдесят лет до визита Екатерины, в разгар Северной войны, когда возникла угроза вторжения Карла XII на Украину, Меншиков осматривал Киев, проверял его готовность к обороне: «Не знаю, как вашей милости понравится здешний город, а я в нем не обретаю никакой крепости, – писал он царю Петру. – <...> в Киеве-городе каменного строения только одна соборная церковь да монастырь»^[45].

До второго раздела Речи Посполитой Киев был не столицей огромного края, а приграничным городом. Польша начиналась уже за Васильковом, где была тогда таможня. По приказу Петра Великого Мазепа выстроил в Киеве Печерскую крепость, которую не решился штурмовать даже Карл XII и предпочел уйти на юго-восток, к слабо укрепленной Полтаве.

Киев начала XIX века был городом небольшим, грязным, провинциальным. Население едва перевалило за двадцать тысяч^[46]. Город распадался на три части, разделенные пустырями и глубокими оврагами: старый Киев, Печерскую крепость и торгово-ремесленный Подол. Старый Киев выглядел жалко: убогие лачуги, мещанские хаты-мазанки. В 1817 году из четырех с небольшим тысяч домов настоящих каменных зданий было чуть более сотни (не считая церквей)^[47]. Свиньи с удовольствием валялись в лужах около самой Десятинной церкви – древнейшего православного храма на Руси. Мостовые только-только заводили, и были эти мостовые деревянными. В сухое, жаркое малороссийское лето они служили причиной страшных киевских

пожаров. Позднее начнут мостить дороги кирпичом, но и это решение окажется неудачным. Колеса панских карет и чумацких возов быстро крошили кирпич, на улицах поднимались клубы пыли из мельчайших частиц кирпичной крошки.

Городского освещения почти не было. Настоящая жизнь кипела на Подоле: бойко торговали киевские мещане, просили милостыню калеки (мнимые и подлинные), шатались без дела голодные и жадные бурсаки. Но зато именно Подол и горел чаще всего, именно Подол заливали днепровские воды при наводнениях. Недаром Николай Костомаров нашел, что Киев много уступает Харькову.

Екатерина Великая, подписав «Жалованную грамоту городам», фактически ликвидировала магдебургское право^[48], уравнивая малороссийские города с великороссийскими. Но ее сын и внук вернули Киеву средневековые права и привилегии и подарили «магдебургии» еще тридцать три года. В Киеве восстановили магистрат во главе с войтом^[49], бурмистром и ратманами и даже вернули средневековый счет времени. Трижды в сутки – на утренней заре, в полдень и на вечерней заре – на каланчу выходил трубач: «звук труб раздавался далеко по струям Днепра»^[50].

Как и положено городу с магдебургским правом, Киев располагал даже чем-то вроде собственных вооруженных сил, так называемым киевским корпусом. Командные должности в нем занимали сотрудники магистрата, богатые киевляне служили в кавалерии, цеховые ремесленники и мещане составляли пехоту. На вооружении у киевского корпуса была даже артиллерия. В сражениях это войско участия не принимало, но дважды в год ему устраивали смотры, точнее – парады, которые очень нравились киевским обывателям. Некоторую пользу киевский корпус принес только во время войны 1812 года и в 1831-м, при борьбе с польскими повстанцами. Тогда войска киевского гарнизона пришлось отправить на пополнение действующей армии, а гарнизонную службу вместо солдат исполняли эти киевские ополченцы^[51].

Киев русские люди считали своим городом, своим считали его и малороссияне. Между тем по крайней мере до середины тридцатых годов XIX века Киев нельзя было назвать городом вполне русским, а еще меньше – малороссийским. Там пановали гордые поляки, там богатели трудолюбивые евреи.

Русский дворянин Владимир Измайлов писал, будто нигде в России нет столько евреев, сколько в Киеве: «Они встречаются на улицах; улицы населены их домами; дома наполнены ими»^[52]. Еврейское население города особенно увеличивалось во время знаменитых «контрактов» – большой ярмарки, известной еще с польских времен. До разделов Речи Посполитой она была во Львове, потом – в Дубно, а в начале XIX века Контрактовая ярмарка обосновалась в Киеве. Во время

ярмарки (с 15 января по 1 февраля) население города увеличивалось на десять – пятнадцать тысяч.

Поляков на «контрактах» было не меньше. Хозяева богатейших поместий правобережной Украины сбывали здесь всё, что принесли им оброк и панщина. Именно поляки господствовали в высшем обществе, куда путь даже богатым евреям был закрыт (да они и сами еще не стремились туда). Польский язык в гостиных и на улицах звучал чаще русского или малороссийского^[53].

В местном театре играли польские труппы. Ставили Шекспира, Вольтера, Гольдони, Шеридана. Русская пьеса в репертуаре была редкостью. С украинской драматургией (Котляревским и Квиткой-Основьяненко) киевлян познакомят гастролеры с левобережной Украины; тогда Киев впервые увидит на сцене Щепкина^[54].

Польские быт и нравы, обычаи и привычки были настолько распространены, что русскому могло показаться, будто он не в древней столице Руси, а в «завоеванном от Польши городе»^[55].

Только после Польского восстания 1830–1831-го Николай I всерьез займется «русификацией» Киева и учредит Киевский университет св. Владимира. Город заново будут отстраивать гражданские и военные губернаторы – Фундуклей, Бибилов, Васильчиков. В Киеве появятся хорошие мостовые, зеленые бульвары, целые улицы будут застроены каменными зданиями, а старинные храмы начнут реставрировать и отстраивать. Но польский облик города будет держаться еще очень долго. Многие кафедры в университете займет польская профессура из элитарного Кременецкого (Волинского) лицея. Иван Аксаков, прибывший в Киев осенью 1855-го, заметит, что его товарищей, русских ополченцев, русские православные киевляне встречают с особой радостью, «потому что Киев – город не русский, и польский элемент в нем очень силен»^[56]. А ведь с начала «русификации» Киева прошло уже более двадцати лет.

В то же время для самих поляков Киев был городом «чисто русским», или даже «архимосковским»^[57]. Лучше правительства его русификации способствовали десятки тысяч русских и малороссийских паломников, наполнявших город. Если зима благодаря ярмарке полонизировала Киев, то лето – русифицировало. Именно в летнее время Киев наполняли богомольцы из Великой и Малой Руси. Их количество колебалось от двадцати до сорока и даже до восьмидесяти тысяч^[58], то есть паломников было больше, чем местных жителей. Шли приложиться к мощам святых в Киево-Печерском монастыре, посетить Михайловский монастырь, Андреевскую церковь. Для них Киев представлял вторым Иерусалимом.

Образованный русский человек, прочитавший хотя бы несколько первых томов «Истории государства Российского» или даже знакомый с «Повестью временных лет», ехал в Малороссию, чтобы увидеть Древнюю Русь и посмотреть своими глазами на святыни Киева. Он знал,

что проезжает земли древних русских княжеств – Киевского, Черниговского, Переяславского, – и припоминал историю Киевской Руси. Вот Крещатик (Большая Крещатицкая улица), где князь Владимир велел крестить жителей Киева^[59], вот Софийский собор, а вот руины Десятинной церкви, построенной равноапостольным князем. Остатки Десятинной церкви, некогда найденные знаменитым Петром Могилой, были подлинными, а лаврские пещеры хранили мощи героев знаменитого Печерского патерика.

Высокообразованные господа вспоминали Киевскую Русь, разыскивали в очертаниях киевских церквей, перестроенных еще при Мазепе в манере «украинского барокко», следы древности. Их интересовал Киев воображаемый, а не реальный. Из письма А. С. Грибоедова В. Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 года: «Сам я в древнем Киеве <...> Здесь я пожил с умершими. Владимиры и Ярославы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят – русские чиновники и польские помещики, Бог ведает»^[60].

Помимо уцелевших древностей и книжных воспоминаний Киев мог поразить воображение своим необыкновенным местоположением. Красивейший берег Днепра и сам город, живописно расположенный на холмах, восхищали даже самых искушенных и привередливых наблюдателей.

Русские путешественники обычно приезжали в город с востока, через Бровары. Ранним утром их перевозили через прекрасный и величественный Днепр. В его чистых водах отражались маковки церквей. Вид на Киево-Печерскую лавру завораживал и русских чиновников, и малороссийских крестьян. Так же должен был их впечатлить и отъезд. Даже жёлчный и наблюдательный И. М. Долгорукий перед отъездом любовался красотами Киева с высот Андреевской горы: «Нет ничего прекраснее сего зрелища. <...> Думаю, что в целой России нет ему подобного. Долго я не мог усидеть в коляске: сяду и опять вон; оборочусь назад – и смотрю на Киев»^[61].

У города с древнерусским прошлым, польским настоящим будет и будущее, не только русское, о котором мы, дай бог, когда-нибудь поговорим, но и украинское. Его провозвестником будет Н. В. Гоголь. Несколько месяцев подряд, начиная с лета 1833-го, он будет уговаривать Максимовича перебраться в Киев: «Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем!»^[62]

Гоголь торопил друга, упрекал, уговаривал, соблазнял прелестями жизни на юге, на берегах Днепра: «Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! <...> Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей»^[63].

Максимович в то время жил в Москве, Гоголь – в Петербурге, где к нему пришла громкая слава. Киев никак не мог сравниться с блистательным Петербургом, современной, богатой и благоустроенной столицей, которую украшали уже и Зимний дворец, и ростральные колонны. Но из Петербурга Киев выглядел совсем иначе. Забывались немощеные улицы, темные и грязные, иноплеменная речь, бедные хаты. В памяти оставались великая история и роскошная южная природа: «В моем ли прекрасном древнем обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным прекрасным чудным небом, упоительными ночами, где гора обсыпана кустарниками с своими так гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр»^[64], – писал Гоголь в 1834 году.

Медленно, шаг за шагом, Киев начнет перехватывать роль неофициальной столицы у Харькова и Полтавы. Пока Харьков всё больше русифицировался, а Полтава обращалась из малороссийской столицы в обыкновенный губернский город, Киев, как и положено настоящей столице, начал привлекать ярких и талантливых малороссиян со всех краев. Максимович поселится там, став профессором и деканом, а некоторое время даже будет ректором университета. Николай Костомаров получит приглашение в Киевский университет и прочтет там свою первую лекцию. К тому времени в Киеве будет жить и Пантелеймон Кулиш. Наконец, сам Тарас Шевченко, уже признанный, популярный, любимый образованными украинцами поэт, автор «Кобзаря» и «Гайдамаков», решит обосноваться в Киеве. Он будет участвовать в конкурсе на место учителя рисования при университете и благодаря личным связям получит эту должность.

Давние знакомые, Кулиш, Шевченко и Костомаров, собирались в квартире своего товарища Николая (Миколы) Гулака на заседания своего тайного общества – Кирилло-Мефодиевского братства. Эта организация, которую историки часто называют чуть ли не первым проявлением современного украинского национализма, тоже появилась в Киеве. Если бы не Кирилло-Мефодиевское дело, жить бы Тарасу Григорьевичу не в Орской крепости, не в Новопетровском укреплении, а в прекрасном Киеве. Но не суждено было ему воспевать величие древней столицы. А потому передадим слово другому украинскому поэту, старшему современнику автора «Кобзаря» – Евгению Гребенке: «Как красив ты, мой родной Киев! добрый город, святой город! как ты красив, как ты светел, мой седой старик! Что солнце между планетами, что царь между народом, то Киев между городами»^[65].

Слободская Украина

Григорий Неронов, посланец Алексея Михайловича при ставке Богдана Хмельницкого, русский разведчик и дипломат, сообщал в Москву о бедственном положении народа: «за войною хлеба пахать и сена косить им стало некогда, погибают они голодною смертию», а потому «многие хотят и теперь в государеву сторону перейти»^[66]. Московское государство – православное Русское царство, конечно, не земля обетованная, но жизнь там была привлекательнее, чем на разоряемой татарами и поляками Украине. Неронов добавляет, что народ здесь расположен к Москве: «В Московском, говорят, государстве великий государь православной христианской веры, и подданные его все православные же христиане, и войны в Московском государстве нет»^[67].

Неронов не преувеличивал, да и бегство православных жителей Речи Посполитой началось еще во времена царя Михаила Федоровича. К лету 1638 года было разгромлено очередное козацкое восстание. Польские жолнеры (солдаты), разозленные ожесточенным сопротивлением, грозились истребить «русинов» до самых границ Московщины^[68]. Одного из вождей повстанцев, гетмана Остряницу (Острянина), согласно версии «Истории русов», колесовали в Варшаве. На самом деле он сумел бежать «в Московщину» вместе с товарищами-козаками. На Руси их называли «черкасами». Черкасов поселили на Чугуевском городище, однако воинственные и беспокойные черкасы там не задержались и покинули поселение через несколько лет. Но это была только предыстория Слободской Украины. История началась в 1651 году. В тот страшный год, едва ли не самый тяжелый за все годы восстания Хмельницкого, казаки потерпели тяжелое поражение под Берестечком. Однако победоносное польское войско оказалось в положении, напоминавшем положение Наполеона в 1812 году. Противник перешел к тактике партизанской войны и выжженной земли. Поляков морили голодом, сжигая целые поля, убивая или угоняя скот^[69]. Но такое самопожертвование было не всем по силам. Целый полк Ивана Зиньковского (Дзиньковского) вместе с писарями, священниками, с женами, детьми и даже с домашним скотом перешел во владения царя московского. Там их приняли радушно, поселили на окраине Дикого поля. Через эту страну проходил знаменитый Муравский шлях – главная дорога, по которой крымские татары ходили грабить Московскую Русь. Поэтому здесь в конце тридцатых годов XVII века началось строительство Белгородской оборонительной линии, опиравшейся на крепости Воронеж, Курск, Старый Оскол, Севск и еще многие. Но войск для охраны линии, протянувшейся на 800 километров, не хватало. Черкасы хорошо владели саблями и умели стрелять из самопалов, именно такие жители и были нужны на степной границе. Оттого русские воеводы и обрадовались черкасам.

Новая земля понравилась переселенцам. Местные черноземы в плодородии почти не уступали украинским. Леса и рощи вклинились

далеко в степи Дикого поля. Там обитали волки, кабаны и даже медведи. Обильная растительность задерживала влагу, поэтому засуха – главная причина неурожая на благословенном юге – случалась нечасто. Лес давал древесину для мельниц и винокурень. Верховья полноводных тогда рек – Сейма, Псёла, Ворсклы – стали торговыми путями, связавшими новые поселения с Гетманщиной, а Северский Донец – с землями войска Донского. На Торских озерах добывали соль, всё еще очень ценную, у Белгорода – мел, так необходимый малороссиянину для побелки его хаты.

Татарская угроза была меньше польской: справиться с татарским загоном (небольшим конным отрядом) легче, чем с коронным войском гетмана Потоцкого.

В 1682 году особой «Жалованной грамотой» слободским козакам разрешили «пашенные земли пахать и всякими угодами владеть промеж собой <...> по их черкасской обычности»^[70].

Козакам позволили занимать пустующие земли, которые фактически переходили в их собственность. Землю здесь покупали, продавали, передавали по наследству, это была в самом деле частная собственность или по крайней мере личное и наследственное владение. Явление для России не исключительное: на окраинах государства, вдали от начальства, отношения собственности складывались сами собой, стихийно, и мужик становился хозяином своей земли. Так было на Русском Севере, на Урале (в допетровское время), так было и на юго-западной степной окраине – Слободской Украине: «...огромная масса украинского народа в слободских полках владела землей на праве полной частной собственности; причем владение это повсеместно было личное, а не общинное...»^[71] – писал российский историк.

Мало того, слободских козаков освободили от податей, позволили им завести свои, «черкасские», порядки и жить по тем обычаям, к которым они привыкли, – вольность, невиданная для природных «москалей». Дали и право самим гнать «вино», то есть, в сущности, водку. На Московской Руси винокурение было царской монополией, которую, правда, могли дать (и регулярно давали) на откуп. Привилегия слободских козаков (ее получают и казаки малороссийские) сослужит и дурную службу: повальное малороссийское пьянство – дело недалекого будущего, но пока что свобода винокурения привлекала все новых поселенцев на государевы земли.

Взамен казаки должны были воевать с врагами московского царя, в основном с теми же татарами. Так началась история Слободской Украины, или иначе – Слобожанщины. Слобода – поселение, освобожденное от налогов или повинностей, наделенное некоторыми вольностями и привилегиями. Таких вольностей и привилегий было немало, особенно в первые десятилетия истории Слобожанщины, когда свободных земель было много, козаков – мало, а татарские загоны регулярно отправлялись на Русь за новыми и новыми пленниками.

Население Слобожанщины росло не только за счет высокой рождаемости. Война на Украине продолжалась, продолжался и поток переселенцев, главным образом с правобережной Украины^[72]. В 1653 году Стефан Чарнецкий, верный своему принципу «не оставлять русина даже и на расплод»^[73], опустошил земли Брацлавского воеводства, чем вызвал новую волну беженцев. В 1654 году несколько десятков козацких семей, покинувших Украину, построили на месте старого Харькова городища небольшую крепость, которая станет крупнейшим городом Слободской Украины – Харьковом. Так один за другим возникали поселки и города: Сумы, Ахтырка, Балаклия. Слободские полки, кроме расположенного восточнее Острогожского (он входил непосредственно в Белгородскую линию), стали передовым рубежом, охранявшим юго-западную границу от вторжений крымских татар.

Власть долгое время не вмешивалась в дела Слободской Украины. Военную и гражданскую администрацию возглавляли полковники и сотники, и тех и других выбирали сами жители. Так появились полки Острогожский, Харьковский, Сумской, Ахтырский, Балаклеийский. Последний переименовали в Изюмский после того, как харьковский полковник Григорий Донец-Захаржевский одержал победу над татарами под Золочевом и основал у меловой горы Гузун-курган крепость Изюм.

Поскольку земли Слободской Украины задолго до Переяславской рады принадлежали Москве, власть малороссийских гетманов на них не распространялась. Правда, Иван Самойлович очень хотел подчинить своей власти Слобожанщину и вел об этом переговоры с правительством царевны Софьи через Ивана Мазепу, которому тогда вполне доверял. Основания к тому были. Россия, заключив «вечный мир» с Польшей, отказалась от всей правобережной Украины, кроме Киева, оставив православных русинов (предков современных украинцев) под властью польской короны, под сенью враждебной католической церкви. Земли Брацлавского и частично Киевского воеводства, на которые гетманы Войска Запорожского смотрели как на свои со времен Зборовского мира (1649), были потеряны. Как казалось, навсегда. Слободская Украина могла бы стать некоторой компенсацией за такую потерю. Но ни Василий Голицын и Софья, ни тем более Петр Великий никогда бы не пошли добровольно на такую уступку.

Слободская Украина до екатерининских времен сохраняла традиционное для украинского казачества деление на полки. В делах военных слободские полки подчинялись белгородскому воеводе, а в гражданских – непосредственно Москве, Разрядному приказу. Но московской администрации дел до полкового самоуправления Слобожанщины не было, так что украинские слободы вдалеке от начальства спокойно жили и богатели. Фактически слободские полки были привилегированными военно-административными корпорациями. До тридцатых годов XVIII века они не платили налогов. При этом на

русское население Слободской Украины все эти льготы и привилегии не распространялись, а приток русского населения на Слобожанщину российские власти старались ограничивать.

Так было до времен Анны Иоанновны, когда автономию полков значительно урезали, российские власти начали вмешиваться в слободские порядки и даже формировать из слободских козаков не казачьи, а драгунские полки. Заставили также платить налоги. Однако они были в три раза ниже подушной подати русских помещичьих крестьян^[74], а ведь помещичьи крестьяне должны были еще и отрабатывать барщину или платить оброк своему хозяину. Словом, даже в это нелегкое для Слободской Украины время русский мужик мог только завидовать льготам и привилегиям украинца.

Слободские полки не только обороняли границу, но и воевали под Азовом в армии царя Петра, ходили под Очаков с фельдмаршалом Минихом, в Пруссию – с фельдмаршалом Апраксиным. В 1709 году слободские полки воевали против запорожцев, перешедших на сторону Мазепы и Карла XII.

Русские войска, отвоевав Дикое поле у татар и ногаев, ликвидировали и военную угрозу. Передовой рубеж стал глубоким тылом, а жители всё больше преуспевали не на войне, а в земледелии, садоводстве и торговле. Крепости стали центрами ярмарок, полковники и сотники – помещиками, козаки – «хлеботорговцами».

Из малороссийских рассказов Г. П. Данилевского: «...молодая светлая страна, степная Слобожанщина, представляет тихий, благодатный, живописный край, зеленые сады и пажити, широкие реки и торговые широкие проселки, леса и города, молодые и богатые...»^[75]

Сытная и относительно свободная жизнь Слобожанщины стала меняться в середине XVIII века. Козаки, занявшись хозяйством, быстро свели леса, без лесов начали мелеть реки, так исчезли удобные и дешевые торговые пути. Как и в соседней Гетманщине, свобода винокурения на Слободской Украине обернулась повальным пьянством. Каждый год немалая часть собранной пшеницы уходила на винокурни, а оттуда – в шинки.

Наконец Екатерина II решила, что в автономии Слободской Украины теперь нет смысла. Она превратила земли слободских полков в новую Слободско-Украинскую губернию, козацкие слободы велела называть войсковыми слободами, козаков – «войсковыми обывателями»^[76]. Слободские полки были преобразованы из казацких в гусарские.

Но исторические последствия переселения украинцев к пределам Дикого поля оказались значительными. Украинцы продвинулись далеко на восток, заселив обширные и богатые земли. И если территории к востоку от Белгорода остались преимущественно русскими (великороссийскими), то земли Харьковского, Сумского, Ахтырского, Изюмского полков были изрядно украинизированы.

Земли прежних слободских полков даже в первой половине XIX населяли преимущественно настоящие этнические украинцы: «...что касается до природы, языка, обычая, жительства, обрядов поведения и одеяния, в том слободские жители обоего пола никакой от малороссийских народов отмены не имеют», – писал историк Малороссии и русский генерал Александр Ригельман^[77].

Харьков

В 1765 году город Харьков стал центром только что созданной Слободско-Украинской (с 1835 года – Харьковской) губернии. Маленькая крепость, основанная козаками-переселенцами с Западной Украины^[78], выросла в административный, хозяйственный, культурный центр Слобожанщины, став мостом между русским и украинским мирами.

В Харькове действовал знаменитый «коллегиум» – высшее духовное училище, уступавшее только Киево-Могилянской академии. Григорий Саввич Сковорода, первый украинский и русский самобытный философ, некоторое время преподавал в этом коллегиуме греческий язык, а затем – катехизис.

Харьков, постепенно обраставший земледельческими слободами, в XVIII веке сохранял украинский характер. Еще в 1780 году 70% «горожан» занимались земледелием, что было вообще типично для малороссийских городов. Недаром же они напоминали русским путешественникам очень большие села. Остальные 30% составляли ремесленники, пивовары, винокуры, шинкари. Жили там и дворяне – потомки слободских сотников и полковников. Благодаря их усилиям, их деньгам и монаршей воле государя Александра Павловича в ноябре 1804-го в Харькове появился свой университет. Это сразу изменило статус города, который надолго превратится в важнейший центр образования и культуры. В Киеве университет откроется только тридцать лет спустя, а знаменитая Киево-Могилянская академия давно находилась в упадке.

Василий Назарович Каразин, русский просветитель, главный энтузиаст дела просвещения в Харькове, вряд ли предполагал, что Харьковский университет станет важнейшим центром не только русской, но и украинской культуры, книжности, образования. Хотя преподавали в Харькове, разумеется, на русском.

В Харькове учился выдающийся математик Михаил Остроградский; там учился, а затем и преподавал будущий знаменитый филолог Измаил Срезневский; там учился и защитил диссертацию русский историк и украинский мыслитель Николай Костомаров. «Харьков имеет внутреннее сильное значение для Малороссии, которая в нем

централизуется, которая имеет в нем свой университет»^[79], – писал Иван Аксаков в ноябре 1848 года, когда лучший период «украинского Харькова» был уже позади. А расцвет этот пришелся на десятки – тридцатые годы XIX века.

В знаменитой тогда университетской типографии иногда (с интервалами в несколько лет) выходили даже книги на малороссийском. Но гораздо чаще писали и печатались на русском. В 1812 году появился «Харьковский еженедельник». В 1816 году начали издавать первый украинский литературный журнал – «Украинский вестник» (на русском). Он продержался четыре года. Образованные малороссияне, разбросанные по всей империи, выписывали его даже в Сибири и, что кажется невероятным, на Камчатке^[80]. Среди его издателей был Григорий Квитка, тогда еще писавший на русском прозаик и драматург, будущий основоположник современной украинской прозы. Пьесы Квитки играли в открывшемся еще в 1808 году харьковском театре. Григорий Федорович жил под Харьковом, в Основе, поместье своего брата, сенатора и тайного советника Андрея Федоровича Квитки. По этому имению он и взял самый известный из своих псевдонимов – Грицко Основьяненко.

В один год с «Украинским вестником» воявились «Харьковские известия» и «Харьковский Демокрит». После «Украинского вестника» издавался «Украинский журнал», затем – «Украинский альманах» и «Снип», а уже в начале 1840-х альманах «Молодик»^[81], где появятся и стихи Тараса Шевченко. Всю вторую половину 1830-х Измаил Срезневский, увлекавшийся тогда украинскими филологией и этнографией, печатал новые выпуски своего сборника «Запорожская старина», которые охотно читали, обсуждали в Малороссии, Москве, Петербурге. Среди читателей «Запорожской старины» были Гоголь и Максимович. В университете лекции по русской истории читал Петр Петрович Гулак-Артемовский – по свидетельству Костомарова, плохой преподаватель, но одаренный литератор, автор басен, которые и теперь знают на Украине. Там же преподавал профессор Метлинский, известный под псевдонимом Амфросий Могила. Он был не только филологом и этнографом, но и поэтом.

Харьков окружала страна, населенная преимущественно украинскими крестьянами. По селам ходили бандуристы и пели думы о Сагайдачном и Хмельницком, украинские помещики еще не забыли родной язык и родные обычаи. Некоторые становились любителями старины, искали и читали списки летописи Грабянки или «Истории русов». Эта украинская атмосфера повлияла на молодого Николая Костомарова, который именно в Харькове возьмется изучать украинский язык, украинский фольклор, заинтересуется историей Украины и защитит в Харькове диссертацию. Среди его харьковских друзей были молодые малороссияне, увлекавшиеся народной культурой, историей, мовой.

Аксаков, отметив значение университета для украинцев, не мог, однако, воздержаться от пренебрежительного тона, который вообще обычен даже для образованного русского, если ему приходится говорить о культуре «братского» украинского народа: «Университет, конечно, плох, но хохлы, вероятно, ставят его выше всех других...»^[82]

В чем-то Иван Сергеевич прав: огонек украинской культуры всё больше терялся в сиянии большого города, где преобладали уже русские. Харьков расцвел как город прежде всего торговый, затем – промышленный. Уже в XVIII веке там расплодилось винокурни, пивоварни, кирпичные заводы. Вся Россия тогда покупала харьковские ковры («коци»). В начале XIX века к этим производствам добавились меднолитейные, металлообрабатывающие, каретные мастерские, кожевенные, мыловаренные, свечные заводы, маслобойни, спичечные и табачные фабрики^[83]. На Крещение и на Успенье в Харькове открывались грандиозные ярмарки. В отличие от малороссийских ярмарок где-нибудь в Миргороде или в Сорочинцах, харьковские ярмарки (в особенности Крещенская) известны крупной оптовой торговлей, которая была тогда всецело в руках русских купцов. Тот же Аксаков позднее назвал Сумы и Харьков городами, которые созданы русскими торговцами^[84]. Создан Харьков, конечно, не русскими, но русские преобразили его, превратили большое малороссийское село в шумный деловой город, центр городской культуры с мощеными улицами и каменными домами. Украина отступала в сёла.

Новороссия

Новороссия – юго-запад Дикого поля, отвоеванный русской армией^[85] у турок, татар и ногайцев и освоенный Российской империей. Громадный и очень богатый край. Тучные черноземы, дававшие огромные урожаи, пастбища, где скот мог пастись до поздней осени, а на самом юге и круглый год. Степи будущей Новороссии не были сплошным безлесным пространством. Река Самара (приток Днепра) текла в лесистых берегах. На берегах Днепра росли яблони, груши, виноградная лоза, калина, ежевика, шиповник, хмель, барбарис. На многочисленных днепровских островах – дуб, осина, ива. По лощинам встречались целые рощи дикой вишни и множество миндальных деревьев. Когда русские и украинцы заселят эти земли, они будут украшать свои куличи и пасхи настоящим миндалем.

В реках водились севрюга, осетр, сом, сазан, щука. В Днепр, Днестр и Южный Буг заходила из Черного моря громадная белуга – самая большая рыба в мире осетровых, весом в тонну и более. Балык в тех краях был самой обычной, даже бедняцкой пищей. В конце XVIII века пуд соленой рыбы продавали за 70 копеек^[86]. Степи населяли олени,

зайцы, кабаны, дрофы, куропатки. Близ рек жили дикие гуси, утки, цапли, аисты, журавли, бакланы и даже пеликаны. Волков и лис было так много, что запорожцы заготавливали их шкуры и торговали «мягкой рухлядью» с Малороссией^[87].

Именно запорожцы стали авангардом христианского мира, проникшим далеко на юг, в дикие, враждебные еще степи. В начале XVI века Сигизмунд Герберштейн записал, что южнее Черкасс вовсе нет христианских поселений, а полвека спустя Байда-Вишневецкий создает на острове Хортица первую Сечь, начиная историю славного Запорожья. Но широкие пространства причерноморских степей еще долго оставались местом татарских и ногайских кочевий. Буджакские и крымские татары использовали эти земли только под пастбища: «турки и татары <...> на сих степях никаких селений <...> не заводят», – писал малороссийский генерал-губернатор Румянцев^[88].

Через Дикое поле пролегали шляхи – пути, по которым татары отправлялись грабить окраины Речи Посполитой и Российской империи. Три шляха (Черный, Кучманский, Волошский) вели на правый берег, в Поднепровье, Подолию, на Волынь. В самые страшные годы жители галицкого Львова и польского Замостья видели с крепостных стен татарские загоны (отряды). По трем другим шляхам (Муравскому, Изюмскому, Калмиусскому) татары шли на Слободскую Украину и далее на Московскую Русь.

Давно прошли времена крымских походов на Москву или Краков, но русские и украинские крестьяне, переселявшиеся в XVIII веке на земли Дикого поля, по-прежнему рисковали имуществом, свободой и жизнью. В 1736 году во время русско-турецкой войны татары сделали набег на Бахмутскую провинцию (земли современного Донбасса): захватили множество пленников, угнали скот, сожгли хлеб, уничтожив целые селения^[89]. Во время последнего татарского набега зимой 1769 года в одной только Елисаветградской провинции татары сожгли 150 деревень. Барон де Тотт, французский консул в Крымском ханстве, во время похода находился в татарском войске хана Крым-Гирея и видел всё своими глазами^[90]. «Воздух, наполненный пеплом и парами растаявшего снега, затемнил солнце на время <...> Полтораста деревень были сожжены <...> огромное дымное облако распространилось на двадцать миль в пределы Польши»^[91]. Татары увели тогда в Крым не менее двадцати тысяч невольников^[92].

В пятидесятые годы XVIII века правительство решило заселить юго-западные окраины страны воинственными сербами, привычными к пограничной службе. В империи Габсбургов сербы и хорваты жили на Военной границе (Крайне), охраняя ее земли от турок. Сербы в Новороссии получали землю, освобождались от податей, а за это служили России в гусарских полках. Ради них создавалась особая область – Новая Сербия (недалеко от будущего Елисаветграда). В елизаветинские времена это был крайний юго-запад российских

владений. Решение оказалось неудачным. Земли Новой Сербии уже были освоены украинскими крестьянами. Теперь русские военные власти выселяли их, чтобы освободить землю для сербских гусар. Тщетно хлопотал за соотечественников гетман Разумовский, предлагал отдать сербам земли пустующие (таких было еще очень много). Более того, сербы, как жаловался Разумовский, забирали у малороссийских крестьян сено и чинили «протчие несносные обиды и озлобления»^[93]. Но указ императрицы допускал поселение только сербов и представителей «иных народов», покинувших земли Австрийской или Османской империй. Вскоре новым сербским поселенцам отдали еще одну область, которую называли Славяносербией (между современными Донецкой и Луганской областями). Оттуда, правда, малороссиян и русских не выселяли, сербам отдавали пустующую землю.

Российская империя потратила на обустройство переселенцев с Балкан большие деньги, однако Новая Сербия не окупилась и не оправдала надежд. Желавших переселиться в Россию с Балкан оказалось намного меньше, чем ожидалось. Зажиточные, домовитые сербы не хотели менять чудесные сливовые сады Славонии и Шумадии на дикие причерноморские степи. В Новороссию ехали в основном искатели приключений, нередко пьяницы и даже настоящие лесные разбойники, не способные к сельскому хозяйству^[94]. Да и само название «сербь» для этих балканских переселенцев не подходит. Преобладали там молдаване и валахи, а сербы составляли только 11% переселенцев. Были в числе жителей Новой Сербии и венгры, и болгары, и македонцы, и албанцы.

Десять лет спустя запрет на расселение русских и малороссиян в землях Новой Сербии отменяют, и несколько тысяч переселенцев с Балкан будут поглощены, ассимилированы многочисленными украинцами.

Не лучше было и в Славяносербии. Иван Шевич (Шевич-старший) и Райко Прерадович (Депрерадович) сформировали два гусарских полка, но они были так малочисленны, что десять лет спустя их соединили, создав один Бахмутский гусарский полк. Однако людей всё равно не хватало, поэтому в этот «сербский» полк начали набирать малороссиян.

После Ясского мира (1791) нужда в военных поселенцах отпала. За две русско-турецкие войны русская армия присоединила к землям Российской империи всё Северное Причерноморье от Кубани до Днестра, ликвидировала Крымское ханство и Запорожскую Сечь, навсегда обезопасив крестьянский труд и сухопутную торговлю. Григорий Потемкин превращал богатые, но почти безлюдные степи в цветущий край, строил новые города – Николаев, Херсон, Екатеринослав, Севастополь. И эти города вовсе не были фантомами. Верфи Херсона и Николаева были заняты строительством кораблей для Черноморского флота. На рейде Севастополя уже стояла русская

эскадра. «Великолепный князь Тавриды» планировал открыть в Екатеринославе университет, консерваторию и академию художеств^[95].

Остатки мусульманского мира исчезали. В Очакове, еще недавно знаменитой турецкой крепости, даже городскую мечеть переделали в православный храм^[96]. Адмирал де Рибас и военный инженер де Воллан на месте захудалого турецкого Гаджибея строили прекрасную Одессу.

Кирилл Разумовский не без удивления писал еще в июне 1782 года: «На ужасной своей пустынности степи, где в недавнем времени едва рассеянные обретаемы были избушки, по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и далее, большею частью при обильных водах». В самом Херсоне бывший гетман увидел «множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость <...> адмиралтейство со строящимися и уже построенными кораблями»^[97].

Правда, даже не консерватория, а просто музыкальное училище появится в Екатеринославе только в самом конце XIX века, а университет создадут по указу гетмана Скоропадского в 1918-м. Хозяйственное развитие намного опередит культурное. Уже в начале XIX века путешественники, проезжая границу Киевской и Херсонской губерний, замечали, что в Херсонской даже простой народ живет богаче: и хлеба больше, и дома лучше выстроены^[98]. А самое главное, пустынный прежде край становился всё более населенным. Надежда Ивановна Арнольди, вдова Осипа (Иосифа) Россета (бывшего флигель-адъютанта Потемкина и приближенного дюка Ришелье), в своем путевом дневнике («Журнале походу») писала: «Вышли мы из Кременчуга, шли по прекрасной прямой дороге, где по обеим сторонам виднелись беспрестанно деревни, везде церкви»^[99].

Новороссийские губернии в это время не только жили в достатке, но и стали важнейшим источником экспортного зерна. Уже в 1814 году при Армане Эммануэле (Эммануиле Осиповиче) Ришелье, умном и деятельном градоначальнике, годовой торговый оборот Одессы, которая стала главным русским торговым портом на Черном море, достиг 20 миллионов рублей^[100].

Вслед за победоносными полками Румянцева, Потемкина, Суворова, Долгорукова-Крымского потянулись переселенцы-малороссияне на запряженных волами повозках. Начали строить себе хаты-мазанки, разбивать сады вишневые, черешневые, сажать свою любимую красную калину. Так на месте Дикого поля возникла процветающая Новороссия, заселенная преимущественно украинскими крестьянами.

По-прежнему приглашали иностранцев, в особенности болгар, молдаван, немцев. Хотели даже привезти с Британских островов настоящих английских каторжников. В Новороссии давали землю и русским крестьянам, при Потемкине охотно принимали даже беглых мужиков и еще недавно гонимых староверов.

Но и в XIX веке, когда о потемкинских вольностях помнили только историки, беглые мужики, русские и малороссияне, отправлялись в Причерноморье и Приазовье, «из старых украинских губерний пробирались глухими тропинками, оврагами и одинокими степными лесками», надеясь найти лучшую жизнь: «...там тебе и сало и масло постное греческое, прямо с порта, в богоспасенные дни. Ешь-кушай да трудись, душа. Сказано, вольница! Захочешь жены – и жинку тебе справят новую»^[101], – мечтает один из героев романа Григория Данилевского «Беглые в Новороссии». Этот писатель больше известен романами из русской истории. Кто не читал «Мировича», «Княжну Тараканову», «Сожженную Москву»? Его ранний приключенческий роман сейчас забыт, хотя именно «Беглыми» писатель в свое время привлек внимание читателя. Данилевский напечатал его под псевдонимом «А. Скавронский». Хотя роман написан весьма посредственно, читатели и критики оценили новизну темы. Автора стали называть «русским Купером». Успех побудил Данилевского превратить роман в трилогию: «Беглые в Новороссии» – «Беглые воротились» – «Новые места».

Григорий Петрович родился и долгие годы жил на Слобожанщине, которая на юге граничит с новороссийскими землями. К тому же не раз бывал в Новороссии по делам службы, поскольку трудился в министерстве просвещения чиновником для особых поручений.

«Крепостная Русь» нашла в степях Приазовья и Причерноморья «свои Кентукки и Массачуссетс». Новороссия была для русского читателя из Москвы, Петербурга, Центральной России страной непривычной и настолько незнакомой, что Данилевский то и дело вынужден был прибегать к примерам из американской литературы и американской жизни: «А эта Новая Диканька – сушая американская ферма!»^[102] Как будто об американском Диком Западе в России знали больше, чем о своей же земле.

Этнографическая карта Новороссии менялась много раз. Капризных европейцев заманивали фантастическими преференциями. Земельные наделы были очень большими – по 60 десятин на хозяйство, отданных в вечное владение^[103]. Немцев-колонистов навсегда (!) освобождали от военной и гражданской службы. Освобождали и от постоя, – а это было очень большой льготой: размещение солдат и офицеров «по обывательским квартирам» – неприятная и часто просто разорительная повинность. Наконец, немецкие общины освободили от всех податей на тридцать лет. Если дела у общины шли плохо, то правительство могло продлить освобождение еще на тридцать лет, как это и было сделано с общиной данцигских меннонитов, поселившихся на острове Хортица. Русские и украинские поселенцы освобождались от налогов на полтора, на три года, иногда на пять или шесть лет, и только немногие счастливы, селившиеся на самых неосвоенных и еще опасных землях (до ликвидации Крымского ханства), могли получить немыслимую

льготу – пятнадцать лет без податей. Но шестьдесят лет без податей, как с меннонитами Хортицы, – это было просто невозможно.

С греками и армянами, которых переселили из Крыма еще до ликвидации Крымского ханства, обходились почти так же, как с немцами. Им строили дома за казенный счет, освобождали от податей. Трудолюбивые и оборотистые армяне и ничуть не уступавшие им греки стали лучшими новороссийскими купцами. На месте крохотного Павловска расцвел Мариуполь. А построенная армянами Нахичевань одно время была больше и богаче соседнего Ростова: «В центре городка Нахичевани (названного так в честь Нахичевани закавказского, старого армянского города) я помню перед армянским собором <...> огромный бронзовый памятник Екатерине с надписью: “Екатерине Второй – благодарные армяне” <...> Дела армян на новом месте пошли завидно хорошо»^[104], – писала Нина Берберова уже в XX веке. Ее дедушка Иван Минаевич Берберов был среди тех самых армян, что переселились на берега Дона из тогда еще татарского Крыма.

«Единой новороссийской общности» никогда не было. Греки и армяне, давно привыкшие жить в диаспоре, сохраняли свои нравы, обычаи, культуру. С украинцами и русскими они не ссорились, но и не сливались. У греков были свои гимназии, свои церкви. На их украшение греческие купцы не скупились, а священников нередко выписывали из самого Константинополя^[105]. Своим особым миром будут жить и еврей-колонисты, хотя их новороссийские злоключения – совсем другая история.

Немцы тем более не смешивались с другими народами. Их изоляционизму способствовала и религия. Немцы трудились, богатели, но вовсе не стремились стать русскими или малороссиянами. Из поколения в поколение они сохраняли свои обычаи, одежду, немецкий язык.

Российская империя, щедрая к выходцам из Данцига или Триеста, была скупа к уроженцам Великороссии и Гетманщины. Русским и малороссиянам не полагались немецкие или греческие льготы. Им просто не мешали. Помещики, получившие земли в Херсонской или Екатеринославской губернии, могли принимать беглых. Прекратили гонения на раскольников-великороссов, и эти русские протестанты, трудолюбием и благочестием не уступавшие немцам, ставили дома, распахивали под огороды херсонский и екатеринославский чернозем. Нетребовательные славяне быстро заселяли пустующие земли, становясь государственными и помещичьими крестьянами.

Пустующих земель еще в начале XIX века было так много, что за помещичьими крестьянами даже не закрепляли наделы, а разрешали им пахать землю «по мере сил своих»^[106]. Помещики по-своему крестьянам помогали, ведь земля без крестьян не приносила дохода.

Из воспоминаний Александры Смирновой-Россет: «Тогда имения населялись или покупкой, или залучением бродячих крестьян из южных

губерний. <...> Им отводили место, глину, солому для кровли, известь, покупали соху, волов, и два-три года они работали на себя»^[107].

И все-таки, несмотря на все этно-демографические фантазии чиновников елизаветинской и екатерининской России, решающую роль в заселении Новороссии сыграли малороссияне.

Пускай немцы были лучшими хлеборобами, русские старoverы – лучшими огородниками, болгары – садоводами, греки и армяне держали в своих руках торговлю, но страна была заселена преимущественно малороссами из Полтавской и Черниговской губерний, а также из Слободжанщины и с правобережья Днепра. Германия была все-таки очень далеко, но и великорусские губернии – не близко. А украинцы жили неподалеку. Именно они и начали превращать Новороссию в Южную Украину.

Вот данные только по одному Бахмутскому уезду. Это восточная окраина новороссийских земель. Бахмутовская слобода была известна еще с XVI века, но городом она стала только в 1701–1703 годах, когда по приказу Петра I там построили крепость. Тогда жители Бахмута занимались главным образом солеварным промыслом. В 1701-м в Бахмуте жило 36 русских, 2 донских казака и 112 «черкас», то есть украинских козаков. Это были козаки Изюмского полка, одного из полков Слободской Украины^[108]. К 1719 году (данные первой ревизии) крохотный городок вырос, а вокруг него раскинулись русские слободы. Теперь малороссияне составляли там только 20% от населения^[109]. Но в дальнейшем приток малороссийских крестьян был значительно больше русского, и уже в 1763 году на территории будущего Бахмутского уезда^[110] русские делили с молдаванами второе-третье места (9,8% русские, 9,9% молдаване), а малороссияне составляли 78,6% населения^[111]. А ведь это край, сравнительно близкий к великорусским губерниям.

Когда генерал Текели ликвидировал Запорожскую Сечь, многие освободившиеся земли стали заселять малороссийские (украинские) селяне, нередко родственники запорожцев. На бывших запорожских землях, несмотря на приглашение множества иноплеменных колонистов, украинцы преобладали. В 1779 году они составляли 64,3% всего населения. На втором месте оказались греки (13,7%), за ними следовали армяне (10,61%) и русские (немногим более 8%)^[112].

Малороссияне господствовали и в Херсонской губернии. Там во второй половине семидесятых годов XIX века они занимали более 70% населения, на втором месте шли молдаване (17,9%), на третьем – великороссы (8,2%)^[113]. В Херсонской губернии того времени это были главным образом русские старoverы. Они не боялись ни далеких путешествий, ни стран даже более экзотических, чем эта.

Украинцам переселиться в Новороссию было несравненно легче и проще, чем русским. Путь из Слободской Украины в «Бахмутскую провинцию», из Гетманщины в Екатеринославскую губернию, с

правобережной Украины в Херсонскую – близкий и сравнительно легкий. Да и климат Херсонщины был полтавчанину привычнее, чем великороссу из Торжка или Твери.

Не удивительно, что Иван Аксаков, в разгар Крымской войны оказавшийся вместе с дружиной Московского ополчения в Херсонской губернии, почувствовал себя в чужой стране. Он с горечью признал отсутствие русского патриотизма у населения: «нет никакой привязанности к России»^[114]. Да и от кого бы ожидать русского патриотизма в стране, заселенной украинцами, немцами, молдаванами и евреями. Даже чиновничество там состояло в основном из польских шляхтичей. Русские в тех краях были представлены преимущественно «очень злыми» староверами, которые были крайне недовольны порядками николаевской России: «Русские здесь – поколение беглых, враждебное России. <...> Россия является для них страшилищем, страну холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины»^[115], – писал Аксаков отцу осенью 1855 года.

Правда, это было только началом истории Новороссии. После реформ Александра II вновь будут расти города, где начнут селиться пришлые рабочие и крестьяне, отправлявшиеся на «отхожие промыслы». Среди тех и других было много жителей великорусских губерний. В деревне украинцы останутся самым многочисленным народом, но в городах Новороссии они уступали в численности не только русским, но и евреям^[116]. В городах господствовали русский язык и русская культура, поэтому и сами украинцы там быстро ассимилировались русскими. Но до этой новой русификации и урбанизации края было еще далеко, и в начале XIX века Новороссия была страной деревень и хуторов.

Александра Осиповна Смирнова-Россет провела детство в Грамаклее – херсонском имении своей бабушки. Из воспоминаний А. О. Смирновой-Россет об Н. В. Гоголе: «...мы читали с восторгом “Вечера на хуторе близ Диканьки”, и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставивши еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а “Вечера на хуторе” так ею и дышат. С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты»^[117].

Гоголь вспоминал Полтавщину, а «черноокая Россети» – именно Херсонщину, то есть Новороссию, которую каких-нибудь шестьдесят лет назад завоевали русские войска. Но демографическое завоевание прочнее военного. Вот так земли, приобретенные военным гением Румянцева и Суворова, обустроенные административным гением Потемкина, Ришелье и Воронцова, стали новым домом для многочисленного украинского народа.

Часть II

Имя и нация

Западные русские

- Вы русские?

- Ни!

(Из ответов украинских крестьян на вопросы Пантелеймона Кулиша)

В этом простодушном ответе – целая эпоха, история на половину тысячелетия.

Население Западной Руси, во второй половине XIV века оказавшееся под властью Литвы и Польши, сохранило не только православную веру, но и прежнее имя – «Русь», «русские», «руськие», «русины», то есть русские. Так они называли сами себя, так их называли поляки и литовцы.

Бывшее Русское королевство (Галиция) стало Русским воеводством, которое просуществует почти до самого конца Речи Посполитой и будет ликвидировано австрийскими властями, оккупировавшими земли воеводства в 1772 году. Центром воеводства был город Львов. Еще в XVIII веке поляки, случалось, называли не только жителей Русского воеводства, но также их соплеменников с Волыни, Подолии, Надднепрянщины «руси́нами» или «козаками-руси́нами»^[118]. А в XVI–XVII веках слова «русские», «русины», «Русь» были общепринятыми. В конце XVI века участники Львовского православного братства отстаивали права «народа нашего великоименитого русского»^[119].

В 1595 году папа Римский повелел выбить особую медаль с надписью «Ruthenis receptis» («На приобщение русинов») в честь унии Киевской митрополии с католической церковью^[120].

В начале XVII века «Русью» называли земли Речи Посполитой, населенные православными^[121]. При этом поляки и литовцы различали «москву» и «русь». «Москва» – это не только город, но и название народа^[122], который они вовсе не путали с хорошо известными им «руси́нами», «русью». Литовский канцлер Альбрехт Радзивилл в 1650 году в своем дневнике записал: Хмельницкий «держит всех русинов в таком повиновении, что те готовы всё сделать по одному его жесту»^[123]. Во время осады Львова войсками того же Хмельницкого монахи

бернардинского монастыря, устроившие этно-религиозную «чистку», называли своих врагов «русинами»^[124].

«Против нас не шайка своевольников, – говорил гетман Великого княжества Литовского Павел Ян Сапега, – а великая сила целой Руси. Весь народ русский из сел, деревень, местечек, городов, связанный узами веры и крови с козаками, грозит искоренить шляхетское племя и снести с лица земли Речь Посполитую»^[125]. А сами русины гордо называли себя «старожитным народом руським Володимирова корня»^[126].

Гетман Иван Выговский, пришедший к власти вскоре после смерти Богдана Хмельницкого, пытался создать под властью Речи Посполитой «Великое княжество Русское». Западные «русские» говорили «русской мовой», исповедовали «русскую веру». Образованные выпускники Киево-Могилянской коллегии (будущей академии) даже заменяли слово «Русь» словом «Россия». Стихотворение «К реестру войска Запорожского» (1649) завершалось такими словами:

З синов Владимирових Россія упала —
З Хмельницьких за Богдана на ноги повстала^[127].

«Эта Русь – все наголо мятежники»^[128], – говорили поляки в том же 1649-м, когда русские из царства Московского еще и не собирались вступать в войну. Так что Россия и Русь здесь – никак не царство Московское, а земли Войска Запорожского или вообще все земли, населенные «русинами». Сам Хмельницкий, опьяненный победами (и, вероятно, не только победами), на переговорах с поляками назвал себя «единовладцем и самодержцем руським»^[129].

Из этого факта не только простые читатели, но даже многие историки, приверженные идее «Русского мира», делают такой вывод: население Западной Руси – от Львова и Перемышля до Чернигова и Нежина – это русский народ, такой же или почти такой же, как в Рязани, Костроме или Нижнем Новгороде. Увы, историческая реальность бесконечно далека от такой приятной, соблазнительной для современного русского человека идеи.

Имя часто живет своей особой жизнью. По свидетельству Тадеуша Бобровского, еще в сороковые годы XIX века поляки из Литвы называли «русинами» волынских поляков, чуждых как самим русским, так и русинам-украинцам. Напротив, русинов-украинцев с Волыни и Подолии в Славяно-греко-латинской академии причисляли к «польской нации», хотя эти православные студенты никак не могли быть поляками^[130].

Дольше всего имя русское продержалось на самом западе украинских земель. Пока власть на Западной Украине была в руках поляков, а русский (великоросс) был в тех краях редким гостем, население Волыни, Подолии, Киевщины сохраняло свое древнее русское имя. Поляк Ромуальд Рыльский спасся от ножей гайдамаков, когда запел народную песню, которую мог слышать только на Западной

Украине: «Пречистая Диво, Мати руського краю...»^[131]. После разделов Речи Посполитой еще несколько десятилетий жизнь народа менялась мало, поэтому и в начале XIX века Павел Пестель, одно время служивший в Тульчине (Подолія), заметил, что местное население называет себя «Руснаками»^[132].

В австрийской Восточной Галиции русское (русинское) имя прочно держалось еще в начале XX века. Так, в 1917–1918 годах дети в Галиции пели «В нас родына вся одна, наша мыла Русь свята». В Станиславове (современный Ивано-Франковск) только после 1917 года этноним «украинец» начинает вытеснять традиционный этноним «русин». В Закарпатье и восточной Словакии самоназвание «русины» сохранилось и до нашего времени, связывая настоящее народа с далеким древнерусским прошлым, от которого помимо имени мало что осталось.

Но стоило «русинам», «руським», «руснакам», «русским» с Украины встретиться с восточными или северными русскими, то есть с собственно великороссами, как выяснялось, что общее имя не в силах объединить давно разделившиеся народы.

В творческом наследии историка и филолога-слависта Юрия Венелина есть статья, опубликованная уже после смерти ученого: «О споре между южанами и северянами насчет их россизма». Поводом для статьи послужило издание «Описания Украины» Гильома де Боплана – известного сочинения XVII века. Но автор вышел далеко за рамки рецензии и даже как будто вовсе позабыл о самой книге, настолько увлекла его проблема. Венелин, романтически настроенный панславист, считал «северных россов» (собственно русских) и «южных россов» (украинцев, закарпатских русинов и белорусов) одним народом, но в статье писал о национальных противоречиях между северными и южными русскими как о предмете всем известном и сомнений не вызывающим. «Русский не признает в “южанине” своего и, расслышав акцент, спросит: “Вы верна нездешний?”, и тогда, любезный мой южанин, называйся, как тебе заблагорассудится, – испанцем, пруссаком, халдейцем или тарапанцем, – всё равно, все тебе не поверят, и как ты ни вертись, ни божись, всё ты не русский! Но ты скажешь, что ты малоросс – всё равно, всё ты не русский, ибо московскому простолюдину чуждо слово росс...»^[133]

Здесь Венелин интересен не как исследователь, а как свидетель, как источник. Сам филолог был закарпатским русином («карпато-россом»), и звали его на самом деле не Юрием Ивановичем Венелиным, а Георгием Гуца. Он вырос в Закарпатье, учился в Унгваре (Ужгороде), а затем во Львовском университете, то есть уже в Галиции. В двадцать лет нелегально пересек границу и бежал в Россию, где поступил в Московский университет. Был домашним учителем в семье Аксаковых, среди его учеников-воспитанников – Иван и Константин Аксаковы.

Ездил в научную командировку на Балканы^[134], а путь на Балканы пролегал через земли Южной России и Украины.

Так что у Венелина был богатый опыт межнационального общения. Судя по этой статье, закарпатского русина, равно как и малороссиянина-украинца, в Москве своим не считали. Но точно так же не считали своим и «северянина» на Украине и в Закарпатье: «...как ни называй себя он русским, всё-таки он не русин, а москаль, липован и кацап. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а всё прочее московщина»^[135].

Но еще интересней другое свидетельство Венелина. По его словам, «карпато-росс, живущий на берегах Тисы», то есть соплеменник Венелина, принимает «русского гренадера, северного уроженца, за чеха», в то время как «настоящим русским» будет для него гренадер из Глухова или Чернигова, то есть украинец. О Руси такому карпато-россу напомнит книга, изданная в Киеве, но не в Москве^[136].

Между тем на Восточной Украине русские уже прочно ассоциировались именно с «москалями», великороссами. Аксаков писал, что в Харьковской губернии «курчанина» (великоросса из Курской губернии) называют «русским»^[137]. Не зря же украинские крестьяне на вопрос Кулиша «Вы русские?» твердо отвечали: «Ни!»^[138].

Черкасы и «хохлы бесовские»

Нации не складываются за несколько лет. Процесс разделения древнего русского народа шел медленно. Еще в XIV веке западнорусские князья и бояре поступали на службу Великому князю Московскому, и между ними и московскими боярами вроде бы не было больших национально-культурных различий^[139]. В начале XVI века на московской и литовской Руси побывал немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн. Он еще считал русских из Великого княжества Московского, Литвы и Польши одним народом. Однако русских из московского государства называл «московитами», а русских, которые жили по Борисфену (Днепру), называл «черкассами» (*Circassi*) – в честь города Черкассы, в то время передового рубежа украинского казачества^[140]. До создания Запорожской Сечи оставалось еще несколько десятилетий. Герберштейн познакомился с одним из первых организаторов украинского казачества Евстафием Дашкевичем, «мужем исключительной хитрости», к тому же «весьма опытным в военном деле», который, по словам Герберштейна, «не раз представлял из себя изрядную опасность и для самого москвиты, у которого некогда был в плену»^[141]. В 1515 году Дашкевич вместе с крымским ханом Мехмед Гиреем и воеводой Киева Андреем Немиром совершил набег на Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, недавно

присоединенные к Москве. Герберштейн рассказывает о военной хитрости Дашкевича, который заманил москвитов в ловушку, «окружил их и перебил всех до единого»^[142].

В XVI веке украинские козаки всё чаще появлялись в Москве, где их принимали на службу как наемных пехотинцев наравне с немцами. Московские русские в них русских людей не признали, а называли так же, как и Герберштейн, «черкасами» / «черкассами». В Смутное время имя «черкасы» стало синонимом разбойников, головорезов, столь же чуждых и ненавистных, как ляхи^[143]. Тогда же, как доказал академик Б. Н. Флоря, появилось в русском языке и слово «хохол». Оно упоминается во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева (1609) и «Грамоте земских властей Ярославля» в город Казань (1611). В обоих источниках люди с хохлами на головах – это поляки, католики^[144]. Они хотят не только народ православный склонить к латинской ереси, но и заставить отказаться от данного Богом облика – брить бороды и головы, оставив только «бесовский хохол» (то есть чуб, оселедец) на голове. Как писал один русский воевода в 1621 году: «...некрещенные вы, поганые хохлы, сатанины угодники, хамовы внучата...»^[145]

Польский военачальник Ян Петр Сапега, разоривший Вязьму, штурмовавший Троице-Сергиевский монастырь и Москву, в 1611 году писал: «У нас в рыцарстве бóльшая половина русских людей»^[146]. Речь, разумеется, шла о «русских» западной Руси, а не о врагах-москвитках.

Запорожские козаки составляли до двух третей войска гетмана Ходкевича, разбитого ополчением Минина и Пожарского в Московской битве (1–3 сентября (22–24 августа) 1612 года)^[147]. Русские не особенно отличали этих «соплеменников» от настоящих поляков и литовцев, тем более что военная власть была в руках именно поляков-католиков, а также и полонизированных католиков-литовцев: Жолкевского, Сапеги, Ходкевича и самого короля Сигизмунда III, фанатичного католика, покровителя ненавистной для православных унии. Наконец, обычай носить чуб переняли и некоторые поляки.

Образ хохла-врага – безбородого, бритоголового оккупанта с чубом-хохлом – просуществовал недолго. Хотя украинские козаки продолжали воевать под польскими знаменами, их со временем перестали смешивать с «польскими людьми» или «литовскими людьми», а называли «литовской земли хохлачами» или «черкасами-хохлачами»^[148]. Поскольку чуб был характерной чертой внешности запорожского козака и вообще украинца, то прозвище закрепилось. И уже в петровское время, в разгар Северной войны, русский офицер Левашов ответит украинцам, роптавшим на поборы и разорения от русских солдат: «Полно вам, б... дети, хохлы свои вверх поднимать! Уж вы у нас в мешке»^[149].

Вообще именно в устах русского, «москаля» слово «хохол» и становилось или оскорблением, или насмешкой, которую украинцы воспринимали болезненно. Когда Карл XII пришел на украинские земли,

то украинские козаки и крестьяне, не подчинившиеся Мазепе, начали против войск короля партизанскую войну. Захваченных в плен шведов передавали русским, и те будто бы снисходительно благодарили союзников – наливали чарку горилки и говорили: «Спасибо, хохленок!»^[150] По крайней мере, так передает автор «Истории русов».

Один малороссиянин рассказывал в Мотронинском монастыре историю о хитрости украинских козаков, которые искали случай отличиться во время осады Очакова Потемкиным, но при этом очень берегли свои жизни. Потемкин, недовольный козаками, обратился к ним «по-московски»: «А что вы, хохлы?..» Недовольный рассказчик комментировал: «О, цур ему, что так негарно лается...» (ругается. – С. Б.)^[151] Поэтому крестьяне-собеседники Кулиша отказались называть себя хохлами. Они даже обиделись: «Якиі ж ми Хохли?»^[152]

Тем не менее Николай Костомаров писал, будто сами «южнороссы» (украинцы) нередко употребляют слово «хохлы», «не подозревая в нем ничего насмешливого»^[153]. Костомаров был уроженцем Слобожанщины, где население было смешанным, а русские деревни стояли по соседству с украинскими, многие украинцы сами себя называли хохлами, ничуть не стесняясь^[154].

Что там мужики, когда даже Александра Осиповна Смирнова-Россет охотно признавалась, что сама она «хохлачка», и спрашивала Гоголя: «точно ли вы русский или хохлик?»^[155] Русские люди, от князя И. М. Долгорукого до И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова, слово «хохол» употребляли охотно как синоним «малороссиянина».

Но «хохлы» жили и живут преимущественно в устной речи. А вот «черкасами» называли русинов-украинцев и в повседневной жизни, и в деловой переписке. Иногда писали о «запорожских черкасах»^[156]. Даже после Переяславской рады русские люди не считали черкасов своими, по-прежнему смотрели на них, как на чужаков, ставили в один ряд с немцами. Недаром в царском указе от 1682 года «боярским людям» было велено не обижать, не оскорблять иностранцев: «...вам же с иноземцом, черкасом, немцом и иным никаким человеком поносных никаких слов не говорить и ничем не дразнить!»^[157]

Иностранному наблюдателю в XVII веке различия между восточными и западными русскими бросались в глаза больше, чем Герберштейну в начале XVI века. Английский врач Самюэль Коллинс, десять лет служивший при дворе Алексея Михайловича, не раз видел там и приезжих из страны, которую он называет Черкасией (*Chirchass Land*). Это название Коллинс вряд ли выдумал сам, скорее всего – почерпнул из разговоров русских людей. Коллинс решил, будто черкасы – «грубый и мрачный» народ «татарского племени». Различия между русскими из Москвы и русинами с Украины были столь велики, что два родственные славянских народа англичанин родственными не посчитал. Возможно, его ввели в заблуждение слухи о настоящих кавказских черкесах, которых русские и в XIX веке будут называть

«татарами». Но из описания внешности, быта и нравов этих самых черкасов не остается сомнений, что Коллинс видел именно украинцев/русинов, а не кавказских черкесов/адыгов. Он даже делает важное уточнение: «Воинов они на своем языке называют *казаками* (*Cossacks*), почему ошибаются многие, считая казаков особенным народом»^[158].

Во времена Петра Великого русские продолжали называть своих соседей «черкасами», что видно из многочисленных сохранившихся документов. Так, Иван Желябужский, русский дипломат и государственный деятель времен Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, царевны Софьи и Петра Великого, называл Мазепу «черкасским гетманом»^[159]. Феофан Прокопович в своей «Истории императора Петра Великого» использует эти слова как синонимы. Так, гетман Мазепа, по словам Феофана Прокоповича, был родом «Малороссийчик, или как просто зовут Черкасин»^[160].

Слово это дожило до екатерининских времен. Новороссийский генерал-губернатор Синельников в деловых документах использовал понятие «черкасы» уже в восьмидесятые годы XVIII века^[161]. Более того, даже в XIX веке оно было известно не одним лишь историкам. А. О. Смирнова-Россет поминает «черкасов с чубами» в письме к Константину Аксакову^[162] и в своих автобиографических записках^[163], хотя уже на рубеже XVII–XVIII веков слово «черкасы» заменялось входившими в употребления понятиями: «малороссияне», «народ малороссийский».

Народ малороссийский

Само понятие «Малая Россия» придумали греки. Так в первой половине XIV века Константинопольский патриарх и его приближенные называли земли «королевства русского» (то есть Галицко-Волинского княжества) и галицкой епархии.

В 1299 году, после нового разорения Киева татарами, митрополит Киевский и всея Руси Максим переехал в северо-восточную Русь, во Владимир-на-Клязьме. Тогда великий князь Галицкий Лев Данилович начал добиваться, чтобы в его землях создали новую митрополию. Добиться удалось только его сыну Юрию Львовичу в 1305 году. Так появилась новая митрополия – Галицкая. В ее юрисдикцию входили всего шесть из девятнадцати русских епархий. Не только северо-восточная Русь, но и Киев, Чернигов, Смоленск, Псков, Новгород – все эти епархии остались под властью митрополита Киевского и всея Руси. Русский историк Александр Соловьев предположил, что именно отсюда и появилось словосочетание «Малая Русь»^[164]. Не «старшая» Русь и не «первоначальная», а всего лишь меньшая по размеру.

Новая митрополия просуществовала несколько лет – до смерти Нифонта, первого галицкого митрополита. Его преемник Петр был уроженцем галицкой земли, но жить предпочитал в северо-восточной Руси, дружил с московскими князьями. Он восстановил церковное единство Руси. Правда, споры о единстве и попытки разделить Киевскую митрополию будут идти еще долго и завершатся только в середине XV века, когда в Москве будет сидеть митрополит Московский и всея Руси, а в Киеве – митрополит Киевский и всея Руси.

Но в XIV веке понятие «Малая Русь» существовало в основном на бумаге, в переписке деятелей церкви. «Малой Русью» обычно называли только Галицию и Волынь. Иногда, правда, так обозначали вообще все западные русские земли, которые к концу века окажутся под властью поляков и литовцев. Сами русские в то время «малороссиянами» себя не называли. Только Юрий II Болеслав, последний правитель Галиции (сын князя Тройдена Мазовецкого и галицкой княжны), в 1331 году называл себя в грамоте к магистру Тевтонского ордена «природным князем всей Малой Руси»^[165]. Малая Русь здесь – только земли его княжества. Польского короля Казимира Великого, которому и досталась Галиция, в канцелярии патриарха Константинопольского называли «королем Ляхии и Малой России»^[166]. Но в XV веке наименование «Малая Русь» исчезает надолго. Возрождается оно только на рубеже XVI-XVII веков, когда на Западной Руси развернулась полемика вокруг унии. Интересно, что один из первых текстов, где упоминаются «христиане Малой России», был составлен церковным писателем Иоанном Вишенским опять-таки в греческих землях – на Афоне^[167].

Теперь Малой Русью называли все населенные русинами земли Речи Посполитой. Так, в 1643 году в типографии Киево-Печерской лавры напечатали текст молебна с поминанием святых, «в Малой России просиявших»^[168].

Деятели церкви имели вес в тогдашнем мире. Не удивительно, что слова «Малая Русь» были хорошо известны и гетманам, и козацким полковникам. Уже в двадцатые годы XVII века запорожские козаки называли свое отечество «Малой Россией»^[169]. В письме Богдана Хмельницкого к реестровому полковнику Ивану Барабашу, отправленном осенью 1647-го, то есть почти за полгода до восстания, говорилось о «правах и вольностях казацких и Малороссийских»^[170].

После Переяславской рады страна перешла под власть московского царя, который даже сменил свой прежний титул («государь и самодержец всея Руси») на новый: «государь всея Великая и Малая Росии». Две Руси, западная и восточная, объединились. Казалось, естественно было бы сохранить за народом древнее русское имя, перестать называть московских русских «москалями» или «москвой», а западных русских (русинов) – «хохлами» и «черкасами», ведь и те, и другие – русские, Русь. Они исповедовали одну религию. Говорили хоть и на различных, но все-таки еще очень похожих языках^[171]. Но не тут-то

было. Различия между народами были слишком заметны. Оказавшись в одном государстве, русские и русины не могли больше называться одним именем. Простой народ сохранил прежние имена («хохлы», «москалы»), но официальный язык требовал других слов. И здесь снова пригодилась «Малая Русь», включенная даже в титул государя.

Термин «Малая Россия» вскоре стал достаточно распространенным, а в переписке между козацкой старшиной и властями царства Московского – общепринятым. Незадолго до Конотопской битвы козацкая старшина Правобережья обратилась с посланием к московскому воеводе Григорию Ромодановскому и промосковскому наказному гетману Ивану Беспалому. В письме козацкие полковники называли своей «отчиной» «Малую Росию»^[172]. Среди подписавших письмо находим имена Ивана Богуна, Остапа Гоголя, Петра Дорошенко.

«Народ малороссийский» упомянут в мае 1660 года в письме козацкого полковника Василия Золотаренко^[173]. Слово прижилось, его стали использовать и в московских приказах, и в гетманской канцелярии. К концу XVII века это был уже вполне официальный термин. В договоре, который заключил Василий Голицын, представлявший интересы правительства царевны Софьи, и козацкая старшина (элита козачества) во главе с только что избранным гетманом Иваном Мазепой («Каламакские статьи» 1687 года), говорится именно о «малороссийском народе». Сам гетман Иван Мазепа выступал от имени «войска Запорожского и народа Малороссийского»^[174]. Мазепа писал своим полковникам об «отчизне нашей малороссийской», о «вольном нашем народе малороссийском»^[175]. В Москве создали даже специальный Малороссийский приказ, занимавшийся делами этой богатой, но беспокойной страны. В XVIII веке слово «малороссияне» стало уже общепринятым.

Образованные украинцы понятия «Малороссия», «Малая Россия», «малороссияне» приняли и охотно употребляли. Даже название «История русов, или Малой России» отразило эту перемену. Хотя интересовавшиеся историей люди, читатели всё той же «Истории русов», хорошо знали, что прежде именно они звались «руськими», русскими.

Русский человек (великоросс) в самих названиях «Великая Русь» и «Малая Русь» невольно находит приоритет, старшинство Руси Великой. Но украинец, очевидно, не видел ничего обидного, уничижительного в словах «Малая Россия», «малороссияне», «малороссы». Не видел он ничего особо замечательного и в словах-антонимах: «Великороссия», «великороссияне», «великороссы». «Великий» по-украински значит просто «большой»^[176].

Поэтому Гоголь употреблял слово «Малороссия» как синоним «Украины», не более того. Только во второй половине XIX – начале XX веков слово «малоросс» обретет новый смысл. Тогда «малороссами», «малороссиянами» будут называть сами себя русифицированные

украинцы, сторонники идеи «большой русской нации». Они признают себя «младшими братьями» русских. Но в гоголевские времена этого нового значения у слова еще не возникло. Поэтому Гоголь писал об упоительном дне в Малороссии и об украинской ночи, свободно используя понятия, которые со временем станут взаимоисключающими.

Вслед за Гоголем и мы будем использовать эти слова как синонимы.

Страна козаков

«Що то за Маросияне? Нам ёго й вимовить трудно», – говорили всё те же украинские крестьяне, что отказались считать себя русскими. «Малороссиянин – слово книжное, и они (украинские крестьяне. – С. Б.) его не знают», – пояснял Пантелеймон Кулиш. Вопреки этому свидетельству, в украинском фольклоре слово «малороссияне» известно. Даже неграмотные украинцы могли его не раз слышать, скажем, от русских чиновников или от панов. Тот же Кулиш услышал от восьмидесятилетнего козака Семена Юрченко историю о том, как светлейший князь Потемкин будто бы обратился к Екатерине II с просьбой набрать в армию «из трех губерний чистых малороссиян»^[177], высоко ценя их боевые качества. Слово «малороссияне» часто использовал и Шевченко, но только в русских повестях, в своем русском дневнике и в письмах к русским адресатам. В его поэзии этого названия нет, как нет там и Малой Руси. В поэзии есть «козаки».

Слово «казак» впервые упомянуто еще в XIII веке в тексте под названием *Codex Cumanicus*, составленном, видимо, в Кафе (Феодосии) монахами-францисканцами. «Казак» там был часовым, стражником. В XIV-XV веках это слово имело уже два значения, противоположных только на первый взгляд: 1. наемный воин, стражник; 2. изгнанник, скиталец, авантюрист^[178]. В сущности, и те, и другие – люди, порвавшие со своим родом, с привычным окружением, головорезы, которые решили или продать подороже свою саблю, или, если покупателя не нашлось или искать его было унизительно, сами добывали себе пропитание всё той же саблей.

С конца XV века слово «казак» («козак») всё чаще обозначает уже не татарина, а славянина, казака донского или «черкасского».

Обжитые земли Московского Великого княжества и Великого княжества Литовского отделялись от Крымского ханства широкой полосой земель, почти незаселенных – Диким полем. Жить в Диком поле было слишком опасно для нормального обывателя. Другое дело – воинственный и вооруженный авантюрист. Ему вдали от начальства – воеводы, старосты, каштеляна – только вольготнее. Но лучше предоставим слово писателю. Среди обширных и не воплощенных в

жизнь планов Николая Васильевича Гоголя была и книга об истории Малороссии.

Из статьи Н. В. Гоголя «Взгляд на составление Малороссии»: «И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь – копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей – татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо – превративший мирные славянские поколения в воинственный, известный под именем козаков народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это пустошительное разлитие двух магометанских народов (татар и турок. – С. Б.), грозивших поглотить Европу»^[179].

Козаков стали использовать в своих целях и военные власти Великого княжества Литовского, а позднее – и власти польской короны. Войск для охраны южных границ от крымских и буджакских татар не хватало, а козаки подходили на роль пограничной стражи. Однако их военный потенциал оказался гораздо значительнее. Первые настоящие организаторы украинского казачества – староста хмельницкий Предслав Лянцкоронский и староста черкасский и каневский Евстафий Дашкевич – перевооружили козаков и начали успешно воевать против татар и турок, отвечая набегом на набег. Воевали козаки и против русского (Московского) государства, но главным противником все-таки оставались басурмане. В начале 50-х годов XVI века Дмитрий Вишневецкий, христианский рыцарь, посвятивший жизнь войне против ислама, основал замок на острове Малая Хортица, что в нижнем течении Днепра. Уже летом 1557-го замок был окружен татарами. Вишневецкий с козаками отступил в Черкассы, а укрепления на Хортице были разрушены татарами. Но именно с этого замка пошла история Запорожской Сечи.

Днепровское (Запорожское) казачество поставил на службу Речи Посполитой Стефан Баторий, учредив казачий «реестр». Реестровые козаки получали жалованье за службу польской короне и воевали за польские интересы на всех южных и восточных фронтах – от Смоленска до Молдавии. Позднее польский опыт используют русские, превратив донских казаков из разбойников и головорезов в исполнительных и верных стражей Московского царства, а затем и Российской империи. Но в Польше сделать козаков опорой государства не удалось.

С течением времени желающих пойти в козаки становилось всё больше, контролировать их было всё труднее, а отношения между поляками-католиками и православными подданными польского короля становились всё хуже. Козацкие восстания превращались в кровопролитные войны, которые подавляли со всё большим трудом.

Наконец, первое действительно успешное восстание 1648 года привело Речь Посполитую на грань гибели, а козаки во главе с Богданом Хмельницким создали что-то вроде военно-политического объединения, почти государства, называвшегося «Войско Запорожское».

Русские историки, начиная с Николая Ульянова, напуганные украинским национализмом, не раз пытались развенчать «козацкий миф», доказать, что козаки – особое сословие, чуждое малороссийскому народу. Но эта критика критики не выдерживает. Если старшина, как и положено всякой элите, старалась обособиться, то путь в простые козаки был открыт всякому еще долго. Во время непрерывных войн, продолжавшихся от битвы при Желтых Водах до разрушения Чигирина князем Ромодановским, любой смелый мужик мог сменить соху и борону на саблю и рушницу (ружье) и пойти в козаки. В 1654 году в Стародубе не стало мещан, потому что все мужчины записались в козаки^[180]. Недаром на старых европейских картах «Украина» называлась «Землей Козаков» (*Terra Cosaccorum*)^[181]. Самих русинов-украинцев европейцы в XVII–XVIII веках именовали «нацией казаков» или «украинской казацкой нацией»^[182].

В XVIII веке всё чаще было наоборот: потомственные козаки, не желавшие служить, переходили в крестьянское сословие. Об этом хорошо знали и российские власти: «Прежние малороссийские земледельцы (посполство) мало чем различествовали от козаков»^[183], – сообщал генерал-губернатор князь Репнин императору Николаю I.

Козаками были почти все народные герои, а ведь песни о них украинский крестьянин мог слушать еще в колыбели. Украинский фольклор не противопоставлял мужиков козакам. Напротив, народные песни и думы рассказывают именно о козаках: «Еще и ныне простой пахарь воспевается в песнях лишь в поэтическом и любезном народу образе казака»^[184], – писал Иван Аксаков в 1858 году.

Историк и журналист Виктор Аскоченский оставил интересные воспоминания о встречах с Тарасом Шевченко. При первой встрече Шевченко его спросил: «То ви, мабуть, козак?» Поэт имел в виду не сословную, а национальную принадлежность Аскоченского. Тот ответил по-малороссийски: «Був колись» (был когда-то). Затем уточнил, что предки его в самом деле были казаками, но казаками донскими. Когда же Аскоченский спел украинскую песню «Злетів орел попід небо, жалібно голосить...», то Шевченко, выпивший к тому времени, воскликнул: «Сучий я син, коли ви не козак!.. Козак, щирий козак!»^[185]

Шевченко не был исключением. «Козаками» или «казаками» называли украинцев даже русские, побывавшие в Малороссии, – вспомним нашего давнего знакомца, князя И. М. Долгорукого. Для него слова «хохол», «малороссиянин» и «козак» были синонимами^[186]. «Малороссияне именовались прежде козаками»^[187], – писал Левшин.

Козак и мужик – не социальные антагонисты, как пан и мужик. Козак – тот же мужик, только вооруженный, сменивший плуг и упряжку волов на коня и саблю. Запорожский козак «близок сердцу народа, как главный выразитель самостоятельной народной силы и народных стремлений»^[188]. Он был героем песен и дум, в украинском народном вертепе его даже изображали так, будто он больше, крупнее остальных героев. Козак – образец для подражания. Потенциально – это любой украинец. Отсюда и необыкновенный успех «козакоманства» Шевченко, так раздражавший не только русских, но и просвещенных украинцев вроде того же Кулиша. Отсюда и слова Павло Чубинского, ставшие частью национального гимна:

Душу й тіло ми положим за нашу свободу
И покажем, що ми, браття, козацького роду.

Украина це окраина?

Военный инженер Гильом Левассер (Гийом ле Вассер) де Боплан напечатал в Руане книгу, которая называлась «Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании»^[189]. Автор много лет провел на службе у польского короля Владислава: руководил строительством крепостей, воевал против повстанцев Острияницы и Павлюка, исследовал днепровские берега и составлял топографические карты. Вскоре после смерти короля Владислава де Боплан оставил охваченную войной Речь Посполитую и вернулся на родину. Там в 1651 году он и выпустил свою книгу о стране, где провел около семнадцати лет. Тираж – сто экземпляров – предназначался друзьям. Но книга вызвала интерес. И в 1660 году там же, в Руане, вышло второе, исправленное и дополненное издание книги де Боплана. Теперь книга называлась иначе: «Описание Украины, которая составляет несколько провинций Королевства Польши. Простирается от пределов Московии вплоть до границ Трансильвании»^[190]. Название де Боплан переименовал не случайно. Видимо, за годы кровопролитной войны между Россией («Московией»), Речью Посполитой и Швецией, продолжавшейся уже много лет, европейцы были уже наслышаны об этой стране «Украине».

После второго руанского издания появилось издание парижское. Книгу де Боплана перевели на английский, немецкий, польский, на латынь. Без ссылок на сочинение де Боплана не обходились историки и писатели, но первый русский перевод появился только в 1832 году^[191].

Николай Васильевич Гоголь не только читал «Описание Украины», но даже вывел де Боплана в «Тарасе Бульбе» под именем «иностранный инженер», который руководит польской артиллерией в сражениях при Дубно.

Однако де Боплан известен не только как военный инженер и мемуарист. Он был выдающимся картографом. Карты, им составленные, выкупил польский король. Поляки будут пользоваться ими во время войн с русскими («московитами»), козаками и турками.

«Генеральная» карта Украины, впервые составленная де Бопланом еще около 1639 года, позднее не раз будет издаваться типографиями Данцига, Руана, Амстердама. Вот передо мной репродукция карты 1660 года, выпущенная вместе со вторым изданием «Описания Украины»^[192]. На картуше карты читаем: «*Carte d'Ukraine Contenant plusieurs Prouinces comprises entre les Confins de Moscouie et les Limites de Transilvanie*» («Карта Украины с многочисленными ее провинциями от окраин Московии до границ Трансильвании»).

В 1712 году в Нюрнберге знаменитый гравер и картограф Иоганн Баптист Гоманн издал карту под названием «*Vkrania quae et Terra Casaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minorisq Tartariae provinciis*» («Украина, или Казацкая земля с прилегающими провинциями Валахии, Молдавии и Малой Татарии»). Под «Малой Татарией» здесь понимались земли Крымского ханства. Причем на картуше, украшенном изображением гетмана Мазепы, слово Украина написано как «*Vkraina*», а собственно на карте как «*Ukraina*»^[193].

На самом деле слово «Украина» (Оукраина) появилось намного раньше. Его первое упоминание относится к концу XII века. В Ипатьевской летописи под 1187 годом рассказывается о смерти переяславского князя Владимира Глебовича, по которому «очень горевала Украина» («Оукраина много постана») ^[194].

Из-за этой фразы давно спорят историки, филологи и даже политики, при этом ученые разделяются обычно не по научным школам, а по национальностям. Большинство русских доказывает, что речь шла не о какой-то особой стране, а всего лишь об одной из окраин Руси, которой можно считать Переяславское княжество, – оно действительно лежало на степной окраине русских земель. Украинцы же стараются доказать, что «Украина» – это не окраина, а страна, край, земля.

Всё та же Ипатьевская летопись упоминает и «украину Галицкую» (1189), которую тоже можно принять за еще одну, на этот раз западную, окраину русских земель, а можно посчитать ее и особой землей, краем. Так, украинский академик Григорий Пивторак не только решит, что «оукраина» значит «страна», но и всерьез назовет Киевскую Русь «раннеукраинской» державой^[195].

В русских источниках времен царства Московского слово «украина» означало как правило именно окраину, отдаленную пограничную землю.

Из грамоты царя Федора Иоановича к донским казакам (1593): «...царь и царевици (татарские. – С. Б.) пойдут на наши украины и с ними азовские люди <...> а велено черкасом запорожским гетману Хриштопу Косицкому и всем атаманом и черкасом быть на Донце на шляхах и за царем идти к нашим украинам»^[196].

Даже русские города на южной границе – Тула, Кашира, Калуга, Таруса, Верея, Брянск – еще в середине XVII века назывались «украинными», или «украинскими», городами^[197]. В это же время города собственно Украины (Малой Руси) назывались «городками черкасскими».

В «Повести об Азовском осадном сидении» донские казаки грозят осадившим крепость туркам: «...собралось бы тут его государевых людей с одной лишь Украины многое множество! И таковы его государевы люди с русской Украины, что, подобно львам яростным, алчут и хотят отведать вашей плоти басурманской»^[198].

Последний год Азовского осадного сидения – 1641-й. В этом же году турки и предприняли многомесячную осаду крепости. Повесть составлена не позднее 1642 года. В это время земли Украины еще находились под властью Речи Посполитой. Донские казаки никак не могли назвать эти земли «русской Украиной». «Украина» здесь – пограничные земли царства Московского, государевы люди с Украины – русские войска, оборонявшие засечную черту, границу. Во время Азовского сидения войска царя московского были выдвинуты как раз к южным рубежам, к засечной черте, чтобы отразить возможный татарский набег. Правда, в рядах защитников Азова сражался и большой отряд запорожцев, но «государевыми людьми» они не были, так что речь шла не о них.

После Переяславской рады украинские земли воспринимались русскими как новая окраина России, что было вполне естественно: географически это в самом деле была юго-западная окраина. «Малороссия была действительно Украиной, т.е. пограничной землей»^[199], – писал Иван Аксаков в пятидесятые годы XIX века, когда большая часть украинских земель уже была далека от новых границ империи. В свою очередь, земли Западной Руси были окраиной и для поляков. Украина – окраина Речи Посполитой, земля по соседству с «дикими полями»^[200].

Но выслушаем и другую сторону – «Летопись Самовидца», важнейший источник по истории Украины и украинско-русских отношений от Богдана Хмельницкого до Мазепы^[201]. Ее автор, предположительно^[202] бывший сотник Нежинского полка Роман Онисимович Ракушка-Романовский (1623–1703) прожил жизнь для своего времени долгую и весьма интересную. Сын реестрового козака, он был человеком грамотным, не раз выполнял дипломатические поручения. При гетмане Брюховецком сделал блестящую карьеру, став подскарбием (казначеем) Войска Запорожского. Но после гибели

Брюховецкого светской карьере Романа Онисимовича пришел конец. Он принял священнический сан и после долгих приключений поселился в городе Стародубе (на восточной Украине), где служил священником церкви святителя Николая. Там он провел последние тридцать лет жизни, там и работал над летописью. Свою страну автор Летописи Самовидца называет «Украиной».

Написана летопись староукраинским языком, который русскому читателю покажется понятнее современного украинского, но я все-таки буду переводить цитаты: «Итак, снова Украина вся оказалась под властью короля польского, кроме Переяславля, и Нежина, и Чернигова с волостями, потому что в тех городах оставались (московские – С. Б.) воеводы»^[203]. Брюховецкого летописец называет «украинским» гетманом^[204], пишет о «старожитной шляхте украинской»^[205], отличает «города украинские» от «городов московских»^[206]. Невозможно представить, будто летописец в самом деле считал свою страну только окраиной Польши или царства Московского. Да ведь в тексте он и различает пограничье и страну-Украину, например, упоминает: «Умань, преславный город украинский пограничный...»^[207]

«Отчизна наша Укraiно-Малороссийская», – так называет свою страну Самуил Величко, автор другой известной «козацкой» летописи^[208].

Богдан Хмельницкий неоднократно называл свое отечество «Украиной». И гетман здесь не произвел филологической революции. Слово «Украина» хорошо знали и простые люди. Перед сражением при Желтых Водах (апрель 1648 года) реестровые козаки перешли на сторону Хмельницкого, чтобы «служить верою и правдою церкви святой и матери нашей Укraiне»^[209].

Некий Мишка, по-видимому, холоп боярина П. В. Шереметева, оказался в начале 1668 года в Новгороде-Северском. Там он слушал и записывал разговоры козаков. Если верить ему, то и простые «черкасы» уже тогда называли родную страну «Украиной»^[210]. Знаменитый козацкий атаман Семен Палий, герой войн с турками, величал ее «свободной казацкой Укraiной»^[211]. Злейший враг Палия гетман Иван Мазепа в своем универсале говорил о «нашей Укraiне»^[212]. Универсал гетмана, как и манифест императора, – это одновременно и закон, и обращение к народу, а потому язык универсала должен быть прост и всем понятен. Если гетман называет свою страну «Украиной» и рассчитывает при этом на поддержку народа, значит, понятие «Украина» было уже хорошо известным, общепринятым и среди простых людей. О «национально мыслящей» элите и говорить нечего. Пилип (Филипп) Орлик, бывший генеральный писарь при Мазепе, а после его поражения и гибели – политэмигрант, утверждал, будто Мазепа действовал «ради общего добра нашей бедной Укraiны, для пользы всего Войска Запорожского и народа малороссийского»^[213].

Словом, и простые козаки, и гетманы, полковники, атаманы – все называли свою родину Украиной. Не украиной / окраиной Польши или царства Московского, а просто Украиной – страной, родной страной.

В Европе, как мы помним, впервые узнали и приняли не русскую, а именно украинскую трактовку понятия «Украина». Гильом де Боплан, посвящая свое сочинение польскому королю Яну Казимиру, писал о «пограничной Украине, находящейся между Московией и Трансильванией»^[214]. Иоганн Баптист Гоманн напечатал в своем атласе карту «Украины, или Казацкой земли», а не карту польской или московской украины/окраины. Матеус Зойтер издал в Аугсбурге в 1742 году карту «Украинского королевства с Киевским и Брацлавским воеводствами»^[215]. Здесь Украина не имеет ничего общего с окраиной или пограничьем.

Советские историки, этнографы и филологи к единой трактовке так и не пришли. В последнем издании Большой советской энциклопедии принята была «русская» точка зрения: «Название “Украина” первоначально относилось к отдельным юго-западным русским землям, означая пограничье страны (от “край” – граница)»^[216].

В энциклопедии «Народы России», изданной в постсоветском 1994-м, но подготовленной еще в СССР, приняли «украинскую» и «европейскую» трактовку: «Основой этнонима <...> стал термин “краина”, т.е. страна, к-рый к 18 в. закрепился в офиц. документах и восходит к назв. “Украина” (“край”)...»^[217].

В современном русском языке слово «край» – однокоренное с Украиной – может означать и особую землю («Краснодарский край»), и окраину («на краю села»). Посмотрим, как в других славянских языках. По-польски «страна» – «kraj». По-сербски – «крајина». При этом в сербском языке у слова «крајина» есть и другое, знакомое нам значение – окраина государства, пограничная область. То есть перед нами омонимы.

Слово «Украина» / «украина» может означать и страну, и пограничную область. Для русского (великоросса) «Украина» и в самом деле – пограничье, юго-западная окраина. Для украинца – страна, земля. Противоречия здесь нет. Есть всего лишь два взгляда на один предмет: свой и чужой, украинский и русский. И оба правы, и оба исторически и филологически верны.

А как же быть со словом «украинец»?

Впервые украинцем назвал себя пленный запорожский козак Олешка Захарьев в 1619 году^[218]. Свидетельство об этом сохранилось в архиве Разрядного приказа^[219]. Правда, мы не знаем, что вкладывал в слово «украинец» сам Олешка Захарьев и насколько распространенным было самоназвание «украинец» в ту далекую эпоху.

Зато в гоголевское время понятие «украинец» было уже хорошо известно. Сам Николай Васильевич дважды упоминает «украинский народ» в «Страшной мести». Знали и употребляли это понятие и

русские образованные люди. Из романа Антония Погорельского «Монастырка»: «Усатый, тучный украинец, не отвечая мне ни слова, покривил рот, почесал подбриту в кружок голову, медленными шагами вышел в другую комнату <...> Угрозы мои не изменили ни одной черты неподвижной физиономии упрямого украинца»^[220].

Здесь украинец – не просто житель Украины. Сам Антоний Погорельский (Алексей Алексеевич Перовский) подолгу жил в своих украинских имениях – Погорельцах и Красном Роге, однако украинцем себя не называл. Украинцы в его романе – это украинские крестьяне, которые и говорят, и ведут себя не так, как русские.

А что же сами крестьяне, которые так упорно отказывались отождествлять себя с русскими, малороссиянами, хохлами? Называли они себя украинцами? Неизвестно. Тарас Шевченко понятие «украинский народ» употреблял крайне редко. В комментарии к своему офорту «Дары в Чигирине 1649 года» Тарас Григорьевич упоминает «народ украинский, уже вольный и сильный»^[221]. Об «Украине» он писал много, он даже ставил ее выше Бога. Однако с точки зрения современного демографа или этнографа и тем более политолога или философа, Шевченко вообще не украинец, раз украинцем себя прямо не называл. Что уж говорить о неграмотных крестьянах, которые скромно называли себя и своих соотечественников «наші мужики-сіряки»^[222]. Или, как знакомые нам собеседники Кулиша, «люде так собі народ...»^[223]. Что поделаешь, не научили их в школе, как «правильно» отвечать на вопросы этнографа.

Часть III

Этнография нации

Русский взгляд на украинца

В XIX веке украинцу еще никто не разъяснил, что он украинец, а русский мужик, если верить современной науке, знать не знал, что он русский. Оба просто не подходили под современные определения нации.

Скучная модернизация едва-едва начиналась в императорской России. Русские и украинские крестьяне после века Просвещения в большинстве своем не умели ни читать, ни писать. Да им и некогда было отвлекаться от важных дел ради этих досужих, барских, панских занятий. А сами бары и паны внешне больше походили на французов,

реже – на немцев или англичан, чем на своих крепостных и даже на собственных предков – русских бояр и князей, козацких гетманов и полковников. Господа между собой даже разговаривали на языке, непонятном их собственной прислуге.

Каждая большая деревня жила собственным миром, имела свои обычаи, свои порядки. Мелкие черточки отличали людей из разных деревень, уроженцы разных губерний различались еще больше: одеждой, говором и опять-таки обычаями и традициями. Но и в те времена нация не распадалась на бесчисленное множество общин, деревень, мирков. Разнообразие только укрепляло единство. Границы наций, которые никак не может заметить современный ученый, вооруженный «теорией модернизации» и монографией Бенедикта Андерсона, прекрасно видели современники Гоголя и Шевченко.

Жители Малороссии даже внешне мало походили на великороссов. Они почти не носили бород, но отпускали усы и часто брили головы на козацкий манер. Постоянный труд под южным солнцем преображал внешность. И бледнолицые русские баре с интересом смотрели на украинского крестьянина, бронзового от загара: «Лучи солнца его смуглят до того, что он светится, как лаком покрыт, и весь череп его из желта позеленеет...»^[224]

В XIX веке стремительно развивались новые науки – этнография и фольклористика. Интеллигентные господа из Петербурга, Москвы, Варшавы приезжали в деревню или небольшой город, заходили в крестьянские избы и хаты, расспрашивали мужиков о жизни, пытались узнать о традициях и обрядах, записать песни, сказки, думы, рассказы о старине. Ездили этнографы и по украинским сёлам. Украинские крестьяне не ждали от русских или польских панов ничего доброго, а потому глядели на ученых с подозрением. Когда же этнограф раскрывал рот и начинал задавать вопросы, которые мужики менее всего ожидали от него услышать, подозрения только усиливались: «О, да се добра казючка!»^[225], – решали они и «хитрости» барина противопоставляли свою собственную хитрость. На вопросы отвечали уклончиво, прикидывались дурачками, тупицами, не понимающими, о чем их вообще спрашивают. Но все-таки находились этнографы, сумевшие завоевать сердца недоверчивых малороссиян. Среди них были и поляки (Зориан Доленга-Ходаковский), и русские (Измаил Срезневский), и, разумеется, образованные малороссияне: Пантелеймон Кулиш, Михаил Максимович, Михаил Драгоманов. Все они старались не только описать материальную культуру, но и рассказать о «нравах», «темпераменте», «мировоззрении» малороссов. Сведения, добытые этнографами, использовали авторы учебников и научно-популярных сочинений. Наблюдения этнографов подтверждаются и свидетельствами русских путешественников, и воспоминаниями помещиков, которые подолгу жили в своих малороссийских имениях, и даже высказываниями государственных чиновников. Удивительно, но

на протяжении почти целого столетия об украинцах писали приблизительно одно и то же.

На взгляд русского образованного человека, типичный украинец (малороссиянин, южноросс, хохол) «угрюм, неразговорчив, самоуверен»^[226], скрытен и упрям. Вообще редкий русский наблюдатель не писал о «хохлацком упрямстве»^[227]. Алексей Левшин, расположенный к малороссиянам, описывал их почти так же: «...умные лица и усы, при крепком сложении, обритой бороде и высоком росте, придают им величественный вид. Жаль, что они неповоротливы»^[228].

Эту серьезность, меланхоличность отмечали и русские, и сами украинцы. Пантелеймон Кулиш сочтет «глубокое спокойствие» малороссиян национальной чертой, а Тарас Шевченко – следствием тяжелой доли: «...бедный неулыбающийся мужик <...> поет свою унылую задушевную песню в надежде на лучшее существование»^[229].

Свадьба – одно из самых радостных событий в жизни человека. На украинском языке она даже и называется «весілля». Но вот И. М. Долгорукий и на свадьбе заметил мало радости. Князь нашел, что в родной Великороссии много лучше, веселее и женихи, и невесты, и свадебные обряды: «Взгляните вы на Хохла, даже самого обрадованного <...> который только что женился и с молодой выпался: он тупит глаза, стоит недвижим и ворочается по-медвежьи. Подруга его была бы наказание всякого человека, у коего сердце бьется и ищет сладости жизни, тогда как на Севере, в нашей, можно сказать, железной стороне, где всё уже теперь скутано от мороза, простая девка крестьянская в сарафане так привлекательна, парень молодой в сапогах, заломя шапку, после венца, так затейлив и занимателен. Они могут быть и не Адонис с Венерою, но веселы, резвы, забавны. Свобода и довольство: вот корни, от которых произрастает наше счастье и отрада! А у Хохла, кажется, нет ни того, ни другого...»^[230].

Зато русские единодушно писали о честности украинцев. «Воровство и теперь здесь в омерзении», – замечал в начале XIX века Алексей Левшин. Полвека спустя эта оценка слово в слово повторяется преподавателем географии во Владимирской киевской гимназии А. Редровым: «Воровство между малороссами считается самым постыдным, самым ненавистным пороком»^[231], а еще двадцать лет спустя и Дмитрием Семеновым: «Честность малоросса <...> также известна всем. Случаи воровства очень редки»^[232].

Впрочем, сами украинцы относились к себе строже. Этнографом записан анекдот о христианском благочестии. Евреи схватили Христа и водили его по христианским землям: польским, немецким, украинским. Поляки решили: давайте нашего Спасителя отобьем! И Христос полякам за их «щирость» (искренность, великодушие) даровал военную доблесть. И теперь что ни поляк, то вояка. Немцы решили: давайте нашего Спасителя выкупим! Христос и немцам за их «щирость» даровал

успех в торговых делах. Что ни немец, то купец. И повели, наконец, евреи Христа туда, где «наши мужики-сиряки у корчмы стояли, мед-горилку попивали». И один из мужиков предложил: давайте нашего Спасителя выкрадем! И Спаситель не оставил их без награды. И с тех пор повелось: что ни мужик, то вор^[233].

Русские замечали в малороссиянах не только честность, но и скрытность, и плутовство. А честность, на взгляд русских, парадоксально сочеталась с хитростью и скрытностью. Даже Николай Васильевич Гоголь при первом знакомстве в 1832 году не понравился Сергею Тимофеевичу Аксакову: «Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок <...> нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое»^[234]. А ведь Сергей Тимофеевич был, пожалуй, одним из самых толерантных к малороссиянам людей, хорошим знакомым не только Гоголя, но и Шевченко, и Кулиша.

Впрочем, гораздо чаще писали не о плутовстве, но о сердечности малороссов, их склонности к «задумчивой созерцательности» и «задушевному лиризму»^[235], об их любви к природе и «аристократическом презрении» к торгашеству. Разумеется, «меланхолические» и «задумчивые» казались совершенно неспособными к торговле и предпринимательству. Здесь они безнадежно проигрывали не только евреям, но и русским. Малоросс «не кулак, не барышник», – пишет прозаик Д. Л. Мордовцев (сам украинец), во многом повторяя украинского этнографа П. Чубинского. Украинский крестьянин, таким образом, начисто лишен «бойкости, подвижности, быстрой сметки, умения пользоваться обстоятельствами», ему чужды цинизм и практицизм^[236]. «Малороссиянин молчалив, не словоохотлив, не кланяется^[237], подобно русскому крестьянину, не обещает многого; но он хитр, умен. Дорожит словом и держит его»^[238], – писал Николай Полевой.

Мария Лескинен, современный ученый славист из академического Института славяноведения, замечает, что сами различия между великороссом и малороссом слишком напоминают противопоставление человека, испорченного цивилизацией, городской культурой, человеку традиционной культуры, не тронутому пороками цивилизации. Взгляд русского на малоросса – это взгляд «свысока», взгляд человека цивилизованного на человека «природного»^[239]. Всё это так, но вот русские крестьяне не были ни культурнее, ни цивилизованнее своих соседей украинцев, они ничего не слышали про образ «естественного человека», однако их взгляды на украинцев напоминали барские. Правда, было важное различие: этнограф, писатель, вообще барин или интеллигент, вольно или невольно смягчали свои оценки, находили случай подчеркнуть достоинства малороссов. Исключением была грубость не любившего «хохлов» князя Долгорукого. Простые же

русские люди были куда менее деликатны, они прямо называли украинцев «хохлами», считали их людьми «упрямыми» и «недалекими». Многие всячески старались «обдурить хохла», насмехаясь над «хохлацкой харей»^[240].

Украинцы в глазах русских – народ земледельцев. Упорный, в меру трудолюбивый, в меру ленивый (а потому нуждается в управлении и даже в понукании). «Хохол по природе, кажется, сотворен на то, чтобы пахать землю, потеть, гореть на солнце...»^[241] Князь Долгорукий даже сравнил их с... неграми на плантациях и, уже прямо переходя к миру животных, – с волами. Если это не социальный и национальный расизм, то что? Пожалуй, это сравнение можно было б и обойти вниманием, если б не параллели из русской и украинской литературы.

В «Энеиде» Ивана Котляревского (современника Долгорукого) троянцы-запорожцы под командованием «пана Энея» проплывают мимо острова волшебницы Цирцеи. В отличие от Цирцеи Гомера героиня Котляревского обращает людей в животных по этническому признаку: бородатых «москалей» – в козлов, поляков – почему-то в баранов, французов (воинственных и беспокойных французов времен Великой революции и Наполеоновских войн) – в собак. А спутников Энея она должна превратить в волов, которые будут тащить плуг и возить дрова на пивоварню:

По нашому хохлацьку строю
Не будеш цапом, ні козою,
А вже запевне, що волон:
І будеш в плузі походжати,
До броваря дрова таскати...

Ведь по хохлацкому покрою
Не быть козлом или козою,
А не иначе, как волон!
Небось потащишь плуг по пару,
Дровец навозишь пивовару...^[242]

В «Тарасе Бульбе» волы – боевые товарищи запорожцев, что затоптали конницу вражьих ляхов под Дубно: «О, спасибо вам, волы! – кричали запорожцы, – служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили!»

Но Гоголь рассказывает о героических временах, когда и волы были боевыми, Котляревский же и князь Долгорукий – о мирных, покорных волах и таких же мирных, покорных людях. Пантелеймон Кулиш с грустью писал о соотечественнике-украинце: «Вы не заметите в нем ни тени политических страстей, волновавших так долго Малороссию. Он даже не сохранил чувства, которое можно назвать героическим. Он простодушно славит сильного, он смиренно клонит голову перед всякою бурей...»^[243]

Знаменитый артист Михаил Семенович Щепкин, сам природный малороссиянин, рассказывал анекдот о малороссийском характере. Однажды какой-то «ямщик-хохол» вез господина. Тот, по русскому обыкновению, подгонял ямщика ударами, но ямщик не только не погонял лошадей, но даже не оглаживался, и только за полторы версты перед станцией «пустил коней во весь опор». На станции господин устыдился своей жестокости, но спросил ямщика, почему же тот не ехал скорее? «Да ни хотилось», – отвечал тот^[244].

В гоголевское время различия между народами не стерлись, не исчезли, напоминая о веках, проведенных порознь. Великолепную характеристику украинскому крестьянину дает издатель «Московского телеграфа»: «В угрюмом, важном лице мужчины, в его высоком росте, подбритой голове, длинных усах, скрытной деятельности души, угрюмом взоре, отрывистых словах – вы открываете древнего росс, смешанного с диким азиатцем, половцем, черкесом, черным клобуком. Одежда его показывает вам в то же время три века власти литовца и поляка»^[245].

Украинский народ, когда-то единокровный русским, давно переменялся. Века жизни в другом государстве, под властью польских и литовских правителей, изменили его до неузнаваемости.

Хата

Украинские сёла, слободы и даже города заметно отличались от русских. Различия бросались в глаза, о них охотно писали почти все русские путешественники, пересекавшие этнографическую границу Украины.

«Наконец въехали мы в пределы Украины. <...> Везде без исключения мазанки <...> Появились хохлы»^[246], – рассказывал князь И. М. Долгорукий о своем путешествии в Одессу и Киев в 1810 году. Но вот путешествие подходит к концу, а князь записывает: «И так простились мы с Малороссией и въехали в Орловскую губернию. <...> Далеко позади нас остались мазанки и белые хаты, в коих чистота красила убожество»^[247].

Обилие на Украине известняка, мела и белой глины способствовало появлению этих национальных цветов, еще не жовто-блакитного, но бело-голубого: хаты белили, иногда добавляя синьку, а ставни, так необходимые в жаркое малороссийское лето, часто расписывали именно голубой краской. Но дело здесь, конечно, не только в стройматериалах. Великороссы на юге России тоже умели строить мазанки, а малороссы в Полесье, русины в Карпатских горах ставили деревянные хаты, основой которых служил сруб.

В городе Кролевец Черниговской губернии (юго-восточное Полесье) древесина стоила дешево, поэтому хаты строили из дерева, но украинцы белили их не только изнутри, но и снаружи^[248]. Поэтому и деревянный Кролевец даже внешне мало отличался от городов и сел, застроенных мазанками.

«Домы наших русских поселян не дадут также понятия о хатах малороссиян, складенных из кривых деревьев, обмазанных глиною и выбеленных, где пол заменен крепко убитой землею»^[249], – писал Николай Полевой. Русская изба и украинская хата как два мира, которые говорят о национальных различиях намного больше, чем сочинения историков и публицистов. Еще в гоголевское время это заметил этнограф Вадим Пассек. Сравнивая великороссов с малороссиянами, он увидел принципиальные различия уже в самом отношении к постройке дома. Русскую избу строят на многие годы и покидают неохотно. Если изба не погибнет от пожара, если хозяева будут о ней заботиться, ремонтировать, подновлять, то и проживет она многие десятки лет. Будет «прорастать мхом, сочиться смолой, обновляться резкими, желто-розовыми и белыми, пахучими заплатами»^[250], но все-таки жить и жить, переходя по наследству к внукам и правнукам.

Русские деревянные храмы стоят веками, но и столетняя изба – вовсе не исключительное явление. Русская изба – это «замок, обнесенный кольями и соломой», – Вадим Пассек нашел неожиданный и точный образ. Зато малороссийская деревня издавна напоминала ему ряд белых палаток. Но эти «белые палатки» никак не походили на военный лагерь. Если русские избы выстраивались вдоль одной или нескольких улиц, то малороссийское село застраивалось без особой системы, хаты были «беспорядочно разброшены».

Хата «из нескольких бревен, кольев и даже прутьев, неровно сложенных, крепко и гладко замазанных глиною и выбеленных мелом»^[251], не так солидна и долговечна. Вместо русских высоких заборов, крытых дворов – плетень, вместо дровяников, под потолок заставленных поленицами, – груды хвороста и щепок у самых ворот.

Эти груды хвороста не мешали общему впечатлению от украинского жилья: чистота, опрятность, изящество украинской хаты общепризнанны. О них писали едва ли не все русские путешественники. Ивану Аксакову, в молодости своеобразному украинофилу, хаты приглянулись. Малороссийские города и села действовали на него умиротворяюще: «Как хороши эти белые хаты, живописно разбросанные по холмам и долинам и выглядывающие так приветливо из-за зеленых садов своих»^[252]. Больше малороссийских хат ему понравятся только молдавские: они были, пожалуй, даже беднее, но притом изящнее.

Понравилось украинское жилье и профессору Погодину. Во время своего путешествия 1842 года он проезжал через Лубны, где

остановился «у почтенного доктора Петрашевского». Это была, конечно, не крестьянская хата: «Низенький, но обширный дом под сенью черешень, рябин и тополей, среди огромного сада... Что за привольная жизнь в Малороссии!»^[253]

Князя Долгорукого хаты только раздражали. На его вкус, они были тесными и бедными, а потому много уступали просторным, теплым сосновым избам русских крестьян. И чем больше наблюдал он малороссийскую жизнь и малороссийские хаты, тем меньше они ему нравились. Если живешь в нищете, то для чего все эти красоты? Живет малоросс в самой бедной хате, где высокий человек не может даже выпрямиться в полный рост, живет «бедно, низко, дрянно; а под окном у него растет грецкий орех, бергамот <...> Что ему в этом дереве радости?»^[254]

Зато в хате не было «ни гаду, ни лишнего сору», там не водились тараканы, привычные спутники русского жилья. «Проклятые кацапы, как я после узнал, едят даже щи с тараканами»^[255], – жаловался Григорий Григорьевич Сторченко Ивану Федоровичу Шпоньке. Ранний Гоголь еще позволял себе такие выпады против русских. Впрочем, самокритичные русские о тараканах писали даже злее. Вяземский назовет «Русского Бога» «Богом тараканьих штабов».

В белённой известью мазанке намного легче поддерживать чистоту, чем в русской избе. Хаты белили обязательно перед Рождеством и на страстной четверг, а некоторые хозяева и перед всяким значительным праздником. Пассек утверждал, что есть хозяева, которые белят хату каждую субботу^[256].

Пол в хате обычно глиняный. Гоголь, описывая хутор пана Данилы в «Страшной мести», между прочим сообщает: «Во всей светлице пол гладко убитый и смазанный глиною»^[257]. Только кое-где в Полесье или в домах особо зажиточных хозяев могли настелить дощатый пол. Пол мыли с мылом и солью, чтобы не было ни тараканов, ни блох, ни мокриц^[258]. А некоторые еще и посыпали пол особым киевским песком, «какой вы найдете не у всякого губернатора и в канцелярии»^[259]. Это был уже сорт особого, крестьянского или мещанского шика.

«Хата бедная, но чистоты необыкновенной <...> кроме белой глины и мелу, здесь употребляют глину кофейного цвета, которою обводится нижняя часть стен и печей. Везде кругом были признаки вкуса, везде видна потребность изящного...»^[260] – писал Иван Аксаков о хате, которую видел в Бессарабии. Из текста не совсем ясна этническая принадлежность хозяина хаты, но обычай украшать дом цветной глиной был хорошо известен среди украинских крестьян и не до конца русифицированных украинских панов. Последнее отразилось и в литературе: в хате Тараса Бульбы «всё было чисто, вымазано цветной глиною»^[261].

Доброжелательный и приветливый Владимир Измайлов замечал, что малороссияне не богаче русских, но живут «так чисто, так хорошо,

гораздо лучше наших крестьян»^[262]. В хатах, даже на вкус привередливой барыни Александры Осиповны Смирновой-Россет, «всё было чисто и порядочно»^[263].

Лидия Яковлевна Гинзбург видела украинскую деревню уже XX века, но, по ее описаниям, эта деревня не так уж сильно изменилась: «Украинское жильё организовано по принципу оазиса, – читаем в ее записных книжках. – Кругом степь, по ту сторону тына дорожная белая пыль, глубокая, как песок. А за тыном, с его однообразным и прелестным орнаментом, хата, поглощенная зеленью»^[264].

Село – оазис посреди выжженной южным солнцем степи: «...вся утонула в зеленых садах Малороссия»^[265], – умилялся Иван Аксаков. Чистоту и опрятность хаты еще больше подчеркивала пышная зелень садов и палисадников, в которой утопали малороссийские сёла: «деревня и даже город укрыли свои белые приветливые хаты в тени черешневых и вишневых садов»^[266], – писал Шевченко.

Вишневый или черешневый сад – один из самых узнаваемых символов Украины, хорошо известных и русскому читателю, хотя бы по «Миргороду» и «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Левко останавливается «перед дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями»^[267]. Андрий бродит в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах»^[268]. Молодая вдовушка угощает Хому Брута курицей и пшеничными варениками «за столом, накрытым в маленьком глиняном домике среди вишневого садика»^[269].

Про «садок вишневый» вспомнит величайший поэт Украины, когда будет сидеть в Петропавловской крепости. Здесь он напишет стихи, которые сейчас на родине Кобзаря знает каждый школьник:

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть.
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають, ідучи, дівчата,
А матері вечерять ждуть^[270].

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

(Перевод Н. Ушакова)^[271]

В одной из своих самых первых дневниковых записей Тарас Шевченко с неприязнью заметит, будто у великороссов «есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе

улыбающейся матери природы»^[272]. А русская деревня, припомнит он картины из гоголевских «Мертвых душ» и собственные наблюдения, – это «наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь»^[273].

Шевченко писал эти строки в Новопетровском укреплении, в последние месяцы своей солдатской каторги. Его взгляд на Россию, на образ жизни русского человека – недружественен и несправедлив. Но вот что писал наш историк, издатель Михаил Погодин, природный великоросс, русский мужик, который вышел «в люди», стал профессором, а затем и академиком: «Что за прелесть – эти белые хаты с шоколадными кровлями, в сени зеленых развесистых деревьев, рассыпанных по склону горы. Видно с первого взгляда, что обитатель их в дружбе с природою. <...> Совсем не то в Великой России; деревца вы не увидите часто подле избы...»^[274]

О справедливости слов Шевченко и Погодина знают не только знатоки русской и украинской этнографии позапрошлого века, но и читатели Н. С. Лескова.

Из рассказа Н. С. Лескова «Путимец»: «Кацапов дом <...> легко можно было отличить от всех соседних малороссийских крестьянских хаток. “Кацап” держал в аренде трактовый постоялый двор, выстроенный по русскому образцу, с коньком, на две половины, и ни вокруг, ни около его не было ни вербы, ни груши, ни вишневого куста, ни лозиночки, словом – ни одной веточки, где бы свила себе гнездышко щебетунья птичка или присел в тиши помечтать и попеть серый соловушко. <...> Словом – дом и двор вполне в известном великорусском вкусе...»^[275]

Любовь русского человека к природе и к искусству проявлялась иначе, его представления о красоте отличались от украинских. В один год с Тарасом Шевченко родился великий русский поэт.

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

Крепкие деревянные стены долговечной русской избы хранят «нестираемые признаки времени и бедствий». Зато хата всё время обновляется, как вечно обновляется окружающий ее сад.

Русские люди украшали избы резьбой, подчас очень затейливой. В XIX веке была известна и русская домовая роспись, более всего распространенная на Русском Севере, на Вятке, на Урале и в Сибири

вплоть до самого Забайкалья. Расписывали не по штукатурке, а по дереву, украшая стены избы. Но в русских деревнях домовая роспись считалась роскошью, была доступна только богатым крестьянам. Занимались ею не сами хозяева, а профессиональные мастера, собиравшиеся в артели. Роспись была своеобразным народным промыслом.

На Украине хаты расписывали едва ли не повсеместно. В простых, небогатых семьях расписывали сами. Беленые стены хаты покрывали узорами, орнаментами, иногда довольно сложными, иногда – просто розами, васильками, «розовыми, голубыми и зелеными полосками»^[276]. Прежде всего расписывали красный угол, где стояли иконы и висели вышитые красивыми узорами рушники. Разрисовывали и украинскую печь – грубу. Роспись, в отличие от простой побелки, требовала уже много времени, сил и фантазии, а потому за нее принимались осенью, когда полевые работы закончены, а житницы полны зерном. Роспись могла быть не только изнутри, но и снаружи. В доме сотника, отца панночки из «Вия», фронтон был весь «измалеван голубыми и желтыми цветами и красными полумесяцами»^[277].

Разумеется, при таком распространении живописи появились и свои профессионалы. Малороссия славилась хорошими малярами, которые не только красили, но именно расписывали стены крестьянских, мещанских и, само собой, панских домов. Маляр нередко становился и богомазом. Путь от росписи хаты до росписи церкви на Украине был довольно короток.

Из очерка Николая Костомарова «Воспоминание о двух малярах»: «Как известно, в малороссийском крестьянском быту маляр – явление частое. <...> искусство располагает его к любознательности; маляр рисует богородицу, святых мужей и жен, – надобно знать, как изобразить того или другую, является охота узнать, кто они были и что с ними творилось в жизни, и маляр читает священное писание, жития святых»^[278].

По крайней мере одного такого богомаза вспомнит каждый русский читатель. Кузнец Вакула из «Ночи перед Рождеством» не только размалевал миски, «из которых диканьские козаки хлебали борщ», и покрасил в самой Полтаве дощатый забор у сотника Л...ко, но и, несмотря на противодействие чёрта, нарисовал «картину» (икону) для диканьской церкви, где изобразил святого Петра, изгоняющего из ада злого духа.

Мир Гоголя фантасмагоричен, но кузнец Вакула был персонажем вполне узнаваемым. Не знаю, многих ли чертей малороссийским крестьянам и ремесленникам удалось обвести вокруг пальца, однако кузнец, который в свободное время занимается малеванием и пишет иконы, не плод воображения Гоголя. Более того, сам Николай Васильевич, по воспоминаниям сестры Елизаветы Васильевны, с удовольствием расписывал красками стены и потолки: «...наденет,

бывало, белый фартук, станет на высокую скамейку и большими кистями рисует, – так он нарисовал бордюры, букеты и арабески»^[279].

О Тарасе Шевченко и говорить нечего. В Петербурге он, еще крепостной человек Павла Энгельгардта, работал подмастерьем в артели мастера В. Г. Ширяева, занимавшейся росписями стен. Так, 13 июля 1836 года Ширяев подписал контракт «на живописные работы в Большом театре»^[280], а «первым рисовальщиком» в его артели был двадцатидвухлетний Тарас Шевченко^[281].

Во времена Гетманщины живопись, иконопись и гравюра были даже в большом почете. При монастырях трудились «многочисленные, подчас опытные живописцы», от села к селу «мандровали» бродячие богомазы-маляры, среди них не были редкостью студенты Киево-Могилянской академии и семинаристы. Обычно они располагали «запасами эстампов и образцов для рисования»^[282]. Именно эти студенты перенесут на стены мазанок сложные орнаменты, украшавшие страницы старинных книг. Семинарист из Чернигова, Полтавы и тем более настоящий «спудей» (студент) из Киева могли пользоваться богатыми библиотеками, где хранились редкие книги. Студенты же принесут в повседневную жизнь украинского крестьянина узоры, орнаменты в стиле барокко (главном и фактически «национальном» стиле Гетманщины) и даже рококо^[283].

Не удивительно, что еще в XVIII столетии в Малороссии появились и знаменитые художники, даже великие. В Глухове, столице Гетманщины, родился Антон Лосенко. В Миргороде – Владимир Боровиковский. В Киеве – Дмитрий Левицкий. Причем и Левицкий, и Боровиковский были потомственными художниками. Отец Дмитрия Григорьевича, Григорий Кириллович Нос, сменивший свое гордое родовое прозвище на полонизированную фамилию «Левицкий», был гравером, известным не только на Украине, но и в Польше.

Семейство Боровиков (Боровиковских), подарившее России одного из лучших портретистов рубежа XVIII и XIX веков, давно занималось иконописью и малеванием. Хотя Владимир Лукич долго служил в канцелярии, он зарабатывал на жизнь иконописью и стал еще до своего отъезда в Петербург знаменитым и очень дорогим мастером. Боровиковскому доверили украшать дворец («путевой домик»), в котором остановится императрица Екатерина II^[284].

«Не было, нет и быть не может!»

«...никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может <...> наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши»^[285]. Это слова знаменитого «Валуевского циркуляра»^[286].

Петр Александрович Валуев, министр внутренних дел в годы «великих реформ», представитель древнего рода (один из его предков, боярин Тимофей Васильевич, погиб в Куликовской битве), сын и внук камергера, принадлежал к высшему обществу от рождения. Он был женат на дочери князя Петра Вяземского, в молодости познакомился с Пушкиным и даже, как предположил Ю. Г. Оксман, стал прототипом Петруши Гринева в «Капитанской дочке»^[287].

Увы, время меняет людей, и повзрослевший Гринев станет прототипом совсем другого героя – министра из стихотворения А. К. Толстого «Сон Попова», лицемера и демагога.

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стеснение,
Гнуснейшее меж всеми преступленьем!^[288]

«Просвещенный консерватор», как назвал его военный министр Дмитрий Милютин^[289], Валуев обладал необходимым каждому чиновнику умением «ставить паруса по ветру». «Флюгер, направляемый ветром придворным», – писал о нем «Колокол» Герцена^[290]. Но даже враги Валуева никогда не отрицали ни его компетентности, ни образованности и ума.

Украинскими делами Валуев прежде специально не занимался, славянской филологией не интересовался. Даже слова про малороссийский язык, которого «не было, нет и быть не может», Валуев взял из письма председателя Киевского цензурного комитета О. М. Новицкого от 27 июня 1863 года^[291]. В этом письме, составленном на основе записки цензора Лазова, излагались мысли, которые потом будут многократно повторяться в русской антиукраинской публицистике: малороссийского языка нет, а русский язык понятнее народу, чем «теперь сочиняемый для него некоторыми малороссами и в особенности поляками так называемый украинский язык»^[292]. За письмом Новицкого, как предполагает историк Алексей Миллер, мог стоять генерал-губернатор Юго-Западного края Николай Николаевич Анненков, убежденный сторонник русификации.

И письмо Новицкого, и циркуляр Валуева, и антиукраинская статья русского публициста Михаила Каткова, опубликованная в «Московских ведомостях» и замечательная своими полемическими перехлестами и грозными обвинениями (украинофилы – часть «польской интриги», орудие в руках поляков и зловещих иезуитов)^[293], стали ответом на оживление украинской интеллектуальной жизни в конце 1850-х – начале 1860-х. Тогда в Петербурге одновременно можно было

приобрести шесть украинских букварей (один из них был составлен самим Шевченко), работала малороссийская типография Кулиша, в 1861-1862-м выходил украинский журнал «Основа». А на Украине появились молодые энтузиасты, которые носили малороссийскую одежду, читали и переписывали стихи Шевченко и шли даже преподавать малороссийскую грамоту украинским крестьянам.

Либеральные московские славянофилы еще смотрели на всё это доброжелательно, но дальновидные русские консерваторы «зрили в корень» и верно определили угрозу.

В 1863-м в Польше полыхало восстание, полыхал и Петербург, будто бы подожженный поляками. Украинцы в этом восстании, как и прежде, в 1831-м, не участвовали. Более того, рады были помочь его подавить, чтобы отомстить польским панам – извечным своим врагам. Но сильный и живой польский сепаратизм заставил вспомнить о еще слабом, но потенциально опасном сепаратизме украинцев. Тень Мазепы появилась вновь. И потребовалось тут же выдвинуть в противовес «мазепинству» идею большой русской нации: великороссы и малороссы едины, как един их язык. А малороссийский – всего лишь наречие русского. Лингвистика никого не интересовала, речь шла о политике.

Замечательна история взглядов на украинский язык выдающегося слависта Измаила Срезневского. В 1870 годы профессор Срезневский, давно уже преподававший в Петербурге, категорически отрицал само существование украинского языка. Но в 1830-е годы тот же Срезневский не сомневался, что «украинский язык есть язык, а не наречие русского или польского, как доказывают некоторые»^[294].

Из статьи И. И. Срезневского «Взгляд на памятники украинской народной словесности»: «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или как угодно называть другим, малороссийским) есть язык, а не наречие русского или польского <...> и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступит богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности <...> язык поэтический, музыкальный, живописный»^[295].

Измаилу Ивановичу было тогда всего двадцать два года, он жил еще в Харькове, где вырос, где учился. Он помнил лекции Гулака-Артемовского, слушал бандуристов, записывал их думы и песни и готовил к печати сборники «Запорожской старины», выходившие с 1833-го по 1838-й. Его увлечение украинской культурой было романтическим, но уже не дилетантским. Именно эту статью Срезневского много лет спустя высоко оценили академики В. И. Ламанский и А. Н. Пыпин, авторитетные и строгие исследователи.

Быть может, с годами Срезневский стал мудрее и начал критически переоценивать свои прежние взгляды? Возможно, хотя на такую перемену могли повлиять многие обстоятельства, в том числе и личные. Именно «укаинофилы» Костомаров и Драгоманов нашли, что

Срезневский фальсифицировал некоторые думы, изданные им в «Запорожской старине». Измаил Иванович, ставший к старости придирчивым и строгим филологом, на обвинения никак не ответил, но вряд ли о них позабыл. Вероятно, была и другая причина: страх перед «мазепинством». Срезневский, несмотря на увлечение украинской культурой, оставался русским человеком.

Мова

Первая украинская грамматика («Грамматика малороссийского наречия») составлена русским человеком, филологом и поэтом Алексеем Павловичем Павловским, который учился в Киеве и долго жил среди малороссиян на Слободской Украине. Книга была подготовлена в 1805 году, но издана только в 1818-м. В 1822-м Павловский напечатал добавления к своей грамматике^[296].

В предисловии филолог замечает, что наречия архангельское, новгородское, муромское различаются «только несколькими или нечистыми, или смешными, или весьма странными словами», в то время как наречие малороссийское «составляет почти настоящий язык»^[297]. Замечание важное. Почти полвека спустя Михаил Катков станет утверждать, будто из костромского или рязанского говора тоже можно сочинить особый язык. Но скромный ученый доказывал обратное. Павловский обращал внимание не только на лексику, но и на фонетику, «зная из опыта, сколь смешно, когда кто говорит по-малороссийски, не зная ударений сего наречия»^[298]. Филолог писал и о мелодичности малороссийского наречия: «Природа, изливающая дух стихотворения всем народам <...> малороссиян наделила оным с избытком»^[299].

Девять лет спустя после издания «Грамматики» Павловского Михаил Максимович в предисловии к своему сборнику малороссийских песен назовет малороссийский особым языком, который заметно отличается от великороссийского, то есть русского^[300].

«Язык, называемый обыкновенно малороссийским, которым говорят в юго-западных губерниях России и в Галицком королевстве, не есть наречие языка русского, образовавшегося в последнее время; он существовал издавна и теперь существует как наречие славянского корня <...> наречие правильное, богатое, гармоническое и способное к развитию литературной образованности»^[301], – писал молодой историк Николай Костомаров в 1842 году. Он в детстве и юности не знал украинского, а потому даже «Энеиду» Котляревского не смог прочитать. В Харьковском университете начал читать повесть Квитки-Основьяненко, но сначала не мог ее понять без словаря, а словаря не было. Поэтому русско-украинский и украинско-русский словари заменял ему слуга-украинец^[302].

Григорий Квитка-Основьяненко пошел гораздо дальше Костомарова. Он доказывал, будто малороссийский язык – старший брат русского, великороссийского. Более того, «...великороссийский язык есть только наречение нескольких губерний, дитя-то не старше нашего языка, старшего сына коренного славянского»^[303].

Не только ученые вроде Костомарова или Срезневского писали про несходство русского и украинского. Князь Долгорукий, впервые оказавшийся в Малороссии в 1810 году, заметил, что перестал понимать язык народа: «...со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трем переводу...»^[304] Алексей Левшин спустя несколько лет написал, что малороссийский язык хотя и происходит от «древнего славянского», но так перемешан с «перековерканными» немецкими, польскими и латинскими словами, что «почти не понятен великороссиянину»^[305]. А «Северная пчела» в 1834 году сожалела, что «большая часть русских не могут понимать украинских песен, полных неподдельного чувства и поэзии»^[306].

В творческом наследии Степана Руданского, украинского поэта, фольклориста, собирателя народных песен, сохранилось стихотворение про москаля, русского солдата, и хитрую, прижимистую малороссийскую хозяйку. Солдат хочет, чтобы та приготовила ему вареников, да «не знает по нашому, // Як их назвати»^[307]. Слово «вареники» для солдата – новое, непривычное, поэтому он это слово и позабыл. Хозяйка делает вид, что не понимает, о каком именно кушанье говорит солдат, и морочит ему голову.

Но если язык одного народа почти непонятен другому, то разве перед нами «наречие» или «диалект» русского?

Долгорукий, Левшин, Павловский в те времена не сомневались, что Малороссия присоединена навсегда. Значит, не было у них и необходимости доказывать единство народа (залог единства государства). Ни владимирский губернатор Долгорукий, ни студент Харьковского университета Левшин, ни филолог-любитель Павловский не думали о сепаратизме малороссиян, а потому были совершенно свободны в своих наблюдениях, оценках, выводах. Так же свободен был и писатель Антоний Погорельский (Перовский), когда писал свою «Монастырку».

Из романа Антония Погорельского «Монастырка»: «Более всего мне надоел язык, которым здесь изъясняются. Поверишь ли, что я почти ничего не понимаю? Вчера ввечеру сидела я в комнате и читала книжку; тетенька на крыльце разговаривала с винокуром. <...> Они много говорили о барде... я ничего не понимала, только слышала, что тетенька говорила: “Береги барду, береги барду!” – а жид отвечал: “Как зе, васе благородие, не берец, барда прекрасная, барда отличная!” Я в Петербурге читала Жуковского сочинения и помнила, что он говорит о бардах... барда <...> которую так хвалят, должно

быть, жена какого-нибудь барда или поэта... и только что ушел винокур, я подбежала к тетеньке и просила познакомить меня с бардою. “А що тоби с нею робить! – отвечала тетенька. – Я чула, що микются бардой, чтоб шкура була билие...” Ах, Маша! Как же мне стыдно было, когда я узнала, что такое барда! <...> здесь так называют гущу, которая остается на дне, когда делают вино!»^[308]

Анюта из «Монастырки» – природная малороссиянка, однако воспитанная в Петербурге и совершенно обрусевшая. Но сам факт – русская девушка не понимает речь украинцев – подтверждается многими источниками.

Виссарион Белинский откажется рецензировать «казки» Исько Матыренко^[309], потому что они отличаются «самым чистым малороссийским языком, который совершенно недоступен для нас, москалей, и потому лишает нас возможности оценить его по достоинству»^[310].

В 1841 году Александр Корсун издал в Харькове альманах «Сніп». Белинский уделил ему чуть больше внимания. В его разгромной и крайне злой рецензии интереснее всего такой вывод: “Сніп” г. Александра Корсуна от начала до конца – архималороссийская книга: русского в ней нет ни полслова»^[311].

В 1847 году Пантелеймон Кулиш, как и другие участники Кирилло-Мефодиевского братства, был арестован. Его допрашивали в Петербурге, в III отделении. У него, как и у других «братчиков», нашли экземпляры «Кобзаря», как печатные, так и переписанные. У самого Шевченко конфисковали рукописи неопубликованных стихотворений и поэм. Но оригинальный украинский текст оказался непонятен шефу жандармов Орлову и его заместителю Дубельту, которые лично допрашивали и Шевченко, и Кулиша. Пришлось перевести сочинения на русский. В штате III отделения не было своего поэта, поэтому стихи для жандармов переводили прозой, точнее, просто пересказывая содержание.

Стихи Шевченко не были понятны и простым русским читателям, не носившим голубые мундиры. 21 ноября 1860 года в концертном зале Пассажа русская либеральная публика собралась чествовать Шевченко – героя, страдальца, жертву еще не забытого царствования Николая I. В тот же день, в том же Пассаже читал «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевский, но даже его поначалу не приветствовали столь шумно. «Шевченко приняли с таким восторгом, какой бывает только в итальянской опере»^[312], – вспоминал профессор Академии Генерального штаба Николай Обручев. Два человека, слышавшие знаменитое выступление Шевченко, расходятся в оценке поэта. Елена Штакеншнейдер в дневнике отзывалась о Шевченко неприязненно. Обручев – с уважением. Но оба заметили, что публика малороссийские стихи «большею частью не поняла»^[313].

Русским читателям и слушателям мешала не только незнакомая лексика, но и фонетика. Русскому, прежде не знакомому с украинским, трудно прочитать без ошибки даже стихотворение. Что там стихотворение, когда большинство и в наши дни не знает, на какой слог падает ударение в словах «Украина» и «украинский».

«Чистый, как заря небесная...»

В наши дни не только журналисты, но даже русские историки пишут, будто украинский язык изобрели то ли польские эмигранты, то ли австрийские чиновники. Автору доводилось слышать и вовсе фантастические и по-своему забавные версии происхождения украинского языка, вплоть до такой: украинцы придумали себе свою «мову», только чтобы досадить русским. Вряд ли стоит подозревать украинцев в таком злокозненном коварстве. Тем более не надо приписывать лишнего иноземцам. Во времена Шевченко и Кулиша, Котляревского и Квитки-Основьяненко власти Австрийской империи таких сложных задач перед своими чиновниками не ставили, а немногочисленные польские украинофилы сталкивались как с непониманием соотечественников-поляков, так и с упорной, последовательной враждебностью самих украинцев.

Филологи в сказки про язык, изобретенный в австрийской канцелярии, не верят. Они спорят о другом: когда началась история украинского языка – в XIV–XV веках или еще раньше, во времена Киевской Руси?

В 1839 году профессор Харьковского университета Амвросий Метлинский писал, будто именно на «южнорусском» языке говорили первые древнерусские летописцы, именно по-южнорусски «звучали речи князей Киевских»^[314]. Начало истории украинского языка искали в домонгольской Руси куда более серьезные ученые, достаточно вспомнить хотя бы Михаила Грушевского, но и они вольно или невольно хотели сделать историю украинского языка, а значит, и Украины-Руси как можно древнее. Перенести не в XIV век, а в XI–XII, а то и дальше в глубь веков, как это делают и теперь даже такие серьезные украинские филологи, как В. В. Нимчук, который пишет о древнем «руссоукраинском языке»^[315].

Между тем еще в конце XIX века выдающийся русский филолог А. А. Шахматов полагал, что в Киевской Руси особого украинского языка не существовало. Он начнет формироваться только после монгольского вторжения.

И все-таки слишком силен соблазн найти истоки разделения и восточнославянских языков, и восточнославянских народов в древней, домонгольской истории русских земель. Тогда история Ростово-

Суздальской земли становится началом русской истории. Киев, Переяславль, Галич начинают украинскую. Полоцк и Турово-Пинское княжество – белорусскую. Историк и филолог, вольно или невольно, пытались переносить современную реальность на далекое прошлое.

Настоящая Древняя Русь не соответствовала этим представлениям. Не раз исследователи пытались выделить диалекты в древнерусском языке, но попытки эти приводили к результатам неожиданным. Так, советский филолог Ф. П. Филин еще в 1972 году издал монографию о происхождении трех восточнославянских языков. Но ему пришлось выделить не три, а пять диалектных зон: северную и северо-восточную, южную, западную, приокско-верхнедонскую и прикарпатскую. Границы этих диалектных зон не соответствовали ни границам княжеств, ни территориям, где позднее начнут формироваться русский, украинский и белорусский языки. Не будь монгольского вторжения и литовского завоевания, история древнерусского языка и древнерусского народа пошла бы совсем иным путем^[316].

Современные исследования новгородских берестяных грамот, сопоставление грамот с известными прежде древнерусскими письменными памятниками и с грамотами, которые находили и в других землях Древней Руси, принесли новые, и тоже неожиданные результаты. Академик Андрей Зализняк доказывает, что в древнерусском отчетливо выделялись не три, не пять-шесть, а только два диалекта. Но это были не, скажем, суздальский и киевский диалекты, а общерусский и новгородско-псковский. При этом более всего эти диалекты различались в XI–XII веках, а позднее начали сближаться. И до монгольского завоевания предпосылок распада древнерусской общности не было. Так что этнолингвистическое деление домонгольской Руси никак не напоминало современное: «Не было древнего различия между Киевской, Черниговской, Рязанской, Смоленской, Ростовской и Суздальской зонами. Это была одна Южная, Восточная и Центральная территории, противопоставленные Северо-Западу»^[317].

«Руссоукраинский» язык в домонгольской Руси – явный анахронизм. Представлять борьбу ростово-суздальских князей с киевскими как межэтническую войну – анахронизм не меньший. Пытаться разглядеть в Андрее Боголюбском предтечу русских царей – наивно. Всё это попытки перенести в древнюю страну реалии совсем других эпох, других времен.

Но в середине XIV века почти все западные и южные русские земли, кроме занятой поляками Галиции, довольно легко завоевали литовские князья. А власть Золотой Орды над Восточной Русью и землями Пскова и Великого Новгорода сохранялась до конца XV века. Исторические судьбы потомков древних русичей разошлись. Неизбежно начали расходиться их языки. Новгородский диалект повлиял на формирование русского (великорусского) языка. Два диалекта, в

домонгольское время сильно различавшихся, сблизилась, образовав язык, который мы теперь называем русским. А украинский и белорусский развивались на основе общерусского диалекта^[318].

В 1701 году Иван Мазепа подарил Вознесенскому собору Переяслава старинное, богато украшенное рукописное Евангелие. В 1815 году «великолепное Евангелие, подаренное Мазепой», видел в том же храме и Алексей Левшин^[319]. Позднее драгоценную книгу нашел молодой ученый Осип Бодянский. Оказалось, что Евангелие было написано в середине XVI века (1556–1561) по заказу игумены Параскевии, в миру – княгини Анастасии Заславской, в городе Пересопнице на Волыни^[320]. Отсюда и его название – Пересопницкое Евангелие.

Как подчеркивал один из переписчиков Евангелия, некто Михаил Васильевич, книгу не только переписали, но и перевели «с языка болгарського (т.е. церковнославянского. – С. Б.) на мову руськую» «для ліпшого врозумлення люду християнського». Пересопницкое Евангелие написано «чистым, как заря небесная» языком, близким к русинским говорам Галиции (Червонной Руси). Этот язык российские ученые называют «западнорусским», украинские – «староукраинским»^[321].

Правда, Пересопницкое Евангелие так и осталось явлением уникальным. Библию и на Западной, и на Восточной (Московской) Руси продолжали переписывать и читать на церковнославянском. Первопечатник Иван Федоров, эмигрировавший в Речь Посполитую, благодаря поддержке князя Константина Острожского развернул издательскую деятельность, так что технический прогресс только укрепил положение церковнославянского, в сущности, искусственного богослужебного языка в церковной литературе.

Церковнославянский остался языком богослужения и Священного Писания. Но даже этот книжный язык в землях Речи Посполитой несколько отличался от церковнославянского языка царства Московского. Когда Симеон Полоцкий переехал в Москву, то вынужден был избавляться от лексики, непривычной его новым коллегам и читателям.

В делопроизводстве использовали язык, который на Украине XVI–XVII веков называли так: «руський язык», «руська мова» или «проста мова». На этом языке составляли свои универсалы малороссийские гетманы – от Хмельницкого до Мазепы^[322]. Следовательно, мову хорошо понимали козаки и посполитые (крестьяне). «Проста мова» постепенно превращалась в литературный язык. Ее даже использовали священнослужители, которые всё меньше понимали язык «славенский». Митрополит Киевский Петр Могила в 1645 году выпустил на «разговорном южно-русском языке»^[323] так называемый «Малый катехизис»^[324], разъяснявший простым людям догматы православной веры.

Но «проста мова» – не собственно народный язык, на котором говорили козаки и посполитые (крестьяне), а язык канцелярий, соединивший элементы народного языка, церковнославянского и общераспространенного в Речи Посполитой польского. На украинских землях, присоединенных к России, он выйдет из употребления, уступив не только русскому языку, но и собственно народному языку, то есть разговорному языку украинских крестьян^[325].

«Не по-московському, а по-нашому...»

Именно козаки и крестьяне сохранили свой народный язык, который мы и называем теперь «украинским», «украинской мовой». В первой половине XIX века украинская мова считалась языком мужицким. «Все пишущие и читающие малороссияне отказались от родного языка; помещики в домашнем быту говорят не иначе, как по-русски; одни только чумаки сохранили свое старинное наречие»^[326], – безапелляционно заявляла «Северная пчела». Мнение популярной столичной газеты, в общем, разделял и Пантелеймон Кулиш: «Тогда между украинским панством редко кто еще мог разговаривать мовой, – вспоминал он^[327]. – ...Всё было подмято “московщиной” и французским языком»^[328].

Правда, Пантелеймон Александрович всегда был склонен к преувеличениям. Украинский народный язык, ту самую «мову», знали Бодянский и Максимович, Щепкин и Галаган. Как мы убедимся далее, знал ее и Николай Васильевич Гоголь.

Другое дело, что «мовы», как языка мужицкого, стеснялись сами образованные украинцы: «...досадно, что такой прекрасный язык остается без всякой литературной обработки и сверх того подвергается незаслуженному презрению, – писал Николай Костомаров в своей «Автобиографии». – Я повсюду слышал грубые выходки и насмешки над хохлами не только от великороссов, но даже от малороссов высшего класса, считавших дозволенным глумиться над мужиком и его способом выражения»^[329].

Однажды Гоголь стал свидетелем и участником такой сцены. Дело было на Полтавщине, в гостях у некой помещицы Н. Семилетний сын этой Н. вбежал в комнату со словами: «Вареныкив хочу!». Мать смутилась: «Ах, как можно так говорить! Говори, душечка, по-русски!» А тот еще настойчивее: «Вареныкив хочу, дайте мини вареныкив!» Мать сконфузилась еще больше: украинская речь, видимо, в ее представлении была простонародной и в благородном обществе неуместной, если не сказать – неприличной. Но тут уж вмешался Гоголь: «Зачем вы мешаете ему, пусть говорит он на своем родном наречии, придет время и всему прочему еще успеет научиться»^[330].

В Российской империи знание мовы не давало никаких преимуществ, напротив, русским она казалась смешным и малопонятным языком.

Но и осмеянная и полузабытая «мужицкая» мова служила барьером, отделявшим украинцев от русских. Мова помогала сохранить национальное своеобразие украинцев, напоминала им о родине. Поэтому Шевченко и будет просить своего брата Микиту писать «не по-московському, а по-нашому»^[331].

Интересно, что малороссияне в Москве и Петербурге нередко прибегали к родному языку как своеобразному паролю, по которому узнавали «своих». Измаил Срезневский в июле 1837 года приехал в Полтаву знакомиться с поэтом и драматургом Иваном Котляревским. Тот жил в небольшом, на пять комнат, домике. Русский этнограф увидел помимо ломберных столиков (Иван Петрович, как почти что всякий помещик тех времен, играл в карты) и письменный стол, «покрытый драдедамовым платком, и на нем бронзовый чернильный прибор, бумаги, прикрытые томом “Истории” Карамзина, и еще какие-то развернутые книжки». В углу стояли два шкафа с книгами на французском и на латыни. Котляревский, человек статный и высокий, но уже совершенно седой, встретил гостя настороженно, говорил с ним исключительно по-русски. Но вот Срезневскому удалось расположить к себе писателя, доказать свой искренний интерес к малороссийской истории и фольклору. И Котляревский заговорил с ним по-украински: «Взор его <...> оживился, слова полились рекою...»^[332]

В начале XIX столетия Алексей Павловский считал малороссийское наречие «ни живым, ни мертвым»^[333]. Поэтому и спешил составить грамматику, пока еще мелкопоместные паны и простые мужики не позабыли мову и не перешли на русский язык: «История древних народов между прочим от того нам кажется неясною, что мы не имеем подобных грамматик, писанных в их времена»^[334], – писал русский филолог, современник основоположника египтологии Жана-Франсуа Шампольона. Для Михаила Каченовского, издателя журнала «Вестник Европы», «малороссийский диалект» был уже чем-то вроде лингвистического раритета^[335].

Однако украинцев участь древних египтян миновала. Их народный язык не только не был забыт, но вскоре обрел новую счастливую судьбу. Отставной кавалерийский офицер и будущий директор Полтавского театра Иван Котляревский уже переложил «Энеиду» Вергилия на язык полтавских крестьян, представив троянцев – запорожцами, Энея – назвал «паном», богов-олимпийцев заставил пить сивуху, закусывать оселедцем (селедкой) и цибулей (луком)^[336].

«Энеиду» вообще пародировали часто, благо для образованного человека материал был известен. По крайней мере, отрывки из поэмы Вергилия обязательно читали все, кто хоть сколько-нибудь

продвинулся в изучении латыни. А пафос Вергилия так и подталкивал ироничного человека к сочинению пародии.
Битвы и мужа пою, кто в Италии первым из Трои —
Роком ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.

(Вергилий Марон, перевод С. Ошерова)

Первым был, кажется, французский поэт и драматург Поль Скаррон, известный насмешник, автор многих литературных пародий. Его «Вергилия наизнанку» (*Virgile travesti*) читали по всей Европе. Появилась и немецкая пародия, а вслед за ней – русская. Автором последней стал Николай Петрович Осипов. Это был бедный сочинитель, добывавший средства к существованию на государственной службе, где он, однако, далеко не продвинулся. Николай Петрович трудился переводчиком в Тайной экспедиции Правительствующего Сената. Этот мелкий чиновник (дослужился лишь до коллежского асессора) написал великолепную книгу. Жаль, что ее не переиздают уже третий век, ведь читать стихи Осипова и в наши дни легко, приятно, весело^[337]. К сожалению, русская «Энеида» забылась. А ведь именно она послужила образцом для «Энеиды» украинской. Местами «Енеїда» Котляревского выглядит как вольный перевод «Енейды» Осипова, только «храбрый витязь» Эней стал паном Энеем, а его шайка – ватагой чубатых запорожцев.

Сравните хотя бы начало поэмы. Вот «Енейда» Осипова.
Еней был удалой детина,
И самой хватской молодец;
Герои все пред ним скотина;
Душил их так, как волк овец.
Но после свального как бою
Сожгли обманом греки Трою,
Он взяв котомку, ну бежать;
Бродягой принужден скитаться,
Как нищий по миру шататься
От бабей злости пропадать^[338].

А вот как начинается «Енеїда» Котляревского:
Еней був парубок моторний
І хлопець хоть куди козак,
Удавсь на всеє зле проворний,
Завзятіїшій од всіх бурлак.
Но греки, як спаливши Трою,

Зробили з неї скирту гною,
Він, взявши торбу, тягу дав;
Забравши деяких троянців,
Осмалених, як гиря, ланцив,
П'ятами з Трої наживав^[339].

Первые три части поэмы Осипова вышли в Петербурге в 1791–1794-м. Первые три части поэмы Котляревского напечатаны в 1798-м в том же Петербурге (причем без ведома автора). Четвертая часть русской «Энеиды» вышла в 1801 году, уже после смерти Осипова (его не стало в 1799-м). Четвертая часть «Энеиды» Котляревского – в 1809-м. Над пятой и шестой частями своей поэмы Котляревский работал до конца жизни. Полностью поэма выйдет только в 1842 году в Харькове.

Осипов не уступал Котляревскому в поэтическом даре, но его «Енейда» со временем превратилась всего лишь в изящный раритет. А «Енейда» Котляревского стала началом современной украинской литературы. Оказалось, что украинская мова замечательна не только в народных песнях.

Образованные малороссияне сразу полюбили поэму Котляревского. Издания «Энеиды» расходились одно за другим. Но и людям простым, неученым, она очень понравилась: «...это любимая книга всех малороссиян; мне случалось читать ее с простолюдинами малороссийскими, и они были в восторге»^[340], – писал издатель «Московского телеграфа».

Пройдет время, и основой украинского языка станут именно полтавско-киевские говоры, то есть та самая сельская мова, на которой писали Шевченко, Котляревский, Квитка-Основьяненко.

«...Возьмите любое малороссийское письмо, читайте его чумакам, дивчатам, парубкам <...> язык и смысл целого будет им понятен вполне. Вот она, неподражаемая простота и естественность в рассказе, облагороженный язык народа силен, ясен, прост, богат на мелочи, на шутки ему доступные...»^[341] – писал о малороссийском языке повестей Квитки-Основьяненко рецензент «Северной пчелы» казак В. Луганский. Под этим псевдонимом скрывался Владимир Иванович Даль.

Латынь

«Нигде я не слыхал такого сладкого произношения латинского наречия, как в устах малороссиян»^[342], – написал князь Долгорукий в Харькове в 1810 году. Путешествие только начиналось, и латинская речь выпускников еще работавшего тогда Харьковского коллегиума стала одним из его первых впечатлений о Малороссии и малороссиянах.

На Московской Руси до середины XVII века латынь вообще была малоизвестна. В основном ее знали переводчики из посольского приказа или иностранцы, оказавшиеся на русской службе, вроде хорвата Вениамина, который помогал архиепископу Геннадию работать над церковнославянской Библией и переводил для него некоторые библейские книги с «Вульгаты». Латынь знали «справщики» церковных книг при патриархе Никоне, но они тоже были выходцами из других стран: Арсений Грек, Епифаний Славинецкий. Благодаря усилиям Симеона Полоцкого и его ученика Сильвестра Медведева появились школы, где обучали латыни. Тем не менее, по словам французского посла де ла Нёвилля, еще при царевне Софье «во всем Московском государстве было <...> четыре человека, говоривших по-латыни»^[343].

Только в 1701 году Эллино-греческая академия была преобразована в Славяно-латинскую^[344], а латынь, по примеру Киево-Могилянской академии, стала языком обучения. В XVIII веке латынь оставалась языком науки и была для немногочисленной еще разночинной интеллигенции, по словам Юрия Лотмана, «таким же языком-паролем, как французский для дворянства»^[345]. Дворяне, после закрытия иезуитских пансионов в 1815-м, знали латынь гораздо хуже^[346].

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпитафьи разбирать,
Потолковать о Ювенале,
В конце письма поставить vale...

На Западной Руси латынь начали изучать несколькими веками раньше, распространение она получила намного шире, чем в России (Великороссии). Первые школы появились в Галиции еще в конце XIV века.

Латинские школы открывались при костелах, католических монастырях, при епископских кафедрах, разумеется тоже католических: в Перемышле, Львове, Холме. Их программа («семь свободных искусств») соответствовала программе европейских учебных заведений того времени. Жители Галиции отправлялись учиться в европейские университеты, главным образом, конечно, в Краков, но были русины-студенты и в Праге, Базеле, Болонье. Некто Юрий из Дорогобыча, сын ремесленника, учился в Краковском университете, а затем отправился в Болонью, где получил степень доктора искусств и медицины^[347]. Одно время (1481–1482) Юрий был даже ректором Болонского университета^[348]. Вот только можно ли назвать этого ученого латиниста русином?

Латынь изучали и в некоторых православных школах, что стали появляться во времена борьбы православия против унии и католичества. И все-таки многие православные смотрели на латинистов

как на потенциальных изменников. В измене, в соглашательстве с униатами не раз подозревали и самого Петра Могила, который произвел в образовании на Западной Руси настоящую «латинскую» революцию.

С 1615 года в Киеве при Богоявленском православном братстве действовала своя школа. В 1631-м Петр Могила, тогда еще только архимандрит Киево-Печерской лавры, открыл в лавре особую «гимназию», где изучали все те же «семь свободных искусств». Год спустя школа и гимназия объединились. Новое учебное заведение в источниках называют Киево-братской (потом – Киево-Могилянской, Киевской) «школой», «коллегией», «коллегиумом». Петр Могила мечтал создать академию, но этому противились униаты и католики, а потому король Владислав, вообще-то благоволивший Петру Могиле, статуса академии новому заведению не дал. В 1658-м, по условиям Гадячского договора, заключенного гетманом Выговским с поляками, Киевская коллегия получала статус академии, но Гадячский договор в силу не вступил. В 1660-м московские власти коллегию даже собирались закрыть^[349]. Академией Киевская коллегия станет только в 1701 году, при гетмане Мазепе и царе Петре.

Но слова значат мало. Киевская коллегия еще в свою «доакадемическую» эпоху стала лучшим православным учебным заведением всей Западной Руси. Там преподавали несколько языков: греческий, древнееврейский, польский, позднее – немецкий и французский. В XVIII веке, в эпоху постепенного упадка академии, лекции читали на русском (великорусском) и даже на «сельском наречии» (то есть на украинском), но в XVII веке языком преподавания была латынь. Ее в той или иной степени учили все двенадцать лет учебы. На латыни не только вели занятия, читали лекции – в стенах коллегии студенты должны были и говорить на латыни. Если студент произносил хоть слово на «сельской мове» или на польском, следовало наказание. Эту систему впервые ввели в иезуитских коллегиях, а профессора Киевской коллегии использовали передовой для того времени опыт. Студенты старших классов уже штудировали Аристотеля, читали Цицерона, готовили доклады и защищали диссертации на латыни и даже писали латинские стихи, подражая Вергилию или Горацию. Выпускники были квалифицированными богословами, могли вести полемику с хитроумными и многоучеными иезуитами и свободомыслящими протестантами, хорошо ориентировались в Священном Писании, постановлениях соборов, сочинениях отцов церкви, классической истории и литературе.

В Киевской коллегии учились Симеон Полоцкий и Михаил Ломоносов, преподавали Иннокентий Гизель, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. Украинские гетманы, начиная от Ивана Выговского и Юрия Хмельницкого и заканчивая Павлом Полуботком и Даниилом Апостолом, тоже были или выпускниками Киевской коллегии, или учились там хотя бы некоторое время. Михаил Грушевский, просматривая реестр

учеников Академии за 1727 год, нашел «представителей почти всех выдающихся старшинных семейств»^[350].

Более того, на учебу в коллегию отправляли своих детей русские бояре, воевавшие на Украине: Григорий Ромодановский и Петр Шереметев (сын последнего, Борис Петрович, будет героем Северной войны и соратником Петра Великого). Но это, так сказать, «сливки общества», а Киевская коллегия выпускала каждый год по несколько сотен священников для православных приходов. Не все могли осилить курс обучения, но хотя бы основы латинской учености усваивали и «несли в народ». То же самое вольно или невольно делали гетманы, полковники и сотники, получившие схоластическое образование, вообще-то не слишком нужное козаку, но считавшееся престижным. Не зря гетман Даниил Апостол назвал Академию «школой всему обществу благопотребной, где сыны малороссийские в науках свободных имеют наставления»^[351].

А ведь кроме Киевской коллегии Петр Могила открыл коллегию в Виннице (позднее она переехала в местечко Гойсчы под Луцком). Продолжали работать православные «братские» (основанные при православных братствах) школы и католические (иезуитские, доминиканские) коллегии, куда православные тоже нередко поступали учиться. Именно в иезуитской коллегии учился Богдан Хмельницкий. В 1644 году французский посол в Речи Посполитой граф де Брежи так писал о своей встрече с будущим вождем «Козацкой революции»: «На днях в Варшаве был один из старшин казацкой нации, полковник Хмельницкий <...> я дважды с ним разговаривал. Это образованный, умный человек, который силен в латинском языке»^[352].

Другой знаменитый гетман, Иван Мазепа, учился в Киевской коллегии, а в годы своего гетманства стал ее покровителем и щедрым меценатом. Он любил приехать в коллегию/академию, чтобы поговорить со студентами на латыни. Французский дипломат Жан Болюз писал, будто Мазепа «блестящим знанием этого языка мог соперничать с лучшими нашими отцами-иезуитами». Гетман читал Овидия и Горация и цитировал их по памяти^[353]. Когда Мазепа, предав царя Петра и Российское государство, перешел в лагерь Карла XII, тот сначала холодно отнесся к изменнику. Но умный и лукавый гетман подготовил и произнес перед королем по-латыни такую замечательную речь, что понравился шведскому правителю. Карл оценил и остроумие, и ученость своего нового союзника. Хорошо знал латынь и соратник Мазепы Пилип (Филипп) Орлик, генеральный писарь Войска Запорожского. Помимо латинского, Орлик владел еще девятью иностранными языками. Учиться начал в distinguished городе Вильно, в иезуитской коллегии, а совершенствовался опять же в Киево-Могилянской академии.

В императорской России латинское образование сначала развивалось успешно, причем не только в Гетманщине, но даже на

землях Слободской Украины. С 1721 по 1817 год действовал Харьковский коллегиум, где готовили священников. Программа коллегиума напоминала программу Киево-Могилянской академии. Именно латынь студентов Харьковского коллегиума и ласкала слух князя Долгорукого. Еще раньше Харьковского коллегиума, при гетмане Мазепе в 1701 году коллегиум открыли в Чернигове. «Ученых» латинистов также готовили семинарии Переяслава и Полтавы.

Люди, занимавшие сколько-нибудь значительные должности в гетманской канцелярии или даже в канцеляриях полков и сотен, владели латинским. Афанасий Гоголь, служивший в канцелярии Миргородского полка, знал латынь, а кроме нее еще греческий, польский, немецкий. Не зря учился он в Киево-Могилянской академии^[354]. Александр Безбородко, правитель канцелярии малороссийского генерал-губернатора, конечно, не мог обойтись без латинского. Антон Головатый, фактический организатор Черноморского казачьего войска и последний войсковой атаман, избранный козацкой радой (а не назначенный начальством), тоже знал латынь. Он учился в Киево-Могилянской академии, хотя курса не окончил, потому что уехал на Запорожскую Сечь.

Иные просвещенные малороссияне знали латинский лучше, чем великорусский. Известный впоследствии общественный деятель и публицист Григорий Полетика окончил Киево-Могилянскую академию. Он приехал в Петербург и поступил переводчиком в Академию наук. Полетике устроили экзамен на знание иностранных языков, причем экзаменатором был сам Василий Кириллович Тредиаковский. По мнению Тредиаковского, Полетика знал латынь великолепно, чего нельзя было сказать о русском языке: Полетика в то время говорил на «малороссийском диалекте»^[355]. Разумеется, замечательным латинистом был Григорий Саввич Сковорода. На латыни он писал письма, складывал вирши, что, впрочем, было совершенно естественным для ученого человека тех времен.

В Малороссии была и особая категория населения: «мандрованные»^[356] (бродячие) дьяки. Как правило, ими становились недоучившиеся студенты Киевской академии, Харьковского коллегиума или семинарий. Их мечтой было занять место дьяка в одном из приходов, а пока что они зарабатывали, чем могли: «...они знали разные канты и вирши, умели рисовать, умели поставить для общественного развлечения вертепную драму»^[357]. Эти люди хоть немного, да знали латынь и, скорее всего, способствовали ее распространению среди простого народа, посполитых и козаков. Латынь так или иначе проникала и в народную среду, где, конечно, Горация не читали, но некоторые латинские слова для повседневной речи адаптировали. Даже водку в Малороссии еще в гоголевские времена называли «оковитой», что было искаженным «*aqua vitae*» («живительная вода, или вода жизни»).

Князь Цертелев, первый собиратель украинского фольклора, записал слова народной песни, где упоминается «оковитая»:
Благослови мене, батьку, оковитой напиться.
Я зарекаюсь с бусурманами ще лучше побиться.
– Не велю я тебе, сыну, оковитой напивати
Да иди с бусурманами на долину гуляти...^[358]

Так что Тарас Бульба, будто бы не знавший, «как будет по-латыни горелка», лукавил или дурачился.

Григорий Теплов, о котором речь впереди, в своей записке «О непорядках...» в Малороссии так рассказывает о воспитании детей козацкой старшины: «...лучших фамилий отцы следующее воспитание детям дают: научив его читать и писать по-русски, посылают в Киев, Переяславль или Чернигов для обучения латинского языка...»^[359] Другое дело, что учили не всегда хорошо, родители спешили пристроить свою «дитину» на теплое местечко. Однако дети кое-что успевали выучить. Хотя бы те же «из Энеиды два стиха».

Иван Котляревский сочинял свою «Энеиду» для читателя, знакомого с римским оригиналом, прочитавшего настоящую «Энеиду» Вергилия Марона пусть и фрагментарно. Поэтому людям его круга поэма была много смешнее и понятнее, чем нынешним украинским школьникам и российским студентам-филологам (остальные ее уже вряд ли читают). В поэме есть даже эпизод, где троянцы, приплывшие с Энеем в Лациум, прилежно изучают латинский язык: мешают полтавский говор с испорченной латынью и приделывают к украинским словам окончания -us.

За тиждень так лацину взнали,
Що вже с Енеєм розмовляли
І говорили все на «ус»:
Енея звали Енеусом,
Уже не паном – домініусом,
Себе ж то звали – троянус.

И не прошло еще недели,
Как по латыни загудели,
Привыкли говорить на «ус»,
Энея звали Энеусом,
Уже не паном – доминусом,
Свой род и племя – Троянус^[360].

Котляревский жил во времена упадка латинской учености. Закрылись Харьковский коллегиум и Киево-Могилянская академия. Созданная на ее месте Киевская духовная академия не унаследовала могилянских традиций. Гоголь в Предисловии к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» уже будет подшучивать над школьником,

который «стал таким латынщиком, что позабыл даже наш язык православный».

В Нежинской гимназии высших наук латынь, конечно, учили, но она превратилась всего лишь в один из учебных предметов. Между тем любители-латинисты не перевелись. Иван Семенович Орлай, второй директор Нежинской гимназии, нередко приглашал к себе способных учеников, чтобы побеседовать на латыни. Когда он принимал на работу нового учителя латинского языка Ивана Кулжинского, то, разумеется, позвал его на обед. Приглашен был и гимназист Василий Любич-Романович, прежде изучавший латынь в Полоцкой иезуитской коллегии. Новый учитель с честью выдержал испытание. За столом все позабыли про обед, а только «латинствовали»^[361], предпочтя Горация котлетам.

Жинка

Не только русские путешественники, но и некоторые украинцы ставили малороссийских женщин гораздо выше мужчин. Кулиш писал, будто малороссийская женщина даровитей и порядочней, чем мужчина^[362]. Сам Пантелеймон Александрович женился на «украинской Беатриче»^[363] – красавице Александре Белозерской, которая под псевдонимом Ганна Барвинок станет известной писательницей. «Боярином»^[364] на их свадьбе был Тарас Шевченко. Он пел с Александрой дуэтом народные песни. И через десять лет, в Новопетровском укреплении, Шевченко вспомнит «прекрасную блондинку» и ее задушевную песню^[365]. В 1857-м, когда Шевченко вел свой дневник, с Александрой Белозерской-Кулиш мечтала петь малороссийские песни Надежда Аксакова.

Брат Надежды Сергеевны Иван Аксаков говорил о малороссийских женщинах даже ярче Кулиша: «Природная грация, вкус к изящному, художественный склад мысли, утонченность, доведенная донельзя в области чувства, – равно присущи всем малороссиянкам»^[366], – писал московский славянофил. Григорий Данилевский восхвалял телесную красоту «полностанной» и «полногрудой» дивчины, что идет с коромыслом на плечах за водой, «пышно колышется на ней белая новая свитка с двумя черными сердечками на спине у пояса»^[367].

В те времена крестьяне еще носили традиционную домотканую одежду. Городская мода не касалась деревни, поэтому различия особенно бросались в глаза, особенно в одежде женской. И у великороссов, и у малороссиян она была намного наряднее мужской. На знаменитую Коренную ярмарку (под Курском) приезжали и украинцы из Рыльского или Путивльского уездов, и русские крестьяне из уезда Курского. Аксаков, собиравший сведения для своей монографии о

ярмарках, не мог не обратить внимания на эти различия. Русский наряд ему, впрочем, нравился больше украинского: «это шерстяная юбка ярко-пунцового цвета, а не узкая плахта и не понева и белая рубашка. В Малороссии почти не носят юбок, а обертываются плахтою, что не очень красиво»^[368].

Вообще-то даже повседневные запаски, а уж тем более праздничные украинское плахты удивительно красивы. Да и слова Аксакова касаются только одного региона, пограничного между русским и украинским этнографическими мирами. Этнограф фиксирует картину одного дня, как будто снимает ее на фотоаппарат. Но жизнь течет и меняется даже в консервативной крестьянской среде. И те же юбки («спідниці») со временем едва не вытеснят плахты даже в Полтавской губернии. Но различия в одежде, особенно нарядной, праздничной, сохранялись долго, и вдаль от Малороссии украинская женская одежда казалась странной, диковинной. Когда Тарасу Шевченко понадобилось одеть натурщицу по-украински, оказалось, что портнихи в Петербурге представления не имеют о плахте и «гарно пошитой» девичьей сорочке^[369]. Пришлось заказывать сорочку и плахту на Украине, доставать через Квитку-Основьяненко.

В гоголевское время некоторые малороссийские помещицы, в особенности мелкопоместные или «средней руки», еще носили традиционную одежду. Не на балу, не в светском обществе, но дома, среди своих. Аня из романа Антония Погорельского «Монастырка» очень удивляется своим малороссийским кузинам. Всё украинское ей в диловинку. Обе кузины очень «много кушают», а потому, хотя и недурны собой, но «слишком толсты и краснощеки». Более всего Аня поразили их сапоги: «...Они были в утреннем наряде <...> и, – пожалуйста, Маша! Не рассказывай никому! – в больших кожаных сапогах!»^[370] В глазах воспитанницы Смольного института девушка благородного происхождения в сапогах – нечто просто неприличное. В богатых великорусских деревнях, правда, девушки тоже носили сапоги, чего Аня могла и не знать. Но для дворянки такая обувь была совершенно неподобающа. Между тем «...сафьянные чоботы – составляли наряд щеголеватой малороссийской девушки»^[371], – писал современник Погорельского Орест Сомов. Красные сапоги – высший шик, без них нельзя и представить жизнь настоящей панночки. Недаром же гоголевский дьячок ***ской церкви, рассказывая, как его дед возил гетманскую грамоту в Петербург, обул даже русскую императрицу в красные сапоги: «...сидит сама, в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест»^[372].

Быт и нравы украинских жинок и дивчин тоже несколько отличались от тех, что были приняты у русских. Как правило, в Малороссии жен не били и даже нередко подчинялись им в домашних делах. Крестьянин или козак был господином только в поле, в походе,

на войне. «В Малороссии жена – хозяин и хозяйка дома»^[373], – писала Александра Осиповна Смирнова-Россет. В доказательство она даже припомнила песню, которую услышала, очевидно, в детстве, в малороссийской деревне Грамаклея:

Мужик сияв жито,
Жинка каже: мак.
Нехай так, нехай так,
Нехай жито буде мак.

Мужик поймав щуку,
Жинка каже: рак,
Нехай так, нехай так,
Нехай щука буде рак^[374].

Этому свидетельству можно найти множество подтверждений, которые относятся и к разным украинским землям, и к разным временам. В начале XIX века Алексей Левшин писал о «незастенчивых» малороссиянках, «которых горделивая походка, вольность и решительная твердость во всех поступках показывают мужество, женщинам необыкновенное»^[375]. «Малороссиянка равноправна, часто забирает главенство в доме»^[376], – утверждал этнограф Василий Милорадович уже в конце XIX века.

Но недаром, видимо, многие козаки бежали на Сечь, куда женщин не пускали (кроме зимовий). Канцелярист Петрик (Петро Иваненко), впоследствии провозгласивший себя гетманом, бежал на Сечь «от бесстыдной ярости жены своей». Это был человек, вне всякого сомнения, отчаянной смелости. Соперник Мазепы и убежденный враг «москалей», бросивший вызов не только могущественному гетману Войска Запорожского, но и всему Русскому царству, считал беспокойную жизнь на Сечи, походы в Крым, войны и набеги занятиями менее опасными, чем жизнь с женой.

Из письма Петра Ивановича Иваненко (Петрика) к жене от 2 марта 1692 года: «Ганно! Ты как хотела, так и учинила! Не описываю твоих непристойных и злоторных поступков. Сама ты ведаешь, что делала. Если тебе лучше будет без меня, то забудешь меня. Живи, богатей, прохлаждайся, а я себе хоть соломаху естиму, да не буду опасаться за свое здоровье. Пришли мне зеленый кафтан, котел, треног и путоременное <...> Марта 2. Твой желательный муж»^[377].

На Украине долго сохранялся обычай, когда сватался не парень к девушке, а девушка к парню. Впервые этот обычай описан еще в середине XVII века де Бопланом. Французский инженер с удивлением заметил, что на Украине девушки ухаживают за молодыми людьми, сами сватаются к ним и, как правило, не получают отказа, в особенности если девушка проявляет настойчивость и упорство^[378]. Старинный обычай девичьего сватовства сохранялся и много позднее.

О нем рассказывал известный украинский писатель Иван Нечуй-Левицкий «...девушка придет, бывало, в дом, где она приметит себе парня, положит хлеб на столе и сядет на лавке. То был знак, что она хочет заручиться с хозяйским сыном». Можно было, конечно, и отказать ей, по украинскому обычаю «піднести гарбуза» (поднести тыкву), но вообще отказывать девушке считалось грехом^[379]. Так что в большинстве случаев она добивалась своей цели. Слова де Боплана и Нечуй-Левицкого подтверждают и современная академическая наука^[380], и украинская народная песня.

Ой, прийшла Маруся, стала у куточку:
Прийміть мене, мамо, за рідную дочку^[381].

Привычное, давно утвердившееся в жизни явление неизбежно должно было отразиться и в языке. Так и случилось. На Украине было распространено выражение «взять замуж», то есть взять себе в мужья^[382].

Обычай девичьего сватовства, да и сами традиции семейной жизни под властью жены-хозяйки сложились, вероятно, во времена Руины. Мужчины недолго жили с семьей. Они уходили на войну, где часто погибали, или попадали в плен, или, в лучшем случае, годами вели вольную жизнь в Запорожской Сечи, куда женок не пускали. Павел Алеппский писал о множестве вдов и сирот на Украине^[383]. В таких условиях жена неизбежно должна была стать хозяйкой дома, прибрать к рукам власть в семье.

Читатель Гоголя наверняка припомнит и Солоху, легко вертевшую многочисленными кавалерами, и Хиврю, что могла запросто вцепиться мужу в голову своими «супружескими когтями». Но всех гоголевских дам превзошла Василиса Кашпоровна, тетушка Ивана Федоровича Шпоньки. Правда, она была незамужней, очевидно, ей просто не нашлось под стать мужа, как не нашлось у той же Солохи для козака Свербыгуза соразмерного мешка. Василиса Кашпоровна «стреляла дичь; стояла неотлучно над косарями; знала наперечет число дынь и арбузов на баштане; брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю; взлезала на дерево и трусила груши, била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки. Почти в одно время она бранилась, красила пряжу, бегала на кухню, делала квас, варила медовое варенье и хлопотала весь день и везде поспевала». Даже пьяницу-мельника, ни на что не годного, Василиса Кашпоровна «дергая каждый день за чуб, без всякого постороннего средства умела сделать золотом, а не человеком»^[384].

Из всего этого не следует, будто украинская семья не знала мужского деспотизма, побоев и тому подобного. Из всякого правила есть исключения, а на многомиллионный народ, расселившийся на огромной территории от Карпат до Харькова и Новгород-Северского,

исключений набиралось немало. Не какой-нибудь тёмный мужик, а настоящий пан, притом образованный и очень богатый, Николай Васильевич Капнист, брат поэта и просветителя, наказывал жену за малейшую провинность. Если пану не нравилось какое-нибудь блюдо или он находил непорядок в доме, то лишь подзывал жену словами: «А ходы лишь сюда, моя родино!», а затем бранил ее «самыми гнусными словами» и даже избивал прямо при гостях^[385].

Ведьма

Сэмюэль Коллинс, описывая «черкасов» (украинцев), приезжавших ко двору Алексея Михайловича, сообщает, что они «очень преданы колдовству и считают его важной наукой. Им занимаются женщины высшего сословия»^[386].

И это далеко не первое иностранное свидетельство об украинских ведьмах и той роли, которую они играли в жизни общества. Польские хронисты не раз писали о чаровницах, что сопровождали козаков в походах, гадали для них и колдовали, пытаясь приворожить удачу. Когда поляки брали их в плен, то обычно казнили.

Историк А. С. Лавров обратил внимание на принципиальную разницу между колдовством русским и украинским. По его словам, преобладание женщин в делах о колдовстве просто бросается в глаза. На Украине колдовали даже женщины, занимавшие высокое социальное положение. Так, среди привлеченных по делам о колдовстве в 1735 году есть имя Марии Танской, жены полковника Антона Танского^[387]. А полковник на Украине времен Гетманщины – это очень большой чин, который соответствует не российскому полковнику, а уж скорее генералу. Обвинить украинскую полковницу в колдовстве всё равно, что начать такое следствие над русской генеральшей.

Из этого не следует, будто мужское колдовство не было известно на Украине. Отец той же Марии Танской, фастовский полковник Семен Палий, был известным характерником, то есть лыцарем-колдуном. Ее мужа, Антона Михайловича Танского, на Украине считали упырем. Историк Николай Маркевич записал легенду об упыре, которому князь Василий Голицын предложил гетманскую булаву. Им был Василий Борковский, черниговский полковник, а затем – генеральный обозный (командующий артиллерией) при Самойловиче и Мазепе. Но Борковский поспешил на взятку для Голицына, и гетманом стал Иван Мазепа, купивший должность за 16 000 рублей и трех турецких коней.

Помимо упырей встречались на Украине и колдуны, особенно распространенные среди бывших запорожцев, знакомых с военной магией. Чёрт («лысый дидько»), что ни говори, тоже относится к мужскому полу и, согласно украинским поверьям, вступает в связь

именно с ведьмами. Наконец, был в малороссийских землях и ведьмак, известный, впрочем, и на юге России. Так что страна, если верить народным преданиям и сочинениям украинских и русских писателей эпохи романтизма, была полна нечисти обоего пола.

И все-таки именно ведьмы стали самыми известными, самыми популярными персонажами украинского фольклора, что однозначно утверждает и современная академическая наука^[388]. По словам Фаддея Рылского, известного украинского этнографа XIX века, существование ведьм не вызывало сомнений даже у завзятых скептиков, которые вообще-то не верили «бабским забобонам». Более того, встречалось немало людей, которые рассказывали о ведьмах, буквально на их глазах превращавшихся в собак, кошек, жаб и даже в клубки или колеса. Не зря же удивлялся дьячок ***ской церкви тем, кто осмеливались не верить в существование ведьм: «нашелся сорвиголова, ведьмам не верит!»

И как тут не поверить, ведь на Украине еще в XIX веке встречались люди, которые не только видели летающих ведьм, но сами будто бы летали вместе с ними^[389]. «Ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу», – говорит гоголевский герой. Он говорит о пекле, но и на украинской земле их необыкновенно много. О них писали не только Гоголь, Сомов, Квитка-Основьяненко, но даже Василий Нарезный, который вообще-то не слишком увлекался малороссийскими фольклорными мотивами. Стоило ему взяться за повесть из малороссийской жизни, как потребовались и чёрт с ведьмой: в Переяславе, в монастырском саду «при полном сиянии месяца, увидел я ужасного дьявола, с хвостом и с рогами, тащившего под руку женщину в одной рубашке, с распущенными волосами, из чего заключил я, что она ведьма»^[390]. Правда, чёрт оказался ряженым, а ведьма – обыкновенной женщиной, но само появление нечисти в монастырском саду героя не очень удивило.

Наконец, именно на Украине, под Киевом, находилась знаменитая Лысая гора, куда слетались на шабаш не только малороссийские, но и белорусские и литовские ведьмы.

Великий город, первая столица православной Руси, был некогда и первой столицей Руси языческой. Православные богомольцы шли к православным святыням, а нечистую силу влекли в Киев древние идолы, спрятанные, согласно легенде, в недрах Лысой горы. Киевская ведьма превосходила прочих своей силой. По крайней мере, в Полтавской губернии именно киевской ведьме приписывали свойство видеть невидимое, каким обладал, скажем, гоголевский Вий^[391].

«Из города Киева // Из логова Змиева» возьмет себе жену Николай Гумилев. В Киеве, ведьминской столице, увидит свет Михаил Булгаков. В Киеве вам и теперь непременно покажут «дом с ведьмами» (и даже не один) и, возможно, расскажут какую-нибудь историю про Ирицу и Босорку – парочку веселых ведьм, что еще в позапрошлом веке

славились своими похождениями. Эти истории смешные, забавные и безвредные даже по сравнению с московскими похождениями Коровьева и Бегемота. Ходили ведьмочки по шинкам вместе с ведьминым котом, что любопытно, серым, а не черным. Втроем напивались горилки. Пели песню «Ой, не ходи, Грицю, на вечорниці», сочиненную знаменитой Марусей Чурай еще при Богдане Хмельницком. Ведьмы пели, кот смахивал лапой слезы. В конце концов устраивали дебош с мордобоем, но, в отличие от булгаковских героев, без пожара.

На самом же деле ведьма и в России, и на Украине – существо очень страшное. Односельчане не зря ее уважают и боятся. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет ведьму так: «колдунья, чародейка, спознавшаяся, по суеверию народа, с нечистою силою»^[392].

Украинская ведьма совершенно соответствует этой характеристике. И русские, и малороссийские ведьмы доили чужих коров, наводили порчу на людей и на скотину, привораживали девушек к парням, а парней к девушкам (любовная магия) и летали на шабаши, где танцевали с чертями и прочей нечистью. И у русских, и у малороссиян существовало деление ведьм на «прирожденных» («родимих») и «учёных» («виучених»). «Прирожденная» ведьма появлялась на свет, если ее мать проглотила в недобрый час кусочек угля или в семье семь поколений подряд рождались только девочки. Именно у природенных ведьм был небольшой хвост. «Учёная» ведьма такого признака была лишена. Она добровольно переходила на службу к чёрту, топтала ногами икону, отрекаясь от Царства Небесного. «Виучени» ведьмы считались вреднее и злее «родимих», зато последние были сильнее, могущественнее.

На далеком от благословенной Диканьки Русском Севере ведьмы крали с неба месяц, как это делали и ведьмы на Украине. Гоголевской Солохе в этом деле помог приударивший за ней чёрт, но такая задача была вполне под силу и самой ведьме.

Сходство русских и украинских ведьм не удивительно. Прежде всего, у многих поверий, связанных с ведьмами, общеславянское (и даже общеиндоевропейское) происхождение. Сближал ведьм и сходный образ жизни, ведь и русские, и украинцы – земледельческие народы, которые вели хозяйство на пространстве Русской равнины. Наконец, длительная жизнь в одном государстве и частые смешанные русско-украинские браки способствовали взаимовлияниям даже в демонологии. Но были и различия.

Малороссийскую ведьму хорошо знали не только украинские крестьяне и русские этнографы. Даже теперь читатели Николая Гоголя и Ореста Сомова непременно вспомнят о красивой малороссийской ведьме вроде мачехи из «Майской ночи», панночки из «Вия» или Катруси из «Киевских ведьм». Поэтому русский этнограф Сергей Васильевич Максимов начинает главу в своей книге о нечистой силе с

противопоставления великороссийских ведьм ведьмам малороссийским: «...в суровых хвойных лесах <...> шаловливые и красивые малороссийские ведьмы превратились в безобразных старух. Их приравнивали здесь к сказочным бабам-ягам, живущим в избушках на курьих ножках, где они, по олонечкому сказанию, вечно кудель прядут и в то же время “глазами в поле гусей пасут, а носом (вместо кочерги и ухватов) в печи поваруют”»^[393].

Максимов и прав, и не прав. Сам он, русский из Костромской губернии, был знатоком прежде всего великорусской этнографии и дал верную характеристику русской ведьме. Между тем украинские ведьмы могут быть не только красавицами, но и страшными, уродливыми существами, ни в чем не уступающими той же Бабе-яге, хорошо известной и украинскому фольклору. Читатель Гоголя вспомнит «Вечер накануне Ивана Купалы», где ведьма представлена страшной старухой «с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко», с носом и подбородком, напоминающими «щипцы, которыми щелкают орех». Она набрасывается на обезглавленный труп ребенка и жадно пьет человеческую кровь. В «Энеиде» Ивана Котляревского упомянуты три колдуньи. Их античные имена только оттеняют внешний облик, весьма характерный для украинских ведьм. Две из трех – отвратительные старухи, которых поэт прямо называет «ягами».

Як вийшла бабище стара,
Крива, горбатая, сухая,
Запліснявіла, вся в шрамах;
Сіда, ряба, беззуба, коса,
Розхристана, простоволоса.

Вдруг вышла бабища седая,
Заплесневелая, хромая,
Косматая, с клюкой в руках;
Была старуха конопата,
Суха, крива, коса, горбата...^[394]

Это Кумская Сивилла. Она помогает козаку Энею проникнуть в царство мертвых. А богиня Юнона, чтобы погубить ненавистного Энея, вызывает ведьму пострашнее:

Прибігла фурія из пекла,
Яхиднійша од всіх відьом,
<...>
Ввійшла к Юноні з ревом, стуком,
З великим треском, свистом, гуком,
Зробила об собі лепорт,
Якраз її взяли гайдуки
І повели в терем під руки,
Хоть так страшна була, як чорт.

Из пекла Тезифона бурей
Примчалась, подняла содом.
Ехиднейшей из ведьм и фурий
Ее считали поделом.
Вошла с ужасным стуком, криком,
Со свистом, ревом, треском, зыком.
Тут гайдуки шагнули к ней
И повели под ручки в терем,
Хотя она смотрела зверем
И сатаны была страшней^[395].

Фурия обещает Юноне съесть всех троянцев: «троятнів всіх поїм», что как раз характерно для «яги», а не для «панночки». Пожалуй, только «люта чарівниця» Цирцея не вписывается в этот ряд, но встречи с ней пан Эней с товарищами счастливо избегают.

Ведьма, как и всякая женщина, со временем стареет, а потому неизбежно превращается из красавицы в старуху. В «Киевских ведьмах» Ореста Сомова действуют и старая ведьма Ланцюжиха, и ее молоденькая дочь Катруся – само воплощение малороссийской женской красоты и очарования. Более того, ведьма, способная превратиться в клубок или в копну сена, может и стареть, и молодеть. Панночка из «Вия» ночью обращалась в старуху, а конотопская ведьма Явдоха Зубиха из повести Квитки-Основьяненко, напротив, молодела по ночам. Днем она была «старая-престарая», но после захода солнца становилась всё моложе и моложе. В глухую полночь оборачивалась молоденькой девушкой, а к восходу солнца снова старела^[396]. А ведь это, пожалуй, две самые знаменитые украинские литературные ведьмы.

Писатели эпохи романтизма находили в молоденькой украинской ведьме подлинное очарование зла. Красота не спасает – губит душу и тело. Хома Брут не решается добить панночку и погибает, а киевская ведьма Катруся высасывает кровь у своего мужа, козака Федора Блискавки, да приговаривает: «Сладко ли так засыпать?» «Сладко!» – отвечает ей козак, засыпая навеки^[397].

Украинский народ, однако, смотрел на вредоносную ведьму не так благосклонно, как московские, петербургские и даже киевские читатели «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Бурсака» или «Конотопской ведьмы».

Этнограф и фольклорист Петр Саввич Ефименко, сам по происхождению украинский крестьянин из Таврии, честно признавал: «...в старину у нас, как и на Западе, во время засух и мора сжигали на огне упырей и ведьм»^[398]. Современные ученые эти слова подтверждают. Вплоть до XIX века продолжались и суды над ведьмами, и расправы, и даже испытания водой^[399], хорошо известные многим народам.

В трагикомической повести Квитки-Основьяненко «Конотопская ведьма» сотник и писарь начинают в Конотопе борьбу с ведьмами, для чего устраивают испытания водой. Собирают вместе и бросают в воду подозрительных, с их точки зрения, женщин. Бедные женщины тонут одна за другой, пока дело не доходит до настоящей ведьмы – Явдохи Зубихи. Сам автор утверждал, что в основу повести положены реальные события. И в этом нет повода сомневаться. Свидетельства об испытании водой есть даже в рассказах о ведьмах, записанных Львом Жемчужниковым, а изданных уже Кулишем в его типографии. Однажды в каком-то селе «за Днестром» долго не было дождя. Тогда мужики начали топить тех баб, о которых ходили слухи, что они – ведьмы. Три бабы не потонули, поэтому их стали допрашивать, не ведьмы ли? Все три признались^[400].

Между тем никакой необходимости в столь жестоких испытаниях не было. Один только этнограф П. В. Иванов записал четырнадцать способов найти ведьму, известных украинским крестьянам^[401]. И его список еще далеко не полон. Орест Сомов пишет о собаках-ярчуках (родившихся с шестью когтями), которые легко определяли ведьм. За это ярчуков малороссыяне очень ценили и берегли. Можно было увидеть ведьму через отверстие в бревне, из которого выпал сучок. Словом, способов было множество, и надобности топить женщин даже у самых отсталых и темных деревенских мужиков, казалось, и быть не могло. Но жестокость, присущая многим людям от природы, очевидно, и толкала их на такие действия.

В отличие от Европы, на Украине ведьм убивали не столько за связь с дьяволом, сколько за вред, который они будто бы причиняли народу. Ведьма крада с неба не только месяц и звёзды, но и дождевые тучи, чтобы вызвать засуху и голод. Ведьму обвиняли и в «моровой язве», то есть в эпидемиях заразных болезней: холеры, тифа, оспы.

Владимир Антонович посвятил судебным процессам и следственным делам над ведьмами и упырями целую монографию, основанную на документах городских магистратов правобережной Украины еще польского времени (до второго раздела Речи Посполитой). Он с гордостью пишет, будто в «Южной Руси не было преследования ведьм, охоты на ведьм, какие были в Европе». При этом магдебургское право предусматривало суровые наказания за колдовство, а полномочия инквизиции распространялись и на украинские владения польских королей. В польских землях ведьминские процессы продолжались вплоть до конца Речи Посполитой. Если последнюю ведьму Западной Европы сожгли в 1782 году в швейцарском Гларисе, то последняя польская ведьма сгорела в Познани в 1793 году! Но, как пишет Антонович, «фанатический взгляд на чародейство и применение к нему всех последствий выработанного инквизиционными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое народонаселение Речи Посполитой»^[402]. Так говорит

украинский патриот Антонович. А честный историк Антонович приводит факты чудовищных расправ над ведьмами и упырями, которых сжигали заживо еще в XVIII веке. Почти все они связаны с чем-то вроде «массовых психозов», которые охватывали народ во время эпидемий. В 1720 году на Волыни в городе Красилове была эпидемия какой-то заразной болезни. Нашли и виновную – 120-летнюю старушку, которая попала под подозрение только потому, что жила на свете слишком долго. Ее сначала взяли под стражу, затем освободили, затем снова схватили, закопали по шею в землю, обложили хворостом и сожгли, не дав ни времени, ни возможности даже для исповеди^[403]. Участь этой волынской «ведьмы» постигла и мужчин из Подолии, потому что они-де были упырями, распространявшими «моровую язву»^[404].

Иван Франко пишет о расправах, правда, не над ведьмами, а над упырями в Восточной Галиции в 1831 году. Дело было во время печально известной эпидемии холеры 1830–1831 годов. Тогда умирали и в России, и в Германии (одна из жертв – профессор Берлинского университета Георг Фридрих Вильгельм Гегель). В Галиции переболело до 12% жителей, а смертность среди заболевших достигала 40%. Русские крестьяне подозревали тогда докторов-немцев, а украинские – обвинили в эпидемии нечистую силу и попытались с ней по-своему расправиться.

Лыцари

Военное искусство на Украине еще со времен Наливайко и Сагайдачного было непременно связано с волшебством.

Козаки гетмана Остряницы оборонялись от коронной армии Потоцкого в крепости Голтва, что на берегу реки Псёл. Укрепив крепость валом, козаки прибегли и к помощи сверхъестественных сил. На крышах «сидели чародеи и чаровницы» и своими заклинаниями старались помешать неприятельским обстрелам, сделать так, чтобы польские ядра и пули летели мимо^[405]. Однако польские ксёндзы, если верить польским источникам, своими молитвами разрушали эти чары. К чародейству прибегали и при других военных операциях.

Тем более охотно прибегали козаки к гаданию, в котором, по утверждению современников, они были весьма искусны. Польские хронисты пишут, как осенью 1648 года при осаде польского города Замостье козаки выстрелили по городу огненным снарядом, чем-то вроде ракеты. Долетев до середины города, «ракета» приняла форму змеи, которая стала изгибаться таким образом, что ее «голова» соединилась с «хвостом». Козаки, увидев это, закричали: «Не наша доля»^[406]. Они отказались от нового штурма и приступили к переговорам, в конце концов сняв осаду за выкуп.

В козацком войске тогда была некая Маруша, «знаменитая чаровница»^[407]. Богдан Хмельницкий держал при себе трех колдуний и советовался с ними^[408]. Ведьмы не раз сопровождали козацкие загоны (отряды).

Фаддей Булгарин в своем романе о Мазепе пользовался и украинскими преданиями, а потому не преминул сделать одной из эпизодических героинь подругу Мазепы, некую Ломтиковскую, которую изображает ведьмой. Эта дама только «для обмана христиан исполняет закон», а на самом же деле колдует и под видом поездок на богомолье в Киев отправляется на Лысую гору совещаться со знаменитыми киевскими ведьмами^[409]. Впрочем, Мазепа в народных представлениях мог обойтись и без ведьминой помощи, потому что сам был колдуном, характерником.

Каждый русский читатель непременно вспомнит и Пузатого Пацюка, что «знает всех чертей и всё сделает, что захочет». Сведения о запорожских чародеях, «каверзниках» можно найти не только в художественной литературе или в трудах по украинской этнографии, но даже в протоколах допросов Тайной канцелярии. Так, в 1739 году при осаде турецкой крепости Хотин русский солдат Петр Шестаков познакомился с одним запорожцем. Тот умел останавливать кровь и обещал научить солдата чародейским заговорам. Солдат и запорожец купили вина у маркитантов и сели пить, совмещая приятное с полезным. Солдат своей рукой переписал со слов запорожца «волшебное письмо»^[410], за что и угодил под следствие.

Если такова была историческая реальность, что говорить о народном, во многом мифологическом представлении об истории, народе и народных героях? В представлении народа, наиболее выдающиеся, талантливые и удачливые предводители козачков были «характерниками» (колдунами). Характерник – непременно умный, знающий человек, воин, истинный «лыцарь» (то есть рыцарь), защитник православия, враг басурман (неверных), католиков (недоверков) и евреев. Характерник знает все броды на реках, он выйдет «сухим из воды, а из огня – мокрым»^[411].

Характерник отличается от других людей с самой колыбели. Кошевой атаман Иван Сирко, один из самых знаменитых характерников, будто бы уже родился зубастым и вместо материнской груди схватил со стола пирог и тут же съел его^[412]. «История русов» приписывает Сирко славу волшебника, которого даже татары называли «русским шайтаном»^[413].

Важнейшее качество характерника – неуязвимость. Типичным характерником предстает Максим Кривонос, полковник в армии Хмельницкого. Кривонос – знаменитый, даже легендарный предводитель украинских повстанцев в 1648 году, один из героев битвы при Корсуні, взявший крепость Бар, считавшуюся неприступной. Кривоноса будто бы не брали ни пуля, ни сабля. Сотника Ивана Харько,

предводителя гайдамаков, можно было убить только его же «лыцарской» саблей. Когда поляки схватили его, то якобы три дня рубили своими саблями^[414], но не могли причинить вреда. На теле атамана Ивана Сирко вражеские сабли оставляли только синяки, никак не могли разрезать кожу. Так Сирко и не умер, всё еще воюет где-то «с врагами Христовой веры и козацкой вольности»^[415].

Легендарного козака Степана Плаху (видимо, его прототипом был Семен Палий) царь Петр тридцать лет держит в тюрьме без хлеба и воды, но тот остается жив, вместо еды только нюхает табак. «Швед» (мифологический образ, навеянный, видимо, историей Карла XII) стреляет по Семену Палию, но не может пробить его старую кожу («стару шкуру»)^[416]. Мазепа держит уже самого Палия в каменном столбу, но тоже не может его убить^[417].

Тараса Шевченко народ со временем тоже превратит в характерника, приписав и ему эту сверхъестественную жизненную силу. В Киевской губернии существовали и легенды о бессмертии Шевченко. Согласно одной, Шевченко не умер, а сослан в Сибирь и прикован к столбу; когда столб сгниет, Шевченко вернется^[418]. По другой легенде, Шевченко будто бы трижды умирал, но так и не умер^[419]. В начале 1890-х, когда Шевченко уж тридцать лет не было на свете, украинские крестьяне говорили, будто Шевченко всё еще жив.

В свою очередь, на Полтавщине верили, что Гоголь не умер, а уехал молиться в Иерусалим. Придет время, и Гоголь вернется. На Гоголя гадали, как на козака, который ушел воевать в чужие края: на ночь запускали в глиняный горшок паука. Если паук успевал ночью сплести паутину и выбраться, то козак еще жив. Паук, который должен был определить судьбу Гоголя, за ночь заткал паутиной весь горшок и по этой паутине выбрался – значит, Гоголь не умер^[420].

Разумеется, характерник практически непобедим на поле боя. Одолеть его может более сильный характерник. Мазепенко, мифический сын гетмана Мазепы, так силен и могуч, что у него в ладони умещается целая пушка. Победить его может только Семен Плаха, которого срочно призывает на помощь царь Петр. Сам Мазепа, по другой легенде, «совсем одолевает» царя Петра, но призванный царем Палий своим волшебством (неразрывно связанным с воинским искусством) истребляет Мазепино войско^[421]. Палий может победить Мазепу только потому, что сам будто был его учителем и умеет больше своего ученика.

Самые выдающиеся гайдамаки вроде легендарного Гаркуши, который стал героем даже русской литературы эпохи романтизма, также обладали свойствами характерника. О нем писали Евгений Гребенка и Орест Сомов. Из повести Ореста Сомова «Гайдамак»: «Да, гайдамак ужасный чернокнижник: дунет на воду – и вода загорится, махнет рукою на лес – и лес приляжет...»^[422]

Характерник побеждает и нечистую силу. У гоголевских героев, которые могут не только обыграть в самом пекле ведьму, но и заставить чёрта себе прислуживать, были в народном фольклоре свои предшественники. Про Ивана Сирко рассказывали, будто он из пистолета застрелил самого чёрта, да так, что только ноги чёрта «млыкнули» (мелькнули). В память об этом событии якобы получила свое название речка Чертомлык, где во времена Сирко стояла Запорожская Сечь^[423]. Помимо Сирко убийство чёрта приписывали не менее легендарному фастовскому полковнику Семену Палию. Вообще черти на Украине – существа смертные, немногим лучше обычных упырей, ведьм или вовкулаков, но все-таки такой подвиг, как убийство чёрта, требует особых, сверхъестественных способностей.

Ужас украинский

В старой украинской сказке муж однажды обнаружил, что его жена – ведьма, и что она, намазавшись колдовской мазью, летает на Лысую гору. Он решил за ней проследить и, намазавшись той же мазью, отправился вслед за женой на шабаш. По дороге они встретились, и жена, пригрозив мужу, велела ему возвращаться. Она дала ему коня, на котором муж и вернулся назад, привязал его и лег спать. Проснувшись же, обнаружил, что жена спит в хате сладким сном, а на улице вместо коня привязана большая ветка вербы. По мотивам этой сказки Сомов и написал «Киевских ведьм», а Пушкин – своего «Гусара».

Первоисточник эмоционально нейтрален. Собственно, это даже и не сказка, а «быличка», случай из жизни, где есть место не только нормальным людям, но и ведьмам, колдунам, бродячим покойникам. Там нет ни ужаса, который принесет в историю романтизм украинца Ореста Сомова, ни пушкинской иронии, насмешки русского европейца.

Готическая история пришла в Россию не только из Европы, прежде всего из Германии и Англии, но и с Украины. Со второй половины двадцатых – начала тридцатых годов XIX века на страницах московских и петербургских журналов появляются украинские ведьмы, оборотни, русалки Ореста Сомова и Николая Гоголя. Нечисть могла быть смешной, забавной, как в «Ночи перед Рождеством» или «Заколдованном месте», но гораздо чаще – грозной, опасной. Не случайно самая первая малороссийская повесть Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала»), напечатанная «Отечественными записками» за два года до выхода «Вечеров», просто страшна. Ужасом веет и от готических рассказов Ореста Сомова, старшего современника Гоголя.

В рассказах Сомова нечистая сила несет человеку неминуемую гибель. Она может быть прекрасна, как прекрасны ведьма Катруся и русалка Горпинка, но лжива, как и положено нечистой силе. За

нежностью и лаской скрывается убийца. Мать при помощи колдуна приводит домой дочь-русалку, и прекрасная речная дева обращается в посиневший труп с вечно мокрыми волосами. Год дожидается мертвец своего часа и на русальной неделе находит себе жертву («Русалка»). Страхолюдный постоялец с недобрым глазом сватается к трем дочерям хозяина, и все дочери вскоре умирают («Недобрый глаз»). У Гоголя жених приносит в жертву маленького брата своей невесты и ведьма напивается детской крови («Вечер накануне Ивана Купалы»).

Этот ужас украинский оттеняли очарование южной украинской ночи, красота украинской степи, «гром украинского соловья». Благоухали луговые травы, пели кузнечики, солнце освещало лебединую стаю, и казалось, будто «красные платки летают по небу». Слепые бандуристы воспевали подвиги старых козак, а козаки молодые мастерили новые челны, чтобы вновь «пошарпать берега Наталии», набить бочонки золотыми цехинами да порезать «турецких собак». «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..»

Мир литературного романтизма? Конечно, но за этим миром не одни европейские литературные влияния, не одни рассказы Гофмана или баллады Жуковского, прочитанные юным Гоголем в Нежине, а юным Сомовым в Харькове. За «Приказом с того света», «Страшной мести», «Тарасом Бульбой» – украинская история и украинский исторический миф. Первая отражена в документах, второй – в коллективном бессознательном нации.

Ужас украинский – феномен не только литературный, но также фольклорный, мифологический и даже исторический. В «Летописи Величко» есть красивый и поэтичный образ, за которым, однако, скрываются кровь и смерть. В мае 1648 года под Корсунем Хмельницкий разбил войско гетманов Потоцкого и Калиновского, причем оба польских военачальника попали в плен. На поле боя погибло множество шляхтичей, которые по польскому обычаю надели на войну свои лучшие одежды и богато украшенные доспехи. Тогда в моде и у козак, и у поляков были жупаны, кунтуши и даже сапоги красного цвета. Козаки снимали одежду с пленных и убитых, стягивали перстни с пальцев мертвых врагов. Войско, еще недавно бедное, преобразилось совершенно: «можно было почесть его за ниву, усеянную красным маком»^[424]. Красиво и страшно. Эта «нива» красного мака уничтожала на своем пути еврейские местечки, католические храмы и всех, кого только посчитала своим врагом.

Это подлинная история. А вот исторический миф. По народным преданиям, во времена Хмельнитчины одним из казацких отрядов в Подолии командовал упырь по имени Шелудивый Буняк^[425]. Каждую субботу он брал с собой в баню козака и убивал его. Так продолжалось до тех пор, пока чудовищу не встретился сын ведьмы, научившей парубка, как спастись от упыря и самому погубить его.

Среди украинских сказок, преданий, «быличек» встречаются поразительные. Красота нередко сочеталась в них с жестокостью, изящество и вкус – с изуверством.

Владимир Короленко вспоминал, как нянька, которая присматривала за его младшей сестрой, вечерами рассказывала детям истории. После ее историй слушатели не могли уснуть до глубокой ночи: «сон улетал, как испугнутая птица». Вот разбойник проник в дом, где жили мать и дочь. Мать сумела закрыть разбойника в погребе, но там же, по несчастью, оказалась ее дочь. Разбойник измывался над дочерью, выпускал из нее кишки, дочь причитала: «Ой, мамо, мамо!». Мать причитала «Ой, доню, доню!», но дверь не открывала и попыток спасти дочь и как-то поторговаться с разбойником не предпринимала. Нянька необычайно оживлялась, входила в роли, говорила басом от лица разбойника и плачущим речитативом от лица матери. Когда же дочь в последний раз прощалась с матерью, то «голос старухи жалобно дрожал и замирал, точно в самом деле слышался из-за глухо запертой двери...»^[426]

Народная жестокость часто бессмысленна, алогична, как бессмысленны, алогичны многие поступки человека.

Иван Бунин однажды услышал песню, которую пел в городском саду пьяный русский солдат:

Выну саблю, выну востру
И срублю себе главу —
Покатилась головка
Во зеленую траву^[427].

Но разве уступит русскому украинец? Вспомнить хоть знаменитую песню про Галю, где компания козаков, что возвращались с Дона домой, зачем-то сманила за собой Галю. Галю эту вроде бы не ограбили, не обесчестили, а просто привязали к сосне и подожгли. Непонятно за что:

Везли, везли Галю темними лісами,
Прив'язали Галю до сосни косами.
Разбрелись по лісу, назбирали хмизу,
Підпалили сосну, від гори до низу.

Загадка этой песни долго тревожила историка Юрия Финкельштейна. Он хотел разыскать полный вариант песни, как известно, не имеющей конца. Ведь из песни не ясно, сожгли Галю или нет, пришел ли ей на помощь «пахарь-козаченько»? Историк надеялся понять, ради чего козаки «підманули» девушку и устроили над ней такую жестокую расправу. Текст он, конечно, нашел. «Что же я узнал? – спрашивает Финкельштейн. – Ровным счетом ничего! Всё было лишено смысла: и увоз, и жестокая расправа <...> И осталось тоскливое

чувство, как после ночного кошмара. Уже много веков длится этот тяжкий сон, и пробуждение не приносит ни радости, ни облегчения»^[428].

Предметом исследования Финкельштейна был украинский антисемитизм, однако песня о Гале уводит нас гораздо дальше этой проблемы.

В самом деле, невозможно доказать, будто одна нация отличается большей жестокостью, а другая – меньшей. Всё меняется, и народ, еще недавно воинственный и грозный, становится мирным, толерантным. Иван Котляревский в своей поэме сравнивал французов с собаками, агрессивными и злыми. Это неудивительно, ведь первое издание его «Энеиды» появилось в разгар Великой Французской революции и в самый канун Наполеоновских войн. Немцы в это время были «сонными михелями», за исключением, быть может, пруссаков, еще помнивших блеск шпаги Фридриха Великого. Со временем эти народы как будто поменяются местами. Немцы будут расширять «жизненное пространство», а французы после 1918 года – стремиться избежать войны, предпочитая ей даже оккупацию и национальный позор в 1940 году.

Украинская нация, столь страшная во времена Хмельницкого, в первой половине XIX века отличалась миролюбием, некоторой пассивностью и «глубоким спокойствием», которое так удивляло молодых украинских ученых и писателей, хорошо знавших славную историю своего народа. Но бандуристы, кобзари и простые мужики, передававшие из уст в уста предания о козаках и гайдамаках, хранили память о героическом и кровавом прошлом. Страшные сказки и «былички» позволяли догадываться, что мирные гречкосеи и хлеборобы способны на подвиги и преступления, вполне достойные своих грозных предков. Неслучайно вскоре после похорон Тараса Шевченко возникла легенда, будто в его могиле закопаны гайдамацкие ножи «для истребления панов-ляхов»^[429]. Когда настанет время, их откопают и пустят в дело. Так что вряд ли могут быть сомнения, что между исторической судьбой нации и особенностями ее фольклора есть сложная, нелинейная, но все-таки заметная наблюдателю связь.

Часть IV

Незалежність

Незалежність

Была когда-нибудь Украина в самом деле самостоятельной и независимой? Когда вообще появилась украинская государственность? На эти вопросы не ответить одной строчкой, одной фразой. Автор «Истории русов» говорил о бывшей государственности своего народа как о факте общеизвестном и сомнений не вызывавшем: «...известно всему свету, что народ Руский с своими Козаками был сначала народом самодержавным, т.е. от самого себя зависимым, под правлением Князей своих Самодержцев»^[430]. Народом «руским» автор называет именно украинцев или их предков, а под князьями-«самодержцами» понимает князей Киевской Руси.

Киевская Русь, как мы сейчас знаем, была не «империей Рюриковичей» и не феодальным королевством. Она представляла собой мир маленьких и относительно больших княжеств-волостей, напоминавших греческие полисы или общины-государства Древнего Шумера. Власть там принадлежала народному собранию (вече), совету знати (дружине, потом старшей дружине – боярам) и князю, который был не самодержцем, не деспотом, а должностным лицом. Монгольское нашествие уничтожило этот мир, а литовские князья, к середине XIV века легко завоевавшие почти всю Западную Русь, положили конец и древнему общерусскому единству.

Судьбы восточных и западных русских разошлись на несколько веков, те и другие утратили государственность. Возвращали они ее себе по-разному, в совершенно разных исторических обстоятельствах.

Северная и Восточная Русь, освободившись от власти Орды, превратилась в сильное и воинственное православное царство, где власть государя была велика и священна. Авторитет московского оружия стоял высоко: «Вследствие столь многочисленных походов и славных деяний имя московитов стало предметом великих страхов для всех соседних народов...»^[431] – писал Сигизмунд Герберштейн.

Военная сила подкреплялась и династическими претензиями московских великих князей на западнорусское наследие Рюриковичей. Память о былом единстве Руси Московской и Руси Литовской не исчезала.

На Западной Руси всё было иначе. Галицию и западную Подолию завоевал польский король Казимир Великий. На восточную Подолию, Волынь и Поднепровье распространилась власть литовских князей. Но что это была за власть? Великое княжество Литовское – огромное государство, где литовцы составляли ничтожное меньшинство. Подданные Гедимины, Ольгерды, Витовты – православные русичи – были многочисленнее, богаче, историк XIX века сказал бы, что и культурнее литовцев. Однако мы знаем, что национальные культуры бессмысленно делить на развитые и примитивные, прогрессивные и отсталые, поэтому не станем так судить о культурах литовской и западнорусской.

Другое дело, что у воинственных литовцев в XIV веке не было даже своей письменности, а литовское язычество уже становилось

анахронизмом. Поэтому не удивительно, что в новом государстве и при дворе великого князя, и в делопроизводстве, и в суде господствовал западнорусский язык. Даже Статут Великого княжества Литовского (Литовский статут) – свод законов, составленный в начале XVI века, – был написан на западнорусском языке и только позднее переведен на латынь.

Литовцы уже в XIV веке всё больше оставляли культ Перкунаса и Жемины, переходили в христианство, вслед за Владиславом Ягайло становились католиками или православными. Нередко и переходили из одной веры в другую. Великий князь Свидригайло Ольгердович был крещен сначала по обряду православному, а затем по католическому. Его предшественник, великий князь Витовт Кейстутович, крестился три раза: один раз в православие и дважды в католичество.

Власть над землями Киевщины и Волыни была в руках удельных князей, русифицированных Гедиминовичей, а позднее перешла к богатым и влиятельным землевладельцам, которые возводили свои родословные не только к Гедимину, но и к Рюрику или к литовским и русским боярам. Некоторые вели себя как правители суверенных государств. Так, Владимир Ольгердович (XIV век) чеканил собственную монету и велел именовать себя «Божией милостью князем Киевским»^[432]. Константин Острожский (XVI век) мог собрать армию в 15 000 человек, где были и панцирная конница, и козаки, и татары, и даже наемная венгерская или немецкая пехота. Для сравнения, кварцянское (наемное) войско, охранявшее границы Польши от татар, насчитывало до 6 000 человек^[433]. В могуществе с Острожскими могли сравниться Вишневецкие, Чарторыйские, Корецкие, Сангушки.

Великий князь был далеко, а настоящая власть, с которой простые жители западнорусских (украинских) земель сталкивались каждый день, находилась в руках православных «русских» панов.

После Люблинской унии власть над Поднепровьем и Волынью перешла от Литвы к Польше. И православная знать понимала унию с Польшей как объединение «вольных с вольными, равных с равными». Должны были сохраняться и Литовский статут, и все местные обычаи, и язык делопроизводства. Не только судебные дела, но даже переписку коронной (то есть королевской) канцелярии с Волынским, Киевским, Брацлавским воеводствами следовало вести «на вечные времена не каким-то другим, а только лишь руським письмом»^[434].

Правда, реальность окажется совсем не такой, как надеялись западнорусские паны. Полонизация аристократии, ее переход в католичество превратит вольных православных русинов в угнетенное большинство, которое после Брестской унии попытаются лишить даже веры предков. Западнорусская государственность не была ликвидирована одним ударом, а исчезла, истаяла, как лед весной. Ее возродят только козаки Богдана Хмельницкого.

Сначала они не будут отрицать право польского короля на власть над ними. Король – священная фигура, поэтому и старшина, и простые козаки относились к нему с величайшим почтением. Сами поляки удивлялись этому почтению, иронизировали над простодушными козаками, для которых король-католик вроде Владислава Вазы или даже Яна-Казимира (бывшего иезуита и кардинала) был законным государем, «заступником» и «благодетелем».

«Смиренно повергаем к стопам вашего величества нашу верность, подданство и казацкую нашу службу. <...> только на Господа Бога, да на милосердие вашего величества полагаем надежду»^[435], – писал Богдан Хмельницкий королю Владиславу. Это послание было отправлено после блистательной победы козаков под Корсунем и адресовано королю, которого уже не было в живых. Война в разгаре, но Хмельницкий и всё его казачье войско воюют не с королем, а с панами. Королю же служить готовы. Это не лицемерие и не одна лишь дипломатическая уловка. Козаки желали избавить свою страну от ненавистных им поляков, уничтожить унию, которую считали врагом православия, взять власть над украинскими землями в свои руки, но еще долго не покушались на законную власть короля. Когда же стало ясно, что договориться с поляками трудно, то начали искать покровительство других великих государей: султана турецкого, царя московского. И гетман Войска Запорожского будет писать уже царю Алексею Михайловичу:

«Нас, слуг своих, до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступить на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы Бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был»^[436].

Конечно, это дипломатические формулировки, но не только. Законный правитель, государь был помазанником Божиим. Даже запорожцы, устроившие на Сечи военную демократию, признавали власть короля польского, а потом и царя московского, хотя не любили ни «ляхов», ни «москалей».

В январе 1668 года Петро Дорошенко, гетман Правобережной Украины, через своих представителей вел переговоры с послом русского царя Василием Тяпкиным. Дорошенко был готов перейти под власть Алексея Михайловича, но выдвигал три условия:

1. Дорошенко становится гетманом обеих сторон Днепра.
2. С территории, подвластной гетману, будут выведены московские войска.
3. Население Гетманщины не будет платить никаких податей в государеву казну^[437].

Первое условие вело к разрыву перемирия с Польшей. Два других сделали бы власть русского царя на Украине примерно такой же, как

власть английской королевы в Канаде или Австралии наших дней. Украина стала бы почти независимым государством под формальной властью православного русского царя, что было для православных козаков, конечно, лучше, чем власть польского короля-католика. В случае опасности русская армия пришла бы на помощь против ляхов или крымцев, но в мирное время жители Украины не должны были содержать московские войска. Понятно, что для России такие отношения были бы совсем невыгодны, потому что на Россию возлагали серьезные обязательства (военная помощь), а взамен Украина не давала России ничего.

Представления о государстве и власти в те времена отличались от привычных нам. Носитель власти – «природный государь», благородного и нередко иноплеменного происхождения, уподоблялся библейскому царю Давиду. Помазанник Божий, защитник и опора христианства и едва ли не сам наместник Иисуса Христа. Подчиниться ему – не значит еще подчиниться другому народу. В 1762 году переводчик при Генеральной канцелярии Семен Дивович сочинил стихотворный политический памфлет «Разговор Великороссии с Малороссией». В форме диалога российскому читателю рассказывается о славном прошлом Малороссии, ее исторических заслугах и почти независимом положении в Российском государстве: «Не тебе, государю твоему поддалась», – объясняет Малороссия Великороссии.

Не думай, чтоб ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой общий повелитель^[438].

Почтение к царю, государю будет сохраняться в XIX веке. Вскоре после смерти императора Николая I Вера Сергеевна Аксакова записала у себя в дневнике: «В Малороссии, сказывал Кулиш, общее впечатление есть сожаление самое искреннее о государе Ник<олае> Павл<овиче> и даже некоторое опасение за будущность»^[439].

Даже «История русов» написана с подчеркнута верноподданным почтением к власти русских царей, от Алексея Михайловича до Елизаветы и Екатерины. Автор, вообще недружелюбный к «москвцам», не подвергает сомнению священное право Романовых на власть над украинскими землями. Всё дурное, что Украина видела от этих царей, приписано вредному влиянию Меншикова, или Теплова, или других, не августейших «москвцев».

Просвещенный и демократически настроенный Николай Костомаров писал, будто «царь московский значил то же, что идол и мучитель»^[440]. Убежденным врагом монархии был и Тарас Шевченко. Но многие украинские крестьяне царю верили. Они даже благодарили Александра II, что разрешил похоронить Шевченко на украинской земле: «Спасибі цареві, дай йому боже, чого він бажає, й пошли йому многі літа, що

тепер і наша земля не пуста, що тепер і на нашій землі лежить дуже розумний чоловік...»^[441]

Гетманщина

Границы Гетманщины впервые были определены еще Зборовским договором, который Хмельницкий заключил с польской короной в 1649 году. После поражения под Берестечком и тяжелого Белоцерковского мира границы ее сузились. Вместо трех воеводств – Черниговского, Киевского и Брацлавского – под властью Хмельницкого осталось одно Киевское. Но то было только самое начало истории Гетманщины. С 1654 года, после Переяславской рады, страна перейдет надолго под «высокую руку» русского царя. Ее границы определит воля русских и польских полководцев и дипломатов.

Власть гетмана распространялась лишь на небольшую часть земель, населенных украинцами. Даже Запорожье фактически не подчинялось ему. За пределами Гетманщины осталась и Слободская Украина. Почти всё Правобережье до второго раздела Речи Посполитой оставалось под властью Польши. «Вечный мир» 1686 года, заключенный Россией с польским королем Яном Собеским, утвердил разделение Украины, как казалось, навсегда. Россия получила почти всё, что хотела. За ней остался Киев с округой, и даже Запорожье, которое прежде считалось в «совместном владении» (а на самом деле не контролировалось никем), теперь перешло под ее власть. Волынь и Галиция оставлены были Речи Посполитой, а на землях Киевского и Брацлавского воеводств создавалась незаселенная буферная зона. Земли, до начала Руины богатейшие, обезлюдели, остатки населения переселялись на Левобережье.

«Вечный мир» был большой победой русской дипломатии. На Украине же его восприняли как величайшее несчастье. Даже послушный Москве гетман Иван Самойлович запретил служить в церквях благодарственные молебны по поводу заключения этого «Вечного» мира^[442].

Лишь во время Северной войны войска гетмана Мазепы, введенные на территорию Речи Посполитой по приказу царя Петра, соединили разорванную надвое страну, но ненадолго: «...разделение Украины есть гнуснейше дело, какое только можно отыскать в истории»^[443], – напишет Николай Костомаров в 1846 году.

Гетманщина – название разговорное, полуофициальное. Официально же это государство в государстве называлось «Войском Запорожским»^[444], а его правитель – «гетманом Войска Запорожского». Последний гетман Кирилл Разумовский титуловался несколько иначе:

«Ея Императорского Величества гетман всея Малыя России, обоих сторон Днепра и войск запорожских».

Более ста лет, от Переяславской рады до губернской реформы Екатерины II, прожила Гетманщина в составе России. В Малороссии тогда было особое управление, была своя армия, своя налоговая система. От Богдана Хмельницкого до Ивана Скоропадского русские власти не могли добиться, чтобы налоги с Малороссии шли в государеву казну, так что и бюджет Гетманщины был долгое время никак не связан с общерусским. Доходы, получаемые с Гетманщины, были так незначительны, что не покрывали даже расходов на содержание российских войск и крепостей, которые должны были защищать Гетманщину^[445].

Гетманщина сохраняла и собственную законодательную систему, основанную на древнем Литовском статуте и магдебургском праве для некоторых городов. Алексей Левшин, заставший не саму Гетманщину, но остатки ее законодательной системы, напишет: «Малороссияне управляются своими собственными, от поляков принятыми законами, или лучше сказать Магдебургскими правами <...> и только в случае недостатка оных прибегают к узаконениям российским»^[446].

У Гетманщины было даже нечто вроде государственной границы. Крепостных, бежавших из великорусских губерний в Малороссию, еще не знавшую крепостного права, долгое время не выдавали. До пятидесятих годов XVIII века на русско-гетманской границе была и таможня, где с товаров взимали особую пошлину.

Территория Гетманщины делилась не на губернии и уезды, а на полки и сотни. Военная власть полковников и сотников соединялась с исполнительной и судебной властью. Военные были одновременно и чиновниками, а канцелярия объединялась со штабом.

Российские филологи, рассказывая о Дмитриии Прокофьевиче Трощинском, екатерининском вельможе, дальнем родственнике и друге семьи Н. В. Гоголя, с удивлением замечают, что Трощинский прошел путь от писаря до министра. Филологи не всегда помнят о чинах Гетманщины. В Малороссии писарь – это не грамотный солдат в роте, а начальник штаба и одновременно глава администрации в сотне и полку. А генеральный писарь – это канцлер.

В Гетманщине еще при Хмельницком утвердилось устройство, сочетавшее шляхетскую демократию с почти анархическими запорожскими обычаями. Должности не только сотников и полковников, но даже гетманов были выборными. Но уже к концу XVII века выборы становятся формальной процедурой. Отец передает свою должность сыну, дядя – племяннику. А выборы гетмана со времен Самойловича и Мазепы контролирует русская власть: «...на гетманстве удержались только холопы и подножки е[го] ц[арского] п[ресветлого] в[еличества]»^[447], – писал Николаю Костомарову Пантелеймон Кулиш.

И действительно, уже низложение Самойловича и выборы Мазепы в 1687 году проходили по русскому сценарию. Козацкая рада была окружена русскими полками. Под контролем русских военных проходили и выборы гетмана 17 ноября 1708 года. На этот раз гетмана выбрал сам царь Петр, а старшина лишь согласилась с его решением. Деваться было некуда: вокруг снова стояли русские войска.

Петр, наученный горьким опытом, нашел человека, наименее самостоятельного и наименее решительного – стародубского полковника Ивана Скоропадского. Современники считали его слабым гетманом, которого совершенно подчинила себе даже молодая жена, энергичная и властная^[448]. О чете Скоропадских говорили: «Иван носит плахту, а Настя – булаву»^[449].

Наконец, Петр приставил к Скоропадскому особого чиновника – «государева министра», который обладал значительными полномочиями и контролировал действия правителя Малороссии. В 1722 году царь Петр решил еще усилить контроль над Украиной и создал коллегиальный орган управления – Малороссийскую коллегия, где должны были заседать и представители генеральной старшины Гетманщины, и русские офицеры во главе с бригадиром Степаном Вельяминовым. Узнав такие новости, Скоропадский вскоре скончался. После его смерти Петр не разрешил избирать нового полновластного гетмана. Павел Полуботок был всего лишь наказным гетманом, то есть временно исполнял его обязанности.

Вельяминов, президент Малороссийской коллегии, потомок древнего боярского рода, чьи предки сражались еще на Куликовом поле, относился к старшине высокомерно и даже будто бы сказал Полуботку: «Я бригадир и президент, а ты что такое передо мною? Ничто! Вот я вас согну так, что и другие треснут. Государь указал переменить ваши давнины и поступать с вами по-новому!»^[450]

Свои дни Полуботок окончил в каземате Петропавловской крепости, где пришлось посидеть и его преемнику, миргородскому полковнику Даниилу Апостолу. Апостол сумел подружиться с Александром Даниловичем Меншиковым, находившимся при Екатерине I и в первые недели правления Петра II в зените своего могущества. Апостола и было решено сделать новым гетманом. Его сына Павла на всякий случай оставили в Петербурге в качестве заложника. И все-таки формальные выборы гетмана состоялись, и старшина на раде выбрала Апостола гетманом. Последний гетман был уже назначен государыней императрицей в 1750 году.

Таким образом, русская власть со времен царевны Софьи, Голицына и Петра Великого крепкой рукою держала гетманов, не позволяя им и вообразить себя правителями самостоятельной державы. Но и такая Гетманщина была любезна украинскому сердцу. Неслучайно Николай Васильевич Гоголь в наброске [«Размышления Мазепы»] описывает ее как «самобытное государство, бывшее только под покровительством

России»^[451]. Александра Смирнова-Россет написала Гоголю поразительные слова. Они подходят больше «свидомой мазепинке», а не русской аристократке: «А как и когда забудется, что некогда Украина была свободна. Бог весть!»^[452]

Злой гений

Истории было угодно, чтобы смертельный удар Гетманщине нанес человек, связанный с Украиной пусть и не культурой, но «кровью». По официальной версии, Григорий Теплов был сыном псковского истопника. Отсюда и говорящая фамилия: от тепла-де зародился, от горячей печки. По неофициальной версии же Григорий Теплов – незаконнорожденный сын Феофана Прокоповича.

Могущественный вице-президент Синода (а фактически и его руководитель) позаботился о хорошем образовании для Григория: устроил его в свою школу в Петербурге, а когда мальчик подрос – отправил учиться в Германию. Позднее Теплов продолжит образование и в Германии (в университете Тюбингена), и во Франции (в Парижском университете).

Начитанный, обладавший хорошим пером, много знающий, философ-просветитель, русский последователь Христиана Вольфа, Григорий Теплов сделал карьеру в правление Елизаветы и Екатерины. Вскоре после гибели своего второго, после Феофана Прокоповича, покровителя Артемия Волынского Теплову удалось стать доверенным человеком Алексея Разумовского. Теплов произвел на простодушного козацкого сына такое впечатление, что тот поручил ему образование и воспитание своего младшего брата Кирилла, будущего гетмана и президента Академии наук. Вместе с Кириллом Григорьевичем Теплов ездил в Европу, вместе с ним (а фактически вместо него) этот ловкий молодой человек управлял делами Академии наук. После того как Теплов написал Устав Московского университета, Кирилл Разумовский поручит ему написать проект создания университета в Батурине. Старая, мазепиных времен, гетманская столица при Разумовском пережила свой Ренессанс.

Однако руководство Теплова Академией оставило по себе самую дурную память. Причина тому – склонность к интригам, любовь к власти и, видимо, совершенное непонимание цели и смысла академической науки. Академика Герхарда Миллера, крупнейшего в России того времени историка, по навету Теплова разжаловали в адъютанты, а доклад Миллера «Происхождение имени и народа российского», с которого началась знаменитая «норманнская» теория, сожгли^[453]. К врагу Миллера, Михаилу Васильевичу Ломоносову, Теплов относился не лучше. С подачи Теплова Разумовский сделал Ломоносову

выговор и запретил появляться в академическом собрании. Великий ученый просил императрицу Елизавету избавить его «от Теплова ига» и, не добившись правды, начал просить об отставке.

Академики возмущались, а Теплов тем временем помогал графу Разумовскому управлять Гетманщиной. Малороссияне приписывали Теплову, кажется, всё дурное, что случалось с их страной во времена последнего гетмана. Человек корыстолюбивый и ловкий, Теплов и в Петербурге заслужил репутацию «коварнейшего обманщика целого государства». При этом был смел, решителен и не слишком связывал себя оковами нравственности. Он вместе с Кириллом Разумовским участвовал в знаменитом дворцовом перевороте 28 июня 1762 года, составил манифест «О вступлении на престол императрицы Екатерины II». На Теплова падает подозрение как на одного из возможных убийц Петра III.

Георг фон Гельбиг, секретарь саксонского посольства в Петербурге, известный русофоб, автор мифа о «потёмкинских деревнях», в своем памфлете «Русские избранники» обвинил Теплова и в организации убийства Иоанна Антоновича. Будто бы Тепловым был организован заговор Мировича, оказавшийся провокацией. Целью провокации было убийство законного претендента на русский престол^[454]. Правда, сочинение фон Гельбига – источник более чем сомнительный. Но слова обо всем известной «злокозненности» Теплова подтверждаются многими источниками. Это, можно сказать, общее место: непобедимость Суворова, сибаритство Потёмкина, ученость Ломоносова, «злокозненность» и «вредоносность» Теплова.

Между тем этот философ, заговорщик, аналитик, секретарь, администратор, экономист был еще и художником, композитором, музыкантом. Теплов играл на скрипке и на клавесине, составил первый в России сборник песен (с нотами) «Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса».

В Малороссии Теплов изучал урожайность разных сортов табака и написал целое агрономическое исследование. Другую свою книгу посвятил птицеводству, где чуть ли не первым в России написал не только о полезных в хозяйстве курах, гусях, утках, но даже о канарейках^[455], собрал огромную библиотеку, которую крестьяне сожгут вместе с барской усадьбой уже в революционном XX веке.

Григорий Теплов был женат два раза, оставил сына и четырех дочерей. Вторая жена, Матрена Герасимовна (дальняя родственница Разумовских) на портрете работы Жана де Самсуа походит скорее на красивого и румяного молодого человека. Вероятно, это не случайно. Теплов окружал себя молоденькими блондинами. Джакомо Казанова рассказал в своих мемуарах, как с ним заигрывал один из любовников Теплова, столь женоподобный и миловидный, что Казанова принял его за переодетую девушку. Видимо, это был Петр Михайлович Лунин^[456]. Впрочем, не брезговал Теплов и юными крепостными. Тайная

экспедиция, занявшись делом Теплова в 1763 году, нашла девять молодых людей, совращенных Тепловым к мужеложству. Послушных и усердных награждал деньгами, отказавших – драл за уши. «Сам лучше знаю, что грех, а что нет», – говорил он своим любовникам, запрещая рассказывать на исповеди о «грехе». А ведь Теплов служил уже статс-секретарем и был обязан «быть при ее императорском величестве у отправляемых ее величеством собственных дел»^[457].

Вот такой человек и станет инициатором упразднения должности гетмана, запустив процесс ликвидации Войска Запорожского. Разумеется, Гетманщина всё равно была обречена. Малороссийская автономия со своими законами, порядками и тем более войсками мешала екатерининским реформам. Однако императрица благоволила к Разумовскому, ценила его услуги, оказанные ей при восшествии на престол. Поэтому медлила. Не было и повода.

Но вот в 1763 году в Малороссии начали собирать подписи под петицией «об оставлении гетманства» в роду Кирилла Разумовского. Нечего и говорить, что для России такой поворот был просто неприемлем. Если «выборы» гетманов русская власть давно уже контролировала, то превращение Гетманщины в наследственное владение семьи Разумовских лишило бы Петербург этого контроля. Михаил Грушевский считал, что петиция была ловушкой, которую подготовил Разумовскому Теплов. Он убедил гетмана затеять эту авантюру, а сам тем временем подал императрице свою записку «О непорядках, которые происходят ныне от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии». Записка была составлена еще за несколько лет до этих событий, в царствование Елизаветы. Но время пустить ее в дело пришло только теперь. Много лет проведя в Малороссии, Теплов хорошо изучил украинские порядки, обычаи, хозяйство. Его выводы сводятся к следующему: богатейшая страна беднеет из-за дурного управления и дурных обычаев, которые господствуют у козацкой старшины. Злоупотребления там неописуемы, хозяйство ведется плохо. Словом, Гетманщина изжила себя, а малороссийские порядки несут самой же Малороссии одни беды и разорения. «Таким образом, в изобилии и плодородии земли Малороссийской, земледелец претерпевает глад, убогий помещик в большую бедность впадает, а богатый усиливается числом подданных; между тем государственная польза из Малороссийского народа не только изобилием земли не возрастает, но еще час от часу в упадок приходить»^[458]. И это было правдой.

10 (21) ноября 1864 года императрица издала указ, упразднявший должность гетмана и Генеральную военную канцелярию, то есть администрацию гетмана. Заново создавалась Малороссийская коллегия во главе с русским генералом Петром Александровичем Румянцевым.

«Малороссия не гордится счастьем»

Поскольку Кирилл Разумовский получил за отказ от гетманства жезл фельдмаршала (гетманство и прежде приравнялось к чину фельдмаршала), фантастическую по тем временам пенсию (60 000 рублей в год) и огромные поместья, то и старшина имела все основания рассчитывать на царские милости. По крайней мере, на раздачу так называемых «ранговых» имений, которые перешли бы из владения в частную собственность. Поэтому старшина почти не сопротивлялась ликвидации Гетманщины. А недовольными занимался генерал Румянцев.

Просвещенная русская императрица слыла в Европе сторонницей современных идей. Во всяком случае, очень хотела, чтобы ее таковой считали. В декабре 1866 года Екатерина объявила выборы в комиссию, которая должна была обсуждать проекты государственных реформ (Уложенную комиссию). От Гетманщины и Запорожья избирали 23 депутата. В Нежинском полку депутатом выбрали некоего Селецкого и вручили ему наказ, где было требование восстановить Гетманщину и прежние порядки. Осторожный Селецкий отказался принять такой наказ, а потому на его место избрали другого человека. Тогда Румянцев велел предать военному суду всех, кто составлял наказ и участвовал в перевыборах. И военный суд приговорил к смерти 33 человека. Правда, казнь всё же заменили тюремным заключением на восемь месяцев^[459].

Тем не менее депутаты-малороссияне прибыли в Петербург с наказами, где отстаивали старинные обычаи и права, а козаки Прилуцкого полка даже осмелились потребовать восстановления должности гетмана^[460]. Как известно, работа Уложенной комиссии окончилась ничем. В 1768-м ее распустили под предлогом русско-турецкой войны.

В 1781-1782 годах в ходе губернской и городской реформ, Гетманщина была окончательно ликвидирована. Ее земли уравнивались с великороссийскими губерниями.

Нельзя сказать, будто эти события прошли незамеченными и малороссийские дворяне, подкупленные чинами и званиями, поместьями и орденами, вовсе не жалели о своей стране.

В 1791 году некий «дворянин из Малороссии или Русской Украины, который называет себя Капнистом» приехал в Берлин и добился встречи с графом Эвальдом-Фридрихом Герцбергом, статс-секретарем иностранных дел (главой внешней политики) Пруссии. Если верить докладной записке Герцберга, подготовленной для короля Пруссии Фридриха-Вильгельма II, Капниста будто бы послали потомки «давних запорожских казаков», «доведенные до крайнего отчаяния тиранией»

российского правительства. Капнист спрашивал, можно ли им рассчитывать на помощь Пруссии? Он обещал, что в случае войны его соплеменники «попыробуют сбросить русское ярмо»^[461].

Внешнеполитическая обстановка тогда благоприятствовала врагам России. В 1791 году основные силы русской армии еще вели войну с турками. Только что окончилась русско-шведская война. Пруссия в январе 1790-го заключила союз с Турцией, а затем сумела заставить союзную России Австрию заключить с турками сепаратное перемирие. Если бы Турция продержалась некоторое время, Швеция вновь вступила в войну, а Пруссия напала на Россию, то России пришлось бы сражаться сразу на трех фронтах. Появление четвертого фронта в Малороссии поставило бы империю в крайне сложное положение.

Граф Герцберг не одобрял новый внешнеполитический курс своего короля и был сторонником союза с Россией^[462]. Герцберг дал уклончивый ответ, Капнист уехал, заметив, что если Пруссия все-таки решится, то можно будет установить связь через его брата, который в это время путешествовал по Европе^[463].

Неизвестно, кто именно из братьев Капнистов побывал в Пруссии и вел такие переговоры. Принято считать, что этим Капнистом был знаменитый поэт и драматург, киевский предводитель дворянства Василий Васильевич Капнист. Он был и пламенным патриотом Малороссии, и активным общественным деятелем. Однако помимо Василия такую поездку могли предпринять и его братья Петр и Николай. Последний был вообще человеком странным и, очевидно, относился к «москалям» намного хуже своего младшего брата. В 1812 году, когда Василий Васильевич был уже патриотом Российской империи, старший брат прямо заявил, что будет встречать Наполеона хлебом-солью^[464].

«Малороссия не гордится счастьем <...> Политическое солнце ее не столько согревает, сколько светило небесное. Она изнурена, терпит разные тягости и чувствует вполне потерю свободные ее веков. Ропот глухой, но почти общий»^[465], – писал князь Долгорукий много лет спустя и удивлялся, что вельможные малороссияне, окружавшие престол Екатерины (Безбородко, Разумовский, Завадовский), ничего не сделали для своей родины, проявив поразительное равнодушие к ее судьбе.

Россия дала им чины и ордена, новые земли и новых крепостных. Эти господа так обрадовались, так рьяно взялись за дело, что даже русский генерал-губернатор Репнин обличал новоявленных украинских крепостников перед самим императором Николаем Павловичем: «... малорусские крестьяне поработены происками царедворцев и малороссийских старшин, пожертвовавших счастьем родины для своих выгод»^[466].

В 1840 году молодой Тарас Шевченко посмотрит на прошлое и настоящее Малороссии без иллюзий:

Була колись^[467] Гетьманщина,

Та вже не вернеться!..

Колесо истории

Современный украинец воспринимает упразднение Гетманщины как свидетельство возмутительного насилия, деспотизма москалей и их царей-тиранов. Между тем если бы сила и власть оказались в руках не русских, а самих украинцев, то вряд ли они были бы добрее и толерантнее. Был бы тогда у русских свой Разумовский, а у малороссиян, или как они называли бы себя – русинов, – свой Теплов. Нет «злых» и «добрых» народов, но всегда есть победители и побежденные. Так сложилось, что именно русский народ создал великое государство и диктовал побежденным свою волю.

А что если бы не Петр с Вельяминовым проводили свою великодержавную политику, а, скажем, Мазепа с Апостолом и Галаганом устанавливали порядки, выгодные им? Разорили бы Москву, стерли с лица земли Петербург. Перенесли столицу в Киев, преследовали русский язык и русские обычаи, издевались над одеждой, прической, обычаями «отсталых» москалей.

Мне довелось прочитать в рукописи не опубликованный пока роман украинского литературоведа Олега Кудрина «Полтавская перемога». Роман начинается так: «Слова “Россия”, “русский” были не так чтобы совсем запретные. Скорее – нежелательные, плохие, устаревшие. Ну, вроде “императора”, “фрейлины”, “чернеца”. Только много, много хуже»^[468].

Действие романа происходит в стране, которая называется «Русь Посполитая», созданной благодаря победе («перемог») Мазепы и Карла XII под Полтавой. Царь Петр погиб, но погиб и Карл. В России началась смута. В конце концов Мазепу пригласили на русский престол. Он обзавелся молодой царицей и стал основателем династии Мазеп, которая правила вплоть до Миколы II. В Руси Посполитой говорят на русинском (украинском) языке, расплачиваются карбованцами и т.д. Против власти русинов борются настоящие русские, создают Организацию русских националистов (ОРУН), Русскую повстанческую армию (РУПА). Во время войны переходят на сторону врага и вступают в дивизию СС «Новгородчина»...

А была ли в самом деле историческая развилка? Может быть, поток истории мог направиться и по другому руслу?

В гетманство Мазепы сила Войска Запорожского была уже несопоставима с военной машиной русской армии, вымуштрованной Петром Великим. Но было время, когда не русские вторгались на Украину, а напротив, предки украинцев опустошали русскую землю.

Вспомним хотя бы страшный 1618 год. Россия еще не успела оправиться после Смутного времени, когда польский королевич Владислав, считавший себя законным русским царем, отправился в поход на Москву. Гетман Сагайдачный, подданный польской короны, с двадцатитысячным казацким войском открыл новый фронт на юго-западе Русского государства.

Это была, видимо, одна из лучших армий Восточной Европы. Козаки, непревзойденные головорезы, еще недавно грабили Кафу, Синоп, Трапезунд и даже окрестности Константинополя. Русское войско вело тяжелые бои под Можайском. Отразить запорожское нашествие было некому.

Козаки Сагайдачного огнем и мечом опустошали русскую землю. По пути захватили и разорили Ливны и Елец, причем в Ливнах устроили страшную резню. Мужчин убивали, женщин и детей захватывали в плен, как будто забыв, что имеют дело не с басурманами и не с католиками, а с такими же православными христианами.

Переправившись через Оку, запорожцы Сагайдачного не стали штурмовать хорошо укрепленные Зарайск и Коломну, а обошли крепости и вышли к пригородам Москвы, став у стен Донского монастыря. А к северо-западу от Москвы, у Тушино, разбила свой лагерь польско-литовская армия.

Защитников Москвы было очень мало – 11 500 человек, у противника же в два или в три раза больше. Перевес осаждающих был не только количественный, но и качественный: половину русской армии составляли «даточные люди» и вооруженные москвичи, то есть ополченцы, не имевшие боевого опыта. Сражаться на равных против искусных в сражениях поляков, запорожцев, немецких и шотландских наемников им было не под силу. 3 000 казаков, служивших в русском войске, не отличались ни надежностью, ни дисциплиной. Оборона Москвы держалась на русских профессиональных военных, но их было всего-то около 1 500 дворян, детей боярских и «московских чинов» да около 1 500 стрельцов. Итого: 3 000, горстка против огромного польско-литовско-запорожского войска. Опасность была большей, чем в 1612-м.

1 (11 н.с.) октября 1618 года польско-литовские войска пошли на штурм Москвы, но русские под командованием Дмитрия Пожарского и Василия Куракина отбили все атаки.

А Сагайдачный повел себя странно. Запорожцы в сущности не выполнили боевую задачу – ждали, чем окончится штурм Тверских и Арбатских ворот.

Сагайдачный мог удвоить численность своей рати. При нем Войско Запорожское могло выставить не 20 000, а все 40 000. Сумел бы Пожарский снова спасти Московскую Русь? Хватило б сил народных на третье земское ополчение? Не пришлось бы русским, в случае неудачи, веками сопротивляться Киевской империи, отстаивая право говорить на родном русском языке, а не на русинской (украинской) мове?

Впрочем, Сагайдачный, при всем своем могуществе, не был правителем независимой державы. Его победа над московскими русскими не принесла бы ему и Войску Запорожскому ничего, кроме военной добычи. Так что и в 1618 году у козаков не было шанса повернуть колесо истории.

Сила, пропавшая даром

Великая Россия и Малая Россия. Империя и страна, чье имя, случайно или намеренно, путают с окраиной. Природно-климатические условия Волго-Окского междуречья, колыбели Московской Руси, намного хуже Киевщины и Волыни: земли беднее, зима холоднее, лето короче. Благодатная Украина должна была опередить Московскую Русь и стать центром нового великого восточнославянского государства. Но всё случилось наоборот. Центром стала Москва, а Украина довольствовалась автономией, да и эту автономию в конце концов ликвидировали, обратив малороссийские земли в обычные губернии.

Почему же так получилось? Почему, в самом деле, великое государство возникло на северо-востоке, среди лесов и болот, а не на землях благодатного Поднепровья? Запорожская военная доблесть не уступала московской. Западным русским случалось, хотя и нечасто, побеждать русских восточных на поле боя: Константин Острожский^[469] – под Оршей, Иван Выговский – под Конотопом. Сагайдачный стоял под Москвой, козаки грабили великорусские города. Но эти успехи были временными. Рано или поздно победа доставалась великороссам.

Возможно, успешной координации сил способствовал русский авторитаризм. У авторитаризма множество недостатков, о которых хорошо известно каждому просвещенному русскому человеку, но есть и неоспоримое достоинство. Власть русского царя была крепка. Власти лишился только утративший авторитет, потерявший уважение подданных правитель, как это было с Борисом Годуновым, Дмитрием Самозванцем, Петром III, Павлом I.

Судьба гетмана Войска Запорожского и тем более кошевого атамана была полностью во власти народа, переменчивого, непостоянного и весьма экспансивного. А самое главное – вооруженного.

Иван Выговский даже после победы над войском князя Трубецкого не мог двинуться на Москву – у него в тылу вспыхнуло восстание. При этом донские казаки, уже верные московскому царю, сделали несколько удачных набегов на Крым, а Иван Сирко ударил по ногайским кочевьям. Крымский хан, главный союзник Выговского, должен был отвести свои силы. Козаки отступились от Выговского, и гетман вынужден был выбирать, куда ему бежать – в Турцию или в Польшу.

Лев Гумилев, скорее всего, сделал бы такой вывод. Пассионариев на Украине было не меньше, чем в России. Но Москве удалось направить силы, энергию своих пассионариев на завоевательные походы, на внешнеполитическую экспансию. Внутренние конфликты, даже такие страшные, как династическая война при Василии II Темном или Смута начала XVII века, все-таки не привели государство к гибели. Гораздо чаще русские бояре, дети боярские, дворяне и прочие ратные люди сражались против врагов внешних: шведов, поляков, татар, тех же запорожцев.

Даже донские казаки, прежде почти враждебная, опасная для Москвы сила, уже во времена Михаила Федоровича и Алексея Михайловича постепенно становились верными союзниками, превращались в авангард русской экспансии. Со временем они станут и опорой престола.

Русские землепроходцы отправлялись в Сибирь «объясачивать» инородцев, добывать (не охотой, а грабежом) драгоценные меха. Но русские конкистадоры не только богатели и наживались. Они устанавливали власть Русского государства, расширяли его пределы вплоть до Тихого океана. В XVIII веке русские пересекут океан, высадятся на Аляске, которую будут удерживать вплоть до середины шестидесятых годов XIX века. Россия полтора века будет государством трех континентов. А Украина – всего лишь русской провинцией. Свои силы Украина растратила на славные, но бесполезные подвиги. Украинские пассионарии отправлялись в героические, но бесперспективные походы.

Почуємо славу, козацьку славу,

Почуємо та й загинем^[470]...

Услышим про славу, казацкую славу,

Услышим и свет покинем.

(Перевод Н. Асеева)^[471]

Иван (Григорий) Свирговский, «опытный и хладнокровный полководец»^[472], в 1574 году вторгся с войском в Молдавию и Валахию, нанес туркам поражение, занял Яссы и Бухарест. Вскоре Свирговский погиб в устье Дуная, под стенами крепости Килия. Остатки его войска вернулись на Украину вместе с полковником Саввой Ганжой, но большинство сложили свои головы на чужой земле. Украинские бандуристы воспели их мужество и оплакали их гибель.

Як того пана Івана

Що Свирговського гетьмана

Та як бусурмани піймали,

То голову ему рубали —

<...>

А Украина сумовала

Свого гетьмана оплакала^[473].

Героические морские походы приносили запорожским козакам и турецкое золото, и добрую славу защитников христианства, но не могли поколебать могущество Порты и были чреваты большими потерями. Если козакам не удавалась захватить турок врасплох, то в сражении против турецких морских кораблей у козацких чаек шансов было мало. Турки могли просто расстрелять их с дальней дистанции.

В перерывах между войнами украинские козаки охотно нанимались на службу к иноземным государям: готовы были пойти не только к московскому царю, но даже к шаху персидскому. В годы Тридцатилетней войны козаки успели повоевать как наемники и на стороне католиков, и на стороне протестантов. Безымянные козацкие могилы разбросаны по гигантской территории от Москвы до Дюнкерка.

Тимофей (Тимош) Богданович Хмельницкий, старший сын гетмана, был храбрым козаком и хорошим полководцем. Он посватался к молдавской княжне Домне Розанде Лупу. Отец невесты, Василий Лупу, всеми силами пытался браку помешать и даже заключил союз с поляками, однако Тимош вместе со своим великим отцом уничтожил польскую армию гетмана Калиновского в битве при Батоге. Молодой Хмельницкий приехал к невесте в Яссы, столицу Молдавии, героем-победителем. Но страсть к прекрасной княжне погубила козака. Тимофей женился на Розанде и включился в местную военно-политическую борьбу, которая окончилась для него поражением. На помощь к Стефану^[474], противнику Василия Лупу и Хмельницкого, пришли поляки. Тимош был окружен польскими войсками в крепости Сучава. В рядах осаждающих был князь Дмитрий Ежи Вишневецкий, бывший жених Розанды. По легенде, которую передают и польские хронисты, и украинская «Летопись Величко», Вишневецкий разглядел на крепостном валу Тимоша, лично направил кулеврину и выстрелил, смертельно ранив своего врага^[475].

Романтическая история, красивая смерть, но для истории Украины – большая трагедия. Тимош Хмельницкий стал бы наследником своего отца куда более достойным, чем младший сын гетмана Юрась (Юрий). Он удержал бы власть, не допустив Выговского к булаве, не было б ни Конотопа, ни Чудновской катастрофы, которые подорвали союз с царем Московским и толкнули того к Андрусовскому перемирию. Иначе сложились бы судьбы и Украины, и Польши. Но гибель Тимоша Хмельницкого, огромная убыль пассионариев, которые гибли в бесконечных войнах и набегах, ослабляли украинский народ.

Возможно, так всё и есть. Лев Гумилев был бы уверен, что его версия неопровержима. Но мы не будем столь самонадеянны. Чтобы

выяснить причины блистательного успеха России и медленного упадка Украины, потребуются усилия целого научного института. У нас есть всего лишь рабочая гипотеза.

Так или иначе, Гетманщина стала частью России, малороссийская старшина пошла на службу к российскому императору. Украинцам оставалось утешаться словами автора «Истории русов», которые он приписал гетману Мазепе: «...прежде мы были то, что теперь московцы: правительство, первенство и самое название Руси от нас к ним перешли»^[476].

Воспоминание о Запорожье

В 1803 году в далеком и славном Соловецком монастыре умер последний кошевой атаман Войска Запорожского Петр Иванович Калнишевский. Это был старик 112 лет, слепой и глухой. Родился он еще при Мазепе в 1691 году, а в год Полтавской битвы был уже молодым козаком. Десять раз избирался кошевым атаманом, уступив в этом только легендарному Ивану Сирко, который избирался атаманом пятнадцать раз. Калнишевского арестовали вместе со всей запорожской старшиной в июне 1775 году, когда генерал Текели по указу императрицы Екатерины II ликвидировал Запорожскую Сечь. Последнего войскового писаря, как считалось, самого умного козака на Сечи^[477], Ивана Яковлевича Глобу, отправили в далекий таежный Туруханск. Там он прожил около пятнадцати лет^[478]. А кошевого, почтенного старца, сослали на Соловки. Там он жил в камере сначала Архангельской, а потом Пряжильной башни. В монастырской тюрьме кошевой получал жалованье – по рублю на день, соответственно, 365 или 366 рублей в год. На время Великого, а иногда и Успенского поста его выводили из тюрьмы, чтобы легче было говеть со всеми православными. Только в 1801-м человеколюбивый и просвещенный император Александр Павлович освободил 110-летнего старца и разрешил вернуться на родину, но Калнишевский решил провести последние годы там же, на Соловках. Он давно пережил свое время. Одна эпоха закончилась, другая еще не начиналась. Только через шесть лет в семье Гоголей-Яновских появится на свет мальчик, который напишет самый знаменитый «рыцарский роман» из жизни запорожцев.

Однако время не стерло следы запорожцев. На турецкой земле сохранялись остатки Задунайской Сечи. На Кубани уже развернулось войско Черноморское, созданное бывшими запорожцами Антоном Головатым и Захарием Чепегой. Да и в Полтавской, Черниговской, Киевской губерниях доживали свой век постаревшие запорожские козаки. И все-таки запорожцы превратились в миф, в воспоминание, стали героями фольклора и ранней украинской литературы.

В народных песнях и думах, в рассказах стариков запорожцы представляли героями, молодцами, настоящими рыцарями («лыцарями»). Они как будто воплощали лучшие качества украинцев. Вкусы запорожцев мало отличались от собственно украинских. Они так же слушали песни кобзарей, так же играли в карты или в шашки, так же пили горилку^[479]. И тем не менее все им завидовали. Они даже выглядели живописнее других малороссиян.

Если повседневная («подлая») одежда запорожцев была скромной, то праздничная не только нарядной, но нередко – роскошной. На Сечи годами копилось награбленное добро. Запорожцы всегда были при оружии, рукоятки своих сабель украшали золотом. Усы отпускали такие длинные, что их можно было закладывать за уши. В компании малороссиян запорожцы держались особняком, давая понять, что неизмеримо превосходят всех: «Удалой народ был! Едет, бывало, верхом. Так уж не по-нашему, а по-господски (“як пан”): и не встряхнется! Издали его узнаешь!»^[480]

Запорожцы в народных представлениях – христиане-воины, практически военно-монашеский орден. У Евгения Гребенки в романе «Чайковский» козаки после удачного набега на Крым попадают в шторм. Кошевой в недоумении, козаки ничем как будто Бога прогневить не могли, во всем они вели себя так, как подобает настоящим запорожцам: «...в церковь мы ходили, посты держим, возвращаемся с лыцарского подвига. Много истребили бусурманских голов, чтоб христианам было жить на свете шире. Крым долго нас не забудет!»^[481]

В народной песне гетман Сагайдачный променял жену на табак и трубку, показав другим пример, как должен вести себя козак. На Сечь женщин действительно не пускали, потому что «от женщины и в раю человеку житья не было», а на Сечи ей и подавно делать нечего^[482].

Обычай соблюдали строго, не пускали даже жен и матерей. Видимо, женщине появляться там было небезопасно. В 1738 году на Сечь приехал русский подполковник Глебов с женой и «некоторыми другими женщинами» (прислужой?). Тогда запорожцы окружили жилище русского подполковника и потребовали выдать им женщин, «дабы каждый имел в них участие»^[483]. Пришлось выставить несколько бочек горилки, чтобы утихомирить козаков.

Правда, собственно Сечь – военный и политический центр Запорожья – была небольшой крепостью, где жили в казармах-куреньях или молодые неженатые козаки, или, напротив, старые: одни овдовели, другие просто разругались со своими женами, как известный нам Петрик (Петро Иваненко), бежавший на Сечь, спасаясь от «бесстыдной ярости жены своей». Зато на козацких зимовниках, разбросанных по обширной приднепровской степи, козаки жили семейно, с женами.

Молодые люди, даже из семейств старшины, часто уезжали на Сечь, так сказать, учиться уму-разуму. Старые козаки, которым

надоедал образ жизни сечевиков, возвращались на Украину. Родоначальником фамилии Шевченко был как раз запорожец Андрий, который оставил Запорожье и поселился у некой Ефросиньи Шевчихи. Так что обмен населением между Запорожьем и другими украинскими землями шел непрерывно. Из Запорожья выходили на правобережную Украину гайдамацкие атаманы, в Запорожье они потом возвращались с нагребленным добром, а нередко и с полоном, который перепродавали татарам в Крым. Добиться выдачи зачинщиков мятежа, головорезов и грабителей было невозможно.

В народных представлениях запорожец был неким идеальным украинцем, каким простой житель Гетманщины мечтал быть. Первая из запорожских добродетелей – сила. О силе этих «лыцарей» складывали легенды, на современный взгляд двусмысленные. Один запорожец был таким силачом, что только «дыханием убил бы человека»^[484]. Восхвалялось и целомудрие запорожцев. Будто бы даже за пределами Сечи они не «шалили» с девушками. Стоит одному начать заигрывать с дивчиной, как товарищ одернет: «Вражий сын! зачем ты с девушкой шалишь? разве мало тебе молодиц?» Устыдится запорожец и подарит девушке шелковый платок: «Возьми, чёртова девка, и носи»^[485]. Таких историй – множество.

Сечь жила по своим законам, неписаным, но соблюдавшимся безусловно. Там была своя система управления, которая вообще никак не контролировалась ни гетманом, ни киевским воеводой, ни самим государем или государыней.

Каждый год 1 января запорожцы собирались на раду, где кошевой атаман непременно обращался к народу – запорожскому «товариству»:

« – Паны молодцы! у нас сегодня новый год; не желаете ли вы, по старому обычаю, переменить свою старшину и вместо нея выбрать новую».

Иногда кошевому и старшине кричали:

« – Вы добрые паны, пануйте еще над нами!»^[486]

Тогда старшина во главе с кошевым благодарила запорожцев, и все расходились по куреням.

Нередко дело оборачивалось по-другому. Кто-нибудь из козаков кричал кошевому:

« – Покинь, скурвый сыну, свое кошевое, ты уже козацкого хлиба наився! Иди себе прочь, негодный сыну, ты для нас неспособен!»^[487]

Тогда кошевой бросал на землю свою шапку, клал рядом булаву и спешил удалиться в свой курень, пока дело хуже не обернулось.

Следовали выборы, которые иногда протекали мирно (кто кого перекричит), а иногда оборачивались мордобоем. В конце концов избирали новую старшину: кошевого, писаря (что-то вроде главы администрации и одновременно министра иностранных дел), есаула и судью. К новому кошевому поочередно подходили запорожцы и сыпали ему на голову песок или мазали голову грязью (если погода была

дождливая), чтобы не забывал, кто он такой и не считал себя лучше других. Мера не лишняя, ведь на соседней Гетманщине уже и следа не осталось от бывшего козацкого равенства и братства: старшина стала новым дворянством, гетман вел себя будто князь. Запорожье же всё ещё сохраняло подлинное народовластие. Поэтому запорожцев очень уважали на Гетманщине.

В ежегодной смене кошевого и старшины был даже материальный смысл. По установившейся традиции, новому кошевому из казны русского царя присылали в подарок 7 000 рублей, которые делили между старшиной^[488].

Без Сечи не было б и Гетманщины, но сама Сечь почти все сто лет существования Гетманщины противостояла ей. Для гетмана запорожцы всегда были головной болью. Во всё правление Ивана Мазепы вплоть до его измены не прекращалась вражда с запорожцами. На Сечь убегали недовольные промосковской политикой гетмана, Сечь была центром оппозиции гетманской и царской власти, оппозиции отнюдь не «парламентской».

Однако летописец Григорий Грабянка, прославлявший доблесть казачества, относился к запорожцам совсем иначе. По крайней мере со времен Брюховецкого Сечь изображается у него притоном голоты, черни, разбойников^[489]. Взгляд Грабянки на сечевиков вполне классовый. Это взгляд гетманского полковника на вольницу, не подчинявшуюся ни его власти, ни даже власти гетмана и самого царя.

Зато в украинском фольклоре запорожская тема почти всегда – ностальгическая. Жили-были храбрые рыцари, которые защищали мир христианский от неверных-басурман и от ляхов-недоверков. Но пришел недобрый час – «зруйновали» (разрушили, разорили) Сечь проклятые «москали».

Тарас Шевченко писал об этом с болью и гневом. В поэме «Слепой» козак, ослепленный турками, возвращается из плена на родину и узнает, что Запорожской Сечи больше нет, уничтожены старые украинские вольности, а свободные козаки стали крепостными. Ему рассказывают:

Як Січ руйнували,
Як москалі сrebro, злато
І свічі забрали^[490].

Как Сечь разоряли,
Как москали сrebro-злато
И свечи забрали^[491].

(Перевод Н. Асеева)

И козак восклицает:
Ляхи були – усе взяли,
Кров повипивали!..
А москалі і світ божий
В путо^[492] закували!^[493]

Гоголь писал об этом с тайной грустью, осторожно, намеками, которые понятны были одним малороссиянам: «Не успел пройти двадцати шагов – навстречу запорожец. Гуляка, и по лицу видно! Красные, как жар, шаровары, синий жупан, яркий цветной пояс, при боку сабля и люлька с медную цепочкой по самые пяты – запорожец, да и только! Эх, народец! <...> Нет, прошло времечко: не увидать больше запорожцев!»^[494]

А почему не увидать больше запорожцев, русский читатель уже в гоголевское время и не знал. Но малороссийский наверняка помнил. И знаменитая сцена из «Ночи перед Рождеством», где запорожцы вместе с Вакулой приходят к царице, украинцам говорит много больше, чем русским: «Один из запорожцев приосанясь выступил вперед: “Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? <...> Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию чрез Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..”»^[495]

Но Вакула заговорил о черевичках, и речь запорожцев пропала даром. У этого сюжета была историческая основа: неудачное посольство запорожцев во главе с Сидором Белым и Антоном Головатым в Петербург. Дело было в 1774-м, а в 1775-м Сечи не стало.

Это было уже второе разрушение Сечи русскими^[496]. В 1709 году запорожский кошевой атаман Кость (Константин) Гордиенко поддержал гетмана Мазепу. Вообще-то гетмана он всегда терпеть не мог, считая московским ставленником. А Мазепа терпеть не мог запорожцев за их своеволие, стихийный анархизм, нежелание признавать его законную власть. Союз против «москалей» объединил Мазепу и запорожцев, однако от разгрома не спас.

Как писал Николай Костомаров, «запорожцы считали себя искуснее москалей в военном деле, но ошиблись». Русская армия, сформированная из великороссов (иностранцы были только в офицерском корпусе), вымуштрованная Петром, доказала свое полнейшее превосходство. В апреле 1709-го полковник Яковлев взял штурмом Переволочну, пограничную крепость Запорожской Сечи, и перебил всех ее жителей. А в начале мая тот же Яковлев разорил уже и саму Сечь, некогда столь грозную. Причем помогал ему бывший запорожец Игнат Галаган^[497]. Этот ренегат проявил такую преданность новым хозяевам, что даже преследовал бежавших запорожцев и

отдавал их русским на расправу. Оставшиеся в живых запорожцы ушли под власть крымского хана и основали в низовьях Днепра новую Сечь – Олешковскую.

Олешковская Сечь просуществовала недолго. Согласно легенде, не принимала турецкая земля запорожцев. Умер один козак, его похоронили, а земля вытолкнула его назад. Так и другого, и третьего. Сказали себе запорожцы: «Эй, братья милые! воротимся в отечество: нас тут и земля не принимает»^[498]. Вернутся запорожцы под власть России в 1734-м, уже при Анне Иоанновне. Новая Сечь просуществует под формальной властью Российской империи еще сорок лет.

Рыцари-разбойники

Дмитрия Эварницкого (Яворницкого), историка Запорожской Сечи, видели, наверное, все, кто учился в российской или советской школе. Илья Ефимович Репин изобразил его на знаменитой картине «Запорожцы», известной больше под народным названием «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Стриженный в кружок писарь с гусиным пером в руке – это и есть Эварницкий. Дмитрий Иванович осторожно и корректно (как подданный Российской империи), но все-таки высказал мысль, которая сейчас мало кем оспаривается: Российская империя и Запорожская Сечь были несовместимы. Не могла империя долго терпеть целое чужое государство в своих пределах. Государство, только формально признававшее власть империи, а фактически совершенно независимое.

Нельзя сказать, будто Эварницкий и принявшие его точку зрения современные украинские историки вовсе не правы. Сама Екатерина в манифесте по поводу уничтожения Запорожской Сечи указывала, что запорожцы: «расторгали <...> основание зависимости от престола нашего и помышляли, конечно, составить из себя, посреди отечества, область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением»^[499].

Но была и другая причина, не менее важная, о которой тоже писала Екатерина: запорожцы мешали осваивать земли Новороссии. Обширные степи запорожцы рассматривали как свои угодья. Во второй половине XVIII века занимались на Запорожье и земледелием, и торговлей с Крымом и Малороссией. Границы запорожских земель были очерчены весьма приблизительно. На юго-востоке земли Сечи занимали часть Приазовья и нынешнего Донбасса. Поселения сербских и молдавских гусар, немецких колонистов, русских и малороссийских крестьян появлялись на земле, которую запорожцы считали своей.

Запорожцы боролись за землю даже на уровне идеологическом. Будто бы на камне, который лежал у дороги «в Московский край» возле

Саур-Могилы, была надпись: «Проклят, проклят, проклят, кто будет отбирать у запорожцев землю...»^[500] Надписи, конечно, не было, но был слух, который десятки лет передавали из уст в уста.

Главным методом борьбы были, конечно, не слухи, не прошения и жалобы, а запорожские набеги на поселенцев. Набеги на соседей, ляхов и басурман, были любимым занятием «низовых лыцарей». А традиционные жертвы этих набегов исчезали на глазах: последние годы доживали и Крымское ханство, и Речь Посполитая.

Между тем, как признает сам Эварницкий, «нападения», «грабежи и разорения» в те времена «не считалось проступками, а скорее удалством и молодечеством»^[501]. Ученый забывает только добавить: у запорожцев они проступками в самом деле не считались, а вот другие подданные империи Романовых смотрели на эти набеги совсем иначе.

Беспощадность Петра I к запорожцам отчасти была спровоцирована самими «низовыми лыцарями», которые не брезговали разбоем. Еще осенью 1702 года запорожцы ограбили царскую казну, убив охранявшего ее капитана и солдат, «а бывшего при капитане священника, исколов копьем, замертво покинули в терновнике»^[502]. И в екатерининские времена они не оставили свои традиционные «промыслы».

Владимир Измайлов, путешествовавший по малороссийским и новороссийским землям через двадцать лет после ликвидации Запорожской Сечи, записал историю одного из набегов. На реке Буг под Николаевом богатый швейцарец Фабр купил себе имение и поселился там с молодой женой: «...как вдруг в одну ночь, когда он заключил в объятиях своих нежную супругу, запорожцы переплывают Буг – врываются в тихое убежище, в дом, в самую спальню, и разбудают покоящихся супругов. Вообразите их состояние! Варвары их разлучают; один похищает мужа, другой жену нагую, бледную, уstraшенную <...> Злодеи покрав всё их имение, насытив грубую чувственность, оставив им одну жизнь, скрылись. Правосудие наказало преступление, но оно не могло заплатить за оскорбление чести и за нарушение всего, что есть драгоценнее для целомудрия и стыдливости»^[503].

Другой милый обычай, о котором упоминается, в частности у Кулиша в «Записках о Южной Руси», был столь же неприемлем в цивилизованном обществе. Очевидно, козаки переняли его у татар. Речь о торговле невольниками. Дмитро Погорелый, лирник из Звенигородки, рассказывал об этом украинскому этнографу: «В то время водилось так, что подобьет какой-нибудь повеса девушку, увезет в Запорожье, продаст (татарам), а сам воротится домой. Мне один человек признавался: “Я, – говорит, – продал Варку (Варвару. – С. Б.), и до сих пор каюсь, и уж никогда не женюсь. И не женился”»^[504].

Не знаю, стоит ли сочувствовать влюбленному работоторговцу и раздумывать над его драмой. Еще в XVII веке захват рабов и работоторговля были занятиями если не почетными и уважаемыми, то

вполне обычными, непреступными. Для крымских татар это было постоянным промыслом. Козаки в походах на Крым и Анатолию, по свидетельству де Боплана, или брали в плен знатных и богатых, рассчитывая получить за них выкуп, или захватывали и обращали в рабов «малых детей». Последних использовали как домашнюю прислугу или же дарили «вельможам своей страны»^[505]. Но при Екатерине Великой в России этим пережиткам славного «рыцарского» века не было места. Рабами, то есть крепостными, там тоже торговали, но делали это совершенно иначе. Так сказать, цивилизованно. Давали объявления в газетах: продается дворовая девка, цена – семь рублей^[506].

Подготовка к ликвидации Запорожской Сечи началась уже в первые годы царствования Екатерины II. Крупнейшему тогда в России историку, академику Герхарду Фридриху Миллеру (русские называли его Федором Ивановичем), поручили изучать запорожские дела и готовить сведения для высокопоставленных русских чиновников – сенатора Никиты Ивановича Панина и малороссийского генерал-губернатора Петра Александровича Румянцева.

Миллеру, добропорядочному немцу, запорожские порядки показались чудовищными: «Обычаи их к праздности и пианству склонные», – писал академик. Вредными и опасными для государства были «необузданная вольность» запорожцев и «прием всякого у них взброду людей всех языков, всех вер <...> не разбирая их достоинств и пороков»^[507].

Всё это учли Екатерина и ее вельможи. Если разрушение Сечи петровским полковником Яковлевым было чрезвычайно кровопролитным, то екатерининский генерал Петр Текели в 1775 году застал запорожцев врасплох. Он легко и без кровопролития захватил Сечь, арестовав старшину.

Запорожец на Кубани

Между тем история запорожцев на этом не кончилась. Козаки, не желавшие смириться с поражением, снова, как в 1709 году, ушли к туркам, на Днестр и Дунай, основав там Задунайскую Сечь.

Григорий Потемкин, своеобразный украинофил, приложил немало усилий, чтобы восстановить Сечь в России. Еще в 1772 году он сам был записан в запорожский кош под именем Грицко Нечеса и сохранил добрые отношения с запорожцами^[508]. Потемкин превозносил боевые качества запорожцев и доказывал, как выгодно будет государству восстановление казачьего войска. Но против выступил статс-секретарь Александр Андреевич Безбородко. Природный малороссиянин, он утверждал самодержавие так же последовательно и неумолимо, как в петровское время еще один знаменитый малороссиянин, Феофан

Прокопович, утверждал власть царя над церковью. Безбородко полагал, что восстановление Сечи может «возмутить свой собственный народ», вообще «склонный к казачеству», и не только Малороссия, но и Новороссийская губерния заразятся «тем же духом». Произойдет своего рода «революция». Кроме Сечи пришлось бы восстановить и гетманство и дозволить «многие нелепые свободы», словом, потерять «то, чем смирно и тихо навеки бы владели»^[509].

Напрасно Потемкин и запорожцы надеялись на милость царицы:
Ой, Царице, наша мати! Змилуйся над нами,
Оддай же нам наші землі с темними лугами...

Екатерина приняла сторону Безбородко. Похвалив тех запорожцев, что остались верны России, она заметила, что надо постараться забыть само имя запорожцев, потому что Сечь, «уничтоженная манифестом», «не оставила по себе ушам приятное прозвание»^[510], – писала она князю Потемкину.

В народной украинской песне Екатерина так отвечает наивным просителям:

Не на тее, миле браттє, я Сичь руйновала,
Ой щоб я вам ваші землі, клейноди вертала.

Услышав этот ответ, запорожцы заплакали. У них не было уже сил сопротивляться великой империи, располагавшей одной из лучших армий мира.

Тече річка невеличка, підмиває кручи:
Заплакали Запорозці, от Цариці йдучи.

Но хлопоты Потемкина не прошли даром. В 1783 году ему разрешили издать «Ордер к бывшим козакам запорожского войска», где князь приглашал запорожцев служить «в казачьем звании» под его началом. Набор был ограничен: 500 конных и 500 пеших казаков^[511]. Сначала охотников нашлось немного, человек шестьсот. Но в 1787-м Екатерина разрешила создать «Войско верных казаков», переименованное вскоре в Черноморское казачье войско. Его первым атаманом стал Сидор Белый, но в 1788-м он погиб под Очаковым, и власть над новым войском перешла к Захарию Чепеге. Войсковым судьей и фактически самым влиятельным человеком в Черноморском войске стал Антон Головатый. Численность войска достигла нескольких десятков тысяч.

В русско-турецкой войне 1788–1791 годов эти «верные» запорожцы (в противоположность «неверным» запорожцам Задунайской Сечи) сражались хорошо. Они участвовали при взятии Гаджибея, отличились при осаде Очакова Потемкиным, в штурме Измаила Суворовым и во многих других славных битвах. В 1790 году был даже учрежден пост гетмана Екатеринославского и Черноморского войск. Первым и

последним гетманом стал князь Потемкин, которого не станет уже в 1791 году.

Путь на Запорожье для козаков был закрыт. Сначала их собирались расселить между Бугом и Днестром, на землях, только что завоеванных и закрепленных за Россией по Ясскому мирному договору 1791-го. Но дальновидный и хитрый Антон Головатый добился для нового войска более обширных земельных пожалований на Таманском полуострове и правом берегу Кубани. Туда бывшие запорожцы и начали переселяться с 1793 года.

Новое войско только внешне было продолжением или даже наследником Сечи. Да, первоначально на Кубань переселялись запорожцы, туда уходили и простые украинские крестьяне. Они сохранили свои традиции, свою украинскую мову, деление на курени, а не на станицы (до начала 1840-х). Как и прежде, воевали с басурманами, только не с крымскими татарами, а с черкесами. Сохранилась у этих козаков и традиционная неприязнь к великороссам: «...черноморцы чуждаются русских, которых они считают чуть ли не иностранцами, не очень-то жалуют и называют “москалями”»^[512], – писал русский географ Д. И. Семенов в шестидесятые годы XIX века.

Тарас Шевченко, много лет переписывавшийся с видным черноморским козаком Яковом Кухаренко (одно время – наказным атаманом войска), прямо называл это войско Сечью: «Думал я по пути в столицу завернуть к вам на Сечь, поцеловать тебя, твою старуху и твоих деточек», – писал Шевченко в августе 1857-го^[513]. На самом деле даже подобием Запорожской Сечи не было Черноморское войско. Разве что курени, просуществовавшие до 1842-го, еще сохраняли самоуправление. Но и тени былого запорожского равенства здесь не осталось. Земельные наделы офицеров (уже даже не старшины!) были в восемь-двенадцать раз больше, чем у рядовых козаков. Выборы атаманов очень быстро отменили. После смерти Чепеги и Головатого (в 1797 году) войсковых атаманов уже назначали российские военные власти. И хотя новое казачье войско успешно воевало на Кавказе с черкесами, в Крыму с англичанами и французами, на Балканах с турками, военная слава черноморцев (с 1860-го – Кубанского казачьего войска) не затмит славу запорожскую.

Век героев

Героический век Запорожья, запорожцев и всего украинского казачества начался во времена Дмитрия Байды-Вишневецкого, Ивана Свирговского и Северина Наливайко. Вопреки распространенным стереотипам, основной силой запорожских (равно как и донских) козаков была вовсе не лихая конница, а пехота. Де Боплан не раз видел

украинских козаков в бою. В своем знаменитом «Описании Украины» он высоко ставит именно козацкую пехоту, особенно отважную при обороне лагеря из возов или земляных укреплений: «...недурны они и на море, но верхом на лошади они не столь искусны. Мне случилось видеть, как только 200 польских всадников обращали в бегство 2000 человек из их лучшего войска; правда и то, что под прикрытием табора сотня козаков не побоится 1000 поляков и даже большего числа татар...»^[514]

Именно пехотинцы храбро и умело отбивали натиск панцирной кавалерии – польских гусар или московских рейтар и «детей боярских». Посмотрите на барельеф с гробницы короля Яна Казимира, где изображена битва под Берестечком (1651): польская конница, вооруженная длинными копьями, идет в атаку, а бритоголовые, с длинными чубами козаки расстреливают ее из своих самопалов^[515].

Козаки умели окапываться, строить шанцы, вести осадные работы. При осадах крепостей запорожцы оказывались отличными саперами. Была у козаков и артиллерия (гармати), была, конечно, и конница.

Пожалуй, у военной мощи запорожцев было два пика. Первый – при гетмане Сагайдачном. Запорожцы тогда считались не только сухопутными, но и морскими разбойниками. Они строили морские чайки (небольшие парусно-гребные суда) и отправлялись грабить турецкие города: от Варны на западе до Трапезунда на востоке, от изнеженного богатого Синопа, который турки называли «городом любовников», до окрестностей самого Константинополя. Русский читатель, скорее всего, знает об этих походах благодаря Гоголю: «...Малая Азия видела их, с бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цветущие берега ее; видела чалмы своих магометанских обывателей раскиданными, подобно ее бесчисленным цветам, на смоченным кровию полях...»^[516]

Походы запорожцев – не плод фантазии писателя, не художественный вымысел. В тяжкие для всего христианского мира времена, когда турки не раз грозили вторжением в Центральную Европу, казацкие набеги вселяли надежду на победу над воинственным исламом.

Наш отаман Гамалія,
Отаман завзятий,
Забрав хлопців та й поїхав
По морю гуляти,
По морю гуляти,
Слави добувати,
Із турецької неволі
Братів визволяти^[517].

Атаман Гамалия
Стал недаром зватися:

Собрал он нас и поехал
В море прогуляться;
В море прогуляться,
Славы добиваться,
За свободу наших братьев
С турками сражаться.

(Перевод Н. Асеева)^[518]

Охотно нападали запорожцы и на крымские крепости-порты – Кафу^[519] и Козлов (Кезлев)^[520]. Это были страшные, ненавистные для любого христианина города – крупнейшие на Чёрном море центры работорговли. Козаки не только резали басурман и набивали бочонки червонцами, но и освобождали христиан-рабов: русских, поляков, венецианцев, даже испанцев. Польше дорого обходились эти набеги: татары и турки использовали их как повод для вторжений в польские земли. Поляки запрещали козакам самовольные набеги на басурман, но запорожцы были так воинственны и неукротимы, что унять их не могли и польские коронные войска.

Восстания Наливайко и Лободы, Остряницы, Павлюка и Гуни переходили в настоящие войны, тяжелые и кровопролитные. Во время восстания Тараса Федоровича (Тараса Трясило) в одном только сражении под Переяславлем 20 мая 1630 года поляки потеряли больше людей, чем за три года войны со шведским королем Густавом Адольфом^[521]. Это и была кровавая «Тарасова ночь», воспетая двести лет спустя Тарасом Шевченко.

Лягло сонце за горою,
Зірки засіяли,
А козаки, як та хмара,
Ляхів обступали.
Як став місяць серед неба,
Ревнула гармата,
Прокинулись ляшки-панки —
Нікуди втікати!
Прокинулись ляшки-панки
Та й не повставали.
Зійшло сонце – ляшки-панки
Покотом лежали^[522].

Легло солнце за горою,
Звезды засияли,
А казаки, словно туча,
Ляхов обступали.

Как стал месяц среди неба,
Пушки заревели;
Пробудились ляшки-панки –
Бежать не успели!
Пробудились ляшки-панки,
А встать – и не встали:
Взошло солнце – ляшки-панки
Впавалку лежали.

(Перевод Б. Турганова)^[523]

Новый подъем военной мощи запорожских козаков начался восстанием Хмельницкого. Козаки разгромили профессиональную польскую армию (кварцаное войско) при Желтых Водах и под Корсунем. При Пилявцах от Хмельницкого в панике бежало «посполитое рушение» (ополчение шляхты). Даже потерпев поражение, запорожцы не теряли мужества. Отряд козаков, прикрывавший отступление под Берестечком, проявил такой героизм, что польский король предложил им жизнь и щедрую награду. Козаки же демонстративно достали из кошелёв червонцы и бросили в болото, предпочли погибнуть, но не сдаться врагу^[524].

«Всё, что живо, поднялось в козачество», – писал автор «Летописи Самовидца», не только свидетель, но и участник «Козацкой революции»^[525]. Мещане и селяне бросали мирный труд и становились козаками. Одной из причин провала всех попыток договориться с поляками стала именно эта воинственность тогдашних русинов. Хмельницкий уже хотел мира. Мира не хотел народ. Десятки тысяч категорически не желали возвращаться к работе на панов-католиков^[526]. Им больше нравилось носить красивый (добытый грабежом) жупан и воевать с ляхами или басурманами. Но поляки просто не могли включить в казацкий «реестр» всех желающих: не хватало денег на жалованье, да и страшно было держать такое громадное и неуправляемое войско. Козачество стало необычайно многочисленным. Говорили, будто на Украине «где крак (куст), там казак, а где буерак (овраг), там тысяча казаков»^[527]. По оценкам де Боплана, численность козаков простиралась до ста двадцати тысяч, «привыкших к войне и способных, по первому требованию, в одну неделю, собраться в поход...»^[528]

Украинские сёла и местечки постоянно поставляли всё новых козаков. Русский боярин Петр Шереметев в 1668-м сообщал царю, что на левобережье Днепра «повсеместно мещане записываются в казаки»^[529]. Разумеется, мещане и селяне, способные так легко бросить мирные занятия и стать профессиональными головорезами, должны

были обладать особой природной предрасположенностью. Видимо, таких агрессивных, пассионарных людей было очень много. Еще в 1646 году, за два года до восстания, крестьяне села Видерна напали на двух шляхтичей, которые всего лишь проезжали через их село. Мужики избили их так, что шляхтичи бежали, бросив «коней, коляску и челядь»^[530]. Этот случай, как свидетельствуют документы, не был исключительным. Шляхтичи в те времена были профессиональными военными. Путешествовали они непременно с оружием. А здесь еще были и с челядью, скорее всего, тоже вооруженной. Тем не менее крестьяне-русины на них напали и чуть было не убили.

В семидесятые годы XVII века козацкую славу поддерживали запорожцы кошевого Ивана Сирко. Крымский хан вместе с прибывшими ему на помощь янычарами попытался застать запорожцев врасплох и напал на Сечь в Рождество, когда, по его расчетам, козаки должны были перепиться горилкой. Но козаки и в праздник не расставались с оружием и перебили атаковавших янычар. В ответном походе на Крым в 1675 году Сирко перешел Сиваш, таким образом проложив путь, которым пойдут будущие покорители Крыма: фельдмаршал Ласси, командарм Фрунзе, генерал Толбухин. Козаки много добра награбили, освободили из рабства тысячи христиан и на обратном пути, при помощи искусных маневров и засад, разбили крымского хана.

Атаман Сирко уже при жизни считался образцом запорожского козака, «лыцаря». Ему приписывается и знаменитое «Письмо турецкому султану» – антиосманский и антимусульманский политический памфлет конца XVII века.

«Татарина не убить, ляха не пограбить, так и не жить», – передает народную казачью поговорку Дмитрий Эварницкий^[531]. Идеал козацкой жизни хорошо известен этнографам и фольклористам, которые успели записать думы и песни у слепых бандуристов. Герой знаменитой «Думы о козаке Голоте» убивает татарина, снимает с него дорогую одежду, уводит коня на Сечь, там уже пьет и гуляет. Дума завершается таким пожеланием: «Дай Бог, чтоб козаки пили да гуляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, неприятеля ногами топтали! Слава не умрет, не поляжет. Отныне и до века! Даруй, Боже, на многие лета!»^[532]

Молодой и еще романтически настроенный Пантелеймон Кулиш под впечатлением от героической истории своего народа уподобил украинцев античным героям: «...не было на свете народов храбрейших и славнейших, чем греки и козаки: нет ни у кого и песен лучших, чем у греков и козаков»^[533].

Век обывателей

За несколько десятилетий Руины лучшая, самая пассионарная часть казачества погибла в войнах с татарами, турками, поляками, русскими («москалями») и друг с другом. И вот уже гетман Мазепа с трудом поднимал козачков даже на войну с традиционными врагами-басурманами. В 1690 году отказался идти в поход Миргородский полк, в 1693-м – Нежинский. В 1694-м Гадячский и Полтавский полки потребовали вернуться домой из похода, и гетман вынужден был их отпустить. В 1695-м Мазепа даже построил виселицы около военного лагеря, чтобы припугнуть козачков, не желавших воевать^[534].

Еще хуже стало, когда царь Петр заставил Мазепу отправить козачков на войну со шведами, в Прибалтику и Финляндию. В Псковской земле козачков, «добывавших провиант и корма»^[535], русские мужики просто избивали. Избивали козачков! Уже в 1701-м козаки начали дезертировать, переходить к шведам^[536]. Дезертирство было даже во время похода Мазепы на польскую Украину и собственно в Польшу – похода не слишком тяжелого (поляки сопротивлялись слабо) и популярного. Малороссийские полки освобождали украинскую землю от ляхов, «карали» своих недавних поработителей. Но и здесь они воевали неохотно. Один отряд просто разбежался, а его командира, наказного полковника, Мазепа велел заковать в кандалы^[537]. Что ж, за дело! Вообще Мазепа оценивал своих соплеменников и подданных строго: народ «вольный, и глупый, и непостоянный»^[538].

Все дурные стороны малороссийских полков и запорожцев проявились в трагические для Украины месяцы, когда гетман Мазепа перешел на сторону Карла XII. Шведский король был не слишком обрадован таким союзником, потому что оценивал боевые качества козачков невысоко: «козаки способны оказывать услуги, когда приходится преследовать бегущего неприятеля, но вообще во время войны на них нельзя полагаться»^[539]. Карл XII оказался прав. При осаде Полтавы козаки не хотели рыть траншеи, пьянствовали^[540]. В полтавском сражении мазепинцы мало участвовали: король поручил им охранять обоз...

Во времена гетманов Апостола и Разумовского богатые козаки откупались от военной службы. Бедные предпочитали продавать свои козацкие наделы и становиться помещичьими крестьянами, только бы не воевать^[541]. Малороссийские полки уже при Минихе были «плохослюдны» и «худоконны»^[542]. Теплов в своей записке «О неурядицах...» в Малороссии констатировал, что вместо 60 000 козачков Гетманщина теперь может выставить 15 000, в лучшем случае – 20 000 козачков^[543]. «Украина, можно сказать, совсем переродилась»^[544], – писал графу Михаилу Воронцову Кирилл Разумовский, последний малороссийский гетман.

Может быть, такие оценки покажутся не во всем справедливыми. Ведь малороссийские полки сражались почти во всех войнах XVIII столетия и внесли свой вклад даже в создание Новороссии. Но уже

сами малороссияне рассказывали о своих «подвигах» весьма иронично. Пантелеймон Кулиш записал в Мотронинском монастыре небылицу из «времен очаковских». Небылицу он назвал «Очаковская беда». Оригинал на украинском. Я перевожу на русский, сохраняя самые экспрессивные украинские слова и обороты.

«Пошли мы до Очакова, на край света». Да, еще ведь недавно ходили козаки и на Синоп, и на Трапезунд, и воевали под далеким Дюнкерком. А теперь уже и Очаков стал краем света.

«Долго шла осада. Ни вареников, ни борщу козаки не ели – измучились. Вот, кончилось и сало, остались одни “гренки” (сухари). Пошли малороссияне жаловаться князю Потемкину. А тот, выслушав жалобу, закричал: “Вон, хохлы! Ребята, возьмите их!”»

«Тут Москва как выскочит на нас, а мы, подобравши полы, навтикача! А вражий москаль вцепится, как репей...»

Но вот показались турки. (Неясно из рассказа, то ли вылазку из Очакова сделали, то ли подмога к осажденным туркам пришла.) Что делать? Сражаться, а вдруг «турки нас нашинкуют, как капусту»? И отважный командир принимает решение: «Братья! Сховаемся под мосток! Нехай черти бьются, а мы пересидим тут лихую годину да живыми домой вернемся!» Козаки так и сделали. А тем временем «сошелся москаль с турками, стали они биться. Господи, Твоя воля! И родились, и крестились, а такого страху не видели. Но слышим, что москаль перешел через мостик и погнал турка». Вылезли из-под мостика козаки. Смотрят – кругом раненые турки лежат, а кони, оставшиеся без всадников, мечутся. Переловили коней, взяли турок в плен и привели к светлейшему. Вот, мол, «напали на нас турки, но мы их начали стрелять да рубить так, что и разогнали да пленных взяли. Только вот жаль, что все пленные ранены». «А сколько людей потеряли?» «Ни одного, ваша светлость! Вся сотня, слава Богу, жива и цела». Но светлейший князь им не поверил и снова разругал козаков, обозвав «проклятыми хохлами» и «глупыми чубами»^[545].

Это не реальный случай, а всего лишь анекдот, «побрехенька». Более того, именно при осаде Очакова героически сражались «верные» запорожцы Захария Чепеги и Антона Головатого. Но и «побрехенька», записанная Кулишом, по-своему характерна. Она отвечает духу того времени, когда военная слава малороссийских козаков становилась достоянием только бандуристов.

Боевой дух и воинское искусство еще сохраняли запорожцы-черноморцы, зато население бывшей Гетманщины совершенно утеряло и то и другое. В 1784-м малороссийский ученый Афанасий Филиппович Шафонский представил императрице Екатерине свой труд – описание Черниговского наместничества. Работу свою он дополнил сведениями о характере малороссов: «Малороссийский народ вообще, от самого знатного до последнего человека, имеет нрав тихий, робкий, застенчивый и не нахальный. <...> Он в обхождении ласков,

благосклонен, учтив, простодушен, гостеприимчив, не корыстолюбив, не предприимчив <...> к тяжбам и ябедам склонен, мстителен и не трезв, телом сановит, бел, здоров»^[546].

Во времена Хмельницкого русинов называли «козацкой нацией». Полтора́ста лет спустя о них писали как о бражниках и ябедниках. Теперь малороссияне, забыв о кровавых подвигах предков, загружали судебные инстанции своими тяжбами. Так, Григорий Андреевич Полетика, богатый помещик, образованный человек, хозяин имений в Черниговской, Харьковской и Курской губерниях, истратил значительную часть состояния на судебные издержки. Даже смерть его связана с тяжбою: он умер в Петербурге от простуды, а приехал в столицу, чтобы «протолкнуть» в Сенате какое-то спорное дело^[547]. Между тем дед Григория Андреевича Павел Полетика был соратником Мазепы, участником Северной войны и даже, согласно семейной легенде, стал телохранителем шведского короля Карла XII^[548].

Пока старшина погрязала в тяжбах за земли и поместья, простые козаки переходили в крестьянское сословие. Правда, на Украине еще долго сохранялись козацкие сёла. Время от времени возникали проекты возрождения украинского казачества. Козацкие полки формировались в 1812 году для войны с Наполеоном и в 1831-м – для борьбы с польскими повстанцами. Принимали в козаки и крепостных крестьян, обещая им освобождение после победы. Опыт был удачным, но козаков распускали, как только необходимость в них исчезала. Постепенно эти козаки сливались с крестьянской массой, всё менее отличаясь от остальных. Суровые и жестокие воины стали мирными гречкосеями. Смирненными просителями являлись они перед паном.

Из воспоминаний Софьи Васильевны Капнист: «Часто видели мы, что крестьяне, большею частью казаки, жившие в деревне Обуховке, приходили туда толпою за каким-нибудь советом или с жалобой на несправедливости и притеснения исправников и заседателей. Отец всегда ласково принимал их, расспрашивал с живым участием обо всем и тотчас же относился к начальству, требуя справедливости, за что все в деревне не называли его иначе, как отцом своим»^[549].

Перечитайте биографии известных малороссийских фамилий, и вы увидите, как менялся сам характер народа. Родоначальники – козаки, служившие при Хмельницком или в слободских полках царства Московского, а иногда – и раньше, в реестровом казачестве Речи Посполитой. Их потомки – мирные малороссийские помещики, которые нередко, воспользовавшись указом о вольности дворянства, вовсе не служили. Если же они собирались делать карьеру, то всё чаще выбирали статскую, а не военную службу. Меняли дедовскую саблю на перо чиновника, самые талантливые – на перо писателя, как Николай Иванович Гнедич, прославивший свое имя переводом «Илиады», человек «козацкого роду». Гнедичи, малороссийские дворяне, прежде были козаками, но отец поэта и переводчика вел жизнь обычного

помещика. Трофим Нарезный участвовал в двух русско-турецких войнах и выслужил потомственное дворянство, а его сын, Василий Трофимович, служил уже в департаменте писцом, поднялся до столоначальника. В свободное время сочинял романы и повести.

Петр Капниссис, один из греческих повстанцев, сражавшихся на стороне России в русско-турецкой войне, после несчастного Прутского похода вынужден был бежать из османских земель. Петр Христофорович решил поселиться с маленьким сыном Василием на Слободской Украине, но вскоре заболел и умер. А Василия усыновил некто Павлюк, сотник Изюмского полка. Капниссиса стали звать Капнистым, а потом – Капнистом. Василий Петрович воспитывался в настоящей козацкой семье, усвоив и язык, и обычаи, принятые на Слободской и Гетманской Украине. Доблестно воевал с турками и немцами-пруссаками. Под командованием фельдмаршала Миниха ходил на Крым, сражался под Очаковым. В 1738 году вместе с Миргородским полком ворвался в молдавский город Сороки, «перерубил и взял в плен множество турок, обратил в пепел неприятельские магазины»^[550]. Бригадир слободских полков Капнист погиб в 1757 году в битве при Гросс-Егерсдорфе. Он был изрублен прусскими палашами так, что после сражения удалось отыскать одну лишь его руку, сжимавшую саблю^[551].

Его младший сын, Василий Васильевич Капнист, некоторое время служил в лейб-гвардии, но уже в семнадцать (!) лет вышел в отставку и до конца дней занимался литературным творчеством и делами дворянского самоуправления. Капнист был предводителем дворянства Миргородского уезда, а позднее – губернским предводителем дворянства^[552].

Яков Кондратьевич Лизогуб, черниговский полковник, служил Брюховецкому, Дорошенко, Самойловичу, Мазепе. Воевал с поляками, русскими, турками, татарами. Отличился при взятии Азова в 1696-м, где был наказным гетманом, то есть командовал малороссийскими полками, помогавшими русской армии. Царь Петр отметил этого старого, заслуженного воина как «мужа искусного в добродетели и в военных трудах»^[553].

Черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ тотъ
В воинскомъ семъ дѣствіи проливалъ трудовъ потъ.
Онъ то время будучи гетманомъ наказнымъ,
В прислугу отечеству учинился способомъ разнымъ...^[554]

Воевал всю жизнь и его брат Иван Кондратьевич, которому довелось биться и с русским войском князя Трубецкого под Конотопом. Сын Якова Ефим был, по словам малороссийского историка Лазаревского, «известен лишь тем, что женат был на дочери Петра Дорошенко»^[555], но все-таки он нес военную службу, а его сыновья – военную и дипломатическую. Но уже правнук Якова Лизогуба, Семен

Семенович Лизогуб, вел совсем другой образ жизни: был человеком хозяйственным, миролюбивым^[556]. В истории Семен Лизогуб знаменит только одним: для любимой дочери Татьяны он нанял учителя, молодого человека, которого звали Афанасием Яновским, или Гоголем-Яновским.

Как известно, дворянское происхождение Гоголей-Яновских давно вызывает большие сомнения. Но если их предком в самом деле был подольский полковник Остап (Евстафий) Гоголь, один из героев Хмельнитчины и Руины, то история этого рода идеально вписывается в нашу картину. Жизнь Остапа Гоголя могла бы стать сюжетом для приключенческого романа. Он был реестровым козаком, командиром отряда панцирной пехоты, вместе с большинством реестровых козачков перешел на сторону Хмельницкого и принял участие во взятии польской крепости Бар. Гоголь занимал в козацком войске высокие должности: был полковником Поднестрянским, затем – Уманским, Подольским. Одно время командовал левами – повстанцами из Подолии, которые считались настоящими головорезами.

Однако в XVIII веке Гоголи-Яновские – уже не военные, а священники. И неожиданный брак Афанасия Демьяновича с Татьяной Семеновной Лизогуб считался морганатическим. Афанасий Гоголь-Яновский, правда, имел военный чин, но служил не на поле боя, а в канцелярии. Его сын, Василий Афанасьевич, вышел в отставку в 28 лет. С тех пор вел жизнь помещика средней руки и на досуге сочинял комедии из малороссийской жизни^[557]. Внук, Николай Васильевич, некоторое время служил, но только по статской части. Однажды Алексей Стороженко, будущий украинский писатель, спросил юного (тот был еще гимназистом) Гоголя:

« – Что вы, в гражданскую или в военную думаете вступить?

– Что вам сказать? В гражданскую у меня нет охоты, а в военную – храбрости»^[558], – отвечал Гоголь.

Самый дух казачества как будто выветрился с Украины.

« – Скажите, пожалуйста, Иван Никифорович, я всё насчет ружья: что вы будете с ним делать? Ведь оно вам не нужно.

– Как не нужно? а случится стрелять?

– Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве во втором пришествии».

Бедная Малороссия

Петербургская образованная публика и московский читатель знали Малороссию в основном по литературным произведениям. Повести Квитки-Основьяненко русские мало читали, «Кобзарь» появится только в 1840-м, и читать его будут украинцы. Зато читали Гоголя, который

представлял Малороссию страной изобильной, роскошной, богатой, веселой и счастливой. Русский читатель, если только он не жил или хотя бы не бывал на Украине, еще долго представлял себе именно романтическую, литературную Малороссию раннего Гоголя. Но русские путешественники, чиновники, землевладельцы, располагавшие имениями на Украине, или общественные деятели и ученые, которые изучали украинский фольклор, быт и хозяйство украинского крестьянина, торговлю украинского купца, – все они смотрели на эту страну совсем иначе. В сочинениях Левшина, Долгорукого, Ивана Аксакова нередко встречаем понятия: малороссийская лень, малороссийское пьянство, малороссийская бедность. Читателю Лескова придет на память рассказ «Путимец», где у несчастного больного малоросса не только коровы, но даже «козы жидивской, и той нема», а завтрак состоит из ржаной корки, что мокнет в грязной чашке с водой^[559].

Поразительно, но в страшный и славный XVII век русины жили как будто богаче, несмотря на гражданские войны, татарские набеги, польские карательные экспедиции. В 1656 году через украинские земли проезжал патриарх Антиохийский Макарий. Его сопровождал сын, архидиакон Павел Алеппский, который вел путевые заметки. Если верить этому источнику, даже в то страшное время «козацкая земля» отличалась изобилием. Вблизи Киево-Печерской лавры тянулись бесконечные сады, где росли тысячи «ореховых и шелковичных деревьев и множество виноградных лоз». Шелковичные деревья завел еще Петр Могила, при нем же разводили и шелковичных червей. В Умани, далеко не самом богатом украинском городе, стояли высокие и красивые (по мнению Павла Алеппского) дома «со многими округлыми окнами из разноцветного стекла»^[560]. Горожане носили «очень хорошее платье». У всякого города, большого и даже маленького села стояли водяные мельницы, построенные очень искусно, «ибо мы видели мельницу, которая приводилась в движение горстью воды»^[561]. По Днепру плыли большие лодки, похожие на корабли (видимо, казацкие «чайки»). Рыбы всяких видов – полное изобилие. Путешественники дивились на множество свиней «разного цвета и вида», свиное мясо и сало уже тогда были основой местной кухни. Следы войны чувствовались в каждом городе или селе: «Вдов и сирот в этой стране множество; их мужья были убиты в непрерывных войнах»^[562], но убыль населения компенсировалась высокой рождаемостью: «...дети многочисленнее травы и все умеют читать, даже сироты», – отмечал путешественник^[563].

Прошло двести лет. Со времен нашествия Карла XII иноземные войска не вторгались в Малороссию и на Слобожанщину. С 1768 года украинские земли не страдали от польских карателей, с 1769-го прекратились татарские набеги. Малороссия не была колонией. Полтавская, Черниговская, Харьковская, Волынская, Киевская,

Подольская губернии пользовались теми же правами и несли те же повинности, что губернии великороссийские. На землях Украины богатели и благоденствовали греки и немцы, хорошо жили русские, копили свои капиталы евреи, а малороссияне всё больше погружались в нищету. Пантелеймон Кулиш писал, что столичный барин, приехав, скажем, в Черкассы, вынужден будет «занять квартиру в доме жида или великороссиянина»^[564]. Избалованный горожанин не решится поселиться в чистенькой, но «убогой хатке» малоросса. О малороссийской нищете и убожестве, несколько прикрытых традиционной для украинского крестьянского жилища чистотой и опрятностью, писал и князь Долгорукий. «Бедность малороссийского народа на каждом шаге ощутительна»^[565], – замечал Левшин. А двадцать лет спустя Н. В. Гоголь напишет своей матушке из Парижа: «Наша Малороссия точно несчастный край: неурожай – беда; урожай – тоже»^[566].

Русские считали причиной этой бедности пьянство, которое необыкновенно развилось в Малороссии и на Слободской Украине благодаря свободе винокурения.

«Ночи проходят в пьянстве, в бесчинстве всякого рода и в драках, нередко оканчивающихся смертоубийством, а многие из сельских девок сделались самыми непотребными. <...> Сверх сего, немалая часть поселян, провождая ночи в разврате, делаются уже днем неспособными к работам, или занимаются оными весьма худо»^[567], – писал малороссийский генерал-губернатор Репнин полтавскому гражданскому губернатору Тутолмину в июне 1824 года.

Михаил Максимович признавал исключительную роль выпивки в народной жизни, хотя и не осуждал соотечественников. По его словам, «пляшка» (фляжка, то есть бутылка) горилки составляет «непременную обрядную принадлежность всех важных случаев и праздников украинской жизни от колыбели до могилы»^[568].

В 1807 году, когда население Полтавы, видимо, еще не превышало 10 000 человек^[569], в питейных заведениях города было продано (и, несомненно, выпито) 9857 ведер «горячаго вина» (то есть горилки), 187 ведер водки «передвоенной на разные специи», 63 ведра «наливки на травы» («ерофеича»), 78 ведер «наливки на разные ягоды», 37 «водки сладкой сахарной разных сортов». То есть более ведра водки в год на каждого жителя, включая грудных младенцев. И здесь еще не учтены слабые алкогольные напитки: «мед питный», «пиво кабацкое», «полпиво», «пиво на манер аглицкого» и портер^[570].

В крохотной Белоцерковке, местечке Полтавской губернии, было семь питейных домов, рейнский погреб и пять постоянных дворов. А всякий читатель, знающий быт Малороссии хотя бы по сочинениям Гоголя, знает, что водки «не бывает недостатка ни в одном постоялом дворе»^[571].

Киев в начале XIX века по численности населения был лишь в два раза больше Полтавы. Между тем только в шинках на Подоле, принадлежавших городскому магистрату, каждый год выпивалось 25–30 тысяч ведер водки. Кроме того, при каждом из славных монастырей Киева была своя винокурня, все они «вели торговлю на самых широких основаниях». А Крещатик «представлял собою сплошную винокуренную слободу»^[572].

Князь Долгорукий на пути из великороссийского Севска в малороссийский Глухов остановился в селении Толстодубье: «Здесь начинается Малороссия и вольная продажа вина. Мы видим ее следствия: вино дешево, все пьяны, и мы несколько драк своими людьми разняли»^[573], – записывает он в 1817 году.

Широкое распространение пьянства приводило к тому, что немалая часть урожая перегонялась на горилку и водку. Это зерно вполне можно было продать. Россия экспортировала зерно в страны Европы, причем торговля шла через Одесский порт, не такой уж далекий для малороссиян.

Но не в одном пьянстве дело. Во времена Хмельницкого пили тоже очень много: «водка, которая делается из фариса (ржи), походящей на зерна пшеничного плевела; она дешева и в большем изобилии», – записал Павел Алеппский. Сам грозный гетман нередко напивался допьяна, равно как и многие славные козаки. Трезвость соблюдали только в походе, на войне.

Из книги Гильома Левассера де Боплана «Описание Украины»: «Нет ни одного человека между ними, к какому бы полу, возрасту или состоянию он ни принадлежал, который бы не старался превзойти друг друга в пьянстве и бражничестве <...> и нет в мире народа, который бы сравнялся с ними в способности пить»^[574].

Хуже пьянства, хуже войны разоряли Украину лень и пассивность населения, то есть то самое «глубокое спокойствие» Малороссии, о котором писал Пантелеймон Кулиш. Богатая земля обеспечивала украинского крестьянина всем необходимым, а за лишним он не гнался. Из рассказа Григория Данилевского «Слободка»: «Мужик, отработавшись осенью, до первой новой теплыни лежит себе на печи и знать ничего не хочет. Он и за золотые горы не пойдет зимой на заработки: чего ему еще надо? Хлеба у него полны закрома, в хате молодая жена...»^[575] Но и богатая земля перестанет кормить ленивого хозяина.

Совсем другое дело – «москаль». Не только купцы, но и русские торговые мужики из-под Владимира, Ярославля, Москвы отправлялись зарабатывать на оброк (и даже на выкуп из крепостной неволи) в Петербург, в далекую Одессу. «Куда русские мужики не ездят!», – воскликнул князь Долгорукий, повстречав в Одессе крестьянина из-под Ростова Великого. Мужик торговал апельсинами, а теперь отправился за яблоками в Крым^[576].

Малороссияне того времени с удивлением и неприязнью смотрели на хитрых, оборотистых «москалей», а сами предпочитали жить спокойно и тихо. Даже на ярмарку не обязательно было ехать. Можно было сидеть дома и дожидаться, когда евреи и «москаля» привезут всё необходимое, и, может быть, купят у него что-нибудь по самой низкой цене.

Разумеется, городская жизнь в такой стране мало отличалась от сельской. «Нет ничего печальнее настоящих малороссийских городов»^[577], – писал Иван Аксаков. Они напоминали большие сёла. Там стояли такие же хаты-мазанки, белённые известью и крытые соломенными крышами. В начале XIX века даже в Полтаве, губернском городе, большую часть жителей составляли крестьяне. По улицам «ходили куры, плавал пух одуванчиков, бабы выносили свои плахты <... > и развешивали на веревках»^[578]. Древний Переяславль (Переяслав) превратился в грязное еврейское местечко.

Между тем как раз иноплеменики – евреи, греки, великороссы – больше всего способствовали развитию городов. По словам Шафонского, составившего описание Черниговского наместничества для Екатерины II, в «Малой России» вообще было мало по-настоящему богатых купцов из «природных малороссиян»^[579]. Харьков и Сумы развивались благодаря воздействию «великорусской торговой стихии», в Нежине еще в начале XIX века процветала торговля греческих купцов. Даже в населенных украинцами Полтаве, Ромнах, Лубнах торговали в основном не украинцы. Мелкая розничная торговля была в руках евреев, а крупной, оптовой занимались русские^[580].

Малороссияне же торговать не умели и не любили, а если и принимались за торговлю, то чаще ради выживания, а не ради богатства. На рынке они безнадежно проигрывали и евреям, и русским. Честный украинец в то время не умел торговаться. Тот же Аксаков наблюдал, как торгуют на ярмарках русские (в основном, выходцы из Владимирской и Ярославской губерний) и малороссияне. Русские легко оценивали платежеспособность покупателя, могли, при необходимости, продать товар по демпинговым ценам, чтобы завоевать рынок, отбить покупателя у конкурентов или привлечь к себе постоянных клиентов. А могли и запросить с покупателя «вдвое более настоящей цены». Украинец же назначал справедливую цену и даже не торговался: «Вот тебе гривенник за гуся», – протягивает русский покупатель десятикопеечную монету, хотя гусь стоил двадцать копеек. Но продавец-малороссиянин флегматично отвечает: «И то гроши», – берет деньги и отворачивается^[581].

За упадком военной доблести и деловой жизни последовал и упадок культуры, прежде всего – народного творчества. В гоголевские времена этот упадок был особенно заметен для фольклористов, собиравших народные думы и песни. Кобзари-бандуристы прежде зарабатывали себе на хлеб музыкой и поэзией, теперь же всё чаще

просили на бедность, стараясь разжалобить своей нищетой пана или зажиточного мужика. Пантелеймон Кулиш с горечью писал о «моральном упадке» и «рабском отупении»^[582], а Платон Лукашевич отмечал, что даже малороссийские песни постепенно уступили место великороссийским (солдатским и ямщицким), которые начали петь даже девушки, а из «десяти парубков едва ли сыщется один, который может вам пропеть “мужицькую писню”»^[583]. Хуже того, этот парубок если и знает украинскую песню, то постесняется ее спеть. Лукашевич опасался, что скоро в Малороссии уже нечего будет и записывать: «... песни, которые я издаю, есть уже мертвые для малороссиян. Это только малейшие остатки той чудесной песенности их дедов, которая была удивлением и самых хулителей всего украинского...»^[584]

Давно ли гоголевская Малороссия «звенела песнями»?

Год спустя после выхода книги Лукашевича Иван Котляревский говорил фольклористу и филологу Срезневскому, что тот скоро лишится предмета своих исследований. Прежде «бывало десятками, сотнями слышишь старинные песни и думы, а теперь раз в год придется услышать одну»^[585]. Да и сами народные песни он считал чем-то вроде египетских пирамид, что напоминают о величии прошлого, о народе, которого уже нет.

Мы знаем, что Лукашевич и Котляревский ошиблись. И до сборника Лукашевича, и после него Михаил Максимович успешно собирал всё новые песни. Их дело продолжили Кулиш, Чубинский, Драгоманов и многие другие этнографы и фольклористы.

Но свидетельство Лукашевича отражает тот упадок национальной культуры и национального самосознания, о котором писали и Кулиш, и Аксаков, и, конечно же, Тарас Шевченко.

Україно, Україно!
Ненько моя, ненько!
Як згадаю тебе, краю,
Заплаче серденько...
Де поділось козачество,
Червоні жупани?
Де поділась доля-воля?
Бунчуки? Гетьмани?^[586]

Украина, Украина!
Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю!
Куда делось казачество,
Жупаны цветные?
Куда делась доля-воля,
Гетманы седые?

(Перевод Б. Турганова)^[587]

Сама природа как будто отзывалась на этот длительный упадок народа, еще недавно воинственного и трудолюбивого. Днепр, как известно, – символ Украины, такой же, каким стала для русских Волга, а для немцев – Рейн. В начале XIX века русские путешественники один за другим пишут: Днепр пересыхает. Падение уровня Днепра отметил Алексей Левшин в 1815 году. Будущий ученый и чиновник, он смотрел на Днепр глазами не праздного наблюдателя: природа «благоприятствовала торговле наших предков более, нежели нам», – писал он. Снижение уровня реки увеличило количество порогов, осложнило судоходность. А за пять лет до него князь Долгорукий, любуясь видами Днепра под Кременчугом, заметил: «Днепр имел бы вид величественный и прекрасный, если бы не пересекался мелями песчаными и островками так, что глаза нигде не видят большого пространства воды без помехи. Края его наполнены судами. Вся Белоруссия сгоняет по нем лес и уголья в степи и в полуостров Крым, а оттуда вверх отправляется соль»^[588]. Та же картина «пересыхающего» Днепра представилась ему и в Киеве.

В снижении уровня реки, природном явлении, которое имело столь важное значение для хозяйства страны, Тарас Шевченко увидит грозный символ. В стихотворении «Розрита могила» несчастная Украина, обиженная немцами, «москалями», евреями, а также различными «перевертнями» и «недолюдками», жалуется:

Дніпро, брат мій, висихає,
Мене покидає...

Разумеется, ни «москальи», ни евреи или немцы не виноваты ни в пересыхании Днепра, ни в упадке украинского народа. Кулиш винил во всем времена «безмозглої гетманщини», однако и он не был прав. Упадок только начался в эпоху Гетманщины, но не ошибки ее гетманов, не жадность старшин были настоящими причинами этой «депрессии». Вероятно, намного ближе к истине подошел Иван Сергеевич Аксаков. Московский славянофил, воспитанный на Гегеле и Шеллинге, он не знал термина «пассионарность». Нет никаких оснований считать его предшественником теории Льва Гумилева. Однако Аксаков был человеком умным и наблюдательным. Он знал украинскую историю, по крайней мере по сочинениям Бантыш-Каменского, Маркевича, по «Истории русов», наконец. Иван Сергеевич не мог не сопоставить подвиги степных «лыцарей» славного «низового войска» с мирной, бедной, тихой жизнью их праправнуков. Аксаков сделал вывод, который и сейчас не кажется устаревшим: «Малороссиянин <...> будто

отдыхает от совершенного подвига после напряженной исторической деятельности, еще будто не пускает в ход своей внутренней силы»^[589].

Часть V

Нация и ее боги

Нация и ее боги

Современная наука противопоставляет религию и нацию^[590]. В Средние века люди делились по конфессиям, в Новое время – по нациям. Одно исключает другое. Теоретически это так. Вера в Пресвятую Троицу и Второе пришествие Христа стоит выше национальных различий. Спасение души – важнее национальных интересов. Единство нации ничто перед братством во Христе. Ислам, строгое единобожие, тем более отрицает национальную идентичность и разделение мира на этносы, нации. В умме – всемирной мусульманской общине – все люди братья.

В древнем мире у каждого народа был свой бог или, гораздо чаще, свои боги. Им молились об урожае, о приплоде скота, их просили защитить от врага, даровать победу в битве. Вера в единого трансцендентного Господа, Творца неба и земли, должна была без остатка уничтожить эти суеверия. Если бы всемирная история проходила на страницах священных книг и богословских трактатов, то о нации и этносе можно было бы забыть еще полторы тысячи лет назад. На самом деле история мировых религий наполнена противоречиями между всемирным и национальным.

Проще было иудеям. Они сохранили свою древнюю этническую религию, даже преобразив, реформировав, приспособив к изменившемуся миру. Во времена «Исхода» и «Книги Судий», видимо, не отрицалось существование других богов, они просто рассматривались как чужие и враждебные народу Израиля. «Чужим богам – не поклоняйтесь! Ибо Господу имя – Ревность! Он – Бог Ревнивый!» (Исх. 34: 14)

Перед началом новой эры преображенная иудейская религия уже считала Господа единственным, а народ Израиля – избранным народом единственного Бога. И в XIX веке, как и во времена Давида и Соломона, как при Вавилонском племени и при строительстве второго храма, евреи взывали к помощи Господа и верили, что он покарает их врагов.

Разделить здесь религиозное и национальное чувство почти невозможно.

Распространение христианства и даже ислама не привело к исчезновению этнического разнообразия. Древние этнические боги тоже не исчезли. Они только замаскировались, спрятавшись за лики христианских святых. Спасение души спасением души, но ведь люди продолжали жить на земле, в реальном мире, далеком от богословских представлений. Надо было по-прежнему спасать урожай от засухи, от града или дождей, беречь скот от падёжа, дом – от пожара и землетрясения. И, конечно же, перед войной просто необходимо заручиться поддержкой высших сил, даже если война объявлена братьям во Христе. Различные формы двоеверия процветали не только в православных, но и в католических странах. Новая вера приспособлялась под старые задачи, «национализировалась». Святой евангелист Марк оказался небесным покровителем Венецианской республики, святой Андрей – Шотландии, святой Георгий – Англии, святой Савва – Сербии^[591]. Русские, поляки, хорваты поверили, что им особо покровительствует сама пресвятая Богородица. Даже Пушкин упоминал «Русского Бога». Профессор Погодин, пересекая русско-австрийскую границу на западной Украине, «помолился Русскому Богу на свою сторону, и, перекрестясь, переступил черту»^[592]. А крестьяне на Киевщине еще в XVIII веке обращались к Богородице – «матери русского края»^[593], при этом «русским краем» считали именно свою землю.

Протестантизм, казалось, отбросил накопившееся за Средние века суеверия и вернулся к первоначальному христианству. Но и он оказался почти сразу же национализирован. И дело было не только в переводах Священного Писания на народные языки. В Англии эта «национализация» религии началась уже в XVI веке. В 1559 году будущий епископ Лондона Дж. Эйлмер прямо писал: «Бог – англичанин» и призывал соотечественников благодарить Его «семь раз на дню» за то, что они родились англичанами, а не итальянцами, французами или немцами. «Бог и его ангелы» сражаются на стороне Англии «против ее иностранных врагов»^[594].

Джон Фокс, автор монументальной «Книги мучеников»^[595], второй книги (после Библии) по значению и популярности среди пуритан, искренне полагал, будто «Англия заключила Завет с Богом, что она всегда была предана истинной религии в прошлом, а ныне возглавляет мир в реформационном движении, поскольку ей покровительствует Бог»^[596]. Во времена Кромвеля и Английской революции идея об Англии как новом Израиле станет общепринятой у пуритан.

Такое же, если не большее, влияние оказывало католичество на испанцев и поляков, православие на греков, сербов, русских, украинцев. Религия вошла в жизнь народов, стала неотъемлемой частью этнической традиции. При этом значение имела именно

национально-религиозная традиция, обрядность, ставшая частью национальной культуры, а вовсе не догматика. Простые люди в догматику редко вчитывались и вдумывались. Поляки, после недолгого увлечения протестантизмом, затронувшим аристократию, вновь стали добрыми католиками, и в XVII веке с оружием в руках сражались за католическую веру против мусульман (татар и турок) и православных (украинских козаков и русских-москалей). Между тем грамотных и разбравшихся в религиозных вопросах людей было мало, несмотря на распространение иезуитских школ. Малограмотные шляхтичи и даже аристократы слабо разбирались в богословских вопросах. У поляков в середине XVII века была шутка, будто во всей Речи Посполитой всего три Библии: у короля, у примаса^[597] и в аристократической семье Острогоров, известной своим благочестием^[598].

Католичество так прочно соединялось с польской идентичностью, что Богдан Хмельницкий и его козаки прямо называли католицизм «ляцкой верой»^[599]. Переход в католичество означал и смену национальности. Знаменитый Ярема (Иеремия) Вишневецкий, один из богатейших магнатов Речи Посполитой, представитель старинного западнорусского рода, родился в православной семье и, разумеется, был крещен по православному обряду. Но его отец, Михаил Вишневецкий, погиб, когда Яреме исполнилось четыре года. Еще через три года умерла и мать, Раина Могилянка, двоюродная сестра Петра Могилы. Поэтому воспитывался Ярема Вишневецкий в семье опекунов, ревностных католиков, учился во Львовской иезуитской коллегии и в католических университетах Рима, Падуи, Болоньи^[600]. В 1631 году он перешел в католичество и со временем превратился в злейшего врага православия и тех русинов, что посмели восстать против польского гнета. При Берестечке он командовал кавалерией и был фактическим организатором этой крупнейшей победы над войсками Хмельницкого. Львовская летопись точно определит национальную принадлежность Иеремии Вишневецкого: «з руського покоління лях»^[601].

Век Просвещения и Великая Французская революция превратили религию в частное дело частного человека, но поляков и Польшу это почти не коснулось. Самые просвещенные поляки в рационалистическом XIX веке оставались католиками, нередко – фанатичными. Католичество осталось важнейшей частью национальной традиции. Владимир Короленко вспоминал, как мать-католичка водила его в бернардинский костел Житомира. Это было незадолго до восстания 1863 года, когда «патриотическое возбуждение и демонстрации разлились широким потоком». Месса напоминала митинг. «Священник, молодой, бледный, с горящими глазами, громко и возбужденно произносил латинские возгласы...» Наконец, прихожане вместо латинских молитв запели польскую патриотическую песню, которая станет популярной во время восстания: «Боже, ты, который в течение стольких веков окружал Польшу сиянием могущества и

славы...» Одни поляки пели, другие, как мать Владимира, плакали, закрыв лицо руками^[602].

Приверженность католичеству резко отделяла студентов-поляков от русских студентов (православных по крещению и нередко атеистов по убеждению) в Киеве и Петербурге. Костомаров вспоминал, что поляки в Киеве еще в 1840-е годы называли себя просто «католиками», но это слово обозначало не вероисповедание, а национальность. Такой католик ни за что не назвался бы русским. В свою очередь, слово «русский» означало не только национальность, но и принадлежность к православию^[603]. На самом деле в гоголевское время уже не были редкостью русские, принявшие другую веру. Вспомним хотя бы о Зинаиде Александровне Волконской, которая не только перешла в католичество, но и старалась распространять эту веру среди своих соотечественников. Однако даже в просвещенном XIX веке религия и нация по-прежнему сливались в сознании людей, а национальные различия не только между русскими и поляками, но и между русскими и украинцами заставляли и в православии искать оттенки. Вот поразительные слова из письма Тараса Шевченко к Григорию Квитке-Основьяненко. 19 февраля 1841-го он жаловался на жизнь в Петербурге: «...Кругом москалі та німота, ні одної душі хрещеної»^[604].

Русская вера

Вопреки современным стереотипам украинская идентичность веками была связана вовсе не с униатством, а именно с православием. «Они исповедуют греческую веру, которую называют русской»^[605], – писал об украинских козаках Гильом де Боплан. В Луцке на Волыни иезуиты нападали на православный монастырь: избивали «невинного, только бы русин»^[606]. Быть русином означало – исповедовать православие.

Уния и ее сторонники больше двух веков оставались злейшими врагами Украины и ее народа. Восставшие в 1648 году козаки требовали уничтожить «унию, источник и начало зла»^[607]. Богдан Хмельницкий относился к униатству как к «ляшской вере»^[608]. Козаки и гайдамаки уничтожали униатов при всяком восстании. Враги полковника (и одно время – гетмана) Павло Тетери, известного сторонника Польши, распускали слухи, будто бы он принял унию или даже католичество, что само по себе было символом измены^[609].

Взгляд на унию как на величайшее несчастье, а на униатов – как на изменников, совершенно сохранялся в гоголевское время: «...уния простерлась бедою по Литве и Украине»^[610], – писал Максимович в «Сказании о Колиивщине». Автор «Истории русов» называл униатов «предателями»^[611]. В «Тарасе Бульбе» «...поднялась вся нация», чтобы

отомстить «за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию...»

Исследователи давно ушли от народного представления, которое в XIX веке разделяли даже ученые (среди них – Максимович), будто унию придумали иезуиты. Иезуиты ее поддержали. Но инициаторами унии стали православные епископы.

В конце XVI века православная церковь на Западной Руси переживала кризис. Власти Речи Посполитой регулярно вмешивались в церковные дела, назначали верных им русинов на епископские кафедры, не обращая внимания на то, имели эти русины знания и духовный авторитет или нет. Из года в год тянулся конфликт между православными епископами и активной, наиболее сознательной частью паствы, объединенной православными братствами, самым известным из которых было братство во Львове. Епископы вели светский образ жизни, открыто жили с женами, заводили детей. Митрополита Киевского Онисифора Девочку даже обвиняли в двоеженстве. Епископам не нравилась критика паствы. По преимуществу аристократического происхождения, они не терпели поучений от простонародья. Однажды мещане попросили Львовского епископа Гедеона Балабана их наставлять и учить, на что епископ ответил: «Я тебя, мужик, должен учить, а ты только что вылез из навоза <...> какое тебе дело до Писания»^[612]. Другой епископ, Ипатий Потий, один из главных идеологов и организаторов унии, писал с неприязнью об участниках православных братств: «покинувши некоторые мыло и дратву, ремесло свое власное, слово Божье, не будучи на то посланы, проповедовали»^[613]. Киевская митрополия была в подчинении у патриарха Константинопольского, который в конфликтах паствы и епископов поддерживал паству. Это и заставило православных епископов задуматься об унии. Они понимали ее всего лишь как переподчинение: вместо вселенского патриарха высшая власть перейдет к папе Римскому. Субординация в католической церкви была сильнее, чем в православной, в особенности после Тридентского собора.

Об унии всерьез думал и князь Константин Константинович Острожский – выдающийся просветитель, создатель знаменитой школы и еще более знаменитой типографии (в сущности, издательства). Князь стремился созвать вселенский собор, где православные и католики могли бы найти компромисс. Острожский и русские шляхтичи надеялись, что уния поможет достичь равенства прав с католиками-поляками. Русинов считали, что добровольно объединились с поляками в одном государстве, «как вольные с вольными, равные с равными». Но даже во Львове с его большой, богатой и влиятельной православной общиной не было подлинной свободы вероисповедания. Православным запрещали звонить в колокола, устраивать крестный ход. Их не допускали к должностям в городском самоуправлении, ограничивали

торговлю, не принимали в ремесленные цехи^[614]. Уния могла дать надежду на равноправие.

Унию поддержал король Сигизмунд III. Он стремился к национальной и религиозной унификации, видел в ней путь к укреплению государства, к порядку и миру в стране.

Словом, все в Речи Посполитой, кроме, пожалуй, иезуитов (вроде Петра Скарги) и Сигизмунда, смотрели на унию как на компромисс. Но папская курия, могущественные тогда иезуиты и сам папа Климент VIII считали иначе. Они видели в ней не компромисс с православием, а возвращение схизматиков (раскольников) к «истинной» церкви, вне которой невозможно спасение души. Представители Киевской митрополии епископы Ипатий Потий и Кирилл Терлецкий привезли в Рим «артикулы» унии – условия, на которых должно состояться объединение. Но эти артикулы в Риме даже обсуждать не стали.

В 1596 году собор в Бресте во главе с митрополитом Киевским принял унию. Результаты оказались совершенно противоположными ожиданиям.

Епископы-униаты лишились большей части паствы. Их авторитет упал еще ниже, чем прежде. Про одного из творцов унии, епископа Луцкого Кирилла Терлецкого, рассказывали, будто его в погребе удушил сам дьявол, а тело спрятал в бочонок из-под денег^[615]. Другого идеолога и организатора унии, епископа Владимирского Ипатия Потия, чуть не зарубили саблей. Униата Антония Грековича, наместника митрополичьего Софийского монастыря в Киеве, козаки просто утопили в Днепре^[616].

Князь Острожский еще до поездки Ипатия и Кирилла в Рим отступился от унии и стал злейшим врагом униатов, увидев, что вместо вселенского собора и религиозного компромисса дело идет к простому присоединению Киевской митрополии к римско-католической церкви. Могущественный князь, располагавший собственной армией в 10–20 тысяч, собрал в том же Бресте антиуниатский собор. Там Никифор, экзарх Константинопольского патриарха, отлучил униатов от церкви.

О религиозном равенстве не было и речи. К униатству даже спустя двести лет поляки относились как к «вере низшей»^[617]. А православие после Брестского собора 1596 года вообще было поставлено вне закона.

Вместо религиозного мира Сигизмунд III получил религиозные войны. Соппротивление православных продолжалось в церкви, в политике, на поле боя. Борьба против унии стала идеологией всех козацких восстаний после 1596 года.

Католическая церковь получила гораздо меньше, чем планировала. Большинство верующих в Киевской митрополии не поддержали унию. За души тех, кого все-таки удалось «вернуть в лоно истинной церкви», пришлось заплатить страшную цену. Жертвами козаков Павлюка, Остряницы, Хмельницкого, Кривоноса, гайдамаков Зализняка и Гонты

становились ксендзы, монахи и просто верующие католики и униаты. Что уж говорить об оскверненных и сожженных костелах и монастырях.

Религия из мировоззрения или системы взглядов превращалась в часть национальной традиции. После взятия города Умани гайдамаками в 1768 году на улицах, рядом с выброшенными в грязь книгами и вспоротыми панскими перинами, лежало столько трупов, что нельзя было пройти, не наступив на мертвое тело. Но какой-то козак ободрял робких: пусть смело ступают по телам убитых – «О, не зважай <...> соромные то тила, не православної виры»^[618].

Ляха («лядчину») отличали от православного, заставляя прочесть православную молитву и перекреститься по-православному. Но этих свидетельств было недостаточно, поэтому гайдамаки прибегали еще к одному критерию, вовсе с верой не связанному. Подозрительному человеку говорили: «покажи тило». Мода на загар появится только через полтора века. Паны, пани, панночки сохраняли сметанно-белую кожу и уже этим отличались от загорелых украинских крестьян. «Вира» была знаменем, частью национальной традиции, но ксенофобия совершенно подчинила себе религию.

Польский мальчик переоделся в одежду украинского крестьянина, но забыл снять чоботы (сапоги). По этим сапогам и по манере поведения украинские крестьяне сразу распознавали в нем не только поляка, но и человека другой веры: «...не выглядаєш так, як наша вира», – сказал ему мужик-украинец и чуть было не зарезал. «Добре по нашому говориш, але то не правда. Ты не нашої вири, видно по тобі»^[619], – заключил другой, на этот раз добрый мужик. Мальчик не читал им «*Credo*», ничего не говорил про учение о чистилище, римском папе, не упоминал *felioqe*, не пел псалмов по-латыни. «Вира» здесь обозначала нацию, этнос. При этом неграмотные украинские селяне лучше современных этнографов понимали, свой человек или чужой. Подразумевалось, что свои – это православные, хотя появившись здесь православный грузин, болгарин или даже великоросс («москаль»), своим бы он всё равно не стал.

Унию православные восприняли как покушение не только на веру, но и на сам «русский» (русинский) народ. Наибольшую смелость, отвагу, решительность и фанатизм проявляли простые люди: мещане, православные шляхтичи, позднее крестьяне и особенно козаки. Духовные же лица, получавшие образование в иезуитских коллегиях и католических университетах, где им нередко приходилось временно переходить в католичество, усваивали не только латинский язык и латинскую гуманитарную ученость, но и латинский взгляд на мир и на церковь. Известный историк церкви Антон Карташев, касаясь латинских симпатий Петра Могилы, Иннокентия Гизеля, Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича, писал: «Можно только удивиться, как люди этой школы еще удержались в границах православия. Не будь упорства в православности массы народа и казачества, эти

латинизированные богословы беспрепятственно успокоились бы в униатском единомыслии с Римом»^[620], как это сделал Мелетий Смотрицкий, автор знаменитой «Грамматики», по которой еще в XIX веке учились церковнославянскому языку.

Впрочем, такая оценка Карташева вряд ли справедлива для Петра Могилы. Он был не против такой унии, которая вернула бы христианский мир в эпоху единства Церкви, утраченного в середине XI века, но был убежденным противником современных ему унии и униатства. Да и трудно найти человека, который больше бы сделал для православия на Украине XVII века, чем Петр Могила.

И униаты, и православные подкрепляли религиозную политику саблями и самопалами. Страх перед буйной украинской и вооруженной до зубов запорожской паствой был сильнее, чем даже перед королем и польскими жолнерами. Сильвестр Коссов, вероятно, вспоминая участь Антония Грековича, писал: «Было время, как мы исповедавшись только и ждали, что вот начнут нами начинять желудки днепровских осетров или же огнем и мечом отправлять на тот свет»^[621].

Четверть века православные прожили на нелегальном положении, без митрополита и епископов (после смерти последних православных епископов, не принявших унии). Священство сохранилось только потому, что самые отважные православные ездили принимать рукоположение в православные дунайские княжества Молдавию и Валахию.

Восстановил православную иерархию не патриарх, не митрополит, а кошевой атаман и первый полновластный гетман войска Запорожского Петро Сагайдачный. Он договорился с Иерусалимским патриархом Феофаном, который весной 1620 года возвращался из поездки по Московской Руси. Феофан провел на Украине много месяцев. И хотя он очень боялся польского короля, он все-таки согласился рукоположить православного митрополита Киевского и Галицкого (им стал Иов Борецкий, игумен Михайловского Златоверхого монастыря) и двух православных епископов. Обряд хиротонии совершали в начале октября 1620 года, глубокой ночью, в Богоявленской церкви Киево-братского монастыря при закрытых окнах в обстановке вполне конспиративной. Патриарха под козацкой охраной проводили до границ Речи Посполитой. Король Сигизмунд и униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский были в ярости. Патриарха объявили турецким шпионом и отправили за ним погоню, но дело было сделано. Русины вернули себе не только веру, но и церковь. А ссориться с гетманом Сагайдачным король не мог. Поляки были разбиты турками под Цецерой, причем в бою погиб канцлер и коронный гетман Станислав Жолкевский. В Подолию хлынули татарские загоны. Козаки снова стали опорой престола и защитниками христианства, в том числе западного.

Московская вера

От святого равноапостольного князя Владимира существовала на Руси единая Киевская (Русская) митрополия. В начале XIV века она впервые разделилась, но ненадолго. До середины XV века церковь объединяла две половины некогда единой Руси: Русь Московскую и Русь Литовскую. Но политика оказалась сильнее церковного единства. С 1448 года одновременно было два митрополита, оба носили титул: «Киевский и всея Руси». Один из них, Иона, жил в Москве, другой, Исидор, – в Риме. Десять лет спустя король польский и великий князь литовский Казимир IV, вмешавшись в церковные дела, поставил во главе православных епархий Литвы Григория Болгарина с титулом «митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси». Митрополит Иона осудил «разделение Божиих Церквей Московской и Киевской», но уже его преемники носили титул «митрополит Московский и всея Руси». До конца XVII века разошлись не только политические, но и церковные судьбы Московской и Западной Руси.

Великое княжество Литовское было страной для своего времени веротерпимой. Веротерпима была и Польша до начала униатства. Но еще до 1596 года и простые шляхтичи, и магнаты всё больше переходили в католичество. Православная шляхта таяла год от году. Ко временам Хмельнитчины православие стало преимущественно верой селян и козаков.

Несколько веков жизни в разных государствах, с совершенно различными политическими системами, законами, традициями, не могли не повлиять на церковную жизнь. В середине XVI века в Речи Посполитой православная богословская культура еще была слабо развита. «Советуйте нашим, чтобы они без ученых с нашей стороны не сражались с иезуитами», – писал князь Андрей Курбский, знаменитый московский эмигрант, ставший «в Литве» просветителем и защитником православия.

Борьба с унией заставила западнорусское (украинское) духовенство и православных панов больше внимания уделять гуманитарному образованию. Приходилось открывать школы при монастырях и православных братствах, приглашать преподавателей, заниматься изучением и переводом латинской, греческой, славянской литературы. На Волыни появились православные школы. Их основателями были меценаты и православные просветители: те же Андрей Курбский, Константин Острожский. Так на Украине появляются свои богословы, апологеты, полемисты.

На некоторое время Западная Русь опередит Восточную. При работе над Острожской Библией приходилось обращаться в Москву за

Библией, переведенной архиепископом Геннадием, а типографией руководил (и в работе над книгой активно участвовал) Иван Федоров, или, как его называли во Львове, Иван Москвитянин. Зато в середине XVII века на Украине было около двадцати типографий, а в Москве только одна^[622]. А патриарх Никон уже сам посылал за печатной Острожской Библией.

Жизнь православия в Московской Руси текла совсем иначе. Православие здесь было не «терпимой», но господствующей религией. Стремительные успехи русского народа и русского государства отразились и на церкви. Митрополит Иона, первый независимый (от Константинополя) православный митрополит северо-восточной Руси, с гордостью писал об исторической миссии русского православия: «... святая великая наша Божия церкви русскаго благочестия держит святые правила и божественный закон св. апостол и устав св. отец – великого православия греческаго прежняго богоустановного благочестия»^[623]. С 1589 года автокефальная московская митрополия стала патриаршеством.

Православным русским из Царства Московского долгое время было не с кем и незачем спорить. Во время борьбы православных с униатством и католичеством православные русские по мере сил помогали единоверцам-русинам из Речи Посполитой. Со своей стороны, Киевский митрополит Петр Могила послал в Москву частицу найденных им мощей св. равноапостольного князя Владимира и попросил у царя Михаила Федоровича не только денег на восстановление церквей в Киеве, но и книг, икон, церковных одежд. Царь прислал митрополиту Киевскому и деньги, и книги, и мастера-иконописца для украшения Киево-Печерской лавры, а послов митрополита, по московскому обычаю, наградил не только деньгами, но и мехами соболей и куниц^[624]. Позже Алексей Михайлович уже сам будет обращаться к митрополиту Киевскому Сильвестру Коссову с просьбой прислать ему ученых людей, знающих латынь и греческий, для исправления церковных книг. Митрополит послал в Москву Арсения Сатановского и Епифания Славинецкого. Это было начало реформ, которые, как известно, приведут к великому расколу.

Епифаний Славинецкий был, пожалуй, самым заметным представителем грамотного и поднаторевшего в полемике с иезуитами киевского духовенства. Трудолюбивый ученый монах, замечательный знаток греческого и латыни, он был кабинетным ученым в лучшем смысле этого слова. Писал проповеди, переводил сочинения Григория Богослова, Юстина Философа, Афанасия, Василия Великого, Иоанна Дамаскина. Он был редактором нового перевода Библии на церковнославянский. Но простые русские люди с подозрением смотрели на ученых киевских монахов. Однажды, 5 марта 1650 года, в Чудовом монастыре московские монахи в келье чернеца Саула обсуждали «киевских старцев». Между прочим говорили, будто старцы

эти «недобрые», «доброго учения у них нет», что «старцы-киевляне всех укоряют и ни во что не ставят благочестивых протопопов Ивана и Стефана...»^[625] Протопоп Казанского собора Иван Неронов и протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев – «ревнители древнего благочестия», честь и гордость русского православия, слава их пережила века, но киевские монахи, вроде бы такие же православные люди, относились к московским священникам высокомерно, не считали их за равных себе.

Связи восточной и западной Руси никогда не прерывались. Русские паломники регулярно отправлялись в Киев, к его древним святыням, к мощам печерских святых, а православные русины из Киева, с Волыни, из Подолии и даже Галиции собирали в Москве милостыню, часто оставались в столице Русского царства, находили применение своим знаниям. Одни устраивались справщиками книг в типографию, другие становились учителями. Однако национальная вражда двух близких народов, особенно проявившаяся в Смутное время, не забылась и не исчезла вовсе. В русских источниках времен Смуты черкасы именовались «разорителями истинной нашей православной веры и креста Христова ругателями»^[626]. В период между Смутой и реформами патриарха Никона православная Московская Русь резко отделяла себя от православной Украины. С 1622 года все выходцы из Литовской Руси подлежали крещению. Правило относилось не только к униатам и католикам, но и к православным^[627]. На Украине вплоть до XIX века крестили не погружением, а обливанием святой водой. На Московской Руси первой половины XVII века «обливанцев» не считали полноценными православными. Воспоминания о Смутном времени, в котором православные козаки приняли самое активное участие и сделали немало зла Москве и московским русским, подогрела и Смоленская война. У религиозной подозрительности русских были веские политические основания.

Реформа патриарха Никона ликвидировала значительную часть различий между московским и западнорусским православием^[628], но для подлинного единства этого оказалось уже недостаточно. Слишком много накопилось различий – не церковных, религиозных, а именно национально-религиозных.

Православное духовенство, на первый взгляд, должно было стать идеологом воссоединения Восточной и Западной Руси. Пока Москва была далеко, русский православный царь воспринимался защитником православного народа в тяжелой борьбе с католиками и униатами^[629]. Всё изменилось, когда русские гарнизоны разместились по малороссийским городам. Они защищали Украину от поляков-католиков, но московские порядки не нравились ни козакам, ни крестьянам, ни тем более духовенству, которое привыкло жить под властью уважаемого, но далекого и бессильного Константинопольского патриарха. Интересно, что даже на Переяславской раде не было ни

митрополита Киевского, ни хотя бы одного представителя высшего православного клира. Знамя с изображением Спасителя, Богородицы, великомученицы Варвары (издавна особо почитавшейся в Киеве) и преподобных печерских святых – Антония и Феодосия, что символизировало религиозное единство, вручил Богдану Хмельницкому боярин Василий Бутурлин. Обедню пришлось служить казанскому архимандриту Прохору, который приехал вместе с московскими послами^[630].

Украинское духовенство упорно сопротивлялось Москве и московским порядкам.

Православному духовенству Украины русские из царства Московского представлялись людьми «грубыми и невежественными»^[631]. Кроме того, митрополиту, священникам и монахам не хотелось переходить под власть патриарха Московского. В 1666 году гетман Брюховецкий, в то время настроенный промосковски, поддержал переход Киевской митрополии под власть московского патриарха и сообщил об этом в своем письме в Киево-Печерскую Лавру, на что монахи ответили, что подчиняться новому митрополиту не станут^[632].

Об этих противоречиях было хорошо известно полякам, которые пытались сыграть на них. Станислав-Казимир Беневский, представитель польской короны, стараясь всеми силами склонить козаков к возвращению под власть Польши, апеллировал к этим различиям: «...у вас вера греческая, а у москаля – вера московская! Правду сказать, москали так верят, как царь им прикажет. <...> Вы своих духовных уважаете, а москаль распоряжается, как хочет, духовным управлением: митрополитов отрешает, как с Никоном недавно поступил»^[633]. На самом деле Никон добровольно оставил патриаршество, но в далеком от Москвы городе Гадяче (на левобережной Украине), где шли переговоры поляков с украинскими козаками, словам Беневского поверили.

В 1667 году царство Московское, обескровленное церковным расколом и долгой войной, заключило перемирие с Речью Посполитой. Граница государств прошла по Днепру (на правом берегу за русскими остался только Киев с округой), разделив земли Украины надвое. Это был тяжелый удар. И в народе пошли нелепые слухи, будто москали и ляхи решили совсем извести казачество. Гетман Брюховецкий поднял восстание против Москвы. В одном из «прелестных» (то есть пропагандистских) посланий гетмана говорилось, что в Москве-де приняли «унию и ересь латинскую и ксендзам в церквях служить позволили»^[634]. Вновь пригодился патриарх Никон. Его ссылка в далекий Ферапонтов монастырь интерпретировалась на Украине так: благочестивый патриарх Никон воспротивился католикам, потому его и сослали^[635].

Московские власти долгое время терпели своеволие малороссийского духовенства. Киевская митрополия перейдет под

власть патриарха Московского только в 1684 году, спустя тридцать лет после Переяславской рады^[636].

В годы борьбы с унией сложилась традиция избирать Киевского митрополита «при посредстве русского дворянства, духовенством и обывателями греческой веры»^[637]. Церковная унификация в Российской империи продолжалась очень долго. Еще в XVIII – начале XIX веков в церковной практике Малороссии сохранялось много местных особенностей. Если у русских выборы приходского священника были формальностью, то на Украине в приходах разворачивались настоящие предвыборные кампании. На место священника выдвигалось несколько кандидатов. Среди них могли быть не только «дикие попы» (священники, временно оказавшиеся без прихода), но и бурсаки из Киева, Харькова или Переславля, и даже светские лица, не имевшие сана священника. Если кого-нибудь из них выбирали, то избранный священник отправлялся на рукоположение к епископу («промоваться на попа»)^[638].

Сами выборы, как пишет историк церкви Знаменский, «имели очень оживленный и торжественный характер». Собирались не только прихожане, но приезжали гости из соседних сёл. Кандидаты не останавливались перед подкупом избирателей и «черным пиаром»: раздавали деньги, коров, лошадей, обвиняли друг друга в мнимых и подлинных грехах. В день выборов все прихожане собирались у церкви. После вопроса «Кого волите, панове громада?» «наступало несколько минут обычного молчания, которое так необходимо для малороссийской сходки, когда требуется, что называется, “діло разжувати”. Кандидаты в это время находились в самом тревожном состоянии, посматривая на своих патронов; некоторые, не утерпев и пользуясь затишьем, выходили в круг, кланялись на все стороны и просили, чтобы их выбрали...»^[639] После чего начинались споры. Каждого кандидата долго обсуждали, спорили, ругались. После выборов собирали в складчину деньги – на обзаведение новому священнику.

Правда, в тех приходах, где была сильна власть пана, о таких выборах и не мечтали: всё решала панская воля. Пан мог назначить священником даже козака, «едва знающего грамоте». Такие случаи не были редкостью^[640]. Но в приходах, где власть и влияние принадлежали «громаде» (общине) церковная демократия процветала. Современный русский историк Сергей Сергеев назвал такие выборы «истокom Майдана». Это не шутка. Привычка вершить дела через «прямую демократию» привита украинцам не только поляками, у которых политическая жизнь веками протекала на «сеймах и сеймиках», но и самим отсутствием сильной власти (светской и церковной), и жизнью на опасной степной границе.

В середине XIX века такие демократические порядки в церкви стали уже воспоминанием. Однако бытовые различия между русской и украинской церковной практикой, видимо, оставались. Именно эти

различия, с точки зрения религии ничтожные, не имевшие никакого значения, раздражали Тараса Шевченко.

Из дневника Тараса Шевченко, март 1858 года, на Пасху: «...в 11 часов я отправился в Кремль. Свету мало, звону много, крестный ход, точно вяземский пряник, движется в толпе. Отсутствие малейшей гармонии и ни тени изящного. И до которых пор продлится эта японская комедия?»^[641]

Тем интереснее, что именно малороссийское духовенство, воспитанное в стране как будто более свободной, чем Русское (Московское) царство, будет верно служить Петру I. Петр руками сначала Стефана Яворского, а затем – Феофана Прокоповича будет уничтожать остатки независимости духовной власти, превращая церковь в государственный департамент. Малороссийские епископы послушно провозгласят анафему гетману Мазепе.

При Петре Великом началась эпоха господства малороссийского духовенства в России. Украинские ученые Огиенко, Харишин, Мордвинцев^[642] трактуют это явление по-своему: «Петр рано заметил разницу между культурным и широко образованным духовенством украинским и темным и духовно заскорузлым духовенством московским», – писал митрополит Виннипегский Илларион Огиенко, историк церкви и филолог, переводчик Священного Писания на украинский язык^[643]. Пожалуй, в этих словах Огиенко можно найти куда больше национальной гордости (если не сказать: национального чванства), чем научно обоснованных выводов.

Вероятно, к истине ближе наш замечательный филолог и историк Виктор Макарович Живов. Он доказывал, что Петр нуждался не в епископах-латинистах, не в богословах и апологетах. Им было просто не с кем полемизировать в Архангельске или Вятке. Времена диспутов со староверами прошли. С расколом боролись мерами полицейскими, а не религиозными. Требовались палачи и тюремщики, а не законоучители. Петру нужны были верные и послушные епископы, не связанные с местной паствой родственными узами. Такие церковные власти по необходимости должны были искать себе опору во власти государственной, опираться на нее, а не на прихожан, людей чужих и далеких^[644].

Нельзя сказать, чтобы все малороссыяне отвечали таким требованиям. Скажем, галичанин Стефан Яворский^[645], занявший митрополичью кафедру в Рязани и одно время столь влиятельный, что в исторической литературе его до сих пор именуют «местоблюстителем патриаршего престола», никогда не был единомышленником Петра. Он анафематствовал Ивана Мазепу, славил военные победы царя. Но в 1710 году Яворский отказался венчать племянницу Петра и будущую императрицу Анну Иоанновну с курляндским герцогом-протестантом. В одной из проповедей митрополит осуждал тех мужей, что заставили своих жен постричься в монахини, а сами стали жить с блудницами.

Намек на Петра, Евдокию Лопухину и Екатерину (Марту Скавронскую) очевиден даже современному читателю. Тем более понятен он был в петровские времена.

Стефан хвалил царевича Алексея, обличал заведенные царем порядки, осуждал бритье бороды, был недоволен симпатиями царя к протестантам. Стефан, человек православный, но испытывавший на себе влияние католической традиции, добился суда над русскими еретиками Дмитрием Тверитиновым и Фомой Ивановым. Фому сожгли в срубе на Красной площади, а Дмитрия спасло от той же участи только вмешательство царя Петра^[646].

В числе обличительных речей Стефана Яворского была и проповедь о царе Валтасаре, который, не боясь гнева Божьего, даже сосуды церковные «на пьянство» употребляет. В историю библейского Валтасара Стефан Яворский вплетал реалии петровских ассамблей (принуждение к пьянству, штрафы «про здоровье»). Стефан предрекал царю страшную кару: «...выпиешь ты из тех сосудов церковных горькую полынь ярости Божией»^[647]. Виктор Живов, комментируя эту проповедь, писал: «...трудно придумать более красноречивое свидетельство его тайной ненависти к Петру»^[648]. Правда, проповедь эту митрополит Стефан не прочитал. В рукописи он даже сделал пометку: non dictum^[649].

С другой стороны, Стефан способствовал латинизации Славяно-греко-латинской академии, которая именно благодаря усилиям Яворского стала настоящим оплотом схоластики и латинской учености, столь привычных для малороссиянина того времени. Вскоре академия станет одним из центров малороссийского влияния. По крайней мере, с двадцатых по начало пятидесятих годов XVIII века малороссы держали в своих руках многие административные посты в академии^[650].

Но если Стефан Яворский не оправдал возложенных на него надежд, то их с лихвой оправдал Феофан Прокопович, настоящий идеолог не только царствования Петра, но и всего синодального периода истории православной церкви в России.

Особенную силу малороссияне набрали в правление дочери Петра Елизаветы, вообще благоволившей к малороссиянам, вероятно, под влиянием своего фаворита Алексея Разумовского. Петербург был наполнен малороссиянами. Светлана Лукашова, современный историк-славист, подсчитала, что за всё царствование Елизаветы (1742–1761) 78 архиереев получили назначения на епископские кафедры. 61 архиерей из этих новых назначенцев (78%) был малороссиянином^[651].

Господство малороссиян в церкви вызвало сопротивление русского духовенства. Великороссы старались по-своему бороться против этого засилия. К украинцу Лаврентию Горке, назначенному в Вятскую епархию, местное духовенство отнеслось как к «человеку иностранному». Привезли ему изодранную рясу, «забыли» привезти епископский посох, «устраивали ему всякие неприятности, – обжигали горячей водой, воском, клали в митру гниль, чтобы из-за вони нельзя

было служить». Бедный епископ – человек, верный российской державе, враг Мазепы и мазепинцев – жаловался, что из-за устроенного против него гонения ему «нельзя и жить, не только епархией управлять. <...> хотел я и учения славяно-латинския для робят в епархии вятской заводить и учителя из Киева два человека мирские прибыли ко мне, но за таким гонением и за противностями невозможно»^[652]. Так епископ и умер в Вятке. А его латинские науки среди вятских лесов были и в самом деле неуместны.

В Архангельске архиепископ Варсонофий, злейший враг малороссиян, тоже считал эту ученость лишней и воспротивился созданию школ у себя в епархии. Варсонофий должен был по указанию Синода посвятить некоего Венедикта Галицкого в сан архимандрита, однако не только этого не сделал, но сумел вообще выжить малоросса из епархии: «Слава Богу, черкашенина отсюда избыли»^[653], – радовался он.

Не удивительно, что далеко не все малороссийские священники и архиереи стремились занять высокие должности в епархиях Великороссии. Многие хотели вернуться на Украину и даже готовы были променять столицу на кафедру или даже приход где-нибудь в Переяславе. При этом великороссов длительное время в малороссийские епархии не назначали, так что Украина имела возможность еще долго сохранять свои местные традиции, привычный образ жизни. В начале 1750-х малороссийское духовенство, уверившись в своей силе и влиянии, попыталось даже вернуть себе старинное право выбирать епископов. После смерти Переяславского епископа Никодима (1751) провели выборы, но Синод результаты выборов не утвердил, так что попытка эта не удалась.

А в скором времени начался и закат малороссийской эпохи в истории русской церкви. Молодые русские архиереи, получившие хорошее образование в Славяно-греко-латинской академии, научились бить врага его же оружием. Они вели такую же тайную, «аппаратную» кадровую борьбу, какую против них вели и малороссияне. Продвигая на высокие должности своих людей – образованных русских священников, которые уже не уступали ни в чем малороссиянам, они постепенно вытесняли чужаков-«черкашенинов».

Перелом произошел в последние годы правления Елизаветы и в правление Екатерины: впервые за несколько десятилетий великороссиян стали назначать на архиерейские должности больше, чем малороссов.

Из всего сказанного вовсе не следует, будто вся церковная жизнь в России первой половины XVII состояла из тайной или явной вражды между русскими и украинцами. Во многих случаях интересы людей Церкви, и русских, и малороссиян, совпадали. Но и тайное, хоть и бескровное противоборство двух народов все-таки было.

Киевский синопсис

История наша была бы неполна, если бы мы не коснулись еще одного сюжета, связанного с мифом, нам уже знакомым: малороссийское духовенство как инициатор объединения Украины с Россией, воссоединения Руси западной и Руси восточной. И здесь перед читателем из глубины столетий поднимается величественная фигура Иннокентия Гизеля.

Историк М. В. Дмитриев в журнале «Вопросы истории» задолго до нынешней войны и даже до первого «майдана» написал: «Гизель – Гоголь XVII века, не столько конструировавший проекты “общерусской” идентичности, сколько выражавший уже прочно и широко утвердившиеся представления»^[654]. Какие «проекты «общерусской» идентичности» конструировал Николай Васильевич Гоголь, мы скоро увидим, а вот об Иннокентии Гизеле надо рассказать.

В 1674 году в типографии Киево-Печерской лавры вышло сочинение, которое ждала долгая жизнь и совершенно незаслуженная слава. Называлось сочинение довольно витиевато: «Синопсис, или Краткое собрание от различных Летописцов о начале Славенороссийского Народа и первоначальных Князех Богоспасаемого града Киева». Это только часть заглавия, оригинал в три раза длиннее. Для краткости его называют обычно «Киевскими синопсисом» или просто «Синопсисом». Автором считается Иннокентий Гизель, человек интересный, примечательный даже для своего, богатого на ярких и неординарных людей, времени. Он был не русином, не русским и, видимо, вообще не славянином, а немцем. Происходил из города Кёнигсберга. Родился в протестантской семье и был крещен в соответствии с обрядами «реформатской» (протестантской) религии. О его молодости почти ничего не известно. Неясно, что привело его в Киев, что побудило сменить веру, приняв православие, но каким-то образом немец-неофит понравился самому Петру Могиле. Митрополит Киевский послал Гизеля учиться, совершенствоваться в науках, чтобы тот со временем стал профессором в Киевском коллегиуме. Об учебе Гизеля также известно немного. Видимо, он учился во Львове, только неизвестно, во Львовской иезуитской коллегии (католической) или во Львовской братской школе (православной). Возможно, постигал науки и в каком-то из европейских университетов. Святой Дмитрий Ростовский (Туптало) утверждал, будто Гизель учился «в разных школах, до которых и через моря путешествовал»^[655].

Учеба за границей в католических коллегиях и университетах нередко вела к смене веры. Православные переходили в католичество, а затем, вернувшись, вновь перекрещивались в православие. Так

поступит, скажем, Феофан Прокопович. Но сведений о хотя бы временном переходе Гизеля в католичество нет. Зато хорошо известна его деятельность после возвращения. Он читал лекции и проповеди в Киевском коллегиуме, а в 1647 году был уже ректором коллегиума, а также игуменом Киевско-Братского монастыря, что следует из его «подписи под актом избрания митрополита Сильвестра Коссова»^[656]. Со временем, однако, он оставит преподавание и в 1656 году станет архимандритом Киево-Печерской лавры – одного из самых славных и почитаемых монастырей православного мира. Этот высокий пост Гизель будет занимать до своей смерти в 1683 году.

Современники высоко ценили ученость Гизеля. О нем с уважением отзывались Иван Выговский и Богдан Хмельницкий. Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович называл Гизеля «украинским Аристотелем» и отдавал ему редактировать собственные сочинения. Гизеля превозносил св. Дмитрий Ростовский.

Тем удивительнее, что «Киевский синопсис», написанный (а возможно, только отредактированный) Гизелем^[657], получился книгой, составленной не просто плохо, но откровенно халтурно. «Синопсис» – краткий пересказ летописей: «Хроники польской, литовской, жомойской и всей Руси» Матвея Стрыйковского, написанной на Черниговщине Густынской летописи и Хроники, составленной игуменом Киевского Михайловского Златоверхого монастыря Феодосием Сафоновичем (Софоновичем) в 1672–1673 годах^[658]. Но и эта хроника была компиляцией киевских и волынских летописей. То есть «Синопсис» – компиляция, составленная на основе других компиляций.

События до взятия Киева Батыем (1240) изложены относительно связно, дальше – хуже. Из 124 страниц первой редакции «Синопсиса» 111 посвящены домонгольской эпохе. Вся последующая история уместилась на нескольких страницах, напечатанных очень крупным шрифтом. Литовскому завоеванию Западной Руси посвящены две страницы, превращению княжества Киевского в воеводство Речи Посполитой – две с половиной страницы. Последняя глава, посвященная восстановлению величия «богоспасаемого града Киева» и его переходу под власть русского государя, – две неполные страницы. Завершалось первое издание «Синопсиса» славословием в честь государя Алексея Михайловича, «всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и многих Государств и Земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и Государя и Обладателя»^[659]. Возвращение «богоспасаемого града Киева» под власть этого государя служит эффектным финалом всей истории народа «славенорусского», изложенной в «Синопсисе».

Два года спустя Алексей Михайлович умер, а на престол взошел Федор Алексеевич. И в 1678-м появляется новое издание, где уже говорится и про государя Федора Алексеевича, «Всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца»^[660]. В этом издании страниц

больше – целых 136. Добавлено оглавление, до семи с половиной страниц расширена последняя глава. Там рассказывается уже о событиях «новой» истории – походе Ромодановского и Самойловича на Чигирин.

Наконец, в 1680-м выходит третья, последняя при жизни Иннокентия Гизеля, редакция «Синописа». Редакция расширенная. Гизель добавил пространное (до четверти объема книги) повествование о Куликовской битве и несколько глав, которые рассказывали о походах русских и запорожских войск под Чигирин. Тяжелые и кровопролитные войны против турок и татар окончились разрушением Чигирина и отступлением войск Самойловича и Ромодановского. В России радовались, что бессмысленная война за далекий пограничный город окончена. На Украине тяжело переживали потерю первой гетманской столицы. В «Синописе» Чигиринские войны представлены как блистательная победа. Но эти вставки не исправили всех недостатков «Синописа».

В нем по-прежнему ничего не говорилось о походе Тохтамыша на Москву в 1382-м, о завоевании Новгорода Москвой, об историческом стоянии на реке Угре. Покорение Казани и Астрахани Иваном Грозным было лишь упомянуто в одной из вводных глав. Больше о его царствовании ничего не было сказано, равно как и о Смутном времени. Но и важнейшие события западнорусской истории были в «Синописе» просто пропущены. Поразительно, но даже о создании Острожской Библии, о борьбе против унии, о походах Сагайдачного, о восстании Хмельницкого (не говоря уж об Остряннице, Наливайко и прочих) ничего не говорилось. И великому Петру Могиле, благодетелю Гизеля, тоже места в сочинении не нашлось. Вся история восточной и западной Руси за два с половиной века скомкана в несколько абзацев, написанных весьма небрежно.

Академик Александр Лаппо-Данилевский, выдающийся русский источниковед, считал, что такой образованный человек, как Иннокентий Гизель, просто не мог быть автором «Синописа». Если б Гизель в самом деле его писал, то «счел бы нужным подвергнуть его более научнообразной переработке и придать ему более литературную форму»^[661].

Наш замечательный историк С. М. Соловьев назовет «Синописис» «первым младенческим несвязным лепетом русской историографии»^[662], но вряд ли это сочинение достойно даже таких слов. «Синописис», составленный явно в спешке, не давал хоть сколько-нибудь связного представления об истории Руси ни восточной, ни западной.

Выдающийся немецкий русист Август Людвиг Шлёцер писал о «Синописе» точнее и жестче: «Это жалкое сочинение, извлеченное не непосредственно из русских летописей, а из их переписчиков, из Стрыйковского...»^[663]

Книга, «исполненная ошибок и неисправностей», – так напишет о ней русский историк митрополит Евгений (Болховитинов).

В самом деле, читатель «Синописа» узнавал, что слово «Москва» происходит от Мосоха, сына Иафета (Яфета), внука Ноя, славяне получили имя от своих славных дел, а русские, россы – от того, что рассеялись по разным странам^[664]. Александр Македонский дал славянам «привилей или грамоту на пергамене златом написанную в Александрии»^[665].

Но дело даже не в бесчисленных нелепостях, ошибках, фантазиях – историческая мысль XVII века еще не знала критики источника. Хуже другое. Летописцы стремились последовательно и подробно изложить историю, а у Иннокентия Гизеля и этого стремления не было. Между изданиями 1674-го и 1680-го прошло достаточно времени, чтобы хоть сколько-нибудь подробно и последовательно рассказать о событиях восточно- и западнорусской истории, пропущенных в первом издании. Но Гизеля, если не автора, то, несомненно, редактора и заказчика «Синописа», последовательное и подробное изложение истории не интересовало. Он уделил внимание не истории, а идеологии. Идеология эта сводится в основном к трем идеям.

1. Народ славянорусский очень древний, и с древности славный бесчисленными подвигами.

2. Московский царь – единственный законный правитель всех русских земель.

3. Славенорусский (он же русский, российский) народ един и неделим с древних времен, со времен того самого мифического Мосоха, «прародителя славенорусского».

Кроме того, Гизель не стал заботиться о том, чтобы рассказать о славных деяниях Ивана III, о правлении Ивана IV и других великих князей и царей, но особое внимание уделил восхвалению современных ему государей – Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. По своему Гизель оказался прав. На Московской Руси «Синописис» оценят. Он выдержит до тридцати изданий – «Киевский синописис» можно было легко найти и в монастырской библиотеке, и в лавке книготорговца. Николай Иванович Новиков «считал “Синописис” одной из любимых книг в мещанской среде»^[666]. Академия наук больше ста лет печатала «Синописис», и тиражи расходились. Убыток от издания научных книг академия долгие годы покрывала прибылью от изданий «Синописиса»^[667]. Но и этих тиражей, по всей видимости, не хватало. Читатели старательно переписывали «Синописис» в тетради, заказывали для тетрадей дорогие кожаные переплеты.

Успех «Синописиса» понятен: долгие десятилетия это была единственная печатная (а потому – общедоступная) книга по истории России. Между тем русский народ хотел знать о собственном историческом прошлом. Шлёцер писал о колоссальном интересе русских людей именно к отечественной истории: они собирали и

переписывали летописи и хроники, передавали их из рук в руки. «Все монастыри, частные библиотеки, даже многие ветошные лавки были полны рукописных летописей; но ни одна не была напечатана»^[668].

Пересыпанный полонизмами язык «Синописиса» был архаичен и мало понятен уже в XVIII веке. Но, как считал наш ученый Александр Формозов, это не отталкивало, а как будто привлекало читателя. Человек неискушенный полагал, что в его руках оказалась настоящая древняя летопись, а потому старательно вчитывался в рассказ про славеноросского князя Одонацра, который завоевал древний Рим^[669].

Это печаталось и читалось в стране, где уже выходили труды Татищева, князя Щербатова, академика Миллера. Увы, даже «Краткий российский летописец» Михаила Ломоносова, сочинение тоже «чуднѡе», но всё же более связное, не сумел вытеснить «Киевский синописис». После 1760-го «Краткий российский летописец» не переиздавался, а новые тиражи «Синописиса» выходили и в начале XIX века. Только издание карамзинской «Истории государства Российского» положило конец господству «Киевского синописиса».

Иннокентий Гизель при всей своей эрудиции и европейском образовании не был ученым, исследователем. Труд добросовестного летописца был ему, видимо, тоже неинтересен. Хроника Феодосия Софоновича закончена в 1672–1673 годах, а «Синописис» вышел из печати в 1674-м. Значит, работа над ним велась не более года. Прежде Гизель интереса к истории и летописанию не проявлял^[670]. В Европе он, несомненно, изучал схоластическую философию, ее же и преподавал, разумеется, на латыни. Сохранилась его рукопись 1645–1647 годов «*Opus totius philosophiae*» («Сочинение о всей философии»), которая состоит из трактатов по диалектике и логике, физике и метафизике. В 1669 году он издал богословское сочинение на церковнославянском «Мир с Богом человеку», однако неясно, был ли Гизель автором этого сочинения или только вдохновителем и редактором. Но и схоластическая философия, и преподавание не были важнейшими занятиями в его жизни.

Должность архимандрита Киево-Печерской лавры, с ее немалыми богатствами и большим хозяйством, требовала времени, сил и навыков не профессора, а хозяйственника, администратора, даже дипломата. С дипломатическими поручениями Гизель еще при Хмельницком ездил в Москву, где мог изучить взгляды и настроения и бояр, и русского духовенства. Изучить, учесть, использовать в своих интересах.

Гизель не был беспринципным приспособленцем. Напротив, дошедшие до нас сведения о его жизни показывают, что Гизель стал настоящим патриотом своего нового отечества – Украины, Малой Руси. Твердо и последовательно боролся он против подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату, хотя могущественный Никон в середине 1650-х годов уже именовал себя «патриархом Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи»^[671]. Гизель грозился даже, что закроет ворота Лавры и

будет сидеть там вместе со всеми монахами, но не подчинится митрополиту, поставленному Москвой^[672]. И его оппозиция не ограничивалась делами церковными. Гизель называл промосковского гетмана Брюховецкого «злодеем», а в Москве, в свою очередь, хорошо знали, что Гизель «не продаст малорусские вольности не за какие сорок соболей»^[673].

Как видим, «Киевский синопсис» не отражал настоящих взглядов Гизеля, не был его идеологической программой. Очевидно, издание такой явно «промосковской» книги было лишь дипломатическим ходом архимандрита Киево-Печерской лавры. В сущности, его поведение мало отличалось от поведения других представителей высшего духовенства Киевской митрополии. Еще в марте 1654 года митрополит Киевский Сильвестр Коссов в письме поздравлял Алексея Михайловича с рождением наследника: «боговенчанного вашего царского величества сына, нашего же российского роду»^[674]. Конфликты начались, когда в Киев прибыли русские воеводы и «московские ратные люди». Они по решению государя начали строить новый острог рядом с Софийским собором. Когда русские воеводы напомнили Сильвестру, что он находится под властью русского царя, то митрополит отвечал, что был прежде под властью польского короля, а теперь будет под той властью, под чьею Бог велит быть: «Вы только видите начало, подождите конца»^[675], – сказал он, а затем еще и пригрозил: «Почекайте, почекайте! Скоро вам конец будет!»^[676]

Малороссийское духовенство не только не стало идеологом объединения Украины и России, но всеми силами ему препятствовало, а если и шло на уступки и даже выпускало промосковские сочинения, то с целями больше дипломатическими.

Историю делают люди, а не бумажки.

Священная война в легенде и в истории

В украинской национальной традиции были святыни скорее национальные, чем православные. К ним относится и Межигорский Спас, то есть Межигорский Спасо-Преображенский монастырь. В этот монастырь запорожцы жертвовали часть добычи от военных походов. Там же, в Межигорском монастыре, доживали свои дни и отмаливали грехи престарелые козаки. В самой Запорожской Сечи в знаменитой церкви Покрова пресвятой Богородицы служили два иеромонаха, непременно из Межигорского монастыря^[677]. По преданию, при Межигорском монастыре похоронен Семен Палий, один из любимых народных героев. Не раз появляется этот монастырь в сочинениях Гоголя и Шевченко. Есаулы приносят сыновьям Тараса Бульбы по кипарисовому кресту из Межигорского киевского монастыря. Гетман

Дорошенко, потерпев поражение от «москалей» и союзного им «глупого» гетмана Самойловича, отказывается от власти и собирается в монастырь:

А я, брати-запорожці,
Возьму собі рясу
Та піду поклони бити
В Межигор до Спаса^[678].

Другой национальной святыней если не для всех украинцев, то для жителей южной Киевщины, был Мотронинский монастырь. В этот монастырь весной 1768 года пришел «на послушание» запорожец Максим Зализняк (Железняк).

В урочище Холодный яр казацкая рада выбрала Зализняка своим атаманом, а 18 мая (29 мая по новому стилю) 1768 года в Мотронинском монастыре отслужили торжественный молебен за успех будущего дела^[679]. Это было знаменитое «освящение ножей».

В середине XVIII века большая часть правобережной Украины оставалась под властью Польши. В это время расцветали базилианские монастыри и церкви униатов, где служили бритые священники, очень похожие на настоящих ксёндзов. Даже через полвека после Колиивщины, когда униатство на русской уже Украине будет доживать последние годы, путешественники хвалили грамотных и деятельных базилианских монахов и высоко ставили униатское духовенство. Князь Долгорукий, осматривая в 1810 году униатский монастырь в Каневе, заметил: «Монахи здесь не тунеядцы и лентяи: они обучают разным языкам юношество и получают за то жалование»^[680]. При монастыре работала школа, куда поляки отдавали «детей своих учиться разным наукам: это заведение подобно Академии»^[681]. Но униаты, мирные под властью России, под властью Польши распространяли свою веру не только проповедью, но и силой.

В 1766 году 150 приходских униатских священников на правобережной Украине обратились в православие. Власти и униатская церковь ответили репрессиями. Арестован был игумен Мотронинского монастыря Мелхиседек, который был одновременно наместником Переяславского епархиального правления на Правобережье. Его обвинили в шпионаже. Вступившийся за православных сотник Харько (будущий герой народных песен и дум) был схвачен поляками и убит. А весной 1768 года в Польше вспыхнула гражданская война. Шляхтичи, недовольные пророссийской политикой короля Станислава Августа Понятовского (бывшего любовника русской императрицы Екатерины), объединились в «Барскую конфедерацию» – политический союз, названный в честь города Бара на Западной Украине, где состоялся съезд шляхтичей-оппозиционеров. Если власти Речи Посполитой были заинтересованы в мире и порядке, то конфедераты дали волю своей

ненависти к православным, которых считали пособниками России, а потому – врагами.

В поэме Тараса Шевченко «Гайдамаки» восстание предстает общенародной священной войной, которая длилась очень долго, много-много месяцев.

Минають дні, минає літо,
А Україна, знай, горить;
По селах голі плачуть діти —
Батьків немає. Шелестить
Пожовкле листя по діброві;
Гуляють хмари; сонце спить;
Нігде не чуť людської мови...^[682]

Проходят дни, проходит лето,
А Украина знай горит;
Сироты плачут. Старших нету,
Пустуют хаты. Шелестит
Листья опавшая в дубровах,
Гуляют тучи, солнце спит;
И слова не слышать людского...

(Перевод А. Твардовского)^[683]

На самом деле восстание началось в конце мая, а закончилось арестом Максима Зализняка и Ивана Гонты 26 июня (7 июля) 1768 года, то есть продолжалось чуть больше месяца. Основные события развернулись в сравнительно небольшом районе – на южной Киевщине, в округе Канева, Черкасс, Чигирина, Умани. С востока действия повстанцев ограничивал Днепр, с юга и юго-запада – российская и турецкая границы.

В шевченковских «Гайдамаках» на войну с поляками и евреями поднимается вся нация^[684]. Вся нация идет в бой с врагом. Даже бабы с ухватами идут в гайдамаки, оставив дома только детей и собак.

...осталися

Діти та собаки —
Жінки навіть з рогачами
Пішли в гайдамаки.

Для Шевченко это не литературный прием, не гипербола. Это одна из центральных идей. В отличие от своих просвещенных и гуманных современников вроде Костомарова, Кулиша, он не столько ужасался, сколько восхищался жестокостью предков. Герой повести Шевченко сравнивал Колиивщину с Варфоломеевской ночью, Сицилийской

вечерней^[685] и Великой Французской революцией. Причем сравнение, как ему казалось, было в пользу украинцев.

Из повести Тараса Шевченко «Прогулка с удовольствием и не без морали»: «В чем другом, а в этом отношении мои покойные земляки ничуть не уступили любой европейской нации, а в 1768 году Варфоломеевскую ночь и даже первую французскую революцию перещегооляли. Одно, в чем они разнились от европейцев, – у них все эти кровавые трагедии были делом всей нации и никогда не разыгрывались по воле одного какого-нибудь пройдохи вроде Екатерины Медичи...»^[686]

Что же было на самом деле? К началу восстания у Зализняка было сотни три гайдамаков^[687]. Повстанческую армию этот самозванный запорожский «полковник» создать не смог: не хватило ни организаторских способностей, ни оружия, ни времени. Только под стенами Умани Максиму Зализняку удалось собрать несколько тысяч. Но сила и ужас этого восстания были именно в широкой народной поддержке. По стране разбрелось множество небольших гайдамацких отрядов, которые убивали поляков и евреев. И крестьянин, взяв в руки нож, кол или топор, уже превращался в гайдамака.

Шляхтич Ромуальд Рыльский был в 1768 году ребенком, однако и ему пришлось спасти свою жизнь. Иногда польскому мальчику помогали сердобольные украинские женщины или старики, зато мужчины и даже сверстники-мальчишки не раз пытались его убить. Однажды на Ромуальда напал мальчишка, вооруженный «дрючком», то есть колом, обожженным на конце. Таким оружием пользовались и взрослые гайдамаки. Рыльский не называет его возраст, но мальчика успела схватить за руку и остановить его мать. Она унесла воинственного ребенка в хату. Значит, это был не юноша и даже не подросток. Другой раз Ромуальда окликнул какой-то мужик. «А ты ляшок, вражий сыну!» – сказал мужик и попросил у жены нож, чтобы прирезать «цёго ляшка». Но жена и другие бабы не дали убить ребенка, позволив мужику только ограбить мальчика: снять с него сапоги и свитку^[688]. Эти случаи как будто подтверждают мысль Шевченко.

С другой стороны, Пантелеймон Кулиш, собиравший этнографические материалы и еще заставший живых свидетелей Колиивщины, отметил интересную закономерность: люди, видевшие живых гайдамаков, рассказывали о них как о разбойниках и злодеях: «Сочувствия им не обнаружил ни один рассказчик»^[689]. Гайдамаки пытали, грабили и убивали не только поляков и евреев, но и состоятельных украинских обывателей, если у тех водились червонцы. Самую боеспособную часть отрядов составляли опытные в военном деле запорожцы, а также хорошо вооруженные и экипированные надворные козаки^[690], перешедшие на сторону гайдамаков. Бóльшая же часть гайдамаков – простые крестьяне, вооруженные колями и

ножами. Но и простой мужик, взяв в руки оружие, уже ставил себя выше вчерашних друзей и соседей, смотрел на них свысока.

Харко Цехмистер из городка Черкассы видел гайдамаков своими глазами: «Такой шальной народ был эти гайдамаки, – рассказывал он Кулишу, – что когда едет, бывало, по улице и увидит на дворе мужика, то, вынувши пистолет, и кричит: “Убирайся в хату, сермяжник, а то выстрелю!” Наклонится человек да скорее и спрячется под навес»^[691].

Но со временем народ начинал принимать сторону гайдамаков, петь их песни и передавать «будущим поколениям их кровавую славу»^[692]. История превращалась в национальный исторический миф.

Тарас Шевченко слышал рассказы о гайдамаках от своего деда, Ивана Андреевича. Дед гордо называл себя гайдамаком. Биографы Шевченко, от А. Конисского^[693] до П. Жура^[694], И. Дзюбы^[695], Ю. Барабаша^[696] верят этому. Но авторы академической биографии Шевченко, выпущенной в Киеве в 1984 году, показали, что документально подтвержденный год рождения деда Ивана – 1761-й^[697]. Следовательно, в 1768-м ему пошел только восьмой год, и о гайдамаках он мог слышать, мог их видеть, но сам гайдамаком не был. Так что Иван Андреевич, очевидно, передал внуку уже мифологизированное представление о гайдамаках.

Колиивщина для Шевченко, несомненно, священная война. Во время разгула конфедератов, представленных шайкой убийц и грабителей, гайдамаки освящают свои ножи. «Свячений» («освященный») здесь синоним самого слова «нож». Ярема, герой поэмы «Гайдамаки», берет нож, чтобы мстить ляхам за украденную невесту и ее отца, замученного насмерть конфедератами. Ярема мечтает так убивать ляхов, чтобы сам ад содрогнулся, и требует у Зализняка ножи. «Добре, сину, ножі будуть // На святее діло», – отвечает ему атаман. И Ярема упивается мстью. Другой герой восстания, уже не вымышленный, а вполне реальный Иван Гонта, для Шевченко – «мученик праведный».

«Идейная программа» этой «священной войны» была изложена в «Золотой грамоте», которую будто бы послала козакам русская императрица Екатерина. Оригинал ее не сохранился, есть только копия, переведенная на французский (!) язык. Я позволю себе не цитировать ни французский текст, ни украинский перевод, известный мне по монографии украинского историка-эмигранта Петро Мирчука «Колиивщина: гайдамацкое восстание 1768 года». Последний подверг этот «документ» уничтожающей и справедливой критике. Впрочем, не надо быть специалистом, чтобы понять: французский текст «Золотой грамоты» – грубая фальшивка, сделанная (очевидно, поляками) поспешно и неумело. Хватит одной лишь строчки: документ датирован 9 (20) июня 1768 года. К этому дню восстание шло уже почти месяц! Как раз 20 июня начался штурм Умани.

Но сама грамота, скорее всего, существовала, хотя и не имела никакого отношения к императрице Екатерине. О содержании «Золотой грамоты» известно из народных преданий и даже из народных песен.

Що цариця Кошовому
Звеліла такъ служити,
Щобъ ити в Польщу
Жидову и ляха палити^[698].

Украинцы, даже неграмотные и/или не видевшие в глаза «Золотой грамоты», знали ее основную идею: «Великий свет государыня велит резать жида и ляха до последней ноги, чтоб и духу их не было на Украине»^[699]. В 1768 году в подлинности этого «документа» не сомневались ни украинцы (в то время они еще себя называли «русскими», хотя с настоящими русскими уже имели мало общего), ни поляки. Верили в «Золотую грамоту» и Шевченко, и польский писатель Михаил Чайковский, автор романа «Вернигора». И Шевченко, и Чайковский писали, будто бы Екатерина прислала не только «Золотую грамоту», но и ножи для гайдамаков. Эта деталь тоже совершенно фантастическая, ведь в XVIII веке воевали при помощи ружей, пушек, сабель. Ножи, разумеется, были в каждом доме, в том числе и длинные острые ножи для забоя свиней, которыми и пользовались гайдамаки. Везти такой «гостинец» из Петербурга просто не имело смысла.

Народный герой

20–21 июня гайдамаки подошли к городу Умани, где укрылись многие шляхтичи, а также евреи из соседних местечек. Организовать оборону Умани не удалось. В городе было немало вооруженных людей, включая регулярных артиллеристов и драгун, но не хватало пресной воды. Украинский историк Владимир Антонович подчеркивает: шляхтичи вынуждены были утолять жажду «медом, вишневою и вином», что, очевидно, не способствовало стойкости и дисциплине^[700]. Боюсь, здесь он намеренно принижает, оскорбляет поляков (Антонович, бесспорно, сочувствует гайдамакам).

Есть сведения о том, будто Рафал Младанович, руководивший обороной города, сдал Умань Гонте и Зализняку, взяв с них обещание: гайдамаки расправятся только с евреями, а поляков пощадят^[701]. Но войско гайдамаков не отличалось дисциплиной регулярной армии, поэтому Зализняк и Гонта вряд ли могли спасти даже тех, кого спасти хотели.

Как будто воскресли ужасы древнего мира, когда сражались до полного уничтожения вражеского племени: «Воины ворвались в город со всех сторон и овладели им. Они предали заклятью всё живое, что

было в городе, – перебили мечом мужчин и женщин, детей и стариков, быков, овец, коз, ослов» (Нав. 6: 19–20).

Если верить поляку, современнику Колиивщины, видевшему взятие Умани своими глазами, гайдамаки относились к святыням католиков и униатов так, будто перед ними языческие идола, «божки» враждебного народа. Расправляясь с поляками, расправились и с их святынями. Прежде всего повесили ксёндза. «Святые дары» топтали ногами или растирали руками, сыпали себе в трубки (вместе с табаком? или вместо табака?). Католическое распятие «повесили на веревке». Образ Богоматери кололи пиками, стреляли в него, топтали, приговаривая: «пусть он вас теперь защитит, вчера вы таскались по городу, ожидая от него спасения!» Статуи апостолов Петра и Павла сделали мишенями для стрельбы. Статую святого Иоанна привязали к лошади и некоторое время возили по городу, а затем обезглавили. Священные книги сожгли. Храмы были до такой степени ограблены, что там остались только покойники в гробах^[702].

Евреи, понимая, что пощады ждать не приходится, заперлись в синагоге и отбивали атаки. Тогда гайдамаки расстреляли синагогу из трофейной пушки^[703]. Поляки-современники оценивали общее число жертв уманской резни приблизительно в 12 000, в том числе 5 000 поляков (с женами и детьми) и 7 000 евреев (с женами и детьми)^[704]. Зализняк на допросе утверждал, что убитых в шесть раз меньше – 2 000 шляхтичей, их слуг (в том числе и украинских) и евреев^[705]. В любом случае, спор идет о количестве жертв, но не о самом факте резни, которую не отрицали ни поляки, ни евреи, ни сами гайдамаки.

Мало клятим кари!

Ще раз треба перемучить,

Щоб не повставали...^[706]

«Мало ляхам кары!..»

Недорезанных кончали:

Не встанут, собаки!

(Перевод А. Твардовского)^[707]

В разоренной Умани гайдамаки собрали раду, Зализняка избрали гетманом. Таким образом они попытались создать на правобережье Днепра новую Гетманщину, которая просуществовала около двух недель.

На польскую Украину были введены российские войска. Гайдамаки приняли русских за союзников, русские их сначала не разубеждали. Полковник Гурьев пригласил предводителей гайдамаков на дружеский обед в свою палатку. В разгар веселья по условному знаку Гурьева

вошли вооруженные донские казаки и связали Зализняка и его соратников. Лагерь гайдамаков окружили донцы и русская пехота, заставив их сдаться^[708]. Зализняка и других запорожцев, как российских подданных, приговорили к телесным наказаниям и ссылке в Сибирь. Их судьба была счастливой в сравнении с участью подданных Речи Посполитой, которых русские передали на суд Ксаверию Браницкому: гайдамаков вешали, сажали на кол, четвертовали.

Поскольку гайдамаки верили в подлинность «Золотой грамоты» и надеялись на помощь русских войск в борьбе ляхами, то действия полковника Гурьева и его начальника, генерала Кречетникова, восприняли как страшное, небывалое предательство, одно из «преступлений» императрицы Екатерины перед народом Украины.

Трагедия польского, еврейского и в конечном счете украинского населения Умани была predetermined переходом на сторону гайдамаков сотника Ивана Гонты, командира надворных козаков.

Гонта родился в крестьянской семье, а карьеру сделал при дворе магната Франтишека Салезия Потоцкого, который за верную службу подарил бывшему хлопугу две деревни с годовым доходом в 20 000 злотых. Кроме того, Потоцкий обещал помочь Гонте «ноблироваться», то есть стать шляхтичем. Еврейская община Умани, стараясь задобрить сотника, преподнесла ему много подарков, включая и целое блюдо с червонцами^[709]. Но Иван Гонта ставил верность своему народу выше служебного долга, а потому перешел на сторону гайдамаков. Якобы он сказал козакам: «Надо всем пойти к Зализняку, громить поляков и евреев. Если этого не сделаем, сами погибнем!»^[710] Всё случилось наоборот. Массовые убийства поляков и евреев вызовут ответные репрессии – жестокие расправы, пытки и казни, жертвами которых станут сами гайдамаки.

Иван Гонта превращался в народного героя буквально на глазах исследователей.

Гонта в шевченковских «Гайдамаках», подобно библейскому Аврааму, готов принести в жертву собственных детей^[711]. И жертва предназначена не Богу, а нации. Гонта даже просит детей поцеловать его: «Бо не я вбиваю, // А присяга». Дети рождены матерью-католичкой, а Гонта дал обет убивать католиков, не делая исключений.

Но суровый Бог Ветхого завета был всё же много добрее и подменил ребенка ягненком. А «жертвоприношение» детей в Умани состоялось. Правда, только в поэме Шевченко. Исторический Гонта был несколько человеколюбивее героя украинской литературы и фольклора. Собственных детей он не убивал. Более того, сотник даже спас нескольких польских детей, в том числе Павла Младановича, сына убитого гайдамаками губернатора Умани. К Павлу был приставлен козак Шило, который всем покушавшимся на жизнь ребенка сурово отвечал, что жизнь «ляцкой дитине» дарована самим Гонтой^[712]. Но Шевченко создавал идеальный (в его представлении) образ героя,

беспощадного и непреклонного, «мученика праведного». Мученика не за веру – за нацию.

В системе ценностей автора «Кобзаря» Украина стоит выше Бога. В «Заповите»^[713], самом знаменитом стихотворении Шевченко («Як умру, то поховайте»), поэт не хочет знать Бога до тех пор, пока Днепр не понесет «кров ворожу» в синее море. Из контекста ясно, что речь именно о крови врагов Украины. Это удивительно напоминает слова Божидача Брало, католического священника церкви Св. Иосифа в Сараево. В 1941 году на обломках королевской Югославии появилось хорватское государство. Взволнованный священник так оценил это событие: «После всех тяжких жертв, после всей пролитой крови Бог не был бы Богом, если б не вознаградил наши жертвы, если б не даровал свободу хорватскому народу, если б не даровал нам независимую хорватскую державу»^[714].

И здесь великий украинский поэт через годы, через расстояния как будто подает руку хорватскому священнику-националисту.

P.S.

Четыре года спустя после Колиивщины состоится первый раздел Речи Посполитой, а в 1795-м польское государство надолго исчезнет с карты мира. Все украинские земли, кроме Галиции, Буковины и Закарпаття, отойдут к Российской империи. И тогда начнется массовый переход униатов в православие^[715]. Казалось, судьба унии решена. Вера, которую ни поляки, ни украинцы своей не считали, просто исчезнет. При Николае I униатство будет в России запрещено. Селяне-украинцы с Волыни, из Подолии и Поднепровья вернутся в православие. Однако два с половиной века насаждения унии не прошли даром. В Галиции, где власть Польши сохранялась до 1772 года, а на смену полякам пришли не православные русские, а католики-австрийцы, уния сохранилась. Украинские крестьяне были вынуждены ее принять и со временем греко-католическая церковь станет для них такой же частью национальной традиции, как православная церковь для их соплеменников из русской Украины. Униатство превратится из «проклятой ляшской веры» в родную, народную, украинскую веру. К ней привыкнут – и станут отстаивать унию как часть своей национальной культуры.

Часть VI

Польский мир

Царь Польский

В 1816 году император Александр I приехал в старинный городок Белая Церковь, что на правобережной Украине, несколько южнее Киева. Белая Церковь принадлежала тогда бывшему великому коронному гетману Речи Посполитой Франциску Ксаверию Браницкому. Старый польский магнат (ему было восемьдесят пять лет) расплакался, увидев Александра. Браницкий сказал, что теперь умрет счастливым, потому что ему вновь довелось увидеть настоящего польского короля^[716]. А как плакал бы Браницкий, если б увидел Александра в польском мундире, с орденом Белого Орла, вступающим на трибуну польского Сейма 15 марта 1818 года!

Российский император помимо прочих титулов носил и титул «царя Польского». Еще в XVI веке Иван Грозный всерьез претендовал на польский престол, а в XVII веке польским королем и литовским великим князем хотел стать Алексей Михайлович. Но старинная имперская мечта сбылась только в начале XIX века. После Венского конгресса созданное Наполеоном герцогство Варшавское преобразовали в Царство Польское и его первым царем стал Александр Павлович. Несмотря на официальную русификацию титула, слова старого Браницкого были удивительно точны. Александр так стремился стать хорошим польским королем, что в России всерьез опасались, как бы он не перенес столицу Российской империи в Варшаву. В 1815 году император даровал Польше конституцию (Конституционную хартию). Россия получит аналог конституции только 17 октября 1905 года. В Варшаве созывали парламент – Сейм, где, к неприятному удивлению Александра, сразу же появилась и парламентская оппозиция. В России она возникнет только после открытия первой Думы – в 1906-м.

В Царстве Польском действовали собственные законы, официальным языком был, разумеется, польский. Была своя, польская, армия, укомплектованная польскими солдатами и офицерами, в том числе и ветеранами наполеоновских войн. Среди них был знаменитый Ян Генрик Домбровский – создатель польских легионов, участник многих войн против России, наполеоновский генерал, в 1812-м героически оборонявший переправу через Березину. Император Александр сделал его генералом от кавалерии (выше – только фельдмаршал) и сенатором Царства Польского. А первым наместником Царства Польского стал Юзеф Зайончек, тоже наполеоновский генерал, потерявший ногу на всё той же Березине. Поразительно, но Россия несколько лет даже содержала армию Царства Польского.

Бюджет Царства Польского долгое время был от общероссийского бюджета отделен. Чеканилась даже собственная монета: серебряные злотые и медные гроши. Их принимали не только в Царстве Польском, но и в западных и юго-западных российских губерниях, то есть в бывших польских «кресах» – окраинах Речи Посполитой, присоединенных к России при Екатерине II. Поляки считали «кресы» своими землями и не представляли без них Польшу. Эти края были населены преимущественно украинцами, белорусами и евреями, но землями владели в основном поляки. Одно время Александр I всерьез собирался присоединить «кресы» к Царству Польскому, но этому категорически воспротивился Николай Михайлович Карамзин, к чьим советам император прислушивался^[717].

Польский язык господствовал в делопроизводстве не только Царства Польского, но и почти на всем правобережье Днепра. Вплоть до восстания 1830–1831 годов поляки были полновластными хозяевами своих бывших «кресов». Русских, которые приезжали в Киев, не говоря уж о Волыни и Подолии, поражало полное господство поляков: «...в самой древней российской провинции, Киевской, введены польские суды, статуты и язык»^[718]. Киев был еще в начале XIX века небольшим городом, в сущности – местечком, окруженным имениями польской знати^[719].

Словом, поляки не считали себя чужаками и оккупантами. Восточные «кресы» были для них своей землей, родиной, где их предки жили даже не десятилетиями – веками. Многие шляхетские фамилии происходили от западнорусских князей и бояр, полонизированных только в конце XVI – начале XVII веков.

Магнаты, паны и подпанки

Жизнь польских панов под властью России была, пожалуй, спокойнее и благополучнее, чем во времена Речи Посполитой. Сильная российская власть не допускала гайдаматчины. Речь Посполитая просто не имела сил, чтобы справиться с большим казачьим восстанием – в Российской же империи крестьянские волнения подавлялись уже в зачаточном состоянии. И русские штыки защищали власть польских панов лучше, чем капризное и малочисленное кварцаное (наемное) войско польских королей.

В конце XVIII – начале XIX веков снова расцветают имения польских магнатов. В 1796 году Станислав Щенсный Потоцкий, хозяин целых уездных городов – Умани, Тульчина и еще 310 различных местечек и сёл^[720], решает построить для своей новой жены Софии ландшафтный парк, самый большой в Европе. Потоцкий потратил на строительство фантастическую по тем временам сумму – два миллиона рублей

серебром^[721]. Через шесть лет под Уманью появится знаменитая Софиевка, которая станет едва ли не главной достопримечательностью всего правобережья Днепра после Киево-Печерской лавры и церквей старого Киева. Темой этого английского парка были «Илиада» и «Одиссея». Посреди украинских степей появились Ионическое море с островом Итака, гроты Венеры и Аполлона, павильон Флоры, реки Стикс, Лета и Ахеронт.

Поэт Станислав Трембицкий, секретарь последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, посвятит Софиевке свою поэму. Иван Аксаков считал Софиевку третьим по красоте парком Европы и ставил ее выше Петергофа. Князь Долгорукий отдаст описанию рукотворных чудес Софиевки едва ли не больше места, чем златоглавому Киеву: «Если вы хотите получить справедливое представление о том, что обыкновенно называют полями Елисейскими, земным раем, придите в Софиевку <...> Величественная своею простотою Софиевка приводит в забвение сады Армидские и Вавилонские <...> Войдешь, – и не вышел бы вечно: всё прекрасно, превосходно, божественно! Везде видишь гений вкуса. О! Что может быть равно во вселенной с Софиевкой? Один Эдем, если он есть и на небе»^[722].

Создатель Софиевки не разорился, ведь его годовой доход достигал трех миллионов рублей, на него работали 130 000 крепостных, главным образом – украинских крестьян. А ведь это только один, пусть и очень богатый магнат. Жили на правобережной Украине Сангушки, Ржевуские, Браницкие. Энгельгардты, унаследовавшие от бездетного Григория Потемкина большие владения на Украине, были связаны с поляками многими нитями. Племянница Потемкина, Александра Васильевна, была замужем за Франциском Ксаверием Браницким. Ее брат Василий Васильевич, действительный тайный советник и сенатор, имел долгую внебрачную связь с полячкой, которая родила ему пятеро детей. Одним из них был Павел Васильевич Энгельгардт, хозяин Тараса Шевченко.

После смерти старого барина, Василия Васильевича Энгельгардта, в управление Ольшанским имением, к которому относились и родные Шевченко Моринци и Кирилловка (Кереливка), пришли «поляки, которые привели с собою целую фалангу своих соплеменников, получивших должности экономов, лесничих, писарей <...> в экономическом управлении введено делопроизводство на польском языке»^[723]. Польские обычаи процветали и в доме самого Павла Энгельгардта. Там «господствовала польская речь»^[724].

Граф Грабовский рассказывал профессору Погодину о фантастических богатствах польских землевладельцев: Ржевуских (Ржевуских), Браницких, Потоцких. Однако вопреки стереотипам, далеко не все шляхтичи жили на широкую ногу.

Магнатов было относительно немного, и большая часть шляхтичей не имели ни крепостных, ни сколько-нибудь значительных владений. У поляков и малороссиян не было майората: имения не переходили к старшему сыну, а дробились между многочисленными сыновьями. Поэтому шляхетские семьи, ветвясь и разрастаясь, неуклонно беднели. Так было еще во времена Речи Посполитой, когда обедневшие шляхтичи, мелкопоместные или вовсе беспоместные, становились приживальщиками, солдатами и даже слугами магнатов.

Но именно в землях Юго-Западного края сложилась особая система, где панами (пусть и нищими) были в основном поляки, а мужиками – украинцы. Короленко вспоминал о волынской деревне Гарний Луг (Харалуг), где жили шестьдесят крестьянских семей и двадцать шляхетских. Панские дома почти ничем не отличались от мужицких, даже в хате (по-другому не скажешь) самого зажиточного пана крыша была крыта соломой. Так что Адам Мицкевич, описывая быт этой бедной шляхты, ничуть не сгустил краски.

И крыши ветхие, как будто им лет двести,
Мерцали отблеском зеленоватой жести
От моха и травы, пробившейся сквозь щели.

По стрехам, как сады висячие, пестрели
Золотоцветы, мак, петунии, и крапива,
И желтый курослеп, разросшийся красиво.

<...>

Резвились кролики. Сказать могли бы метко,
Что двор Добжинского – крольчатник либо клетка^[725].

Некий пан Лохманович из того же Гарного Луга опустился до того, что украл и припрятал кадку меда и кадку масла. Два других шляхтича владели единственным крепостным, и мужик заключал дипломатические альянсы то с одним паном, то с другим.

Только после восстания 1863 года российская власть возьмется за этих нищих беспоместных панов, часто не имевших даже подлинных документов, подтверждающих «благородное» происхождение: «ни грамот, ни патентов на чины»^[726]. Но представления о своем «благородстве» поляки сохраняли, даже лишившись дворянства. Польская прислуга подчеркивала свое отличие от мужиков. Кухарку уважительно называли не Гапка или Солоха, а «пани Будзиньская», горничную – «пани Хумова», а лакей Гандыло «очень бы обиделся, если бы его назвали мужиком» и поставили на одну доску с кучером Петро, судя по описанию, типичным украинским мужиком, «суровым, загадочным и мрачным...»^[727]. В сущности, эти «паны» уже составляли один класс с мужиками, но ничуть не смешивали себя с ними. И юный Владимир Короленко не смешивал этих «аристократов» из кухни или людской с парубками в бараньих шапках и дивчинами в лентах и венках из васильков, что вечерами возвращались с веселыми малороссийскими

песнями и несли на плечах грабли и косы. Сельские «паны» нередко сами пахали и сеяли, но все-таки старались хоть чем-то подчеркнуть свои отличия от «хлопов».

...Шляхтянок платья тоже

Расцветкою одной с крестьянскою не схожи:

И рядятся они в миткаль, а не в холстину,

В ботинках, не в лаптях, пасут свою скотину.

В перчатках лен прядут и на поле гнут спину^[728].

Польский национализм

Граф Андрей Федорович Ростопчин, тайный советник, писатель, библиофил, проезжая через польские земли недоумевал: «Чего еще им надо? живут лучше нашего, всего у них вдоволь, а всё не сидится спокойно, всё бунтуют! Чего стоит нам этот проклятый край, с тех пор, как приобретен! Я бы, на месте государя, бросил его на съедение немцам, и конец!»^[729].

До восстания 1863 года поляки не только не подвергались дискриминации, но, напротив, находились в чрезвычайно выгодном положении. Империя Романовых с XVIII века была империей дворянской, где «благородное сословие» пользовалось всеми возможными выгодами и преференциями. А среди поляков процент шляхты был намного выше, чем среди русских или малороссиян. В 1859 году больше половины дворян Российской империи (378 тысяч из 612 тысяч) жили в западных губерниях^[730]. В основном это были поляки.

Неудивительно, что поляков было много и в государственном аппарате, в науке и образовании. Адам Чарторыйский, личный друг императора Александра I, одно время исполнял обязанности министра иностранных дел, а когда император назначил его попечителем Виленского учебного округа, оказалось, что поляки руководят двумя из шести учебных округов России (попечителем Харьковского учебного округа был Северин Потоцкий)^[731]. Виленский университет при Чарторыйском был крупнейшим польским учебным заведением, хотя в это время работал и Варшавский университет. Почти все преподаватели Виленского учебного округа были поляками, не считая некоторого количества иностранцев^[732] (французов, немцев), преподававших в основном европейские языки.

На Западной Украине университета не было, но в 1803 году на Волыни, в небольшом городе Кременец открылась необычная гимназия. Ее основателем был волынский помещик Тадеуш Чацкий, курировавший школьное образование в Подольской, Волынской и Киевской губерниях.

Уже после смерти Чацкого гимназию преобразовали в лицей, подобный лицей в Царском Селе.

Учились в гимназии/лицее десять лет. Первые четыре года были посвящены языкам: польскому, русскому, французскому, немецкому, английскому и латыни. Надо было подготовиться к настоящей учебе, к работе в громадной библиотеке. Чацкому удалось купить библиотеку последнего польского короля Станислава Августа – 15 680 томов. Книги в специальных витринах из красного дерева, украшенных золотой монограммой короля, доставили в Кременец^[733], ставший на тридцать лет польской интеллектуальной столицей. К концу истории лицея его библиотека составляла более 50 000 томов. Ее жемчужиной была коллекция инкунабул – старопечатных книг XV века.

Лицей был знаменит не только гуманитарными дисциплинами (в их числе были «учение о нравственности» и сравнительное языковедение), но, даже в большей степени, математикой и естественными науками. В лицее создали физический, минералогический, химический и зоологический кабинеты, оснащенные новейшими по тому времени приборами и различными экспонатами. В картинной галерее висели подлинные картины Рафаэля и Рубенса. На земле, подаренной лицейю князем Сапегой, разбили ботанический сад, для своего времени также редкий^[734]. Образование в старших классах уже приближалось к университетскому. Собственно говоря, о польском университете в Кременце мечтал и сам Чацкий.

Особенностью Волынского (Кременецкого) лицея были национальный состав (почти все ученики – поляки и католики, православные составляли не больше 4%) и элитарность. В Кременце учили бесплатно. Платными были только фехтование, верховая езда и тому подобные предметы, но принимать старались одних шляхтичей. В 1817 году среди 519 учеников лишь 5 принадлежали к «податным сословиям», однако и эти ученики вызвали гнев у Чарторыйского.

Государственного финансирования для Кременца не хватало, хотя Чацкий направлял в гимназию средства, отпущенные для развития образования в Житомире и Каменце-Подольском, то есть в губернских городах! Даже евреи вынуждены были платить за содержание Кременецкой гимназии, хотя они не имели ни возможности, ни желания учить детей в христианской католической школе^[735]. Важным источником средств были и деньги польских меценатов.

Программу гимназии (лицея) разработал хороший знакомый Чацкого – польский просветитель, философ и политический деятель Гуго Коллонтай, известный своей «необыкновенной энергией» и «высокими дарованиями»^[736]. Один из организаторов восстания Тадеуша Костюшко, он успел отсидеть несколько лет в австрийской тюрьме. Освободившись, ненадолго переехал в Россию. Коллонтай и Чацкий видели в просвещении особого рода оружие. Не случайно столь уникальное учебное заведение было создано не в Киеве, а в маленьком

волынском городке неподалеку от границы с австрийской Галицией. К тому же Кременец был еще во времена Речи Посполитой центром волынского учебного округа^[737].

«Основной целью деятельности Чацкого было предотвратить русификацию и сохранить полонизированный облик Украины»^[738], – писал французский славист Даниэль Бовуа. В самом деле, Чацкий, просветитель и филантроп, жизнь положивший за польское образование, всеми силами противился появлению русских школ на правобережной Украине. О школах малороссийских и речи не было. Коллонтай в письмах к Чацкому подчеркивал, что даже в школах для простонародья преподавать должны на польском, а не на русском языке: «Русский язык я бы не давал в приходской школе, простонародью этому языку не надобно учиться...»^[739]

Тадеуш Чацкий делал всё возможное, чтобы предотвратить появление русской гимназии. Поразительно, но даже в Киеве не было гимназии до 1811 года^[740]. Ее открытие Чацкий переживал как тяжелое личное поражение^[741]. Он даже отказался от курирования школ в Киевской губернии, а два года спустя – скончался. Правда, учеников для киевской гимназии не хватало, потому что поляки не хотели отдавать туда своих детей. В 1812-м там училось только 48 гимназистов, в 1816-м – 83 ученика, то есть в шесть раз меньше, чем в Кременце.

В 1833 году, вскоре после разгрома польских повстанцев, Волынский лицей закрыли, а библиотеку перевезли из Кременца в Киев, куда переехали и многие преподаватели. Они стали профессорами только что открытого (в 1834 году) университета св. Владимира. Университет создавался как оплот русификации, но хороших преподавателей сначала просто неоткуда было взять, кроме как из Кременецкого лицея, а польские студенты учились лучше русских и, в особенности, украинских.

Из «Автобиографии» Николая Костомарова: «...поляки вступали в университет с лучшею подготовкою, чем русские, и это зависело уже не от школьного учения, а от первоначального домашнего воспитания. Малорусское юношество, уроженцы левой стороны Днепра, за исключением немногих, одаренных особыми выдающимися талантами, отличались какою-то туповатостью, ленью и апатиею к умственному труду»^[742].

Даже в конце пятидесятих годов XIX века половина студентов в университете св. Владимира были католиками^[743]. Вероятно, в конце тридцатых поляков-католиков было еще больше. И межнациональная рознь между студентами возникла очень скоро. Почти сразу же после основания Киевского университета в нем появились две «партии», то есть враждебные группировки: русская и польская. В сороковые появилась и еще одна – украинская^[744].

В Подолии и на Волыни, населенных преимущественно украинцами и евреями, образованное общество было в основном польским. Кременецкий лицей давно закрылся, но в государственных училищах и гимназиях доминировали поляки. В 1844 году Костомаров получил должность преподавателя в гимназии города Ровно. Это было, в сущности, еврейское местечко, однако в гимназии подавляющее большинство составляли поляки или «местные уроженцы римско-католического исповедания», то есть ассимилированные поляками. Из трехсот учеников только тридцать пять исповедовали православие, да и те «по образу первоначального воспитания, кроме вероисповедания, ничем не отличались от остальных»^[745].

Двадцать два года спустя в этой же гимназии будет учиться Владимир Короленко. Многие изменятся, даже профиль гимназии: из классической она станет «реальной», то есть вместо древних языков больше времени отдадут под естествознание и математику. Начнется и русификация: преподавать будут только на русском. Из гимназии придется уйти старому учителю рисования Собкевичу, который так и не сможет выучить русский.

И все-таки и в Ровно, и в Житомире, где Короленко жил и учился до 1866 года, преобладали поляки, польский язык, польские имена. Вот несколько фамилий, взятых наугад из автобиографической книги Короленко «История моего современника»: Червинский, Коляновский, Войцеховский, Рымашевская, Уляницкий, Домбровский, Журавский, Крыштанович.

После закрытия университетов в Варшаве и Вильно поляки поехали учиться в Москву и Петербург. В Московском университете четверть студентов были поляками, в Петербургском – треть. И это были нередко лучшие студенты: умные, начитанные, усердные и талантливые.

В студенческой польской общине Петербургского университета на первых ролях были «корониажи» (выходцы из Царства Польского)^[746]. Деятельностью общины руководил особый комитет, располагавший значительной властью. При общине была своя библиотека в несколько тысяч томов, как говорят, превосходная. Была и касса взаимопомощи, куда могли при необходимости обращаться польские студенты – в русскую кассу польский студент не смел обратиться под страхом исключения из общины^[747]. Словом, эта организация была если не прямо враждебна России и русским, то подчеркнута чужая им. Русские с поляками не ссорились, но и не сближались.

Казалось бы, их должны были сблизить революционные волнения начала шестидесятых. В самом деле, после того, как 13 февраля 1861-го в Варшаве была расстреляна антиправительственная манифестация (погибло пять человек), волнения начались и в Петербургском университете. На панихиду по убитым в костел Святой Екатерины на Невском проспекте пришли не только польские профессора и студенты, но и многие русские, в числе них был и Николай Костомаров, в то время

очень популярный у студентов. Костомаров позднее оправдывался, что пришел-де послушать «Реквием» Моцарта в хорошем исполнении, но совершенно не ожидал вместо музыки барокко услышать польские революционные песни.

Национальное единство поляков, их фанатичный национализм поразили русских. Когда запели польский гимн, «все поляки в одно мгновение пали на колени»^[748]. Русский очевидец, в то время студент университета Л. Ф. Пантелеев, позднее вспоминал: «И надо было видеть возбужденное выражение их лиц! Одни, точно изваяния, стояли со взором, обращенным к алтарю, у других ручьем лились слезы»^[749].

Русские демократы им сочувствовали. Один из русских студентов, вызванный к следователю, на вопрос, был ли он в костеле, ответил: «... был, но не пел, потому что не знаю по-польски, а если бы знал, то непременно бы пел»^[750]. Когда началось польское восстание, русские либералы даже собирали деньги в поддержку повстанцам, а некоторые студенты отправились воевать «за нашу и вашу свободу».

Но союз оказался непрочным. Вскоре появились свидетельства о жестокости повстанцев. Они потрясли даже русских либералов и революционеров.

Из книги князя Петра Кропоткина «Записки революционера»: «... среди общего возбуждения распространилось известие, что в ночь на 10 января повстанцы напали на солдат, квартировавших по деревням, и перерезали сонных, хотя накануне казалось, что отношения между населением и войсками дружеские. Происшествие было несколько преувеличено, но, к сожалению, в этом известии была и доля правды. Оно произвело, конечно, самое удручающее впечатление на общество»^[751].

Русские революционеры были демократами, атеистами и нигилистами. Поляки сохраняли шляхетскую гордость (если не сказать – «спесь»), они оставались убежденными католиками и польскими патриотами. Их мечтой была не социальная революция, а независимая Польша от Балтики до Черного моря, от Бреслау (в то время немецкого) до русского Смоленска. «Польская молодежь держалась в стороне от русской и при всяком удобном случае не скрывала национальной антипатии ко всему русскому»^[752], – вспоминал Николай Костомаров. Польские студенты-«корониажи» принципиально не общались с русскими. «Вежливый поклон» при встрече с русскими на лекции – это максимум, что они могли себе позволить^[753]. Профессор Чайковский двадцать лет преподавал в Петербургском университете, но со своими русскими коллегами из принципа говорил только по-французски. Польские студенты его очень за это уважали^[754].

Трудно поверить, но власти Российской империи долго не могли добиться, чтобы поляки, даже находившиеся на государственной службе, выучили русский язык. Такое требование появилось только после 1831 года, но в Царстве Польском чиновники предпочитали

просто купить свидетельство о знании русского языка. В Варшаве такое свидетельство было нетрудно достать.

Польские жители Киева, Житомира, Кременца ни в чем не уступали своим соотечественникам из Варшавы и Модлина: «...поляки здешние никогда детей своих не учат по-русски и глядят на Россию, как на Царство, с которым, не имея ничего общего, они при всякой удобной встрече могут разорвать и физический и политический союз»^[755], – писал князь Долгорукий о поляках Киевской губернии.

Тридцать лет спустя после путешествия князя Долгорукого молодой профессор Киевского университета Николай Костомаров застал всё то же презрение к русским и русскому языку: «Поляки все-таки исключительно говорили по-польски и не хотели знать по-русски; приобретая знание русского языка поневоле в училище, поляк считал как бы нравственной необходимостью поскорее забыть его»^[756].

Польша превыше всего

Национальное самосознание поляков было чрезвычайно развито не только в государственных деятелях, профессорах или военных. Даже польские дамы, как могли, служили своей нации. Иван Аксаков считал, что польский патриотизм больше всего поддерживается женщинами и ксёндзами. Вероятно, ксёндзы видели в открытой пропаганде польского национализма свой долг, а женщины просто отличались большей эмоциональностью. Тот же Аксаков, осенью 1855 года (то есть в разгар Крымской войны) побывавший в Киеве и Умани вместе с дружиной московского ополчения, заметил, что польские женщины говорили с ним и другими ополченцами не иначе, как на польском, хотя знали и русский, и французский^[757]. Николай Костомаров, знакомый с множеством поляков, удивлялся, «до какой степени сильно нравственное влияние польской женщины и как энергически умеет она поддерживать и распространять свою народность»^[758]. В качестве примера он приводил некоего адвоката Борщова, русского по отцу, но воспитанного матерью-полькой. Этот Борщов был горячим приверженцем всего польского. Но такое же влияние испытывал и Владимир Короленко. Когда он поступил в пансион пани Окрашевской, то начал учить исторические песни Юлиана-Урсина Немцевича, разумеется, на польском. Короленко, правда, не стал поляком, но многие поляки считали его отчасти своим, по крайней мере в Житомире: «Это сын судьи, и его мать поляка. Благородный молодой человек». Не избежал «польской агитации» и будущий автор «Кобзаря». В городе Вильно шестнадцатилетний Тарас Шевченко, в то время крепостной человек помещика Павла Энгельгардта, влюбился в полячку Дзюню (Ядвигу) Гусиковскую. Девушка ответила взаимностью,

трогательно заботилась о молодом человеке, шила ему рубашки и галстуки, при этом занималась с Тарасом чем-то вроде «национального перевоспитания»: «Коханка Тарасова потребовала от него отречения от родного языка в пользу польской национальности: в разговоре с ним она другого языка не допускала»^[759]. Шевченко, с детства любивший рассказы деда о головорезах-гайдамаках, польской «агитации» не поддался. Польский выучил, но поляком не стал.

Как же могли служить Российской империи пламенные польские патриоты? Люди не атомы или электроны. Они наделены разумом и свободной волей и вольны не подчиняться историческим закономерностям.

Однако многие поляки готовы были служить России в мирное время, но, как только появлялась надежда на возрождение независимой Польши, лояльность уступала место польскому патриотизму. Аристократ и беспоместный шляхтич, богатейший магнат и мелкий чиновник действовали заодно. Князь Доминик Иероним Радзивилл, камергер русского императорского двора, один из богатейших людей России, хозяин несметных сокровищ Несвижского замка, оставил свою счастливую жизнь, бросил свои богатства, разумеется, конфискованные затем в русскую казну, снарядил на свои деньги уланский полк для армии Наполеона и сам отправился воевать, сражаться за независимость Польши под знаменами Бонапарта^[760]. Бывший камергер умер от ран в 1813 году. Адам Чарноцкий^[761], будущий знаменитый ученый, оставил работу в архивах, чтобы стать «под стяги белых орлов» и «служить любимой Отчизне». Он бежит из России в герцогство Варшавское, инсценировав собственную смерть и сменив имя, чтобы замести следы и вступить в корпус маршала Даву.

Даже такой расчетливый и эгоистичный человек, как Фаддей Булгарин, перед вторжением Наполеона поступил на службу в армию Наполеона (в корпус маршала Удино) и с оружием в руках воевал против России вплоть до 1814 года. Позже он оправдывался, будто был мобилизован. Но не зря же он родился и вырос в польской шляхетской семье и само имя Фаддей (Тадеуш) получил в честь вождя первого польского восстания против России – Тадеуша Костюшко. Позднее Булгарин убедительно и весьма точно объяснял мотивы своих соотечественников, а возможно, и свои собственные: «Врожденная любовь в поляках к отечеству и народности столь велика, что ни узы привязанности к доброму Царю, ни сама благодарность не удержала их от присоединения к французской армии, когда думали, что это последний шаг к восстановлению отечества»^[762].

История польского восстания 1831 года показывает, что целыми народами, случается, движет не трезвый расчет, а иррациональные чувства. Генерал Йозеф Гжегож Хлопицкий, будущий командующий повстанческими войсками, сначала отказался поддержать бунт и едва остался в живых, тогда как шесть польских генералов, оставшихся

верными царю, были убиты повстанцами. Адам Чарторыйский долго отговаривал сейм от решения лишить Николая I польского трона, убеждал повстанцев: «Вы погубили Польшу!»^[763] Но все-таки и Хлопицкий, и Чарторыйский возглавили восстание, решив разделить судьбу своего народа. Поскольку у Царства Польского была действующая регулярная армия, то и борьба с повстанцами стала настоящей войной, с генеральными сражениями, артиллерийскими обстрелами, штыковыми атаками. Военные действия продолжалось почти год: с ноября 1830-го по октябрь 1831-го, когда армией фельдмаршала Паскевича были подавлены последние очаги сопротивления.

Если война 1830–1831-го велась по всем законам военного искусства, то уже подготовка к восстанию 1863-го отмечена новым тогда для Российской империи явлением – терроризмом. Жертвами террора в Царстве Польском были чиновники и полицейские. Однажды террористы по почте прислали маркизу Александру Велёпольскому, помощнику наместника русского, отрезанное ухо. Русский наместник Великий князь Константин Николаевич так писал о положении в Царстве Польском: «Просто не верится, чтоб мы жили в XIX столетии! Теперь здесь царство кинжала и яда, как во времена оны в Италии или Испании»^[764].

Повстанцев казнили, ссылали в Сибирь, многие эмигрировали. Но большинство поляков продолжали служить империи, хотя некоторые из них старались следовать путем «Конрада Валленрода». Это название поэмы, которую Адам Мицкевич закончил в 1828 году. Ее герой, литовец, присваивает себе имя пропавшего в крестовом походе тевтонского рыцаря. Рыцари Тевтонского ордена в то время – злейшие враги литовцев. И новоявленный Конрад Валленрод делает всё, чтобы навредить им, помешать тевтонской экспансии. Судьба благоприятствует ему: Конрада избирают великим магистром. Он блестяще проваливает внешнюю политику ордена и проигрывает войну, губит немцев во имя своего истинного отечества – Литвы.

Пронзил я грудь стоголавого дракона.

В развалинах их замки и палаты,

Я их лишил могущества и чести.

Сам ад страшней не выдумал бы мести^[765].

(Перевод Н. Асеева)

30 ноября 1830 года небольшой отряд вооруженных поляков напал на Бельведерский дворец – резиденцию русского наместника великого князя Константина Павловича, который едва спасся от смерти.

Нападение и послужило сигналом к восстанию: «Слово стало плотью, а “Валленрод” Бельведером», – сказал один из повстанцев^[766].

История повторилась в 1863-м. Среди героев восстания был полковник российского генштаба Сигизмунд Сераковский, который много лет как будто подражал герою Мицкевича. В молодости Сераковский попал под арест и был сослан в Оренбургский край, в солдаты. Там он проявил себя с лучшей стороны. Офицеры не могли нахвалиться хорошим солдатом. Сераковский выслужился в унтер-офицеры. Вернувшись в Петербург, Сераковский познакомился с Шевченко (заочно они были знакомы еще во времена оренбургской ссылки) и Костомаровым. Украинцы восхищались на редкость разумным поляком, как будто чуждым шляхетских предрассудков. С украинофилами он был украинофилом, с панславистами – панславистом. Сераковский поступил в элитную Николаевскую академию Генерального штаба, где «произвел фурор своими способностями»^[767]. Карьера его была фантастически успешной. Сераковский стал полковником генерального штаба и отправился служить в Вильно, где стал доверенным лицом генерал-губернатора Назимова.

Но в ночь с 10 на 11 января 1863 года поляки устроили убийства русских солдат и офицеров, расквартированных по обывательским квартирам. Восстание развивалось в форме партизанской войны с присущими ей жестокостями, расправами, резней. Сераковский, став командиром одного из повстанческих отрядов, не останавливался даже перед расстрелами русских военнопленных. В конце концов он и сам попал в плен и был повешен по приказу генерала Муравьева. Даже в последние минуты жизни он проклинал Россию^[768].

Польское население Юго-Западного края поддерживало соплеменников в Царстве Польском. После расстрела варшавской демонстрации польские девушки и дамы в Житомире надели черные траурные одежды. Напряжение нарастало. Наконец, на городской площади близ костела появился большой черный крест «с гирляндой живых цветов и надписью: “В память поляков, замученных в Варшаве”»^[769]. Молодые поляки один за другим уходили «до ясу»^[770], присоединяясь к отрядам повстанцев.

Поляки, которые не могли и не захотели поднять оружие, тем не менее сочувствовали повстанцам. Владимир Спасович, профессор права в Петербургском университете, а затем очень известный и преуспевающий петербургский адвокат, публично осуждал восстание. Однако в его кабинете целая стена была увешана фотографиями польских повстанцев^[771]. Так национальная принадлежность определяла мысли и чувства, а нередко и поступки множества этнических поляков.

«Украинская школа»

В начале XIX века, а возможно, и несколько раньше сложился миф о Вернигоре, козаке-полонофиле. Мусий Вернигора жил на Левобережье, то есть был подданным России, но совершил страшное преступление (убил собственных мать и брата), а потому бежал от суда в Польшу. Он мирил украинских селян с поляками, уговаривал их не ходить в гайдамаки, поддерживал Барскую конфедерацию. Но более всего Вернигора известен своими прорицаниями. Он предсказал Колиивщину (что было нетрудно, зная настроения гайдамаков и запорожцев), упадок Польши, разделы Речи Посполитой, Великую Французскую революцию, наполеоновские войны, новые войны турок и европейцев с москалями, которые окончатся возрождением Речи Посполитой и Украины. Судьбы той и другой фактически отождествляются. В конце концов турки и англичане завалят Днепр «московскими трупами», а Польша восстановится «в старых границах» (до 1772 года? до 1648 года?) при помощи турок и англичан. Москали же помирятся с поляками и станут им как братья^[772].

Имя «Мусий Вернигора» встречается в «Энеиде» Котляревского. Если б это был тот самый Вернигора, о котором писали поляки, то Котляревскому принадлежало бы одно из самых первых (если не первое) собственно украинское свидетельство о существовании Вернигоры. Вернигора у Котляревского мучается в пекле, то есть в аду, что не удивительно. И как убийца, и как прорицатель (наверняка связанный с нечистой силой), и как враг России, он заслужил пекло – автор «Энеиды» был украинцем, лояльным Российской империи^[773]. Но вот Степан Павлович Стеблин-Каменский, первый биограф Котляревского, хорошо знавший своего героя (отец Степана Павловича дружил с Иваном Петровичем), утверждал, будто Мусий Вернигора всего лишь «действительно существовавшее в Полтаве лицо, кажется сапожник Котляревского»^[774]. Никакого отношения к мифическому козаку-полонофилу и прорицателю он не имеет.

Поляки писали о Вернигоре намного больше. Мифический козак стал заглавным героем ранней поэмы Северина Гоцинского. Появляется Вернигора и у Юлиуша Словацкого на страницах «Серебряного сна Саломеи».

В общем, пророчества Вернигоры из тех, что составляют *post factum*. Большая часть сведений об этих «пророчествах» появились уже после наполеоновских войн, а самое «надежное» свидетельство, что Вернигора все-таки жил, принадлежит Михаилу Чайковскому. Будто бы дед писателя лично знал козака Вернигору и даже был его приятелем. Не вызывает доверия и публикация самих предсказаний. Профессор Виленского университета Йоахим Лелевель издал в 1830 году пророчества Вернигоры, извлеченные будто бы из дневника бывшего

корсуньского старосты Суходольского, который якобы присутствовал при смерти Вернигоры (в 1769 или в 1770 году). Но подлинность этого дневника сомнительна. Между предполагаемой смертью Вернигоры и этой публикацией прошло больше шестидесяти лет, а Йоахим Лелевель был не только выдающимся польским историком, но и польским патриотом, участником восстания 1830–1831-го. Он даже входил в состав временного революционного правительства, где был «представителем крайней революционной партии»^[775]. Именно ему принадлежит лозунг, который спустя тридцать лет возродит Александр Герцен: «За вашу и нашу свободу»^[776]. Лелевель был заинтересован в появлении такого источника, как «пророчества» Вернигоры.

Содержание пророчеств указывает на время их составления. Большинство из них, очевидно, относятся к периоду между Венским конгрессом 1814–1815-го и 1830 годом. Вероятнее всего, 1829-й – начало 1830-го. Это годы окончания русско-турецкой войны (в тексте упоминаются поражения турок) и канун польского восстания.

В мифе о Вернигоре, как в зеркале, отражается важнейшая идея, которая станет основой «украинской школы» в польской литературе: украинцы и поляки – народы одной земли, одного государства. Они связаны общностью исторической судьбы.

Польские националисты видели возрожденную Польшу непременно в границах Речи Посполитой. Украина (Малороссия) для поляков тех времен – родная земля, где живут уже много поколений польских шляхтичей. Они называли эту страну «молочною и медовою землею»^[777], но ценили не только за плодородие почвы, мягкий климат и обилие солнечных дней. С Украиной было связано несколько веков истории Польши, причем веков – славных, отмеченных рыцарским героизмом и военными победами, о которых охотно стали вспоминать в годы поражений, гибели государства, национального унижения.

Однако собственно поляков в трех губерниях Юго-Западного края было процентов семь или восемь. Они уступали в численности не только украинцам, но даже евреям^[778]. Правда, в их руках были и почти все помещичьи земли, и система местного (дворянского) самоуправления, и отчасти государственный аппарат. Даже в Киевской губернии на 1172 русских дворянина приходилось 43 000 дворян польских (данные на 1812 год)^[779]. Но что было делать с многочисленным украинским, белорусским и литовским населением восточных кресов? И успех восстания, и строительство будущей свободной Польши были невозможны без поддержки или благожелательного нейтралитета сотен тысяч крестьян.

Однако расчеты расчетами, а искренний интерес к народу, которым они управляли, у некоторых шляхтичей появился.

Не случайно одним из первых собирателей украинских народных песен и, пожалуй, первым украинским (и белорусским, и польским, и даже русским) фольклористом был Зориан Доленго-Ходаковский,

основоположник восточнославянской фольклористики и археологии. Но его интерес к Украине и украинцам был скорее научным. Другое дело польские писатели «украинской школы». Это течение в польской литературе появляется уже в двадцатые – тридцатые годы XIX века. Именно литература пересмотрела взгляд на козака и вообще на русина-украинца, увидев в нем не «быдло», не «хлопа», но равного себе человека, нередко такого же героя-воина, рыцаря, как лучшие из польских шляхтичей. Запорожцы из страшного воспоминания о прошлом превратились в персонажей польской литературы: «Степь – мой отец, а Сечь – моя мать»^[780], – говорит герой Юзефа Богдана Залеского, наверное, самого известного поэта «украинской школы».

Бог – мир – славянство – Польша – Украина

В пять струн моих гуслей пятиструнные звуки.

Залеский, правнук запорожского козака, родился и провел детство на Киевщине, учился в Умани, даже прожил несколько лет в украинской крестьянской хате. На Украине родились и провели детство Северин Гошинский, Антон Мальчевский, Тимко Падур (Падурра), Михаил Грабовский.

Многие представители «украинской школы» учились в Кременецком лицее, как Антон Мальчевский, поэт-романтик, знакомый Байрона, будто бы подаривший знаменитому англичанину сюжет «Мазепы». Рано умерший Мальчевский стал известен благодаря своей единственной законченной поэме – «Мария, повесть украинская».

Юлиуш Словацкий, великий польский поэт, соперник Мицкевича, тоже родился на земле бывших восточных кресов, в Кременце. Словацкого не причисляют к «украинской школе», хотя многие сюжеты его сочинений связаны с Украиной: «Украинская дума», «Песня козацкой девушки», «Серебряный сон Саломеи» (драма из времен Колиивщины). Есть у Словацкого и трагедия о молодом Мазепе.

В Кременецком лицее учился и Тимко (Томаш, Фома) Падур, сочинявший козацкие думы на украинском языке (записывал их латиницей), правда, украинцы были невысокого мнения о его украинском. Падур был придворным поэтом польского магната Вацлава Ржевуского, который «окружил себя самодельным дворовым казачеством»^[781]. Даже польские дамы наряжались тогда у Ржевуского в малороссийские наряды^[782]. Магнат гордился Падурой, возил его показывать другим магнатам – Сангушкам, Потоцким, и думы Падур повсюду имели успех. Полякам нравилась стилизация под козацкие песни, тем более что козак в них выступал хотя и романтическим головорезом, но все-таки не враждебным Польше. По крайней мере одна из его песен, «Гей, соколы», стала основой для одноименной украинской народной песни.

Вот перевод первого куплета (оригинал на польском):

Где-то там, где черные воды,

Садится на коня казак молодой.
Нежно прощается он с дивчиной,
Еще нежнее – с Украиной.

А вот первый куплет украинской песни:
Гей, десь там, де чорні води,
Сів на коня козак молодий.
Плаче молода дівчина,
Їде козак з України.

Залеский, поэт куда более известный и значительный, чем Падура, тоже предпочитал писать о временах украинско-польского единства: о Хотинской битве, о славном походе гетмана Сагайдачного на турецкий Синоп или, обращаясь ко временам более поздним, сочинял в Париже «Думку Мазепы».

Северин Гощинский в своей поэме «Каневский замок» (1828) пошел намного дальше, едва ли не оправдав злодеяния Колиивщины. Он увидел в чудовищных преступлениях гайдамаков жестокое, но по-своему справедливое восстание против злодеяний польской шляхты.

Кто изнемог под игом панских пут
И кто работал на панов годами,
А сам и мерз, и голодал как пес,
Тот, кто не раз утрату перенес,
Кто совершить задумал дело мести,
Чтоб позже с наслаждением вздохнуть,
Того я заклинаю – будем вместе!^[783]

(Перевод С. Свяцкого)

Это польское украинофильство вышло за пределы литературных кружков и светских салонов. В 1832 году польский эмигрант Тадеуш Кремповецкий называл Наливайко и Павлюка, вождей первых казацких восстаний, «новыми спартанцами» и признавал историческую вину польской шляхты перед украинским народом^[784].

Польский эмигрант Якуб Яворский в Париже будет с тоской вспоминать песни чумаков, настоящих украинских чумаков – бритоголовых, с длинными чубами, которые они закручивали за уши. Чумацкие песни были этому поляку милее парижской оперы^[785]. Украина для него – родная страна^[786]. Он призывает шляхтичей оставить свою спесь и наконец увидеть в украинском крестьянине брата. Разумеется, Украина для пана Яворского – часть будущей Польши.

Некоторые шляхтичи заводили дружбу с украинцами, может быть, вполне искренне, может быть – с расчетом. Известный нам Сигизмунд

Сераковский, видимо, лишь притворялся украинофилом в беседах с Костомаровым и Шевченко. Но нет никаких оснований подозревать в неискренности Богдана Залеского, который дружил с Николаем Васильевичем Гоголем и стал ему столь близким человеком, что Гоголь даже писал ему на украинском. Как известно, записка Залескому – единственный текст Гоголя, написанный полностью украинской мовой^[787].

Н. В. Гоголь – Ю. Б. Залескому, Париж, вторая половина февраля 1837 года: «Дуже – дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. <...> Дуже, дуже близький земляк, а по серцю ще ближчий, чим по землі. Микола Гоголь»^[788].

Для Гоголя, который уже шесть лет как оставил фамилию «Яновский», дружба с польским поэтом-украинофилом и с его другом, великим Адамом Мицкевичем, была эпизодом. Зато Тараса Шевченко с поляками связывали отношения долгие, запутанные и сложные. Казалось бы, автор «Гайдамаков» и «Тарасовой ночи» должен был быть закоренелым полонофобом. Между тем среди знакомых и даже хороших друзей Шевченко было немало поляков. Многие образованные поляки если и не читали «Кобзаря», то были наслышаны об этой книге. Когда Тарас Шевченко представился польскому писателю Юлиану Белина-Кенджицкому, тот сразу же переспросил:

– Тарас Шевченко, автор «Кобзаря»?

По словам польского писателя, они с Шевченко стали «сердечными друзьями». Шевченко в то время упрекал Николая Костомарова в излишнем недоверии к полякам и даже называл его «дурнем»: «Слушай, ты хочешь построить новую жизнь руками славян, а сам боишься говорить об этом с поляком. С кем же ты, чёрта лысого, собираешься эту жизнь строить?»^[789] Дело было в 1846 году, когда уже появилось Кирилло-Мефодиевское братство.

Ближе всего Шевченко сошелся с поляками во время своей солдатской службы в Оренбургском крае. Среди солдат встречались польские революционеры и повстанцы. Для Шевченко они были товарищами по несчастью. Люди грамотные, нередко широко образованные, поляки с интересом смотрели на украинского поэта и художника, который, как и они, пострадал за бунт против России и ненавистного российского императора. Бунт Шевченко был литературным, но слова иногда весят больше бомб и снарядов. В Оренбургском крае была целая польская община, состоявшая не только из ссыльных и разжалованных в солдаты, но и из свободных людей, в том числе чиновников. Неформальными лидерами этой общины на рубеже сороковых и пятидесятих годов XIX века были чиновник Аркадий Венгжиновский и доминиканский монах Михаил (Михал) Зелёнка, которого поляки называли «префектом». Оба были в числе хороших знакомых Шевченко^[790]. В 1849-м Шевченко познакомился с польским историком и художником Брониславом Залеским. Они долго

дружили и переписывались, а Залеский даже хлопотал в Москве за Шевченко, пытался пристроить в «Русский вестник» его повести, пока сам автор еще служил солдатом в гарнизоне Новопетровского укрепления^[791].

Шевченко было запрещено писать и рисовать, но он все-таки рисовал, а поляки помогали пересылать эти рисунки на Украину, где их продавали, а деньги пересылали художнику.

20 августа 1857 года Томаш Зброжек, польский врач, окончивший Киевский университет, вписал в дневник Шевченко возвышенное обращение на польском языке, где называл поэта «святым народным пророком-мучеником Малороссии»^[792]. Первый польский перевод «Гайдамаков» появился в 1860 году^[793], через девятнадцать лет после первого издания. Переводчиком стал Леонард Совиньский; сын польского шляхтича и украинской крестьянки, он стремился «подать дружескую руку» украинским писателям^[794]. В 1862 году Антоний Гожалчиньский выпустил в Киеве первый том «Переводов малороссийских писателей» на польский язык, посвященный творчеству Тараса Шевченко. «Украинская поэзия, которая начала новую нашу эру, не может быть нам безразлична», – писал Владислав Сырокомля в предисловии к своему переводу «Кобзаря»^[795]. Этот перевод и сейчас хорошо известен польскому читателю. Переводчик работал над ним последние годы жизни. Издание вышло в Вильно уже в 1863 году, спустя несколько месяцев после смерти Сырокомли^[796]. (Для сравнения, «Тараса Бульбу» перевели на польский язык только в 2001 году (!), причем переводчик издал его за свой счет!^[797]) С друзьями-поляками Тарас Григорьевич не порывал до конца дней, на похоронах Шевченко в Петербурге было очень много поляков^[798].

Дружба с поляками была так заметна, что солдат Андрий Обеременко, украинец, с которым Шевченко решил подружиться как с соотечественником, сначала относился к Тарасу Григорьевичу настороженно: «Я сам вижу, что мы свои, но не знаю, как к вам подступить, потому что вы всё или с офицерами, или с ляхами. Как, думаю, к нему подойти. Может быть, он и сам какой-нибудь лях...»^[799] Обеременко был из того же Звенигородского повета^[800], что и Шевченко, общение соотечественника с поляками показалось ему неестественным, странным. Да и сам Шевченко временами словно стеснялся своих польских знакомств. В разговорах с друзьями-украинцами он, случалось, отзывался о поляках подчеркнуто грубо. Приведу только два высказывания, записанные его другом, украинцем Ф. М. Лазаревским. Переводить не стану, чтобы не лишить слова Шевченко выразительности и экспрессии, которые так присущи его украинскому. На вопрос: «Где ты был?» – Шевченко отвечал: «Та оці проклятуці ляхи заманили мене до себе, та й не випускали». Однажды он принес Лазаревскому свой портрет и попросил: «Візьми ти у мене, Христа ради, оцей портрет, хотілось би, щоб він зостався у добрих

руках, а то поганці ляхи виманять його у мене. Усе пристають, щоб я їм оддав»^[801].

Шевченко чувствовал какую-то грань, где дружба с поляками становилась неприемлемой. В Орской крепости Шевченко написал свое знаменитое «К полякам» («Полякам»), где, совершенно в духе «украинской школы», прославляет прекрасное время, когда козаки братались с «вольными ляхами» и жили весело. Но далее Шевченко вспоминает проклятую унию и ксьондзов, что разрушили идиллию Речи Посполитой, начали угнетать несчастную Украину.

Прийшли ксьондзи і запалили

Наш тихий рай^[802].

Это был своего рода водораздел. Поляки в то время оставались в большинстве своем добрыми католиками, а католичество было одной из основ польской идентичности.

Почти все поэты и прозаики «украинской школы», дожившие до ноября 1830 года, стали повстанцами. Так, Северин Гоцинский принял участие в знаменитом нападении на Бельведерский дворец. Воевал тогда и Тимко Падуро. Большинство же украинцев выступили против поляков, или сохранили нейтралитет, дружественный для правительственных войск.

Образованные украинцы «украинскую школу» не приняли. Необразованные о ней не знали. Малороссийская критика находила, что песни Тимко Падуры «приторны и неестественны»^[803]. Пантелеймон Кулиш считал «украинскую школу» только «шляхетской забавой»^[804]. Польский писатель Франтишек Равита (Гавроньский) уже в конце XIX века на страницах «Киевской старины» вынесет «украинской школе» свой приговор: «...польское общество на Украине, всеми силами старавшееся подавить историческое козачество и, в конце концов, успевшее в этом <...> одев труп побежденного врага в козацкую одежду, забавлялось им, забавлялось мечтами, что труп этот в широких шароварах, синих полужупанах, с “оселедцем”, вернется к жизни...»^[805]

В 1886 году в глубокой старости умер Юзеф Богдан Залеский. Иван Франко посвятил ему эссе. Украинский поэт написал о польском поэте очень строго, даже зло, как украинец о поляке, реалист о романтике. Обширная поэма Залеского «*Duch od stepu*» («Дух степи») для Франко только «бессвязная фантасмагория, написанная будто в самом деле под влиянием гашиша. Воспоминания о собственной жизни и воспоминания о мировой истории за последние полторы тысячи лет, Украина и польское мессианство – всё смешалось в этой поэме...»^[806] Но именно в таком фантастическом мире только и могла существовать романтическая полонофильская Украина, бесконечно далекая от исторической реальности: «Сон, мифология, видения!» И даже украинская мифология в мифологической Украине Залеского тоже вымышленная или переделанная самым диковинным образом.

Например, враждебные людям русалки вместо того, чтобы защекотать до смерти, питают лирического героя «молоком дум и нектаром цветов»^[807]. В романтическом мире Залеского воплощалась польская, шляхетская идея: «Основное направление песен Залеского остается одним и тем же: Украина для Польши»^[808], – писал Иван Франко.

«Украинская школа» дошла до своего естественного предела. Чтобы стать для украинцев своими, польские писатели должны были сделать еще шаг.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов XIX века на Украине появились польские интеллектуалы, которые заговорили по-украински, начали переходить из католичества в православие^[809] и отказались считать Волынь, Подолию и Киевщину польскими землями. Поляки насмешливо прозвали этих людей «хлопоманами», подчеркнув презрение и к этим «ренегатам», и к самим украинцам. «Хлопоманы» были демократами и врагами крепостничества, верили в прогресс и просвещение – разумеется, в просвещение на народном, то есть украинском языке. Образ жизни польской шляхты они признали чуждым «нашему народу». Поляки традиционно называли словом «*narod*» шляхту, для «хлопоманов» «народом» были украинские крестьяне.

Моментом истины, как и в 1830-1831-м, стало новое польское восстание. В 1863 году в Киеве несколько молодых поляков отказались от поддержки восстания, как чуждого народу. Самый известный из «хлопоманов», Владимир Антонович, еще в 1862-м публично отказался от польской идентичности, опубликовав в украинском журнале «Основа» статью «Моя исповедь»: «...отречься от своей совести, или оставить ваше общество: – я выбрал второе, и надеюсь, что трудом и любовью заслужу когда-нибудь, что украинцы признают меня сыном своего народа, так как я всё готов разделить с ними. <...> Я *перевертень*, и я горжусь этим, так точно, как я гордился бы в Америке, если б стал аболиционистом из плантатора...»^[810]

Антонович станет знаменитым историком, создаст в Киевском университете собственную научную школу. Среди учеников киевского профессора будут известные историки Петр Голубовский, Митрофан Довнар-Запольский и сам Михаил Грушевский. Всю вторую половину XIX века «хлопоманы» будут играть важную роль в украинском национальном движении. Лингвист Павел Житецкий станет доказывать древность украинского языка, этнограф Павел Чубинский напишет текст будущего гимна «Ще не вмерла Украина».

Украинские националисты относились к «хлопоманам» настороженно, русские их прямо считали врагами. Михаил Катков был убежден, что имеет дело с новой «польской интригой»: поляки, не преуспев в полонизации Юго-Западного края, решили расколоть единый русский народ и придумали украинцев^[811]. На самом деле «хлопоманов» уже вряд ли можно считать поляками. Польское

украинофильство и «хлопоманство» расслоились, как вода и масло: поэты «украинской школы» сохранили верность польскому национализму и католической вере, немногочисленные «хлопоманы» (Антонович, Рыльский, Житецкий) слились с украинской нацией и украинским национальным движением.

«Згине ляцька земля, згине!»

*Поки Рось зоветься Россю,
Дніпро в море ллється —
Поти серце українське
З панським не зживеться^[812].*

Пантелеймон Кулиш

Современный русский читатель наверняка знает о давней русско-польской вражде, которая тянется из века в век. И две страны продолжают вспоминать о преступлениях прошлого, даже как будто растрavляют старые раны. Но эта вражда меркнет перед враждой украинско-польской. Сколько украинских песен и дум посвящено ей, сколько народных пословиц и поговорок, сколько томов исписано исследователями украинско-польских войн!

В конце XVI – начале XVII веков бóльшая часть старой западнорусской знати перешла в католичество и быстро полонизировалась, а крестьяне и козаки сохранили верность православию. Так сложилась страшная система: землевладельцы, паны, рыцари – поляки-католики, их крестьяне (посполитые) – православные украинцы. Национальная вражда удваивалась, даже утраивалась враждой социальной и религиозной. Вместо одной смертельной болезни общество поразили сразу три.

Иезуит Фома Млодзяновский еще в XVII веке обратил внимание, что различия между двумя народами проявились даже в символике праздника: Пасху, светлое Воскресение Христово, поляки называют «*Wielka-noc*» («Великая ночь»), а русины – «Велик-день». Получается, что «у поляков ночь, то у русинов день»^[813].

Французский инженер Гильом де Боплан писал, что польская знать «живет словно в раю, а (украинские. – С. Б.) крестьяне пребывают как будто в чистилище». По его словам, положение этих крестьян «гораздо хуже, чем положение каторжников на галерах»^[814]. «Польские помещики во сто крат хуже русских»^[815], – как о вещи общеизвестной напишет уже в веке XIX Александра Смирнова-Россет.

Власть польских панов была такой, что против нее бунтовали даже крестьяне-католики из «коренной Польши». В 1846 году в Западной (польской) Галиции началось крестьянское восстание. Повстанцы были так озлоблены, что отрезали головы своим панам и приносили австрийским чиновникам, рассчитывая получить награду.

Просвещенные люди, поэты «украинской школы», вспоминая времена шляхетско-казацкого боевого братства, были немногочисленны. Якуб Яворский с болью писал, как мало на Украине «нравственных и честных помещиков; почти все – тираны». Поэтому простой народ на Волини, в Подолии и поднепровской Украине «ненавидит своих панов за угнетение, и справедливо...»^[816] А ведь это слова не врага, а настоящего польского патриота, который мечтал объединить поляков и украинцев в общей борьбе за свободу. Но другие поляки смотрели на украинцев совсем иначе. Даже их забота о простых людях иногда принимала оскорбительные для человеческого достоинства формы. Пантелеймон Кулиш записал историю о том, как «базиляне» (василиане, монахи одного из униатских орденов^[817]) учили украинских детей «вере по-польски». Усердных поощряли. Мальчику или девочке в награду за успехи раздавали крестики или пяточки. Однажды жена старосты спросила одного мальчика: «На что тебя создал Бог?» Тот ответил: «Работать на панов». Ответ так понравился польской даме, что она подарила мальчику целый серебряный злотый^[818]. Такие взгляды напоминают кастовую систему Индии. Раболепие воспитывалось у «хлопов», которые отличались от панов и религией, и национальностью. Когда Тарас Шевченко впервые пришел в гости к Ивану Сошенко, тот протянул ему для знакомства руку. Шевченко «бросился к руке и хотел поцеловать»^[819]. Видимо, это был результат долгого «воспитания» в доме Энгельгардтов, где господствовали именно польские порядки. В глазах крепостного Шевченко Сошенко, бедный вольнослушатель Академии художеств, тоже был паном.

Через семьдесят лет Анна Ахматова застанет еще эти нравы: «Я сама видела, – говорила она Лидии Чуковской, – как едет управляющий в красных перчатках и семидесятилетние старухи его в эти перчатки целуют. Омерзительно!»^[820] Ахматова противопоставит этих несчастных украинских селян русским крестьянам Тверской губернии, где не было и следов подобного раболепия.

Даже князь Долгорукий, вообще-то не любивший украинцев, невольно их пожалел, когда посмотрел на польский произвол. Он возмущался, почему шляхтич, нередко самозванный, «нигде лично не служит», а только «тиранит и разоряет малороссиян природных»^[821].

Такие взаимоотношения между панам и «хлопами» были вообще характерны для восточных кресов. Фаддей Булгарин, сам польский шляхтич, признавал, что положение крестьян в Белоруссии и Литве «было гораздо хуже негров»^[822].

Даниэль Бовуа нашел в Центральном государственном историческом архиве Украины 26 дел за 1837–1840 годы (материалы Киевской уголовной палаты), где поляки (хозяева имений и экономы, то есть управляющие) почти безнаказанно убивали украинских крестьян. Приведу только три примера:

16 декабря 1837 года эконом Л. Вежбовский «избил двух больных крестьян». Один крестьянин умер. Вежбовский был наказан месяцем ареста и церковным покаянием.

11 марта 1838 года землевладелец «Т. Тушинский до смерти забил одного из своих крепостных». Убийцу оправдали.

24 января 1840 года некто Гурский, эконом в имении Браницких, «убил двух старушек». Наказание было потрясающим: три дня ареста и запрет исполнять обязанности эконома.

В Российской империи долгие десятилетия ничего не менялось, по крайней мере до отмены крепостного права и разгрома польского восстания 1863 года. В соседней Австрийской империи и крепостное право отменили раньше, и гражданских свобод было больше, но польско-украинская вражда, социальная и этническая, была там столь же непримиримой.

Украинский писатель Василь Стефаник родился и вырос во второй половине XIX века. В австрийской Галиции существовали украинские начальные школы, но украинская гимназия была всего одна – во Львове, поэтому большинству желающих продолжать образование предстояло поступить в польскую гимназию. В одной из таких гимназий в городе Коломые и начал учиться Стефаник, сын богатого украинского крестьянина. Преподавали – поляки, большинство гимназистов составляли тоже поляки. И учителя, и ученики просто глумились над немногочисленными крестьянскими детьми, которых заботливые родители отдали обучать наукам, совсем не полагавшимся для «хлопов». Однажды учитель прямо сказал Василю: «Ступай, хам, свиной пасти!» Класс, разумеется, хохотал^[823]. Другой учитель как-то поднял указкой подол крестьянской рубашки Василя, показав всему классу голую поясницу «хлопа», который даже одеться толком не умеет. И снова ученики хохотали над украинским мальчиком^[824].

Не удивительно, что украинцы по обе стороны границы ненавидели поляков и радовались их военным и политическим неудачам. Так было и после поражения Костюшко в 1794-м, и в 1831-м, и в 1863-м.

Котляревский, описывая пекло в своей «Энеиде», нашел там местечко и для панов. Об их грехах рассказано кратко и точно.

Панів за те там мордували.

І жарили зо всіх боків,

Що людям льготи не давали.

І ставили їх за скотів.

Панов за то и мордовали,

И припекали в свой черед,
Что людям льготы не давали,
На них смотрели, как на скот.

Панами, конечно, могли быть и русские, и малороссияне, ведь поэт жил в Российской империи, на Полтавщине. Но польские землевладельцы господствовали на всем правобережье Днепра (не считая земель Новороссии), они пановали и в австрийской Галиции, а на Левобережье память о панах-поляках держалась еще долго – благодаря переселенцам с правобережья Днепра и народным песням, что передавали из уст в уста. Речь не только о народных думах, но даже о легкомысленных женских песенках вроде этой:

Не тупай, не тупай, ляшку, ногою:
Не ляжу, не ляжу, спати зъ тобою,
А хоть и ляжу, – не поцілую,
До свого серденька не примилую...^[825]

Поляк в кунтуше и конфедератке был комическим персонажем украинского вертепа. Он танцует краковяк со своей женой, хвастается перед нею, но убегает, едва заслышав песню запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у нас, на Україні!
Що немає жида,
Що немає ляха^[826].

Самые бедные, беспоместные шляхтичи, чье материальное и социальное положение уже не отличалось от положения селян или дворовых людей, сохраняли польский гонор. Пан Погорельский, нищий столетний старик из Гарного Луга, вспоминал, как хорошо было раньше, при крепостном праве: «...была еще настоящая шляхта... Хлопов держали в страхе... Чуть что... А! сохрани боже! Били, секли, мордовали!.. <...> даже бывало жалко, потому что не по-христиански...» Стариковские жалобы заканчивались, как и полагается, обличением нынешнего времени, когда мужики уже сами принялись бить родовитых шляхтичей: «Да что тут говорить: последние времена!»^[827]

Презрение к «хлопам» распространялось и на украинское казачество, даже в те времена, когда козацкие и польские рыцари сражались под знаменами Речи Посполитой. Польский жолнер, «не признавая в самом почетном и заслуженном козаке шляхетского достоинства, которым сам он гордился, упорно стоял на том, что всякий козак есть хлоп...»^[828] – писал польский историк и писатель Михал Грабовский. Но тем страшнее были восстания, когда посполитые и козаки вместе шли убивать своих угнетателей.

Первые восстания (сначала козацкие, потом уже всенародные) начались уже в конце XVI века, а в 1648 году Богдан Хмельницкий поднял восстание, превратившееся в настоящую революцию. Блестящие военные успехи вскружили голову. После победы при Пилявцах народ требовал от Хмельницкого похода на Польшу. Причем похода даже не завоевательного – истребительного: «Пане Хмельницкий, ве́ди на ляхив, кинчай ляхив!»^[829]

Ненависть к ляхам была так велика, что на переговоры с козаками король благоразумно присылал не поляков, а литовцев (пусть и полонизированных) и православных русинов, сохранивших верность Речи Посполитой. Так, Адам Кисель, один из последних православных магнатов, не раз вел переговоры с Хмельницким от имени короля Речи Посполитой. Во время переговоров в Белой Церкви в 1651 году козаки похвалили предусмотрительность короля. Мол, знал кого послать. Кисель – наш, русин, литовцы всё же не ляхи. А если б настоящие ляхи вздумали приехать, «так уж бы не вышли отсюда!»^[830] Еще раньше, во время переговоров в Зборове в 1649 году, козаки дружески советовали Киселю и его товарищам: «Отрекитесь-ка вы, добрые православные паны, от ляхов и останьтесь с нами, козаками. Згине ляцька земля, згине, а Русь буде <...> пановати!»^[831]

Война приобрела крайнее ожесточение, в особенности после поражения козацкого войска под Берестечком. Войска Иеремии Вишневецкого отправились в карательный поход на Украину, но земля горела у них под ногами: крестьяне не щадили ни собственных домов, ни полей жита и пшеницы – всё сжигали. Поляки буквально питались жареным зерном.

Не удивительно, что как раз в это время (1651–1652) появилось анонимное польское сочинение под названием «Размышления о нынешней казацкой войне». Причину войны автор сочинения видел в иррациональной ненависти русинов к полякам и польскому государству: «Руський народ издавна стал испытывать смертельную ненависть к ляхам и, наследуя ее, в ней находится и поныне; она разгорается при наименьшей возможности и настолько крепнет, что Русь предпочла бы <...> терпеть иго турка или любого другого тирана, чем спокойно и счастливо жить в свободной Речи Посполитой»^[832].

Легендарный полковник Иван Богун, известный своим военным искусством, не принял Переяславской Рады. Но даже он предпочитал воевать против поляков, а не против «москалей». Во время похода Яна Казимира против русского уже левобережья Днепра Богун был в польском войске, но вел тайные переговоры с московскими воеводами. Богун будто бы предлагал помочь московским войскам: ударить на ляхов с тыла, – но был разоблачен и расстрелян поляками.

Во время русско-польской войны козаки нередко проявляли большую ненависть к врагу, чем русские, хотя в ту пору «москаля» тоже были народом суровым, если не сказать сильнее. Но в 1655-м при

взятии Люблина, по свидетельству современника, на которое опирался Костомаров, у «москвитян» «господствовали умеренность и порядок», козаки же «один другого старались превзойти в зверстве. «Казалось <...> сами фурии вселились в них»^[833]. В монастыре св. Бригитты козаки устроили резню: «монахинь убивали или продавали как животных»^[834].

Поляки отличались не меньшей жестокостью. Стефан Чарнецкий, один из самых известных героев того времени, взял Суботов, где были похоронены Богдан Хмельницкий и его сын Тимош. Поляки выкопали и сожгли их останки. Не щадили мертвых и тем более не щадили живых. Это время – от смерти Хмельницкого в 1657-м до разрушения Чигирина (первой гетманской столицы) в 1678 году – принято называть звучным словом «Руина». К концу Руины прежде богатые и густонаселенные земли Поднепровья обезлюдели. Нивы заросли сорняками, превратившись снова в степи, а место селянских хат и панских дворцов заняли стада оленей, сайгаков и волков. Летопись Самуила Величко рассказывает о печальном запустении некогда изобильной страны, где много костей человеческих, «сухих и нагих», покрыты одним только небом. Как пишет украинский историк Наталия Яковенко, Руина закончилась потому, что «убивать друг друга было уже некому»^[835].

Когда украинские крестьяне и польские паны вновь заселят правобережную Украину, фастовский полковник Семен Палий взбунтуется против Польши и захватит добрую половину Киевского и Брацлавского воеводств. На Волыни тем временем начнется новое восстание. Крестьяне снова будут нападать на панские дома и замки и собираться в козацкие полки.

В 1704–1705 годах гетман Мазепа по приказу Петра I занял своими войсками правобережную Украину. Целью похода была поддержка союзника Петра, саксонского курфюрста и польского короля Августа Сильного. Поляки свергли его и избрали своим королем Станислава Лещинского, ставленника шведов. Но козаки Мазепы не делали различий между сторонниками Августа и Станислава. Те и другие были просто ляхами, с которыми козаки поступали по-своему. Поэтому даже сторонники Августа бежали от таких союзников, «как от Орды»^[836]. Один казацкий полковник издевался над пленным шляхтичем: «Вы, ляхи, были когда-то нашими господами, а мы вашими холопами. Но тогда вы были храбры, а теперь у вас храбрости стало столько, сколько у старой бабы <...> Если вы не исправитесь, то мы вас всех за уши возьмем и кожу с вас сдерем»^[837].

Впрочем, поляки все-таки оказывали войскам Мазепы сопротивление: «Ляхи нас не терпят», – писал гетман царю Петру и рассказывал, как поляки нападают на малороссиян, размещенных по зимним квартирам^[838]. Гетман, которого со времен Костомарова принято считать полонофилом, писал о поляках так: «неистовые и неправдивые, но злопоносные и ненавистные люди»^[839].

Два в общем-то близких славянских народа, веками жившие в одном государстве, вступили в просвещенный XVIII век. Для них этот век будет отмечен гайдаматчиной^[840]. Небольшие (иногда человек шесть, иногда – сотня и больше) отряды гайдамаков нападали на польские имения, забирали деньги, оружие. Хозяев могли убить, а могли отделаться издевательствами: связывали, стреляли над их головами из пистолетов, всячески оскорбляли, разбивали горшки с молоком, топтали цыплят, выбрасывали масло собакам. Последнее делалось отнюдь не из любви к животным, но так они, гайдамаки (нередко они называли себя и «козаками»), могли показать свою силу и свое презрение к «ляшкам»^[841]. Обычно эти грабители не таились и отмечали удачный набег пиром в соседней корчме. Сил усмирить их у Речи Посполитой не хватало.

По второму и третьему разделам Речи Посполитой Поднепровье, Подолия и Волынь перешли под власть России. Идеологом второго раздела считается действительный тайный советник и второй член коллегии иностранных дел Александр Безбородко. Он был малороссиянином из козацкого рода. Малороссиянином был и покоритель Варшавы Иван Паскевич. Режим, установленный князем Варшавским, поляки еще долгое время поминали недобрым словом. Вольно или невольно, российская имперская власть не раз использовала в борьбе с поляками верных малороссов.

В 1863 году селяне правобережной Украины сами ловили польских повстанцев и убивали их с особенной жестокостью. Поляки в Житомире пересказывали друг другу истории про мужиков, которые живьем зарыли пленных панов в землю, но русские войска успели откопать и спасти этих живых покойников^[842].

Практика использовать малороссиян против поляков прижилась. При этом власти империи тонко разбирались в раскладе сил, направляя пыл и энергию украинских националистов против ляхов. Украинцы с особым усердием принимались за русификацию, стараясь отплатить ляхам за старые обиды. В этом отношении русские, очевидно, не могли сравниться с украинцами. «Он был великоросс, и потому в нем не было обрусительной злобы»^[843], – писал Короленко о директоре Ровенской гимназии Долгоногове.

Н. А. Милютин, возглавлявший администрацию Царства Польского, приглашал на службу Николая Костомарова^[844]. А ведь знаменитый историк некогда возглавлял Кирилло-Мефодиевское братство – украинскую националистическую организацию, пусть и очень умеренную. Костомаров не приехал, хотя его приглашал и старый товарищ по Кирилло-Мефодиевскому братству, Пантелеймон Кулиш. Получив должность в администрации Царства Польского, автор «Черной рады» и «Записок о Южной Руси» писал Костомарову в январе 1865 года: «Приезжайте, и восторжествуем над презиравшим наши права панством!»^[845]

Часть VII

Еврейский мир

Старые знакомые

В гоголевское время на украинских землях жил народ, многочисленный, древний, очень далекий от русских и малороссиян и по своему происхождению, и по образу жизни.

Евреи – давние жители Восточной Европы. Они были хорошо известны уже в Древней Руси. В X веке в Киеве была еврейская община. В XI веке, при Ярославе Мудром, в городе построили «Жидовские ворота». Вероятно, был там и еврейский квартал. Возможно, то были эмигранты из Византии, бежавшие от гонений и насильственной христианизации еще в первой половине X века, при императоре Романе Лакапине, а возможно, пришли из Хазарии (происхождение хазарских евреев тоже предмет для научного спора). В любом случае евреи на Руси жили и занимали не последнее место в общественной жизни. Не случайно с иудаизмом полемизируют и «Повесть временных лет», и «Слово о Законе и Благодати»^[846]. Св. Феодосий Печерский, если верить его житию, не раз спорил с иудеями. Былинный Илья Муромец боролся с «богатырем-жидовином». Интересен и феномен славянского перевода «Эсфири», одной из книг Библии, которую до IX века восточная церковь даже не включала в число канонических книг^[847]. Первый славянский перевод этой книги появился именно на Руси. Сохранилось несколько списков XIV века, хотя оригинал (протограф) был, вероятнее всего, составлен раньше^[848], возможно, еще до монгольского нашествия, то есть в эпоху Киевской Руси. «Эсфирь» посвящена истории еврейского народа, который должен был бороться за свое существование в многоэтничной персидской державе. Несмотря на литературные достоинства книги, христианина она могла скорее озадачить, зато пользовалась чрезвычайной популярностью у евреев. Самое интересное, что славянский перевод был сделан не с греческой Септуагинты^[849], а или с еврейского (масоретского) оригинала, или с какого-то неизвестного греческого перевода, который, в свою очередь, был сделан именно с еврейского оригинала^[850]. В славянском переводе нет тех позднейших вставок, что вошли в текст Септуагинты и вызвали недоверие даже у св. Иеронима, делавшего латинский перевод Библии (Вульгату). Перевод «Песни песней» также был сделан с еврейского оригинала^[851].

Православные на Балканах, в Малой Азии и даже в Константинополе читали библейское Восьмикнижие^[852], на Руси – читали именно Пятикнижие Моисея. Правда, его перевели не с оригинала, а с греческого перевода (Септуагинты), зато текст «русского Пятикнижия» был разделен на «недельные главы». Это иудейское деление. В синагогах каждую субботу читают фрагмент Торы (парашат ха-шавуа – «недельная глава, недельная порция»). Большинство восточнославянских списков Пятикнижия разделено именно на такие «недельные порции»: «Это деление славянских списков точно соответствует делению еврейских текстов и согласно с литургической традицией Вавилона»^[853]. Так что контакты предков русских и украинцев с евреями были не бесплодны и вовсе не так однозначны, как представляется антисемитам.

Мы мало что знаем и о численности еврейского населения Киевской Руси, и о его судьбе после монгольского нашествия. Вероятнее всего, остатки этого населения были ассимилированы волной новых переселенцев – немецких евреев-ашкенази, которые, спасаясь от преследований, покинули Германию в XIII–XIV веках и переселились в Польшу, под покровительство сильной тогда королевской власти. Земли Польши, а затем и Великого княжества Литовского стали для них новой родиной. Люблинская уния открыла евреям дорогу на Волынь, в Подолию, на Киевщину и на левобережье Днепра, где им позднее будет покровительствовать могущественный Иеремия Вишневецкий.

Козаки Богдана Хмельницкого и Максима Кривоноса полностью уничтожили еврейское население Левобережья и значительную часть евреев Подолии, Киевщины, Волыни: одних просто убили, других заставили бежать в Польшу. Русские власти вплоть до Екатерины II препятствовали возвращению евреев, так что их новая миграция на восток началась уже после разделов Речи Посполитой, когда Россия вместе с новыми землями получила и самую большую в Европе еврейскую диаспору. Полтава, Чернигов, Переяслав снова увидели сынов Израиля.

В гоголевское время еврейское население двух малороссийских губерний еще было незначительным. Зато в трех губерниях Юго-западного края (правобережной Украины) евреи были вторым по численности народом, уступая только малороссиянам. Особенно много евреев жило в губерниях Волынской и Киевской (соответственно, 10 и 9,7% населения), несколько меньше в Подольской – 6,8%, причем их численность быстро росла. В те времена многодетны были и русские, и украинцы, но евреи опережали всех^[854].

Владимир Измайлов писал, будто нигде в России нет столько евреев, сколько в Киеве: «Они встречаются на улицах; улицы населены их домами; дома наполнены ими»^[855]. Вероятно, это большое преувеличение. Просто евреи резко выделялись на фоне других жителей – русских, малороссиян, поляков. Они были активны и

энергичны. Стоило Алексею Левшину приехать в Киев, как его чуть ли не через десять минут окружили пятнадцать евреев и начали наперебой предлагать свои товары^[856].

Малороссийский художник Аполлон Мокрицкий нашел, будто «в Житомире половину населения составляют евреи»^[857]. Ровно представился Костомарову «иудейским городком»^[858]. «Евреев пропасть, да где их нет?»^[859] – запишет князь Долгорукий, в 1810 году приехавший в Корсунь. «Какое множество здесь жидов! Просто ужас!» – восклицает Иван Аксаков. Это слова из его письма, отправленного Иваном Сергеевичем 29 сентября 1855 года из Умани. Той самой Умани, где всё еврейское население было вырезано по меньшей мере дважды – во время Хмельнитчины в 1648-м и при взятии Умани гайдамаками Зализняка и Гонты в 1768-м.

Еще в XVIII веке евреи в Англии и Германии начали отказываться от своего традиционного, довольно замкнутого образа жизни. Они стали носить парики и модное европейское платье, учить английский, французский, немецкий, чтобы не только вести дела, но и общаться с европейцами на их языке, читать их газеты и книги. Немецкий еврей Мозес (Моисей) Мендельсон к ужасу консервативных соплеменников перевел Тору на немецкий язык. В Берлине открылась «вольная еврейская школа», где учили светским наукам, необходимым современному человеку. Один из учеников Мендельсона, Давид Фридлиндер, дошел до того, что потребовал перевести богослужение в синагоге на немецкий язык и «вычеркнуть из молитвенника упоминание о Сионе и Иерусалиме»^[860]. Своим отечеством он считал Германию, точнее – Прусское королевство, а не далекую, населенную арабами Палестину.

Совсем по-другому жили евреи в Российской империи. Дело не столько в отсталости, сколько в исторической памяти. Хмельнитчина заставила польских евреев задуматься о конце света. Казалось, что хуже уже не будет и скоро надо ожидать прихода Мессии. И Мессия пришел, но, как это и бывает в таких случаях, оказался обманщиком^[861]. Саббатай Цеви обещал восстановить Иерусалим и весь Израиль, а сам, в конце концов, перешел в ислам и под именем Мухаммад-Эфенди стал привратником султанского дворца в Адрианополе^[862]. Другой лжемессия, Яков Франк, перешел в христианство, приняв имя Иосифа. Правда, польские христиане своим его не признали и даже посадили в тюрьму, откуда его освободила русская армия. Последние годы жизни этот «пророк» провел в Германии, где носил титул «барона Оффенбахского»^[863].

Евреи, разочаровавшись в скором избавлении от несчастий, снова погрузились в изучение Талмуда. Религиозность евреев Восточной Европы, их возвращение к священным книгам, говорили вовсе не о застое или упадке национальной мысли. Напротив, XVIII век принес еврейскому народу новое религиозное учение – хасидизм. Его

проповедовал чудотворец Израиль Бешт (Исраэль бен Элиэзер Баал-Шем-Тов). Он жил в Галиции и Подолии, исцелял больных, проповедовал на рынках и площадях местечек. У Бешта нашлось много последователей, в основном – среди экспансивных и мистически настроенных людей, а таких было много. Хасидизм особенно быстро распространялся на Западной Украине: в Подолии, на Волыни и на правобережье Днепра. Против хасидов выступили еврей-традиционалисты – «миснагиды»^[864], так что духовная, интеллектуальная борьба хасидов с миснагидами продолжалась много десятилетий. Но стороннему наблюдателю она была почти неизвестна и неинтересна. Русские и украинцы не слишком различали тех и других. Для них и те и другие были просто «жидами», «христопродавцами».

В осажденной крепости

Причину юдофобии определил и сформулировал автор книги «Эсфирь», написанной между серединой V и последней третью II веков до нашей эры: «Есть один народ, рассеянный по всем областям твоего царства среди других народов. Законы у этих людей совсем не такие, как у прочих народов»^[865]. Евреи жили в своем мире, как в окруженной врагами крепости. История не раз подтверждала эти опасения. На Украине еще были живы свидетели Колиивщины, уцелевшие от гайдамацких ножей. Евреи Северо-Западного края тоже не могли жить спокойно, ведь и поляки, белорусы, литовцы не были им друзьями: «Ненависть к жидам в литовском крестьянине сильнее всех других страстей»^[866], – писал Фаддей Булгарин.

Со своей стороны, евреи в большинстве своем не стремились к ассимиляции, интеграции, «просвещению». Еще в начале 1860-х многие считали, будто учить даже русский язык – большой грех. Русским и польским владели настолько, чтобы можно было вести деловые переговоры, не больше. Жители местечек в Подолии, на Волыни, в Полесье так редко сталкивались с гоями, что могли вовсе обойтись без чужих языков^[867]. Общались друг с другом на идиш, а молитвы читали на иврите.

« – Ты жид? – спросил полковник.

– Нет, я немец, – отвечал мальчик.

– Врешь! Ты говоришь как жид, смотришь как жид...»^[868] – восклицает один из героев романа Евгения Гребенки «Чайковский».

«Еврея очень нетрудно отличить от других национальностей по его своеобразному типу, так хорошо всем известному», – писал автор статьи о евреях Белоруссии, включенной в «Полное географическое описание нашего отечества»^[869]. А ведь эта статья написана во времена, когда еврейская молодежь оставила многие обычаи предков и внешне

сблизились с европейцами. В гоголевское же время этнографические различия были и заметнее, и ярче, чем полвека спустя. Трудно было не обратить внимание на бытовую культуру евреев, их нравы, обычаи, традиции, стереотип поведения и даже внешний облик. Словом, на всё, что, если не считать религии, делало еврея евреем. Евреи даже без красного берета на голове или звезды Давида на рукаве резко отличались от представителей других народов. «Физиономия Еврейского племени довольно известна всякому образованному человеку», – писал Моисей Берлин, член-корреспондент Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете в 1852 году^[870].

Черта оседлости препятствовала переселению евреев в столицы, так что еврей в Петербурге или Москве был еще редким, едва ли не случайным гостем. И эти столичные евреи, как правило, одевались по-европейски, в то время как евреи черты оседлости носили традиционную одежду, резко выделявшую их: черный шелковый или атласный лапсердак с широким черным поясом, панталоны, высокие чулки, кожаные туфли и непременно ермолку – черную бархатную шапочку.

Как относились русские и малороссияне к своим соседям-евреям? Честно говоря, долго не решался написать эти строки. Но интересы исторической правды заставляют признать: многие, очень многие смотрели на евреев, на их быт, нравы и обычаи не только с неприязнью, но даже с брезгливостью.

Прежде всего еврей у русских часто ассоциировался с нечистотой. «Златополь – жидовское гнездо и утопает в черной грязи»^[871], – вспоминала Александра Смирнова-Россет. Иван Аксаков писал, будто жилища евреев и сами евреи «пропитаны отвратительным запахом чеснока»^[872]. Только нужда заставила Аксакова и его ополченцев «пробовать пищи еврейского приготовления»^[873]. Михаил Максимович, профессор Московского и Киевского университетов, этнограф, историк, филолог, фольклорист, сравнивал евреев с воробьями, что, впрочем, тоже было оскорблением: «Известное дело, что для огородов, равно и для нив, находящихся возле степных садов, воробьи то же, что некогда для всей Украины были жида, с которыми и сближает воробьев народное поверье»^[874].

Князь Долгорукий в презрении и ненависти к евреям дойдет до крайности: «Народ сей везде одинаков: нечист, срамен и отвратителен; я говорю о Жидах самого низшего разбора: что их гаже в природе? Жаль, что они люди!»^[875] – писал он. Впрочем, князь редко о ком, кроме русских, говорил доброе слово, полякам и «хохлам» тоже доставалось от него, но евреев он ставит ниже всех. Долгорукий сравнивает их в основном с существами из мира насекомых: в лучшем случае – с пчелами, но и с мухами, и с комарами: «здесь пропасть жидов и комаров»^[876], – напишет он о Херсоне в 1810 году.

Шевченко, сын украинского крестьянина, всю жизнь не любивший панов, сойдется с потомственным русским аристократом именно в еврейском вопросе: «Пользуясь сим удобным случаем, я мог бы описать вам белоцерковский жидовский трактир со всеми его грязными подробностями, но фламандская живопись мне не далась, а здесь она необходима»^[877].

Зло повседневное, зло общепринятое

Гоголь и Шевченко, два величайших гения украинского народа, не без оснований подозревались в антисемитизме. В начале XX века писатель, деятель сионистского движения Владимир Жаботинский будет потрясен тем, что Гоголь не удостаивает евреев даже ненависти. В «Тарасе Бульбе» Жаботинский найдет «какое-то изумительное, неразложимое презрение к низшей расе, не снисходящее до вражды»^[878]. Гоголь весело описывает еврейский погром, смеется над сынами Израиля, что растеряли «все присутствие своего и без того мелкого духа» и прятались от козачков в бочках из-под горилки, в печках и «даже запалывали под юбки своих жидовок». Суровые козаки бросают евреев в Днепр и смеются, видя, как болтаются в воздухе «жидовские ноги в башмаках и чулках».

По-видимому, еврейская тема вообще казалась Гоголю смешной, забавной. А. С. Данилевский вспоминал, как любил Николай Васильевич свою соседку, помещицу Александру Федоровну Тимченко, которую даже звал «сестрицей». А любил за то, что та «умела художественно изображать жида», представляла, как «жид пробует водку, подражала приему и голосу жидов»^[879].

Между тем Гоголь относился к евреям ничуть не хуже многих своих современников – и русских, и малороссиян. В России первой половины XIX века (а на украинских землях России – тем паче) границы дурного и хорошего, допустимого и невозможного были совсем иными. После реформ Александра II, когда начнется «эмансипация» российского еврейства, совершенно переменится расстановка сил. Евреи станут не только банкирами, промышленниками, железнодорожными магнатами, но и адвокатами, врачами, журналистами. Интеллигентные русские коллеги просто не смогут смотреть на них так же, как смотрели во времена Гоголя и Шевченко. Слова, которые уже в конце XIX века будут восприниматься как свидетельство возмутительного, пещерного антисемитизма, в начале XIX века были не только допустимыми, но едва ли не общепринятыми.

Гоголевское время было сравнительно благоприятным для еврейского народа. Сильная российская власть уничтожила гайдаматчину, ликвидировала воинственное Запорожье. Страшный для

евреев правобережной Украины 1768 год всё дальше уходил в прошлое. Новые погромы будут не скоро: в тридцатые – сороковые годы их еще трудно было предвидеть.

Российские власти хотели то обратить евреев в христианство, то перевести народ торговцев и финансистов в крестьянское сословие. Несмотря на эти бесполезные и вредные реформы, жизнь евреев в екатерининской, павловской, александровской и даже николаевской России была если не благополучной, то безопасной.

Но в глазах простого народа еврей оставался, как при Хмельницком или Гонте, «жидом поганим», «жидом проклятым», «жидом-богоубийцей». В иное время принадлежность к еврейскому народу сама по себе означала смертный приговор.

В мещанских, козацких, крестьянских хатах нередко висели изображения запорожца, играющего на бандуре неподалеку от повешенного вверх ногами еврея^[880]. Народные песни прославляли вождя гайдамаков Максима Зализняка именно за борьбу против евреев: Течут річки з всього світу до Чорного моря —
Минулася на Україні Жидівська воля!^[881]

Даже просвещенный Николай Костомаров писал про «семитический мозг» еврея, который оказывался способнее славянского мозга «на всякие корыстные измышления»^[882]. А Тарас Шевченко, близкий к народному восприятию «еврейского вопроса», горевал, что Сечь Запорожская «жидовою поросла» («Великий льох»), а Чигирин, славная гетманская столица, спит, «повитий жидовою» («Чигрине, Чигрине...»).

Русские путешественники отмечали если не всеобщую, то распространенную неприязнь к евреям на Украине. Измайлов писал, что евреи в Киеве хотя и многочисленны, и богаты, но крайне запуганы. Еврей снимает перед каждый христианином шляпу, а «христианин показывает уже ему свою благосклонность, есть ли отвечает на его вежливость тою же вежливостью». При этом «простой народ» евреев всячески бранит. Один офицер бросил еврею на городской заставе: «Ты распял Христа <...> злочестивый Иуда!»^[883] И еврей не смел даже возразить, хоть как-то ответить на оскорбление. Русские дворяне, впрочем, относились к евреям не лучше: «...вообще народ довольно противный», – писал о евреях Иван Аксаков^[884].

Еврея считали человеком а priori нечестным и/или, по крайней мере, корыстолюбивым. Смирнова-Россет во Франкфурте предложила Гоголю взять ее дорожный портфель «английского магазина», тот отказался. Тогда Россети пообещала: «Ну, так я кельнеру его подарю, а он его продаст этому же жида, – а тот всунет русскому втридорога»^[885].

А князь Долгорукий недоумевал, как евреи могли некогда стать избранным народом: «...невероятно, чтоб такой поганый и прокаженный народ был угоден Богу...»^[886] Поэтому он согласился с мнением одного своего одесского собеседника, будто истинные

потомки библейских евреев – это караимы из Константинополя («Караимские Жиды, Цареградские выходцы»), которые понравились ему гораздо больше, чем евреи-ашкенази, населявшие Украину.

В одном из рассказов, составивших тургеневские «Записки охотника», помещик Чертопханов застаёт в соседней деревне расправу над евреем. Выяснилось, что появился в деревне «жид какой-то». И стали его бить. За что же бить?

« – А не знаю, батюшка. Стало, за дело. Да и как не бить? Ведь он, батюшка, Христа распял!» – отвечает ему одна баба.

Чертопханов прекратил расправу и спас еврея. Тот отблагодарил великодушного барина, привел ему роскошного коня. Однако Чертопханов был не столько обрадован конем, сколько возмущен: «... паршивый жид смеет сидеть на такой прекрасной лошади... какое неприличие!»

– Эй ты, эфиопская рожа! – закричал он, – сейчас слезай, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь!»^[887]

Так что два славянских народа во многом сходились в оценке евреев. Но для русского человека еврей оставался фигурой почти экзотической, а для малороссиянина это был давний и нелюбимый сосед.

На переговорах с властями Речи Посполитой Хмельницкий и его товарищи выдвигали обязательное требование: выгнать с Украины всех евреев. Во взятом штурмом городе поляков еще могли пощадить, взять в плен, чтобы получить за них выкуп или передать татарам. «Жены шляхетские» просто становились «женами козацкими»^[888]. Но евреям пощады не было. Спасались только те, кто решился перейти в христианство, но и они, разумеется, при первой возможности бежали с восставшей Украины в Польшу. Там их не любили, но хоть не убивали. Автор «Летописи Самовидца» констатировал: «И так на Украине ни одного жида не осталось»^[889].

В Хмельнитчину евреи искали спасения в Польше. Во время Колиивщины – в Турции и России. Турецкие власти так же, как и российские, евреев в обиду не давали. Жаждал крови именно простой народ. Самый бескомпромиссный, жестокий антисемитизм был явлением народным, власти его не создавали и (долгое время) не провоцировали. Атаман гайдамаков Неживий и сотник Василь с негодованием писали российскому подполковнику Хорвату, что не нашли в местечке Крылов ни одного еврея, потому что все они бежали через российскую границу. Атаман и сотник удивлялись, почему «ваше высокородие оным погано-неверным врагам» оказывает свою милость, и просили выдать им всех евреев^[890].

Польские шляхтичи, пользуясь услугами евреев, не только не скрывали своего презрения к ним, но и не видели ничего зазорного в том, чтобы оскорбить и обидеть еврея. Фаддей Булгарин рассказывает, как однажды его отец разгневался на богатого еврея-откупщика за то,

что тот не снял перед ним шапку. Еврей работал на могущественного князя Кароля Станислава Радзивилла, известного больше под своим прозвищем «пане коханку» («любезнейший»), а потому решил позволить себе такую неслыханную «неучтивость»: не снял шапку даже в ответ на окрик: «Долой шапку, жид!»^[891] За это шляхтич решил ему отплатить. Взял у князя в аренду фольварк (имение) и начал продавать водку вдвое дешевле, чем еврей. Еврей, понимая, что поляк своим демпингом его разорит, пришел мириться и предложил выкупить фольварк. Шляхтич согласился и подписал контракт, выгодный еврею. После этого пан Венедикт велел слугам выпороть своего делового партнера. Шестеро дюжих парней «влепили двести ударов кожаными постромками» бедному еврею. Полуживому, пан отдал-таки ему контракт, назвав произошедшее «уроком вежливости»^[892]. Еврей пытался было пожаловаться князю Радзивиллу. Тот пригласил к себе пана Венедикта и потребовал объяснений. Когда поляк всё рассказал князю, «пане коханку» рассмеялся и по-своему «наказал» шляхтича: велел погостить недельку в своем роскошном Несвижском замке.

На таком фоне гоголевский Янкель, фигура трагикомическая и по-своему замечательная, кажется в высшей степени положительным образом. Он платит Бульбе добром за добро, рискует жизнью не только ради денег Тараса, но и благодарит человека, который хоть и оскорбляет его последними словами, но всё же не делает зла.

В его же уста вкладывает Гоголь и такой монолог: «Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида! Потому что всё, что ни есть недоброго, всё валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид!»^[893]

«Жид», оказывается, тоже человек... Такие «прозрения» случались и с автором кровавых «Гайдамаков». Спящая еврейка-красавица («гарна нехрещена») у Шевченко «як квіточка в гаю» («как цветочек в роще»). Сюжетом стихотворения «У Вільні, городі преславнім...» («Во граде Вильно достославном») стала романтическая история любви графского сына и еврейки.

Улюбилось, сердешне,
Було молодеє,
У жидівку молодую
Та й думало з нею,
Щоб цього не знала мати,
Звичайне побратись,
Бо не можна ради дати,
Що то за проклята!
Мов змальована, сиділа
До самої ночі
Перед вікном і втирала
Заплакані очі^[894] ...

Он влюбился не на шутку,
Был молод, сердешный,
Выбрал юную еврейку
И хотел, конечно,
Тайну соблюдая,
На красавице жениться.
Вот была какая
Та еврейка. Всё сидела
До глубокой ночи
Пред окном и утирала
Печальные очи...

(Перевод В. Бугаевского)^[895]

И все-таки гениальные прозрения гениальных художников не меняли общего отношения к евреям, которое проявлялось и в жизни, и в литературе. Писатель среднего уровня здесь, быть может, показательнее гения. В повести Ореста Сомова «Гайдамак» еврей Абрам бледнеет, словно Каин. Мы все, строго говоря, потомки Каина. Так почему далеко не последний русский писатель (к тому же писатель украинского происхождения), человек неглупый и начитанный, находит необходимым подчеркнуть эту связь с Каином именно у еврея?

«Дуже стара и дуже тверда вира»

Враждебное отношение к евреям не только украинцев и русских, но также поляков, немцев, испанцев часто трактуют как вражду религиозную. При этом религиозная принадлежность у еврейского народа была неразрывно связана с национальной. Выкреста переставали считать евреем. Представление о евреях как о врагах христовых передавалось из поколения в поколение. Его держались не только какие-нибудь хлеборобы или чумаки. Александра Смирнова-Россет утверждала, что не любила свою кормилицу за то, что та была еврейкой. Однажды маменька, Надежда Ивановна Арнольди, рассказала маленькой Александре, что евреи «распяли Иисуса Христа, а это большой грех»^[896]. С тех пор дочка очень сожалела, что у нее была такая кормилица. А ведь Александра Осиповна – одна из самых просвещенных женщин своего времени.

Что говорить о людях попроще. Пантелеймон Кулиш записал в селе Кумейки у некого Клима Белика такую историю о гайдамаках,

окрестивших еврейку. В городе Каневе гайдамаки посадили в ряд двенадцать евреек и стреляли по ним из пистолета. Всех убили, кроме одной. Трижды прицеливались по ней, но порох никак не вспыхивал. Спросили у атамана. Тот задумался: а может быть, она хочет креститься? Спросили еврейку, та с готовностью подтвердила, что креститься хочет: «Я вже и Вірую во єдиного Бога знаю», – ответила она. Обрадованные гайдамаки организовали крестины. Сами пошли к еврейке в кумовья и надарили ей столько денег, что та и унести их не могла. И такая замечательная христианка получилась из этой еврейки! «Віру нашу» «хорошо держала и така була богомільна»^[897].

Эта история, конечно, далека от реальности. Евреи нередко переменяли веру под угрозой смерти, но при первой же возможности возвращались к иудаизму, а христианство начинали ненавидеть с удвоенной силой. Так было и во времена Хмельнитчины, и еще прежде в Испании, в страшном для испанских евреев XV веке. Недаром папа Римский Мартин V еще в 1421-м и 1422-м издал две буллы, где объявил, что насильственное крещение не может считаться христианским крещением^[898]. А еврейка, видевшая только что смерть одиннадцати ни в чем не повинных девушек, не могла, конечно же, возлюбить ни православие, ни своих кумовьев-гайдамаков.

Впрочем, не станем преувеличивать значение религии и возводить на последователей Христа историческую вину за два тысячелетия юдофобии. Даже в средневековой Испании ненависть к евреям была не только и не столько религиозной, сколько расовой. И на христиан новокрещенных смотрели косо, подозревали их в неискренности, уличали в том, что они тайно соблюдают еврейские обряды.

Собственно религиозные противоречия между иудаизмом и христианством были для подавляющего большинства людей почти что неведомы. Представления «простых» людей о чужой вере были самым фантастическими.

Так, крестьяне Русского Севера, знавшие евреев, так сказать, заочно, вообще не видели особенной разницы между ними и мусульманами. Те и другие делали обрезание и не ели свинину – отсюда делался вывод, что евреи, как и мусульмане, многоженцы. Грамотные люди могли бы найти в книгах Ветхого завета подтверждение своим подозрениям, ведь у евреев от эпохи патриархов до царя Соломона многоженство в самом деле существовало.

«Жида Христа распяли» – этим исчерпывались сведения об истории иудаизма и еврейского народа.

«Жида в Христа не верят» – этим ограничивались знания о вероучении иудаизма.

Украинские крестьяне, казалось бы, должны были знать соседей-евреев гораздо лучше. На самом же деле они знали только внешнюю сторону их религии: соблюдение обычаев, связанных с субботой, кошерную пищу и т.п. Поскольку русские старообрядцы столь же

неукоснительно соблюдали предписания веры и так же заботились о ритуальной чистоте, то и их могли записать в евреи, в особенности староверов из секты субботников. К евреям могли отнести протестантов, например, баптистов: у них тоже «жидивска вера, вони Христа одвэрнули»^[899]. В чем заключалась еврейская вера, никого, в сущности, не интересовало. Главное, что еврей не был своим, не был православным, его внешний вид, одежда, обычаи, нормы поведения – всё резко отличалось от внешнего вида, одежды, обычаев, норм поведения, принятых у «православного русского народа».

Если люди не имели самых элементарных, даже приблизительных сведений о чужой религии и почти ничего не знали о настоящих противоречиях между иудаизмом и православием, то о какой религиозной вражде могла идти речь? Интересно, что украинский (из «хлопоманов») этнограф Рыльский считал, что крестьяне Украины не питали ненависти к иудаизму. Напротив, евреев даже уважали, потому что у них «дуже стара и дуже тверда вира»^[900]. Евреи строго соблюдали все религиозные предписания и запреты. Если извозчик-еврей брался везти пана несколько дней, то в субботу он непременно делал перерыв, и ни деньги, ни угрозы не могли заставить еврея нарушить заповедь. Украинские и русские крестьяне, сами ценившие именно формальное и неукоснительное соблюдение всех предписаний веры, постившиеся даже чересчур строго, видели это еврейское благочестие и по-своему уважали.

Князю Долгорукому казался отвратительным древний обычай обрезания. Не понравились ему ни религиозный экстаз хасидов, ни «унылое богослужение», которое он увидел в синагоге города Умань. Но вот евреи запели «Плач Иеремии» и, в особенности, псалом «На реках Вавилонских», и растрогался даже русский аристократ, евреев крайне не любивший: «Нигде так сильно не выражено чувство любви к отечеству, как в этом прекрасном стихе. <...> я не мог, однако, не тронуться, видя кучу людей, сошедшихся оплакивать свое отечество, свою церковь, свою землю, гонимую повсюду, посещенную гневом Божиим, не имущую ни алтаря, ни кадила, ни всесожжения. В эту трогательную минуту я забывал все предубеждения рассудка и, по внушению сердца одного, глядел на последнего жида, как на брата своего по человечеству»^[901].

Золотой навет?

Но ведь была и вражда социально-экономическая, оставшаяся надолго даже в исторической памяти украинского народа. Как известно, поляки охотно отдавали в аренду евреям винокурни, корчмы, мельницы и даже целые имения. Еврей должен был и получить

прибыль для хозяина, и сам заработать. Вражда арендатора с украинскими крестьянами, которые оказались под двойным гнётом, была неизбежна.

В глазах народа еврей был врагом-разорителем, который занят только тем, что губит православный народ и богатеет за его счет. Вспомним слова бессмертной повести Н. В. Гоголя, слова, которые стыдливо убирают из школьных хрестоматий: «Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стороне. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: всё валилось и дряхлело, всё пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и всё воеводство»^[902].

Гоголевский Янкель – персонаж сложный и многоликий, к нему применимы самые разнообразные интерпретации. Пожалуй, типичнее образ еврея, созданный не гениальным, а заурядным писателем. Как известно, у гоголевского Янкеля был свой предшественник – «некрещеный жид Янкель» из повести Федора Глинки «Лука да Марья». Он как раз прост и понятен. Янкель приехал в село Хлебородово, поставил там кабак, куда вскоре потянулись крестьяне. Год спустя «село Хлебородово обесхлебило, а ухлебился один целовальник жид»^[903].

Гершко из повести Ореста Сомова «Гайдамак» также прост и понятен, вроде карикатуры из пропагандистской газеты. Золото ему дороже жизни, и он ставит деньги много выше спасения души и тела. Гершко молит гайдамаков не убивать его, взамен обещает стать христианином и отдать на монастырь всё, что имеет: «несколько серебряных монет». Не только гайдамаки, но и заступившийся было за еврея монах брезгливо отворачиваются. Им хорошо известно, что Гершко богат, у него много золота.

Корыстолюбие евреев всегда ставили им в вину, хотя русский человек в гоголевское время вполне мог бы с евреем соперничать, что признает даже славянофил Иван Аксаков. Евреи не додумались брать с соплеменников деньги за ковшик воды из колодца, а русские крестьяне на Коренной ярмарке не брезговали и таким способом заработка. Человек охотно прощает грехи своим близким, но становится неумолим, как только речь заходит об иноплеменике. И тот же Аксаков писал с неприязнью даже о молодых еврейках: «Женщины все красавицы, но с совершенно холодным, бесстрастным взором, в котором выражается только одна корысть»^[904].

Больше всего осуждали евреев за аренду церквей. Если пан ставил на своих землях храм, то он считался его собственностью. Эта собственность могла приносить и прибыль, так что церкви создавали

для имений еще одну доходную статью. Если пан передавал имение в аренду еврею, тот, естественно, стремился извлечь максимальную выгоду. Православным крестьянам казалось омерзительным, что они должны платить инородцу, иноверцу. А ведь не всегда были у бедного крестьянина и деньги, чтобы заплатить.

Виростають нехрещені
Козацькі діти,
Кохаються невінчані,
Без попа ховають,
Запродана жидам віра,
В церкву не пускають!^[905]

Вырастают, некрещены,
Казацкие дети;
Милуются, невенчаны;
Без попа хоронят;
Запродана врагам вера –
Печать на иконе!..

(Перевод Б. Турганова)^[906]

Память о евреях-арендаторах хорошо сохранилась в историческом сознании украинского народа. Чего стоит только «Дума о жидовских откупах», которую исполнял в гоголевское время знаменитый бандурист Андрей Шут. Эта очень длинная дума рассказывает о том, как плохо было козакам, как приходилось им платить злотые и талеры за венчание и крещение, как наживались евреи на аренде церквей и даже на аренде рек и как «спас» Украину и козаков Богдан Хмельницкий.

Эй козаки ви, діти, друзі!

<...>

На славу України прибувайте,
Жидів-рандарів у пень рубайте,
Кровь ихъ Жидівську у полі зъ жовтимъ песком мешайте...^[907]

Кулиш, напечатавший думу Андрея Шута в «Записках о Южной Руси», в последние годы жизни как будто переменил свое мнение: «...разнообразная переписка между лицами различных званий, партий и вероисповеданий, сохранившаяся за всё время от казни Сулимы до бунта Хмельницкого, не включает в себе даже и намека на подобные сцены»^[908], – утверждал Пантелеймон Александрович. Иван Франко также не нашел документальных подтверждений аренде евреями церквей. Киевский историк Иван Каманин, занимавшийся не только

изучением запорожского казачества времен Сагайдачного и Хмельницкого, но и историческим прошлым еврейского населения Украины, тоже отрицал аренду церквей евреями.

И все-таки многие историки (Соловьев, Костомаров, Ефименко, Эварницкий, Антонович, Иловайский) не сомневались, что евреи брали в аренду церкви. Они опирались не только на летописи Самовидца и Григория Грабянки и польские источники времен Хмельнитчины. Так, например, в 1845 году, когда уже появились и «Кобзарь», и вторая редакция «Тараса Бульбы», был опубликован «арендный лист пана Якова Лысаковского пану Миклашевскому и еврею Песаху на имение Слуц Чеборский, «с церквами и подаваньем их»^[909].

Иван Каманин и Иван Франко не могли не знать этого, но они жили в эпоху еврейских погромов и «еврейского вопроса». Спор о евреях-арендаторах имел тогда не только академический интерес. Историк, вынужденный оглядываться на политическую конъюнктуру, терял необходимую для ученого свободу. Обвинение это казалось столь страшным и столь грозным, что на рубеже XIX–XX веков его попытались с еврейского народа снять, доказать, что этого всего лишь вымысел, который перекочевал из более чем сомнительной «Истории русов» на страницы «Тараса Бульбы» и «Кобзаря». Другие, куда более достоверные источники, иногда предпочитали позабыть.

Аренда церквей осталась в прошлом. В XVIII–XIX веках евреи арендовали шинки, мельницы да винокурни. И украинский народ, и российские власти осуждали и эти занятия. Евреев обвиняли в том, что они спаивают народ. Гаврила Романович Державин возложил на них ответственность за нищету белорусского народа и рекомендовал вообще переселить евреев в Причерноморье, на пустующие земли.

При Екатерине Великой, а тем более при Николае Павловиче государство стремилось упростить чересчур сложную систему, уменьшить этнографическое разнообразие. Империей, где живет больше сотни этносов, управлять сложно. Если эти этносы многочисленны и сильно различаются образом жизни – управлять еще труднее. Поэтому российская власть с упорством, достойным лучшего применения, пыталась заставить евреев ассимилироваться, принять христианство, забросить «вредные» и «бесполезные» для государства и общества занятия и перейти к полезному хлебопашеству. Евреев пытались переселять в Новороссию, создавали там земледельческие колонии, освобождали от податей и предоставляли ссуды. Но перейти от городских занятий (ремесла и торговли) к земледелию очень трудно. Это не только смена занятий, но и смена образа жизни, почти невозможная для взрослого человека. Поэтому евреи нередко продавали посевное зерно, выданное им за казенный счет, резали скот, не дождавшись приплода. По словам Никитина, крещеного еврея, историка еврейской колонизации, неурожаи у еврейских поселенцев «случались чаще, нежели у прочих поселян, потому что, кроме

незначительных посевов, они обрабатывали землю беспорядочно и несвоевременно»^[910].

Трудолюбивые и экономные евреи оказались нерасчетливыми и неудачливыми сельскими хозяевами. В богатой Херсонской губернии хозяйства евреев-поселенцев находились «в весьма неудовлетворительном состоянии; большая часть этих колонистов очень бедна»^[911].

Колоссальные усилия были потрачены зря. А настойчивые попытки распространить христианство и способствовать ассимиляции еврейского народа только озлобили евреев. Черта оседлости ограничивала их торговлю и предпринимательство, мешала развивать бизнес в столицах. Так что государь и правительство, не учитывая национальные особенности евреев и стремясь просто сблизить их со славянскими народами, достигло эффекта противоположного. Евреи ревностно хранили свою национальную идентичность и всеми силами противились ассимиляционным планам правительства.

Банкир, стало быть, еврей

Жизнь Малороссии и в особенности правобережной Украины, Белоруссии, Литвы без евреев не представить. Они торговали и занимались ремеслами, содержали шинки, гнали хлебное вино. По словам Фаддея Булгарина, евреи, даже находясь «в крайнем уничижении», будто бы «господствовали над всеми сословиями»^[912]. Фаддей Венедиктович имел в виду не только их финансовое могущество, но и важнейшую роль в жизни общества. Евреи были «общими тайными поверенными и барина, и его жены, и сыновей, и дочерей»^[913]. Шляхтичи и даже богатейшие магнаты привыкли пользоваться их услугами, их кредитом, их помощью. «Як у воді не без чорта, так у великого пана не без жида»^[914], – говорит украинская пословица. И не только польские, но и многие русские и малороссийские паны не могли обойтись без услуг евреев.

Из романа Антония Погорельского «Монастырка»: «Вчера ввечеру сидела я в комнате и читала книжку; тетенька на крыльце разговаривала с винокуром. Ты не знаешь, что такое винокур, Маша? Это жид, который делает вино»^[915].

Героиня Погорельского, Аня, пишет так, будто евреям принадлежала монополия на винокурение. На самом деле свободой винокурения в Малороссии пользовались и дворяне, и священники, и монахи – словом, все, кто надеялся извлечь прибыль из этого занятия. Но именно в извлечении прибыли евреи, как известно, превосходили большинство своих конкурентов. Представление о богатстве евреев, их особом даре вести финансовые дела, торговать, зарабатывать в

гоголевское время было даже более распространено, чем в наши дни. Гоголь писал, будто вечная «мысль о золоте» «как червь, обвивает душу жида»^[916]. «Жида – великие мастера повертывать деньги, в их руках червонец прытко вальсирует»^[917], – замечал князь Долгорукий.

При этом большинство евреев черты оседлости жили в крайней нищете. Количество финансистов, торговцев, винокуров и даже ремесленников ограничено рынком, к земледелию евреи не привыкли, а расширять торговлю и ростовщичество мешала черта оседлости. Но и бедный еврей оставался трудолюбивым и энергичным. Он много трудился и мало тратил. На суп для семьи из четырех-пяти человек хозяйка тратила четверть фунта говядины, то есть около ста граммов. И эти четверть фунта экономно разрезали на мелкие кусочки^[918]. История научила евреев не падать духом, помогать друг другу, если дело идет о борьбе с конкурентами-иноплеменниками, не отчаиваться после неудачи и неумолимо искать новый источник заработка. Они были часто хорошо информированы, первыми умели узнавать новости, в особенности если дело касалось финансов и торговли. По словам Булгарина, для польских шляхтичей «евреи заменяли газеты»^[919]. Поляки были уверены, что евреи «знают всё»^[920]. Фаддей Венедиктович утверждал, будто «все возвращенные к России от Польши провинции были для евреев гораздо прибыльнее Обетованной Земли»^[921], так что евреи вместо того, чтобы в поте лица добывать хлеб свой, занимались в литовских, белорусских и украинских землях не всегда безопасными, но очень прибыльными операциями.

Флегматичные и степенные украинские селяне неизбежно уступали евреям торговлю, и только оборотистые русские купцы могли еще долго конкурировать с изворотливыми, дальновидными и энергичными сынами Израиля. При этом русские преобладали в крупно-оптовой торговле, а евреи – в розничной: «Здесь везде жида, как насосы, втягивают в себя всю медь и серебро»^[922], – писал князь Долгорукий в 1810 году. Не удивительно, что со временем у евреев появлялись большие состояния.

В Киеве начала XIX века крупнейшими кредиторами были банкиры, приезжавшие из еврейского Бердичева. Ежегодно они привозили на ярмарку в Киев «по 500–600 тыс. руб. серебром, а иногда и более 1 млн»^[923]. Достаток киевских евреев отметил и Владимир Измайлов: «...они живут богато, производят разные ремесла»^[924].

Господство евреев на правобережной Украине с огорчением признавал Иван Аксаков, а Николай Васильевич Гоголь и в Европе нашел подтверждение наблюдениям, которые он мог сделать еще в Малороссии.

Из письма Н. В. Гоголя В. А. Жуковскому от 8 января 1844 года: «...Авикдор банкир, стало быть – жид. <...> Притом, как бы ни написали вы адрес, письмо дошло бы непременно куда следует. К жиду деньги всегда дойдут: они еще со времен Иуды знают своего господина, и если

бы вы вместо Авикдору написали Курлепникову, то деньги пришли бы прямо в руки Авикдору»^[925].

Богатство евреев, их привычка к труду, умение обращаться с деньгами должны были открыть перед еврейским народом блестящие перспективы. Но в гоголевское время еврейский мир еще только стоял на пороге перемен. Гаскала (Просвещение) придет в местечки Литвы, Белоруссии, Украины с большим опозданием. Только в 1828 году Ицхак Бер Левинзон выпустит книгу «Миссия в Израиле» («Теуда бе-Исраэль»), где будет доказывать, что изучение иностранных языков и занятие сельским хозяйством могут принести большую пользу евреям^[926]. Однако и до Левинзона молодые евреи, побывавшие за границей, прежде всего в Германии, приносили на родину новые идеи и новые взгляды на жизнь. С одним из таких молодых евреев в 1810 году познакомился И. М. Долгорукий. Князь, приехав в Умань, остановился в доме богатого торговца Гуровича. Он разговорился с хозяйским сыном, молодым человеком двадцати четырех лет, который уже успел побывать в Лейпциге. Молодой человек знал немецкий, французский, русский. С князем они общались именно по-французски. Молодой Гурович был даже противником традиционной еврейской одежды, считал ее «шутовской». Сам он, впрочем, одевался по-еврейски, чтобы не огорчать свою мать.

Если европейская ученость только проникала в среду еврейства, то ученость иудейская процветала. Каждый еврей был хоть сколько-нибудь грамотен, потому что непременно учился в хедере (школе) под руководством особого учителя (меламеда). Самые одаренные продолжали обучение в иешивах^[927]. Не торговля, не винокурение, не управление имениями магнатов, а именно изучение писания (Танаха) и его толкования (Талмуда) были самыми почетными и уважаемыми занятиями для еврея. Да и прибыльными: меламед в местечке получал от 3000 до 10 000 рублей в год^[928], при этом не рисковал состоянием, как торговец.

Интерес к гуманитарной науке и книжности поддерживался, конечно, не одной выгодой. Экономный, скупой еврей, который в другое время отказывал себе в самом необходимом, охотно тратил деньги на недешевые в то время книги. Евреи – «охотники до книг церковных, и раскупают их в великом множестве»^[929], – писал тот же Долгорукий. При нем один торговец еврей, «из числа таких, кои ездят по всему белому свету обманывать всех без различия», привез в Одессу целый воз книг из Польши. И почти все эти книги раскупили буквально на глазах у князя^[930]. Владимир Измайлов с почтением относился к еврейской грамотности и в разговоре с ученым евреем даже посетовал, что христиане лишены возможности читать Писание в оригинале: «Завидую, сказал я ему по-немецки, что вы умеете читать на том языке, на каком писана Библия. – У вас есть перевод, отвечал он. – Правда; но перевод не есть подлинник; в нем пропадают многия красоты»^[931].

Евреи тратили время в основном на изучение Танаха и Талмуда и проводили долгие часы, обсуждая мельчайшие расхождения в трактовке тех или иных фрагментов Писания у древних и средневековых комментаторов. Но сыновья и внуки этих схоластиков-талмудистов станут известными математиками, банкирами, адвокатами, журналистами, писателями. Иван Аксаков застал евреев правобережной Украины в предреформенное время, на пороге их фантастической экспансии, но имел возможность убедиться в их деловых качествах. Еще в 1854 году он заказал себе в Елисаветграде брюки, жилет, пальто и картуз из пеньки: «Вышло и дешево, и, по моему мнению, очень нарядно. Сшил платье мне один жид Мошко или Гершко и сшил превосходно»^[932]. Должно быть, этот «Мошко или Гершко» был в самом деле отличным портным, раз угодил столичному русскому барину. Остался доволен еврейским портным и князь Долгорукий. Однажды его окружили пятеро портных-евреев: «всякому хотелось меня одеть». Один из портных договорился с князем и в тот же вечер сшил ему фрак! Однако запросил за работу целых двадцать семь рублей. Он объяснил столь высокую цену: с кого еще взять такую цену, как не с путешественника? Князь и без того путешествует и тратит огромные деньги. Сидеть дома было бы гораздо дешевле. Так почему бы «не кинуть лишний пенязь и в мою кису?»^[933] Князь признал правоту еврея и оплатил сполна свою покупку. Он тоже остался высокого мнения о способностях евреев, отметил за ними «остроту ума»^[934].

В полиэтничной Новороссии, где еврейские колонии соседствовали с немецкими, молдавскими, великорусскими, отношение к евреям, видимо, было несколько иным. Иван Аксаков не без огорчения рассказывал о беседе с бородатым русским извозчиком, настроенным не слишком патриотично. Мужик объяснял Аксакову, почему не любит Россию и любит Новороссию: «Там мы жили под панями, а здесь мы вольные, молдаване и евреи народ добрый, с ними жить можно...»^[935]

Часть VIII

Русский мир

Русь Восточная и Русь Западная

Единство русского народа исчезло еще в Средние века, но память о нем осталась на Руси Московской и на Руси Литовской.

В 1478 году Великий князь Московский Иван III принял титул «государя всея Руси»^[936]. С тех пор в Москве смотрели на Западную Русь как на утраченное наследство, которое можно и нужно вернуть. К тому времени Московская Русь превратилась в независимое и воинственное православное царство. Судя по «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна, авторитет московского оружия стоял высоко: «Вследствие столь многочисленных походов и славных деяний имя московитов стало предметом великих страхов для всех соседних народов...»^[937] – писал Герберштейн.

Военная сила подкреплялась и династическими претензиями московских великих князей на западнорусское наследие Рюриковичей. Православный царь, одновременно могущественный и благочестивый, был надеждой русинов в тяжкие времена борьбы против унии, помогал деньгами Петру Могиле, затеявшему реставрацию старинных церквей Киева, священных не только для западного русина, но и для русского из Москвы, Рязани или Ярославля.

Еще Иван Калита передал своему наследнику, великому князю Симеону, «золотую шапку», сделанную, видимо, мастерами в Бухаре, Самарканде или Казани. Но уже в XV веке ее будут называть «шапкой Мономаха», установив связь не только с императором ромеев Константином Мономахом, но и с Киевским Великим князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом. Иван III, объединив земли Восточной Руси, начал собирать и земли Руси Литовской. Князья Глинские, Оболенские, Трубецкие начали переходить под его «высокую руку», оставив прежнего сюзерена – Великого князя Литовского Александра, сменив власть потомка Гедимины на власть потомка Рюрика.

Когда Иван Грозный, уже после взятия Казани и Астрахани, после первых успехов в Ливонии, стал сильнейшим правителем Восточной Европы, к нему на службу попросился удивительный человек. Православный шляхтич с Волыни, князь и козак, основатель крепости на острове Хортица, с которой и пошла Запорожская Сечь.

Дмитрий Вишневецкий большую часть жизни посвятил войнам с басурманами, а русский царь был ему естественным союзником. Поэтому Вишневецкий и перешел к нему на службу. Вместе с донскими казаками и московскими ратными людьми казаки Вишневецкого воевали против ногайцев и крымских татар. Вишневецкий ходил на Азов, московский воевода Данила Адашев даже вторгся в Крым, где освободил из рабства много христиан. Так началось если не братство, то военное сотрудничество, союз русских и «черкасов». Когда царь охладел к делам крымским и решил сосредоточить силы на Ливонской войне, Вишневецкий вернулся под власть Великого княжества Литовского.

Высокое и славное происхождение московских правителей признавали и в Западной Руси. А когда пресеклась династия

Рюриковичей, то признали и новую династию. При раскопках Десятинной церкви в Киеве нашли раку с человеческими останками, которые сочли за мощи равноапостольного князя Владимира, и митрополит Киевский Петр Могила отправил в Москву царю Михаилу Федоровичу частицу мощей святого.

Как подданные Речи Посполитой, козаки чаще воевали против русского государства, но зато охотно заключали союзы с донскими казаками. Их нравы и образ жизни очень походили на запорожские, вера была общей, враги (прежде всего басурмане) – тоже общими. Примеров военного союза донцов с запорожскими казаками множество: от битвы при Хотине до морских походов против турок и татар. В знаменитом Азовском осажденном сидении участвовал и большой (около тысячи человек) отряд запорожцев. Есть версия, что в этом отряде сражался знаменитый впоследствии Иван Богун, будущий национальный герой Украины. В свою очередь, донцы участвовали в Хмельнитчине^[938].

Впрочем, в Приазовье нередкими были и «весьма кровавые столкновения» между запорожцами и донцами. Запорожцы считали своими земли Кальмиусской паланки, простиравшиеся от Бердянской косы до Кривой косы (в районе нынешнего Новоазовска). Азовское море изобиловало рыбой, а рыболовство было давним промыслом и донских, и запорожских казаков. Поэтому борьба шла не столько за землю, сколько за удобные для рыбной ловли места^[939].

Но появление общего врага – крымских татар или поляков-католиков – помогало забыть о взаимной вражде восточных и западных русских. С первых месяцев восстания Хмельницкого русские царства Московского не только сочувствовали повстанцам, но прямо помогали им. Задолго до 1654 года на стороне казаков Хмельницкого сражались подданные русского царя^[940].

Первые сведения об этом относятся уже к июню 1648 года (а восстание началось в апреле). Вяземские воеводы М. Прозоровский и И. Загряжский сообщали в Посольский приказ сведения, полученные от литовских купцов: будто вместе с черкасами Хмельницкого сражаются не только крымские татары, но и «государевы русские люди – казаки»^[941].

Поляки подозревали, что «московиты» поддерживают казаков Хмельницкого оружием и/или военными специалистами. Бар, незадолго до восстания перестроенный инженером де Бопланом в соответствии с достижениями передовой европейской фортификации, был взят штурмом. Причем повстанцы, среди которых были не только реестровые козаки Остапа Гоголя, но и простые селяне, неожиданно проявили настоящее воинское искусство: «...неприятель взял Бар штурмом с суши и воды, построив ограды на плотках из разобранных домов и дворов и, напав со всех сторон, спалил и разрушил его <...>

Вреднее всего были московские гуляй-города», – писал подольский судья Лукаш Мясковский^[942].

Гуляй-город (*hulajgrody*), – сооружение из бревен и досок – русские войска использовали часто и умело, в особенности против татар. Москва к тому времени еще не вмешалась в конфликт, а само обвинение вряд ли было справедливым. Не было особой необходимости перевозить гуляй-города в Подолию с далекой границы Московского царства, переправлять их через Днепр. Гуляй-город можно было соорудить и на месте, благо Подолия в то время была богата древесиной. В том же 1648 году при осаде Замостья козаки Хмельницкого использовали огромную осадную башню, которую называли «гуляй-городыня»^[943]. Сами они соорудили гуляй-городыню (козаки в XVII веке умели конструировать сооружения и похитрее) или использовали чью-то помощь, неизвестно.

Весной 1649 года Богдан Хмельницкий намекнул царскому послу, что не против перейти под власть благочестивого русского государя: «От Владимирова святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели одну власть, а отлучили нас неправдами и насилием лукавые ляхи»^[944].

В 1654 году русский царь взял «под свою высокую руку» Войско Запорожское со всеми землями и городами. Хмельницкий и генеральный писарь Войска Запорожского Иван Выговский в беседе с другим послом государя радовались, что «сродник» великого князя Владимира «Алексей Михайлович всея Руси самодержец призрил на свою государеву отчину Киев и на всю Малую Русь милостью своею. Яко орел покрывает гнездо свое, так и он, государь, изволит нас принять под свою царского величества высокую руку»^[945]. Нежинский протопоп Максим Филимонович сравнивал Алексея Михайловича с Моисеем, что вывел из плена египетского свой народ^[946].

Казалось бы, собрание русских земель завершит объединение народа, разделенного татарским нашествием, литовским завоеванием, польским господством.

Правда, Переяславская рада была омрачена неожиданным конфликтом: козаки, присягнув русскому царю, потребовали от московских послов, чтобы и те присягнули им от имени государя. В Москве царь подданным не присягал, поэтому русские послы от присяги такой отказались. За это их позднее в Москве похвалят и наградят. Но сам конфликт был и показательным, и весьма символичным.

Переяславская рада

Два века спустя обстоятельства настоящей Переяславской рады были подзабыты. Хмельницкий представлялся уже не хитрым, двуличным политиком, а человеком мудрым и благородным, восстановившим единство Западной и Восточной Руси.

Евгений Гребенка в 1846 году написал о Богдане Хмельницком драму в стихах. Нельзя сказать, что она стала украшением русской или украинской словесности. В сущности, это стихотворный пересказ «Истории Малой России» Бантыш-Каменского и даже «Истории русов». В «Богдане», так называется это сочинение, есть и ссылки на источники, как будто перед нами научная статья. Гребенка вслед за малороссийскими историками, лояльными Российской империи, объясняет исторический выбор Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского общим происхождением, близостью языков, православием и военной силой, которая всегда нужна. Вот козаки накануне рады в Переяславе обсуждают «москалей».

ТРЕТИЙ.

А нечего сказать, народ хороший,

ПЕРВЫЙ.

И православный, часто ходят в церковь,

И молятся там долго, так усердно,

Что, хоть и нам не худо б поучиться.

А как дерутся эти Москали!..

Вот так и лезут в схватку где пожарче.

Да и народ всё крепкий и проворный.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Уж не чета Татарам черномазым.

ВТОРОЙ.

Ну, как сравнить! То нехристь, а Москаль

Наш брат-христианин^[947].

Переяславскую раду 1654 года не только русские, но и просвещенные малороссияне трактовали как воссоединение двух братских народов. Русский народ протянул брату-малороссиянину, изнемогавшему в тяжелой войне с поляками, страдавшему от крымских набегов, руку помощи. Богдан Хмельницкий, герой драмы Евгения Гребенки, только в Москве видит спасение Украины и смиренно надеется на ее помощь.

Еще горит для вас звезда спасенья:

В народе нам единокровном,

В единовой нам Москве,

<...>

И если я Украине Богом данный,

То Бог поможет в этом деле мне;
Соединю разрозненных судьбою
Уж несколько веков родимых братьев,
У ног царя московского сложу
Мои гетманские клейноды...^[948]

Исторический Богдан Хмельницкий относился к Москве несколько иначе. Помощь он просил не только у царя, но и у турецкого султана, долгое время пытался помириться и с польским королем. Да и помощи Хмельницкий просил не так смиренно, а едва ли не требовал. Москва не спешила, ведь с Польшей у нее был мир, к войне Алексей Михайлович еще не был готов. Хмельницкий, получив вежливый отказ, не останавливался и перед шантажом. В 1649-м он говорил «великорусскому боярскому сыну, приезжавшему в Украину по делам пограничным», что крымский хан-де уже звал его, Хмельницкого, «воевать московскую землю». Гетман от этого предложения отказался, но припомнил, что сам государь почему-то «помощи нам, христианам, не дал на врагов»^[949]. В беседе с московским послом Григорием Нероновым Хмельницкий уже прямо угрожал: «...вместе с крымским царем буду наступать на московские украины»^[950].

Хмельницкий, величайший из политических деятелей Украины, блестящий полководец и дипломат, писал Алексею Михайловичу вежливо и почтительно. В то же время гетман знал, что в его войске должны быть московские лазутчики, а потому использовал еще один, не совсем дипломатический канал, чтобы сообщить Москве о своих претензиях. Напившись допьяна, грозил походом на Москву: «...я пойду изломаю Москву и всё Московское государство, да и тот, кто сидит в Москве, от меня не отсидится: зачем он не учинил нам помощь на поляков ратными людьми»^[951]. Это делалось так открыто, что настроение гетмана передалось и войску. Запорожские козаки тоже грозились: «Будет у нас с вами, москали, большая война за то, что от вас нам на поляков помощи не было»^[952].

Так или иначе, Хмельницкий добился своего.

Русские дипломаты придрались к тому, что в некоторых официальных документах Речи Посполитой титул великого государя писали с ошибками, а в Польше печатались книги, «в которых про царя Михаила, отца его, патриарха Филарета, и про самого царя Алексея напечатаны злые бесчестья, укоризны и хулы, также про московских бояр и всяких чинов людей»^[953]. Русское посольство во главе с боярином Гаврилой Пушкиным требовало книги сжечь, а виновных в хулах на государя и тех, кто писал его титул с ошибками, казнить. Требование было оскорбительным и заведомо неисполнимым. Москва же, выждав несколько лет, необходимых для военной и дипломатической подготовки войны, наконец решилась. Земский собор 1 октября 1653 года постановил принять Войско Запорожское под «высокую руку

государя». 8 января 1654 года в Переяславе (древнерусском Переславле) состоялась сначала «тайная» (для старшин), а затем и всеобщая рада, на 350 лет связавшая судьбы двух народов.

Киев, мать городов русских, перешел под власть царя Московского, там впервые разместился большой гарнизон «государевых ратных людей». Русские войска вместе с украинскими козаками сражались против поляков под Львовом и Люблином. А Хмельницкий отправил войско во главе с нежинским полковником Иваном Золотаренко помогать главным силам русской армии, наступавшей на Смоленск.

Автор «Разговора Великороссии с Малороссией» подает воссоединение с Московской Русью как выбор, который Малороссия сделала по своей воле.

Кои много разъ ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей имъ всемѣрно желали.
Я-жъ христианскаго государя предпочла.
Ему в защищеніе повѣкъ себя дала...^[954]

«Страна русского полудня»

За сто десять лет Гетманщины малороссийские полки участвовали почти во всех военных кампаниях Московского государства, сражались вместе с русской армией под Азовом и Очаковым, в Лифляндии и Пруссии. Войны против мятежных гетманов – Выговского, Дорошенко, Тетери, Мазепы – давно ушли в прошлое. Задунайские запорожцы, воевавшие против Российской империи, были немногочисленны, в особенности после Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, когда часть этих задунайских козаков пришла с повинной к Николаю I и, получив высочайшее прощение, вернулась на родину. Кроме того, среди природных великороссов были даже более убежденные и последовательные противники Российской империи, чем задунайские запорожцы, – староверы-некрасовцы. Так что лояльность малороссиян в гоголевское время еще не вызвала сомнений, по крайней мере, до следственного дела Кирилло-Мефодиевского братства.

Многие малороссияне так рьяно служили империи, что появился даже анекдот об их преданности царю. Анекдот этот пересказала Гоголю Александра Смирнова-Россет: Николай I, посылая козацкий полк на Кавказ, наказал старому атаману: «Смотри же, ты мне отвечаешь за свою голову и за них». Атаман отвечал: «Будь спокоен, царь, не сослужим тебе такой службы, как твои москали, як ты вступив на престол»^[955].

А еще раньше, в середине XVIII века, автор «Разговора Великороссии и Малороссии» подробно и велеречиво рассказывает о заслугах Малороссии.

...Малороссійской народ во всомъ усердній,
Россійскому государству нелестно вѣрній
И въ сопротивленіяхъ воинскихъ такъ открыть
Что никто себя тамъ по вѣрности нещадить^[956].

Украинский поэт-романтик, издатель харьковского альманаха «Сніп» Александр Корсун горевал о несчастной судьбе западных славян, вынужденных жить под властью немецких «панов». То ли дело Российская империя: «Москали и мы вымолили у Господа для себя счастье и теперь пануем при царе правоверном»^[957]. Действие повести Василия Нарезного «Гаркуша, малороссийский разбойник» начинается «в прекраснейшей стране под российским небом, в пределах украинских»^[958]. Для Вадима Пассека Украина – «это страна Русского полудня»^[959]. Даже автор «Истории русов», несомненно патриот Малой Руси, превозносивший боевые качества русинов и не раз попрекавший русские власти за несправедливости и злодеяния вроде истребления Батурина, все-таки оставался верным слугой династии Романовых.

В гоголевское время русские и малороссийские историки не сомневались: великороссы и малороссы – братские славянские народы, сыновья одной матери – Руси. И благонамеренный Бантыш-Каменский, и неблагонадежный Костомаров были уверены в общности происхождения великороссов и малороссиян. «Северный и южный русский народ есть одно и то же племя»^[960], – писал Пантелеймон Кулиш. Из этого не следует, будто Кулиш в то время считал русских и украинцев одним народом. Слова про «одно племя» – это именно признание общности происхождения.

В 1831 году украинцы помогли русской армии разгромить восставших поляков. Малороссийский губернатор князь Репнин не без гордости писал: «Поистине малороссияне суть совершенно русские, и они подтвердили это событиями прошедшего лета»^[961].

Простой народ относился к русским заметно хуже. Однако даже бандуристы пели о военной доблести москалей. В песне про взятие Хотина («В славнім місті під Хотіном») храбрые москали побили турок.

Коли стали та й москалі

Від рана до ночі, —

То не єден турок-баша

Замкнув свої очі^[962].

Русский скульптор Михаил Микешин, будущий автор памятников Екатерине II (ненавистой украинским патриотам) и Богдану Хмельницкому, изобразит на знаменитом памятнике тысячелетию России несколько выдающихся малороссиян (русинов). Их по крайней

мере одиннадцать, если не считать киевских князей и печерских святых, общих и для русских, и для украинцев. Есть там фигура Константина Острожского, успевшего даже повоевать против русского государства под польско-литовскими знаменами. Кроме волынского князя, покровителя просвещения и организатора книгопечатания, на памятнике тысячелетию России изображены Петр Могила, епископ Григорий Конисский (известный враг унии), Феофан Прокопович, святой Дмитрий Ростовский (Туптало), князь Виктор Кочубей, Богдан Хмельницкий, Иван Паскевич, Николай Гнедич и, конечно же, Николай Васильевич Гоголь. На торжественной церемонии открытия памятника звучала музыка Дмитрия Бортнянского^[963]. Разумеется, на памятнике нашлось место и для малороссийского композитора.

Много лет спустя, уже в Украинской державе гетмана Скоропадского, приват-доцент Киевского университета Иван Огиенко (будущий знаменитый ученый и деятель церкви митрополит Илларион) с гордостью напишет: «На какую бы сторону московской жизни на протяжении XVII-XVIII веков мы ни взглянули, везде бы увидели украинцев»^[964]. И хотя Иван Огиенко писал вполне в ура-патриотическом духе, явно преувеличивая и роль украинцев в истории России, и особенно их влияние на русскую культуру, но здесь его слова не противоречат фактам.

Князь Н. С. Трубецкой, русский ученый, к тому же евразиец, шел гораздо дальше «свидомого» украинца, когда писал в 1927 году: «Старая великоросская, московская культура при Петре умерла; та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры. <...> на рубеже XVII и XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры»^[965]. Это преувеличение, притом значительное. Великий лингвист уступил здесь публицисту-евразийцу. Но влияние ученых украинских монахов Епифания Славинецкого, Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича на русскую книжность, риторику, литературу и даже публицистику несомненно. Многие поколения русских людей учили церковнославянский язык по «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, историю, к сожалению, по «Синописису» Иннокентия Гизеля. О музыке и говорить нечего; вспомним: придворная капелла формировалась во многом из малороссиян, и первыми русскими духовными композиторами стали малороссияне – Максим Березовский и Дмитрий Бортнянский.

Трубецкой считал, будто «киевская редакция» церковнославянского языка вытеснила московскую, а ведь «основанием для “славяно-русского” литературного языка петровской и послепетровской эпохи является именно церковнославянский язык киевской редакции»^[966]. Роман Якобсон писал об «украинизации литературного языка Московии»^[967]. Но в распоряжении Трубецкого не было многих

литературных памятников XVII–XVIII веков. Современные ученые-слависты пишут о «так называемой украинизации» куда осторожнее. Путать же влияние малороссийской книжности на русскую с «украинизацией» всей (!) духовной культуры русского народа – просто нелепо.

На Московской Руси не любили чужого. Даже Симеон Полоцкий был вынужден приспосабливать свой язык и правописание к принятому на Московской Руси, «чистить» его от белорусизмов, украинизмов и латинизмов: «Славянщина несколько иная», – писал Симеон Полоцкий (уроженец белорусских земель) своему учителю Лазарю Барановичу (русину-украинцу). Симеон Полоцкий редактировал его книгу «Трубы словес проповедных» для московского Печатного двора, а потому и «приспосабливался к принятой здесь» орфографии и даже пунктуации: «иначе не позволили бы печатать»^[968].

Братья навек

В гоголевское время украинцы были уже не учителями, а учениками. Русская культура вступила в свой золотой век, между тем как украинская превращалась в воспоминание. Зато малороссияне, верно служившие империи, достигали необыкновенных высот, получали графские и княжеские титулы. Стороженко, Гудовичи, Миклашевские, Кочубеи становились российскими сенаторами, губернаторами, генералами. Дмитрий Прокофьевич Трошинский некогда пешком отправился в Киев учиться в Академии, но сделал карьеру, о которой мечтали люди состоятельные и знатные: служил императрице Екатерине и двум императорам, Павлу I и Александру I, был министром, сенатором, членом Государственного совета. Виктору Павловичу Кочубею еще Павел I даровал графский титул, а Николай I – княжеский. В первые годы правления Александра Павловича Кочубей был одним из ближайших к императору людей, при двух императорах руководил министерством внутренних дел, в последние годы жизни занимал пост председателя Государственного совета и Комитета министров, стал, наконец, и канцлером. Федор Павлович Вронченко стал статс-секретарем, графом, получил чин действительного тайного советника и заменил самого Егора Францевича Канкрин на посту министра финансов. Брат Федора Вронченко, Михаил, сделал карьеру другого рода: стал известным путешественником, одним из основателей Русского географического общества. Он знал десять языков и на досуге переводил Байрона, Мицкевича, Гёте, Шекспира.

Однако всех земляков превзошел Иван Федорович Паскевич, граф Эриванский, князь Варшавский. Герой войны 1812 года, на Бородинском поле он командовал 26-й пехотной дивизией, которая

отражала атаки корпуса Евгения Богарне на батарею Раевского. Но истинную карьеру Паскевич сделал, командуя гвардейской дивизией. Его подчиненными, командирами полков, были великие князья Михаил и Николай. Будущий император полюбил «отца-командира»: Николай Павлович именно так и называл Паскевича в своих письмах, а еще называл своим «другом» и, уже публично, «славой своего царствования»^[969]. Иван Федорович стал личным другом и незаменимым советником царя. Император не предпринимал «серьезных военных действий», не посоветовавшись с ним^[970]. Когда в 1850 году торжественно отмечали пятидесятилетие службы Паскевича в русской армии, Николай преподнес другу удивительный подарок: войска должны были оказывать Паскевичу императорские почести даже в присутствии государя.

Современный читатель, скорее всего, судит о Паскевиче по ядовитой характеристике, которую дал князю Варшавскому Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара»: «Никто не принимал его всерьез. Только у купцов висели его портреты, купцы его любили за то, что он был на портрете кудрявый, толстый и моложавый. <...> Он был из посредственного теста, ему не хватало лишних черт, которые создают героев»^[971].

На самом деле Тынянов еще довольно сдержанно написал о Паскевиче. Отзывы дореволюционных русских военных историков А. М. Зайончковского и генерала А. Н. Петрова о князе Варшавском были резкими и язвительными. Зайончковский, автор фундаментальной монографии о Крымской войне, считал, что Паскевич «по своим способностям скорее был годен» в роли интенданта, а не главнокомандующего^[972]. Петров, участник Крымской войны, генштабист, крупнейший историк русско-турецких войн, представил Паскевича человеком завистливым, интриганом и негодяем, который не стеснялся приписывать себе чужие победы^[973]. Военные успехи Паскевича объясняют случайностями, военным счастьем, которое изменило ему только в Крымскую войну.

Вероятно, такая характеристика несправедлива. Ничтожный человек не мог быть другом и советником императора Николая, человека самоуверенного, но умного и талантливое. Иван Федорович честно исполнял все поручения государя и до 1853–1854-го его доверие оправдывал. В 1826-м Николай поручил Паскевичу расследовать дело декабристов. Едва Паскевич справился с этим поручением, как получил новое. На Кавказе началась война с Персией. Николай I, как известно, не доверял Ермолову, а потому собирался назначить командующим русскими войсками в Закавказье легендарного героя прошлой русско-персидской войны (1804–1813) Петра Степановича Котляревского.

Как и Паскевич, Котляревский имел малороссийское происхождение, но был уроженцем не Полтавщины, а Слободской Украины. Сын священника, он родился в 1782 году в селе Ольховатка,

которое тогда относилась к землям Харьковского наместничества. Но с десятилетнего возраста Котляревский жил преимущественно в русском окружении, воспитывался под покровительством русского офицера (потом – генерала) Лазарева. Так что Петр Степанович, скорее всего, обладал не малороссийской (украинской), а именно русской идентичностью. К несчастью, этот воин, воспетый Пушкиным «бич Кавказа», с батальоном воевавший против целой армии, сражаться уже не мог. После славной победы при Асландузе, где 2 200 русских солдат и донских казаков разгромили тридцатитысячную армию Аббас-мирзы, и успешного штурма неприступной крепости Ленкорань Петр Степанович получил три пули, в том числе две – в голову. «Кавказский Суворов» стал инвалидом.

Паскевич заменил и больного Котляревского, и неблагонадежного Ермолова. Он сумел выиграть войну с Персией, а затем и войну с Турцией, за что получил в подарок миллион рублей и титул графа Эриванского. Когда в Польше началось восстание, а главнокомандующий, фельдмаршал Дибич, скорострительно скончался от холеры, Паскевич принял командование, взял Варшаву и успешно завершил войну. В 1849-м Паскевич вместе с генералом Лидерсом подавит Венгерскую революцию и прекратит страшную межнациональную войну, развернувшуюся на землях полиэтнического Венгерского королевства. К этому времени Иван Федорович был фельдмаршалом трех государств (России, Австрии, Пруссии), носил титул князя Варшавского, служил наместником Царства Польского и командовал самой мощной группировкой русской армии^[974]. Ни один малороссиянин не поднимался так высоко. Да, пожалуй, ни один русский тоже, если не считать августейших особ.

В сиянии славы Ивана Паскевича как-то совсем потерялись его родные братья, а ведь они тоже были не последними людьми в Российской империи. Степан Паскевич сделал статскую карьеру, занимая посты Слободско-Украинского вице-губернатора, а затем и губернатора. За свою карьеру он управлял четырьмя губерниями, правда, каждой не дольше трех лет. Иосиф и Федор Паскевичи стали военными и дослужились до генерал-майоров, Константин – до полковника.

Иван Паскевич говорил и писал преимущественно по-французски, служил России и был окружен в основном русскими и немцами. Мог ли князь Варшавский остаться малороссиянином? Национальная идентичность формируется в детстве, а Паскевич до двенадцати лет жил в Полтаве. Он не забывал Малороссию, приезжал на Полтавщину отдыхать, слыл «большим любителем» малороссийских «анекдотов, борща, вареников и других украинских лакомств»^[975]. Его «правой рукой» в Царстве Польском одно время был Андрей Яковлевич Стороженко, «главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел». По словам Кулиша, Стороженко «втирался

в дружбу к графу^[976] с помощью того украинского веселого балагурства, которое еще при российских императрицах “выводило в люди” многих наших земляков»^[977]. Однако эти «веселые балагуры» не проявили ни малейшего сочувствия Кирилло-Мефодиевскому братству. Службу государю (а может быть, и не одному лишь государю, но и России и русскому народу) они ставили неизмеримо выше малороссийского патриотизма. Украина была для них в лучшем случае «малой родиной», а национализм подменялся любовью к вареникам и галушкам. Не случайно молодые украинские националисты называли того же Паскевича «сатрапом»^[978]. Он и в самом деле был сатрапом даже в первоначальном, древнеперсидском смысле слова, так как управлял сравнительно отдаленной провинцией. На фоне Паскевича и Стороженко Трощинский казался едва ли не героем, ведь он не только читал написанную на «мужичьем» языке «Энеиду» Ивана Котляревского, но и пел песню, будто бы сочиненную самим Мазепой. Но Трощинский вообще отличался смелостью и независимостью^[979].

Со временем высокопоставленные малороссияне утрачивали даже следы своей национальности. Виктор Павлович Кочубей родился в Диканьке, в Диканьку же уехал, когда попал в опалу при императоре Павле I. Его матерью была Ульяна Андреевна Безбородко, сестра екатерининского вельможи. Но воспитывался Виктор Кочубей преимущественно за границей, долго жил в Европе. В его петербургском доме бывал и Гоголь, только что прославившийся «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Однако Гоголь был гораздо более украинцем, чем Кочубей. Виктор Павлович однозначно определил собственную национальную принадлежность: «Хотя я по рождению и хохол, но я более русский, чем кто другой и по моим принципам, и по моему состоянию, и по моим привычкам»^[980], – писал он малороссийскому губернатору Репнину в октябре 1832 года.

Кочубей женился на русской (Марии Васильчиковой), а их дети стали уже типичными русско-европейскими аристократами. Один, кавалергард в молодости, гофмаршал и действительный тайный советник в почтенные годы, прославился удивительным дворцом на Конногвардейском бульваре, другой стал заурядным дипломатом и знаменитым нумизматом, третий хоть и жил одно время в Диканьке и занимался своими поместьями, однако последние двенадцать лет провел в Ницце.

Слишком близкое знакомство

Малороссию еще в тридцатые – сороковые годы XIX века сравнивали с Шотландией, что много веков существовала отдельно от Англии и даже небезуспешно воевала с англичанами, но в конце концов

стала частью Соединенного королевства. Шотландская история теперь давала сюжеты для романов Вальтера Скотта, которого при жизни уже считали классиком европейской литературы. Русский читатель ждал русского Вальтера Скотта, с интересом открывая «Ледяной дом» Лажечникова или «Юрия Милославского» Загоскина. Но вот появилась ранняя, «малороссийская» проза Гоголя, вышла первая редакция «Тараса Бульбы», и казалось, что «наша Шотландия» получила своего певца.

Однако в начале сороковых мода на Малороссию и всё малороссийское прошла, очарование «Миргорода» и «Вечеров на хуторе» сменилось спорами вокруг «Мертвых душ», уже совершенно «великороссийских». Но русская критика не оставила без внимания «Кобзаря», «Гайдамаков» и альманах «Ластівка» («Ласточка»), собранный Евгением Гребенкой. Малороссийских литераторов хорошо знали русские читатели, ведь многие украинские писатели первой половины XIX века писали и по-русски, и по-малороссийски: Грицко Основьяненко (Григорий Квитка), Евгений Гребенка, Пантелеймон Кулиш и сам Тарас Шевченко, который еще задолго до своих русских повестей дважды пробовал писать поэмы «московской мовой». Хотя уже писатель и критик Осип Сенковский заметил, что «Кобзарь» не имеет отношения к русской литературе, московские славянофилы украинцев считали своими.

В 1856 году Александр Иванович Кошелев, сторонник отмены крепостного права, помещик и славянофил, начал издавать журнал «Русская беседа», где с первых же номеров стали печататься малороссияне. Кулиш и Максимович были постоянными авторами: первый одно время печатался едва ли не в каждом номере, а Максимович несколько месяцев был даже соредактором Кошелева. Блестящий литератор и незаурядный ученый, он не удержался в «Русской беседе» по той же причине, по какой покинул в свое время должность профессора Киевского университета: Максимович впадал «в изнеможение при 6-часовой работе». За несколько месяцев журнальной работы он, как говорят, возненавидел литературу. Тем не менее Максимович оставался автором «Русской беседы» почти до самого ее закрытия.

Украинская тема была представлена почти во всех отделах журнала, от «изящной словесности» до «наук», «критики» и «смеси». Повесть Кулиша «Феклуша» и его же исторический роман «Черная рада» печатались по-русски, а стихи Шевченко – по-украински.

Последний год работы «Русской беседы» (1860) журнал редактировал, наверное, самый «украинофильствующий» из московских славянофилов, Иван Сергеевич Аксаков. Он впервые побывал в Малороссии еще в середине 1840-х, и эта страна ему чрезвычайно понравилась, потому что очень походила на гоголевскую, известную по «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Сам Николай

Васильевич был хорошим другом семьи Аксаковых, равно как и его первый биограф, Пантелеймон Кулиш. Иван Сергеевич много раз бывал в Малороссии, когда собирал материалы для своего исследования об украинских ярмарках, когда гостил в поместьях Григория Павловича Галагана и Марии Ивановны Гоголь. «Как обрадовался я Малороссии», – эти слова для Аксакова обычны, характерны для его писем сороковых – пятидесятих годов. А в 1855-м Аксаков вместе с дружиной Московского ополчения увидел и правобережную Украину, и новороссийские земли. И каждый раз Иван Сергеевич писал дорогому «отесеньке» (Сергею Тимофеевичу Аксакову), как нравятся ему украинские хаты, украинские вишневые сады, песни малороссиян и сами малороссияне: «Какой приветливый вид этих хат, этих огромных сёл <...> Я был просто счастлив, когда увидал снова это широкое черноземное полотно дороги, с лоснящимися полосами от колес, эти широкие ивы и вербы, эти плетни и гати, этих хлопотливых и без умолку говорящих хозяек, этот певучий и нежный говор»^[981].

Одно время Аксаков будет защищать «украинофилов» от обвинений в сепаратизме и полонофильстве, отстаивать их право говорить на «малороссийском наречии». Недаром же именно при редакторстве Аксакова (Кошелев в 1859 году уже был занят делами журнала «Сельское благоустройство» и не имел лишнего времени для «Русской беседы») в славянофильском журнале появились стихотворения Тараса Шевченко «Садок вишневый коло хати» и «На панщині пшеницю жала...». Эти знаменитые стихи, теперь уже хрестоматийные, знает едва ли не каждый украинец. Впервые же они были напечатаны именно в русском литературном журнале. Шевченко начал сотрудничать с «Русской беседой» не только благодаря деятельному Ивану Аксакову. Автор «Кобзаря» дружил с его отцом, Сергеем Тимофеевичем. Великий украинский поэт, по натуре строптивый, вспыльчивый, грубый, относится к Сергею Тимофеевичу с пиететом. Когда Аксаков прислал Шевченко «Семейную хронику», тот отвечал более чем почтительно.

Из письма Тараса Шевченко к Сергею Аксакову от 4 января 1858 года: «Не нахожу слов сказать вам мою благодарность за ваш милый подарок, за ваше искреннее сердечное ко мне внимание. Я давно уже и несколько раз прочитал ваше изящнейшее произведение, но теперь я читаю его снова и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой. Благодарю вас, много и премного раз благодарю вас за это высокое сердечное наслаждение»^[982].

Можно списать слова Шевченко на неискренность и желание угодить: у Аксакова лежала рукопись повести Шевченко, которую тот хотел предложить «Русской беседе». Но дневниковые записи Шевченко выдержаны почти в таком же тоне: почтение, если не восхищение.

13 января 1858 года

«...Нашел у себя на столе письмо Сергея Тимофеевича Аксакова. Самое любезное, самое сердечное письмо»^[983].

14 февраля 1858 года

«Мне ужасно хочется ему (С. Т. Аксакову. – С. Б.) нравиться, и только ему. Странное чувство!»^[984]

22 марта 1858 года

«Радостнейший из радостных дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот – Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность!»^[985]

Аксаков отрицательно отозвался о повести Шевченко: эта проза «несравненно ниже Вашего огромного стихотворного таланта»^[986]. Шевченко безоговорочно признал правоту Аксакова и больше не пытался напечатать свои повести. Они выйдут только через два десятка лет после смерти Шевченко в журнале «Киевская старина», когда на Украине к автору «Кобзаря» будут относиться уже как к национальному божеству.

В литературном салоне Аксаковых малороссияне были частыми гостями, а некоторые оставались целыми неделями, как Гоголь или Кулиш. Разумеется, с гостями обсуждали малороссийские дела, от подвигов запорожских козаков и политики их гетманов до украинских обычаев и песен. Слепой бандурист Остап, с которым Аксакова познакомил Лев Жемчужников, пел русским панам «Ой ходив чумак симь рик до Дону» и другие песни^[987]. Аксаков беседовал с бандуристами, а потом читал своим домашним и гостям украинские думы и песни. Вера Сергеевна Аксакова, умная и весьма ученая хозяйка литературного салона, зачитывалась «Повестью об украинском народе» и «Черной радой». Надежда Сергеевна пела малороссийские песни Гоголю, Бодянскому, Максимовичу, Кулишу, Шевченко. Все они восхищались ее голосом, да она и пела с удовольствием. Когда узнала, что П. А. Кулиш приехал к ним гостить без жены, опечалилась, потому что мечтала петь с малороссиянкой украинские песни. «Всё семейство Аксаковых непритворно сердечно сочувствует Малороссии», – записал Шевченко в дневнике 25 марта 1858 года.

Пройдет полтора года после этой записи, и Шевченко с гневом откажется сотрудничать с Иваном Аксаковым. Когда Максимович предложил Шевченко прислать стихи для славянофильской газеты «Парус», которую задумал издавать Иван Сергеевич, автор «Кобзаря» довольно резко отказался. Одна из причин была такой: «Парус» в своем манифесте перечислил всю «славянскую братию», но украинцев-

малороссов не вспомнил: «Мы, видишь ли, слишком близкие родственники. Когда наш батько горел, то их батько руки грел»^[988].

Максимович попытался все-таки убедить поэта не обижаться на Аксакова и согласиться сотрудничать с ним, но цензура закрыла «Парус» уже после второго номера, так что вопрос решился сам собой. Однако вспышка Шевченко и разрыв с Аксаковым был предопределен, как предопределен будет и разрыв уже самого Ивана Аксакова с «украинофилами».

Русские люди убеждены, будто они любят Украину, а на самом деле реальной Украины они не знают и не любят. Это пишет современный украинский филолог и писатель Микола Рябчук^[989]. В чем-то он, быть может, и прав. Слишком сильное сближение русского с украинской культурой могло привести к результатам противоположным. Русский мог начать незаметно украинизироваться, изучать украинский язык, перенимать обычаи и взгляды. Как ни странно, даже в XIX веке находились такие. Александра Ставровская, русская девушка из Архангельской губернии, вышла замуж за ссыльного украинца Петра Ефименко и так прониклась обаянием украинской культуры, что ее сочинения и сейчас правильнее причислить не к российской, а именно к украинской исторической науке. Среди таких увлеченных русских украинофилов был и художник Лев Михайлович Жемчужников. Целыми днями он бродил по малороссийским селам, писал этюды, наброски для будущих картин. И украинцы уже вполне принимали русского художника за своего.

Но этот путь – переход если не прямо в украинцы, то уж точно в русские украинофилы, – мало кого привлекал. Гораздо чаще русский, столкнувшись с национальными особенностями украинца, становился врагом всего украинского по крайней мере на некоторое время. Если русский был деликатен, то старался не показывать своих чувств, но сами чувства все-таки были.

Даже в лучшие для русского и украинского народов дни, когда дружба двух славянских народов еще казалась вечной и нерушимой, слишком близкое знакомство друг с другом пробуждало дремавшую неприязнь к чужому.

Вот письмо Надежды Сергеевны брату Ивану Сергеевичу от 16 января 1850 года: «Гоголю я пела, по его просьбе, малороссийские песни <...> которые и теперь звучат в ушах моих. Как они неотвязны! Мотив в них так ярко обозначен, так легкий и жив, что легко запоминается, и по тем же причинам скоро и надоедает. Как сравнить с русской песней! – ее и схватить трудно, а если остается в памяти, то раздается в ушах отдельными протяжными звуками или выдающимися вперед музыкальными фразами. Как успокаиваешься и отдыхаешь, когда споешь русскую после малороссийской»^[990].

19 марта 1850 года у Аксаковых собрались гости. Были и малороссияне – Гоголь, Бодянский и Максимович, – и русские: Хомяков,

поэт, философ, изобретатель, несостоявшийся русский Леонардо да Винчи, человек гениальных способностей, реализовавшихся только отчасти, Сергей Соловьев – крупнейший русский историк XIX века, без ссылок на которого до сих пор не обходится ни одно фундаментальное исследование по истории России. Цвет нации, точнее – двух наций, потому что этот вечер, вполне дружеский, показал, как все-таки различаются русские и украинцы. Через день, 21 марта, Сергей Тимофеевич написал сыну Ивану, который в это время служил в Ярославле. В письме чувствуется еще не успокоенное, не остывшее раздражение. Даже нейтральное и вполне обычное в письмах русских славянофилов слово «малороссияне» не используется ни разу. Вместо «малороссиян» здесь стоит нарочито грубое, вульгарное – «хохлы»: «Гоголь декламировал, а остальные хохлы делали жесты и гикали». Вдумаемся: «хохлы» – это Гоголь, Бодянский и Максимович! «Бодянский был неистово великолепен, а Максимович таял, как молочная, медовая сосулька». При этом Гоголь декламировал украинские думы безымянного автора, которого Аксаков презрительно назовет «хохлацким Гомером». И как приговор русско-украинскому единству звучит ударная фраза, искренняя и, видимо, точная характеристика этого торжества: «...я, Хомяков и Соловьев любовались проявлениями национальности, но без большого сочувствия: в улыбке Соловьева проглядывало презрение; в смехе Хомякова – добродушная насмешка, а мне просто было смешно и весело смотреть на них, как на чуваш или черемис... и не больше»^[991].

«По народности вовсе не русские»

Михаил Петрович Погодин, издатель «Москвитянина», русский историк, к малороссиянам относился тоже с симпатией. Вспомним, как нравились ему малороссийские хаты, окруженные зелеными садами. Он был внуком крепостного крестьянина, сыном дворового человека, то есть самым настоящим русским мужиком. В стране еще сословной Погодин стал профессором Московского университета, академиком Петербургской академии наук (по Отделению русского языка и словесности), писателем и драматургом. Выдающийся собиратель российских древностей, Погодин сыграл роль и в истории Малороссии: нашел и ввел в научный оборот четырехтомную Летопись Самуила Величко, прежде не известную самим малороссиянам.

Максимович не раз вел с Погодиным дискуссию на страницах «Москвитянина» и «Русской беседы»: в 1845-м – о роли варягов в русской государственности (Погодин был норманистом, Максимович – антинорманистом), во второй половине 1850-х – о национальной принадлежности населения Киевской Руси.

Максимович, предвосхищая Грушевского и его последователей, был убежден, что в Киеве, Чернигове, Переяславле времен Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха жили малороссияне. Не предки малороссиян, а уже сформировавшийся малороссийский народ.

Погодин выдвинул смелую и, на его взгляд, убедительную гипотезу: Киев, Чернигов, Переяславль в домонгольскую эпоху населяли великороссы. Следовательно, история и культура Киевской Руси – это русская, великороссийская история и культура. Малороссияне пришли в Поднепровье из Галиции и с Волыни позднее, когда великороссы, спасаясь от татарских набегов, переселились на северо-восток.

В 1845 году на статью Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств» откликнулся Петр Васильевич Киреевский, который опубликовал в «Москвитянине» свою статью «О древней русской истории». Погодин, отвечая Киреевскому, неожиданно коснулся различий между национальными характерами славянских народов: «Великороссияне живут рядом с малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго одну историю. Но сколько есть различия между великороссиянами и малороссиянами! Нет ли у нас большего сходства в некоторых качествах даже с французами, чем с ними? В чем же состоит сходство? Этот вопрос гораздо затруднительнее»^[992].

Погодин специально не разбирал малороссийский вопрос, не обращался к истории русско-украинских связей, не думал об идейном значении своей оговорки. Он сказал об отличиях русских и малороссиян как о чем-то для него совершенно очевидном. Да разве один Погодин замечал эти различия между «двумя русскими народностями»? Князь Долгорукий и в 1810-м, и в 1817-м пишет о русских и малороссиянах (хохлах, козаках) как о разных народах.

«Русские и малороссияне происходят от одних предков, как в тех, так и в других течет кровь древних славян; но нравы их несходны, обыкновения отличны, законы неодинаковы»^[993], – констатировал Алексей Левшин в 1816 году – и не просто констатировал, но и попытался дать им свое объяснение. Он выводит этнографическое своеобразие малороссов из особенностей их исторического развития, исторической судьбы, которая много веков отличалась от исторической судьбы великороссов.

Несколько десятилетий спустя Иван Аксаков придет к сходным заключениям. Из-за татарского нашествия и долгого разрыва «связей с Северною Русью, население Руси Юго-Западной должно было естественно, в развитии своем, уклониться на путь племенной односторонности»^[994], сблизиться со славянами западными и уйти далеко от северных русских, то есть от великороссов.

А еще раньше, в сентябре 1830 года, сразу в двух номерах (№ 17 и № 18) «Московского телеграфа» Николай Полевой напечатал обширную рецензию на «Историю Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского.

Полевой вышел далеко за рамки рецензии, предложив читателям целую статью об истории и этнографии Малороссии. Собственно же работу Бантыш-Каменского Полевой оценил невысоко, уличая его в некритическом отношении к источникам и даже завершая словами: «Малороссия ждет еще своего Историка»^[995].

Николай Полевой наблюдал жизнь малороссиян только на Слободской Украине («от Харькова до Сум») и в прилегающих великорусских губерниях – Курской и Воронежской^[996], на русско-украинском этнографическом пограничье. Но даже эти наблюдения привели его к радикальным выводам: «...доныне малороссияне исповедуют греческую веру, говорят особенным диалектом русского языка и принадлежат к политическому составу России, но по народности они вовсе не русские»^[997]. Здесь речь не о происхождении, происхождение у русских и малороссиян общее, а о нескольких веках раздельной жизни. За пятьсот лет произошли изменения кардинальные. Даже «вера и язык» были «изменены временем», – писал Полевой: «Всё остальное не наше: физиономия, нравы, жилища, быт, поэзия, одежда»^[998]. Малороссияне, или козаки (Полевой использует это слово и как синоним малоросса), потеряли свою Гетманщину, или «политическое бытие», как пишет Полевой, но сохранили «бытие народное»^[999].

У Погодина, Полевого, Левшина и Долгорукого были свои единомышленники и в государственном аппарате, точнее – в политической полиции. Жандармы знали реальное положение дел и не нуждались в красивой и утешительной идее триединого русского народа. Граф Орлов в своем отношении к фельдмаршалу Паскевичу сообщает о настроениях студентов Киевского университета, причем делит их на три группы, в соответствии с национальной принадлежностью:

- русские,
- «польские уроженцы» (здесь – это однозначно поляки),
- малороссияне^[1000].

Более того, при обыске у Пантелеймона Кулиша нашли карандашный рисунок, изображавший отрубленную голову козака, степного орла, выклевывающего ему глаза, под всем этим турецкую саблю, а на горизонте – курган («могилу»), над которой красовался восходящий месяц. Кулиш уверял, будто рисунок изображает борьбу христиан-козаков с басурманами. Но Орлов и Дубельт решили, что орел с головой козака символизируют Россию, которая истязает Украину^[1001]. Может быть, жандармы и ошиблись. Однако оценим сам ход мысли: Орлов и Дубельт считали такой сюжет вполне возможным, достоверным, то есть признавали не только различие русских и украинцев, но и хорошо знали об украинской русофобии. А начальники III отделения были людьми, вне всякого сомнения, хорошо

информированными. О положении дел в Малороссии, о настроениях народа они знали неплохо.

Москали

Напомним: в XVII веке предки украинцев называли себя «русскими» или «руськими», говорили «руської мовой», но собственно русских из царства Московского своими не считали. Их называли «московитами», «московцами», «москвой», «москалями».

Положение не изменится и в первой половине XVIII века. Пилип (Филипп) Орлик в письме к запорожцам Олешковской Сечи ставит «москалей» в один ряд с другими чужеземными народами: «Москали, сербы, волохи и иные чужеземцы»^[1002]. Для нерусифицированного украинского крестьянина москаль останется чужаком и в XIX веке.

Грає кобзар, виспівує,
Вимовля словами,
Як москалі, орда, ляхи
Бились з козаками...^[1003]

Не надо быть филологом, чтобы понять этимологию слова «москаль». Русских из царства Московского очень часто называли именно по названию столицы – многолюдного, обширного, уже хорошо известного по всей Восточной Европе города. «Московитами», «московцами» называли русских и многие иностранцы, приезжавшие в царство Московское.

Автор «Летописи Самовидца», этот «малороссийский Нестор», называл русских просто «москвой». Это слово было в XVII веке вполне привычным, широко распространенным на Западной Руси, отличавшей себя от Восточной Руси – Московии. Киевский мещанин Божко Балык, в 1612 году вместе с поляками сидевший в осажденном ополчении Минина и Пожарского Кремле, тоже называл русских «москвой»^[1004]. «Москвой» и «москалями» называли русских людей (великороссов) и поляки, а русское государство именовали государством «Московским»^[1005].

Между тем образованные люди на землях Малой Руси, конечно же, знали, как на самом деле называется соседнее государство. Богдан Хмельницкий в январе 1654 года пожелал, чтобы Алексей Михайлович «на великих престолах Великого царства Российского долголетне царствовал»^[1006].

В гоголевские времена русский читатель, прежде не бывавший в Малороссии, мог разве что из художественной литературы узнать, что он, оказывается, москаль или кацап. Хотя бы из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Там можно найти просто оскорбительные эпизоды, но

в глаза читателю «Вечеров» они никогда не бросались. Их немного, разбросаны они редко, а в роскошном, богатом яркими метафорами тексте Гоголя все эти цапапы-москали едва заметны. Но если их собрать вместе, как это сделал украинский литературовед Олег Кудрин^[1007], то выяснится, что Гоголь, в общем, следовал распространенным в его времена украинским стереотипам о русских. Образ москаля в народном фольклоре и в гоголевских «Вечерах» практически один и тот же.

Москаля нередко изображали вором и лгуном. В. И. Даль в своем словаре великорусского языка зафиксировал малороссийский глагол «москалить – мошенничать, обманывать в торговле». Хивря в «Сорочинской ярмарке» говорит: «...дурень мой отправился на всю ночь с кумом под возы, чтоб москали на случай не подцепили чего»^[1008]. «Дурень» – это Солопий Черевик, ее муж, «москали» – может быть, солдаты, а может быть, вездесущие тогда русские торговцы, корбейники-москали, которых полно бывало и на малороссийских ярмарках. Не забывает москалей и сам Черевик: «Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли»^[1009].

В предании о поездке Антона Головатого к царице Екатерине, записанной этнографами у Анания Ивановича Коломийца, русская императрица обещает запорожцам земли, леса, угожья. Но сопровождавший Головатого писарь Оноприй Шпак будто бы сказал своему товарищу: «...да не верь ты <...> москалю. Кто москалю поверит, тот сам – неверный!»^[1010]

У слова «москаль» есть и еще одно значение – солдат, военный. Подразумевалось, что солдат русский, ведь других солдат после поражения Карла XII под Полтавой и сдачи в плен почти всей шведской армии под Переволочной, земли Гетманщины, Слобожанщины и Запорожья не знали. А русские солдаты-москали проходили украинские земли, когда отправлялись воевать с поляками, турками, венграми или становились на постой в мирное время.

Казарм на русскую армию не хватало. Со времен Петра Великого солдатам и офицерам нередко приходилось размещаться «по обывательским квартирам». Солдаты, квартировавшие в малороссийских городах и сёлах, внесли свой вклад в образа москаля. Даже в те, славные для русского оружия времена непобедимый русский солдат не был избалован заботой интендантов. Рассчитывать приходилось на себя, а победители Наполеона, покорители Кавказа и усмирители Польши нуждались не только в хорошем питании: «Я слуга царский! Я служу Богу и государю за весь мир христианский! Куры и гуси, молодичи и девки, нам принадлежат по праву воина и по приказу его благородия!»^[1011]

Так изображает русских солдат автор «Истории русов». Образованный малороссийский дворянин, он пишет о русских со сдержанной неприязнью.

Вероятно, у него были некоторые основания. Осенью 1855 года, когда англо-французская армия воевала в Крыму, а флот союзников атаковал черноморские порты, на украинскую землю вступили ратники московского ополчения. Многие из них носили бороды, как Иван Аксаков, который служил в одной из дружин. Ополченцев встречали хорошо, «даже лучше, чем в России», замечает Аксаков, явно разделяя эти две страны. Однако постепенно чувства охладевали, и заботливые хозяева уже не могли дожидаться, «когда оставит их рать бородатых москалей». Многие русские ратники вели себя в малороссийских селах грубо и развязно, «грубостью и цинизмом шуток» оскорбляли малороссиянок, смеялись «над хохлами, как жадные волки на овец», бросались на горилку. Причину этого Аксаков определил, по всей видимости, верно: русский «здесь как бы в стороне чужой, не в России и смотрит на жителей как на людей, совершенно ему чуждых»^[1012].

Солдат для мирного жителя всегда человек неприятный. Сверх того, русский солдат для малороссиян не был своим. Он оставался иноплеменником, если не прямо враждебным, то просто чужим, незваным гостем из далекой, холодной страны – Московщины, москалем, с которым лучше не иметь дела.

Кохайтесь, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине...^[1013]

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали – чужие люди,
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит –
Поминай как звали.
А дивчина погибает
В горе да в печали.

(Перевод М. Исаковского)^[1014]

Это начальные строки поэмы «Катерина», первой большой поэмы Тараса Шевченко. Сюжет «Катерины» – вариация одного из самых популярных сюжетов мировой литературы. Простую, наивную девушку соблазнил и бросил блестящий, богатый и легкомысленный человек,

занимающий высокое социальное положение. В данном случае – москаль, русский офицер. Сам поэт говорил, что в основу сюжета «Катерины» положена подлинная история.

Шевченко подчеркивает с первых же строчек: любовь к чужаку-москалю окончится трагедией. Москаль уехал воевать, а после войны хоть и остался в живых, но и не подумал вернуться к своей малороссийской фемине. Пока он воевал да гулял, Катерина, к своему стыду и стыду семьи, родила мальчика. Отец и мать выгнали дочку с грудным ребенком из дому: пускай в Московщине ее свекровь воспитает...

Будь щаслива в чужих людях,
До нас не вертайся!^[1015]

Поэт не осуждает родителей, жалеет. В поэме один злодей – москаль. Шевченко не называет его, даже не дает имени, что примечательно. Погубил дивчину не какой-нибудь Иван или Петр, погубил именно москаль. Правда, Тарас Григорьевич, не только поэт, но и художник, все-таки изобразил соблазнителя на своей картине, ставшей иллюстрацией к поэме. Москаль-злодей – улан-офицер, с усиками, порочный, легкомысленный, лукавый. Индивидуальных черт здесь нет. Нет индивидуальных черт также у солдат-москалей, что поднимают бедную Катерину на смех. Она тщетно ищет возлюбленного и спрашивает москалей, а солдаты-москальи, «как обычно», смеются, шутят, как будто нечестность для них – доблесть:

«Ай да баба! Ай да наши!
Кого не надуют!»^[1016]

Своего москаля Катерина все-таки нашла и бросилась показывать ему его же ребенка, но тот «не узнал» свою бывшую любовницу, предав ее дважды. Катерина топится, а ребенка подбирают добрые люди, и он становится «мехоношей», помощником слепого кобзаря. Однажды на дороге в Киев рядом с кобзарем и мальчиком останавливается карета, запряженная шестеркой лошадей. В карете какой-то господин с женою. Панна любит на черные брови мальчика и подает милостыню, а пан, тот самый москаль, узнает в мальчике своего сына и... отворачивается, таким образом предав Катерину в третий раз. Карета трогается с места, обдав мальчика пылью, а мальчик с кобзарем, помолившись, продолжают свой путь.

Полічили, що достали,
Встали сіромахи,
Помолились на схід сонця,
Пішли понад шляхом^[1017].

Сосчитали, что достали,
Потихоньку встали,

Помолилися на сонці,
Пошли, зашагали.

(Перевод М. Исаковского)^[1018]

Москаль в представлении украинских крестьян – человек хитрый^[1019] и вообще неглупый. Этнограф Георгий Булашев собрал целую коллекцию национальных стереотипов, какие были распространены у малороссийских крестьян конца XIX – начала XX веков. Однако многие из них, очевидно, сформировались гораздо раньше. Если верить этим материалам, то украинцы будто бы вообще боялись иметь дело с москалями, например нанимать их на работу: непременно обманут^[1020]. Зато их считали хорошими знахарями, что тоже примечательно: знахарь – человек умный и хитрый, ему открыты знания, недоступные другим. Москали даже ходят «не так, как мы ходим, гуртом, а один за одним, чтоб легче было»^[1021], – рассказывали украинские крестьяне.

Этнограф Петр Иванов приводит рассказ о хитроумном москале из Воронежской губернии, что путешествовал вместе с волком, которого выдавал за вовкулака, то есть оборотня. Когда же украинские крестьяне спрашивали, почему он не вернет вовкулаку человеческий облик, то находчивый москаль озадачивал их таким ответом: «Сделай его человеком, придется кормить, а до дому еще далеко, волком же добежит и без корму»^[1022].

«Москалики умні, Москалі розумні»^[1023], – поется в украинской песне. Это песня о том, как москали захватили в плен и заковали в кандалы запорожцев. Она заканчивается печально – грозные некогда запорожцы только причитают: «Ой, уже нам, панове молодці, из кошовим не видатьця!»

Москали совершенно неодолимы. Известное дело, «от чërта открестишься, от москаля дубиной не отмашешься», – говорит украинская пословица. Эти национальные стереотипы легко находим на страницах гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Когда черти украли гетманскую грамоту, то некоторые чумаки, обсуждая это невиданное событие, говорили: «...когда чëрт да москаль украдут что-нибудь – то поминай как и звали»^[1024]. Черт и москаль вообще часто выступают вместе, при этом москаль, как правило, оказывается намного хуже чërта. Как известно, Николай Васильевич Гоголь собирал малороссийские песни, были, рассказы, анекдоты. Между последними был и такой, известный «всякому малороссиянину». Москаля-солдата за грехи забрали в ад, но тот сделал жизнь чертей совершенно невыносимой – рисовал на стенах (видимо, в пекле есть и стены) кресты да монастыри. И черти были рады, когда нашли способ выгнать москаля из ада^[1025].

В малороссийских пословицах, собранных В. И. Далем для словарной статьи, москаль оказывается человеком совершенно невыносимым: «От москаля, хоть полы отрежь, да уйди!», «С москалем дружись, а камень за пазухой держи», « – Кто идет? – Чёрт! – Ладно, абы не москаль».

Чёрт и москаль для украинца первой половины XIX столетия бывают не только подобны друг другу, но и взаимозаменяемы. «Ночь перед Рождеством», жемчужина гоголевских «Вечеров», заканчивается такой сценой. Бабы пугают малых деток чёртом, которого намалевал в церкви кузнец-иконописец Вакула. Ребёнка подносили к самой картине: «“Он бач, яка така намалевана!” – и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди своей матери». Малороссийские крестьянки у Гоголя пугают детей чертом. В реальности, случалось, пугали и москалем: «Они переливают чувство сие (ненависть к москалям. – С. Б.) в самих малюток и пугают их *москалями*. При сем имени малое дитя перестает кричать»^[1026], – писал Левшин. Дело было в 1815 году. Среди тех самых малюток, что пугались самого имени москаля, был и годовалый Тарас Шевченко.

Правда, время для визита в Малороссию было выбрано неудачно. Левшин побывал там в 1815-м, когда на Полтавщине как раз были крестьянские волнения. Так, может быть, автор «Писем из Малороссии» просто столкнулся с временной, ситуативной неприязнью к москалям? Допустим, но многочисленные пословицы, анекдоты, песни о москалях сочинялись и передавались из поколения в поколение. Булашев, украинский этнограф русского происхождения, почти сто лет спустя после Левшина писал, что украинцы называют великороссов «москалями», «лапотниками» и относятся к ним недоверчиво, с некоторым страхом, считая их жадными, наглыми, лицемерными, хитрыми, ленивыми и мстительными^[1027]. Даже цыган на Украине «не чураются так, как москалей»^[1028], – писал Булашев.

О москалях сочиняли анекдоты, москаль отвечал той же монетой. Среди историй, записанных этнографами, были настоящие мифы о генезисе наций. Например, о том, как апостолы Петр и Павел (Петро и Павло) делали хохлов и москалей: Петр «робил» хохлов, а Павел – москалей^[1029].

В конце XIX века начнется новая волна колонизации Сибири, в ней примут участие не только русские, но и украинцы. Переселяясь в Сибирь, украинцы сохраняли свою этническую традицию. Селились в степных и лесостепных местах, говорили на мове, строили хаты-мазанки, сеяли гречиху, просо, кукурузу – семена заказывали на родине. Пытались разводить сады, хотя суровые зимы и поздние (в мае-июне) заморозки губили любимые ими вишни и черешни. Если они селились в одной деревне с великороссами, то жили на разных улицах. Не ссорились, но все-таки считали великороссов грубыми, склонными к сквернословью^[1030].

Само происхождение москалей иногда связывалось в народном сознании с нечистой силой. В сказке «О Соловье-разбойнике и слепом царевиче», записанной Л. М. Жемчужниковым, Баба-Яга на медном току «молотить, москалей робить»^[1031].

Интересно, что в гоголевские времена практически нет шуток и анекдотов, где высмеивалась бы любовь москалей к выпивке, как в современных украинских анекдотах о москалях и бутылках. Что не удивительно. Не великороссов, а малороссов в то время было в пору высмеивать. Сохранившиеся со времен Гетманщины и слободских полков привилегии на винокурение вели к настоящему (пусть и невольному) спаиванию украинцев. Еще в XVIII веке российские власти были недовольны тем, что добрая половина урожая пшеницы шла у малороссиян винокурам. Это бедствие продолжалось и в гоголевские времена.

Кацапы

Нация меняется от поколения к поколению, соответственно меняются и стереотипы, связанные с ней. В течение XIX века немцы из чувствительных читателей Шиллера и Гёте превратились в суровых и безжалостных милитаристов. Воинственные при Наполеоне I французы уже во времена Третьей республики стали мирными буржуа, предпочитавшими далеким походам универсальные магазины и кабаре с канканом. Менялись и русские. И эти изменения особенно заметны при изучении слова «кацап» – еще одного прозвища, которым украинцы наградили своих восточных соседей.

«Кацап – русский человек с бородой», – пояснил Гоголь в словаре, составленном для издания второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В этой бороде, как считает большинство филологов, и русских, и украинских, заключается смысл прозвища: кацап – созвучно с «як цап». Цап – по-украински – козёл, а само прозвище будто бы появилось оттого, что усатые украинцы брили бороды, а бородатые москали напоминали им тех самых козлов. И неслучайно у Гоголя москаль поглаживает «свою козлиную бороду» («Сорочинская ярмарка»), а Цирцея Котляревского обращает бородатых москалей в козлов («Энеида»).

Правда, далеко не все москали-кацапы носили бороды. Русские солдаты бород не носили, равно как не носили их и чиновники, так что эти две, очевидно, самые «вредные», с точки зрения украинского крестьянина, категории русских в кацапы не должны были попасть. С другой стороны: «...бандурист с седою по грудь бородою», упомянутый в «Тарасе Бульбе», не художественное допущение. Знаменитый в первой половине XIX века слепой бандурист Андрей Шут носил

клинообразную, то есть именно козлиную бороду^[1032]. Окладистую бороду носил другой известный украинский кобзарь, уроженец Полтавщины Остап Вересай^[1033]. Что там Шут или Вересай, когда сам Тарас Шевченко некоторое (пусть и недолгое) время носил бороду.

Но если даже в XIX веке кацап действительно ассоциировался с козлом и означал особую категорию – бородатых москалей, то это тоже ничего не доказывает, потому что появилось прозвище «кацап» еще в XVII веке. В те времена бороды нередко носили и поляки, и сами русины-украинцы. Посмотрите на известный портрет гетмана Сагайдачного. Художник изобразил человека с длинной, окладистой бородой, которую не погнушался бы носить и русский боярин. Бороду «лопатой» носил знаменитый Константин Константинович Острожский. Организаторы украинского казачества Предслав Лянцкоронский и Евстафий Дашкевич тоже были бородаты.

У польских аристократов бороды встречались нередко. С бородой изображают Стефана Чарнецкого, воина, знаменитого мужеством и жестокостью, и Станислава Конецпольского, известного полководца, великого коронного гетмана Речи Посполитой в 1632–1646 годах. Адам Кисель носил бороду. Козаки Хмельницкого считали Киселя своим, русином^[1034], а наши современники охотно включают его в сотню «выдающихся украинцев». Носили бороду и Дмитрий Гуня, возглавивший козацкое восстание после бегства Остряницы в Московию, и гетман Петро Дорошенко. Наконец, борода присутствует и на некоторых портретах Мазепы.

Видимо, ближе к истине другая точка зрения: слово «кацап» происходит от крымско-татарского «*kassap*», или «*casap*», («касаб»), что означает – «мясник», «резник», «живодер». Значит, кацапы – не козлы, а живодеры или, что будет точнее, головорезы? Сродни турецкому «адам кассабы» («лютый человек»). Кажется, первым такое толкование слова «кацап» предложил историк запорожского казачества Дмитрий Эварницкий. Он обнаружил, что в некоторых старых малороссийских документах слово «кацап» даже писалось через букву с: «касап»^[1035].

Эварницкий, очевидно, несколько испугавшийся своего «открытия», предположил, что «касапами» сами москали называли крымских татар, известных головорезов, а затем это слово позаимствовали у них украинцы-русины.

Редакция журнала «Киевская старина», вступив в полемику с Эварницким, замечает, что опасно делать научные выводы, основываясь на простом созвучии. В то же время «Киевская старина» признала, что слово «*kasap*» было еще в языке куманов (половцев), следовательно, давно бытовало в языке населения Поднепровья и причерноморских степей. Не было никакой необходимости заимствовать его у великороссов^[1036].

Версию тюркского происхождения слова «кацап» приняли профессор Михаил Грушевский^[1037] и знаменитый украинский меценат Евгений Чикаленко, потративший всё свое состояние на поддержку украинского национального движения.

Но почему именно за русскими из Московии закрепилось такое страшное прозвище?

До Переяславской рады войска царя московского почти не углублялись в собственно украинские земли. Большое московское войско пришло на Украину в 1654 году по просьбе Богдана Хмельницкого и приняло участие в походах на Львов и Люблин. Но и здесь московские ратные люди вели себя сдержаннее, чем козаки. Положение изменилось, по всей видимости, в 1658–1659 годах во время первой настоящей русско-украинской войны. Военные действия развивались на двух фронтах – на восточной Украине и под Киевом. События на первом фронте развивались благоприятно для козаков. Иван Выговский, незадолго до начала войны разгромивший Мартына Пушкаря, сторонника Москвы, заключил союз с крымским ханом. Татары пришли на Украину и начали грабить и угонять в плен местное население, что не способствовало популярности нового гетмана. Но военная сила татар пригодилась Выговскому в сражении под Конотопом. Гетман, воспользовавшись численным превосходством козацко-татарского войска (53 000 козаков, татар, польских и сербских наемников против 35 000 русских и поддержавших их козаков Ивана Беспалого), одержал победу. Русские князья Пожарский и Львов погибли в татарском плену, а командовавший русскими князь Алексей Трубецкой, прежде не знавший таких поражений, вынужден был отступить на восток, к Путивлю.

Неудачное начало войны сделало положение русского гарнизона в Киеве трагическим. Незадолго до войны киевским воеводой был назначен боярин Василий Борисович Шереметев – храбрый воин, еще недавно воевавший плечом к плечу с козаками Хмельницкого. В Киеве его встретили торжественно, но между московскими ратными людьми и киевлянами то и дело вспыхивали конфликты, быстро переходившие в драки.

В августе 1658 года к Киеву подошли татары и козаки Данилы Выговского, брата гетмана. Русские воеводы не могли рассчитывать на лояльность горожан. Правда, стоявшие в Киеве козаки во главе с полковником Василием Дворецким остались верными московскому царю и русским воеводам, но вряд ли русские могли им вполне доверять. Оставалось положиться только на свое оружие. Шереметев успешно отразил два штурма и разбил Данилу Выговского, взяв много пленных. Осенью на Киев пошел уже сам гетман, но и он потерпел поражение, хотя у русского воеводы не было и 8 000, а Выговский располагал армией в 50 000. В следующем году козаки Выговского еще

несколько раз пытались овладеть Киевом, но снова и снова терпели поражение от русских воевод.

Русские считали Выговского и его людей не просто противниками, а прежде всего изменниками, с которыми следовало поступать жестоко. И вот по приказу Шереметева его помощники (второй и третий воеводы) князь Юрий Никитич Барятинский (будущий победитель Степана Разина) и стольник Иван Иванович Чаадаев совершили несколько карательных походов и, как пишет Костомаров, «сожгли и истребили дотла местечки» Гоголев, Триполье, Стайки и «много других местечек, сёл и хуторов; все жители без различия были умерщвляемы; малороссияне увидали, что москаль силен и страшен, и стали склоняться к покорности»^[1038].

Десять лет спустя началась новая русско-украинская война, спровоцированная Андрусовским перемирием с поляками. И снова русским войскам пришлось воевать с «государевыми изменниками». Новый киевский воевода Петр Васильевич Шереметев (родственник Василия Борисовича, к тому времени сидевшего в татарском плену) послал своих «ратных людей», которые выжгли местечко Козелец^[1039].

На этом русско-украинские войны не окончились. Русские вместе с левобережными козаками гетмана Самойловича успешно воевали против правобережного гетмана Дорошенко. В конце концов князь Ромодановский заставил Дорошенко капитулировать в Чигирине. Год спустя московский воевода вынужден был сжечь столицу Богдана Хмельницкого, чтобы она не досталась наступающим туркам. Жителей из города вывели. Увы, то была не последняя гетманская столица, сожженная войсками царя московского. В ноябре 1708 года Александр Данилович Меншиков сжег Батурин, столицу Мазепы, чтобы крепость с ее огромными припасами (порохом, оружием, продовольствием, фуражом) не досталась шведам. Мазепа велел полковнику Чечелю и его сердюкам (наемным пехотинцам, личной гвардии гетмана) защищать город. Меншиков, столкнувшись с сопротивлением, все-таки нашел способ взять Батурин. Он решил наказать гетманскую столицу и навести ужас на малороссиян, чтобы тем неповадно было поддерживать государевых врагов. Царь Петр в письме от 5 ноября 1708 года повелел Батурин сжечь не мешкая: «Батурин в знак изменникам <...> другим на приклад зжечь весь»^[1040]. Меншиков не успел получить это письмо, но вполне предугадал желание государя. Город был взят еще 2 ноября.

Историки до сих пор спорят, сколько народу истребил светлейший. Цифры расходятся: от пяти – шести до пятнадцати тысяч. Установить количество жертв невозможно. Но все соглашаются с тем, что город Меншиков предал огню, большую часть его защитников – казнил, не пощадил и многих мирных жителей. Не только украинские, но и русские источники говорят о страшной резне:

«Мазепу государь повелел смертию казнити, и град его stolный разорити до основания, и вся люди посече» (Новгородская третья летопись)^[1041].

«Город Батурин войска государевы доставши, спалили и людей всех вырубали» (Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание...)^[1042].

«Люди <...> вырублены, церкви розорены, дома разграблены и сожжены» (Рукописный сборник XVIII века. Из коллекции М. Погодина)

«И тот город взяли приступом, и вырубали, и выжгли» (Записки московского окольного Ивана Желябужского)^[1043]

Впрочем, русские старались, насколько возможно, объяснить и оправдать жестокость Меншикова. Иван Афанасьевич Желябужский пишет, что Меншиков «многожды» старался уговорить защитников Батурина, но «они не послушали, и стали палить из пушек»^[1044]. Так что сами-де виноваты. Шведы и украинцы, напротив, старались подчеркнуть «варварство» русских. Вот что писал Густав Адлерфельд, камергер шведского двора, сопровождавший Карла XII в походе: «Царь, желая отомстить Мазепе <...> приказал Меншикову немедленно атаковать его столицу, пока шведы не прибыли на помощь. Меншиков напал на нее 3 ноября и получил ее. Потом дал приказ перемучить всех без различия возраста <...> после нечеловеческой резни силой вывел женщин, которые еще остались <...> по-варварски разорил и сжег весь город и мельницы»^[1045].

Гибель пусть и небольшого, но всё-таки столичного города обсуждали шведские, французские, английские газеты.

Разорение Батурина осталось в исторической памяти украинцев. И много лет спустя малороссийские дворяне будут передавать другу другу списки «Истории русов», где рассказывалось о жестокости Меншикова, а крестьяне – слушать думы слепых бандуристов:

А в городі Батурині
Мужиків да жінок рубали,
Церкви палили, святості да
Ікони під ноги топтали.

Батуринская резня отзовется в памяти народной.

В далеком 1881 году российский этнограф записал в Тульче у некоего Марко Глухого, потомка задунайских запорожцев, предание о Мазепе, Палие и царе Петре. Мазепа идет войной на царя Петра, а Петр, «рассердившись», отдаёт приказ: «убивать («выгубляти») малороссийских младенцев». И будто «по всей Украине» начинают убивать детей. Палий в награду за помощь против Мазепы просит Петра больше не убивать детей, царь велит прекратить убийства^[1046].

Но в гоголевские времена о разорении Батурина читали лишь немногие любители малороссийских древностей, песни забывались, современники же Меншикова и Мазепы давно оставили этот мир. А с

кацапами украинцы сталкивались нередко. Но бородатые купцы, продававшие ивановскую мануфактуру, ярославские офени или крестьяне, жители соседних деревень на Слобожанщине, ничем не напоминали суровых стрельцов и рейтар Барятинского и Чаадаева, беспощадных драгун и гренадер Меншикова и Петра Великого. И старое значение слова «кацап» забылось, сменившись новым, обидным для великороссов, но совсем не страшным.

Несколько слов о русофобии

Переяславская рада 1654 года не привела к примирению и тем более к слиянию московских русских с русинами-черкасами. Западные и восточные русские, встретившись, не узнали друг друга, не признали древнего родства.

Среди казачества и посполства (крестьянства) не раз появлялись и широко распространялись слухи, будто московские порядки вскоре распространятся на всю Украину. Слухи эти были часто нелепыми. Москали-де запретят козакам носить красные сапоги, а велют носить только черные, на московский манер, посполитым же велют вовсе снять чоботы и обуться в лапти^[1047]. Поставят москали государевы кабаки, как в Москве (то есть введут государственную монополию на винокурение и продажу спиртного), а мед и горилку запретят гнать. Назначат в Киеве московского митрополита. Запретят козачество или вовсе переселят всех козаков и посполитых в Московию (или даже в Сибирь), оставив только десять тысяч для охраны рубежей от крымских набегов... Слухам верят, если реальность дает им хоть какую-то пищу. И реальность давала им пищу. «Черкасы» жаловались на произвол московских ратных людей, расквартированных в черкасских (то есть украинских) городах: «без денег все емлют», а воеводы их «не унимают»^[1048]. По словам Петра Дорошенко, московские ратные люди на Украине «на кровопролитие работают и меж христианским народом любовь разрывают»^[1049].

Прежде, в первой половине XVII века, именно жалобы на расквартированных по украинским селениям военных (тогда – поляков и наемных немцев) были одной из причин недовольства польской властью. Так что Москва повторяла недавние ошибки Польши.

С тех пор как в Киеве стоял русский гарнизон, там не прекращались драки между русскими ратными людьми и местными жителями. И хорошо еще, что бились «киями», то есть палками, а не саблями. Такие же столкновения были и в Гадяче. Когда миргородский полковник Козел пожаловался гетману Выговскому на московских ратных людей, то гетман разрешил выгнать их силой и биться с ними, как с неприятелями^[1050].

Со своей стороны, русские были невысокого мнения о верности черкасов, и не без оснований. Иностранцам, поступавшим на службу русскому царю, рознь между двумя народами была очевидна: «Хотя Черкасы исповедуют веру православную, но нравы и обычаи звериные имеют. Главнейшая причина этому вот в чем: ересь, не духовная, а политическая <...> создатели этой ереси – Ляхи, а от них научились и крепко держатся ее и Черкасы и чуть ли не все народы Европы. В голову они себе взяли и считают за истину, будто жить под преславным царством Русским хуже тягчайшей неволи <...> горше Турецкого тиранства, горше Фараоновой службы и Египетской работы»^[1051], – писал хорват Юрий Крижанич, автор «Описания пути от Львова до Москвы».

Крижанич понял природу русско-русинской (русско-украинской) борьбы. Триста лет западные русские находились под властью Литвы и Польши. И хотя вражда с поляками (не только национальная, но религиозная и социальная) превратила ляхов и русинов в смертельных врагов, влияние польско-литовской политической культуры было колоссальным. Западные русские привыкли к другой жизни, другим порядкам, обычаям, нравам.

В 1668 году антирусское (антимосковское) восстание подняли гетман левобережной Украины Иван Брюховецкий и гетман Украины правобережной Петро Дорошенко. В русских источниках времен Алексея Михайловича – не в торжественных речах дипломатов, не в декларациях, а в деловых бумагах, документах – русские продолжали называть жителей Украины «черкасами». 12 июня 1668 года русские войска Григория Ромодановского вели тяжелые арьергардные бои, переправляясь через реку Хухру и «татар и черкас многих побили и с поля збили»^[1052]. Слуга гетмана Дорошенко, перебежавший к русским, сообщал, что после боев под Севском 3–5 июля 1668 года остались в живых «немногие татаровя и черкасы, пеши и ограблены»^[1053]. Таким образом, для русских военных канцелярий «русские» и «черкасы» были разными народами.

Тяжелая война окончилась победой России, но о мирном сосуществовании восточных и западных русских, или, что будет вернее, русских и украинцев, говорить было рано^[1054].

Наталья Яковенко, профессор Киево-Могилянской академии, пишет, будто на Гетманщине уже при Мазепе русских не любил никто. Возможно, Наталья Яковенко не объективна, но ее слова подтверждаются очень многими источниками – и русскими, и украинскими.

Императрица Екатерина знала о «сокровенной ненависти тамошнего народа против здешнего (великорусского. – С. Б.), который опять с своей стороны приобык оказывать не приметное к малороссиянам презрение»^[1055].

Малороссийский народ «не любит русских, от которых отличается наречием, обычаями и нравами. Имя москаля служит у них насмешливым»^[1056], – констатировал Петр Чуйкевич в начале XIX века.

Русофобия – неприязнь к русским, боязнь русских, видимо, была явлением распространенным, вполне заурядным. Русские не раз с удивлением и досадой замечали ее: «...на нас смотрят там доныне неприязненно», – писал Николай Полевой в 1830 году.

Русские читатели, взяв в руки настоящий украинский «Кобзарь», не смягченный и не гуманизированный русскими переводчиками, просто недоумевают: «За что он нас так ненавидел?»

Что и говорить, Тарас Григорьевич был не слишком толерантным человеком. Всякий читатель «Кобзаря» найдет там немало «добрых» слов о «жидах» и «нимоте» (немцах), а в письмах ему встретятся «верблюдовожатые киргизы», «поганые черкесы», «Иродов Кавказ». В дневнике, который Шевченко вел около года (с июня 1857 по июль 1858), встретим весьма нелестные характеристики, которые он дает различным слоям русского общества. Больше всего ему, разумеется, не нравятся офицеры и вообще – военные, что понятно. Шевченко, поэт и художник, к военной службе не приспособленный, десять лет был вынужден провести в армии николаевской России. Отсюда и его оценка русских военных: «отвратительное сословие». Но достается и русским купцам, а самыми неприятными из русских показались ему раскольники-староверы. О последних он пишет с нескрываемым презрением. Уральские казаки-староверы для него «хуже всяких язычников». «В Уральске постоянно набит острог беглыми солдатами, – продолжает Шевченко, – их мнимыми пресвитерами. И несмотря на явные улики, они благоговеют перед этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные, чиновные казачки».

Шевченко вслед за образованными украинцами мог припомнить разделение Украины между Россией и Польшей, жестокости русских воевод, разрушение Запорожской Сечи, ликвидацию Гетманщины, введение крепостничества... И всё же главной причиной русофобии были не грубые русские солдаты, не бессовестные русские торговцы и даже не память о страшных, но все-таки далеких событиях. Главная причина русофобии проста и банальна: неприязнь к чужому, нелюбовь к чужому, то есть ксенофобия. Не зря же написал Шевченко: «...москалі – чужі люде...»

Итак, москали – «чужие люди». В самых ранних из сохранившихся петербургских писем Шевченко бросается в глаза всё та же тоска по родине и неприязнь к чужому городу, чужой стране, чужому народу. Из Петербурга он будет просить брата Никиту писать ему «не по-московському, а по-нашому»:

Бо москалі чужі люди,
Тяжко з ними жити;
Немає з ким поплакати,

Ні поговорити^[1057].

«Московщина» (то есть Россия, Великороссия, включая и Петербург) для Шевченко – чужбина, страна, где живут люди чужие, а потому малопрятные.

А до того – Московщина,
Кругом чужі люде...

<...>

Насміються на псалом той,
Що виллю сльозами;
Насміються... Тяжко, батьку,
Жити з ворогами!^[1058]

К тому же здесь мне люди
Враждебны и чужды.

<...>

Посмеются над псалмами,
Что вылью слезами;
Посмеются... Тяжко, батько,
Тяжко жить с врагами!

(Перевод В. Державина)^[1059]

Хуже того, русские были не только чужим народом, но и господствующим народом (вместе с теми же немцами). Русские, как создатели Российской империи, вольно или невольно принимали на себя и все ее ошибки, грехи, мнимые или подлинные преступления.

Неприязнь к чужому народу, народу господствующему, «владычному» вполне объясняет самые неприятные для русских проявления украинской русофобии. Впрочем, ксенофобия почти всегда взаимна. И если в начале XIX века большинство пишущих русских отзывалось о малороссиянах с некоторой симпатией, то к концу гоголевского времени положение дел стало быстро меняться.

Часть IX

Там, на реках Петербурга

Финские гены и русские песни

Русские – не славяне, а финны или смесь финнов с татаро-монголами. Этот миф, в наши дни необычайно распространенный среди украинских националистов и российских евразийцев, был известен уже в гоголевское время.

Из письма Юзефа Богдана Залеского Франтишеку Духинскому от 19 февраля 1859 года: «Лет 25 назад гостил в Париже знаменитый русский поэт Гоголь. С Мицкевичем и со мной <...> он был в тесной дружбе. <...> Вопрос о финском их (москалей. – С. Б.) происхождении был беспрерывно предметом обсуждения. Гоголь подтверждал его со всею своею малорусской запальчивостью»^[1060].

Если верить письму Залеского, всем троим москалям «внушали отвращение». Гоголь даже написал целую статью о финском происхождении москалей. Материалом для нее стали народные песни. Гоголь сравнивал славянские (чешские, сербские, польские, малороссийские) песни с песнями русскими, великороссийскими: «Для характеристики каждого человеческого чувства он подобрал особую песню: с одной стороны, нашу славянскую – сладостную, нежную, а рядом великорусскую – угрюмую, дикую, нередко каннибальскую, словом – чисто финскую»^[1061].

Залеский и Мицкевич ликовали. Их чувства понятны. Поляки со времен Костюшко боролись за возрождение независимой Польши. За несколько лет до этих дружеских украинско-польских бесед было разгромлено польское восстание. В рядах повстанцев сражался и Залеский. Но как же быть с Гоголем?

Беседы с Мицкевичем и Залеским о москалях и каннибальских песнях продолжались зимой 1837-го. Незадолго перед этим Гоголь работал над статьей «Петербургская сцена 1835–1836 годов», где он вообще не разделяет песен русских и украинских. И те, и другие для него – «наши»: «Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек»^[1062].

«Петербургская сцена» (как часть «Петербургских записок 1836 года») входит в более или менее полные собрания сочинений Гоголя, а куда делась та самая статья о финнах-москалях, поющих каннибальские песни? В литературном наследии Гоголя ее нет. И вообще, была ли эта статья?

Польский поэт пересказывает содержание очень давних разговоров. Вряд ли он, спустя двадцать два года, мог точно передать

их содержание. Однако Юрий Манн, крупнейший современный исследователь Гоголя, не сомневается в словах Залеского, но полагает, что тот мог принять желаемое за действительное. Преувеличить – однако это «преувеличение идеи, действительно промелькнувшей у Гоголя»^[1063].

Если статья о славянских и финских песнях не сохранилась, то гоголевский «Взгляд на составление Малороссии» был опубликован еще в сборнике «Арабески». А там, между прочим, есть противопоставление «земли чистых славянских племен» (южной России, будущей Малороссии) и «Великой России», где славяне России «начинали уже смешиваться с народами финскими»^[1064].

Более того, в том же 1837 году, когда Гоголь, Залеский и Мицкевич ругали «каннибальские» песни угрюмых москалей, в Москве из типографии вышла магистерская диссертация Осипа Максимовича Бодянского «О народной поэзии славянских племен», в которой нашлось место и тем самым русским, «москальским» песням: «...отличительный признак песен Северных Руссов (Великороссиян) составляет глубокая унылость, величайшее забвение, покорность своей судьбе, какое-то раздолье и плавная протяженность»^[1065], – писал Бодянский. Он объяснял «унылость» русских песен природой и климатом: «...мрачность, суровость, уныние Севера навели и на песни Северных Русов эту унылость, томность...»^[1066] И напротив, поэзия «Южных Русов (Украинцев, Малороссиян)» «всем своим составом, внутренним и внешним», отличается от русской. Песни русские и песни украинские совершенно несходны друг с другом, как несходны и сами народы. «Да иначе и быть не могло, – продолжает Бодянский. – Из всех славянских племен Северные и Южные Руссы – самые несходственные между собой, несмотря на одинаковость их общего названия»^[1067].

Но вспомним и адресата Залеского. Франтишек (Франциск) Духинский родился на Западной Украине, одно время жил в Киеве и, даже поселившись в Париже, подписывался: «Духинский из Киева». В Париже выходили и его сочинения (на польском и французском). Духинский как раз и считается автором мифа о финском происхождении русских. Его «заслуги» несколько преувеличены. Гоголь, Залеский и Мицкевич говорят о финском происхождении «москалей», как о вещи достаточно известной, уже не раз обсуждавшейся польскими интеллектуалами. Духинский не то чтобы изобрел нечто новое, а лишь попытался подвести под миф «научную» платформу.

Особенным знатоком финно-угорских народов Духинский не был. Он совершенно не разбирался в сравнительном языкознании и славянской филологии и тем более филологии уральской, всерьез считал финнов кочевым туранским народом^[1068]. Впрочем, к туранским народам он относил и китайцев, и африканских негров, и семитов. Он вообще признавал в мире только две «расы»: туранскую, или уральскую,

враждебную Европе, кочевническую, и расу арийскую – европейскую, земледельческую. Читатель, которому посчастливится найти сочинения Духинского, сможет вполне оценить уровень научно-исследовательской подготовки. Он полагал, что китайцы – природные кочевники, которых с большим трудом удалось привязать к земле. О евреях и москалях/московитах (да-да, они родственники китайцев!) и говорить нечего. Московитов удалось сделать оседлыми только при помощи крепостного права. На необъятных пространствах Московии растворились и десять потерянных колен Израилевых. Они тоже стали частью народа московитов! Москаля для Духинского – туранцы, а именно – финны. Правда, они выучили славянский язык и присвоили русское имя. Точнее, его присвоила императрица Екатерина, которая повелела москалям называться россиянами, то есть русскими. А настоящие русские – это малороссияне, белорусы и новгородцы (республиканские традиции Великого Новгорода доказывают его европейскую природу). Они будто бы не имеют никакого отношения к москалям. Духинский желал бы дать им вообще новое имя – «восточные поляки», ведь старое имя – «русины», «русские» – москаля уже успели скомпрометировать. Историческое призвание арийцев-поляков, в том числе и «восточных», – воевать с москалями, с уральскими народами.

Но идеи Духинского отвечали духу времени. Прежде всего, импонировали полякам, которые в 1863-м поднимут новое восстание против России. Заинтересовались взглядами Духинского и французы. Первую лекцию о Руси, Польше и Москве он прочитал в Париже в ноябре 1857-го. Полтора года назад окончилась Крымская война, еще не были забыты газетные нелепости антирусской пропаганды. Поэтому Духинский нашел благодарных читателей не только среди поляков, но и среди французов. Одним из них был Анри Мартэн, написавший не без влияния Духинского вполне антирусскую книгу *«La Russie et l'Europe»* («Россия и Европа»).

В научном мире взгляды Духинского и Мартэна не прижились. Добросовестный Николай Костомаров одним из первых вступил в полемику с поляками – сторонниками Франтишека Духинского.

Из статьи Николая Костомарова в январском номере журнала «Основа» за 1861 год: «Финского элемента вошло в великорусскую народность не столько, чтоб даже физиологически назвать великоруссов более финнами, чем славянами <...> мы не можем назвать великоруссов, даже и с физиологической стороны, не-славянами, а о духовной и говорить нечего»^[1069].

«Основа» – научный и литературный украинский журнал, оплот молодого украинского национализма. Двадцать лет спустя, когда в Галиции будет развиваться украинское национальное движение, враждебное и полякам, и «москалям», идеи Духинского примут многие украинцы. Но Михаил Драгоманов, серьезный и тоже, как и Костомаров, «национально мыслящий» ученый, будет столь же беспощадно

критиковать сочинения о финско-туранской природе москалей и арийско-уральском антагонизме.

В восьмидесятые годы концепцию финского происхождения русских окончательно разгромят авторитетные ученые – И. А. Бодуэн де Куртенэ и будущий академик А. Н. Пыпин. Пожалуй, самым язвительным критиком Духинского был именно Бодуэн де Куртенэ, не только всемирно известный филолог, но и принципиальный противник любого национализма, в том числе польского. Он назвал вещи своими именами: идея «уральского» происхождения русских не имеет с наукой ничего общего: «Утверждения эти диктовала ненависть племенная и политическая, и желание адвокатствовать в пользу Польши перед “Европой”, т.е. перед шайкой дипломатов подозрительного свойства. Отсюда эта натяжка и извращение этнографии и географии...»^[1070]

Научная мифология и ее разоблачение

Между тем не финское происхождение, но финское влияние на этногенез русских некоторые историки не отрицали. Об ассимиляции славянами чуди писал еще Ломоносов, а Татищев был уверен, что сам Рюрик происходил «без сомнения <...> от Королей или Князей Финландских»^[1071].

«Повесть временных лет» подробно рассказывала о расселении славян по Восточно-Европейской равнине. Если сведения Нестора-летописца перенести на карту, то окажется, что земли будущей Великороссии населяли только вятичи и небольшая часть восточных кривичей и радимичей. Зато неподалеку от вятичей, самых восточных из летописных славян, располагались финно-угорские племена – весь, меря, мурома, мордва. Одни племена дожили до наших дней, другие, как меря и мурома, исчезли. Но как исчезли? С финно-уграми (в особенности черемисами и мордвой) русские воевали, однако история не сохранила свидетельств их массового истребления, геноцида. Значит, некоторые финские племена были просто ассимилированы славянами? Другого вывода, кажется, нельзя и предположить. Правда, русские не приняли ни финского языка, ни обычаев и нравов.

Но уж очень соблазнительной оказалась сама идея: представить русских потомками финнов и объяснить их отличия от украинцев именно «расовыми» особенностями. Этому соблазну поддался и М. С. Грушевский, серьезный ученый, убежденный позитивист, представитель «киевской документальной школы». Но он был слишком уверен в древности украинского народа и его отличии от великороссов, а потому решил обособить свою нацию. Великорусским этногенезом он не стал специально заниматься, а сослался на магистерскую диссертацию Дмитрия Корсакова «Меря и Ростовское княжество»,

опубликованную в Казани в 1872 году. Корсаков придавал особое значение именно метисации славян с финно-уграми, но честно признавался, что о финских племенах знает мало: «какой-то непроницаемый туман лежит на всем финском вопросе, густая мгла скрывает от пытливого взора исследователя истинное значение финнов в истории нашего народа <...> За недостатком положительных данных, непреложных фактов, мы поневоле должны довольствоваться гипотезами, предположениями <...> гаданиями»^[1072]. Гадания подкреплялись интересными наблюдениями над современной жизнью. На гипотезу о метисации восточных славян и мери его навела «склонность теперешней черемисской женщины вступать в связь с посторонними мужчинами». «Весьма возможно предположить, – продолжает Корсаков, – что женщины у мери отличались тем же свойством»^[1073].

Против этой, «научно-обоснованной» точки зрения даже возражать не хочется. Но таких взглядов придерживались не только Корсаков, малоизвестный преподаватель Казанского университета, и Грушевский, историк выдающийся, но политически ангажированный: сам Василий Осипович Ключевский в своем популярнейшем курсе русской истории едва ли не согласится со взглядами Корсакова и Грушевского.

В. О. Ключевский, из лекции № 17 Полного курса русской истории: «...пришлая русь, селясь среди туземной чуди^[1074], неизбежно должна была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта <...> чужд, постепенно русея, всею своею массою, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обличьем, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов».

От научного вывода до вульгаризации – один шаг. Историк-большевик Михаил Покровский, ученик Ключевского («непослушный», резко критиковавший учителя, но все-таки ученик), будет рассуждать о роли финно-угров в этногенезе русских с легкостью необыкновенной: «...в жилах великорусов течет 80% их крови»^[1075]. Почему 80%, а не 75% или не 90%? При помощи каких приборов Михаилу Николаевичу удалось выявить процент «финской» крови у русских? Это навсегда останется тайной.

Серьезные исследователи сомневались в выводах Покровского. Известный русский этнограф, член-корреспондент Академии наук Дмитрий Константинович Зеленин доказывал, что финские народы не приняли участия в формировании «русской народности» и даже не оказали заметного влияния на развитие ее культуры: «никаких ощутительных следов слияния с финнами ни диалектология, ни этнография в великорусском народе не находят»^[1076]. Но географическая близость финно-угорских народов, обилие финской топонимики на

русских землях – всё это как будто подтверждало версию пусть не Духинского, но Ключевского. Ее в целом подтверждали исследования советских антропологов, по крайней мере для Русского Севера и Северо-Запада.

Гром грянул только в нулевые годы XXI века, когда генетики взялись за исследование генофонда народов России^[1077]. В результате изучения гаплогрупп Y-хромосомы оказалось, что русские из южных и центральных областей России не имеют серьезных отличий от украинцев, белорусов и поляков. Эти четыре народа составляют единый генетический кластер. «Финский след» в генофонде южных русских невелик. «Монголоидная примесь» оказалась и вовсе ничтожной, не большей, чем у немцев. И лишь у русских северной России (Архангельская и Вологодская области) оказалось много (до 35%) мужчин-носителей гаплогруппы N1c1, которая характерна для финнов, эстонцев, карелов. Но встречается она и у северных шведов, а у латышей (42%) и литовцев (43%) ее носителей больше, чем у северных русских.

Носителями гаплогруппы N1c1 оказались потомки Гедиминовичей и Мономашичей (ветви Рюриковичей). Это не удивительно, учитывая скандинавское происхождение предков Владимира Мономаха^[1078] и балтийское – Гедимина. Потомки Мономаха и Гедимина составляли аристократию не только царства Московского, но и Речи Посполитой: Вишневецкие, Корецкие, Чарторыйские, Сангушки, возможно – Заславские и Острожские. История и природа как будто посмеялись над паном Духинским.

Изучение другого генетического маркера, мтДНК, позволяет установить наследственность по материнской линии. Оно дало результаты вовсе удивительные. Оказалось, что ближайшие родственники северных русских – немцы, норвежцы, литовцы. Близки к ним австрийцы, швейцарцы, ирландцы, поляки, словаки, словенцы и, разумеется, русские южной и центральной России^[1079].

Данные российских генетиков подтверждаются и генетиками американскими. С 2005 года действует Генографический проект (The Genographic Project), который финансируется Национальным географическим обществом США и корпорацией IBM. По данным Genographic Project, русские генетически близки жителям Англии, Дании, Германии^[1080].

Историческая реальность и даже историческая география подтверждают правоту генетиков. Русские (великороссы) формировались из вятичей, восточных кривичей и радимичей, причем вятичи и радимичи, если верить Нестору-летописцу, происходили «из ляхов». Более того, в XI–XIII веках русские князья заселяли Волго-Окское междуречье и прилегающие к нему земли выходцами из южной и юго-западной Руси. Князья приводили за собой не только дружины, но и ремесленников и крестьян. И вот в Ростово-Суздальской и Рязанской

землях появилась южнорусская топонимика. Переселенцы из юго-западной Руси называли новые города, а иногда и реки, на которых свои города ставили, своими, привычными с детства именами.

Есть в Червонной Руси старинный город Галич, который дал название целой стране (Галиция). А в костромском Заволжье есть свой Галич (Галич Мерьский). На Киевщине с древних времен стоял Звенигород (сейчас – Звенигородка). Есть свой Звенигород и в Подмоскovie. Имя Переяславля-Русского отозвалось в названии сразу двух великорусских городов – Переяславля-Залесского и Переяславля-Рязанского (нынешняя Рязань). И рядом с каждым из этих городов протекает река Трубеж. Это не одна и та же река, а три реки с одним названием.

На Клязьме стоит славный город Владимир. Есть у него и южный «брат», Владимир Волынский. Последний дал название целой стране – Лодомерии^[1081]. Но еще в XIII веке европейские путешественники знали и Великую Лодомерию (*Lodomeria Magna*) в Северо-Восточной Руси.

Таким образом, земли Ростово-Суздальской (Владимиристо-Суздальской, Московской) Руси заселялись не только вятичами, но и выходцами из Киевского, Переяславского, Галицко-Волынского княжеств – прямыми потомками полян, древлян, волынян и других племен, которых украинские историки, начиная с Костомарова и Грушевского, считали предками украинцев.

Наконец, миграции населения между южной и северо-восточной Русью продолжались и в XIV–XV веках. Антон Горский, один из крупнейших сейчас специалистов по истории Руси XIV века, считает, что именно переход «служилых людей» (бояр с вооруженной челядью) из Черниговского и Киевского княжеств привел к усилению военной мощи Московского княжества еще во времена князя Даниила Александровича, отца Ивана Калиты и Юрия Московского^[1082]: «Сегодня это может представляться как своеобразная передача Москве “эстафеты” древней столицей – Киевом, Черниговом – вторым по значению центром Южной Руси домонгольского периода...»^[1083]. Но и позднее многие бояре переходили на службу от Великого князя Литовского к Великому князю Московскому, как это сделали Одоевские, Оболенские, Воротынские. Переходили с многочисленными холопами, с землями, населенными крестьянами. Все эти миграции определили близость, даже общность генофонда русских и украинцев.

А вот заселение Русского Севера начинали еще в XII веке новгородцы, которые до второй половины XV века сохраняли даже политическую независимость. Они, возможно, и принесли на земли современных Архангельской и Вологодской областей генофонд, несколько отличный от общерусского, но близкий к генофонду народов Прибалтики, Скандинавии, Центральной Европы. Или же, как предполагают ученые, этот генофонд сформировался в результате слияния пришлых славян с палеоевропейским населением севера

Восточной Европы. В любом случае идея о финском происхождении русского народа совершенно опровергается современной наукой.

Угрюмый край

Так неужели всё дело в исторической ошибке, в заблуждении, которое так легко исправить? Легко зайти на сайт, скажем, проекта «Русский генофонд» и узнать, что русские, украинцы и поляки напрасно проливали братскую кровь. Мы и внешне похожи друг на друга, потому что в самом деле происходим от общих предков. Увы, наука не может положить предел вражде именно потому, что национальная принадлежность определяется не генами, а воспитанием и культурой. Генетика помогает нам лучше узнать свое и чужое этническое прошлое, но не в силах изменить ход истории.

Ромен Гари говорил о себе: «У меня нет ни капли французской крови, но в моих жилах течет кровь Франции». То же самое мог бы сказать о себе Георгий Эфрон. Князь Петр Иванович Багратион (грузин, возможно, с примесью персидской «крови»), судя по его письмам, был, вне всякого сомнения, русским человеком. В наши дни его называли бы «русским националистом». Такими же «русскими националистами» предстают Владимир Иванович Даль (сын обрусевшего датчанина и немки) и Орест Федорович Миллер («чистокровный» остзейский немец, воспитанный в русской православной семье). Под стать им и Анна Григорьевна Сниткина (в замужестве – Достоевская), которая была дочерью украинца Григория Снитко и Анны Марии Мильтопеус, шведки из финского Або. Но в ее дневнике и мемуарах нет и тени симпатии к Швеции или к Малороссии.

Миф о финском происхождении русских отражал не подлинную этническую историю, а сложившуюся реальность. В XIX веке различия между русскими и украинцами были для всех очевидны. Эти различия требовалось как-то обосновать, разъяснить, в том числе и самим себе. Идея о финском происхождении русских («москалей») объясняла все различия. Она относила два близких народа не только к разным языковым семьям, но к разным расам, ведь в гоголевские времена даже ученые еще путали лингвистические классификации с антропологическими.

В наши дни слово «финн» в русском языке звучит по меньшей мере нейтрально. Оно ассоциируется с богатой, благоустроенной, вполне европейской страной. Но в первой половине XIX века «финн» – синоним дикаря. Для образованных европейцев финн – азиат, далекий от цивилизованной Европы. Не для одного лишь Гоголя «чисто финская» песня была «угрюмой», «дикой», «нередко каннибальской». Но ведь и

Пушкин бросит мимоходом: «приют убогого чухонца» – и назовет ни в чем не повинного финского рыбака «печальным пасынком природы».

Финно-угорские племена жили рядом с русскими много веков, приняли многое из русской культуры, но так и не были ассимилированы. А собственно финнов немало жило и в окрестностях Петербурга, и в столице. В царствование Александра I Россия завоевала всю Финляндию. Финны, предпочитавшие привычное шведское господство русскому, оказали упорное сопротивление, вели партизанскую войну, сжигали собственные деревни, уничтожали склады с продовольствием, заваливали дороги бревнами и камнями. Когда финским партизанам удавалось захватить русский госпиталь, раненых убивали безжалостно. Для просвещенного XIX века такая война была чрезмерно жестокой. Тогда волей-неволей русские и познакомились с Финляндией, с ее бытом, с обычаями. Финны представлялись русским офицерам людьми грубыми, были «невежественны почти до дикости, суеверны и мстительны до крайности». Всё финское произвело на русских впечатление если не отталкивающее, то крайне неблагоприятное: «Те из образованных людей, которые теперь с гордостью или удовольствием называют себя финнами, т. е. финляндцами, тогда бы обиделись, если б их называли финнами. Каждый, имевший притязание на образованность или на значение, называл себя шведом»^[1084], – вспоминал Фаддей Булгарин, участник войны 1808–1809 годов.

Не лучше жили и родственные финнам эстонцы. Русские и поляки в то время не были избалованы изобилием и комфортом. Офицеры-дворяне обычно знали быт своих крестьян, их бедность, нередко и нищету, но даже их поразило убожество «чухны». Эстонцы жили в ригах – сараях для сушки снопов, разумеется, курных. В этих жилищах эстонские дети резвились вместе с поросятами и телятами. «Смрад нестерпимый и на немощном полу грязь, как на дворе»^[1085]. Хлеб и селедка были для эстонцев уже редким лакомством. Повседневную эстонскую пищу не решались пробовать даже солдаты.

Для украинца, южанина, даже настоящего, не мифологизированный финн представлялся существом неприятным. Разница темпераментов и стереотипов поведения неизбежно вела к этой неприязни. А в историческом сознании украинского народа финны и Финляндия связаны с целой цепью зловещих ассоциаций. На финской, чухонской земле стоит ненавистный Петербург. В Финляндии во время Северной войны воевали малороссийские полки – Черниговский, Нежинский, Гадячский и другие. Воевали там и «несколько тысяч Сечевских Козаков, и с ними Компанейцев и Сердюков пехоты»^[1086] (компанейцы и сердюки, соответственно, – конные и пехотные наемные полки, сформированные гетманом).

Для украинцев Северная война была непонятной, чуждой, абсолютно ненужной. Война против турок – другое дело. «Бог и Святое

писание велит бить бусурменов». А еще лучше – война против поляков. Вместо этого пришлось воевать с далекими шведами среди непроходимых лесов, холодных озер и бескрайних болот, где даром положили свои кости малороссийские козаки.

Но другая ассоциация будет страшнее Северной войны. Строительство Ладожского канала и миф о строительстве Петербурга.

Город немецкий

Приезжим украинцам и даже самим русским Петербург виделся городом почти иностранным. Да, собственно, трудно найти известного литератора, который об этом космополитизме не написал. Украинцы – не исключение. «Русским Вавилоном» назовет Петербург Пантелеймон Кулиш. «Город бескрайний, может – турецкий, может – немецкий, а может быть, даже русский», – напишет впечатлительный и экспансивный Шевченко в своей почти безумной поэме «Сон». А за пятнадцать лет до него почтительный Николай Васильевич Гоголь писал маменьке: «Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь обьиностранились и сделались ни тем ни другим»^[1087].

В апреле 1829-го Николай Васильевич еще не видел ни одной европейской столицы, кроме Петербурга, сведения его о Европе были совершенно книжными. Но космополитизм северного Вавилона он увидел своими глазами. И в «Петербургских записках 1836 года», составленных уже за границей, Гоголь повторит свою оценку: в Петербурге «мало коренной национальности» и много «иностранного смешения»^[1088].

Между тем почти 85% населения Петербурга составляли русские^[1089]. Однако в городе господствовали западная архитектура, европейская одежда, французская кухня. Даже вывески на магазинах, лавках, кондитерских были на двух языках: русском и французском или русском и немецком. Состоятельные жители Петербурга старались не уступать парижанам ни в моде, ни в кулинарии. Почти все кондитерские принадлежали французам – от легендарного Вольфа и Беранже на Невском до убогой кондитерской на Петербургской стороне, где посетитель мог заказать разве что горячий шоколад и сахарную воду.

Петербург «с полночи начинает печь французские хлебы, которые на завтра все съест немецкий народ»^[1090]. Самой заметной,

прославленной даже в русской литературе этнографической группой в Петербурге были, конечно же, немцы, которые жили в городе, сохраняя свои обычаи, нравы, язык. «Немцы, как свидетельствуют нам прекрасные образцы жестяных дел мастера Шиллера и сапожника Гофмана, не русеют <...> у нас в России», – замечал Степан Петрович Шевырев, историк литературы, академик и славянофил, в рецензии на гоголевские «Миргород» и «Арабески»^[1091]. Если немцы ассимилировались, то медленно. Они женились на своих хорошеньких немочках, проводили свободное время с друзьями-немцами, ходили в немецкие пивные. Немцы узурпировали целые профессии и сохраняли свое этническое своеобразие. Память о немецких булочниках, аптекарях, ремесленниках сохранялась до двадцатых-тридцатых годов XX века. «Петербург – аккуратный человек, совершенный немец»^[1092], – писал Гоголь.

Военная и политическая элита империи формировалась в том числе и из немцев. Почти три десятка лет министерство иностранных дел было в руках Карла Роберта фон Нессельроде, который плохо говорил по-русски и даже внешне был настоящий «немецкий Карла». Вот имена русских дипломатов николаевского времени: Бруннов, Будберг, Пален, Мейендорф. Из девятнадцати русских посланников при европейских дворах девять исповедовали лютеранство^[1093].

Остзейский край вплоть до царствования Александра III был настоящим немецким королевством. Фактически там даже действовали далеко не все российские законы^[1094]. Под покровительством русского царя и его наместника – генерал-губернатора – всеми делами управляли ландтаги, состоявшие практически полностью из немецких дворян. В Эстляндии, Лифляндии и Курляндии они были настоящим господствующим меньшинством, а латыши, эстонцы и русские – униженным, почти бесправным населением. Известный славянофил Юрий Федорович Самарин, служивший в 1845–1848 годах в Риге, до того был потрясен, увидев «систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской народности»^[1095], что сочинил антигерманский памфлет – «Письма из Риги». Напечатать памфлет было невозможно, и Самарин читал его в салонах Петербурга, распространял в списках. Всё это кончилось арестом. А ведь Самарин был человеком очень влиятельным, среди его покровителей – Л. А. Перовский (министр внутренних дел), П. Д. Киселев (министр государственных имуществ), А. Ф. Орлов (шеф жандармов). И даже эти связи не спасли его от ареста – таково было могущество «немецкой партии». Сами русские цари, почти чистокровные немцы, оставались последовательными германофилами. «Царь наш немец русский...» У этого германофильства были источники более действенные, чем немецкое происхождение.

Фаддей Булгарин и Александр Герцен, убежденный «охранитель» и политэмигрант, редактор верноподданнической «Северной пчелы» и

редактор радикально оппозиционного «Колокола», буквально повторяли друг друга именно в немецком вопросе.

Фаддей Булгарин: «Остзейцы вообще не любят русской нации – это дело неоспоримое. Одна мысль, что они будут когда-то зависеть от русских, приводит их в трепет <...> По сей же причине они чрезвычайно привязаны к престолу <...> Остзейцы уверены, что собственное их благо зависит от блага царствующей фамилии <...> Остзейцы почитают себя гвардией, охраняющей трон, от которого происходит всё их благоденствие...»^[1096]

Александр Герцен: «Не имея иной цели, как сохранить монаршее к себе расположение, они служили особе государя, а не нации. <...> “Мы не любим русских, – сказал мне как-то в Риге один известный в Прибалтийском крае человек, – но во всей империи нет более верных императорской фамилии подданных, чем мы”»^[1097].

Разница между Булгариным и Герценом в оценке: Фаддею Венедиктовичу, человеку нерусскому, такое положение дел очень нравилось, а русский издатель «Колокола» негодовал.

Межнационального мира в империи не было. «Холодной русско-немецкой войной» называет отношения двух народов современный русский историк Сергей Сергеев^[1098]. Между русскими и немцами шла постоянная подковерная борьба: при дворе, в армии, в министерствах, в Академии наук, в университетах. Даже тематика научных исследований Русского археологического общества зависела от национальности его начальства. Пока президентом общества был герцог Лейхтенбергский, там господствовали немцы, а научные исследования были посвящены в основном классической (античной) археологии и западноевропейской нумизматике. Всё изменится после того, как на место герцога Лейхтенбергского придет великий князь Константин Николаевич. Он слыл славянофилом, симпатизировал русским ученым, «русской и славянской археологии»^[1099].

Немецкое засилье в армии раздражало русских. Будущий декабрист А. Н. Муравьев предлагал создать тайное общество «для противодействия немцам, находящимся на русской службе»^[1100]. Братья Александр, Николай и Михаил Муравьевы были врагами «всякой немчизне»^[1101]. Враждебность к немцам была чрезвычайно распространена среди декабристов. Если верить князю Вяземскому, она даже требовалась от потенциальных участников тайного общества.

«Пропагандисты и вербовщики находили, между прочим, что я недостаточно ненавижу немцев, и заключили, что от меня проку ожидать нечего»^[1102], – записывал князь Петр Вяземский.

Немцы твердо отстаивали свои интересы. Однажды Эрнст Филипп фон Бруннов (Филипп Иванович) принял Филиппа Вигеля (обрусевшего финна) за немца и предложил вместе интриговать против русского. «Нас только двое», – заметил Вигель. Бруннов отвечал, что им поможет еще один немец, некто Франк, «и это достаточно будет, чтобы скинуть

русского дурака и овладеть местом»^[1103]. Между тем Филипп Иванович Бруннов станет известным дипломатом, российским послом в Лондоне, будет вместе с графом А. Ф. Орловым представлять Россию на Парижском конгрессе.

В массовом сознании украинского народа к немцам издавна существовало стойкое предубеждение. По словам В. Г. Короленко, который вырос на Волыни в польско-украинском окружении, даже чёрт представлялся малороссиянам и полякам в образе «кургузого немца»^[1104].

«И царствует деспот над тремя славянскими народами, правит ими посредством немцев, <...> Калечит, уничтожает добрую природу славянскую...»^[1105] – писал Николай Костомаров в «Книге бытия украинского народа».

В «Пропавшей грамоте» черти «с собачьими мордами, на немецких ножках»^[1106] увиваются около ведьм, а черт из «Ночи перед Рождеством» был «спереди совершенно немец»^[1107]. У Гоголя, впрочем, была своя история знакомства с немцами. «Народный взгляд» на немцев-чертей появится у него только со временем.

На Полтавщине и в Нежине немцев было мало. Неизвестно, был ли знаком Гоголь с жизнью общины полтавских немцев-ткачей, земли же немцев-колонистов располагались южнее – в Новороссии. А потому первое знакомство Гоголя с немцами, видимо, книжное: «...я смешивал немецкую ученость, немецкую философию и литературу с немцами», – писал он много лет спустя. Целую нацию представляли в его воображении Шиллер, Гёте, Гофман. Отсюда не только увлечение раннего Гоголя немецким романтизмом, но и его симпатии к немцам вообще.

Прожив полгода в Петербурге, Гоголь едет, почти бежит в Германию, в Любек. И там ему всё очень нравится: чистота, порядок, изобилие, «достойное фламандской школы», удивительная вежливость простых торговков, «быт и занятия добрых немцев». Он пишет об их сердечности, непосредственности, какой не встретишь в Петербурге.

Прошло несколько лет. Гоголь еще не ездит в Германию лечиться, зато наблюдает нравы и обычаи петербургских немцев. И вот уже в «Невском проспекте» появляются немецкие ремесленники – жестянщик Шиллер и сапожник Гофман: имена немецких романтиков в комическом контрасте и с приземленными занятиями, и с грубостью, жадностью, тупоумием.

Добрых немцев сменили немцы смешные. Они встретятся Гоголю в начале его долгих странствий по Европе. В 1836 году Гоголь пишет сестрам, что если ему не повезет с попутчиками и немцы в дилижансе окажутся слишком толстыми, то можно будет использовать одного из них как подушку^[1108]. Однако со временем немцы Гоголя всё меньше смешили, всё больше – раздражали. «Как показались мне гадки немцы

после италианцев, немцы, со всею их мелкою честностью и эгоизмом!» – писал он М. П. Балабиной в апреле 1838 года^[1109].

Немцы не умеют веселиться, только «пьют пиво и сидят за деревянными столами, под каштанами»^[1110]. Теперь Германия для Гоголя «самая неблаговонная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива»^[1111]. В Италии он живет, работает, в Германии – лечится. У немецких докторов в то время уже высочайшая репутация. Однако антипатия к немцам, в жилах которых течет «картофельная кровь»^[1112], у Гоголя остается.

Из письма Н. В. Гоголя к С. Т. Аксакову от 7 июля 1840 года: «На немцев я гляжу, как на необходимых насекомых во всякой русской избе. Они вокруг меня бегают, лазят, но мне не мешают; а если который из них взлезет мне на нос, то щелчок – и был таков!»^[1113]

Со второй половины 1840-х Гоголь или просто не замечает немцев, или отделяется общими фразами, хотя в Германии проводит больше времени, чем прежде. Полагает, что так лучше для здоровья. Немцы его пользуют минеральной водой, завертывают в мокрую простыню и угощают снятым молоком, лечащий врач при этом попивает свежие сливки.

Гоголю тем не менее не хочется прослыть германофобом, а потому автор «Носа» уверяет П. А. Плетнева, что у него вовсе нет «личного нерасположения к немцам». Гоголь даже попытается сделать немцам комплимент, заметив, будто много есть таких русских, «которых бы следовало назвать немцами и которые повели себя гораздо хуже немцев»^[1114]. Такой комплимент стоит доброго ругательства.

Однажды Смирнова-Россет, зная о неприязни Гоголя к немцам, спросила его:

« – Вы браните немцев, <...> ну а Шиллера все-таки любите; а Шиллер – тоже немец.

– Шиллер! – отвечал Гоголь. – Да когда он догадался, что был немцем, так с горя умер. А вы думали, отчего он умер?»^[1115]

Немцы сыграли в истории Украины роковую роль. Немка Екатерина II уничтожила украинскую автономию, ликвидировав Гетманщину и Запорожскую Сечь. Земли, которые запорожцы считали своими, императрица отдала сербам, грекам, валахам и, конечно же, немцам. Немецкие колонисты поселились даже на острове Хортица, то есть на месте первой, основанной еще Дмитрием Вишневецким Запорожской Сечи. После посещения этой процветающей немецкой колонии Шевченко «всё плакал», приговаривая: «сплюндрували нашу Україну катової віри німота з москалями, щоб вони переказилися»^[1116]. И даже в еврейский шинок простодушных малороссиян привлекают игрой немецких шарманок: «Вот мужик бедный и пропивает последнюю нитку под немецкую музыку»^[1117].

Но эта неприязнь идейная, историческая, а не бытовая, как у Гоголя. Шевченко с немцами дружил. Молодой художник Василий

Штернберг, один из самых близких друзей молодого Шевченко, стал первым иллюстратором «Кобзаря». В хорошенькую немку Марию Европеус Шевченко был влюблен. Наконец, учителем Шевченко, его благодетелем и высшим авторитетом в живописи был Карл Брюллов. И после возвращения из ссылки, когда брюлловский (и шевченковский) академизм уже вышел из моды, Брюллов оставался в глазах Шевченко «Карлом Великим».

Из повести Тараса Шевченко «Художник»: «Вы замечаете, что все мои знакомые – немцы. Но какие прекрасные немцы! Я просто влюблен в этих немцев»^[1118].

Песнь на чужой земле

Украинское население Петербурга 1830-1840-х сейчас определяют в несколько десятков тысяч человек и даже в сто тысяч^[1119]. Это сомнительно, ведь население Петербурга еще не перевалило и за полмиллиона. В России того времени население учитывали не по национальности, а по вероисповеданию. Но украинцев в самом деле было много. Одни заседали в Сенате, руководили министерствами, командовали дивизиями и гвардейскими полками. Другие, не столь знатные и удачливые, шли к девяти утра в департамент, а третьем часу пополудни их зеленые вицмундиры покрывали Невский проспект: «На Невском проспекте вдруг настает весна», – писал малоросс, известный всей просвещённой России. Были украинцы и в числе ремесленников, мастеровых, вольноотпущенных или крепостных. Барские покои русских, польских и малороссийских господ наполняли украинские дворецкие, лакеи, повара, казачки. Летом 1830-го Гоголь писал маменьке, что одних только «однокорытников» из Нежина (то есть таких же, как и он, выпускников Нежинской гимназии) в Петербурге «до 25 человек»^[1120].

Украинская диаспора не отличалась сплоченностью. Малороссияне не специализировались на определенных занятиях, ремеслах, как французы (кондитеры, парикмахеры) и немцы (доктора, аптекари, булочники, ремесленники). Поляков от ассимиляции сохраняли чрезвычайно развитое национальное самосознание и нескрываемая враждебность к русским, украинцы же еще не враждовали с русскими настолько, чтобы так демонстрировать свое презрение. Напротив, они стремились быстрее и лучше выучить русский язык, приспособиться к господствующим обычаям, вкусам, манерам. «По-московські так і ріжуть», – сокрушается лирический герой Шевченко, глядя на многочисленных соотечественников-карьеристов, в совершенстве освоивших «московску мову».

Однако чувство национальной солидарности было знакомо и украинцам. В чужой стране, среди русских, немцев, французов, чухонцев они узнавали друг друга и друг другу радовались. Сам Тарас Шевченко своим освобождением обязан не только добрым русским людям, выкупившим его у помещика Энгельгардта, – Жуковскому, Венецианову, Брюллову, великому князю Александру и самой императрице, – но и украинцам, которые первыми обратили внимание на несчастного земляка.

Вспомним одну из самых знаменитых литературных легенд XIX века. Однажды светлой весенней ночью студент Императорской академии художеств Иван Сошенко гулял в Летнем саду и обратил внимание на молодого человека, который делал рисунок одной из статуй. Они познакомились. Сошенко представил своего нового друга конференц-секретарю Академии художеств Григоровичу, тот обратился к Жуковскому и Брюллову. Брюллов написал портрет Жуковского. Портрет разыграли на аукционе. На вырученные деньги друзья выкупили будущего художника и поэта.

Так Шевченко писал в своей «Автобиографии», напечатанной журналом «Народное чтение». Эта же история в повести «Художник» рассказана несколько иначе. Взрослый двадцатитрехлетний Шевченко превратился там юношу лет пятнадцати. Лето, белая ночь. Юноша срисовывает античную статую. К нему подходит молодой художник... Но эту красивую историю Тарас Григорьевич сочинил. Еще первый биограф Шевченко, Михаил Корнеевич Чалый, расспросил Сошенко и узнал, что дело обстояло несколько иначе^[1121]. Романтической встречи двух художников в Летнем саду не было. Сошенко услышал о талантливом земляке от своего товарища по Академии художеств и заинтересовался судьбой земляка. Об этом интересе узнал и Шевченко, в то время еще крепостной, работавший в артели комнатного живописца Ширяева. Однако не Сошенко, а сам Шевченко первым нашел земляка, пришел на 4-ю линию Васильевского острова, где тот квартировал. На будущем поэте «был засаленный тиковый халат, рубаха и штаны толстого холста запачканы были в краску, босой, расхристанный и без шапки»^[1122].

Иван Максимович Сошенко покинул родину не ради богатства и чинов. Талантливый художник, молодой, но уже преуспевающий иконописец, бросил выгодные заказы на родине, чтобы учиться в Императорской академии художеств. Старательный, трудолюбивый, скромный, он всё время посвящал учебе и чтению. Своего нового друга Шевченко он будет порицать за легкомыслие, лень, за светский образ жизни, который не годится для труженика-живописца. Увы, судьба не всегда награждает за добродетель. Известным художником Сошенко не станет. Он заболеет туберкулезом и будет вынужден оставить Петербург и вернуться на Украину. Даже его роман с красивой немочкой, племянницей квартирной хозяйки, расстроит всё тот же

Шевченко. Знания, полученные в Академии художеств, не принесут счастья. Малороссийские заказчики привыкли к традиционной иконописи, европейская академическая манера Сошенко им не понравилась. Художник подбирал освещение, читал сочинения по древней истории, чтобы понять, как выглядели люди в апостольские времена, а недовольные заказчики отдавали иконы его работы «на исправление» местным богомазам.

Но в 1836-м Сошенко еще жил в Петербурге. Он не только начал великое дело – выкуп Шевченко из крепостной зависимости, – но и познакомил своего нового друга с образованными земляками. Среди них был писатель Евгений Гребенка, автор «Рассказов Пирятинца», «Малороссийских присказок», первый переводчик Пушкина на украинский язык. Гребенка станет и одним из первых читателей Шевченко. Иван Сошенко не понимал увлечения своего друга поэзией и считал, что тот напрасно тратит время вместо того, чтобы брать уроки у Брюллова и совершенствовать технику живописи (чего Шевченко, как он сам признавал, не хватало), Гребенка же поэта оценил, оценил чрезвычайно высоко.

Из письма Е. П. Гребенки к Г. Квитке-Основьяненко от 18 ноября 1838 года: «А еще есть здесь у меня один земляк Ш[евченко], до чего ж хорош писать стихи! <...> Как что напишет, только причмокни да ударь руками об полы! Он мне дал хорошие стихи для сборника»^[1123].

Гребенка, украинец, но при этом лояльный империи человек и русофил, устраивал литературные вечера, где бывали и малороссияне, и русские. На одном из них Гребенка познакомит Шевченко с полтавским помещиком Петром Ивановичем Мартосом, который даст денег на первое издание «Кобзаря». В благодарность Шевченко посвятит меценату свою книгу. Но позднее посвящение снимет. Мартос, малороссиянин, однако, в отличие от Шевченко, человек благонамеренный, видимо, раскаялся в своем благородном поступке. Но сделанного было не вернуть. Благодаря хлопотам друзей-украинцев и либерализму русского цензора Петра Александровича Корсакова в апреле 1840 года произошло событие, изменившее ход украинской истории. В продаже появилась небольшая книжка: шесть стихотворений и две поэмы («Тарасова ніч» и «Катерина»). Называлась книжка «Кобзарь». Книгу украшал офорт, сделанный с рисунка Василия Штернберга: кобзарь и мальчик-мехоноша.

Стоил «Кобзарь» недешево – рубль серебром, но разошелся быстро и был замечен и русской критикой, и малороссийским читателем.

Весной 1842-го в продаже появится поэма «Гайдамаки», и студент В. А. Стороженко пишет своему дяде-сенатору в Варшаву: хвалит стихи Шевченко и обещает прислать поэмы «при первой возможности»^[1124]. В 1844-м в Медико-хирургической академии, где училось много малороссиян, откроется самодеятельный театр, на сцене которого поставят гоголевского «Ревизора», «Наталку-Полтавку» Котляревского,

«Назара Стодолю» Шевченко. После шумного успеха своей пьесы Тарас Григорьевич писал другу, черноморскому козаку и украинскому драматургу Якову Герасимовичу Кухаренко: «Атаман, если бы ты знал, что тут делается! Тут такое делается, что не знаю, как и сказать. Козацтво ожило!»^[1125]

В Петербурге много «наших», и по крайней мере тысяча человек готовы «стоять за всё, что говорил Шевченко», – напишет Тарасу, уже сосланному в Оренбургский край, еще один читатель «Кобзаря», петербургский чиновник Сергей Левицкий. Письмо это дорого обойдется Левицкому: он будет арестован и проведет некоторое время под следствием.

Петербург останется важнейшим центром украинской мысли, украинского книгоиздания, украинской литературы вплоть до начала шестидесятых, до Валуевского циркуляра.

«Борщу и не спрашивай!»

Талантливые молодые люди собирались в столицах империй, в больших и богатых городах или университетских центрах. Представители одной национальности на чужбине тянулись друг к другу. Первые кружки хорватских националистов появились не в Загребе или Вуковаре, а в Граце, Вене, Пеште. Первые славяно-македонские националистические организации появились не в Македонии, а в Белграде и Петербурге. «Отец» македонского национализма Крсте Мисирков начнет издавать свой журнал «Вардар» в Одессе^[1126]. Сама атмосфера чужого города пробуждала тоску по родине: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы», – пишет Н. В. Гоголь своей маменьке в январе 1829-го, прожив в столице только несколько дней. А уже в апреле-мае он будет просить маменьку писать ему об «обычаях и нравах малороссиян». Гоголь еще надеется на успех «Ганца Кюхельгартена» (убийственная рецензия Полевого в «Московском телеграфе» выйдет лишь в июне), но уже разочарован в Петербурге, чужом, холодном, неуютном городе.

Шевченко писал своему другу Якову Кухаренко: «Спасибо тебе, голубь мой сизый, что не забываешь меня, одинокого, на чужбине»^[1127].

С малороссийской точки зрения, город слишком велик и к жизни не приспособлен. По крайней мере, к жизни простого человека. Роскошные дворцы – для панов, а не для народа.

Церкви, та палати,

Та пани пузаті,

І ні однісінької хати^[1128].

Господа пузаты,
Церкви да палаты
И ни одной мужицкой хаты!

(Перевод В. Державина)^[1129]

Не только жилья привычного нет, нет и привычной еды. Всё тот же Тарас Шевченко просил Якова Кухаренко даже не напоминать о варениках: закроешь глаза – вареники снятся: «перекрестишься, ляжешь спать»^[1130], а вареники снова лезут. Не заказать вареники в Петербурге.

В то время небогатые люди заказывали обед у кухмистера. Бежит к кухмистеру Евгений
И там, без дальних объяснений,
Велит к столу себе подать
Обед, копеек в тридцать пять^[1131].

Если бы в тридцать пять копеек! В тридцатые годы цена обеда из четырех блюд у кухмистера на Петербургской стороне, то есть на далекой и неблагоустроенной окраине, доходила до рубля ассигнациями. Но, по словам Гребенки, здоровый человек, «съевший все четыре кушанья, если не заболеет», то не наестся и захочет еще что-нибудь съесть. И не один лишь Гребенка, а очень многие его соотечественники, от Гоголя и Квитки-Основьяненко до Руданского и Шевченко, жаловались на питерскую еду.

Для нас эти жалобы теперь кажутся капризами. Русские люди в Петербурге, как и по всей России, любили хорошо поесть. Состоятельные господа ели рябцов в легком супе, затем индейку «с прибором и эссенцией», жареных цыплят или бекасов, французские трюфели, баварские хлебцы, крем, померанцы, ананасы да еще много всякого. Люди попроще обходились щами с кашей, блинами, расстегаями, кулебяками. По праздникам ели окорок, зажаренный в печи, приправленный хреном, разведенным квасом или уксусом. Но еда и припасы в глазах приезжих из сытой Малороссии были непривычно дороги. «Жить здесь не совсем по-свински, т.е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали»^[1132]. Хуже того, щи и каша для малоросса – непривычная, невкусная, чужая еда. Украинцы и в гоголевские времена (как и в наши дни) издевались над русскими щами с тараканами. То ли дело борщ!

Из романа Евгения Гребенки «Чайковский»: «Для нас, привыкших к легким кушаньям французской кухни, здоровый борщ – покажется

мифом, как Гостомысл или голова медузы древних; многие не поверят существованию здорового борща...»^[1133]

Борщ – слава и гордость украинской кухни, один из столпов национального самосознания. В Киеве начала XIX века, по свидетельству Долгорукого, малороссияне (даже благородного происхождения) приглашали друг друга на борщ^[1134]. Вадим Пассек, рассказывая о типичной сцене семейной ссоры между жинкой и ее «чоловиком» (мужем), замечает: в ответ на брань мужа жена «грозит ему <...> борщом без сала»^[1135]. Угроза не пустая!

«Борщ с кормленою птицею, чудеснейший, салом свиным заправленный и сметаною забеленный...»^[1136] Кто же его приготовит? Чухонка или какая-нибудь «проклятая московка» и не знает, как сварить настоящий борщ, правильно заправить его салом и чесноком. Она не жила на Украине и просто не может представить, что такое украинская кухня, украинский быт, образ жизни.

Из повести Григория Квитки-Основьяненко «Пан Халявский»: «Я и обедал с ними, если можно назвать петербургские обеды обедами. Это не обед, а просто так, ничто, тьфу! Как маменька покойница говаривали и при этом действовали. Вообразите: борщу не спрашивай, потому что никто и понятия не имеет, как составить его»^[1137].

Разумеется, если малоросс – сенатор Стороженко или сам князь Варшавский, то неудобств никаких нет. Слуга, выписанный из Полтавы или Киева, приготовит ему и борщ Собеского, и борщ Скоропадского. Украинцы были уверены, будто польский король и малороссийский гетман в самом деле тратили драгоценное время на составление рецептов нового борща, который позволил им оставить свое имя не только в политической, но и в кулинарной истории. Но как быть бедным чиновникам, вольнослушателям Академии художеств, студентам Медико-хирургической академии и Петербургского университета?

А у хаті на постелі

У сурдуті і плащу

Сидить студент медицини

Другий місяць без борщу^[1138].

Не только быт и нравы, но и сама природа была, кажется, полной противоположностью природе и климату благословенной Украины. «Здесьний климат – не Малороссия»^[1139], – пишет Гоголь и просит прислать ему к зиме шерстяных чулок.

Любого южанина пугают мороз и холодный ветер, ветер, который так страшен именно в Петербурге, с его прямыми проспектами, огромными, пустынными площадями, широкой, холодной Невой и Финским заливом. Ледяной дождь переходит в снег, холодная осень в раннюю зиму, а уж зима продолжается целую вечность: «Всё снег да снег, куды как весело, не выходи из дому, не закутавшись наперед в шубу»^[1140].

Украинец, даже лояльный Российской империи, давно оставивший мову ради «владычного» русского языка, все-таки не может удержать своей неприязни к стране северной, холодной, чужой. И вот уже в историческом романе Даниила Мордовцева, потомка старинного украинского козацкого рода, появляется авторское отступление: «Неприглядна московская сторонка... Тяжело, безотрадно оставаться долго мыслию в этой суровой стороне. Томительно и невыносимо витать воображением по этой неприветливой земельке с ее мрачным историческим прошлым, носиться мыслию по земляным тюрьмам Пустозерска и Мезени да холодной Даурии <...> Мысль невольно тянется к жаркому югу, к яркому солнцу, к чарующей природе <...> Воображению хочется отдохнуть на Украине...»^[1141]

Климат в начале XIX века был несколько холоднее, чем теперь, морозы случались и в Малороссии. Но там они, кажется, совершенно не досаждали ни Гоголю, ни гоголевским героям: «Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовых на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло. От мороза еще живее горят щеки, а на шалости сам лукавый подталкивает сзади»^[1142].

Как же непохож этот веселый малороссийский мороз на пронизывающий холод Петербурга, знакомый и тем, кто не бывал на берегах Невы. Знакомый благодаря петербургским повестям Гоголя и в особенности «Шинели». Да не одного Гоголя. Украинец наверняка припомнит хрестоматийные стихи Степана Руданского:

Зима люта. Вітер свище;
Сніг по вікнах брязкотить;
Мороз душу обіймає,
Мороз тіло каменить^[1143].

Но и весна здесь не похожа на весну. Гоголь удивлен: 1829 год, его первая весна в Петербурге. Уже 30 апреля, а деревья еще не покрылись листьями. И Гоголь будет с сожалением вспоминать о «малороссийской весне»^[1144]. В мае 1836-го «кажется, сама Сибирь переехала в Петербург»^[1145].

А летом ночи нет вовсе, вместо нее «только промежутки между заходом и восходом солнца бывает занят столкнувшимися двумя зрями, вечернею и утреннею, и не похож ни на вечер ни на утро»^[1146].

Это написано за четыре года до «Медного всадника», где почти те же слова, но совершенно другие интонация и взгляд.

И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Но и петербургская жара не в радость южанину. В городе душно, «как в бане. Солнце тиранствует, а не греет»^[1147]. Раскаленный воздух «хочет уничтожить, а не оживить»^[1148], а настоящего (то есть южного) лета нет как нет. Это в родной Васильевке Гоголь «как добрый пес, вылеживался на солнце»^[1149]. Малороссийское лето продолжалось и в сентябре, а в Петербурге уже шли осенние дожди, начинались холода: «А мы пропадаем в этом проклятом Питере, чтоб он замерз навеки, тут теперь 10° морозу»^[1150], – писал Шевченко 30 сентября 1842 года. О поздней осени и говорить нечего, она производит тягостное впечатление не только на южан.

Через полтора года петербургской жизни Гоголь уже выносит ей приговор: «самые растения утратили здесь свой запах, как пересаженные насильственной рукою на неродную им почву; всё лето и весна продолжаются здесь только три месяца; остальными девятью месяцами управляют деспотически зима и осень»^[1151].

Там, на реках Петербурга

В Петербурге еще нет северной синевы, яркой, незабываемой синевы настоящего Севера, синевы арктических широт. Арктика далеко, но и юг тоже далеко. В Петербурге, «в стране снегов, в стране финнов», преобладает «серенький мутный колорит». По словам Гоголя, обитатели города принуждены коротать свой век «среди кучи» домов, «диких северных ночей», в мире «низкой бесцветности». Добрая знакомая Гоголя, воспитанная под синим небом Малороссии Александра Смирнова-Россет, жаловалась Жуковскому на «серый, мрачный Петербург»^[1152].

Природное освещение в первой половине XIX века дополнялось освещением искусственным. Но оно мало напоминало знакомое нам сияние огней большого города. До середины 1830-х уличные фонари наполнялись конопляным маслом, позднее – газом. Светили они так же тускло, как чухонское солнце: «свет неприятным своим тусклым сиянием глядел в окна»^[1153].

Освещение навеивает самые черные мысли и рождает тягостные предчувствия. Гоголь изобразил Петербург городом-призраком, где всё – обман, где ничему нельзя верить: «легкая улыбка сверкнула на губах ее. Он весь задрожал и не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки». И прекрасная девушка окажется или проституткой, или недоступной замужней дамой, а флирт приведет не к развлечению – к позору, романтическая влюбленность окончится не счастливой взаимной любовью, но смертью без покаяния.

Здесь даже нечистая сила отличается от малороссийской. Даже вий, ведьмы, чудовища, разорвавшие Хому Брута, и колдун из «Страшной мести» все-таки не рожают в душе такого ужаса, как демон Невского проспекта, что «зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде»^[1154].

Об этом же писал великий польский поэт, современник Гоголя.
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

(Перевод В. Левики)^[1155]

Лев Гумилев, кое-что понимавший в демонологии, разделил нечисть на две категории. Обычная нечисть – домовые, лешие, русалки, упыри, албасты. Все эти существа страшны и опасны для человека, но они такая же часть окружающего мира, как вирусы и бактерии. Невидимы и вредоносны, но не inferнальны, прямо не связаны с абсолютным злом, мировым злом, которое воплощается в бесах из гумилевских сказочных поэм «Посещение Асмодея» и «Волшебные папиросы». Малороссийские черти и ведьмы у Гоголя соотносятся с обычной нечистью. Но демон Невского проспекта и сам inferнальный Петербург – потусторонняя сила совсем другого рода. Демона Невского проспекта не оседлает кузнец Вакула. От его чар не спасет петушиный крик.

Петербург погубит и Тараса Шевченко. О Петербурге написана страшная поэма «Сон», которая вызвала гнев самого государя (что не удивительно, поэма в самом деле просто оскорбительна). Из-за нее поэта и художника отправят солдатом в Оренбургский край, запретив писать и рисовать. И там, в забытой Богом Орской крепости, потом на берегах «поганого» Аральского моря, а затем на бесплодном Мангышлаке, он будет уже мечтать о Петербурге. Из прикаспийских пустынь не только Малороссия, а и Петербург с его «милой Академией» художеств представлялись утерянным раем. Но, вернувшись в столицу и прожив там лишь два года, Шевченко пожалуется двоюродному брату Варфоломею: «В Петербурге я не усiju, он меня задушит. Тоска такая, что храни от нее Господь всякого крещеного и некрещеного человека»^[1156].

Шевченко умрет на сорок седьмом году жизни. Это вполне обычный срок для украинского литератора в Петербурге. Почти столько же прожил Василий Трофимович Нарезный, первый русский романист, автор «Российского Жильблаза, или Похождений князя Гаврилы Симоновича Чистякова», «Марии», «Бурсака» и еще многих сочинений. Он тоже был малороссиянином, уроженцем Миргородского уезда

Полтавской губернии. В столице вел скромную жизнь мелкого чиновника, писал в свободное от службы время и оставил большое творческое наследие. В Петербурге в тридцать шесть лет умер и Евгений Гребенка, Орест Сомов доживет только до сорока лет. Иван Сошенко и Степан Руданский покинут Петербург тяжело больными людьми.

Конечно же, не демон Невского проспекта, разлив по фонарям конопляное масло, губил сумрачными северными вечерами малороссийских писателей. Прежде всего не только украинцам, но и всем южанам вредил непривычный климат, одновременно холодный и сырой. Жизнь небогатого человека в столице отнимала много сил. Высокие цены, дурное жилье, необходимость много трудиться только ради хоть сколько-нибудь сносной жизни. Шевченко хотя бы в последние годы жизни мог не заботиться о тарелке борща или галушек: «Лучше ничего не делай, так себе сиди да читай, а мы тебя хлебом прокормим, лишь бы был здоров»^[1157], – писал ему Пантелеймон Кулиш. В общем, поэту украинцы в самом деле помогали.

Скажем, Орест Сомов за тридцать лет до Шевченко о такой жизни и мечтать не мог. Он был родом с Харьковщины, окончил Харьковский университет и печатался в «Украинском вестнике», но уехал в Петербург, где служил в знаменитой Русско-американской компании^[1158]. Его непосредственным начальником был Кондратий Рылеев. После восстания декабристов знакомство с Рылеевым стало поводом для ареста Сомова. Связь с заговорщиками не удалось доказать, но место столоначальника в Русско-американской компании Сомов потерял и вынужден был жить только литературным трудом, который тогда кормил плохо. Удел поэта, по словам Сомова, небогатый: «...и оттого-то мы встречаем питомцев Фебовых в изношенных и забрызганных чернилами платьях, а ищем – на чердаках»^[1159].

Поэт, прозаик, литературный критик, редактор, действительный член «Вольного общества любителей российской словесности», он был человеком удивительно трудолюбивым. Сотрудничал с «Северной пчелой», потом перешел в «Литературную газету», редактировал ее вместе с Дельвигом. Николай Иванович Греч, журналист, писатель, филолог, издатель «Сына отечества» и «Северной пчелы», считал Сомова «бесспорно из лучших» (если не лучшим) переводчиков с итальянского и французского^[1160]. Но литературная поденщина, необходимость много писать ради заработка «потемнили его воображение, иссушили телесные силы, расстроили здоровье и в цвете лет низвели в могилу». Этим словам Греча находим подтверждение и в письмах Сомова.

Из письма Ореста Сомова к Ф. Н. Глинке от 29 октября 1829 года: «Я всё еще болен, но это мне в привычку. Метóду лечения, о которой Вы мне пишете, я давно уже принял, кроме двух медикаментов: *хождения* и *свежего воздуха*; первого не могу употреблять за недосугом, а

второму и рад был, да негде взять в нынешнюю мокрую, сырую, грязную петербургскую осень»^[1161].

Из этого города, как будто отравленного миазмами финских болот, надо бежать. Бежать хотя бы в собственные воспоминания о Малороссии, о стране, «Де гопцюют все дівки, // Де гуляють парубки!». Там упоителен и роскошен день, там даже огород козака разворачивается «как богатая турецкая шаль»^[1162].

Украинские литераторы, приехав в Петербург делать карьеру, со временем или возвращались на родину, или уезжали в другие, обычно – теплые края. Кулиш вернется в Малороссию, Руданский отправится еще дальше на юг – в Ялту, Гоголь и вовсе в Италию.

Петербургская проза у Гоголя появляется только после малороссийской. В гоголевских «Вечерах на хуторе» Петербург возникает как город еще не страшный, но уже сказочный, нереальный. Там царица ест только мед и сало, простому козаку может подарить черевички или насыпать полную шапку ассигнациями. А в «Кобзаре» и этого нет. К. И. Чуковский удивлялся, почему же у Шевченко не нашлось для Петербурга «ни образов, ни ритмов, ни лирики»^[1163].

Чего только нет в «Кобзаре»: и москали, и ляхи, и народные герои (Тарас Трясило), и обманутые девицы, и поющий соловейко, и украинские поэты (Иван Котляревский). Но ни Васильевского острова, ни Академии художеств, ни Летнего сада там не найти.

Петербург появится у Шевченко позднее – в поэме «Сон» и, возможно, в переводах псалмов Давидовых. В 136-м псалме. Псалме, известном и людям, толком не читавшим Библии. «Там, на реках Вавилонских», «Там, у рек Вавилонских», или, что точнее, «При водах Вавилонских». У Шевченко – «На ріках круг Вавилона».

Псалом был написан несколько веков спустя после смерти царя Давида. Он относится ко времени Вавилонского пленения, то есть к VI веку до нашей эры. Сюжет его таков: евреи у вод Вавилона (на берегах Евфрата и многочисленных каналов) тоскуют по родине, повесив на ветви ив свои лиры. Вавилоняне («те, кто в плен нас увел», «сыны Эдома») предлагают им спеть песни Сиона, но евреи отказываются: «Как петь нам песнь Господу на чужой земле?» Они клянутся, что не позабудут Иерусалим, призывают Господа отомстить сынам Эдома за гибель Иерусалима:

Вавилон, ты страна грабежа!

Благословен,

кто поступит с тобой,

как ты – с нами!

Благословен, кто разможжит

твоих детей о камень!^[1164]

Блаженный Августин писал, что «в Ветхом Завете сокрыт Новый, а в Новом – раскрывается Ветхий»^[1165]. Но этот псалом написан за шесть

веков до христианства. В его строках отражена историческая реальность совершенно другой эпохи, стоит вчитаться в этот страшный текст, полный превосходной ветхозаветной поэзии, национальной гордости и бешеной ненависти к врагам. Это древнееврейская «Священная война».

А вот ее украинский перевод.

І Господь наш вас пом'яне,
Едомські діти,
Як кричали ви: «Руйнуйте,
Руйнуйте, паліте
Сіон святий!» Вавилоня
Дщере окаянна!
Блаженний той, хто заплатить
За твої кайдани!
Блажен! блажен! Тебе, злая,
В радості застане
І розіб'є дітей твоїх
О холодний камінь^[1166].

И господь наш вас помянет,
Едомские дети,
Как кричали вы: «Громите!
Жгите! В прах развеите!
Сион святой!» Вавилона
Смрадная блудница!
Тот блажен, кто заплатит
За твою темницу!
Блажен, блажен! Тебя, злую,
В радости застанет
И ударит детей твоих
О холодный камень!

(Перевод Л. Вышеславского)^[1167]

Шевченко перевел на украинский всего десять псалмов. Перевел, разумеется, с церковнославянского – восточных языков он не знал. Христианскую трактовку псалмов Тарас Григорьевич вряд ли усвоил. Научил его читать Псалтырь дьячок Богорский, человек еще молодой, не так давно бросивший семинарию (доучился только до среднего класса риторики). Учеников он порол нещадно, а в свободное время пил горилку. Вряд ли у него были время и возможность рассказать ученикам о сложном, аллегорическом толковании псалмов, принятом в христианской традиции. Ученики должны были только читать и учить

их наизусть. Шевченко оставался один на один с церковнославянским переводом, сохранившим лишь часть поэтической силы оригинала.

Шевченко переводил псалмы осенью 1845-го, это был расцвет его гения. Украинский перевод оказался длиннее церковнославянского и содержал строки, не имевшие аналогов ни в церковнославянском переводе, ни, как я могу судить, в древнееврейском оригинале. Эдомляне у Шевченко не только пытаются заставить своих «невольников» спеть «пісню вашу», но предлагают: «Або нашу заспівайте». Намек на русских (москалей), что заставляют малороссиян переходить на «московскую мову» и принимать свои обычаи, совершенно очевиден.

Якої ж ми заспіваєм?..

На чужому полі

Не співають веселі

В далекій неволі^[1168].

Какую же будем петь мы?

Здесь, на чужом поле,

Не поется веселая

В далекой неволе.

(Перевод Л. Вышеславского)^[1169]

Противопоставление космополитичного Вавилона «национальному» Иерусалиму – прозрачный намек. Киев еще в XVII веке называли «вторым Иерусалимом» как в Малороссии, так и в Москве. К слову, еще Ярослав Мудрый в начале XI века построил в Киеве Золотые ворота и храм Премудрости Божией – Софийским собор. Образцами были златые врата и храм Софии в Константинополе, но ведь Константинополь просто копировал Иерусалим с его вратами и храмом царя Соломона.

Шевченко мог обойтись и без такой цепи ассоциаций. Его друзья называли Петербург «северным Вавилоном». Вавилон в 136-м псалме – обитель зла, столица враждебного государства. Но ведь и в поэме Шевченко «Сон» Петербург – это город не страшный, как у Гоголя. Это именно вражеский город.

Русский читатель будет удивлен и возмущен. В самом деле, украинцы «на чужой земле» пели во весь голос. Носили не кайданы (кандалы), а модные сюртуки, шляпы от Циммермана и швейцарские часы. Сам Шевченко одно время был франтом, любил одеваться по моде. Его друг, художник Сошенко, даже удивлялся: куда тебе, Тарас, всё это: «Шуба енотовая, цепочки <...> шали да часы, да извозчики лихачи...»^[1170] Но ведь и Николай Васильевич Гоголь, по словам С. Т. Аксакова, одевался с претензией на щегольство^[1171]. Что говорить про

высокопоставленных малороссиян, сенаторов и тайных советников – Стороженко, Квитку, Кочубея? А жизнь крепостных малороссийских крестьян – говорящей собственности не только русских и польских, но и украинских панов – была не хуже и не лучше жизни таких же крестьян-великоруссов.

Но чувства сильнее разума, а историческая вина России и русских помнилась больше их исторических заслуг. Поэтому и появился в стихах великого поэта образ имперской столицы, поработившей Украину, построенной на козацких костях.

В снегах и на чужбине

Если верить исторической мифологии, а ей верят даже многие историки^[1172], Петербург стоит на костях. Украинцы добавляют: на украинских^[1173]: «Сила наших козаков полегла, годами строили Петроград, и русская (в оригинале «московская». – С. Б.) столица стоит на украинских костях», – утверждал в начале XX века приват-доцент Киевского университета Иван Огиенко^[1174].

За семьдесят лет до Огиенко Николай Костомаров писал в «Законе Божиим», программном документе Кирилло-Мефодиевского общества, о «сотнях тысяч», что царь Петр погубил «в каналах и на костях их построил себе столицу»^[1175]. Более того, Костомаров говорит о гибели украинского казачества, так что «сотнями тысяч», видимо, он исчислял только козаков, погибших на строительстве, хотя на Украине в петровское время просто не было столько козаков^[1176]. А соратник Костомарова по Кирилло-Мефодиевскому обществу Тарас Шевченко оплакивал страдания украинского народа, брошенного погибать в болотах Финляндии или Ингерманландии.

Як погнали на болото
Город будувати.
Як плакала за дітками
Старенькая мати.
Як діточки на Орелі
Лінію копали
І як у тій Фінляндії
В снігу пропадали^[1177].

Как людей погнали строить
Город на трясине.
Как заплакала седая
Мать о милом сыне,
Как сыночки на Орели
Линию копали,

Как в холодном финском крае
В снегу погибали.

(Перевод В. Державина)^[1178]

В наше время доказано, что массовая гибель на строительстве Петербурга – это миф. Смертность на строительстве Петербурга была не больше, чем на других стройках Петровского времени. Так, в 1706 году «из 529 плотников Петербургского адмиралтейства скончался один человек», еще 33 человека заболели, а пятеро бежали. За 1711–1712 годы в Петербурге из 2210 мастеровых умер 61 человек. Много это или мало? Во время строительства гребного флота на реке Воронеж смертность была вдвое выше^[1179].

Однако мифы живут до сих пор. При этом русский миф резко отличается от украинского. Русский – видимо, вариант древнего языческого мифа о строительной жертве: «Дело прочно, когда под ним струится кровь». В основе великого дела – кровавая жертва. А строительство града Петрова – великое дело. Как тут без великой крови? Но для русских Петербург – свой город, русский город. Поэтому кровь пролита не даром. А для украинцев это город – чужой. И кровь они пролили за чужое дело.

«Проклятый, лукавый» царь, «аспид голодный», засыпал финские болота благородными украинскими костями, на трупах замученных козаков поставил столицу.

Що ти зробив з козаками?

Болота засипав

Благородними костями;

Поставив столицу

На їх трупах катованих!^[1180]

Что ты сделал с казаками?

Засыпал трясины

Благородными костями;

Поставил столицу

Ты на их кровавых трупах!

(Перевод В. Державина)^[1181]

Так обвиняет царя Петра тень наказного гетмана Павла Полуботка в поэме Тараса Шевченко «Сон». И это было далеко не первое и не самое страшное обвинение. Еще Пилип Орлик, бывший генеральный писарь

Войска Запорожского, утверждал, что москали просто хотели истребить козаков, а потому и послали их на строительство Ладожского канала. Там одних козаков замучили непосильным трудом, других уморили голодом, третьих потравили гнилой мукой, смешанной с известкой и ящерицами^[1182].

На Ладогe, правда, Пилип Орлик никогда не был. Соратник Мазепы, политэмигрант, он скитался по Европе и пытался убедить европейские державы создать коалицию против России. Надеялся освободить «бедную отчизну нашу Украину от тяжкого и тиранского московского подданства»^[1183]. Так что слова Орлика – не свидетельство очевидца, а обычная политическая пропаганда.

Автор «Истории русов» жил в Российской империи и был вполне лоялен династии Романовых, а потому ответственность за гибель козаков возложил на светлейшего князя Меншикова, который на страницах «Истории русов» предстает последовательным и беспощадным врагом Малороссии и малороссиян. Потому он и посылал казаков на «выдуманные им каналы и линии»^[1184]. Козаки осушали непроходимые болота «и рыли каналы для прохода водных судов в Санкт-Петербург, город, построенный государем на свое имя в самых северных болотах, при устье реки Невы, который создан почти весь на сваях и насыпях и был могилою многочисленного народа, погибшего от мокрот, тягости и стужи»^[1185].

Уже в конце XIX – начале XX веков для украинских историков, от Михайло Грушевского до Ивана Огиенко и Миколы Аркаса, гибель «многих тысяч» украинцев на строительстве станет аксиомой. И только самые добросовестные (тот же Грушевский) будут сомневаться: а точно ли царь Петр хотел погубить козаков, не случайно ли вышло? Время жестокое, людей не щадили...

Правда, неизвестно, сколько вообще было украинцев на строительстве Петербурга. Город строили люди и вольнонаемные, и подневольные – солдаты, государственные, дворцовые и даже помещичьи и монастырские крестьяне, посадские жители, набранные по царскому указу. В основном великороссы. Но были и татары, чуваша, мордва. Из переписки гетмана Мазепы с князем Меншиковым, первым губернатором Петербурга, известно, что на строительство города были отправлены запорожцы. Трудовая повинность была им наказанием – Сечь находилась в оппозиции все годы гетманства Мазепы: «Запорожцы ни послушания, ни чести мне не отдают, что имею с теми собаками чинити?»^[1186] – жаловался гетман адмиралу Головину. Но в Петербурге запорожцы не задержались, а довольно скоро сбежали со стройки^[1187].

Несколько лучше известна судьба козаков малороссийских полков, трудившихся на другой, «соседней» стройке – на Ладожском канале. Канал строили двенадцать лет. Начали при Петре Великом, 22 мая 1719 года, а закончили в мае 1731-го уже при Анне Иоанновне.

Малороссийские козаки прибыли на Ладогу только в 1721-м, но именно в этот год случилось «моровое поветрие», погубившее много народу. В Малороссию вернулась едва треть козаков^[1188]. Правда, далеко не все погибли именно на Ладоге. Смертность началась еще по пути из-за плохой организации похода (организацией занималась козацкая старшина)^[1189]. Болезни («горячка и опухоль ног») продолжались и в 1722-м, о чем нам известно из жалобы в Сенат полтавского полковника И. Черныша (Черняка)^[1190].

Светлана Лукашова, сотрудник академического Института славяноведения, подвергает это свидетельство (единственное более или менее достоверное свидетельство страданий козаков на строительстве канала!) сомнению. Черняк, в сущности, писал донос на свое непосредственное начальство, да и сам был хорошо известным пьяницей. Не исключено, что именно от пьянства и скончался^[1191]. Но пьянство само по себе не доказательство нечестности. Козаков, конечно, никто не морил голодом, не травил мукой с ящерицами. Напротив, за работу даже платили и, видимо, платили неплохо. По крайней мере, в исторической памяти жителей Русского Севера строительство канала осталось просто как выгодное предприятие: «Покуда Ладожскую канаву копали, пашпортов ни с кого не спрашивали: всякое звание приходи и копай. Многие разжились и разбогатели»^[1192].

Но для козаков тяжелый труд в непривычном климате был суровым испытанием.

В 1724-м Петр произвел инспекцию канала и остался крайне недоволен Меншиковым, официальным руководителем работ, и Г. Скорняковым-Писаревым, подрядчиком канала. Новым подрядчиком был назначен Б. Х. Миних, который навел на стройке порядок и успешно достроил канал. После смерти царя Петра (1725) малороссияне уже не участвовали в строительстве. Более того, их не было на постройке канала уже в 1724 году^[1193]. Значит, из двенадцати лет строительства Ладожского канала козаки работали только три года (1721–1723). Много ли их было? При Меншикове одновременно работало около 16 000 человек. Малороссияне, видимо, составляли около одной трети. Сенат ежегодно требовал 5 000 рекрутов из малороссийских полков. Если поверить полковнику Черняку, то в первый год погибло две трети, то есть более 3 000 человек. В последующие два года такой смертности уже не было. Но данных, которые позволили бы установить истинные потери малороссиян, не существует. В любом случае эти потери могли составить 4 000 или 5 000, но никак не 13 000, 20 000 или 30 000, как пишут украинские историки. Тем более не сотни тысяч. Подобной смертности не было на Ладожском канале ни при Меншикове, ни тем более при Минихе. Петр I, при всей своей жестокости, был слишком прагматичен, чтобы взять и устроить геноцид собственным подданным.

Другое дело, что малороссияне были подданными своеобразными. Они держались своих вольностей и, очевидно, не считали, что обязаны трудиться ради общего, государственного, имперского блага. Работа на канале была в их глазах таким же ненужным и бессмысленным делом, как война в Прибалтике или Финляндии. А Петербург станет для них воплощением ненавистного чухонского севера и всей Российской империи, которой они пусть и служили, но не считали своей.

Часть X

Элита нации: карьера и фортуна

Хазары украинские, сарматы польские, татары русские

Восстание 1648-го навсегда изменило не только национальную и политическую карту Украины, но и совершенно переменяло социальную структуру общества. Старая элита Речи Посполитой была изгнана с левобережья Днепра или просто уничтожена. Исчезли польские воеводы, старосты и каштеляны. Теперь власть принадлежала козакам, точнее – козацким сотникам и полковникам. Их положение было шатким. Власть и жизнь козацкой старшины зависела не столько от начальника, сколько от подчиненных – козаков, которые могли в любой момент просто убить неугодного командира. Так, вскоре после смерти Хмельницкого началась гражданская война между сторонниками гетмана Выговского и его врага – полтавского полковника Мартына Пушкаря. Прежде чем немецкие наемники Выговского разобьют вооруженную «голоту» Пушкаря, она успеет перебить многих из козацкой старшины. Генерального писаря Юрия Немирича, образованнейшего человека (он учился в Оксфорде, Кембридже, Сорбонне), козаки просто изрубили в куски^[1194]. В 1663-м козаки соберутся на «черную раду» (то есть всеобщую раду, для всех козаков, а не только для начальников – старшины). Рада закончится массовыми убийствами «значных козаков», которые тщетно пытались спрятаться и даже спешно меняли свои дорогие красные жупаны на простые сермяжные^[1195]. На «черной раде» погибли многие соратники Хмельницкого и Выговского. Войсковые должности заняли простые запорожцы, которых привел с собой новый гетман Брюховецкий^[1196]. В 1668-м настал уже черед самого Брюховецкого и его старшины. Одних убили, а другие, как генеральный подскарбий (казначей) Роман

Ракушка-Романовский, бежали на другой берег Днепра или еще дальше – в Турцию или в Польшу.

«Правление их совершенно анархическое, потому что они, возмутившись, уничтожили всё дворянское сословие и теперь управляются полковниками (*Collonels*), ими самими избранными, с которыми всякий из них обходится запанибрата»^[1197], – писал о власти у «черкасов» Сэмюэль Коллинс.

Но любой смуте приходит конец. Уже при Самойловиче и в особенности в долгое гетманство Ивана Мазепы козацкая старшина стала постепенно превращаться в новую шляхту, новое дворянство.

Формально старшина – это только командный состав. Полк и сотня уже при Хмельницком были не только боевыми подразделениями, но и административными. Территория Гетманщины делилась на полки и сотни, и военная власть там соединялась с гражданской (не только административной, но и судебной). Должности на Гетманщине не соответствовали российским. Так, сотник – это не младший, а старший офицерский чин. Сотня – это и воинское подразделение, в котором обычно несколько сотен козаков, и целый уезд. Сотник – довольно большой начальник. Полковник – очень высокая должность, ближе к российскому генералу. Во времена Хмельнитчины численность полка достигала 20 000 человек. Власть полковника была огромной.

Из романа Евгения Гребенки «Чайковский»: «Одетые в серебро и золото, украшенные клейнодами, знаками своей власти, окруженные многочисленной вооруженной свитой, с азиатской пышностью являлись они перед народом – и города и сёла преклонялись, уважая их военные доблести и трепеща перед их властью»^[1198].

Должности в Войске Запорожском – выборные. Однако уже к концу XVII века выборы становились формальностью, а должность, как феодальный лен, передавали от отца к сыну или от дяди – племяннику.

В 1678 году скончался миргородский полковник Павел Ефремович Апостол. Власть над полком он передал своему сыну Даниилу (будущему гетману). Даниилу тогда было только двадцать четыре года. В 1695 году племянник Мазепы Иван Обидовский стал полковником Нежинского полка. Это был девятнадцатилетний юноша, который еще не имел военного опыта^[1199].

Еще при Мазепе в козацкой старшине появился миф об особом происхождении козаков: будто бы их предками были хазары. О хазарском происхождении козаков говорится и в «конституции»^[1200] Пилипа Орлика, и в летописи Григория Грабянки. Орлик, соратник и политический преемник Мазепы, и Грабянка, полковник Гадяцкого полка, верно служивший Российской империи, сходились в одном: считали козаков (а фактически козацкую старшину) особым военным сословием, ни в чем не уступавшим польской шляхте и российскому дворянству.

Собственно, идея о хазарском происхождении – вариант столь же фантастической теории «сарматского» происхождения польской шляхты. Она была хорошо известна благодаря «Хронике всего света» Мартина Бельского, польского автора XVI века. Сарматы, народ, о котором знали уже поздние античные авторы, будто бы стали предками польского благородного сословия, а многочисленное податное население (крестьяне и мещане) происходило от племен, завоеванных сарматами. Православная шляхта теорию приняла, но внесла уточнение: русские шляхтичи будто бы происходили от роксаланов, одного из сарматских племен, то есть всё же отличались от польских шляхтичей. «Наши предки, русские сарматы, добровольно пришли к вашим милостям, польским сарматам»^[1201], – писал Адам Кисель. Таким образом, знати легче было обосновать свое «благородное» происхождение, доказать, что она отличается от крестьянской массы даже «по крови». То же самое было и в соседнем Московском царстве, где многие боярские и дворянские роды вели свои родословные от скандинавских или татарских предков, хотя на самом деле эти господа могли иметь вполне русское и совсем не знатное происхождение.

Грабянке и его единомышленникам было даже легче, чем Мартину Бельскому и Адаму Киселю. О хазарах было известно еще меньше, чем о сарматах. Пилип Орлик всерьез полагал, будто хазары – это православные славяне, принявшие христианскую веру от Константинополя^[1202]. Кроме того, Грабянка путал хазар с гуннами, аварами и болгарами^[1203], таким образом, приписывая мнимым предкам козаков все исторические деяния этих народов, разрушителей Римской империи и смертельных врагов Византии. О том, что настоящие хазары исповедовали иудаизм, авторам «козацких» летописей не было известно.

Грабянка представлял козаков рыцарским сословием, защитниками и покровителями православного малороссийского народа, но ставил их выше народа и отделял от него. Исторической основы у этой теории не было, а лингвистическая базировалась на простом созвучии: козаки – козары, хазары.

На самом деле отделить казачество от народа было невозможно. Задолго до Хмельнитчины ряды козаков пополняли беглые селяне – хлопы. А после победы под Корсунем начался массовый переход крестьян и мещан в козаки, известный по всем источникам: польским, русским (московским) и собственно украинским – но прежде всего по авторитетнейшей «Летописи Самовидца». Ее создатель, Роман Ракушка-Романовский, сам воевал во времена Хмельнитчины и Руины, видел своими глазами превращение хлопов в козаков. Простонародье стало элитой^[1204]. В отличие от загадочных хазар, это была подлинная и не такая уж давняя история. Если от хазар остались два документа, да и те не были известны до начала XX века, то история казачества хорошо освещена историческими источниками. Да что там история,

ведь простонародное происхождение украинского дворянства ни для кого не составляло секрета: «Сапожники, кузнецы, мясники и другие подобные сим мастеровые, издревле в сем звании бывшие <...> теперь дворянами называются, продолжая при том свое ремесло»^[1205], – писал анонимный публицист начала XIX века.

Правда, уже в XIX веке фольклористы найдут следы «хазарской теории» даже у малороссийского селянства: «Запорожцы прежде звались Козарами и сидели в Каневе»^[1206], – рассказывал этнографу какой-то старик в Корсуне.

И все-таки нет оснований говорить, будто идея о козаках-хазарах действительно заняла важное место в исторической памяти народа. Когда от малороссийских дворян стали требовать подтверждения их благородного происхождения, они начали апеллировать не к полумифическим хазарам, а к подлинной украинской истории.

От шляхтича Демьяна...

«Малороссийский вопрос» полвека стоял перед Герольдией Правительствующего Сената^[1207]. В екатерининские времена на темное происхождение малороссийских дворян смотрели сквозь пальцы. После ликвидации Гетманщины и Слободской Украины малороссийские казачьи полки преобразовали в карабинерные, а слободские – в гусарские. Старшины стали офицерами, а чин давал право на дворянство. Беспокоиться пришлось тем малороссиянам, что давно оставили службу или вовсе не служили. Но первоначально и к ним российские власти отнеслись благосклонно. Такая снисходительность была формой подкупа: в обмен на упразднение Гетманщины с ее старинными правами и вольностями старшине предоставили права российского дворянства, утвержденные указом о вольности дворянства от Петра III и Жалованной грамотой от Екатерины II. В то время не только полковники и сотники, но даже простые козаки доставали документы, подтверждавшие их «благородное» происхождение. За документами ездили в Польшу, там их было легко купить. Иногда поступали еще проще. Историк Алексей Толочко, член-корреспондент Национальной Академии наук Украины, так описывает малороссийские геральдические хлопоты: «В польских гербовниках Несецкого или Папроцкого разыскивалась созвучная фамилия, срисовывался “наследственный” герб и вместе со свидетельствами родственников или приятелей (а в Малороссии каждый был либо приятелем, либо родственником) о давности шляхетства предоставлялся в Герольдмейстерскую контору»^[1208]. Пасько становились Паскевичами, Боровики – Боровиковскими^[1209], Василенко – Базилевскими^[1210]. Нередко находили и славного предка-русина, если русин был гетманом. Так,

Тарасевичи «при помощи сфабрикованного документа» доказывали, что происходят от Тараса Трясило, Искры возводили свой род к Острянице^[1211]. Скромные поповичи Яновские заявили о происхождении от славного полковника Гоголя, которого дважды «нобилитировал» (даровал шляхетское достоинство) польский сейм, а король Ян Собеский вручил полковнику гетманскую булаву^[1212].

Правда, Афанасий Демьянович Яновский, первым заявивший права на гордую фамилию «Гоголь», возводил свой род к Андрию Гоголю, а настоящего полковника Гоголя звали Остапом. Был у Остапа Гоголя и родной брат, только звали его не Андрием, а Григорием^[1213]. Афанасий Демьянович мог обойтись и без этой легенды, потому что «выслужил» потомственное дворянство в гетманской канцелярии. После конвертации гетманских чинов в общероссийские А. Д. Яновский вышел в отставку в чине секунд-майора, а право на дворянство в то время давал уже чин прапорщика.

«Всяк удивится, когда услышит, что в Малой России ныне сто тысяч дворян считается, которых, по изгнании из нее поляков, ни одной сотой доли не было и быть не могло»^[1214], – писал всё тот же анонимный публицист, автор «Замечаний до Малой России принадлежащих». Эту цифру подтверждали и профессиональные историки: в Малороссии оказалось «до 100 000 дворян с документами»^[1215].

Из романа Антония Погорельского «Монастырка»: «В Малороссии мне во многих маленьких городках, на больших дорогах лежащих, случалось останавливаться в трактирах <...> и везде почти я находил старушку хозяйку, молодую дочь и гитару; везде мне на первых порах хозяева намекали тем или другим образом, что они дворяне <...> дворянство это довольно сомнительно...»^[1216]

Не только потомки старшины и козаки, но и многие мещане обзавелись родословными и гербами. «Малороссия наполнилась тьмою панов <...> дворяне размножились, как “зайцы в лесу”, в который не запускали гончих», – с явным раздражением заметил князь И. М. Долгорукий^[1217]. Что там Долгорукий, когда Александр Сергеевич Пушкин писал с нескрываемым презрением: «...настоящая Аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. – Древние роды их восходят до Петра и Елизаветы. Денщики, певчие, хохлы – вот их родоначальники...»^[1218]

Сами малороссияне тоже смеялись над такими панами. В начале XIX века в Малороссии появилось анонимное стихотворение. Начиналось оно так:

Да вжежъ наши дворянне гербы посилають,
А що я бувъ дворянинъ, то то й не знають.
Я надумався й соби пѣсеньку спивати
И дворянство по своему гербу доказати.

К стихотворению прилагалось «родословное древо» и тот самый герб, изображавший большую лопату, грабли, косу, цеп, плуг, мельничный жернов и другие орудия труда селянина.

«Зъ казенного мужика зробывся я паномъ», – гордо сообщает герой. Свой род он ведет от Хама. Не от библейского Хама, а просто от Хама^[1219].

Между тем еще в 1802 году Герольдия стала наводить порядок и только за первые полтора-два года забрала 441 герб, представленный малороссийскими «дворянами». Так перекрыли путь в дворянство не только бывшим попovichам, мещанам, простым козакам, но и многим потомкам казачьей старшины. Службу в малороссийских полках и в генеральной канцелярии Гетманщины перестали считать доказательством дворянского происхождения. Русские чиновники не знали, как переводить всех этих бунчужных, обозных, писарей и сотников в чины российской табели о рангах.

На Украине с этим не примирились. Сенат невольно пробудил интерес малороссийских дворян к прошлому своей родины. Они начали собирать сведения о военных заслугах своих предков, о правах и вольностях, полученных от польских королей и русских царей, составлять сочинения по украинской истории. Цель была проста и понятна: доказать, что малороссийское казачество – это настоящее военное сословие, «рыцарская козацкая нация». Следовательно, потомки этих рыцарей имеют не меньше прав, чем остзейские бароны или великорусские дворяне.

Среди самых активных участников этой бумажной «войны» были люди, чье благородное происхождение не вызывало сомнений у Герольдии: Семен Михайлович Кочубей, Василий Григорьевич Полетика, Василий Васильевич Капнист. Очевидно, ими двигали сословная солидарность и оскорбленная национальная гордость^[1220], поскольку русские аристократы смотрели свысока на аристократов малороссийских.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов^[1221].

В четырех строчках – четыре смертельных оскорбления четверем аристократическим фамилиям великороссийского (князя Меншиковы), турецкого (графы Кутайсовы) и малороссийского происхождения (графы Разумовские, светлейший князь Безбородко и графы Кушелевы-Безбородко). По касательной досталось и Перовским, ветви Разумовских.

Разумовские вели свой род от простого козака, история возвышения которого была всем хорошо известна. Правда, в указах императрицы Елизаветы гетман Разумовский именовался «высоко и

благоурожденным». В панегирике, посвященном Кириллу Григорьевичу, род Разумовских выводили от князей Ружинских^[1222], но в столь откровенную ложь вряд ли всерьез верили.

Другое дело история рода Безбородко (Безбородько). Эта фамилия будто бы происходила от некоего Демьяна, польского шляхтича, который перешел на сторону Хмельницкого. От поляка Демьяна пошла и фамилия Безбородко: в одном сражении татарская сабля отсекала у него подбородок. Скорее всего, эта история, как и другие истории «польского» происхождения украинских дворян, вымышленная. Польский шляхтич по имени Демьян так же сомнителен, как Пасько Цалый – легендарный предок худородного, но удачливого Ивана Федоровича Паскевича, графа Эриванского и князя Варшавского.

Точно известно, что в течение XVIII века Безбородко служили в Гетманщине на высоких должностях. Андрей Яковлевич, отец будущего князя Безбородко, был даже генеральным писарем, а это вторая по значению должность после гетмана. Дядя был сотником, потом – обозным (командующим артиллерией) Переяславского полка.

Сам Александр Андреевич, прыгнувший «в князья из хохлов», – человек, вне всякого сомнения, выдающийся. Помимо дурных качеств – безмерного сластолюбия и продажности, он был наделен мужеством, умом, работоспособностью. Будучи уже немолодым человеком, стал полиглотом, выучив несколько европейских языков, а латынь, как и подобает человеку его происхождения, знал еще с молодости. Статс-секретарь при Екатерине, в царствование Павла I он стал канцлером. Таким образом, малороссиянин впервые занял высший пост в государстве, доступный человеку не императорской фамилии.

Но прежде чем попасть в статс-секретари к императрице Екатерине и стать фактическим руководителем внешней политики Российской империи, Александр Андреевич успел повоевать. К началу русско-турецкой войны 1768–1774 годов он занимал достаточно высокий пост правителя канцелярии малороссийского генерал-губернатора. Сам генерал-губернатор Петр Румянцев отправился командовать армией. У Безбородко не было необходимости водить полки в атаку. Он вполне мог сидеть в военном лагере, в обозе или даже в ближнем тылу и заниматься бумажными делами. Но в сражении при Ларге он лично возглавил один из передовых отрядов, атаковавших турецкий лагерь. Безбородко участвовал и в знаменитой битве при Кагуле, крупнейшем сражении той войны.

Брат Александра Андреевича, Илья Андреевич Безбородко, – профессиональный военный, участник обеих русско-турецких войн времен Екатерины, соратник Суворова. При штурме графом Суворовым Измаила в 1790 году генерал-майор Илья Андреевич за мужество получил орден св. Георгия 3-й степени (тогда редкую и очень ценную награду, которая давалась за исключительные подвиги) и золотую шпагу с алмазами. Он окончил жизнь графом, сенатором и

действительным тайным советником, унаследовав громадное состояние своего бездетного брата. Внук Ильи Безбородко, А. Г. Кушелев-Безбородко, вместе с частью громадного состояния унаследует и деньги, завещанные князем Александром Андреевичем на благотворительные цели. На эти деньги и открыта знаменитая Нежинская гимназия высших наук, где будут учиться Николай Гоголь, Нестор Кукольник, Евгений Гребенка. Так неужели «хохлы» из рода Безбородко не выслужили княжеский и графский титулы?

В конце концов, именно военная служба еще в Средние века открывала путь в дворянство. Простой народ – трудится, духовенство возносит молитвы, а дворяне, рыцари сражаются с неверными и вообще с любыми врагами, которые посягают на мир и порядок. На Украине в годы Хмельнитчины шляхту заменило казачество. Оно и заняло место первого сословия. Теперь казачество рассыпалось. Одни, совсем обеднев, переходили в крестьянское сословие, другие, более зажиточные и удачливые, стали дворянами.

Малороссийское дворянство

До Валуевского циркуляра, с которого начались гонения на малороссийский язык, оставалось еще много лет. Малороссийский язык, одежду, манеру общаться, образ жизни никто не запрещал, но их место было, так сказать, на заднем дворе – в частной жизни. Если малороссийский помещик не желал служить, а лежал целыми днями «в натуре», как Иван Никифорович, или посвящал жизнь вареникам и пампушкам, как Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной, то он мог очень долго избегать русификации. Но военный или чиновник должен был вспоминать о своем происхождении только дома, на отдыхе, в отставке.

Дмитрий Прокофьевич Трощинский в Петербурге был русским вельможей, государственным человеком. Но этот статс-секретарь, министр, сенатор сохранил свою украинскую душу. Он любил слушать малороссийские песни, а когда кто-нибудь запевал «Чайку» – песню, где аллегорически представлена «несчастливая» судьба Украины, – Дмитрий Прокофьевич плакал, закрыв лицо руками. В Кишиневе, имении Трощинского в Полтавской губернии, был домашний театр, где ставили малороссийские комедии Василия Афанасьевича Гоголя^[1223]. Сам Гоголь-старший, случалось, играл в этих пьесах, а компанию ему составляли не только крепостные актеры, но и Василий Капнист, автор «Ябеды». Юный Никоша Гоголь был в Кишиневе частым гостем. Там он мог не только смотреть комедии, но и читать книги. В семье Гоголей, как известно, хранилась только одна книга – «Кадм и Гармония» Хераскова^[1224]. А в Кишиневе Трощинский собрал хорошую библиотеку,

где можно было найти не только сочинения Аристофана, Петрарки, Пушкина, Державина, но даже «Энеиду» Ивана Котляревского.

Семейство Капнистов, несмотря на греческое происхождение, отличалось еще большей приверженностью малороссийской культуре. Мать Василия Васильевича Капниста Софья Андреевна (в девичестве Дунина-Борковская) происходила из семьи козацкой старшины. Ее родной брат занимал должность генерального обозного Войска Запорожского^[1225]. Однажды ее представили императрице Елизавете. Софья Андреевна явилась ко двору «в своем национальном богатом малороссийском костюме»^[1226]. До конца дней Софья Капнист по-своему отстаивала национальную идентичность. Она старалась, чтобы сыновья женились непременно на малороссиянках. Но Василий Васильевич женился на русской девушке из прекрасной семьи, Александре Алексеевне Дьяковой, дочери обер-прокурора Сената и действительного тайного советника^[1227]. Александра Алексеевна была «истинный ангел красоты как душевной, так и телесной»^[1228], однако суровая свекровь холодно приняла невестку: «старуха не любила ее потому единственно, что она была русская, и не называла ее иначе, как “московка”»^[1229]. Когда Софью Андреевну разбил паралич, эта «московка» терпеливо ухаживала за ней, «ни на минуту не оставляла». Однако свое завещание Софья Андреевна составила таким образом, что большая часть немалых богатств Капнистов досталась старшему сыну, Николаю. Он, в отличие от Василия, сделал правильный выбор: женился на девушке из хорошей малороссийской семьи.

На самом деле Василий Васильевич Капнист хоть и женился на русской и подолгу жил за пределами Малороссии (Павел I назначил его директором императорских театров в Петербурге), не меньше брата любил свою родину. Введение крепостного права на Украине Капнист встретил «Одой на рабство».

Куда ни обращаю зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехы,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них^[1230].

В семье Николая Васильевича Капниста «малороссийская старина» сохранялась еще прочнее: там даже говорили исключительно по-малороссийски. Старший из братьев Капнистов жил в деревне, целыми днями сидел в кресле и подсчитывал доходы от своих имений,

производя математические вычисления. Зато Василий Капнист был упорным и последовательным защитником интересов своей родины.

Из воспоминаний Софьи Васильевны Капнист-Скалон: «Отец мой любил страстно родину свою и готов был жертвовать всем своим состоянием для блага Малороссии; при малейшем угнетении или несправедливости начальников он летел в Петербург, бросал семейство свое, делал долги <...> и, сражаясь часто с знаменитыми людьми, почти всегда возвращался победителем»^[1231].

В Обуховке, имени Василия Капниста, было целое собрание портретов малороссийских гетманов. Рядом с изображением лояльного России Даниила Апостола висел и портрет Павла Полуботка^[1232], одного из «украинских мучеников», которого Петр Великий сгноил в Петропавловской крепости.

Именно с духом Павла Полуботка встречается герой шевченковского «Сна». Дух гетмана проклинает царя и с ужасом представляет судьбу своей родины: может быть, Украины далекой уж и нет, сожгли ее москали, а Днепр в море спустили.

України далекої,
Може, вже немає.
Полетів би, подивився,
Так Бог не пускає.
Може, Москва випалила
І Дніпро спустила
В синє море...^[1233]

Может быть, уж Украины
Вовсе нет. Кто знает!..
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
Может, всю ее спалили,
В море Днепр спустили.

(Перевод В. Державина)^[1234]

Василий Васильевич Капнист писал на русском языке, творчество его принадлежит русской, а не украинской литературе. Но Капнист охотно называл себя «хохлом» и оставался патриотом Малороссии до конца своих дней.

Без «малорусской личности»

В далеком 1687 году на реке Коломак гетман Мазепа подписал новый договор с представителями русского царства – так называемые «Коломакские статьи». Новый договор предписывал гетману «народ Малороссийский всякими мерами и способами с Великороссийским народом соединять»^[1235]. Впервые российские власти поставили своей целью русификацию Малороссии и малороссиян.

Императрица Екатерина ставила «Малую Россию» в один ряд с Лифляндией и Финляндией. Она писала: «Сии провинции, а также Смоленскую надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки к лесу»^[1236]. В 1764 году Екатерина II включила в Малороссийскую коллегию четырех русских офицеров и четырех представителей козацкой старшины. Причем русским и малороссиянам было велено на заседаниях коллегии сидеть не друг против друга (как было при Петре I, во времена первой Малороссийской коллегии), а вперемешку. Пусть исчезнет у малороссиян «развратное мнение, по коему поставляют себя народом, от здешнего (великорусского. – С. Б.) совсем отличным»^[1237].

Президент Малороссийской коллегии Петр Александрович Румянцев-Задунайский первое время был крайне недоволен и старшиной, и простыми козаками: порицал их за «любовь к родной земле»^[1238]. Но сила вещей делала русификацию почти неизбежной. Настоящая русификация придет в Малороссию вовсе не с пушками и штыками русских солдат (как она пришла на Запорожскую Сечь), а с модами, вкусами, позднее – даже с литературными журналами, новыми и привлекательными обычаями, с образом жизни русских дворян, который очень понравится и малороссиянам. Если прежде сотник и даже полковник мог жить в простой хате, разве только большой, светлой и лучше украшенной, то теперь на месте хаты строили господский дом, у богатых – настоящий дворец, не хуже, чем у польских панов на Волыни или состоятельных помещиков Великороссии. Вся левобережная Украина наполнилась усадьбами, созданными на русский или польский манер. Малороссийские помещики, в зависимости от своего вкуса и состояния, заводили крепостные театры или крепостные гаремы.

Наслаждаясь комфортом и богатством в подаренных Екатериной поместьях, эта новая аристократия «понемногу забывала свою старую Гетманщину»^[1239]. А если паны и вспоминали о славных козацких временах, то новые чины, ордена и земельные пожалования их вполне утешали.

Потомки козаков, вместе сражавшихся против татар и поляков, теперь были разделены имущественным неравенством, социальным положением и крепостным правом. Прадеды могли быть козаками одного полка, но один из их правнуков стал паном, другой – его дворовым человеком или бесправным крепостным «хліборобом».

Это превращение не было результатом целенаправленной политики России. Еще во времена Петра I и Елизаветы Петровны русские власти как раз препятствовали расслоению казачества, захватам земель, переводу козаков в посполитые и превращению их в «живую собственность»^[1240]. Тем не менее старшина захватывала земли и обращала вольных козаков в зависимых крестьян, которые станут крепостными уже в екатерининские времена. Вот как действовал на этом поприще Яков Ефимович Лизогуб, внук знаменитого воина Якова Кондратьевича Лизогуба. Козаков, обедневших или пропивших деньги в шинке, он ссужал деньгами под залог земли. Если козак не мог отдать долга, то составляли купчую и забирали себе землю. Козаку разрешали жить по-прежнему в своем доме и трудиться на земле, но уже нести повинности, положенные крестьянину^[1241]. Вольный козак становился мужиком и должен был два дня в неделю трудиться на панщине.

Президент первой, созданной еще Петром Великим, Малороссийской коллегии Степан Вельяминов даже брал под защиту козаков, пострадавших от произвола своих старшин-начальников. Козаки жаловались в коллегия, что честно несли свою службу, а старшины их «по неволе взяли к себе в подданство»^[1242]. России это было невыгодно, и Вельяминов стал на сторону посполитых и простых козаков.

Но при Екатерине положение дел изменилось совершенно: в Малороссии ввели крепостное право, к радости новых помещиков.

Малороссийские дворяне, писала Александра Ефименко, как будто ставили себе целью «освободиться от проявлений своей малорусской особенности»^[1243]. Принадлежность к русской дворянской культуре, в то время уже более развитой и даже утонченной, ставило этих потомков писарей, обозных и бунчужных выше их собственных крестьян. Переход к русской культуре лучше подчеркивал отличия дворянства от крестьян и мещан, чем искусственная и нелепая теория о хазарском происхождении козаков.

Но больше всего помогали русификации семейные связи. Первые десятилетия после Переяславской рады украинская старшина и российское дворянство почти не смешивались, хотя уже в 1664 году на «московской девке» (дочери князя Д. А. Долгорукова) женился гетман Брюховецкий. Позднее гетман Самойлович выдал свою дочь Прасковью за русского боярина Федора Петровича Шереметева. Еще интереснее судьба противника Самойловича Петра Дорошенко. Проиграв войну, Дорошенко отправился в Россию, где стал вятским воеводой. В 1682 году государь пожаловал ему имение Ярополец, что под Волоколамском, где бывший гетман и провел последние годы. В России Дорошенко женился на Агафье Еропкиной. Их потомки жили уже в Великороссии и принадлежали к русскому дворянству. Среди потомков гетмана читателю, вне всякого сомнения, известны две его прапраправнучки: Идалия Полетика и Наталья Гончарова. В семье

Гончаровых помнили о своем происхождении. Один из братьев Натальи Николаевны даже построил часовню над могилой легендарного предка.

Наконец, замечательным символом русско-украинского родства станет брак племянника Н. В. Гоголя Николая Владимировича Быкова с внучкой А. С. Пушкина Марией Александровной Пушкиной^[1244].

Малороссийский род Апостолов был знатнее, известнее и богаче потомков Дорошенко. Павел Апостол служил некогда знаменитому Иеремии Вишневецкому. Только после смерти князя он перешел на сторону Хмельницкого, принял Переяславский договор и, в отличие от многих козаков, верно служил царю. Его сын Даниил Апостол, миргородский полковник, не раз был наказным гетманом. В 1708 году он сначала поддержал Мазепу, но вскоре, взвесив все обстоятельства, перешел на сторону царя Петра и с тех пор уже служил России.

К началу XIX века род Апостолов прекратился. Михаил Данилович, правнук гетмана, последний из рода Апостолов, завещал родовое имение своему двоюродному брату Ивану Муравьеву. Его мать принадлежала к фамилии Апостолов, отец, Матвей Артамонович, был русским генералом. Иван родился в Новгородской губернии, учился в Петербурге, служил в армии, затем по дипломатической части – посланником в вольном городе Гамбурге, в Дании, в Испании. Уже в 1801 году благодаря хлопотам М. Д. Апостола Муравьев получил имение в Малороссии, 500 душ крестьян и родовую фамилию «Апостол» и с тех пор именовался Муравьевым-Апостолом. Но в Малороссию он приехал много позднее, уже пожилым человеком, когда после смерти двоюродного брата получил в свое владение Хомутец, лучшее имение Апостолов. Иван Матвеевич был человеком умным, талантливым и свободомыслящим. Он знал восемь языков, на досуге переводил Аристофана, писал и печатался. Софья Капнист-Скалон вспоминала о нем как о приятном соседе: «любил музыку и сам отлично пел и, будучи чрезвычайно приветлив и любезен, считался всегда душою общества». Вот только чем, кроме фамилии и поместья, он был связан с Малороссией?

В Хомутце Муравьев-Апостол жил лет восемь, после чего перебрался в Петербург. Сыновья Ивана Матвеевича Муравьева, Матвей, Ипполит и Сергей Муравьевы-Апостолы, воспитывались в Париже, а потому долгое время не знали ни русского, ни малороссийского. После гибели двух младших сыновей-декабристов (Сергей был повешен, а Ипполит застрелился) и ссылки в Сибирь старшего, Матвея, Иван Матвеевич снова уехал в Европу. Правильнее было бы написать иначе: вернулся в Европу.

«Люди чиновные принадлежат всем странам: ежели не по духу, они по навыкам – космополиты; их наречие, следовательно, есть общее со всеми», – писал князь И. М. Долгорукий в 1810 году. Даже полтавский помещик Григорий Павлович Галаган, известный украинский патриот, хороший знакомый Тараса Шевченко, вел такой образ жизни, что Иван

Аксаков заметил: «ему надо бы зваться не паном Галаганом, а лордом Галаганом». Имение Григория Павловича украшал прекрасный английский парк, а барский дом гости называли «замком»^[1245].

«Малороссийские паны и помещики отказались от своего национального костюма, оделись в петровские фраки и сюртуки, в циммермановские шляпы и фуражки; они хотят быть русскими, не хотят быть похожими на малороссиян. <...> в высших сословиях нет уже малороссийского духа»^[1246], – писала в 1834 году «Северная пчела».

Русский учитель, русский ученик

До ликвидации Гетманщины малороссиянин мог сделать хорошую карьеру, даже не зная великорусского языка и не выезжая за пределы Малороссии и Запорожья. Но после 1765 года всё переменялось. Для карьеры нужно было знать не только русский (а желательно и немецкий, и французский) язык, но и уметь вести себя в обществе русских чиновников или офицеров, а значит, приспособливаться к их обычаям, подражать их манерам, вкусам, взглядам. Поэтому родители начали устраивать своих детей в школы и пансионы, где обучали на русском. Выпускники продолжали обучение уже в Москве или в немецких университетских городах. Иван Васильевич Гудович, будущий фельдмаршал, учился в Кёнигсберге и Лейпциге, Кирилл Разумовский – в Гёттингенском университете, его сыновья Алексей и Андрей – в Страсбургском. Образование стоило немалых денег, но средств не жалели. Закладывали и даже продавали имения, бедные дворяне разорялись, но тратили последние деньги на учителей, гувернеров, на школы, пансионы, университеты.

За дворянством потянутся все, кто стремился к имперской карьере. И тоже не пожалеют ни времени, ни сил, ни денег. Потом уже Тарас Шевченко будет сокрушаться, попрекать украинцев:

...Може, батько
Остатню корову
Жидам продав, поки вивчив
Московської мови^[1247].

...Может, батько
Продавал корову
Последнюю, чтоб выучил
Ты столичный говор!
(Перевод В. Державина)^[1248]

Каждое новое поколение малороссийских дворян всё сильнее сближалось с дворянами русскими, а русские, в свою очередь, одеждой,

вкусами, манерами и речью старались походить на французов или англичан. Русский учитель и французский гувернер постепенно превращали детей малороссийских помещиков в типичных русских европейцев.

Василий Нарезный родился под Миргородом, но уже в двенадцать лет поступил в гимназию при Московском университете. Даже повесть о запорожцах Нарезный напишет на русском, а войскового атамана сделает сыном... маркиза из Лангедока.

Николай Гнедич сначала получил вполне малороссийское образование в полтавской семинарии и знаменитом Харьковском коллегиуме, в шестнадцать лет поступил в гимназию при Московском университете, а затем стал и студентом этого университета. Заметим: Гнедич и Нарезный – бедняки, у родителей Нарезного даже не было крепостных душ.

Иван Паскевич, происходивший из худородной, но богатой семьи, тоже получил домашнее образование. Когда юному Паскевичу исполнилось одиннадцать, дед, Григорий Иванович, привез внука в Петербург и устроил в Пажеский корпус. Не удовлетворившись этим, дед нашел ему особенного учителя – Ивана Ивановича Мартынова, чиновника коллегии Иностранных дел, полиглота, будущего профессора и академика^[1249].

Братья Капнисты учились в одном из лучших пансионов Петербурга. Юного Никошу Гоголя-Яновского отдали в полтавское училище, где преподавали, разумеется, на русском. Продолжил он образование в соседней Черниговской губернии, в городе Нежине, где уже открылась гимназия высших наук.

Эту гимназию сравнивают если не с Царскосельским лицеем, то по крайней мере с Ришельевским и Кременецким. Однако в этом сопоставлении Нежинская гимназия проигрывает, в особенности Кременецкому лицезу. Первый директор гимназии Василий Григорьевич Кукольник был некогда доцентом Венского университета, профессором Петербургского педагогического института, затем – профессором Высшего училища правоведения и только что открытого Петербургского университета. Он даже преподавал римское право великим князьям – Михаилу Павловичу и Николаю Павловичу (будущему русскому императору).

Граф Кушелев-Безбородко пригласил Кукольника возглавить только создававшуюся гимназию в Нежине, и блестящий столичный профессор сделал роковую ошибку: согласился. Интеллектом и эрудицией Кукольник не уступал создателям Кременецкой гимназии (потом – лицеза) Тадеушу Чацкому и Гуго Коллонтаю, но не имел их административного опыта. К тому же Кукольник встретил в Нежине отнюдь не элиту, не «сливки общества». Он с огорчением обнаружил, что многие гимназисты совсем не подготовлены к учебе, а многие

преподаватели и профессора были совсем не по душе просвещенному директору. Однако заменить их было нечем.

Через полгода после приезда в Нежин Василий Григорьевич выбросился из окна третьего этажа. Официальной причиной смерти назвали «апоплексический удар», но сын директора, Нестор Кукольник, говорил именно о самоубийстве отца. Об этой истории было известно и другим гимназистам^[1250].

Второй директор гимназии, Иван Семенович Орлай, значительно поправил дела. В Нежине учили латыни, греческому, немецкому, французскому. В числе предметов были всеобщая история, география, римское право, российское гражданское и уголовное право, математика, физика, естественная история и даже военные науки и нравственная философия^[1251].

Нестор Кукольник писал, что в Нежинской гимназии «были ученики, которые могли рассказать внутреннюю домашнюю жизнь римлян, как будто сами там и в то время жили, а самое право учил по Римскому своду законов, то есть по Юстиниановым Институциям, на языке подлинника, да и вообще многие предметы проходили ex fontibus^[1252]» (лат, по первоисточникам. – С. Б.).

Но Гоголь совсем иначе писал о гимназии: «Я <...> потерял целые шесть лет даром; <...> нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько узнать еще. <...> Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и пр., здесь языкам совершенно не учат. <...> Ежели я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе»^[1253]. Гимназия в Нежине была центром не украинской, а русской культуры. Ее выпускники должны были стать русскими чиновниками или военными. Разумеется, учили на русском.

К середине XIX века русификация зашла так далеко, что «мало кто из украинских помещиков умел говорить на родном языке»^[1254]. Даже Тарас Шевченко, предпочитавший родную речь «черствой кацапской мове», в гостях «у панов почти всегда говорил по-русски»^[1255]. Паны уже слабо понимали украинскую мову. Это отмечали и русские, часто бывавшие на Украине: «В Малоруссии всё общество говорит общим русским образованным языком и почти не умеет говорить народным наречием»^[1256], – констатировал Иван Аксаков. Иначе и быть не могло. К состоятельным дворянским детям приглашали иностранных гувернеров и гувернанток и русских нянек. Детей обычно воспитывали таким образом, что «каждое украинское выражение вменялось им (детям. – С. Б.) в проступок и влекло за собою наказание»^[1257]. Говорить по-украински значило «говорить по-мужицки», что, конечно, не приветствовалось.

Впрочем, находились и дворяне, сохранившие верность народной мове. Иван Аксаков, посетивший имение Григория Галагана в 1854 году, обратил внимание, что своего сына Галаган отдал кормилице-

малороссиянке и что с ребенком разговаривают не иначе как по-малороссийски^[1258].

Среди преподавателей Нежинской гимназии были не только русские, но и русифицированные малороссияне, из тех, что, по словам Пантелеймона Кулиша, «отчалили от родного берега и уплыли далеко в Московщину»^[1259]. К таким «уплывшим в Московщину» украинцам принадлежал Иван Кулжинский. Молодой и хорошо подготовленный учитель латинского языка написал книгу под названием «Малороссийская деревня». Н. В. Гоголь подверг ее уничтожающей критике (разумеется, втайне от автора) и даже назвал сочинение Кулжинского «литературным уродом». Впоследствии Кулжинский станет злейшим врагом всего украинского, начнет отрицать существование украинского языка, будет уничижительно отзываться о малороссийской литературе. Но и в «Малороссийской деревне» он смотрел на соотечественников-малороссиян свысока. «Южные россияне», как называл он украинцев, отстали от своих северных братьев (то есть от русских) в «народной гордости»^[1260]. Дело здесь не только в усердии Кулжинского, который хотел быть большим русским, чем сами русские. Малороссийскому языку не было места в государственной жизни Российской империи, равно как и в жизни высшего сословия. Путь из провинции в столицу, из культуры сельской в городскую казался самым лучшим, даже единственно возможным для культурного малороссиянина. Шевченковское «Цур тобі, мерзенний» еще не прогремело, но даже у Гоголя в «Старосветских помещиках» находим мы презрительное отношение к тем «низким малороссиянам», что «наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*»^[1261].

Птенцы гнезда Перова

Подмосковное село Перово императрица Елизавета подарила своему фавориту Алексею Разумовскому, сыну козака Грицко Розума. После того как в 1753 году в Париже под редакцией самого Вольтера вышли «Записки о России» беглого российского генерала Христофора Германа Манштейна, вся Европа узнала, что Алексей Разумовский – не только фаворит, но и муж русской императрицы^[1262]. Об этом знали и в России. Даже указывали, что венчание Елизаветы и Алексея состоялось именно в Перове, в Знаменской церкви^[1263]. Как бы там ни было, Перово станет не просто одним из многочисленных поместий Разумовских, но даст имя одной из ветвей этого рода – Перовским.

У Алексея Разумовского детей не было (по крайней мере детей, признанных законом). После смерти всё его состояние досталось родному брату Кириллу Григорьевичу и его потомкам. Кирилл Разумовский и сам был человеком очень богатым, прежде всего благодаря браку с троюродной сестрой императрицы Елизаветы Екатериной Нарышкиной, наследницей огромного состояния. Но примечательно другое: Кирилл Григорьевич, до шестнадцати лет не знавший грамоты, в восемнадцать лет стал президентом Академии наук, а в двадцать два года – гетманом.

Братья Разумовские выросли на Украине и всю жизнь оставались настоящими малороссиянами, даже став российскими сенаторами, графами и камергерами. Видимо, усилиями и хлопотами Алексея не только было восстановлено гетманство, но и подтверждены древние вольности и привилегии Киева, оказана помощь крестьянам, пострадавшим от саранчи и пожаров. Наконец, Малороссию освобождали от «полков великороссийских», то есть на время сняли с населения тяжкую и разорительную повинность^[1264].

М. С. Грушевский считал Кирилла Разумовского человеком, «совершенно чужим Украине»^[1265], а потому – очень плохим гетманом. Но человека вроде Дорошенко, Мазепы или Хмельницкого ни в коем случае не поставили бы гетманом в елизаветинские времена, да и не было людей такого склада в тогдашней Гетманщине.

Кирилл Григорьевич, от природы умный и благодаря милостям императрицы получивший хорошее образование (учился математике у Леонарда Эйлера, слушал лекции в Гёттингенском университете), оказался для Малороссии человеком полезным. Всё время своего гетманства он по мере сил защищал интересы Малороссии. Хлопотал о создании университета в Батурине, всячески мешал созданию «Новой Сербии», препятствуя выселению украинцев, уже освоивших земли, предназначенные для сербских гусар.

Когда Екатерина ликвидировала Гетманщину, Кирилл Григорьевич остался верен украинским привычкам и обычаям, даже когда жил за границей или в своем подмосковном имении Петровское-Разумовское. Он окружал себя малороссиянами, любил украинскую кухню, не брезговал мовой, которую его современники считали грубой и простонародной.

У графа Разумовского было пять дочерей (одна умерла еще ребенком) и шесть сыновей. Все получили европейское воспитание. Сыновья учились в Петербурге, где им преподавал Август Шлёцер, один из самых талантливых ученых-гуманитариев того времени, затем продолжали образование в Страсбургском университете. Кажется, ни одного из них нельзя причислить к малороссиянам, а некоторых вряд ли стоит считать и русскими. «Все они воспитаны были за границей, начинены французской литературой, облечены в иностранные формы и

почитали себя русскими Монморанси»^[1266], – писал о Разумовских Филипп Вигель.

Самым знаменитым и высокопоставленным из сыновей последнего малороссийского гетмана был Андрей Кириллович. Светлейший князь и действительный тайный советник первого класса, он помогал императору Александру I вершить судьбы Европы, а большую часть жизни провел за границей: в Неаполитанском королевстве, в Швеции и долее всего в Австрии. Известный дипломат, человек образованный и блестящий, он был не украинцем и даже не русским европейцем. Настоящий европейский космополит, Андрей Кириллович достигнет карьерных высот при императоре Александре I, таком же европейском космополите. Впрочем, жизнь в Вене, в немецком окружении (он был дважды женат, и обе его жены были австрийскими графинями), кажется, приблизила Андрея Разумовского к австрийским немцам больше, чем к другим европейским народам. Он даже принял католичество.

Родной брат Андрея, Григорий Кириллович, с двадцати лет также жил в основном за границей – сначала в Швейцарии, затем во Франции, в Австрии, посвятив свою жизнь науке. Григорий Разумовский был довольно известным ученым-натуралистом, занимался геологией. Женился на француженке, затем (не оформив развода) – на немке. В конце концов отказался от российского подданства и перешел в протестантизм.

Алексей Кириллович, как и братья Андрей и Петр, учился в Страсбургском университете, к тому же был вольтерьянцем и масоном, но его жизнь все-таки была связана с Россией. Камергер, тайный советник, сенатор, одно время – министр просвещения, он был обладателем богатых русских и украинских поместий и еще больше увеличил свое состояние благодаря браку с графиней Варварой Шереметевой. В браке у супругов родилось пятеро детей, и еще десять (пять сыновей и пять дочерей) Алексей Кириллович прижил от некой Марии Соболевской. Эта дочь берейтора сумела вытеснить графиню Шереметеву из жизни Алексея Разумовского и провести с ним целых тридцать пять лет. При этом она, кажется, была не слишком заботливой матерью. Судя по миниатюре Ж.-Д. Екса, которая хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома, не была эта дама и красавицей. Алексей Кириллович, несмотря на свое богатство и связи, так и не сумел выхлопотать для Марии Михайловны дворянство, хотя в ход пустил привычную и типичную для мнимых малороссийских дворян версию о «польском происхождении». Соболевскую пытались объявить вдовой польского дворянина Перовского, однако подходящих доказательств представить в Сенат не удалось. Дети Марии Михайловны и Алексея Кирилловича будут носить фамилию Перовских, но связана фамилия, по всей видимости, не с мифическим польским дворянином, а всё с тем же селом Перово.

Вигель писал, будто Алексей Кириллович «имел одну только незаконную славу – быть отцом Перовских»^[1267]. Перовские, аристократы-бастарды, сделают хорошую, даже блестящую карьеру. Лев Перовский будет министром, Николай – таврическим губернатором (его внучка – террористка Софья Перовская), Василий – оренбургским генерал-губернатором. Именно он возобновит начатую еще Петром Великим русскую экспансию в Среднюю Азию. Его брат Алексей Алексеевич одно время служил, занимая высокие должности от секретаря министра финансов до попечителя Харьковского учебного округа, пока не вышел в отставку и не посвятил себя воспитанию племянника (сына своей сестры Анны Алексеевны и статского советника Толстого) – Алексея Константиновича Толстого.

В истории литературы Алексей Перовский остался под своим псевдонимом Антоний Погорельский. Он был автором «Вечеров в Малороссии», где Малороссии почти нет.

Самое украинское из его сочинений – «Монастырка». Она вышла раньше «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Тайну пасичника Рудого Панька еще не разгадали, поэтому некоторое время Погорельского считали вполне достойным кандидатом на авторство «Вечеров»: «Я приписывал их Перовскому, хоть я вовсе в них не узнавал его», – писал Евгений Баратынский. Кто спорит, гениальность Гоголя и скромный литературный дар Погорельского несопоставимы, но здесь речь не об одном лишь таланте.

Читатель легко найдет принципиальную разницу между «Монастыркой» и «Вечерами». «Вечера на хуторе...» и «Миргород» написаны малороссиянином. Его взгляд на мир – малороссийский, украинский. Диканька, Гадяч, Миргород для него – родина, родная земля, где всё понятно, всё близко и естественно.

Для Погорельского Малороссия – романтическая декорация. Для русских писателей эпохи романтизма любимой декорацией был, конечно, Кавказ, где развивались события «Кавказского пленника», «Мцыри», повестей Бестужева-Марлинского. Изредка заменить экзотику Кавказа могла и Великороссия, но только древняя, желательна – допетровского времени, как в любимом читателями романе Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Но и современная Малороссия была страной достаточно экзотической. Русский герой попадает в нерусский мир: «Ты думаешь, верно, любезная Маша, что мужики здесь такие, как кучера в Петербурге или, может быть, как чухонцы, которые там продают масло? Совсем нет! На них длинные белые кафтаны (очевидно, свитки. – С. Б.) и такие же шапки... шляп я здесь вовсе не видала, а голова у них, *ma chere*, совсем обрита, только наверху оставлен хохол»^[1268].

Здесь всё удивительно, здесь живут иначе, чем в Петербурге и вообще в Великороссии. Здесь необыкновенно много едят, даже

благородные девушки не носят корсетов, они «толсты и краснощеки»: «Во всем монастыре у нас нет ни одной такой толстой, краснощекой...»

Внук гетмана, правнук украинского козака, Алексей Перовский был русским аристократом. Он вырос в Москве и в малороссийском Почепе. Воспитывала его женщина, о которой известно так мало, что мы даже точно не знаем ее имени: в одних источниках она Прасковья, в других Пелагея: «очень простая», но «одаренная живым благочестием», «добрый гений всей семьи»^[1269]. Мария Соболевская и Пелагея/Прасковья не были ни малороссиянками, ни полячками. Значит, с детства Алексей Перовский воспитывался русскими людьми. Годы, проведенные в малороссийском имении, никак не способствовали его украинизации. Разумовских и Перовских окружали русские лакеи, повара-французы, иностранные гувернеры и учителя. Живого общения с украинским крестьянским миром было слишком мало, чтобы этот мир мог повлиять на становление национальной идентичности.

Мальчик Алеша, герой самого известного сочинения Антония Погорельского, волшебной сказки «Черная курица, или Подземные жители», списан с любимого племянника, Алеши Толстого. Алексей Константинович провел детство в малороссийских имениях матери (в Блистове) и дяди (в Погорельцах, Красном Роге).

Ты знаешь край, где всё обильем дышит,

Где реки льются чище серебра,

Где ветерок степной ковыль колышет,

В вишневых рощах тонут хутора...^[1270]

«Красный Рог – Москвы порог», – говорила местная пословица. С 1618 до восстания Хмельницкого к востоку от Красного Рога проходила граница Русского царства и Речи Посполитой, а позднее – граница автономной Гетманщины. Во время восстаний с Украины в Россию бежали посполитые и козаки, в спокойные времена крестьяне-великороссы снимались со своих мест и уходили в земли Гетманщины, еще не знавшие настоящего крепостничества. Во времена А. К. Толстого окрестности Красного Рога и Почепа были уже не политическим, а этнографическим русско-украинским пограничьем, что отразилось даже в топонимике. Неподалеку от Красного Рога стояли деревни с характерными названиями: Москали, Белые Хохлы, Черные Хохлы и т.д.^[1271]

Кобзари пели свои думы и песни. Крестьянские девки, «Гапки, Оксаны, Ганны», ходили на вечерницы. Мужики брили бороды и головы, оставляя только длинные чубы на козацкий манер. Да и сам Алеша, случалось, называл себя «козаком»^[1272].

И все-таки дистанция между молодым барином и его крестьянами была слишком велика. К тому же восьмилетнего Алешу увезли сначала в Москву, а затем в Петербург, где он вместе с юными Иосифом Виельгорским, Александрами Паткулем, Адлербергом, Барятинским

станет товарищем по играм для наследника престола, будущего государя Александра II. Позднее Алеша увидит германский Веймар, будет сидеть на коленях у Гёте, много месяцев проведет в Италии.

Толстой вернется в Малороссию, будет часто бывать и в Погорельцах, и в своем любимом Красном Роге. Однако Украина останется для него страной почти столь же романтической, прекрасной и нереальной, как средневековая Британия. Не зря он сравнивал дебри, окружавшие тогда Красный Рог, с Шервудским лесом^[1273]. В его стихах встречаются Сагайдачный и Палей, но это всего лишь романтические образы вроде Робин Гуда.

...край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..^[1274]

Шевченко, современник А. К. Толстого (всего на три года старше), «разговлял» об Украине с гетманами и атаманами минувших столетий, резал поляков с Тарасом Трясило, отправлялся бить турок с Иваном Пидковой. Тоже романтический взгляд на историю Украины? Возможно, но как же он отличается от взгляда Толстого. У Шевченко – история родной Украины, написанная кровью. У Толстого – романтический сон о крае, «где всё обильем дышит». Совсем иначе писал Алексей Константинович о России и русской истории. Ему близка была не Украина семнадцатого века, а Россия века шестнадцатого.

P.S.

Как мы помним, у Алексея Кирилловича Разумовского были дети и от законной жены, и они тоже небезынтересны для нас.

Одна из дочерей, Варвара Алексеевна, вышла замуж за Николая Репнина, будущего малороссийского губернатора, известного своим украинофильством. Ее дочери, княжне Варваре Николаевне, Тарас Шевченко посвятит поэму «Тризна». Многие биографы Шевченко считают, что княжна была влюблена в автора «Кобзаря». Она не прекратит с ним переписку даже после его ссылки в Оренбургский край, будет писать ему в Орскую крепость и в Оренбург. Шевченко называл ее «добрый и единый друг мой», но ее влюбленности то ли не заметил, то ли сделал вид, что не замечает.

Екатерина Разумовская, тетка Варвары Николаевны Репниной, вышла замуж за Сергея Семеновича Уварова. С его именем связана одна легенда. Будто бы Тарас Шевченко, несмотря на строгий запрет писать и рисовать, всё же не удержался и нарисовал в Орской крепости

картину, изображавшую графа Уварова. О ней нам известно по описанию М. И. Бажанова, который служил с Шевченко.

Из воспоминаний М. И. Бажанова, записанных журналистом А. И. Матовым: «...прекрасная картина-аллегория <...> представляла из себя малороссийскую деревушку со всеми аксессуарами южной природы. На первом плане картины выделяется ветхая хатка, обнесенная высоким частоколом. Синеватое небо местами затянуто тучками, из-за которых по временам вырываются солнечные лучи и, проникая чрез отверстие частокола, живописными узорами золотят хатку. Лицом к ограде и затылком к избушке стоит тогдашний министр народного просвещения; в распростертых руках он держит развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею проникающие чрез ограду солнечные лучи и таким образом оставить в тени убогую хатку»^[1275].

Вероятно, это все-таки легенда, ведь собранные Матовым свидетельства с момента их публикации считались источником сомнительным. Биографы Шевченко уличали журналиста в неточностях, да и картина Тараса Григорьевича не дошла до нас.

Часть XI

Нация и память: Иван Мазепа в легенде и в истории

От Варшавы до Москвы

Иван Степанович Мазепа, вопреки слухам, распространенным еще при жизни гетмана, был не поляком, а природным малороссиянином. «Летопись Величко» говорит о Мазепе, что он был роду «козакорусского», а «Летопись Самовидца» пишет о Мазепе с уважением как о человеке «роду шляхетного, повіту Білоцерковського, старожитной шляхты української»^[1276].

Село Мазепинцы и впрямь относилось к Белоцерковскому повіту, что на южной Киевщине. Отец будущего гетмана носил двойное имя Адам Степан, что было обычно среди православной шляхты Речи Посполитой. Сам Хмельницкий носил двойное имя: Богдан Зиновий. Мать Ивана Мазепы, Марина Мокиевская, умная и властная женщина, после смерти мужа ушла в монастырь, где, однако, заняла высокое положение: стала настоятельницей славной и богатой Киевской Вознесенской обители.

Иван Мазепа родился 20 марта 1639 года. Хотя юность Мазепы пришлась на Хмельнитчину, он успел получить хорошее образование, прежде чем начать военную и политическую карьеру, выучил несколько иностранных языков, включая немецкий, итальянский, латынь. Мазепа писал стихи, сочинял думы и песни. Авторство их, правда, не всегда можно подтвердить. Песню о чайке Мазепе приписывала устная народная традиция, думу об Украине и ее защитниках приписал Мазепе Кочубей и прислал в качестве вещественного доказательства гетманской измены.

Учился Мазепа в Киево-Могилянской коллегии, затем в Голландии, Италии, Германии, Франции^[1277]. Несколько лет служил при дворе польского короля Яна Казимира, был отправлен с дипломатическим поручением к Павлу Тетере, гетману правобережной Украины, ставленнику Польши. После бегства Тетери в Польшу (1665) Мазепа остался на Украине и поступил на службу к новому гетману – Петру Дорошенко. Под началом этого знаменитого гетмана Мазепа сделал карьеру. Карьере помогла удачная женитьба на вдове полковника Самуила Фридрикевича – Ганне.

Ганна Фридрикевич располагала великолепными родственными связями. Ее отец Семен Половец был генеральным есаулом, затем – генеральным судьей у гетмана Дорошенко, а сам гетман был женат на сестре Ганны^[1278].

Ганна была, видимо, старше своего нового мужа, имела двух детей от первого брака. Она прожила жизнь очень тихую, малозаметную. Российский биограф Мазепы Татьяна Таирова-Яковлева обратила внимание на интересный факт, который относится ко временам, когда Мазепа был уже гетманом Войска Запорожского и служил русскому царю. Из Москвы гетману и его близким людям посылали дорогие подарки. Среди адресатов была мать гетмана, а жена даже не упоминалась^[1279].

Карьера Мазепы чуть было не прервалась, когда его захватили в плен враги Дорошенко – запорожцы Ивана Сирко. Пленника хотели убить, но, если верить «Летописи Величко», мудрый атаман предложил не убивать пленника. Может быть, этот Мазепа еще пригодится отечеству...

Дорошенко был врагом России. Следовательно, к врагам принадлежал и Мазепа. Такой ценный пленник заинтересовал и воеводу Григория Ромодановского, который командовал русскими войсками на Украине, и гетмана Самойловича, противника Дорошенко. На допросах Мазепа, видимо, произвел самое благоприятное впечатление на русских и на сторонников Самойловича. Мазепу отправили в Москву с сопроводительным письмом, где просили ему «во всем дати веру». В русской столице Мазепа не только «давал показания» в посольском приказе, но удостоился счастья видеть самого государя. С этого времени (лето 1674 года) судьба Мазепы будет

связана с Московским государством и с Гетманщиной, а прежний его покровитель Дорошенко вскоре капитулирует перед войсками Самойловича и Ромодановского и отправится в почетную ссылку. Мазепа же станет частым гостем в Москве, заведет там полезные связи, сведет знакомство и с Василием Голицыным, фаворитом царевны Софьи.

При Самойловиче Мазепа дослужился до чина генерального есаула, а когда в Москве возникло недовольство старым гетманом, Мазепа принял участие в его смещении. Он вместе с Борковским, Кочубеем и другими старшинами подписал донос на Самойловича. После ареста того на раде, собранной при реке Коломак, именно Мазепа будет провозглашен новым гетманом. Чтобы старшина не передумала, Василий Голицын на всякий случай окружил казачий стан русскими полками. Громадное состояние Самойловича было частично конфисковано в русскую казну, а частично в «скарб» Войска Запорожского. За счет этого скарба Мазепа выплатил Голицыну (который, вероятно, и без того запустил лапу в конфискованное имущество Самойловича) взятку в 10 000 рублей^[1280].

Слуга Москвы

Вот так Иван Степанович Мазепа стал гетманом Войска Запорожского и получил репутацию московского ставленника. Большая часть Украины не хотела даже признавать нового гетмана, и Мазепа вынужден был просить у Голицына 4 000 русских войск, чтобы благополучно добраться до Батурина^[1281], гетманской резиденции. Первое время власть Мазепы держалась на саблях и алебардах русских стрельцов. «И казаки, и посполитые – все на меня сердиты, все кричат в один голос: вконец пропадем, заедят нас москали»^[1282], – жаловался Мазепа.

Именно верность Москве помогла Ивану Степановичу занимать свой пост больше двадцати лет – дольше, чем кому-либо из его предшественников и преемников. Но всё это время Мазепа был правителем непопулярным, нелюбимым. С одной стороны, это были годы относительной «стабильности». Еще при Самойловиче закончилась Руина, на левобережье Днепра пришел мир. Но у стабильности были и дурные следствия. При Мазепе продолжался процесс, начавшийся еще во времена Самойловича: казацкая старшина превращалась в новую шляхту. Прежние боевые командиры становились новыми панами. Мужики теперь гнули спину на панщине, и гетману Мазепе даже приходилось устанавливать ее сроки: не более двух дней в неделю работать на пана, остальное время – на себя. А козаки помнили еще время, когда панов на Украине не стало.

На Гетманщине был мир, но войны с внешними врагами – с турками и татарами – продолжались, и шли, в общем, удачно. В 1695-м Мазепа и русский воевода Борис Петрович Шереметев (будущий фельдмаршал) взяли стратегически важную крепость Кизикирмен в низовьях Днепра, а в 1696-м гетманские полки во главе с наказным атаманом Яковом Кондратьевичем Лизогубом помогли армии молодого царя Петра взять Азов. Однако эти войны были тяжелы для населения Гетманщины. Армии в несколько десятков тысяч человек проходили малороссийские земли насквозь. В Переяславе, Чернигове, Гадяче, Нежине и даже Батурине стояли русские гарнизоны, и всех надо было кормить, содержать.

В 1699 году Мазепа писал царю Петру: «Вот уже 11 лет как идет война с Крымом, и все московские войска идут через нашу землю <...> топчут травы и хлеб <...> Гонцы непрестанно ездят не только с царскими грамотами, но и с воеводскими письмами, требуют от жителей корма и питья, а иначе – бьют и бесчестят даже казацкую старшину»^[1283].

Войны с татарами и турками были, по крайней мере, привычными и понятными. Вторжение малороссийских войск на Правобережную Украину в 1704–1705-м дало надежду на восстановление единства украинских земель. Другое дело долгая, тяжелая война со Швецией. Козаки роптали, ругали Мазепу, который уж слишком верно служил царю Петру и позабыл о «козачьих вольностях»^[1284].

Полковник Дмитрий Горленко, наказной гетман козаков, стоявших вместе с армией царя Петра под Гродно, жаловался Мазепе на многие «обиды, поношения, уничижения, досады <...> и смертные побои», которые терпят козаки от русских. Лошадей у «казацких начальных людей» русские отобрали. Даже самого Горленко сбросили с коня^[1285].

Много обид было связано и со строительством Печерской крепости в Киеве, где рабочей силой были украинские козаки, а надсмотрщиками и начальниками строительства – русские офицеры. Русские били козаков, резали им уши, «всякое поругание чинили»^[1286]. Русские рекруты и солдаты, проходившие через земли Гетманщины, грабили и сжигали дома козаков, насиловали женщин и девушек, отбирали лошадей и домашний скот. По всей Гетманщине шел ропот против Мазепы, который-де ради гетманской булавы держит страну в неволе. В неволе у москалей.

Хуже того, Мазепу считали не только ставленником Москвы. Ему не забыли и давнюю уже службу при дворе польского короля. В глазах украинцев он был вообще «ляхом». В народе легенда о Мазепе-ляхе была настолько распространена, что о мнимом польском происхождении гетмана узнали даже в Европе. В европейских газетах Мазепу называли «польским шляхтичем с Украины»^[1287]. Вольтер в своей «Истории Карла XII» назвал Мазепу «польским дворянином» из

Подольского воеводства^[1288]. «Гетман Мазепа был природный поляк из фамилий литовских»^[1289], – читаем мы в «Истории русов».

Наконец, было и еще одно обстоятельство, вызвавшее недовольство малороссиян. Налоговая система Гетманщины была крайне несовершенной.

В общероссийскую казну малороссияне ничего не платили. Но не хотели они платить и в казну Войска Запорожского. За годы Руины население отвыкло от податей. Денег в казне («скарбе») не хватало, а расходы росли. Мазепа завел наемные войска (сердюков и компанейцев), строил и украшал храмы, словом, в деньгах нуждался, как всякий правитель. Тогда он возобновил отмененные после низложения Самойловича «аренды». Под «арендами» понималась монопольное право заниматься винокурением, продажей некоторых товаров – вина (водки), дегтя, табака, который стал известен на Украине раньше, чем в России. Особенно раздражала «аренда» винокурения. Вино можно было гнать для собственного потребления, но в ограниченных объемах. Так, крестьянин мог гнать котел водки в год, козак – два котла водки. Тот и другой могли производить сколько угодно пива и меда^[1290], но, видимо, этого было недостаточно, и возмущение народа росло.

Недовольство Мазепой проявилось уже в первые годы его правления. В 1692 году известный нам Петрик (Петр Иваненко), служивший прежде в канцелярии гетмана, бежал на Сечь, получил там должность войскового писаря и развернул агитацию против Мазепы, против панов и против «москалей». Петрик объявил себя гетманом, заключил союз с крымским ханом и поднял восстание. Его программа основана была на безграничном социальном и национальном популизме. Петрик называл себя защитником «посполитого народа», то есть простых людей. Он сравнивал себя с Богданом Хмельницким: великий гетман освободил народ от «лядской неволи», а он, Петрик, освободит народ «из новой неволи от москалей и своих панов». На раде он убеждал кошевого, что вся Украина пойдет за запорожцами, а Мазепа убежит в свою Москву, «потому что там вся душа его, а здесь, в войске Запорожском, одна только тень»^[1291].

Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны...

Многие малороссияне отнеслись к Петрику сочувственно. Недовольные Мазепой бежали на Сечь. Даже в обозе самого Мазепы, приложившего все силы к подавлению восстания, какой-то пьяный козак кричал: «Станем рубить москалей!»^[1292]

Петрик, то ли Дон Кихот, то ли демагог, задавал запорожцам риторический вопрос: «...лучше ли быть вам в неволе или на воле? <...> у москаля либо у ляха мужиком или вольным козаком?»^[1293]

При этом сам Петрик не мог предложить ничего лучше, чем перейти от подчинения Москве в подчинение Бахчисараю, хотя всем было известно, что за союзники татары. Появившись на границе Полтавского полка, они тут же стали грабить и брать полон, чем быстро настроили козачок против Петрика.

Мазепа яснее Петрика понимал, что Украина не могла в то время создать самостоятельное государство, которое было бы независимым и от России, и от Турции с Крымским ханством, и от Польши. В Москве у Мазепы было немало друзей и давних знакомых, которые помогали ему удержаться у власти. Менять одного, надежного, проверенного покровителя на другого не имело смысла, тем более что царь Петр безгранично доверял гетману. Доносам на него не верил, гетмана награждал за все его услуги, от взятия Кизикирмена до строительства Печерской крепости. Кавалером ордена Андрея Первозванного Мазепа стал раньше Меншикова и даже самого Петра. Состояние гетмана росло за счет дорогих подарков, которые он получал от государя. Вот факт, который, пожалуй, лучше всего доказывает, что Мазепа долгое время не собирался отделять Украину от России и переходить под власть другого государства. Располагавший большими земельными владениями на Гетманщине, он покупал земли и в русских уездах^[1294]. Царь Петр жаловал Мазепе целые волости: «за многие ево к нам, великому государю, нашему царскому величеству, верные и усердно радетельные знатные службы, за многие воинские походы»^[1295]. Русский помещик Мазепа был хозяйственным, рачительным и деятельным: привлекал крестьян различными льготами, освобождал их на несколько лет от панщины, на свои средства строил мельницы и т.п. Так делали все умные и дальновидные хозяева: и поляки на опустошенной Западной Украине в конце XVII – начале XVIII веков, и русские в пустынной еще Новороссии конца XVIII века. К 1708 году Мазепе принадлежало двадцать одно село, семь деревень и четыре слободы в Севском, Рыльском, Путивльском уездах. В этих поместьях гетмана жило более двадцати семи тысяч душ. Среди них были и «черкасы», но подавляющее большинство составляли русские крестьяне. Разумеется, гетман не стал бы вкладывать деньги в проект, обреченный на крах. Мазепа рассчитывал служить России и дальше. Его намерениям не могли помешать даже настоящие межэтнические конфликты между русскими и малороссиянами, хотя эти конфликты не миновали и его земель.

Малороссийские крестьяне, лично свободные, охотно оставляли земли русских помещиков и переходили во владения щедрого и могущественного гетмана. Тогда русские помещики Полянские, Дуровы, Тургеневы, собрав в отряды своих русских мужиков, начали мстить малороссиянам: «разоряли деревни, заводимые последними на гетманских землях, нападали на них по дорогам, ловили их где могли,

били, увечили и до смерти убивали, не щадя ни женщин, ни детей, и таким способом погибло тогда до сотни душ»^[1296].

Иван Мазепа был еще могущественным гетманом, соратником Петра Великого и даже государевым любимцем. Но и он не всегда мог защитить своих крестьян. Костомаров, внимательно изучавший архивные дела, пришел к неожиданному выводу: «...великорусские люди, не только прикосновенные к делу, но и посторонние, били и бесчестили малороссиян, присылаемых гетманом к розыску...»^[1297]

Если бы не Северная война и не страх перед походом Карла XII на восток, то пережил бы гетман все беды, тем более что его лично они не касались. Однако события в Европе развивались таким образом, что дальновидный и осторожный Мазепа задумался о будущем своей власти и своей родины. Власть Мазепы опиралась на военно-политическую мощь России. Но эта мощь, кажется, должна была вскоре исчезнуть.

Ошибка

Северную войну Россия вела в коалиции с Данией, Саксонией и Польшей. Шведский король очень скоро заставил Данию подписать сепаратный мир. После нескольких лет войны ему удалось заключить такой же мир и с главным союзником царя Петра – саксонским курфюрстом и польским королем Августом II Сильным. Курфюрст отрекся от польского престола, уступив место ставленнику шведов Станиславу Лещинскому. Саксония вышла из войны и выплатила шведам огромную контрибуцию. Мало того, целый год Карл вместе со своей армией стоял в Саксонии, разорял ее, пополнял свое войско немецкими наемниками и копил силы для вторжения в Россию, которое уже в 1707 году казалось неизбежным.

В Европе ожидали скорого и неминуемого разгрома России. Карл собирался не только разбить русскую армию, но и расчленить российское государство: захватить весь Русский Север вплоть до Архангельска, отдать полякам Смоленск и Киев со всей Украиной, низложить царя Петра и поставить на его место царевича Алексея или даже поляка Якуба Собеского. Карл XII еще не знал поражений. Русским не раз удавалось разбивать его генералов, но сам король вплоть до исторического дня 27 июня 1709 года считался непобедимым.

Опасность была велика, и в России это хорошо понимали. Русские вывели войска из наполовину завоеванной Прибалтики. К обороне готовили Киев, Смоленск, Тверь, Серпухов. Укрепляли стены московского Кремля (в Кремле начали копать колодец на случай долгой осады) и Китай-города. Собирались даже снести храм Василия Блаженного, чтобы не мешал артиллерии.

Ожидание беды бывает страшнее и мучительнее самой беды. Весной 1707-го шведские войска еще отдыхали в богатой Саксонии и готовились к походу на восток, а гетман Мазепа с ужасом представлял последствия их вторжения.

«Мазепа не изменил бы царю Петру, если бы не показалось ему, что <...> акции царя падают, а акции Карла поднимаются»^[1298], – писал Николай Костомаров.

Победа Карла XII означала конец не только России, но и Гетманщины, торжество союзной шведам Польши Станислава Лещинского и возвращение украинских земель под власть польской короны на самых невыгодных, возможно, унижительных условиях. Разумеется, верный России гетман потерял бы и состояние, и жизнь.

Между тем уже несколько лет сторонники Станислава Лещинского старались побудить Мазепу к сепаратным переговорам. Посредником выступала княгиня Анна (Ганна) Дольская, тетка Станислава Лещинского и любовница Мазепы, проводившая с гетманом «дневные и ночные конференции»^[1299].

Гетман Мазепа старался скрывать свои истинные чувства от всех. О его настроении в 1707–1708 годах известно благодаря одному загадочному документу. В 1721 году, когда уже не было в живых ни Карла XII, ни Мазепы, а Петр Великий находился на вершине славы, бывший генеральный писарь Войска Запорожского, ближайший соратник Мазепы Пилип Орлик отправил письмо митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому.

Что заставило Орлика, политического эмигранта, написать Яворскому, не совсем понятно. Письмо Орлика напоминает мемуары, воспоминания о том, как Мазепа на самом деле пришел к предательству, почему он перешел на сторону шведов, чем руководствовался.

Если верить Орлику, то Мазепа в сентябре 1707-го получил два зашифрованных письма – от княгини Анны Дольской и от короля Станислава. Мазепа был крайне взволнован: «...чёрт ее просит об этой корреспонденции; когда-нибудь меня эта шальная баба погубит, не зря говорят – у невесты волос длинный, а разум короткий. Возможно ли, чтобы одна баба дурным своим разумом меня обманула»^[1300]. Трудно сказать, кто лгал больше: Орлик Яворскому или Мазепа Орлику? Судя по сохранившемуся письму Мазепы польскому генералу К. Х. Синицкому (Сеницкому) от 12 мая 1707 года, уже весной гетман вел переговоры не только с поляками, но и со шведами (в письме Мазепа упоминает свое послание к шведскому генералу Левенгаупту). Переговоры начались задолго до осени 1707-го.

В слабости России Мазепу будто бы убедил отказ царя Петра выделить для защиты Украины 10 000 русских войск. Петр велел Мазепе организовать оборону своими силами. Мазепа решил, что совсем дела плохи у государя. Кроме того, сеньор, отказавшийся

защищать вассала, давал повод разорвать вассальную присягу. А отношения гетмана и царя нередко рассматриваются именно как отношения вассала и сеньора.

На самом деле русские войска не покидали Гетманщину. А когда шведский король привел на украинские земли свою армию, то и царь Петр собрал там свои лучшие силы. Так что версия Орлика совершенно расходится с фактами. Царь Петр не бросил Украину, не оставил ее один на один с врагом.

По словам Орлика, Мазепа будто бы присягнул перед крестом, что действует не ради собственных интересов, но только «для вас всех, под властью и рейментом моим находящихся, для жен и детей ваших, для общего блага матери моей отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа малороссийского, и для поднятия и расширения прав и вольностей войсковых хочу я это при помощи Божей сделать, чтобы вы, с женами и детьми, и отчизна с Войском Запорожским как от московской, так и от шведской стороны не погибли»^[1301].

О дальнейшем содержании переговоров и о договоре между Иваном Мазепой, Станиславом Лещинским и Карлом XII можно только гадать, потому что оригинал этого договора был уничтожен. Украина-канадские и украино-американские историки Мыкола Андрусь, Орест Субтельный, Александр Оглоблин считали, что, соглашение реанимировало Гадячский договор 1658 года, заключенный еще гетманом Иваном Выговским с польским послом Станиславом-Казимиром Беневским^[1302]. Договор предусматривал создание на украинских землях Великого княжества Руського, равноправного Великому княжеству Литовскому и Польскому королевству. Но в свое время польский Сейм не ратифицировал договор, столь выгодный для «хлопов». В начале XVIII века положение было совсем другим.

Если условия секретного договора и в самом деле напоминали Гадячский договор, то границы Гетманщины существенно бы расширились за счет правобережной Украины, а гетман Мазепа был бы почти независимым правителем, гетманом обоих берегов Днепра под властью слабой Польши. Официальный договор со шведами был заключен Мазепой и кошевым атаманом Гордиенко много позднее, в марте 1709 года.

Измена

В 1708 году события поначалу развивались как нельзя лучше для Мазепы. Карл XII отправился в поход не через Волынь на Киев, а через Белоруссию на Смоленск. Украина осталась в стороне от главного фронта, и Мазепа мог спокойно ждать, чья возьмет. Мазепа говорил Орлику, что не примет окончательного решения до тех пор, пока не

убедится, что царь Петр не то что Украину, но и Москву защитить не сможет.

В начале кампании успех сопутствовал шведам. Под Головчиным (на территории Великого княжества Литовского) Карлу удалось в последний раз разбить русскую армию. Но вторжение в русские земли окончилось полным провалом. Русские применили против шведов прием, который много веков использовали против татар: засеки. Все пути были завалены срубленными деревьями, через засеки приходилось прорубать путь топорами и палашами. Население было эвакуировано, запасы зерна спрятаны или сожжены, так что шведам нечем было ни питаться, ни кормить коней. Начался падеж лошадей, шведская конница, главная ударная сила Карла XII, таяла на глазах, а солдат косила дизентерия. Фуражиры перехватывали летучие отряды казаков (в том числе малороссийских) и калмыков. Князь Голицын разгромил большой отряд шведов под местечком Добрым. Карл видел это поражение, но не успел прийти на помощь своим. Шведы, которые за долгие месяцы отдыха в Саксонии несколько отвыкли от тягот войны, начали дезертировать. Приближалась осень. О походе на Москву уже не было и речи. Карлу оставалось или отступить в Польшу, на зимние квартиры, или воспользоваться тайным договором с Мазепой и двинуться на Украину, что Карл и сделал, к великому ужасу хитрого Мазепы: «...дьявол его сюда несет!», – переживал гетман. Теперь двурушничество пришлось оставить. Мазепа должен был открыто перейти на сторону шведов, а момент для перехода был крайне неудачным. Из десяти малороссийских полков у Мазепы под ружьем оставалось только три: Миргородский, Прилуцкий и Лубенский – остальные воевали под русским командованием. Кроме того, Мазепа мог рассчитывать на своих наемников – сердюков (пехота) и компанейцев (конница), которых гетман набирал из охочих людей (добровольцев) и содержал за счет гетманского скарба. Но их было мало. Мазепа оставил большой отряд сердюков охранять Батурин, а сам с войском пошел в лагерь Карла XII.

Поступок гетмана не поняли сами козаки, которые уже привыкли видеть в шведах врагов. Хотя дисциплинированные шведы не занимались грабежами, в глазах православных малороссиян они были чужеземцами и еретиками. Не ходили в церковь, не признавали икон, ели в пост мясо и пили молоко. В общем, показывали всем, что они если не ляхи, то ничем не лучше ляхов. Пошел слух, будто гетман перешел в «шведскую веру», так что этот «лях» и любимец москалей стал в глазах народа трижды предателем. Не удивительно, что козаки начали разбегаться. Если в 1704 году Мазепа повел на Западную Украину армию в 40 000 козаков, то в октябре 1708 года он привел Карлу XII всего около 2 000.

Тем временем потрясенный царь Петр, узнав об измене Мазепы, отправил Меншикова с войском против Батурина, где были собраны

большие военные припасы. Как мы знаем, Александр Данилович не только взял город, но и подверг его страшному разгрому. Жестокость русских не столько озлобила, сколько устрасила малороссиян. Сам Мазепа понял, что совершил роковую ошибку. По слова Орлика, гетман горестно причитал: «...злые и несчастливые наши начинания! Вижу, что Бог не благословляет моего намерения. <...> теперь в нашем нынешнем несчастливом состоянии все дела иначе пойдут, и Украина, Батуриным устрасенная, не решится держать нашу сторону»^[1303].

Поразительно, но только после падения Батурина Мазепа наконец выпустил свой универсал, где поведал народу о причине своей измены. Мол, не ради «приватной своей пользы», а только «для общего добра всей отчизны и Войска Запорожского» принял он «протекцию» шведского короля. Россию гетман обвинил в том, что она-де собирается обратить казацкие полки в драгунские и солдатские, малороссийский народ поработить и даже имя Войска Запорожского уничтожить^[1304]. Но гетман опоздал. Царь Петр уже успел издать свой манифест «К подданным малороссийского народа», где уличил Мазепу в измене и не забыл нанести смертоносный удар: Мазепа будто бы перешел к шведам и их союзникам, полякам Станислава Лещинского, чтобы «малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение польское, и церкви Божии и славные монастыри отдать в унию»^[1305]. Обвинение казалось достаточно убедительным, если вспомнить репутацию «ляха», «природного поляка», от которой так и не избавился гетман.

Гром и молнии русской победы

В городе Глухове, который после разрушения Батурина надолго станет гетманской столицей, была совершена символическая казнь Мазепы: с чучела Мазепы сорвали орденскую ленту Андрея Первозванного, разорвали и растоптали герб Мазепы, сломали саблю, а само чучело – повесили. После этой духоподъемной церемонии запуганная старшина выбрала нового гетмана – «рекомендованного» царем Петром – Ивана Ильича Скоропадского.

А 12 ноября 1708 года в церквях провозгласили анафему «Ивашке Мазепе» за клятвопреступление, за измену государю.

Миргородский полковник Даниил Апостол еще 16 ноября писал своим полковникам, будто шведы пришли на Украину «для защищения отчизны нашей от наступления московского», но когда 20 ноября русские войска заняли Сорочинцы, имение Апостола, полковник появился в русском лагере и объявил, будто с Мазепой был против своей воли, но сохранил верность государю^[1306]. Так же поступил и

полковник Галаган, который, как и Апостол, успел вовремя перейти на сторону сильнейшего.

Правда, весной на помощь к Мазепе пришли его давние враги – запорожцы. Поскольку на Сечь еще с первых лет правления Мазепы бежали все противники «москалей» и любезного Москве гетмана, то Сечь превратилась в оплот враждебных России сил. Но 8 000 или 9 000 запорожцев не могли решить судьбу войны, тем более что русский полковник Яковлев в апреле 1709 года провел карательную экспедицию на Сечь. По словам царя Петра, Яковлев «завладел этим проклятым гнездом и вырезал всю сволочь. Таким образом, мы истребили последний пенъ мазепинского рода...»^[1307]

Мазепа расколол малороссийское общество. Многие украинцы воевали на стороне Петра I. И не только козаки Скоропадского, избранного гетманом после предательства Мазепы, но и жители украинских крепостей, Полтавы и Веприка. Именно героическая оборона этих крепостей задержала шведскую армию на Восточной Украине. Под стенами Веприка (зимой 1708–1709) и Полтавы (весной 1709) шведы истратили запасы пороха, которого так будет не хватать в день генерального сражения с русскими.

Пользуясь аналогией Костомарова, можно сказать: Мазепа купил «шведские» акции накануне их обвального падения. Но сделанного не вернуть. План захватить Карла в плен и выдать его царю Петру, тем самым купив прощение, осуществить было невозможно. Не было на это у Мазепы уже ни энергии, ни сил.

У Мазепы было так мало войск, их боевые качества были так невысоки, что они не могли никак помочь Карлу в Полтавском сражении. Сам же король от отчаяния решился дать русским битву, которую было почти невозможно выиграть. У шведов заканчивался порох, его остатки были израсходованы во время осады Полтавы. Солдаты даже на караул отправлялись с незаряженными ружьями.

Полтавская битва – триумф русского оружия, оплаченный малой кровью. Русские потеряли убитыми 1 345 человек. Безвозвратные потери шведов составили 12 311 человек. Соотношение потерь – 1:9. Такие потери объясняются военно-техническим превосходством русских, грамотным командованием, мастерством военных инженеров и артиллеристов.

Как известно, Карл и Мазепа сумели спастись и под Полтавой, и под Переволочной, где русские пленили остатки шведской армии. Но Мазепа, крепкий семидесятилетний старик, прекрасный наездник с телом «немецкого рейтара», после Полтавского сражения не прожил и трех месяцев, оставив свое громадное состояние племяннику Андрею Войнаровскому, отказавшемуся, однако, принять гетманскую булаву. Она перейдет к Пилипу Орлику, который посвятит свою жизнь борьбе против России, но ничего не добьется и умрет в 1742 году в эмиграции. В истории политической мысли он останется как автор знаменитой

«Конституции Орлика», которой очень гордятся украинцы, хотя конституция не действовала ни дня.

Орлику еще повезло. Войнаровский, потеряв состояние и просидев несколько лет в Петропавловской крепости, окончит свои дни в Якутске. Знаменитый дядя, некогда готовивший Войнаровского себе в преемники, невольно погубил его, как погубил всех своих сторонников.

Забыт Мазепа с давних пор!

Лишь в торжествующей святыне

Раз в год анафемой доныне,

Грозя, гремит о нем собор.

Герой-любовник, герой-злодей

На самом же деле трудно найти эпоху, когда имя Мазепы вовсе забывалось. В Европе его слава была просто исключительной. Ни один украинец, включая Хмельницкого и Гоголя, не был и еще долго не будет так знаменит.

Имя Мазепы впервые появилось в европейских газетах уже после взятия им Кизикирмена. В 1704-м, когда войско гетмана заняло правобережную Украину, выходивший в Лейпциге журнал «Die Europäische Fama» писал: «Казак находится под командованием своего вождя Мазепы, который мудрой политикой и военным опытом уже снискал себе в свете великую славу»^[1308]. Внезапный переход к шведскому королю, который сам был европейской знаменитостью, вызвал еще больший интерес. Поражение, стремительное падение, трагическая гибель сами по себе давали прекрасный сюжет для трагедии, поэмы или романа. А ведь в жизни Мазепы были и любовные приключения. Ян Хризостом Пасек, служивший вместе с Мазепой при дворе Яна Казимира, в своих «Записках» рассказал о любовной драме, которая позднее станет основой для сюжета поэмы Байрона. Будто бы молодой Мазепа «навещал» жену некоего шляхтича Фальбовского «столько раз, сколько» у него было волос на голове. За это Фальбовский велел раздеть дерзкого козака и привязать его к спине коня. Коня пустили скакать «через густой кустарник, через заросли, колючий терновник». Мазепа должен был вынести много мучений, прежде чем умное животное доставило его к дому. Но слуги не признали в израненном, полуживом человеке хозяина и не сразу отвязали его. Именно после этого случая Мазепа будто бы и вернулся на Украину. Современные поклонники Мазепы считают этот эпизод клеветой, а вот любовная драма, развернувшаяся вокруг юной Матрены Кочубей, дочери генерального судьи Василия Кочубея и крестницы

самого Мазепы, подтверждена даже таким замечательным источником, как нежные куртуазные письма Мазепы к своей возлюбленной.

Из письма Ивана Степановича Мазепы Матрене Васильевне Кочубей: «Моя сердечне кохана Мотренько!

Поклон мой отдаю Вашей Милости, мое серденко, а при поклоне посылаю Вашей Милости гостинца, книжечку и обручик дияментовий прошу тое завдячне принятии, а мене в любве своей неотменно ховати, нем дасть Бог з лепшим привитаю. За Тим целую уста коралевии, ручки беленкие и все члонки телця твого беленкого, моя любенко кохана!»^[1309]

В гоголевское время Мазепа уже романтический герой немецкой, английской, польской и русской литературы. Хотя в России Мазепа был прежде всего злодеем, предателем.

Взгляд на Мазепу как на изменника не был вовсе чужд и украинскому народу. Алексей Левшин писал, будто бы нет для украинских крестьян «ничего ужаснее, как имя Мазепы. Они забывают себя от ярости при сем ругательстве»^[1310]. Можно предположить, что украинцы не стали откровенничать с молодым русским и утаили от него свое истинное отношение к Мазепе. Но не утаили же они от него свою русофобию, ненависть к «москалям», которую упоминает автор «Писем из Малороссии». Выражение «Проклятая Мазепа» было хорошо известно и украинским этнографам^[1311]. Н. П. Трушковский, племянник Н. В. Гоголя, около 1851 года записал в Диканьке у одной крестьянки легенду о приезде царя Петра в Диканьку и о его встрече со вдовой Василия Леонтьевича Кочубея: «...проклятый Мазепа, чтоб ему на том свете Царствия Небесного <...> не было»^[1312], – так отзывалась крестьянка о гетмане.

Правда, многие точно не знали, за что же Мазепе досталось проклятие, и объясняли это по-своему. В одной легенде говорится, будто бы крестным отцом Мазепы был сам царь «Петро Первый»^[1313]. Во время войны шведский король подговаривал Мазепу воевать против царя, но Мазепа сначала отказывался, боялся греха: «...якъ-же я піднімусь на ёго, то вінъ мені хрещений батько?» Тогда король посоветовал Мазепе прийти в церковь и растоптать в царских вратах Евангелие. После такого деяния грех Мазепе уже и грехом не будет. Мазепа так и сделал, потоптал Евангелие, и с тех пор проклят и зовут его «проклятым»^[1314].

«Ой боюся, проклятый Мазепо, // Щобъ ты мене не зрадив^[1315]», – говорится в народной песне^[1316] о Семене Палие.

Борьба Мазепы и Семена Палия – вообще один из любимых народом сюжетов, причем народ брал сторону фастовского (хвастовского) полковника.

В народной думе, опубликованной «Московским телеграфом» в марте 1831 года, читаем о предательстве проклятого Мазепы, оболгавшего Семена Палия перед царем Петром.

Эй, обызвався Палієнко Семень, та в темной темниці,
Ой, бреше, бреше прокляты Мазепа предъ Царемъ в столиці^[1317].

Вспомним, что на Мазепу при жизни смотрели как на «ляха» и друга «москалей». Мазепа погубил полтавского полковника Искру и Василия Кочубея, отца своей возлюбленной. Мазепа пообещал тысячу рублей тому, кто убьет Петрика, и желающий нашелся. Именно Мазепа желал погубить Семена Палия, народного героя, настоящего «лыцаря», воспетого в думах. Гетман предательски взял его в плен, оклеветал его перед царем Петром, после чего Палия отправили в Сибирь.

Ой як крикнув вельможний Мазепа

Гей на свої сердюки:

«Ой, визьмить, визьмить Палія Семена

Та закуйте йому руки^[1318].

Легенды о Палие и Мазепе, собранные Кулишем, показывают Мазепу, правда, не злодеем, а могущественным колдуном-характерником, великим воином, против которого ничего не может поделать даже царь Петр. «Был когда-то гетман Мазепа, которого и царь называл батюшкой»^[1319]. И только Палий способен победить Мазепу, потому что сам будто бы учил Мазепу воевать. По другой легенде, когда у Мазепы родился сын – Мазепенко, то сам царь Петр стал ему кумом^[1320].

Видимо, украинский взгляд на Мазепу начал меняться только после ликвидации Гетманщины. Когда малороссийский народ лишился своей государственности, то образованные люди вольно или невольно начали смотреть на историческое прошлое своей родины другими глазами.

Не зря же Дмитрий Прокофьевич Трощинский любил слушать трогательную песню о чайке (Малороссии), свившей гнездо на опасном месте (авторство песни приписывалось Мазепе). Сам Трощинский, блестящий российский вельможа, статс-секретарь и министр, и не подумал бы выступить против России, но погрузиться о славном прошлом, погоревать о бедах несчастного отечества – дело другое. Тут и вспомнили, что не было на Украине гетмана, который правил бы дольше Мазепы – двадцать один год! При Мазепе окончательно ушла в прошлое Руина. Власть гетмана Войска Запорожского была немногим меньше, чем власть независимого правителя. Мазепа вел даже переговоры с другими державами, и не только тайные, как с Карлом XII и Станиславом Лещинским, но и вполне открытые. Царь Петр до ноября 1708 года отличал и награждал Мазепу и, вопреки опасениям старшины, почти не вмешивался в управление Гетманщиной, не считая случаев, связанных с интересами обороны: строительство Печерской крепости, участие малороссийских полков в Северной войне... После ликвидации Гетманщины иначе представилась и сама измена Мазепы.

Инициатива в пересмотре принадлежала, очевидно, не простому народу, а просвещенным малороссийским панам, читателям «Истории русов». В этом источнике образ Мазепы как будто двоится. Вот на странице 199 первого издания «Истории русов» говорится про «гнусный умысел» Мазепы, вызванный его «адской злобой», обидой на царя Петра, который будто бы на пиру обидел гетмана. Мазепой, следовательно, руководили мелочные желания: личная обида, желание отомстить царю. Но всего лишь спустя пару страниц тон повествования меняется. Автор «Истории русов», патриот своей родины, но в то же время лояльный династии Романовых, как бы отводит от себя возможное обвинение. О «гнусном умысле» Мазепы сказано от автора, а защиту Мазепы автор поручил... самому Мазепе.

Мазепа: речи и литературные размышления

Древнегреческий историк Фукидид использовал прием, считавшийся в V веке до нашей эры вполне научным. Он вкладывал в уста политиков и полководцев речи. Речей этих Фукидид не слышал, но, хорошо зная эпоху (Фукидид писал о современности и недавнем прошлом), зная характер и способности ее героев – Перикла, Никия, Алкивиада, реконструировал их выступления перед воинами или собравшимся народом.

Автор «Истории русов» был человеком образованным, знавшим историю античности. Этот метод Фукидида он, скорее всего, знал и охотно взял на вооружение.

Фукидид – строгий и объективный исследователь; к тому же он описывал события, происходившие буквально на его глазах. Между изменой Мазепы и созданием «Истории русов» прошло не менее шестидесяти лет, а скорее всего – больше столетия^[1321], и автор «Истории русов» написал не столько историческое, сколько публицистическое сочинение. Поэтому в уста Мазепы он вкладывал собственные мысли, собственный взгляд на историческое прошлое Украины.

«Мы стоим, братия, при двух пропастях, готовых нас пожрать. <...> Воюющие между собой монархи, приближавшие театр войны к границам нашим, столь ожесточены один на другого, что подвластные им народы терпят уже, и еще претерпят, бездну зол неизмеримых...»^[1322] Следовательно, идет чужая, ненужная малороссийскому народу война. И Карл XII, и царь Петр равно чужды и опасны. Их Мазепа из «Истории русов» называет двумя самыми страшными деспотами, «каковых вся Азия и Африка едва ли когда произвели»^[1323]. Свой выбор в пользу шведов Мазепа обосновал просто: выбрал меньшее зло. Потому что если «король шведский, всегда победоносный, победит царя

российского и разрушит царство его», то малороссиянам придется плохо: их снова отдадут «в рабство полякам». Ничего доброго не сулит и победа России, потому что царь российский известен своим деспотизмом, он «истребил многочисленныя семейства самыми варварскими казнями за вины, возведенные ябедою»^[1324].

Этот ход мысли не противоречит всему, что известно об историческом Мазепе. Но далее автор «Истории русов» оставляет историческую реальность в стороне. Его Мазепа будто бы не присоединяется к шведскому войску и не желает разорения Великороссии, «нам единойверной и единоплеменной». Мазепа только встает на защиту Гетманщины: «...не должны мы воевать ни со шведами, ни с поляками, ни с великороссиянами, а должны, собравшись с воинскими силами нашими, стоять в приличных местах и защищать собственное отечество свое, отражая того, кто нападет на него войною...»^[1325]

Таким образом, менялось всё. Мазепа из предателя, изменника становился патриотом и защитником своего украинского отечества, истинным национальным героем. Таким он предстает и у читателя «Истории русов» Николая Васильевича Гоголя. В архиве писателя сохранился набросок, который принято (по содержанию) называть «Размышления Мазепы».

Из наброска Н. В. Гоголя [«Размышления Мазепы»]: «Такая власть, такая гигантская сила и могущество навели уныние на самобытное государство, бывшее только под покровительством России. Народ, собственно принадлежавший Петру издавна, [униженный] рабством и [деспотизмом], покорялся, хотя с ропотом. <...> Но чего можно было ждать народу, так отличному от русских, дышавшему вольностью и лихим козачеством, хотевшему пожить своею жизнью? Ему угрожала <у>трата национальности, большее или меньшее уравнение прав с собственным народом русского самодержца»^[1326].

Гоголь называет Мазепу «преступным гетманом», но фактически придерживается не только точки зрения, но и метода автора «Истории русов»: отстраниться от Мазепы, избежать обвинения в мазепинстве. В то же время Гоголь, очевидно, сочувствует Мазепе и принимает украинский патриотический взгляд на личность гетмана, на его место в истории и на природу русско-украинских противоречий. Фрагмент написан в Париже зимой 1837 года, когда Гоголь водил дружбу с Юзефом Богданом Залеским и зачитывал ему свою статью о «финском» происхождении великорусских песен и великорусского народа. Статья не сохранилась, зато набросок дает представление об истинных взглядах Гоголя на Мазепу по крайней мере в тот период его жизни.

Нельзя сказать, что пересмотр образа Мазепы, превращение его в национального героя были только плодом коллективного самообмана. Мазепа, крайне непопулярный гетман, сделал немало для своей будущей славы. Человек очень богатый, но бездетный, он тратил

огромные деньги на строительство, реконструкцию и украшение церквей. Гетман построил по крайней мере двадцать четыре храма в Киеве, Чернигове, Переяславе, Лубнах, Батурине, Глухове, в Запорожской Сечи. Среди них Богоявленский собор Братского монастыря, собор Святого Николая и Трапезная церковь Пустынно-Николаевского монастыря. Прибавьте к этому колокольню Софийского собора в Киеве, подаренные храмам и монастырям колокола, драгоценные фолианты, деньги на издание новых книг. На деньги Мазепы построен Черниговский коллегиум. При Мазепе в стиле «украинского», или «мазепинского», барокко перестраиваются старинные храмы. При Мазепе София Киевская обрела вид, который сохраняет и в наши дни. Древние киевские князья и не узнали бы ее. Тарас Шевченко в одном из самых поэтичных описаний Украины не обходится без «собора Мазепина»:

Вечерне сонечко гай золотило,
Дніпро і поле золотом крило,
Собор Мазепин сяє, біліє,
Батька Богдана могила мріє...^[1327]

Под вечер солнце лес золотило
И Днепр и степи золотом крыло;
Собор Мазепы в лучах сияет,
Курган Богданов вдали мерцает...

(Перевод А. Суркова)^[1328]

Могила «батька Богдана» – это не настоящая могила Богдана Хмельницкого, который был похоронен в Ильинской церкви в селе Суботове, а скифский курган, который в народе почему-то называли именно Богдановой могилой. «Собор Мазепин» – это храм Вознесения Господня в Переяславе, который Шевченко не только воспел, но даже нарисовал в одной из своих акварелей 1845 года. В этом же соборе Осип Бодянский нашел драгоценное Пересопницкое Евангелие, также в свое время подаренное храму Вознесения гетманом Мазепой. То самое Евангелие, написанное «чистым, как заря небесная» языком, который теперь зовут «староукраинским».

Именно при гетмане Мазепе Киево-Могилянская коллегия наконец-то обретает статус академии. Гетман щедрой рукой дает на академию деньги, при нем строится новый «мазепинский» учебный корпус. Недаром в Успенском соборе Киево-Печерской лавры до восьмидесятых годов XIX века сохранялось изображение Мазепы.

Наконец, формированию нового, «патриотического», взгляда на гетмана Мазепу невольно способствовали и сами русские. Речь даже не

о романтизме Кондратия Рылеева, что изобразил Мазепу и Войнаровского борцами за свободу. Большее значение имел общепринятый в России взгляд на Мазепу как на изменника, врага России. Украинский национализм, идея возрождения Гетманщины, создания новой украинской государственности у русского человека ассоциировалась именно с Мазепой и «мазепинством». Для русских Мазепа станет воплощением всего враждебного, что только может быть в украинце, поскольку украинский национализм уже в шестидесятые годы XIX века нередко (хотя и безосновательно) связывали с польским.

Владимир Короленко вспоминал визит жандармского офицера вскоре после поражения польского восстания 1863 года. Напомним: мать Короленко была польской дворянкой, католичкой, отец слыл либералом, то есть человеком не вполне благонадежным. И вот жандарм увидел на стене картину, «на которой довольно грубо масляными красками была изображена фигура бородатого поляка, в красном кунтуше, с саблей на боку и гетманской булавой в руке». Это был портрет польского гетмана Жолкевского, но жандарм решил, что на картине изображен Мазепа: «А-а, – протянул офицер с таким видом, как будто он одинаково не одобряет и Мазепу, и Жолкевского...»^[1329]

Николай Костомаров, не только историк, но и знаток русского и украинского фольклора, заметил, что имя Мазепы широко известно и русскому народу. И русский человек, рассердившись на украинца (у Костомарова – малороссиянина), припомнит имя враждебного гетмана: «...выражение “хохол-Мазепа” остается во всей силе до нашего времени»^[1330], – писал ученый уже в конце 1870-х.

Мазепа – символ враждебности украинского народа к народу русскому – становился и символом украинской государственности. И вот уже сам Михаил Грушевский, крупнейший украинский историк, будет писать не о предательстве и даже не о выступлении, но о «восстании Мазепы», хотя его переход в шведский лагерь, совершенный втайне даже от бóльшей части старшины, менее всего напоминал восстание.

Николаю Костомарову удалось преодолеть национальные предрассудки. Его классическая монография о Мазепе, подробная, богатая фактами, и теперь, спустя сто тридцать пять лет, не потеряла актуальности.

Костомаров признавал, что народ малороссийский не имел особенной привязанности ни к «москалям», ни вообще к «русской державе». Современный автор написал бы, что русофобия в малороссийском обществе была чрезвычайно распространена, в чем мы, собственно говоря, не раз убеждались. Но сам Иван Степанович Мазепа «не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. <...> Это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал – и поляков, и малороссиян, и

царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности»^[1331].

Предательство Мазепы привело к ужесточению русского контроля за выборами гетмана, вмешательству русских в малороссийские дела, а затем и к созданию Малороссийской коллегии, ненавистой для козацкой старшины. Тем не менее свою автономию Гетманщина сохраняла еще долгие годы. Вплоть до елизаветинских времен существовала даже таможня на границе русских и гетманских земель. На место Мазепы избрали не Меншикова, а стародубского полковника Скоропадского, который имел смелость уважительно отзываться о своем предшественнике. Козацкие полки будут переформированы в карабинерные только при Екатерине II. Гетманщина переживет Мазепу более чем на полвека. Так что черные намерения, которые будто бы имел Петр еще до предательства Мазепы, не подтверждаются.

Историческая правда не всегда способна переубедить даже просвещенного и много знающего человека. Сколько русских людей готовы до последнего защищать Ивана Грозного – жестокого и безумного тирана, который уничтожил цвет русского боярства, довел царство Московское до поражения в Ливонской войне, позорно бежал от крымского хана и униженно просил его о мире, когда русские воеводы героически обороняли столицу от татарских полчищ. Что уж тут говорить о Мазепе, который запятнал себя преступлениями не столь страшными. Более того, в тех случаях, когда его, Ивана Степановича, интересы совпадали с интересами Украины, он трудился ей на пользу. Мазепа – строитель храмов, Мазепа – меценат, Мазепа – победитель татар – это тот же исторический Мазепа. А измена Мазепы России и русскому делу не тронет души многих украинцев.

Забытое предательство

Измена Мазепы не нанесла России большого ущерба. Украина гораздо больше пострадала от его авантюры, заплатив за ошибку чересчур расчетливого гетмана. Между тем в истории русско-украинских отношений была история худшего предательства. Историки называют это событие Чудновской катастрофой, по местечку Чуднов, где погибла русская армия воеводы Василия Борисовича Шереметева. Погибла, преданная козаками Юрия Хмельницкого.

В 1660 году возобновилась война России с Польшей. Военные действия в Литве и Белоруссии приняли дурной для России оборот, однако сил у царя Московского было достаточно. К тому же Москва рассчитывала на помощь Войска Запорожского, которое в 1659-и вернулось под покровительство русского царя. В августе 1660-го

киевский воевода боярин Шереметев отправился в поход на Львов, куда перенес свою ставку польский король Ян Казимир. Василий Борисович, человек доблестный и мужественный, но самоуверенный, обещал привести короля в серебряных кандалах^[1332]. Между тем в распоряжении боярина было всего 15 000 русских воинов и 15 000 или 20 000 козаков наказного гетмана Тимофея Цецюры (Цюцюры, Цицюры).

Давно прошли времена, когда историки начинали отсчет русской воинской славы военными кампаниями Петра Великого. При «тишайшем» государе Алексее Михайловиче Россия уже располагала сильной, хорошо вооруженной армией, где были и солдатские полки, обученные немцами и шотландцами на европейский манер, и закованные в броню рейтары – достойные противники польской панцирной конницы, и, конечно же, русские стрельцы, в то время известные и мужеством, и боеспособностью. Ударной силой армии Шереметева была кавалерия. Поляки высоко оценивали боеспособность этого войска: «Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением. <...> Со стороны эта стройная масса воинов представляла прекрасное зрелище <...> Вообще войско было хорошо выправлено и обучено, то были не новобранцы, а почти ветераны»^[1333]. Солдатами и драгунами командовали опытные офицеры-немцы, рейтарами – русские и немцы, стрельцами – только русские.

Василию Шереметеву не было и сорока лет. В 1658 году Шереметева назначили воеводой Киева. На этой должности Василий Борисович и проявил себя. Вместе со своими подчиненными, князем Юрием Барятинским и стольником Иваном Чаадаевым, Шереметев, как мы помним, не только выдержал долгую осаду Киева козаками, но и разгромил Даниила Выговского, брата гетмана, и самого гетмана Ивана Выговского. После одного из поражений знаменитый козацкий полковник Иван Богун бежал «бос и в одной рубахе»^[1334], спасался бегством и Остап Гоголь со своими головорезами-левенцами. Не зря Алексей Михайлович называл Шереметева «благонадежным архистратигом»^[1335], а поляки считали русского воеводу «полководцем искусным и испытанной храбрости»^[1336]. Епископ Николай Свирский, польский историк и поэт, недаром назвал летне-осеннюю кампанию 1660 года «Шереметевской войной»^[1337].

Однако наступление августа-сентября 1660-го было спланировано не слишком удачно. Шереметев не успел воспользоваться благоприятной для него обстановкой на Волыни и в Галиции, когда поляки и татары еще не успели сконцентрировать там свои войска. В поход выступили, когда на помощь оборонявшим Галицию войскам Станислава Потоцкого пришел Ежи Любомирский. Теперь вместо одной армии Шереметеву противостояли две. Но страшнее было другое: на Волыни появилась огромная татарская орда, на этот раз – союзная

полякам. Татар должен был сдерживать Юрий Хмельницкий, избранный гетманом год назад. Но его войско татар упустило.

У армии Шереметева и Цецюры были два недостатка, которые оказались весомее всех боевых достоинств. Во-первых, у них не было разведки. Шереметев не подозревал ни о прибытии армии Любомирского, ни о татарах – отсюда и его уверенность в успехе похода, на который не хватало сил. Зато противник знал всё о передвижениях армии Шереметева. Разведку полякам наладил Иван Выговский. Во-вторых, союз русских с Войском Запорожским оказался ненадежен. Собственно, эта ненадежность была русским хорошо известна: «Нельзя полагаться на верность казаков, которые весьма легко передаются в ту или другую сторону. К кому только из государей ни обращались они, каждый раз вероломно нарушая данную присягу»^[1338], – говорил на военном совете воевода князь Григорий Козловский. Он благоразумно предлагал отказаться от наступления на Львов и подготовиться к обороне Киева, укрепить гарнизоны других городов и встретить неприятельское войско на заранее подготовленных позициях. Но Шереметев, прежде не знавший поражений, уверенно повел свою армию на запад.

4 (16) сентября под местечком Любар на Волыни произошло первое сражение «Шереметевской войны». Русско-козацкое войско вступило в бой с огромной вражеской армией.

«И бой у нас с ними был весь день, и на том бою ляхов и татар многих пбили. И на тех полях стали мы и наказный гетман (Тимофей Цецюра. – С. Б.) обозом, а салтаны и гетманы стали обозом своим от нас неподалеку и бились с нами безпрестанно»^[1339], – сообщал в своем донесении государю Василий Шереметев. Русские и козаки, столкнувшись с противником, превосходившим их более чем вдвое, перешли к обороне. Поляки раз за разом штурмовали лагерь Шереметева. В том сражении отличился генеральный хорунжий Ян Собеский, будущий король, будущий спаситель Вены и всей Центральной Европы. Многочисленная татарская конница блокировала войско Шереметева. Оборонительное сражение превратилось в осаду. Ратники начали голодать, кони – падать от бескормицы. Шереметев тщетно ждал помощи от войск Юрия Хмельницкого и Михаила Ханенко^[1340]. Татары принялись жечь окрестные рощи и стога сена, чтобы лишить русскую конницу корма, а ратников – хвороста и дров. После десяти дней боев Шереметев принял единственно правильное решение: пробиваться на восток, навстречу Хмельницкому, чей лагерь находился неподалеку от местечка Слободищи.

Русские и козаки связали телеги и повозки цепями, образовав огромный квадрат, поставили на них пушки, между рядами повозок разместили пехоту и конницу и начали медленно отступать. Часть пути пришлось проделать через лес. Ратники, взяв в руки топоры, прорубали дорогу войску, пока остальные отбивали всё новые атаки врага. Татары

расстреливали русских из своих луков, отчаянные поляки пытались прорваться через ряды повозок и находили свою гибель от русских копий, пуль, сабель. Русские пушкарники методично палили из пушек, копейщики кололи своими длинными пиками. Русские сражались с хладнокровным мужеством, терпением, неутомимостью, которые поражали даже поляков. Русская армия напоминала им «огнедышащую гору, извергающую пламя и дым»^[1341]. «Москаль убегает от нас не по-заячьи, а по-волчьи, оскаливши зубы»^[1342], – говорил Ежи Любомирский, фактически взявший на себя командование польско-татарским войском.

Наконец войско Шереметева достигло местечка Чуднов, всего в трех милях от войска Юрия Хмельницкого^[1343]. Построили новый укрепленный лагерь.

Любомирский оставил половину армии блокировать русских, а сам с польской кавалерией и половиной татарской орды выступил против Хмельницкого. Гетман Войска Запорожского располагал по крайней мере 30 000 козаками. Если бы природа наградила Юрия Богдановича хотя бы частью полководческого дарования и политической мудрости своего отца, он мог бы разгромить Любомирского и ударить по татарам и полякам, осаждавшим Шереметева и Цецюру. Тогда война окончилась бы разгромом Речи Посполитой и Крымского ханства. Татары ушли бы в причерноморские степи. Не только Волынь, но и Галиция перешли бы под власть Москвы и под контроль Войска Запорожского. Власть поляков-католиков на Червонной Руси пала бы не в 1939-м, а в 1660-м.

27 сентября Любомирский атаковал козаков Хмельницкого, но не сумел их разбить. Судьба кампании еще не была решена. В тылу у Любомирского теперь стоял Шереметев, готовый в любой момент пойти в наступление. И он перешел в наступление. Потоцкий, блокировавший русский лагерь, дважды бросал в атаку гусар, и дважды гусар отбили с потерями. Татары осыпали русских и козаков тысячами стрел. Но русские шли вперед, не считаясь с потерями: «Московиты сражались с крайним отчаянием. Старые польские солдаты, участники многих кровопролитных битв, говорили, что в таком адском огне они еще не бывали. Они сравнивали поле битвы с огненной кипящей рекой»^[1344].

Однако в решающий момент, когда поляки нанесли новый контрудар, козацкие полки не выдержали натиска и бежали, бросив обоз. Шереметев вынужден был отступить к лесу. Всю ночь его воины не спали, окапывались, строили новый лагерь, на этот раз – последний.

А ведь еще недавно козаки ни в чем не уступали «московитам». Почему войска Цецюры, Апостола, Дворецкого, сначала храбро сражавшиеся, понемногу начали терять боевой дух? Уже при Любаре Шереметев вынужден был выйти к козакам с обнаженным мечом в руках: упрекал их в малодушии и пытался воодушевить, якобы обещав, что по возвращении в Киев выдаст каждому по сто талеров^[1345]. Надоела козакам война или не хотели они сражаться плечом к плечу с «москалями»? Как бы там ни было, поляки спешили воспользоваться

благоприятными для себя настроениями. По рукам козаков уже ходили листы, где от имени короля им обещали не только прощение всех прошлых преступлений и провинностей перед короной, но и разнообразные привилегии. Православный шляхтич Стефан Немирич, брат погибшего соратника Выговского Юрия Немирича, отправил в лагерь Цецюры письмо, в котором убеждал козаков «думать о собственном спасении, а не о москалях», которые платят козакам не золотом и серебром, а медяками. Но войска Цецюры еще хранили верность союзу с «москалями» и надеялись на скорую помощь от самого гетмана.

В лагере Хмельницкого должны были хорошо слышать недалекую канонаду. Но молодой гетман не поспешил ударить по врагу. Прав был Шереметев, еще до похода заметивший: «Такому гетманишке гусей пасти, а не гетмановать»^[1346]. Перепуганный Юрий вместо того, чтобы руководить войском, только молился: «Господи Боже мой! Выведи меня из этого пекла; не хочу гетмановать, пойду в чернецы!»^[1347] Полковники едва заставили его отложить свое намерение, но уговаривать продолжить войну не стали. Козаки «впали в безразличие и большие раздоры между собой. Они решили оставаться на месте и предоставить Шеремету труды и опасности похода для соединения с ними»^[1348], – записывал в своем дневнике шотландец Патрик Гордон, в то время – офицер на службе у Речи Посполитой.

Пока войско Шереметева сражалось и погибало, Юрий Богданович и его старшины заключили сепаратный Слободищенский договор. Договор, вообще-то Украине невыгодный, но избавлявший от необходимости продолжать войну. Хмельницкий и старшины согласились перейти под власть польской короны, таким образом предав «москалей».

Теперь судьба русского войска была решена. Цецюра вместе с козаками по условному знаку покинул лагерь Шереметева и перешел на сторону поляков. Однако этот переход оказался для козаков чрезвычайно несчастлив. Татары, не знавшие о договоре, увидев, что козаки покинули укрепленный лагерь, принялись хватать и убивать их. Цецюра с частью своих людей успел добраться до польского лагеря, но многие козаки были убиты или захвачены татарами в плен^[1349]. Некоторые повернули назад в лагерь Шереметева. Были, впрочем, и такие, кто решил до конца разделить судьбу своих союзников и не пошел за Цецурой к Хмельницкому и полякам^[1350].

Тем временем, к полякам прибыла подмога: генерал Ромуальд Вольф привел осадную артиллерию и 8 000 польских пехотинцев. Хмельницкий написал Шереметеву, предлагая сдаться, прекратить бессмысленное теперь кровопролитие. Но гордый русский боярин отвечал: «...умираю сам и со всеми ратными людьми, а знамен царских и наряду^[1351] <...> не отдам»^[1352].

У русских давно уже не было другой пищи, кроме мяса павших лошадей. Конница перестала существовать. Рейтары сражались в пехоте. Затем и этого мяса не стало. Солдаты «з голоду ремни от мушкетов едали»^[1353]. Каждый день лили осенние дожди, ночные холода превращали воду в лед. Поляки и татары взяли русских в столь тесную блокаду, что не было возможности даже раздобыть дров и хвороста, чтобы разжечь костер. Русские пытались жечь дёрн, но он только дымился, а не горел: «Московиты, с исхудалыми, почерневшими лицами, казались не людьми, а привидениями»^[1354].

Но русские не сдавались до тех пор, пока у них не кончились порох и пули. День за днем, неделя за неделей. Найдется ли писатель, который расскажет о подвиге войск Шереметева и Козловского, преданных союзниками, не имевших ни малейшего шанса на успех, но не сдававшихся сильному, отважному и жестокому врагу?

Помощь была далеко. О бедственном положении армии Шереметева узнали слишком поздно. Григорий Ромодановский стоял со своей армией в далеком Белгороде. На правом берегу Днепра русских войск было очень мало. Более-менее значительный отряд стоял в Киеве: около 5 000 человек. Но киевские воеводы Барятинский и Чаадаев не могли оставить город без русского гарнизона. Барятинский все-таки отправился в поход – вызволять Шереметева, хотя мог собрать только 4 000, чего было, конечно, недостаточно для победы над поляками и татарами. Хуже того, по пути Барятинскому пришлось столкнуться с активным сопротивлением черкасов. 19 октября князь достиг местечка Брусилово, где козаки и мещане встретили русских огнем из пищалей и градом стрел. 20 октября черкасы даже атаковали Барятинского, но были им разгромлены. А 22 октября Барятинского атаковали уже и поляки, и татары, и козаки-черкасы, причем поляками командовал Ян Собеский. Барятинский снова разбил врагов, но идти дальше смысла не было: князь узнал, что войско Шереметева капитулировало.

В лагере под Чудновым кончились запасы пороха. Польская артиллерия теперь безнаказанно расстреливала позиции русских, а воинам Шереметева, Козловского, Щербатова уже нечем было отвечать. Гибнуть, не имея возможности отплатить кровью за кровь, смертью за смерть, – худшее наказание. Сражение превратилось в методичное и безнаказанное истребление русского воинства. Тяжелые пушки Ромуальда Вольфа рано или поздно уничтожили бы остатки русской армии. И Шереметев пошел на переговоры с поляками, заключив мир, для русских очень тяжелый.

Русские должны были вывести свои войска из Киева, Чернигова, Переяслава, Нежина. Фактически это означало капитуляцию, полный вывод войск с Украины и признание поражения в войне, начатой в 1654 году. Шереметев и другие знатные русские должны были оставаться в плену польских гетманов Потоцкого и Любомирского и у татарского

нурэддин-султана Мурад-Гирея до тех пор, пока не будут исполнены условия договора.

Шереметев не из малодушия согласился на капитуляцию. За годы службы на Украине, за почти два месяца непрерывных боев под Любаром и Чудновым, боярин, очевидно, понял: Украина не стоит русской крови. Нет смысла гибнуть за чужую землю, нет никакого резона помогать неверным черкасам, которые «москалей» не считают своими, а потому готовы бросить их в самую тяжелую минуту: «А в Киеве и в Чернигове и в Переяславле и в Нежине великого государя ратным людям быть не у чего...»^[1355] – писал Василий Борисович Шереметев Юрию Никитичу Бярятинскому. Если народ не поддерживает власть русского государя, то удержать страну будет трудно: «...козаки отступили, города крепки не будут, только людей потерять»^[1356], – писал Шереметев воеводе Ивану Чаадаеву.

Разумеется, Шереметев не имел полномочий заключать мирный договор. Когда поляки потребовали от Бярятинского оставить Киев, ссылаясь на договор с Шереметевым, русский воевода отвечал: «Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева; много в Москве Шереметевых!»^[1357] Осудили и не признали договор и в Москве. Однако с оценкой черкасов вполне согласились: «на черкас надеятца никак невозможно и верить нечему, яко трость колеблема ветром, так и они. И помянут на время, а будет увидят от части нужу, тотчас <...> помирятца с ляхи и с татары»^[1358].

Шереметев надеялся спасти людей, сохранить их для будущих сражений. Увы, он явно переоценивал благородство своих противников. Согласно условиям капитуляции русские ратники, кроме воевод и командиров полков, должны были сложить оружие. Им позволили оставить только сотню топоров, необходимых, чтобы нарубить дрова. Безоружные русские были слишком ценной добычей, чтобы ее можно было выпустить из рук. Дело в том, что в те времена русские, как и поляки, отправлялись на войну в дорогих нарядах, украшали оружие, доспехи, парадную одежду золотом, жемчугом, драгоценными мехами. Когда польские гетманы пригласили Шереметева на обед, то были поражены роскошью его наряда, сверкавшего золотом и подбитого драгоценными соболями. Князя Козловский и Щербатов ему мало в чем уступали. Видимо, было что пограбить и у командиров солдатских и рейтарских полков, и даже у простых ратников. «У нас, – кричали татары, – добыча пропадает! Поляки милостивее к врагам своим, москалям; за столько трудов, за столько страданий, за столько крови хоть бы обоз московский облупить дали!»^[1359]

Татары не преминули воспользоваться беспомощным положением русских, как только представилась возможность. Поляки обещали охранять русских от татар, но слова своего не сдержали. Их караулы не сумели или не захотели помешать татарам. Русские не сдавались и тут, отбивались от крымских грабителей и работорговцев поленьями,

ножами, однако силы были неравны. Множество русских было вероломно убито, множество захвачено в плен и продано в рабство. Самого Шереметева Любомирский и Потоцкий передали татарам. Он проведет в крымской неволе двадцать один год. Счастливее оказалась судьба тех, кто попал в плен к полякам. Князь Григорий Козловский даже был представлен королю Яну Казимиру. Хотя условия договора не были выполнены, русские пленники провели в Польше от года до четырех-пяти лет, после чего вернулись на Московскую Русь.

Гибель целой армии побудила многих черкасов по обоим берегам Днепра перейти на сторону Польши, на сторону сильнейшего. Московских ратных людей черкасы хватали и бросали в воду^[1360]. Но поляки не сумели воспользоваться благоприятной военно-стратегической обстановкой. Армия требовала задержанного жалования и отказывалась идти вперед. Укрепления Киева, где оборонялись Барятинский и Чаадаев, поляки так и не решились штурмовать. Московская власть хоть и не доверяла черкасам, но решила не отказываться от Украины, за которую было пролито столько крови. Полковники Сомко и Золотаренко, надеясь при помощи Москвы получить гетманскую булаву, не признали Слободищенского договора. А вторжение Юрия Хмельницкого на левобережную Украину закончилось неудачей, после которой ничтожный сын великого отца отказался от булавы и постригся в монахи^[1361].

Причина Чудновской катастрофы, конечно, не в одной лишь ничтожности младшего Хмельницкого. Его ведь окружали умные и уважаемые полковники, ветераны войн с поляками, татарами и даже турками. Тот же Тимофей Цецюра произвел на поляков самое приятное впечатление: умный, деятельный, опытный в военном деле человек. Русские оценили Чудновскую катастрофу как прямое предательство гетмана и полковников, то есть военной элиты Войска Запорожского.

Из «отписки» боярина В. Б. Шереметева князю Ю. Н. Барятинскому: «...гетман Юрий Хмельницкий и Тимофей Цецюра, забыв страх Божий и присягу и клятвы свои и великого государя милость, ему, великому государю, изменили с городами Малыя России, и поддались королю Польши»^[1362]. Пожалуй, русскому историку нечего добавить к этим горьким словам.

Другое дело историк малороссийский, украинский. Самуил Величко называет поведение Юрия Хмельницкого «зрадой» (предательством), но находит способ все-таки обвинить в гибели русского войска самого Шереметева. Летописец упрекает русского воеводу не только в самонадеянности, но и в богохульстве. Вот ректор Киево-Могилянской коллегии Иоаникий Галатовский заметил Шереметеву: нельзя полагаться только на свою силу. Надо молиться Богу. Но гордый боярин будто бы ответил, что с таким сильным войском можно обойтись и без Божией помощи^[1363]. Хотя вряд ли русский боярин, живший за столетие

до Вольтера и французских энциклопедистов, мог дать такой прямо-таки богоборческий ответ.

Гораздо дальше пошел автор другой, более известной «козацкой» летописи – Григорий Грабянка. Он оправдывает пусть не Хмельницкого, но Цецюру. Якобы «россияне» начали продавать козаков татарам «за хлеб, соль и воду», а Цецюра, «увидев, как всё это озлобило козаков», решил не терпеть далее «такой неправды» и прорвался к Хмельницкому^[1364].

На самом деле Цецюра перешел к Юрию Хмельницкому, узнав о Слободищенском договоре. В это время и русские, и козаки в лагере Шереметева терпели голод и холод. Ни о какой «торговле козаками» речи не было. Но малороссийский летописец таким образом старался оправдать козацкую измену и переложить вину за поражение на русского военачальника.

Еще дальше пошел Семен Дивович, автор «Разговора Великороссии с Малороссией». В его сочинении изменником представлен сам Шереметев.

Таким образом хотел он многих погубить,
Но сам попал в неволю, как вздумал изменить^[1365].

Цецюра же, увидев измену, пробился сквозь ряды татар на свободу. О Юрии Хмельницком нет ни слова.

Научная историография унаследовала эту традицию козацкого летописания.

Грушевский порицает Юрия Хмельницкого, но вовсе не за предательство союзника. Хмельницкий согласился на невыгодный для Украины Слободищенский договор, только в этом его вина^[1366]. Зато Шереметева украинский историк судит сурово, без критики принимая версию Григория Грабянки: «капитулировал на весьма унижительных условиях и сорвал сердце на козаках Цыцюры. <...> Этот поступок возбудил на Украине чрезвычайное омерзение и раздражение против московской власти»^[1367].

Профессор Киево-Могилянской академии Наталья Яковенко, сто лет спустя после Грушевского, пишет о «самоуверенном царском воеводе Шереметеве», который «не церемонился с казаками»^[1368]. Яковенко, вслед за Грушевским и Грабянкой, выставляет предателем самого русского боярина: несчастных козаков «...разъяренный Шереметев, капитулируя, выдал татарам»^[1369]. О настоящем предателе, Юрии Хмельницком, Наталья Яковенко пишет совсем иначе. Глава «Очерков истории Украины», посвященная этому гетману, называется так: «Горькая судьба Юрася Хмельниченко»^[1370].

P.S.

На первый взгляд удивительно, почему об этом предательстве знают только историки, а имя Мазепы стало нарицательным. Между тем причин этому найдем немало. Во-первых, Юрий Хмельницкий настолько затерялся в сиянии славы своего отца, что имя Хмельницкого просто не могло ассоциироваться с изменой, с поражением и позором. Во-вторых, Мазепа был и впрямь незаурядной личностью, оставившей в истории яркий след, чего нельзя сказать о Юрасе^[1371].

И все-таки больше всего Мазепа своей славой, в том числе и славой дурной, обязан искусству и литературе. Так случилось, что его жизнь, реальная и мифологизированная, подарила сюжет Джорджу Байрону, Виктору Гюго, Юлиушу Словацкому, Юзефу Богдану Залескому, Александру Сергеевичу Пушкину. Трудно найти другого украинского политика, который стал бы героем английской, французской, немецкой, чешской, шведской, польской, русской литературы. Что говорить о литературе украинской! Композиторы и художники едва ли не превзошли прозаиков и поэтов. Петр Ильич Чайковский написал о Мазепе оперу (по мотивам пушкинской «Полтавы»), Ференц Лист посвятил украинскому гетману свою симфоническую поэму, а Рахманинов – вокальный квартет. Еще при жизни появилось несколько портретов гетмана, причем мало похожих меж собою. Эпизоды из жизни Мазепы стали сюжетами для русских и европейских художников: Мазепа и Мотря Кочубей, Мазепа и Карл XII, Мазепа после Полтавы, Мазепа в Бендерах. Но самой популярной была, как ни странно, тема, связанная с юношеским любовным приключением Мазепы. Обнаженный юноша, «распятый» на спине лошади, – таким его изобразил на своей акварели Эжен Делакруа.

Мазепа стал романтическим героем для европейцев, национальным героем для украинцев, антигероем для русских. А Юрий Хмельницкий оказался слишком мелок для такой роли.

Часть XII

Цветы и корни

Мужицкая нация

В 1987 году в Кембридже вышла монография чешского ученого Мирослава Хроха «Социальные предпосылки национального

возрождения в Европе»^[1372]. В наши дни книга или диссертация о национальном возрождении, национальных движениях или национализме просто немыслима без ссылок на Хроха и предложенную им периодизацию истории национального возрождения. Она проста и понятна. Сначала появляются ученые – филологи, этнографы, фольклористы, которые собирают народные песни, изучают грамматику народного языка, сохранившегося у деревенских жителей. В родной Хроху Чехии к началу XIX века горожане говорили и писали по-немецки, а чешский язык помнили только селяне. Но романтически настроенные ученые, а нередко – дилетанты-самоучки будто бы и открывают нацию. Это время Хрох называет «фазой А». Через одно-два поколения на место фольклористов и филологов приходят юристы и политики, которые уже заявляют о праве их нации на автономию или даже на создание собственного государства. Это фаза национальной агитации – «фаза В». Третья фаза – «фаза С» – начинается в том случае, если политикам-националистам удастся овладеть умами широких масс. Это фаза массового национального движения, которая часто заканчивается национальной революцией и/или войной за независимость.

Всю работу по «созданию нации» проводят интеллектуалы. На долю народа остается только роль искушаемой девицы, которая должна в конце концов согласиться на предложение соблазнителя.

Ученые в наши дни вычеркивают «простолюдинов» из истории национальных движений. Крестьяне, естественные консерваторы и традиционалисты, как будто не должны были ничего знать о национальном единстве, национальных героях, национальной истории и национальной судьбе. Украинские мещане в первой половине XIX века от крестьян мало отличались.

А ведь есть множество свидетельств о патриотизме простого народа, его любви к Отечеству. В 1847 году по делу Кирилло-Мефодиевского общества был арестован студент Киевского университета Посяда (Посяденко), мещанин по происхождению. Среди его бумаг был найден листок с такими словами: «Бедная моя страна, тебя оставили все твои сыны, тебе изменили все люди, могущие облегчить твои страдания <...> Но кто скажет, чтобы не было и тех, кои всегда готовы помочь тебе, любезная страна моя? Есть и такие, кои готовы положить за тебя самую жизнь свою»^[1373].

Посяденко был всё же студентом, общался с образованными людьми, жил в эпоху, когда уже начиналось пробуждение украинской нации и формирование украинского политического национализма. Но за тридцать с лишним лет до ареста Посяденко русский путешественник оставил нам свидетельство украинского патриотизма, распространенного в простонародной среде. «Малороссияне пламенно любят отчизну свою и помнят славу предков своих»^[1374], – писал Алексей Левшин. В 1815 году он познакомился в Белоцерковке с мещанином, владельцем старинного ружья, на котором была выгравирована

надпись: «Бѣлоцерковскаго полка». Левшин пытался купить ружье, но хозяин категорически отказался его продавать^[1375]. И случай этот, несмотря на внешнее сходство, представляет полную противоположность тяжбе вокруг ружья Ивана Никифоровича. У гоголевского героя это был каприз – а знакомый Левшина получил ружье в наследство и дорожил им чрезвычайно.

В маленькой Белоцерковке, основанной в 1765 году, уже после ликвидации Гетманщины, своего полка никогда не было. Полк получил название от Белой Церкви, что на Киевщине. Существовал он до Андрусовского перемирия, то есть до 1667 года. Семен Палий возродил Белоцерковский полк в 1702-м. Но в 1712-м полк был окончательно расформирован, а его козаки переселены на левобережье Днепра. Таким образом, собеседника Левшина и его предка (деда, а вероятнее всего – прадеда), козака Белоцерковского полка, разделяло по меньшей мере сто лет. Но все эти сто лет семья хранила память о предке-козаке, возможно – о козацких походах и подвигах.

А ведь в Малороссии XIX века не преподавали историю Гетманщины или Войска Запорожского. Но историческая память существовала, она передавалась от отца к сыну, от деда к внуку. Тарас Шевченко рассказывал, что узнал о восстании гайдамаков 1768 года, о кровавых подвигах Зализняка и Гонты из рассказов своего деда, который был если не участником, то свидетелем Колиивщины.

Биографы Шевченко, украинские филологи М. Гнатюк^[1376] и И. Дзюба^[1377], считали признание Шевченко литературным приемом и старательно искали литературные источники его «Гайдамаков». На то они и филологи, литературоведы. Но Шевченко – не литературовед, не историк, не исследователь, который пишет, сверяясь с источниками. Его историческая память формировалась устными рассказами старших современников. Шевченко еще в детстве посетил и Мотронинский монастырь, где на монастырском кладбище были похоронены многие гайдамаки. Там он мог встретиться с их родственниками, услышать рассказы бывалых людей. Но все-таки главным источником для него были именно рассказы деда. Шевченко написал об этих рассказах в своей поэме. Бывало, по воскресеньям отец просил деда, чтобы тот рассказал про Зализняка и Гонту, как «покарали» они ляхов. И тот рассказывал сыну и внуку, а маленький Тарас слушал деда и «у куточку» оплакивал судьбу замученного ляхами ктитора, восхищался мстителями-гайдамаками. И много лет спустя Шевченко, уже известный поэт, благодарит столетнего деда:

Спасибі, дідусю, що ти заховав
В голові столітній ту славу козачу...^[1378]

Спасибо, дедуся, что ты приберег
В памяти столетней славу гайдамаков...

(Перевод А. Твардовского)^[1379]

Помимо рассказов стариков историческую память народа формировали бандуристы, кобзари, лирники, которые пели народные песни и думы, рассказывали о давних временах, о подвигах прадедов и прапрадедов: «наши рапсодии суть наши поэтические летописи»^[1380], – писал Кулиш. Гоголь был поэтичнее: «...песни для Малороссии – всё: и поэзия, и история, и отцовская могила»^[1381].

Песня или дума в хорошем исполнении могла больше дать для «национального воспитания», чем урок истории в современной школе или лекция в университете. Разумеется, это было не научное изучение истории, а восприятие народных, мифологизированных представлений о прошлом. Но именно эти представления и формируют историческую память нации. Не одни лишь простые крестьяне и мещане, но и образованные паны слушали бандуристов. Николай Васильевич Гоголь ставил народные песни много выше летописей и сочинений ученых историков.

Из письма Н. В. Гоголя И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 года: «...каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, прибавившего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены. <...> Если бы наш край не имел такого богатства песен – я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем...»^[1382]

А ведь Гоголь все-таки был историком. Он не только изучал эту науку в Нежинской гимназии, но и читал лекции по всемирной истории и намеревался писать многотомную «Историю Малороссии». Николай Васильевич сам собирал песни и читал сборники песен и дум, изданные Максимовичем, Лукашевичем, Срезневским. Последний в тридцатые годы XIX века был настроен вполне украинофильски, охотно ездил по селам, беседовал с кобзарями и писал об их труде: «И доселе на Украине есть как бы особенный цех стариков, кои то под названием и ремеслом нищих, то под названием и ремеслом музыкантов бродят из села в село и тешат народ своей игрой на бандуре, своими печальными напевами песен и дум старинных, своими рассказами про былое. В памяти сих стариков живет старина Запорожская, и в сем отношении сии старики важнее всяких летописей»^[1383].

Игра на кобзе или бандуре во времена Хмельнитчины не считалась привилегией нищих слепцов. Напротив, это было дело козацкое. На бандуре играли даже Богдан Хмельницкий и Семен Палий. Это искусство не было утрачено в Гетманщине и на Запорожье еще в XVIII

веке. Антон Головатый, создатель Черноморского войска, играл на бандуре для императрицы Екатерины. На одном из портретов он и изображен с бандурой в руках. Для императрицы Елизаветы на бандуре играл Алексей Разумовский, занимавший даже особую должность придворного бандуриста, созданную специально для него. Иван Мазепа если не играл на бандуре, то сочинял песни и думы, позднее ставшие народными. Во время Колиивщины бандуристы сопровождали ватаги гайдамаков, играли и пели для них. Этих бандуристов польские власти судили наравне с головорезами-гайдамаками и приговаривали к смерти за игру на бандуре так же, как за участие в массовых убийствах^[1384].

Но в гоголевские времена пение исторических песен и дум под аккомпанемент бандуры, кобзы или (всё чаще) лиры составляло промысел нищих слепцов. На Украине встречалось много людей, ослепших от перенесенной в детстве или юности оспы или больных трахомой. Они не могли заниматься крестьянским трудом, а пение под бандуру – надежный кусок хлеба. Не разбогатеешь, но с голоду не умрешь: подадут «хто бублик, хто гроші...»^[1385] Некоторым удавалось скопить денег на новую хату и даже купить немного земли, если не под пашню, то хотя бы под сад и огород.

«Нашему брату бывало прежде хорошо: взял палку и инструмент да и ступай себе, куда вздумал. Никто не спрашивал: кто ты таков и откуда? <...> не нужно нам было ни жениться, ни что: наш брат весь век ходил сыт», – рассказывал Пантелеймону Кулишу кобзарь Архип Никоненко^[1386].

И хотя в XIX веке ремесло бандуристов-кобзарей постепенно приходило в упадок, а на смену певцам приходили простые нищие, ремесло это еще не забылось. «Доныне сохранились еще в Малороссии старинные трубадуры, большею частью слепцы. Играя на кобзах, они ходят из села в село; приход их есть торжество селения <...> он (кобзарь или бандурист. – С. Б.) поет думы о Мазепе, о Хмельницком, о Наливайке и Палие»^[1387], – сообщал своим читателям издатель «Московского телеграфа».

Вот один из самых известных бандуристов гоголевского времени – Андрей Шут из Черниговской губернии. Он ослеп в семнадцать лет от оспы, но всю жизнь платил подати, как здоровый человек. Этнографы описывали его как седого старика в новой свитке и постолах (украинских лаптях), который вел праведную и трезвую жизнь: «Он отличался доброй осанкой и живыми движениями, показывающими человека, постоянно занятого работой»^[1388]. На жизнь Андрей Шут зарабатывал не только милостыней, игрой на бандуре и пением. Он много лет вил веревки и мастерил упряжь из пеньки.

В его репертуаре не было любовных или шуточных песен. Певец считал их несерьезными, а потому недостойными внимания, но охотно пел псалмы и народные думы, которые воспринимал «как на изустные сказания о том, что творилось на свете в старину, – о Хмельницком и

Барабаше, о смерти Богдана Хмельницкого, о восстании против евреев-арендаторов, о Белоцерковском мире и о войне с поляками. Темы этих дум могли бы стать темами университетских лекций или школьных уроков истории.

Розказали кобзарі нам
Про війни і чвари,
Про тяжкеє лихоліття...
Про лютії кари,
Що ляхи нам завдавали —
Про всё розказали^[1389].

Кобзари про войны пели,
Битвы и пожары,
Про тяжкое лихолетье,
Про лютые кары,
Что терпели мы от ляхов, —
Обо всем пропели.

(Перевод В. Державина)^[1390]

В украинских думах и песнях часто говорится о подвигах и славе – славе казацкой или запорожской. Песни и думы учили любить отечество, которое называли словом «Украина». Украинские крестьяне в гоголевское время редко именовали себя «украинцами», но они прекрасно знали про Украину. В народных думах и песнях говорится о «славной Украине», о «нашей славной Украине», о «козацкой Украине»^[1391]. Откройте сборник хоть Кулиша, хоть Лукашевича, хоть Максимовича и выписывайте слово «Украина». Найдете очень много!

«Ой як на славній Україні...»
«Що тепер у вас на славній Україні слишно?»
«На славну Україну прибувайте,
Ляхів, мостивих панів у пень рубайте...»
«Щоб на козацьку Україну и кривим оком не поглядали».
«За Хмельницькаго Юрася, пуста стала Украина...»
«За тобою Морозенку, вся Украина плаче».

Современные историки, заиклившись на «национальном самосознании», всерьез полагают, что назвать себя украинцем и быть украинцем – это одно и то же. Между тем еще Грушевский заметил, что пань называли себя «украинцами» или «малороссиянами», однако они все более отчуждались от украинского народа и постепенно «сливались с культурной и национальной великорусской жизнью». Национальную идентичность сохранил именно простой народ, прежде

всего украинские крестьяне, до 1861 года в большинстве своем крепостные, часто неграмотные. Именно они «обладали драгоценными сокровищами поэзии». «В устах крестьянина, – продолжает Грушевский, – уцелела память об украинском прошлом, о козацкой славе, забытой интеллигенцией...»^[1392]

С чего начинается Родина?

Уже в гоголевское время украинские ученые, начиная с Максимовича, заявили о своих претензиях на историю Древней Руси. Украинская «патриотическая» версия древнерусской истории с тех пор будет успешно развиваться. Михаил Драгоманов начнет спор с русскими учеными, которые «конфисковали в пользу царской империи» киевский период украинской истории, и смело заявлял, будто «древняя киевская идеология связана непосредственно с казаческой Украиной как местом действия и расой актеров, так и своими республиканскими институтами»^[1393]. Наконец, в 1904 году в петербургском сборнике «Статьи по славяноведению» профессор Львовского университета Михаил Грушевский, работавший над многотомной «Историей Украины-Руси», напечатает небольшую полемическую статью, которая произведет настоящую историографическую революцию. По крайней мере, революцию для украинцев. Статья называлась «Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного слов’янства» («Обычная схема “русской” истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства»).

Грушевский откажется от традиционной схемы истории, общепринятой еще с Карамзина, где киевские великие князья выступали предшественниками московских великих князей и царей и российских императоров, и заявит: «Киевское государство, право, культура были творением одной народности, украинско-руської; Владимиро-Московское – другой, великорусской»^[1394]. Наследником Киевской Руси стала не Русь Московская, а Галицко-Волинское княжество, а после него – «руськіе» земли польско-литовского государства. «Владими́ро-Моско́вское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросло на собственном корне». Московская Русь и Киевская соотносятся, как Галлия и Рим^[1395]. Грушевский положит жизнь на создание новой исторической концепции, где почти вся история Киевской Руси будет приписана истории Украины и украинского народа. В академической «Истории Украины-Руси» историк напишет об «украинско-русских землях» под властью Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, а в адресованной широкому читателю «Иллюстрированной истории Украины» смело

назовет полян, древлян, тиверцев, уличей, дулебов «украинскими племенами»^[1396].

Интересно, что в гоголевское время простой украинский народ смотрел на свое историческое прошлое совсем иначе. Народные думы и песни почти не касались далекого домонгольского прошлого, да и само это прошлое рассматривали сквозь оптику козацких времен. В легенде о киевских Золотых воротах, записанной Кулишем у одного «малороссийского старца», действие происходит как будто в XIII веке, когда татары взяли и разграбили Киев. Но в этом Киеве нет ни князей, ни витязей или богатырей. А есть зато киевская «громада» и «лыцарь Михайлик»^[1397], которого требуют выдать татары. Киевляне, надеясь откупиться предательством от татар, выдают им Михайлика, однако тот, обладая не только силой, но сверхъестественным могуществом, проходит невидимым сквозь татарское войско и увозит с собой те самые Золотые ворота. Татары громят Киев, а Михайлик читает им мораль:

Ой, Кияне, Кияне, панове громада!

Погана ваша рада:

Як би ви Михайлика не оддавали,

Поки світ сонця, вороги б Києва не достали!

Образный ряд, магические способности «лыцаря» Михайлика, «панове громада» – всё это явно принадлежит другой, вовсе не Киевской эпохе.

Русские сохранили гораздо больше от киевского наследия. Даже былины киевского цикла были записаны на Русском Севере и в губерниях Великороссии. В Малороссии их не знали. В сочинениях Самуила Величко, Григория Грабянки, в «Истории русов» и даже в составленной Бантыш-Каменским «Истории Малой России» Киевская Русь занимает самое скромное место. Это скучное и краткое предисловие к настоящей истории, которая начинается с козацких времен.

Поразительно, но в знаменитой «Истории русов»^[1398] Киевской Руси посвящены всего две страницы. Две – из двухсот пятидесяти семи страниц издания 1846 года! Автор бегло упоминает Аскольда («Оскольда») и Дира, Игоря, Ольгу, Святослава, Владимира Святого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Даже Вещего Олега автор не удостоил вниманием, вовсе не упомянул и Рюрика^[1399]. О четырех славных веках Киевской Руси рассказано скороговоркой.

Летопись Грабянки тоже была относительно популярным чтением, сохранилось около пятидесяти ее списков^[1400]. Но ее автор гораздо больше внимания уделяет мифу о хазарском происхождении козаков, чем истории Киевской Руси. Грабянка даже на Крещении Руси не останавливается. Этот период истории, очевидно, не представляется ему важным и вообще своим, национальным. Грабянку, Величко, до сих

пор не установленного автора «Истории русов» Киевская Русь не интересовала, как не интересовала она и простонародных «учителей истории» – бандуристов-кобзарей.

«Поэтические летописи» украинского народа начинаются в основном с козацкого времени, с походов запорожских «лыцарей» против нечестивых «агарян» (турок и татар). Каждая дума – целый рассказ из исторического прошлого. Эмоциональный, нередко – богатый подробностями. События могут быть вымышленными, или реальными, или похожими на историческую реальность. Вот знаменитая дума о Марусе Богуславке. К невольникам-козакам, которые уже тридцать лет томятся в турецком плену, приходит Маруся Богуславка, наложница хозяина-турка, и спрашивает, знаете ли вы, какой сегодня день? Сегодня – великая суббота, а завтра Велик-день – Пасха. Невольники проклинают Марусю, которая травит им душу и напоминает, что завтра такой великий праздник. Но Маруся обещает на Пасху помочь им освободиться, бежать из плена. На следующий день она выпускает невольников из темницы и просит, чтобы они, возвращаясь на родину, пришли бы и в ее родной Богуслав да сказали отцу и матери, чтоб не разорялись, не собирали денег на ее выкуп, потому что она уже «потурчилась», «побусурменилась».

Для роскоши Турецкой,
Для лакомства нещасного!

Финал думы – молитва о возвращении на родную землю, в христианский мир:

Ой, визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників,
З тяжкої неволі,
З віри бусурменської,
На ясні зорі,
На тихі воді,
У край веселий,
У мир хрещений!^[1401]

Думы рассказывают и о войнах против унии, о сражениях с поляками, о подвигах казачьих полковников – Нечая, Морозенко, Богуна, о восстании Хмельницкого.

Гей, поїхав Хмельницький
К Золотому Броду
Гей, не один лях лежить
Головою в воду.

(из народной песни о битве при Желтых Водах)^[1402].

Пели бандуристы и о подвигах гайдамаков. Зализняк и Гонта «...в народных песнях до сих пор считаются мучениками за веру»^[1403], – писал Иван Аксаков. Это не было секретом и для русской политической полиции. Шеф жандармов Алексей Федорович Орлов в своем докладе императору Николаю I от 28 марта 1847 года писал, что «изустные рассказы» о гайдамаках «нередко можно слышать в Малороссии»^[1404]. А ведь в императорской России ни гимназии, ни даже народные школы не давали знаний о гайдамаках.

Украинцы пели и о походах под Очаков, Хотин и Бендеры, где козаки вместе с «москалями» воевали против турок. Пели о разрушении Сечи «москалями», о бессердечной царице Екатерине, что отняла земли у запорожцев, о хитрых «москалях», что хотели заманить бежавших за Дунай козаков да забрить их в солдаты.

Ой, пише Москаль та до кошового – «а йдїте до мене жити

Ой я дам землю та по прежньому <...>»

Ой, брешеш, брешеш ти, вражий Москалю – а ти хочеш обманити:

Ой, як підемо ми у твою землю, ты будеш лоби голити^[1405].

События екатерининского царствования вообще очень хорошо отражены в народных песнях. Нашлось место и подвигам, и несчастьям, и даже предательству старшины, променявшей вольности козацкие на чины, земли и панскую жизнь. Целая история по крайней мере за триста лет отражена в песнях.

Во имя святых Кирилла и Мефодия

В ноябре 1846 года студент Киевского университета Алексей Петров, сын жандармского офицера, обратил внимание на собрание в соседней квартире чиновника Николая Гулака. Гости говорили так громко, что Петрову удалось их подслушать. Разговаривали «о предметах, касающихся государства», причем мнения собравшихся были проникнуты «совершенно идеею свободы»^[1406]. Студент Петров стал подслушивать соседей регулярно, а вскоре свел знакомство с Николаем Гулаком и с некоторыми из его гостей – помещиком Николаем Савичем и студентом Александром Навроцким. Простодушный Гулак после недолгого разговора открыл Петрову, что есть в стране люди, желающие произвести государственный переворот, и что эти люди «составляют огромное общество», участники которого живут не только в России, но и в других славянских землях. В доказательство Гулак достал из голубой коробочки золотое кольцо с выгравированной на внутренней стороне надписью: «Во имя св. Кирилла и Мефодия».

Так судьба первой украинской конспиративной политической организации оказалась в руках доносчика и провокатора.

Простодушные «конспираторы» выдали всё, что могли. Петрову прочитали и написанный профессором Костомаровым «Закон Божий, книгу бытия украинского народа», и четыре стихотворения Тараса Шевченко, «имеющие своим содержанием вообще мысли явно противозаконные»^[1407], и даже дали переписать «Устав Славянского общества св. Кирилла и Мефодия».

Петров пришел с доносом к Михаилу Юзефовичу, помощнику попечителя Киевского учебного округа. Хотя Юзефович был принципиальным противником украинского сепаратизма, ему не хотелось доводить дело до следствия. Он был одновременно председателем Археографической комиссии, где трудился Тарас Шевченко, и покровительствовал Пантелеймону Кулишу. Юзефович потребовал изложить всё на бумаге. Петров не только не испугался написать донос, но и сумел пробиться на прием к генерал-майору Траскину, попечителю Киевского учебного округа. Донос, датированный 3 марта 1847 года, оказался на столе у Траскина. К доносу Петров приложил и копию «Устава». Генерал оценил всю значимость сведений, проинформировав генерал-губернатора Бибикова. Так началось дело Кирилло-Мефодиевского общества (братства), которым занялось III отделение канцелярии Его императорского величества во главе с графом Орловым и генерал-лейтенантом Дубельтом. Причем дело сочли столь важным, что уже в марте 1847-го поставили в известность князя Варшавского, фактически второго человека в государстве, и самого императора Николая I.

В марте-апреле начались обыски и аресты. Вскоре почти все участники тайного общества оказались в тюрьме, под следствием. Арестовали даже ни в чем не повинного славянофила Федора Васильевича Чижова^[1408], который имел несчастье переписываться с Гулаком.

Уже первые обыски и первые допросы позволили следствию установить и численность общества, и его цели, и реальные действия.

Вскоре выяснилось, что «огромное общество» состояло всего из двенадцати человек, считая доносчика Петрова: студенты, мелкие чиновники и учителя, происходившие из мелкопоместных малороссийских дворян. Трое имели недворянское происхождение: студент Посяда (Посяденко), художник и поэт Шевченко и писатель, этнограф, учитель Кулиш^[1409]. Лидером этого общества и автором его программных документов был адъюнкт-профессор Киевского университета Николай Костомаров.

Программные документы Кирилло-Мефодиевского братства не оставляли сомнений: цель тайного общества – даже не конституционная монархия, а федерация или, скорее, конфедерация славянских республик, что-то вроде славянского, восточноевропейского варианта Североамериканских Соединенных Штатов. Каждый славянский народ создавал свою «Речь Посполитую», то есть

собственную республику с демократическим конституционным режимом. Список этих народов представлен в двух документах – в Уставе и в воззвании к украинцам: великороссияне (в Уставе названы «северно-русским племенем», к ним же причислены и белорусы), украинцы (в Уставе названы «южно-россами»), поляки, чехи (в Уставе чехи вместе со словенцами, под которыми, видимо, имеются в виду не словенцы, а словаки), лужичане, иллиро-сербы (под этим искусственным именем соединили сербов, хорватов и боснийских мусульман), хорутане (словенцы), болгары^[1410].

Но этот вариант территориального деления не был принят окончательно. В своей «Автобиографии» Костомаров пишет, что федерация «только по одним народностям не оказалась для нас вполне удобною»^[1411]. Крохотная республика лужичан (лужицких сербов) была бы просто несопоставима с громадной Великороссией. Поэтому существовал и другой вариант – разделение на четырнадцать национально-территориальных «штатов».

Кирилло-Мефодиевское общество (или «товариство», то есть «братство») было организацией не милитаризованной и не революционной. Все программные документы провозглашали, что методом борьбы должны быть просвещение народа, мирная пропаганда и «воспитанные юношества». Кирилло-мефодиевцы собирались издавать для народа учебники по истории, географии, счетоводству, сельскому хозяйству. Ради этой цели начали сбор денег, но поскольку все «братчики» были бедны, то и денег собрали немного: 556 рублей 15 копеек ассигнациями^[1412].

Кулиш успел издать свою «Карманную книжку для помещиков, и лучший, извлеченный из опыта способ управлять имением», весьма далекую от украинского национализма. Василий Белозерский подготовил проект открытия сельских школ для «низшего класса народа – казаков-земледельцев». В школах должны были обучать грамоте и давать сведения, необходимые для сельского хозяйства^[1413], то есть некоторые навыки по агрономии и животноводству.

Кирилло-Мефодиевское общество просуществовало чуть больше года. Многомиллионный украинский народ и не ведал о нем. Сколько-нибудь масштабной пропаганды общество так и не успело развернуть.

III отделение, первоначально напуганное появлением украинского тайного общества, вскоре спустило дело на тормозах. Граф Орлов в своем новом докладе императору сообщал, что «Украино-Славянское общество св. Кирилла и Мефодия было не более как ученый бред трех молодых людей»^[1414]. Он имел в виду основателей общества – Костомарова, Гулака и Белозерского. Шевченко и Кулиш, как люди более опасные, проходили по другой статье, следствие ошибочно не причислило их к собственно членам тайного общества.

Николай Костомаров начал тем временем сознаваться. Он даже успел сообщить следователям, что переводил с польского «Книгу

польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича, которую жандармы сразу же – и справедливо – сочли образцом для «Книги бытия украинского народа». Следствие было на верном пути.

Но однажды в камеру к Николаю Костомарову пришел управляющий первой экспедицией III отделения Канцелярии Его императорского величества Попов и объяснил подследственному, что после таких признаний его, адъюнкт-профессора, отправят на каторгу, и посоветовал изменить показания. Он даже дал Костомарову прочитать новые показания Белозерского, которого, очевидно, Попов навел еще раньше: «...покажите то же, что и Белозерский. Посмотрите, что он написал. <...> Видите ли умно написано»^[1415]. Костомаров, подумав, дал новые показания. Оказывается, кирилло-мефодиевцы просто «верили в великую будущность славян» и мечтали о присоединении славянских земель к Российской империи. Так вместо мирной, но все-таки антимонархической республиканской украинской организации появилось лояльное монархии панславистское общество, которое желало объединить славянские народы под скипетром русского царя.

Руководители III отделения вовсе не собирались отправить на каторгу одиннадцать человек. Им важнее было сделать вид, будто в России нет ни республиканского движения, ни малороссийского сепаратизма. А в том, что почти все кирилло-мефодиевцы – мирные, совершенно неопасные (кроме Шевченко) для государства люди, следователи имели возможность убедиться. За участие в тайном обществе, которое теперь предстало просто чрезмерно патриотичным, не могла уже грозить настоящая кара. Большинство кирилло-мефодиевцев отделалось легкими наказаниями: несколько месяцев тюремного заключения (и то не всем), запрет на поездки в Малороссию и государственная служба в великороссийских губерниях. Только несчастного Николая Гулака за отказ давать показания отправили в Шлиссельбургскую крепость, а Тараса Шевченко за сочинение «предерзостных» и «возмутительных» стихов определили служить рядовым солдатом в далекий Оренбургский край. Царь к тому же прибавил от себя и еще одно наказание, действительно страшное для художника и поэта: строжайший запрет писать и рисовать.

Принято считать, что так Николай отомстил Шевченко за оскорбление, нанесенное им августейшей семье. Автор поэмы «Сон» издевался не только над императором, но и над его супругой, сравнив ее с сушеным опенком и глумясь над нервным тиком, что мучил императрицу после восстания декабристов. Но дело не в одной лишь царской мести. Именно Шевченко сочли самым опасным из кирилло-мефодиевцев. С его стихами, уже тогда чрезвычайно популярными среди украинцев, «в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства»^[1416].

Цветы и корни

В октябре 1850 года в Уральске Шевченко познакомился с поляком Максимилианом Ятовтом, который, как и Шевченко, был отправлен служить рядовым в Оренбургский край. Позднее Ятовт начнет печататься под псевдонимом Якуб Гордон. Он оставит очень интересное свидетельство о политических взглядах Шевченко: «Независимая Украина была целью его мечтаний, революция была его стремлением»^[1417], – писал Ятовт-Гордон. Это свидетельство не противоречит всему тому, что мы знаем о Шевченко. Еще за пять лет до этого разговора в своем «Заповите» («Завещании») Шевченко призывал порвать кандалы и окропить волю злою вражьей кровью. Такой призыв мог легко трактоваться и в социальном (призыв к восстанию против крепостничества), и в национально-освободительном смысле. Но одно не противоречит другому, и социальная революция вполне может сочетаться с национальной, как это покажут революция и гражданская война на Украине 1918–1920 годов.

Другие кирилло-мефодиевцы тоже думали не столько о «славянских Соединенных Штатах», сколько о родной Украине. Создание славянской федерации или конфедерации с самого начала казалось целью все-таки отдаленной и достаточно трудной для осуществления. Уже 14 апреля Андрузский на допросе показал, что у кирилло-мефодиевцев, наряду с этой «главной целью», была и цель «частная»: если невозможно пока объединить всех славян, то хотя бы постараться добиться восстановления Гетманщины. Приверженцами «главной», панславистской, цели были Костомаров и Гулак, приверженцами «частной», «малороссийской» – Шевченко, Кулиш, Посяда.

Разделение показательное. Романтиками-панславистами оказались образованные господа, а бывшие мещане или крестьянские дети ставили на первое место интересы Украины. Не то чтобы славянские интересы были им вовсе чужды. Даже Тарас Шевченко еще до знакомства с Костомаровым (они впервые встретились только в 1846-м) хорошо знал и об идее славянского единства, и о великих подвижниках национального возрождения славянских народов – Вуке Караджиче, Вацлаве Ганке, Яне Колларе, Павле-Йозефе Шафарике. О славянском возрождении Шевченко мог рассказать и Лукашевич, который переписывался с известными славянскими учеными, и Осип Бодянский.

Костомаров нашел у Тараса Григорьевича «самое восторженное сочувствие» идее «славянской взаимности». Автор «Кобзаря» даже посвятил Шафарiku свою поэму «Єретик» о Яне Гусе. Но интересы Украины и украинцев всегда были для Шевченко намного важнее идей

панславизма. Еще за полгода до знакомства с Костомаровым и создания Кирилло-Мефодиевского братства Шевченко в мрачном «дружеском послании» «И мертвым, и живым, и не рожденным землякам моим в Украине и не в Украине» упрекнет сторонников славянского единства: читаете Коллара, Шафарика и Ганку и на всех языках говорите, а родного не знаете...

Панславистские иллюзии Костомарова, Белозерского, Гулака только камуфлировали их украинский национализм. Недаром Костомаров в «Законе Божиим» ставит Украину выше других славянских народов: «Восстанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ея, и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина <...> И Украина сделается независимую Речью Посполитою в союзе славянском»^[1418].

Пусть в союзе, но независимой. Не зря русские жандармы опасались, что малороссияне будут мечтать «о восстановлении прежней вольницы и их родины»^[1419]. Формулировка неуклюжая, но точная: Гетманщину сами русские жандармы называли «родиной» малороссиян.

Киевский генерал-губернатор Бибилов нашел необходимым сообщить шефу жандармов графу Орлову даже явно нелепый слух: будто «все малороссияне, принадлежащие к преступному направлению», имеют «у себя на теле наколотый знак гетманской булавы»^[1420]. Арестованных осмотрели. Никаких наколов, естественно, не нашли. Но интересно, что два русских генерала, два высокопоставленных чиновника, серьезно отнеслись к слуху о гетманской булаве.

Весной 1847 года, когда развернулось следствие по делу кирилло-мефодиевцев, не только в Киеве, но и в Петербурге шли разговоры о сепаратистских планах «малороссийских патриотов»: «...говорят, будто бы они хотели возбудить Малороссию к восстанию, к провозглашению гетманщины и к совершенному отделению от России»^[1421], – писал поручик лейб-гвардии Московского полка и участник кружка петрашевцев Николай Момбелли.

Призрак Гетманщины как будто стоял перед глазами не одних малороссийских патриотов и русских чиновников.

Историки наших дней смотрят на деятелей национальных движений как на носителей какой-то заразной болезни, которые могут переносить «вирус национализма» и при помощи пропаганды «заражать» десятки и сотни тысяч людей. Реальность России гоголевского времени была бесконечно далека от таких представлений. Подавляющее большинство студентов университета св. Владимира ничего не знали о деятельности кирилло-мефодиевцев, тем не менее и польские, и русские, и украинские (малороссийские)

студенты отстаивали свою идентичность. Русские власти внимательно следили за расстановкой национальных сил. 18 апреля 1847-го, в разгар дела Кирилло-Мефодиевского общества, шеф жандармов граф Орлов сообщал генерал-фельдмаршалу Паскевичу о настроениях студентов Киевского университета. По его словам, русские студенты к «идее славянства» равнодушны, поляки мечтают «восстановить польское королевство по Днепру и Южной Двине», но каких-либо действий не предпринимают, а «более же действуют малороссы, которые желают прежней гетманщины, если возможно, в независимости от прочих славянских племен». Здесь важное различие с целями членов тайного общества. В отличие от соратников Костомарова и Белозерского, эти малороссийские студенты «почти потеряли из виду» идею объединения славян, потому что «заботились только о Малороссии, ее народности, языке и даже независимости»^[1422].

Вот это интереснейшее свидетельство. В идеологии кирилло-мефодиевцев новое было не важно, а важное – не ново. Панславизм не мог сыграть серьезной роли в украинской истории. Украинские интеллектуалы разочаруются в нем еще раньше русских. А идея независимости, незалежности существовала издавна, была неразрывно связана с жизнью украинской нации, с ее историей. Малороссия никогда не была колонией России, но не так уж давно она была если не полунезависимой, то по крайней мере автономной. Старая малороссийская знать (бывшая старшина) «понемногу забывала свою гетманщину», но народ еще долго помнил те славные времена. Новые поколения дворян, интеллигентов и даже простых крестьян, получивших образование, вступали в жизнь с памятью о Гетманщине, с мечтой о ее восстановлении, с неопределенной надеждой на создание настоящей, незалежной, самостийной державы.

«Живой организм украинского народа сохранил только корни, его цветы – интеллигенция – завяли и осыпались», – писал в начале XX века украинский прозаик Михаил Коцюбинский. Слово «интеллигенция» сейчас следовало бы заменить словом «элита»: политическая, финансовая, интеллектуальная элита. Украинский же народ не исчез, не выродился, не ассимилировался. Прошло время, и «корни дали побеги, вновь зацвели цветы...»^[1423]

Кобзарь и народ

Судьба «Кобзаря» Шевченко – ключ к истории украинской нации. Ни одна русская или украинская книга не сыграла такой колоссальной роли в судьбе нации. Первое издание «Кобзаря» вышло в апреле 1840 г. тиражом всего в 1 000 экземпляров. В 1841-м отдельным изданием вышли «Гайдамаки». В 1844-м появилось еще издание под названием

«Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». Наконец, третье, самое полное и последнее прижизненное издание «Кобзаря» вышло в 1860-м. Его тираж был самым большим – 6 050 экземпляров. Правда, отдельные стихотворения Шевченко печатались в украинских альманахах «Ластівка» (1841), «Хата» (1860), в журнале «Основа», в русском славянофильском журнале «Русская беседа», но все эти издания охватывали лишь узкий круг просвещенных читателей.

Государство займется распространением стихов Шевченко и формированием его культа только в двадцатые годы XX века. Но это будет совсем другое государство. Даже не «красная Россия», а уж скорее анти-Россия. А в Российской империи всё было иначе. Стихи Шевченко печатали с цензурными купюрами. Полные издания выходили сначала в Лейпциге, затем – во Львове. Но книги, изданные в Саксонии или Австрии, на Украине доходили до очень немногих читателей. С 1847-го по 1857-й стихи Шевченко в России не печатались. Да и позднее распространение его стихов, пропаганда творчества были связаны с большими трудностями. Каких-либо административных рычагов в руках «украинофилов» не было. Их журнал «Основа», до выхода которого сам Шевченко едва дожился, не имел большого успеха. Журналу не хватало подписчиков, номера за 1861 год не были до конца распроданы, а в 1862-м журнал закрылся. Закрыла его не царская цензура – просто у журнала не нашлось достаточно читателей^[1424]. Русифицированным украинским панам этот журнал не был интересен, а украинские крестьяне, даже грамотные, вряд ли знали о его существовании. Попытка использовать церковь для пропаганды украинского языка и литературы была предпринята только в 1861-м и тоже оказалась не слишком успешной. В начале 1861 года группа украинских активистов из Харькова послала 6 000 экземпляров букваря, составленного Шевченко, Киевскому митрополиту Арсению, но тот первым делом направил запрос насчет этого букваря обер-прокурору Священного синода А. П. Толстому, а Толстой, в свою очередь, обратился к начальнику III отделения В. А. Долгорукому^[1425]. В 1863 году министр внутренних дел П. А. Валуев выпустил циркуляр, ограничивший публикацию и распространение литературы на «малороссийском языке».

И на таком безрадостном для «украинофилов» фоне успех стихов Тараса Шевченко и необыкновенно широкое их распространение должны были казаться чудом.

В 1843 году Шевченко приехал на Украину уже известным поэтом. Он даже слышал, как девушки-крестьянки пели на мотив народной песни отрывок из его «Катерины»^[1426]. Поразительно.

Николай Шигарин, будущий чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора, издатель журнала «Библиотека западной полосы России», вспоминал, как в Киеве 1844–1845 годов молодые люди, в особенности «кровные малороссы», читали и переписывали стихи

Шевченко. Иные специально начинали учить «малорусский» язык, чтобы читать и лучше понимать стихи Шевченко. Помимо петербургских изданий «Кобзаря» и «Гайдамаков» по рукам ходили и «рукописные тетрадки, которые списывались почитателями Шевченко наперерыв друг перед другом». И сам Шигарин признавался, что тоже переписывал стихи «для своих знакомых, которым высылал тетрадки в провинцию»^[1427]. Шевченко со временем превратился для читателей-малороссов в человека великого, в источник «любви, добра, света»^[1428].

Для украинцев, покинувших родину, «Кобзарь» стал едва ли не священной книгой или, по крайней мере, книгой любимейшей. Писатель и этнограф Александр Афанасьев, печатавшийся под псевдонимом «Чужбинский», подтверждает этот невероятный, непонятный неукраинцам успех: «Появление “Кобзаря” мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову <...> В 1844 г. <...> Случай увлек меня на Кавказ и Закавказье, где величественная природа и совершенно незнакомый край с его диким населением поглотили всё мое внимание. Я не имел вестей о Шевченко, но везде, где находил несколько украинцев, в кругу ли чиновников или в каком-нибудь полку, везде встречал я истрепанные экземпляры “Кобзаря” и “Гайдамак” и полное, искреннее сочувствие их автору»^[1429].

Авторитетными и объективными источниками здесь будут материалы русской тайной полиции – III отделения и министерства внутренних дел. Петр Дмитриевич Антонелли, тайный агент и провокатор, который вел наблюдения за петрашевцами, доносил о словах Петрашевского по поводу Шевченко, чьи стихи «разошлись в том краю (в Малороссии. – С. Б.) во множестве и были причиной сильного волнения умов»^[1430]. Хорошо знал о популярности Шевченко в Малороссии и шеф провокатора Антонелли – Иван Петрович Липранди. Этот чиновник для особых поручений как раз и вел дело петрашевцев. В его записке о петрашевцах, в частности, говорилось, что в Малороссии «умы предполагались находящимися уже в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченко»^[1431].

Липранди ничуть не преувеличивал. Для молодых деятелей украинского национального движения, начиная с кирилло-мефодиевцев, Шевченко еще до своего ареста был фигурой культовой: «...судьба близко свела меня с одной землячкой. <...> Я стал читать ей наизусть шевченковские плачи и пророчества (мы все знали их, как “Отче наш”)), – писал Кулиш^[1432]. При обысках у членов Кирилло-Мефодиевского общества жандармы находили не только печатные экземпляры «Кобзаря», но и переписанные от руки и даже «превосходно иллюстрированные»^[1433]. Следствие пришло к такому выводу: «украино-славянисты» питали «чрезмерное уважение» к стихам Шевченко^[1434].

В 1857 году, когда истекали последние месяцы солдатской жизни Шевченко, но его сочинения еще находились под запретом, Кулиш во

втором томе своих «Записок о Южной Руси» напечатал поэму «Наймичка» как анонимную. Кулиш будто бы нашел ее в альбоме одной провинциальной барышни и переписал. Издатель заметил, что не знает «ничего совершеннее ни в одной европейской литературе»^[1435]. В общем, это все-таки большое преувеличение, хотя «Наймичка» – и в самом деле поэма прекрасная.

Русские газеты и литературные журналы конца 1850 – начала 1860-х годов писали о Шевченко как о поэте, «известном почти всем на Украине» («Народное чтение»)^[1436], который пользуется «огромной популярностью между своими земляками» («Иллюстрация»)^[1437], а его сочинения на Украине «расходятся превосходно» («Северная пчела»)^[1438].

Конечно, среди читателей Шевченко преобладали все-таки люди образованные. И если «Катерина» была понятна каждому, то даже двоюродный брат поэта Варфоломей Шевченко признавался, что не всё понял в «Гайдамаках», потому что слабо знал историю Украины: «...я только плакал, читая о страданиях украинского народа да о притеснениях от евреев и поляков»^[1439], – вспоминал он.

Афанасьев (Чужбинский), опубликовавший свои воспоминания через несколько месяцев после смерти автора «Кобзаря», утверждал, будто Шевченко пока не известен «простолюдинам»^[1440]. Очевидно, он не совсем прав. Уже в шестидесятые годы XIX века экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамаков» (не ясно, печатные или переписанные) можно было найти и у грамотных украинских крестьян^[1441].

Борис Суханов-Подколзин, русский барин и русский офицер, в детстве брал у Шевченко уроки рисования. Шевченко в то время (1858–1860) был уже «лысый, усталый человек». Особенными педагогическими способностями он не обладал. Однако Шевченко всем чрезвычайно нравился, даже гувернанткам-англичанкам, а малороссийская прислуга в нем души не чаяла. Крепостные малороссияне, увидев в барском доме живого автора «Кобзаря», ухаживали за ним, «старались во всем угодить»^[1442]. «Кобзаря» они читали. Дворецкий Пивоваренко был счастливым обладателем этой книги. Судя по описанию, это было издание 1840 года: «...маленькая, засаленная книжонка переходила из рук в руки, безжалостно трепалась, путешествуя из кухни в переднюю; стихи выучивались наизусть, своими родными, теплыми мотивами помогали этим простым людям переноситься мысленно на далекую родину»^[1443]. Но знали Шевченко не только на родине.

Был у Шевченко давний друг, с которым он переписывался почти двадцать лет, – Яков Герасимович Кухаренко. Черноморский козак, но не простой. Генерал-майор, наказной атаман созданного волей императора Азовского казачьего войска, начальник штаба Черноморского казачьего войска, первый историограф черноморского казачества. К тому же украинский писатель и драматург. В

драматургии он подражал Котляревскому. Вот к этому Кухаренко, козаку, историку и писателю, «на Сичь», то есть на Кубань, собирался приехать Шевченко, как только получит свободу. Правда, так и не приехал, отправился в Петербург. А через полгода после смерти Шевченко атаман Кухаренко попал в засаду, устроенную абадзехами на переправе через Кубань, и был смертельно ранен. Это будет в сентябре 1861-го. А в январе 1859-го Шевченко получил от Кухаренко письмо с попреками: как же так, ты не сказал мне, что на Кубани служит твой брат Петро, служит в войске Черноморском? Петро, указывая на портрет Шевченко (уже и портреты его появились на далекой Кубани!), заявил что-то вроде: «Это мой брат, Тарас». Кухаренко подарил «родственнику» поэта десять рублей.

Случай этот внешне напоминает сюжет о «детях лейтенанта Шмидта», но этот козак руководствовался, вероятно, не меркантильными соображениями, как будущие герои Ильфа и Петрова. Уж скорее его можно сравнить с героем Шукшина, который просто хотел быть причастным к великому делу («Миль пардон, мадам!») или, в данном случае, к великому человеку. Автор «Кобзаря» удивился появлению такого «родственника», но не обиделся и не рассердился^[1444]. Даже простые, малограмотные люди на самых окраинах «украинского мира» знали о Шевченко.

После смерти Шевченко Кулиш послал пять рублей знаменитым бандуристам – Андрею Шуту и Остапу Вересаю. Пусть помянут великого кобзаря. Но Шута уже не было на свете, а Вересай, оказывается, хорошо знал, кто такой Шевченко: «Этот Тарас был голова <...> У нас такого, может, и не будет больше, кому-нибудь другому Бог пошлет, а нам – нет»^[1445].

У русских Шевченко не пользовался таким успехом. Его, разумеется, знали в литературном мире, но до 1860 года «у широкой публики» его имя было почти неизвестно. И только после публикации в журнале «Народное чтение» его автобиографии, написанной в форме письма к издателю и перепечатанной потом многими газетами и журналами, имя Шевченко стало известно и по всей России^[1446]. Но и здесь читающая публика узнала не о поэте, а о страдальце, о человеке удивительной судьбы и, наконец, о том, что родные такого замечательного человека всё еще остаются крепостными. На их выкуп у Шевченко денег не было.

И в наши дни русские знают Шевченко по слабым и политкорректным переводам. А в распоряжении русского читателя позапрошлого века не было и этих переводов. Чтобы понять украинские стихи, русскому человеку надо все-таки вслушаться, сосредоточиться. Иван Сергеевич Тургенев назвал «прекрасным» стихотворение «Садок вишневый коло хаты»^[1447]. Петр Александрович Плетнев первым сравнил Шевченко с Пушкиным. Сравнил на страницах основанного Пушкиным «Современника» и точно определил место, которое Шевченко занял в

украинской литературе: «Его стихи знает вся Украина и наслаждается их чтением так же, как Великороссия стихами Пушкина»^[1448].

Такой успех Шевченко не объяснить всего лишь любовью к литературе. Украинская поэзия Шевченко гениальна, но даже поэтический гений не мог бы занять столь значительного места в жизни целой нации. Между тем история не только украинской литературы, но и украинского народа делится на время до Шевченко и после Шевченко. Шевченко показал, что на «мужицьем» украинском языке можно писать гениальные стихи, можно создавать высокую литературу.

Гоголь сделал выбор в пользу русского языка, лишь украсив «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» многочисленными украинизмами. Почти за полвека до «Кобзаря» вышла «Энеида» Котляревского, печатались сочинения Гребенки и повести Квитки-Основьяненко, но «всё это читалось как-то вяло высшим кругом»^[1449], а веселая, смешная, остроумная «Энеида» представлялась чтением не совсем серьезным и не совсем приличным. Да многим образованным украинцам и не нравилось распространившееся благодаря Котляревскому, Квитке-Основьяненко и раннему Гоголю мнение обо всем украинском («малороссийском») как о смешном, забавном, комичном. Сам Шевченко скажет: «“Енеїда” добра, а все-таки сміховина на московський шталт». Барочный бурлеск уже не соответствовал духу эпохи и, очевидно, не подходил самоощущению украинцев, болезненно воспринимавших забвение традиций гетманщины (дворянство) или просто не любивших москалей (народ). И здесь появился «сумрачный гений» Шевченко, у которого мало веселья, зато есть и эпос, и лирика, и дума, и песня.

Украинцы еще при жизни поэта оценили его очень высоко, сравнивали с Мицкевичем и Бёрнсом, но всех превзошел Кулиш, в альманахе «Хата» поставивший Шевченко в ряд с Вальтером Скоттом, Шиллером, Мицкевичем и даже Шекспиром. А вот Костомарову не очень понравился «Кобзарь»: «...сочинитель обладает талантом, вкусом, языком; беден одним – стихом»^[1450], – писал он Срезневскому весной 1840 года. Но позднее Костомаров то ли переменял свое мнение, то ли просто подчинил его мнению большинства читающих украинцев. Уже во времена Кирилло-Мефодиевского общества Шевченко был первым поэтом Украины, а в 1861 году Костомаров даже напишет слова, которые лучше всего объяснят феномен Тараса Шевченко: «Шевченко как поэт – это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая, такая песня, какую мог бы запеть теперь целый народ <...> Шевченко был избранник народа в прямом значении этого слова...»^[1451]

С «Кобзарем» Шевченко к украинцам вернулась их история, их жизнь, их негодование, их воспоминания, их надежда. Украина как будто увидела в Шевченко свое отражение.

В последние годы жизни Тарас Григорьевич даже приобрел внешность типичного украинского крестьянина. Шевченко времен первого «Кобзаря» – петербургский франт, хорошо одетый, в енотовой шубе, с швейцарскими часами. Шевченко времен третьего, последнего прижизненного издания «Кобзаря» – почти лысый человек, выглядевший в свои сорок семь «дидом», стариком лет семидесяти. Зато именно в это время поэт, по словам Ивана Тургенева, «глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие»^[1452].

Взрыв русской ярости

В декабре 1847 года, когда Тарас Шевченко уже отрабатывал ружейные приемы в Орской крепости, самый знаменитый русский критик Николаевской России Виссарион Белинский писал своему коллеге Павлу Васильевичу Анненкову: «...здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. <...> Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше»^[1453].

Слова из письма Анненкову, многократно повторенные биографами, комментаторами, литературоведами, и теперь не оставляют читателя равнодушным.

Белинский был возмущен «пасквилем», который Шевченко написал на императрицу Александру Федоровну. При этом Виссарион Григорьевич честно признавался, что не читал и вообще в глаза не видел этого «пасквиля». Кажется, он так до конца жизни и не увидит, и не услышит поэмы «Сон». И не одного лишь Шевченко ругал Белинский. Кулиш для него «скотина из хохлацких либералов», а украинцы («хохлы») в целом – «бараны», которые «либеральничают во имя галушек и вареников со свиным салом».

В истории России еще настанет время, когда иной литературный критик сможет рецензией отправить писателя в тюрьму или лишить его средств к существованию. Вспомним хотя бы внутреннюю рецензию Корнелия Зелинского на сборник Марины Цветаевой. Но в сталинские времена такая ярость, причем ярость непритворная, искренняя и совершенно бескорыстная, встречалась нечасто. Ярость, не подкрепленная ни страхом, ни деньгами. Белинский в декабре 1847-го ничем не мог навредить Шевченко, да и писал он не рецензию, а всего лишь обычное частное письмо, так что искренность критика несомненна. Нет, эта «ярость таит в себе другое что-то», как писал Лопе де Вега. Как будто украинская литература и украинский язык

самим фактом своего существования оскорбляли национальное чувство русского критика.

В биографиях нескольких русских мыслителей находим одну и ту же метаморфозу: интеллеktуал дружит с украинцами, хвалит их, даже защищает от чужих нападков, однако со временем превращается в убежденного врага чуть ли не всего украинского. Виссарион Белинский прошел этот путь раньше Ивана Аксакова, Измаила Срезневского, Михаила Каткова. Еще в 1840 году Белинский снисходительно хвалил повести Грицко Основьяненко, в особенности если они выходили на русском. «Пан Халявский» представляется критику сочинением «забавным», а сам Основьяненко – писателем талантливым и остроумным^[1454]. Но уже в 1841 году в «Отечественных записках» появляется рецензия Белинского на альманах «Ластівка». Украинский альманах в гоголевское время – редкое событие, критик не мог его не заметить. А тут был особый случай. Евгений Гребенка начал собирать материалы для альманаха еще в 1838–1839 годах. Тогда он рассчитывал напечатать их у Краевского в «Отечественных записках», ради чего даже было намерение выпустить особое «литературное приложение» на малороссийском языке. Белинский, который с 1839-го заведовал отделом критики в «Отечественных записках», этой публикации помешал. Когда Гребенка все-таки сумел выпустить альманах отдельным изданием, Белинский написал рецензию. Критик не обременил себя разбором хотя бы одного сочинения, они не заинтересовали его. Белинский написал о никчемности малороссийского языка и бессмысленности малороссийской литературы: «Малороссийский язык действительно существовал во времена самобытности Малороссии и существует теперь – в памятниках народной поэзии тех славных времен»^[1455], – заявил Белинский, списав, таким образом, украинский язык в музей. Современный украинский (малороссийский) для него – язык крестьян, а крестьянская жизнь «сама по себе мало интересна для образованного человека»^[1456]. Поэтому украинская литература «только и дышит, что простоватостию крестьянского языка и дубоватостию крестьянского ума!»^[1457], – писал критик, на время забывший, что он еще и «демократ».

Нужно быть Гоголем, чтобы заинтересовать Малороссией просвещенного читателя, но гоголей Белинский в «Ластівке» не нашел^[1458]. Он увидел среди авторов только «маленькие дарования», которых ему жаль, ведь их читатели – это всего лишь наивные малороссийские крестьяне. Год спустя, рецензируя «Гайдамаков», Белинский откажет малороссийским литераторам и в таком читателе: «...новый опыт *спиваний* г. Шевченка, привилегированного, кажется, малороссийского поэта, убеждает нас еще более, что подобного рода произведения издаются только для услаждения и назидания самих авторов: другой публики у них, кажется, нет»^[1459]. Критик ошибся: что-то, а успех Шевченко у малороссийского читателя был грандиозным.

Этот успех подтверждают и русские газеты, и литературные журналы. Русская критика вообще встречала и «Кобзаря», и «Гайдамаков», и «Ластівку» скорее доброжелательно. Особенно хвалили Шевченко консервативные «Маяк» и «Москвитянин». В «Маяке», впрочем, была особая причина любить Шевченко: в редакции преобладали малороссияне.

Нашлись, однако, у Белинского и весьма неожиданные союзники. «Мы совершенно согласны с мнением тех, которые думают, что в наше время писать на малороссийском языке значит идти ложным путем...»^[1460], – писал критик и журналист Василий Межевич в «Северной пчеле». Осип Сенковский, издатель популярнейшей «Библиотеки для чтения», вообще считал, будто авторы «Ластівки», не исключая самого Шевченко, пишут «искусственным», «гибридным»^[1461], а вовсе не народным языком. Впрочем, полиглот Сенковский малороссийского языка как раз не знал.

Но именно Белинский стал чуть ли не главным, принципиальным, последовательным и бескомпромиссным противником малороссийской литературы. Свои взгляды на малороссиян Белинский изложил в большой рецензии на первые тома «Истории Малороссии» Николая Маркевича. Собственно, это тоже не рецензия, а большая статья, написанная, как всегда, страстно и талантливо.

В своей статье Белинский сформулировал несколько идей о Малороссии и ее народе. С этими идеями знакомы многие русские, даже никогда не читавшие Белинского, но у Виссариона Григорьевича формулировки просто чеканны:

1. «Малороссия никогда не была государством, следственно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела. История Малороссии есть не более, как эпизод из царствования царя Алексея Михайловича...»

2. «История Малороссии – это побочная река, впадающая в большую реку русской истории».

3. Малороссияне в принципе не могут создать свою государственность, и причина этого – «в патриархально-простодушном и неспособном к нравственному движению и развитию характере малороссов».

Отсюда и вывод. Только «слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою оградю разлучал ее полудикий быт ее»^[1462].

Так Белинский почти на двадцать лет упредил русских консерваторов, противников «украинофильства» и «украинства».

Дело здесь не в одном лишь «имперском» сознании Белинского, ведь о других народах Белинский писал вещи и похуже. Миллионы китайцев, по его мнению, «столько же принадлежат к человечеству, сколько и миллионы рогатых голов их многочисленных стад».

Впрочем, в первой половине XIX века идея о народах «исторических» и «не исторических» как будто подтверждалась. Япония и Китай отгородились от мира и словно застыли, почти не меняясь десятилетиями. Европейцам тогда казалось, что и веками. Поколения китайцев погибали от опиума, Япония последних десятилетий сёгуната Токугава застыла в Позднем Средневековье. На Балканах, в Анатолии и Леванте заживо разлагалась империя Османов. Что там Белинский, когда немецкий философ, при жизни признанный великим, не умел провидеть будущего, а настоящее вроде бы не оставляло сомнений: «...ислам уже давно сошел со всемирно-исторической арены и вновь возвратился к восточному покою»^[1463]. До появления «Молодой Италии» Мадзини и подвигов Гарибальди были серьезные сомнения даже в историчности итальянцев. Не исполнили ли и они свою историческую миссию? Судьбами мира управляли несколько европейских стран. За ними, как казалось, были настоящее и будущее человечества. «Европа есть, безусловно, конец всемирной истории», – утверждал Гегель в своих «Лекциях по философии истории»^[1464].

Паровые и электрические машины привозили из Манчестера, модели модных платьев – из Парижа, научные статьи печатались преимущественно на немецком, дипломаты говорили и переписывались друг с другом на французском. В руках европейцев были наука и технический прогресс, армии европейских государств легко громили многочисленные, но плохо вооруженные и слабо дисциплинированные войска китайских, индийских, африканских и даже персидских и турецких владык. Петр Котляревский с 2 000 солдат и казаков обращал в бегство 30-тысячную персидскую армию Аббас-мирзы. Роберт Клайв с 3 000 разбил наваба Бенгалии, располагавшего при Плесси войском в 50 000.

Что ждало народы, не имевшие государственности или государственность утратившие? К ним ведь относились и малороссияне. Алексей Иванович Мартос, русский офицер малороссийского происхождения, старался уверить самого себя в неизбежности происходящего. Малороссия теперь разделена на обычные российские губернии, но «это общий удел государств и республик, стоит только заглянуть в политическую историю наций»^[1465]. И сам он как будто служил доказательством этих слов. Мартос восхищался Мазепой, но писал по-русски и в своих воспоминаниях, опубликованных «Русским архивом», рассказывал больше о победах русского оружия.

Русский журналист А. Милюков был категоричен: «...украинцы, говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле»^[1466].

Русским славянофилам было жаль самобытной украинской культуры, поэтому они помогали собирать украинский фольклор и даже печатали сочинения по малороссийской истории, филологии, этнографии в своих изданиях. Западники относились к историко-культурному наследию Гетманщины и Запорожья без пиетета, а в современном мире не видели места ни для украинского языка, ни для украинского народа. Сенковский в своей рецензии на «Кобзаря», даже признавая бесспорный талант автора, назвал язык Шевченко помесью «слов хохлатых и бородатых, бритых и небритых, южных и северных»^[1467]. Но Осип Иванович оставался спокоен, почти равнодушен, а Белинский пришел в ярость. Одним из первых он увидел неожиданное, не предусмотренное гегелевской философией возрождение украинской национальной культуры. Появление литературы на украинском языке совершенно не вписывалось в привычную картину мира. Непослушные хохлы стояли на пути самого Мирового Духа. Абсолютная Идея как будто запнулась о них. Они были непонятным и ненужным исключением из мирового закона, который казался верным, доказанным, непогрешимым.

Казался непогрешимым не одному Белинскому. Николай Полевой знал, что малороссияне – самобытный народ, однако и он был убежден, что история их подходит к концу. Он высоко ценил Котляревского, но все-таки считал, что нет смысла писать на малороссийском наречии. Просвещенные малороссияне уже почти не отличаются от русских, так зачем же им создавать какую-то свою, отдельную литературу, когда уже есть литература русская. Поэтому современная малороссийская словесность – это такая литературная забава, не более^[1468].

21 июня 1863 года в газете «Московские ведомости» появляется статья Михаила Никифоровича Каткова «Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами». Начинается она такими словами: «Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру»^[1469].

«Малороссийского никогда не было» и «до сих пор не существует», – пишет Катков. По его словам, попытки сочинить (современный ученый употребил бы любимое теперь в гуманитарных исследованиях слово – «сконструировать») особый язык из «говоров Юго-Западного края» так же бессмысленны и вредны, как если бы новый язык попытались создать из рязанского или костромского говора. Разумеется, Катков был не оригинален. И здесь его на двадцать лет предвосхитил Белинский.

Как всё переменилось. Может быть, смена интеллектуальной моды сыграла свою роль в этом переходе от украинофильства к украинофобии? Ушла эпоха романтизма. Прежние поиски национального своеобразия больше не занимали мыслящую и читающую публику. Любовь к другим ветвям славянского племени сменилась чуть ли не национализмом, национальным эгоизмом.

Тем не менее в сороковые – пятидесятые годы интерес к славянским делам ничуть не исчезнет. В путешествие по славянским землям отправятся Иван Аксаков, Александр Гильфердинг, Осип Бодянский. Благодаря усилиям Бодянского, Пыпина, Ламанского возникнет и академическое славяноведение. А деятельность Ивана Аксакова сделает славянский вопрос популярным в России. В 1876 году тысячи русских добровольцев во главе с генералом Черняевым отправятся в Сербию воевать против турок, а в 1876–1877 годах славянские комитеты будут просто подталкивать Россию к войне против Османской империи – войне за освобождение братских славянских народов. Пожалуй, в двадцатых – тридцатых годах не было такого увлечения славянщиной. Дело все-таки не в интеллектуальной моде.

Наступала новая эпоха, совершенно переменившая отношение русских к Малороссии и малороссиянам. Обстановка благоприятствовала украинскому национальному подъему. Смерть Николая I, окончание Крымской войны, возвращение ссыльных декабристов, ожидание реформ... В Петербурге Пантелеймон Кулиш открывает малороссийскую типографию, где выходят книги, напечатанные «кулишовкой» – новым украинским фонетическим письмом. Из Оренбургского края возвращается Тарас Шевченко. В столице одновременно продаются шесть украинских («южнорусских») букварей, в том числе и шевченковский. Вслед за новым украинским альманахом «Хата» начинает выходить и первый украинский научный журнал «Основа». Николай Костомаров пишет о двух русских народностях, «северной» и «южной», которые сильно отличаются друг от друга.

Русские либералы-славянофилы смотрели дружелюбно на украинское национальное возрождение. Консерваторы обратили на него внимание несколько позднее. И тому была особая причина – январское восстание в Польше, Северо-Западном и Юго-Западном крае.

Катков правильно уловил угрозу. Из его статьи, опубликованной в газете «Московские ведомости» 21 июня 1863 года: «Если Русская земля должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков – это очевиднее, чем дважды два четыре. А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют все эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу <...> Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа...»^[1470]

Русские и украинцы не были единым народом, это было очевидно всякому не ангажированному и не политизированному наблюдателю. Но Катков был как раз ангажирован и политизирован, он увидел «тень Мазепы». Мазепинство, то есть стремление к созданию независимого

украинского государства, было угрозой и для Российской империи, и для русского народа.

В начале 1860-х Аксаков защищал малороссию от русских консерваторов, признавал их отличия от великороссов, однако и в его украинофильстве была граница, перейти которую он не мог и не должен был переходить, если только хотел оставаться самим собой: Украина не должна была и мечтать о независимой, самостоятельной жизни. Ее судьба – навеки быть с Россией: «Когда Хмельницкий окончательно расторгнул союз с Польшей и принялся за устройство Малороссии, он должен был ясно увидеть, что двухсотлетние войны не выработали в Малороссии никаких задатков для дальнейшего гражданского развития, для политического самостоятельного бытия. Опасность миновала, с нею окончилось и призвание к самобытной исторической деятельности, и славное казачество теряло всякий живой практический смысл, всякое законное право на историческое существование. – Малороссия присоединилась к России, разрозненные ручьи слились в один общий поток»^[1471].

Но разве одинок был Иван Сергеевич в своих взглядах? Сходным образом думал и Юрий Федорович Самарин, который несколько лет служил в канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края Бибикова и должен был хорошо познакомиться с бытом и нравами украинцев трех правобережных губерний. Самарин не сомневался в духовной самобытности украинского народа и оригинальности украинского языка (именно языка, а не наречия!). Более того, он признавал, что «Украина много настрадалась от Москвы»: переход от вольной казачьей жизни к российскому самодержавию сам по себе «был крут и тяжел», а российские чиновники недаром «возбуждали к себе неприязнь». И все-таки, прочитав «Повесть об украинском народе» Пантелеймона Кулиша^[1472], Самарин написал: пусть украинский народ помнит, «что историческая роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского, для создания и возвеличивания которого так долго и упорно трудилось великорусское племя, для которого принесено им так много кровавых жертв и понесено страданий, не ведомых украинцам»^[1473].

В «Кобзаре», «Ластівке» и «Гайдамаках» как будто снова появилась тень Мазепы. В самом деле, Российская империя немыслима без Украины, по крайней мере без Левобережья, без Харькова, Чернигова, Полтавы. И, конечно, без правобережного Киева. Украина, отделившись, неизбежно забирала с собой и большую часть древнерусского наследия. Киев, Чернигов, Переяславль – три главных центра древней Русской земли. Еще Ярослав Мудрый определил приоритет этих трех городов, оставив золотой стол киевский старшему сыну Изяславу, среднему Святославу – Чернигов, а младшему Всеволоду, отцу Владимира Всеволодовича Мономаха, – Переяславль. В XIX веке от былой славы Древней Руси остались воспоминания.

Чернигов был хоть и губернским, но маленьким и бедным городом. Славный Киев только-только начинал заново строиться и расти, возвращая себе часть былой славы. Что говорить о Переяславле? «Городок ничего не значащий <...> Жалко смотреть на бедные развалины такого города, который, после Киева, был некогда из лучших»^[1474], – запишет князь Долгорукий.

Тарас Шевченко, посетив этот город во время своей последней поездки на родину, написал грустное и злое стихотворение про Богдана Хмельницкого. «Препрославленный козакий розумный батько» с горя напился бы, увидев, что стало с городом.

Якби-то ти, Богдане п'яний,
Тепер на Переяслав глянув!
Та на замчище подив[ив]сь!
Упився б! здорово упивсь!^[1475]

Но образованный русский человек, приезжая в Переяслав, Чернигов или тем паче Киев, вспоминал о славном прошлом Киевской Руси, искал следы былого, как это делали и Левшин, и Грибоедов, и даже Пушкин. Человек менее образованный отправлялся в Киев, чтобы приложиться к мощам печерских святых, посетить древнейшие русские храмы, увидеть своими глазами Софию Киевскую, Десятинную церковь, Киево-Печерскую лавру. Многие паломники шли еще дальше на запад, на самую границу Волыни и Галиции, где находилась Почаевская лавра, недавно возвращенная православной церкви. Как можно было отдать всё это украинцам? Какое русское сердце не сжалось бы? Поэтому любой намек на будущую украинскую независимость многие русские воспринимали с яростью, с гневом, которые мешали им спокойно воспринимать объективную реальность. Тень Мазепы рано или поздно должна была покрыть собой всю Украину. Русские как будто старались отвести от себя это наваждение. Они всё чаще находили утешение и надежду в идее большой русской нации.

Великая иллюзия

Русификация украинской элиты, успешная карьера малороссиян в империи, близость русского и украинского языков, общность веры, память о наследии Древней Руси – всё это создало великий миф о единой русской нации, большой русской нации или триедином русском народе. О народе, который объединил русских (великороссов), украинцев (малороссиян) и белорусов. О едином народе говорили и писали идеологи-государственники, причем взгляды консерватора Николая Устрялова почти не отличались от взглядов декабриста Павла Пестеля. Разница лишь в том, что будущий декабрист и несостоявшийся

диктатор в своей «Русской правде» нашел пять «оттенков» коренного русского народа.

1. Россияне (собственно русские);
2. Белорусцы;
3. «Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую губернии»;
4. «Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую губернии»;
5. «Жители Киевской, Подольской и Волынской губерний, называющие себя руснаками»^[1476].

Таким образом, украинский народ Пестель разделил на три ветви, хотя этнографические и лингвистические различия даже между «руснаками» и «малороссиянами» и тем более между «малороссиянами» и «украинцами» (то есть жителями Слободской Украины) были незначительны.

Имя русского историка Николая Герасимовича Устрялова никак не обойти в нашей книге. Сын дворового человека, он сделал блистательную карьеру: профессор Петербургского университета, академик Петербургской Академии наук, придворный историограф, дважды лауреат Демидовской премии. В 1847-м Устрялов издал «Историческое обозрение царствования императора Николая I», чем закрепил свое положение историка официального, придворного и консервативного. Своего положения он достиг не только благодаря природным способностям. Немалую помощь оказала ему дружба с министром просвещения – графом Уваровым. Сын дворового человека Устрялов и аристократ, русский европеец Уваров были единомышленниками.

Николая Герасимовича Устрялова теперь считают едва ли не соавтором «теории официальной народности» и, что важнее для нас, идеи «большой русской нации».

Карамзин очень мало писал о Западной Руси. Полевой вовсе показывал малороссиян особым народом, весьма отличным от русских. В курсе лекций академика Устрялова немало страниц посвящено именно Западной Руси. Подробно описана борьба вокруг униатства, эпоха Богдана Хмельницкого и Руина. Устрялов не делал различий между русскими Литвы и Москвы, западными и восточными. Жители Западной Руси для Устрялова – те же русские, которые веками боролись против польского ига и мечтали воссоединиться с единоверным и единоплеменным русским народом. Жители Западной (Литовской) Руси сохранили не только свою национальность, но и, в большинстве своем, даже православную веру, хотя «польское иго было тягостнее татарского».

Устрялов с симпатией писал о вождях народных восстаний (антипольских и антиуниатских) – Наливайко, Павлюке, Острянице, Тарасе Трясило, даже о Сагайдачном и, конечно же, о Хмельницком. В глазах Устрялова все они – русские люди.

По курсу лекций Устрялова «Русская история» (в четырех и пяти томах) учились студенты в университете, а гимназисты штудировали его «Начертание русской истории для средних учебных заведений».

Со временем идея этой единой и большой русской нации будет несколько развита: нация не едина, а состоит из трех «народностей», «ветвей» или даже «оттенков».

Николай Устрялов и Михаил Катков настаивали на единстве русской нации, русской истории, русского языка и обвиняли тех, кто отрицал это единство. Устрялов ополчился на «Историю русского народа» Николая Полевого, Катков довольно резко полемизировал с Костомаровым. В конце XIX века идея о триедином народе стала общепринятой, зафиксированной в официальных документах и в энциклопедии Брокгауза и Ефрона^[1477]. Общепринятой именно потому, что обосновывала единство российского государства.

Роль Николая Герасимовича Устрялова здесь была невелика. Он был серьезным ученым, завоевавшим авторитет в научном мире еще до того, как стал официальным историографом, подобно Карамзину. Специалисты более всего ценили подготовленные Устряловым публикации источников^[1478]. Но, в отличие от Карамзина, сочинения самого Устрялова никогда не пользовались особым успехом у публики. Даже многотомную «Историю царствования Петра Великого», главный труд Николая Герасимовича, читали мало. Его влияние на читателя несопоставимо не только с Карамзиным, Соловьевым, Ключевским, но и с Костомаровым.

Среди учеников этого апологета «теории официальной народности» были Чернышевский, Добролюбов, Писарев, а также их многочисленные поклонники, читатели «Современника» и «Русского слова». Но чему они у него научились? Чернышевский, между прочим, считал украинцев особым народом, о чем знает всякий, кто прочитал хотя бы его знаменитую статью «Национальная бестактность».

Успех идеи у русского народа связан не с личностью того или другого историка, публициста и даже политика, а с вполне очевидным соблазном: нет украинского народа – нет и оснований для сепаратизма.

Читатель этой книги, я надеюсь, уже убедился в том, как далеко было это представление от реальности. За ошибки и заблуждения приходится платить подчас дороже, чем за преступления. О цене этой ошибки расскажем как-нибудь потом, а пока проверим наши наблюдения. У историка нет возможности проверить свою теорию экспериментально. Но он может сравнивать и сопоставлять.

Одновременно с мифом о единстве трех восточнославянских народов (или, как сейчас пишут, «проектом большой русской нации») на Балканах появились пансербизм, панхорватство и югославизм.

Сербский ученый Вук Караджич в своей программной статье «Сербы все и повсюду» доказывал, будто сербы – это почти всё славянское население Балканского полуострова, кроме болгар. Неважно, что эти

разноплеменные «сербы» принадлежат к трем разным верам. Неважно, что называют себя не сербами, а, скажем, хорватами, славонцами^[1479], словенцами, – всё равно они все сербы. Караджич был не одинок. Издававшаяся в Австро-Венгрии сербская газета *Srbobran* писала о том, что хорватского народа не существует в природе. Люди, называющие себя хорватами, – это окатоличенные сербы. Идея оказалась долговечной, переходила из сочинения в сочинение, стала общепринятой для сербских националистов. Одна из монографий известного сербского историка Николы Жутича так и называется: «Сербы – римские католики, так называемые хорваты»^[1480].

Со своей стороны, хорватский националист Анте Старчевич считал всё славянское население Балканского полуострова, исключая тех же болгар, хорватами. Словенцы – это хорваты-горцы. Боснийские мусульмане – те же этнические хорваты, более того, они составляют «самое благородное дворянство, которое только знала Европа»^[1481]. А православные хорваты совершенно зря называют себя «позорным сербским именем». Сербия – это всего лишь историческая область, часть хорватских земель. Само слово «серб» производили от латинского *servus* (раб). Старчевич и его сторонники создали Партию права, отсюда их название – «правашаи». Правашаи обвиняли австрийские власти в том, что те искусственно создают сербов, подкупают бесчестных людей и заставляют их называться именем несуществующей нации.

Кроме этих национальных идеологий в XIX веке появился и югославизм, только вот что он собой представлял? Сербов до Первой мировой войны югославизм мало интересовал. Они создали даже два своих национальных государства (Сербию и Черногорию, черногорцы считались частью сербского народа) и последовательно их расширяли, насколько это позволяла внешнеполитическая обстановка. В Хорватии ситуация была другой.

Большая часть хорватских земель (а после фактического присоединения Боснии и Герцеговины в 1878 году – все земли) находилась под властью Габсбургов. Но империя Габсбургов была очень сложным образованием даже до превращения Австрии в Австро-Венгрию в 1867 году. Хорватия и Славония были в унии с Венгерским королевством. Габсбурги этими землями управляли не только как хорватские, но и как венгерские короли. В собственно венгерской области Бачка (Воеводине) еще с конца XVII века осели многочисленные переселенцы из Сербии. Сербь и хорваты жили и на Военной границе, охраняя земли империи от турок. В такой сложной ситуации сербам и хорватам нередко приходилось заключать союзы, чтобы противостоять и немцам, и венграм.

За тридцать лет до появления первых сочинений правашей хорватская интеллигенция начала бороться против культурного влияния венгров, взяв в союзники и сербов. Чтобы не ссориться, решено

было даже не использовать слова «сербы» и «хорваты», а изобрести искусственное, книжное понятие – иллирийцы, по названию населения древней римской провинции. Иллиризм – ранний вариант хорватского югославизма – продержался около четверти века, однако договориться об общем имени так и не удалось. Сербы помнили, что они сербы, хорваты оставались хорватами. Позднее идеолог хорватского югославизма, президент Югославянской академии наук и искусств Франьо Рачкий считал, что хорватам и сербам, а возможно, и другим славянским народам Балканского полуострова, только предстоит со временем слиться в один народ.

Казалось бы, золотой век югославизма должен был наступить после Первой мировой войны, когда все славянские народы Балканского полуострова (кроме болгар) объединились в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1929 году это государство будет переименовано в Югославию. На самом же деле создание югославского государства уничтожило последние иллюзии романтического югославизма. Сербы смотрели на новое государство как на большую Сербию, где вся власть должна принадлежать им по праву победителей^[1482]. Почти весь хорватский народ объединился под знаменами Хорватской крестьянской партии, которая несколько лет даже не признавала конституции королевства. Интересы словенцев представляла Словенская народная партия, боснийских мусульман – Югославянская мусульманская организация, сербов – Сербская радикальная партия. В Скупщине (парламенте) шли споры и даже драки. Однажды черногорский депутат-радикал достал револьвер и расстрелял руководство хорватской оппозиции, смертельно ранив лидера Хорватской крестьянской партии Степана Радича. После этого хорваты создали свою террористическую организацию (сначала «Хорватский домобран», то есть хорватский ополченец, потом «Усташа»^[1483] – повстанец) и приступили к вооруженной борьбе против югославского государства. Ее жертвой пал король Александр. Фактически всё время от создания первого югославского государства 1 декабря 1918 года до его гибели в апреле 1941-го не прекращалась череда политических кризисов, не раз государство стояло на грани развала. Когда немецкие войска входили в Загреб, их приветствовали хорваты, получившие из рук итальянцев и немцев даже свое государство – Независимое государство Хорватию. А в Македонии оккупационные болгарские войска встречали как освободителей. Толпы народа кричали: «Христос воскрес! Македония воскрес!» (оккупация пришлась на Пасху 1941 года).

Вторая Югославия, созданная уже коммунистами, прожила дольше первой благодаря гибкой и дальновидной политике Йосипа Броза (Тито), который создал вместо унитарной Югославии федерацию из шести республик, права которых неуклонно расширялись, пока, наконец, по конституции 1974 года, федерация не стала приближаться

уже к конфедерации. Однако и эта мудрая политика не спасла страну от распада по границам национальных республик.

Единая югославская нация никогда не существовала. В лучшем случае на нее смотрели как на идеал, которого когда-нибудь удастся достигнуть. В худшем – югославизм маскировал сербский или хорватский национализм.

Часть XIII

Нация и Гоголь

Выбор нации

11 марта 1882 года французский философ Эрнест Ренан прочитал в Сорбонне доклад «Что есть нация?». Тема имела не только академический интерес. Прошло одиннадцать лет со времени оккупации немцами Эльзаса и части Лотарингии. Немецкие претензии на Эльзас базировались на солидном научном фундаменте: население этой провинции имело германское происхождение и говорило на языке, близком немецкому. А язык и «раса» считались самым надежным обоснованием национальной идентичности. Но Ренан доказывал, что ни раса, ни язык, ни религия, ни общность интересов не создают нацию. Вопрос национальной принадлежности – это вопрос добровольного выбора, коллективного выбора людей.

Из лекции Эрнеста Ренана «Что есть нация?»: «Итак, нация – это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем. <...> это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь. Существование нации – это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума – вечное утверждение жизни»^[1484].

В этой формулировке был и политический смысл. Жители Эльзаса, несмотря на свое германское происхождение, тяготели именно к Франции. Так что Ренан служил не только науке, но и Франции. Однако его доклад стал авторитетной, часто цитируемой научной работой. К нему и теперь обращаются ученые. Итак, выбор нации возможен. Но при каких условиях? Герои нашей книги, украинцы и русские, не раз совершали такой выбор.

Николай Костомаров был сыном русского помещика и никогда не забывал своего происхождения: «Фамильное прозвище, которое я ношу, принадлежит к старым великорусским родам дворян, или детей

боярских», – с гордостью писал он. Правда, эта «великорусская фамилия» еще в XVI веке стала малороссийской, после того как один из предков Костомарова бежал из московского государства в Литву и поступил на службу королю Сигизмунду Августу. Костомаровы долго жили на Волыни, пока не примкнули к повстанцам Богдана Хмельницкого и не лишились за это шляхетского звания. Предок Костомарова был в числе тех волынских козаков, что переселились на земли Русского царства и построили на речке Тихой Сосне «казачий городок» Острогжск, положив начало истории Слободской Украины. То есть предки Костомарова были, строго говоря, не великороссиянами, а слободскими козаками. Екатерина II ликвидировала слободские казачьи полки, и отец Николая Костомарова Иван был уже не козаком, а гусарским офицером. Служил в русской армии, под началом Суворова брал Измаил. Это был человек русской и европейской культуры. Слыл вольтерьянцем и безбожником: «...у себя в имении собирал кружок своих крепостных и читал им филиппики против ханжества и суеверия. Крестьяне в его имении были малоруссы и туго поддавались вольтерианской школе»^[1485]. Насколько был малоруссом хозяин, сказать трудно. В семье не говорили на мове, но в отцовской библиотеке была «Энеида» Котляревского, которую будущий ученый начал читать, но бросил, потому что плохо понимал. Так что семья Костомаровых была в значительной степени русифицированной, и сам Николай Иванович впоследствии называл себя «великороссом». Между тем академик Пыпин, лично знавший Костомарова, вспоминал: «...во всем его характере малорусского было именно гораздо больше, чем великорусского»^[1486]. Любовь к Украине и всему украинскому была для него естественна, органична. Однажды Костомаров прочитал сборник малороссийских песен, изданный Михаилом Максимовичем. «Меня поразила и увлекла неподдельная прелесть малорусской народной поэзии; я никак и не подозревал, чтобы такое изящество, такая глубина и свежесть чувства были в произведениях народа, столько близкого ко мне и о котором я, как увидел, ничего не знал. Малорусские песни до того охватили всё мое чувство и воображение, что в какой-нибудь месяц я уже знал наизусть сборник Максимовича»^[1487], – писал Костомаров. Он начал учить язык, заниматься историей и фольклором Украины и стал на путь, который приведет его к руководству первым украинским националистическим обществом. Был ли предопределен его выбор? Его старший современник, тоже выпускник Харьковского университета, Измаил Срезневский посвятил молодость собиранию украинского фольклора, однако не только не украинизировался, но со временем превратился в ярого противника украинофильства и украинофилов.

«Если бы в это время кто-нибудь вскрыл мою детскую душу, чтобы определить по ней признаки национальности, то, вероятно, он решил бы, что я – зародыш польского шляхтича восемнадцатого века,

гражданин романтической старой Польши, с ее беззаветным своеволием, храбростью, приключениями, блеском, звоном чаш и сабель»^[1488], – писал о своем детстве Владимир Короленко, сын польской дворянки и обрусевшего малоросса, потомка козацкой старшины, в доме которых господствовала польская речь.

Однажды, незадолго до польского восстания, в дом пришел отец. Переговорил с матерью, собрал всю семью и сказал: «Слушайте, дети, вы – русские и с этого дня должны говорить по-русски»^[1489]. В доме теперь звучала русская речь. В разгар польского восстания Владимир уже невольно был на стороне русских, переживал за судьбу своего знакомого, старого русского солдата Афанасия, который отправился воевать с повстанцами.

Один из польских друзей Короленко верно оценил его чувства и разорвал дружбу. Причины объяснил кратко, сказав Владимиру: «Ты – москаль»^[1490].

Но этим не окончилась борьба за национальную идентичность молодого Короленко. Однажды в пансион, где он учился, на место уехавшего преподавателя-поляка приняли нового учителя, который сразу удивил всех внешностью и манерой одеваться: «Прежде всего обращали внимание длинные тонкие усы с подусниками, опущенные вниз, по-казацки. Волосы были острижены в кружок. На нем был синий казакин, расстегнутый на груди, где виднелась вышитая малороссийским узором рубашка, схваченная красной ленточкой. Широкие синие шаровары были под казакином опоясаны цветным поясом и вдеты в голенища лакированных мягких сапог. Войдя в классную комнату, он кинул на ближайшую кровать сивую смушковую шапку»^[1491].

Новый учитель заинтересовался национальной принадлежностью учеников, спрашивал – кто русский, а кто поляк. Когда юный Короленко ответил, что он русский, Буткевич (так звали учителя) после урока подошел к нему и сказал: «Ты не москаль, а казацкий внук и правнук, вольного казацкого роду... Понимаешь?»^[1492] Учитель дал мальчику брошюрку о гайдамаках, но она не произвела впечатления на Короленко, он не поддался этой «национальной агитации».

Много лет спустя, впрочем, Короленко столкнулся с соблазном куда более значительным, с агитатором, который был намного талантливее, а значит, и убедительнее Буткевича: «романтизм старой Украины опять врывается в мою душу, заполняя ее призраками отошедшей козацкой жизни»^[1493]. Но однажды Короленко, увлекшись, решил «угостить» стихами Шевченко своего приятеля-еврея. Он не сразу понял, что читает еврею, как Галайда из «Гайдамаков», обезумевший от желания мести, требует: «Дайте ляха, дайте жида, мало мені, мало!..» Короленко невольно взглянул на поэму другими глазами. Ведь Гонта из «Гайдамаков» (но не исторический Гонта!) женат на полячке, так же как женат на полячке и Галактион Короленко. И вот «из красивого

тумана, в котором гениальной кистью украинского поэта были разбросаны полные жизни и движения картины бесчеловечной борьбы, стало проглядывать кое-что, затронувшее уже и меня лично»^[1494], – писал Владимир Короленко. Кое-что – это судьба детей Гонты, убитых родным отцом. Так в глазах будущего русского писателя померкло очарование романтического украинского национализма.

Воспитание и культура предопределили выбор Короленко. Украинское окружение повлияло на выбор Костомарова. А что же Гоголь? За его душу уже два века спорят русские и украинцы. Что Гоголь принадлежит русской литературе – сомнений нет. Принадлежит ли он литературе украинской? Пусть это решают украинские читатели. А вот кем был Гоголь, русским или украинцем?

Благодатная Малороссия

Гоголь однажды сказал Смирновой-Россет: «Я всегда думал написать географию, в этой географии можно было увидеть, как писать историю»^[1495]. Следовало бы прибавить: прежде всего историю этническую. Родная Гоголю Яновщина^[1496] красотой местоположения не уступала знаменитым и богатым селениям. Это был малороссийский степной ландшафт, родной сердцу украинца. Хутор Яновщина располагался между двух отлогих холмов, большую часть года покрытых зеленью. Белые хаты украинских селян купались в зелени садов. Недалеко от каменной церкви находилась обширная левада – «род огромного огорода, обсаженная со стороны хутора липами и вербами»^[1497]. За панским домом был разбит большой сад, в гоголевское время уже довольно старый и живописный. Еще Василий Афанасьевич создавал этот сад: сажал деревья, сооружал беседки, мостики, искусственные гроты. Так появились в Яновщине «Долина спокойствия» и «Грот дриад»^[1498]. Ухаживал за садом и Николай Васильевич, высаживал новые деревья: свои любимые клёны, дубы и липы^[1499].

Красотой Яновщины любовались, кажется, все, кто при жизни Гоголя или после его смерти приезжал, чтобы увидеть «отчизну поэта». Погодин, подъезжая к Васильевке в 1842 году, увидел «барский дом, в одно жилье, как везде в Малороссии, длинный, окрашенный белою краскою, увенчанный высокими, развесистыми деревьями. Впереди рассыпаны хаты»^[1500].

Но родился Гоголь, как известно, не в Яновщине, а в Больших Сорочинцах, в доме Михаила Яковлевича Трахимовского, известного на всю Малороссию врача. Дом был большим и светлым (Никоша появился на свет в комнате с четырьмя окнами), но построенным на малороссийский манер. Глаза новорожденного должны были увидеть чистые, беленые стены мазанки, окруженной садом.

Крестили Никошу Яновского там же, в Больших Сорочинцах, в пятиглавом Спасо-Преображенском храме. В этом храме находился склеп с останками предпоследнего гетмана Войска Запорожского Даниила Апостола. Сорочинцы были не таким уж и захолустьем. Большое торговое село, знаменитое своей ярмаркой, выглядело живописно: «широкие улицы, окаймленные плетнями, разбегались во все стороны»^[1501], немало было зажиточных хозяев, которые могли позволить себе роскошь: покрыть хату не соломенной, а железной крышей.

Церковь в знаменитой Диканьке, имении Кочубеев, была известна не только чудотворным образом Николая Угодника, но и тем, что там в алтаре хранилась окровавленная рубашка, будто бы принадлежавшая Василию Леонтьевичу Кочубею, замученному по приказу Мазепы. И там же, в Диканьке, рос громадный дуб, под которым Мазепа встречался с Матреной Кочубей^[1502]. Словом, следы малороссийской истории, истории совсем недавней, можно сказать – новейшей – окружали Гоголя с первых дней его жизни.

Нечего и говорить, что Гоголь будет всю жизнь любить именно этот южный, малороссийский ландшафт и мягкий климат Полтавщины. Кто не помнит первой после предисловия и эпиграфа фразы «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!»

Слова эти написаны в Петербурге, городе, который не только для Шевченко, но и для Гоголя был антагонистом Малороссии. Политическим, духовным и, конечно, климатическим. Гоголю вообще не нравилась Великороссия. Он совершенно не выносил холода, северных ветров, русского мороза, не любил северной природы: «Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы», – писал он Ивану Ивановичу Дмитриеву в июле 1832 года. Вообще именно сосны, кажется, были Гоголю особенно неприятны: «низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых»^[1503] встречаются Чичикову на пути к Манилову. Невдалеке от самой Маниловки сосновый лес темнеет «каким-то скучно-синеватым цветом»^[1504]. Сосны – обязательный элемент русского пейзажа, с точки зрения Гоголя, – пейзажа тоскливого: «затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны как мухи и горизонт без конца...»^[1505]

Подобно тому, как Иван Бунин мог по одному лишь запаху найти резеду среди разнотравья запущенного сада, Гоголь легко находил ненавистную ему сосну даже среди лиственного леса.

Над гоголевской Малороссией всегда безоблачное небо, «теплое украинское небо». Упоительный и роскошный день сменяется божественной украинской ночью. Дождь, ненастье, пронизывающий ветер – всё это привычно для мира петербургских повестей, для

«Мертвых душ», но совершенно невозможно на Украине, ни «по ту сторону Диканьки», ни «по эту сторону Диканьки». Слов нет, Полтавщина и Поднепровье теплее Петербурга и даже Москвы. Однако климат у Гоголя – явление не географии, а психологии (может быть, и этнопсихологии). Он соотносится не с реальностью, а с его внутренним миром, с душевным состоянием. Реальность могла быть совсем иной. Вот фрагменты писем Марии Ивановны Гоголь к ее брату Петру Косяровскому:

6 сентября 1828 года: «Сей день получила я от Ольги Дм<митриевны> письмо, что они не будут по причине дурной погоды. У нас теперь проливной дождь, дня три сряду, я думаю, дурная будет и ярмонка»^[1506].

19 сентября 1828 года: «...ярмонки почти не было, за дурной погодой...»^[1507]

16 декабря 1828 года: «...мы в шубах в своих комнатах не можем согреться, этакого холоду я никогда не терпела <...> прошлый год также холодная зима была, но я совсем не испытывала такого мученья, как теперь. Кругом в стены, из-под полу так дует, как на дворе...»^[1508]

Но ненастье для Гоголя связано с другим, северным миром. На любимом малороссийском юге ему места нет. Здесь если и пойдет дождь, то «прекрасный дождь», что «роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями»^[1509].

Любовь к югу, к югу именно украинскому, связывала Гоголя и с его друзьями-малороссиянами. Они тоже воспитывались на родной Гоголю украинской земле, их вкусы, взгляды, привычки сформировались под влиянием украинского окружения, украинской природы, украинского мира.

Хохлачка Россети

В числе друзей-малороссов, кроме Николая Прокоповича, Александра Данилевского, Осипа Бодянского, Михаила Максимовича, Михаила Щепкина, был у Гоголя и еще один удивительный друг. На страницах нашей книги уже много раз встречалось имя Александры Осиповны Смирновой (в девичестве – Россет, или, что правильнее, Россети). Александра Осиповна – одна из самых примечательных женщин пушкинского и гоголевского времени. Фрейлина императорского двора, любимица императрицы Александры Федоровны. К ней сватались Жуковский и Кошелев. Ей посвящали стихи Пушкин, Лермонтов, Хомяков, Мятлев, Иван Аксаков, князь Вяземский. Ее красотой, умом, эрудицией, редкой даже для знатной дамы, восхищались современники. Всех превзошел князь Вяземский. Его слова вошли если не во все энциклопедические статьи о Смирновой-

Россет, то во все монографии, посвященные ей и ее времени: «В ней были струны, которые откликались на все вопросы ума и на все напевы сердца <...> она могла прослыть у некоторых академиком в чепце. Сведения ее были разнообразны, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы»^[1510].

Как известно, Александра Россети – из самых близких Гоголю. «С ней мы были издавна как брат и сестра»^[1511], – писал он Сергею Тимофеевичу Аксакову. Гоголь был ее другом, ее наставником.

Александра Осиповна хлопотала за Гоголя, помогла получить для него у государя пенсию (1 000 рублей серебром в год). Когда вышли «Выбранные места из переписки с друзьями», встреченные читателями с изумлением, возмущением и неприязнью, она была среди немногих, кто стал на защиту автора. Даже поссорилась с Аксаковыми, резко (кроме молодого тогда Ивана Сергеевича) встретившими эту книгу.

Россети и Гоголь сходились даже в крайностях. Оба со второй половины 1840-х были погружены в мистицизм, доходивший едва ли не до религиозной экзальтации. В Ницце он читал ей Марка Аврелия и выписки из отцов Церкви. Одно время под влиянием Гоголя эта блистательная светская дама переменила свои легкомысленные наряды, одевшись в черное, хотя для траура не было причины. Николай Васильевич, со своей стороны, однажды в Риме, желая понравиться даме, надел свой лучший наряд, какой носил обычно на Пасху: серую шляпу, светло-голубой жилет и панталоны цвета малины со сливками^[1512].

Гоголю нравились ее шутки, нередко довольно циничные, на грани приличия. Ивана Аксакова она смущала: «Это не женщина, а просто черт, бес»^[1513]. Поведение светской львицы представлялось молодому московскому славянофилу почти неприличным. Ей чрезвычайно нравилась «чудесная гнусность». Между прочим, «чудесная гнусность» – это о фрагменте из «Мертвых душ». Однажды Смирнова заметила: «Они (офицеры в Калуге. – С. Б.), чай, все, как Кувшинников, *насчет клубнички!*». Сказала это «с хохотом и наслаждением», да еще повторила несколько раз. Заметив, что ее не все поняли, Александра Осиповна развернула «Мертвые души» и прочитала вслух, очевидно, вот эти слова Ноздрева: «Вот, говорит, брат, попользоваться бы насчет клубнички!» – и повалилась со смеху на диван от слов «насчет клубнички»^[1514].

Александра Осиповна принадлежала к другому поколению. «В XIX веке поколения обгоняли поколения с удивительной быстротой (особенно в России), – заметила однажды Лидия Яковлевна Гинзбург. – <...> Шестидесятники рассматривали людей 40-х годов как обитателей другого мира»^[1515]. Смирнова-Россет прожила жизнь долгую, но время свое пережила. Осталась даже не столько в сороковых, сколько в двадцатых – тридцатых годах. Молодой славянофил просто не мог

«наладить себя на ее тон»^[1516]. Зато Николай Васильевич Гоголь любил грубоватые, «раблезианские» шутки и, как правило, переходил на украинский: «Это было малороссийское сало, посыпанное крупной аристофановскою солью»^[1517].

В низком и высоком, в приземленном и возвышенном их вкусы, взгляды, настроения совпадали. «Любящий без памяти вашу душу»^[1518], – подписался Гоголь в одном из писем к Александре Осиповне. «Гоголь при ней (Смирновой-Россет. – С. Б.) совершенно счастлив, она его очень любит, у них есть свой особый мир, так сказать, в котором у них совершенно одинаковые взгляды, понятия, впечатления, язык»^[1519], – писала Вера Сергеевна Аксакова своему брату Ивану Сергеевичу 10 марта 1850 года.

Удивительное родство душ, какое редко можно найти даже у супругов. При этом отношения Николая Васильевича и Александры Осиповны были совершенно целомудренными. Впрочем, тема эта, запутанная, загадочная, деликатная, – не для нас. О Гоголе и Смирновой-Россет надо писать другую книгу. Сейчас речь об ином.

Их дружба началась с общей любви к Малороссии. Гоголь и Россети познакомились летом 1831 года в Царском Селе^[1520]. Вернувшись в Петербург, он отправил в Царское Село несколько экземпляров только что вышедших из печати «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: один – Жуковскому, другой – Пушкину, «третий, с сентиментальною надписью, для Розетти»^[1521].

Книга ей чрезвычайно понравилась, в своих воспоминаниях о Гоголе она не преминула написать: «...мы читали с восторгом “Вечера на хуторе близ Диканьки”, и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставивши еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а “Вечера на хуторе” так ею и дышат»^[1522].

Дневник Смирновой-Россет, ее автобиографические заметки и воспоминания, записанные ею самой или другими людьми – ее дочерью Ольгой Николаевной, А. Н. Пыпиным – ценный, но очень сложный для изучения источник. Ее ранние записи не слишком откровенны, поздние откровенны, но полны неточностей, ошибок, анахронизмов. «Записки А. О. Смирновой», напечатанные в 1893 году в журнале «Северный вестник», принадлежат перу не Александры Осиповны, а Ольги Николаевны. Впрочем, даже это апокрифическое сочинение имеет определенную ценность, потому что написано, видимо, на основе подлинных, но не дошедших до нас мемуаров Россети и даже ее устных рассказов, записанных дочерью. На это указывает, в частности, одно из подлинных писем Смирновой-Россет 1855 года: «Моя дочь записывает всё, что слышит и что я ей говорю... <...> Ужасно интересуется всем этим»^[1523]. В более или менее достоверных мемуарах Смирновой-Россет история ее знакомства с Гоголем описана много раз. Три варианта ее воспоминаний почти повторяют друг друга (два записаны самой

Россети, один записан с ее слов филологом Пыпиным). Россети якобы не помнит, как они познакомились, и рассказывает о встречах с Гоголем в Париже 1837 года. Но о Париже, о Европе они в то время говорили мало. Говорили о Малороссии: «...о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат (Александра Осиповна путала журавлей с аистами. – С. Б.), о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты...»^[1524], «спивали» украинские народные песни вроде знаменитой «Грицько, не ходи на вечерниці, / Там увсі дівки чаровниці».

Совсем иначе рассказано о знакомстве в одном из вариантов ее «Баденского романа». Неожиданно Александра Осиповна вспоминает, что познакомились они с Гоголем в Царском Селе (что не вызывает сомнений). Россети увидела человека, облаченного то ли в альмавиву, то ли в шинель, и спросила, кто это. Плетнев ответил: «Гоголь – хохол, он писатель»^[1525]. И здесь же, в этом фрагменте, Смирнова-Россет приводит возражение Гоголя: познакомились они в Царском Селе, но при других обстоятельствах... А далее следуют знакомые нам воспоминания о Малороссии, которые Александра Осиповна на этот раз приписывает Гоголю: «Помните, как мы любили говорить о Малороссии, о галушках, варениках, коржиках и шуляках?»^[1526]

В 1892 году Ольга Николаевна Смирнова прислала известному гоголеведо В. И. Шенроку фрагмент из дневника своей матери, где рассказана новая версия знакомства с Гоголем: «Малороса, учителя Марии Балабиной, зовут Гоголь-Яновский <...> он родственник не так давно скончавшегося бывшего министра Трощинского <...> Я увидела Гоголя-Яновского у Балабиных; хохол его мне напомнил Громоклею...»^[1527]

Наконец, существует самое сомнительное, но, возможно, не лишнее правдивости свидетельство. Ольга Николаевна Смирнова, готовившая воспоминания своей матери к публикации в журнале «Северный вестник», писала: «Есть указание на то, почему она сразу так заинтересовалась Гоголем: он был малоросс. Как только Орест и Пилад (Пушкин и Жуковский) привели его к моей матери – он стал просто Гоголем и получил прозвище “Хохол упрямый”. Он от застенчивости колебался ходить к моей матери, которая через Плетнева передавала ему, что она тоже отчасти “хохлачка”. Это впервые сблизило их и положило начало их хорошим отношениям, перешедшим впоследствии в глубокую дружбу»^[1528].

Смирнова-Россет, светская львица, блестяще образованная, начитанная, мало напоминает расхожий образ украинской «жинки». Поэтому ее настойчивые признания в своем «хохлацтве» принято считать сортом кокетства или игры. Между тем это была, видимо, не только игра. Связь Россети с Украиной и ее любовь ко всему украинскому заставляет нас серьезнее относиться к ее словам. Недаром

же она даже украинские песни предпочитала русским, чем рассердила русского славянофила Константина Аксакова^[1529].

В своем дневнике Ольга Николаевна так передает разговор матери с Гоголем, который вспоминал в Калуге 1850 года обстоятельства их давнего знакомства. Александра Осиповна будто бы «приказала Плетневу *доставить к ней хохла*». Плетнев обратился к Пушкину и Жуковскому, и они будто бы привели Гоголя к Россети: «Наконец-таки пришли! Ведь и я хохлачка, и я помню Малороссию. Мне было всего семь лет, когда я уехала на север, на *скучный* север, а я всё помню: и хутора, и малороссийские леса, и малороссийское небо, и солнце. Поговорим о родном крае»^[1530]. Сомнение вызывает всё, кроме одного: первоначальный интерес Россети к Гоголю – это интерес к соотечественнику, малороссу, хохлу. Во всех без исключения вариантах знакомства Гоголя и Россети фигурирует Малороссия.

Впрочем, это заметила еще Анна Ахматова: «А знаете, я догадалась, почему он (Гоголь. – С. Б.) со Смирнихой дружил: оба они без памяти любили Украину»^[1531], – сказала она Лидии Чуковской.

Но что же за «хохлачка» Александра Россети, если среди ее предков малороссиян не было вовсе? Отцом Александры был генуэзец Иосиф Россети, который какое-то время жил в Швейцарии^[1532], а затем во Франции, где служил принцу Нассау-Зигену. В 1787 году принц поступил на русскую службу, вместе с ним поступил на русскую службу и Россети. Но пути их разошлись. Во время русско-шведской войны принц командовал русской гребной флотилией на Балтике и погубил много русских моряков в несчастном для России втором сражении у Свенкзунда (1790). Россети же воевал на юге, под командованием князя Потемкина брал Очаков, под командованием графа Суворова – Измаил.

Россети остался в России до 1797 года и вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. В указе об отставке о нем говорится следующее: «Иосиф Иванов сын Россети в службу вступил из швейцарской нации»^[1533].

Позднее появится версия благородного французского происхождения фамилии Россети/Россет, которые будто бы связаны с графами Россет. Эта аристократическая фамилия лишилась земель и состояния в годы Великой Французской революции. Но во всех ранних документах фамилия звучит именно как «Россети», а не «Россет». Историк литературы Павел Евгеньевич Рейнбот даже нашел, что в поздней копии одного формулярного списка буква «и» исправлена другими чернилами на «ъ». Видимо, исправивший букву желал, чтобы Россети из худородных швейцарско-итальянских эмигрантов сделались французскими аристократами^[1534].

В 1802 году Россети вернулся на русскую службу. А в 1803-м новым градоначальником Одессы стал герцог (дюк) Ришелье. Он и пригласил Россети занять должность начальника одесского карантинного управления.

писал фамилию своего подчиненного таким образом: *Rosett*^[1535]. Женой Россети (Росетти), человека уже немолодого, стала шестнадцатилетняя обрусевшая немка Надежда Ивановна Лорер. У них родились дочь и четверо сыновей. Когда девочке еще не исполнилось и пяти лет, в Одессе вспыхнула эпидемия чумы. Одно из самых первых детских воспоминаний Александры Осиповны будет связано с ужасом перед этой древней, загадочной, неизлечимой болезнью: «Мы сидели у окна и считали страшные дроги, на которых везли трупы чумных. Колодники в засмоленных рубахах шли рядом, гремя цепями, под конвоем солдат с ружьями»^[1536]. От чумы умер и Осип Иванович, оставив дочери девять пудов серебра, хутор, дом на Дерибасовской, бриллианты и жемчуга. Некоторое время после смерти отца семья прожила на Дерибасовской, потом – на хуторе Адамовка, а после того, как Надежда Ивановна неожиданно быстро вышла замуж за полковника Арнольди, маленькую Александру отвезли в Грамаклею (Громоклею), херсонское имение бабушки. С этого времени и начинается история ее «малороссийской», «хохлацкой» идентичности.

Бабушка, Екатерина Евсеевна Лорер, урожденная княжна Цицианова, также не имела украинских корней. Но Грамаклея, как мы помним, принадлежала к тому украинизированному миру Новороссии, что создан был украинскими крестьянами, переселившимися из собственно малороссийских земель на богатые новороссийские черноземы.

Барский дом, выкрашенный желтой краской, отличался от малороссийских хат размерами и роскошной обстановкой. Там были «хорошие клавикорды» и турецкий диван, мебель красного дерева и дорогие в то время зеркала^[1537]. Зато пол был земляным, обмазанным желтой, подкрашенной глиной, совсем на малороссийский вкус. Напротив была большая белёная хата – здание почтовой станции, которую содержала бабушка.

В своих воспоминаниях Смирнова-Россет описывает, как селяне «вечеряли» галушками и мамалыгой^[1538], «к светлому воскресению пекли пасху, что по-русски кулич», «а писанки были гораздо милее красных яиц. Их крестьянские девушки окрашивали зеленой краской и делали на них красные глазки с белой каймой»^[1539].

Малороссийская бытовая культура оказывала свое влияние на вкусы и привычки даже тех помещиков, что не имели украинских корней. Господам прислуживали малороссиянки – Гапка и ее дочь Приська. Обед готовила кухарка Солоха. Не удивительно, что и в господском доме подавали борщ, вареники, коржики. Александра Осиповна с детства привыкла видеть именно украинский крестьянский быт и любила украинскую кухню.

Детство в Грамаклее было, несомненно, одним из лучших периодов ее жизни до поступления во фрейлины и начала службы при дворе.

В прошлом осталась Одесса, где была чума, где погиб отец. В будущем – странствия по гарнизонам с нелюбимым отчимом, которого она и много лет спустя величала «хромым чёртом» (у полковника не было ноги). В одиннадцать лет Александру отдадут в Екатерининский институт (училище св. Екатерины). Быт этого заведения был довольно суровым. Барышни умывались ледяной водой, которая зимой замерзала так, что приходилось раскалывать ледяную корку.

Во всех трех институтах Петербурга, предназначенных для «благородных девиц»: Смольном, Екатерининском и Патриотическом – процветало вопиющее казнокрадство^[1540]. «Экономы во всех казенных заведениях – бедовые люди», поэтому кормили девушек (дворянок, дочерей офицеров) хуже, чем дворовых девок. «Суп был вроде того, который подавали Хлестакову»^[1541]. В постные дни подавали такую рыбу и рыбную похлебку, что столовая наполнялась нестерпимой вонью. Десертом служил пирожок с морковью, выпеченный из серого теста. Из кислого кваса готовили «гадчайший кисель», вкус которого трудно даже представить. Не удивительно, что неизбалованные кулинарным искусством институтки были рады даже черному хлебу с солью: «трудно себе представить, с какой поспешностью набрасывались девицы на этот хлеб»^[1542]. Как было не вспоминать в таком заведении о малороссийском борще, который готовила в Грамаклее кухарка Солоха? О необыкновенно вкусных шуляках, о коржиках, о варениках с ежевикой, о дынях и арбузах?

Но дело, конечно, не в одном борще и не в арбузах. Смирнова-Россет провела в Грамаклее только пять или шесть лет. Но, очевидно, это были очень важные годы для формирования личности. Карьера при дворе, аристократический круг, удивительные литературные знакомства, целые десятилетия, проведенные в Европе, – всё это было в жизни уже взрослой женщины со вполне сформировавшимися вкусами и взглядами. А на формирование национальной идентичности важное, решающее влияние оказали именно детские годы. Поэтому «черноокая Россети» всю жизнь не могла забыть «ни степей, ни тех звездных ночей, ни крика перепелов, ни журавлей на крышах, ни песен малороссийских бурлаков»^[1543]. Поэтому хозяйка одного из самых знаменитых светских салонов Петербурга Смирнова-Россет будет беседовать с Гоголем о «галушках, варениках, пампушках, коржиках» и петь вместе с ним «хохлацкие» песни, знакомые ей с детства.

Разумеется, не возьму на себя смелость утверждать, будто Россети была именно украинкой, малороссиянкой. Но границы между нациями часто размыты. И Александра Осиповна словно осталась именно на этой границе, равно близкая и равно чуждая двум народам. Впрочем, русским, кажется, более чуждая. Не зря же Хомяков посвятил ей стихотворение «Иностранка»:

Вокруг нее очарованье;

Вся роскошь Юга дышит в ней,

От роз ей прелесть и название;
От звезд полудня блеск очей.

<...>

Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса;
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса.

<...>

При ней скажу я: «Русь святая» —
И сердце в ней не задрожит...^[1544]

Это не совсем точно. Александра Осиповна будет писать о своей любви к России, но, как и ее друг Николай Васильевич, писать из Европы. В Европе Россия станет прекрасной и абстрактной, а настоящая Россия ей в самом деле не нравилась: «Ухабы, сугробы, серое небо, скверный климат, весной разливы и мифологическая грязь! <...> Леса, болоты, куриные (курные. – С. Б.) избы, что тут любезного?» – спрашивала она Константина Аксакова^[1545]. А затем рассказывала о стране, которую действительно любила: «...я решительно житель Юга, степь, высокий бурьян, черкасы с чубами, кулиш на открытом воздухе, когда вечереет, вот что мне нравится <...> начало личности развивалось под влиянием этих приятных проявлений»^[1546]. О чем же тут спорить, когда она даже «черкасов с чубами» не забыла?!

Жизнь в Новороссии, украинизированной самими украинскими крестьянами, окажет такое влияние на Александру Осиповну, что она сама себя будет без стеснения называть «хохлачкой».

Это слово не было для нее обидным. Впрочем, известно, что крестьяне с украинско-русского пограничья еще в XX веке называли себя «хохлами», не считая его ни оскорбительным, ни бранным^[1547]. Если же Александра Осиповна сталкивалась с пренебрежением к «хохлам», то тут же была готова дать отпор. Комментируя путевой дневник – «журнал походу» – своей матери, Надежды Арнольди, она придралась к невинной (на взгляд русского человека) фразе: «Неподалеку нас встретил хозяин и хозяйка, оба во всей форме малороссы <...> но в их домике всё было чисто и порядочно». И все-таки фраза задела, и Александра Осиповна приписала в скобках: «...отчего такое презрение к ним (к малороссам. – С. Б.), кажется, в Грамаклее вы были чистая хохлачка, и говорите и пишете как хохлачка»^[1548].

Поэтому тесная связь Александры Осиповны с Гоголем – это не в последнюю очередь связь соотечественников, земляков, людей одной нации. «Но ведь и я родилась в Малороссии, – писала она Николаю Васильевичу 3 ноября 1844 года. – ...Никто более меня не понимает вашего – может быть, вами самими неузнанное чувство и таящееся от вас самих»^[1549].

«Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик...»

«Дорога, дорога! Я сильно надеюсь на дорогу»^[1550], – писал Гоголь Сергею Тимофеевичу Аксакову. Как известно, Николай Васильевич любил путешествия. Дорога служила ему лекарством, дорога стала его образом жизни. Дорога перешла из реальности в литературу. Дорога спасает Хлестакова и Чичикова от неминуемого разоблачения, позора, даже, вероятно, ареста. О дороге как о спасении, об избавлении, мечтает Поприщин: «...дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик...»^[1551]

В гоголевское время путешествовали в дилижансе, причем европейские дилижансы отличались от русских. Русские дилижансы известны были удивительной скоростью. Путь от Петербурга до Москвы они проделывали за три дня, всего в шесть раз медленнее современного скоростного поезда. В Европе не знали русской «быстрой езды». Огромная карета, запряженная «высокими, длинными тучными» лошадьми, «которые от рождения своего никогда не бегали даже маленькой рысью»^[1552], – вспоминал Антоний Погорельский, которому довелось много путешествовать по Европе. Недальний путь от Флоренции до Рима занимал пару дней. Хуже того, в Италии, например, дилижансы даже в значительных городах отправлялись не каждый день. Гоголю однажды пришлось провести четыре лишних дня во Флоренции, ожидая отправления. На дилижанс продавались билеты, как на поезд. Сама карета была чем-то вроде небольшого вагона. В середине кареты сидели человек по шесть, трое напротив трех. Были места и наверху дилижанса.

Долгое путешествие в тесноте дилижанса было скучным и не слишком удобным. Гоголь как-то опасался, что придется сидеть между двумя толстыми немцами, которые прижмут его с обеих сторон. «Если же мне придется сидеть между дам, то это хуже всего, тогда нельзя будет мне ни облокотиться, ни спать»^[1553]. Чопорный XIX век не позволял ни мужчинам, ни дамам вести себя даже в такой обстановке хоть сколько-нибудь свободно. По крайней мере, когда дело касалось столь высоконравственного пассажира, как автор «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Долгие путешествия по России и Европе давали возможность наблюдать быт и нравы жителей, сравнивать природу и климат, любоваться пейзажем – родным и близким, экзотическим и удивительным, чужим и надоевшим, постылым. Разумеется, путешествие в России было связано с неудобствами, о которых, должно быть, хорошо известно и современному читателю. Когда Николая Смирнова, мужа Смирновой-Россет, назначили калужским

губернатором, жена должна была следовать за ним. Она прежде почти не видела русской провинции или, как она говорила, «Русской Губернии», где «сама природа была другая»^[1554]. Дорога запомнилась и ее заграничной прислуге: «...повар Сильвио <...> смотрел с удивлением на шоколадную размазну, которая называлась большая дорога»^[1555]. Первым впечатлением Смирновой от Калуги, замечательного, живописно расположенного русского города, была перевернувшаяся на бок карета ее мужа-губернатора^[1556]. Тарантас, «пропавший без вести» на одной из почтовых станций, не был явлением исключительным, экстраординарным^[1557].

На пути из Петербурга в Москву, из Москвы в родную малороссийскую Васильевку Гоголь долгие дни и даже целые недели мог наблюдать природу центральной России, собственно Великороссии, коренной русской земли. Гоголю эта страна, очевидно, не нравилась. Читатель наверняка вспомнит хотя бы один эпизод гоголевской дорожной поэмы:

«Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников. Несколько мужиков, по обыкновению, зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные»^[1558].

Виды известные... Сказано как об истине, не подлежащей сомнению. Легко и просто Гоголь лишает целую страну красоты и очарования. Но будем справедливы: русская природа долго не считалась достойной искусства художника. Сильвестр Щедрин и Александр Иванов на целые десятилетия покидали Россию, чтобы написать «Лунную ночь в Неаполе», «Веранду, обвитую виноградом» или «Аппиеву дорогу». И даже Иван Шишкин еще в середине шестидесятых писал «Тевтобургский лес» и «Вид в окрестностях Дюссельдорфа».

Настоящий русский пейзаж появляется лишь с рубежа шестидесятых – семидесятых годов XIX века, с «Оттепели» Федора Васильева, с «Лосиного острова» и «Грачей» Алексея Саврасова, с картины «Полдень. В окрестностях Москвы» Ивана Шишкина.

Литература открыла русский пейзаж намного раньше. Действие «Записок охотника» происходит приблизительно в тех же местах, которые не раз проезжал Гоголь, возвращаясь на Украину. Юго-запад Великороссии, который экономисты, лишенные исторической памяти, назовут впоследствии Центрально-черноземным районом. «Виды

известные», скорее всего, Гоголь находил именно здесь: в Орловской, или в Курской, или в Тульской губернии. Через эти губернии пролегал тот самый «шлях на Московщину», который недобрым словом поминал и Тарас Шевченко^[1559].

Шлях на Московщину.

Далекий шлях, пани-брати,

Знаю його, знаю!

Аж на серці похолоне,

Як його згадаю^[1560].

...в Москву дорога.

Ой, далекая дорога!

Мне она известна.

Только вспомню да припомню —

Сердцу станет тесно.

(Перевод М. Исаковского)^[1561]

Шевченко смотрит на эту дорогу со страхом и ненавистью, Гоголь – со скукой, презрением, грустью, быть может, и с жалостью. Но русский барин, даже долгие годы проживший за границей, видит совсем иначе и природу, и деревни, сёла, и крестьянские избы, и усадьбы небогатых помещиков, и уездные города.

«Верст десять пробирались вы по проселочным дорогам – вот, наконец, большая. Мимо бесконечных обозов, мимо постоянных дворов с шипящим самоваром под навесом, раскрытыми настежь воротами и колодезем, от одного села до другого, через необозримые поля, вдоль зеленых конопляников, долго, долго едете вы. Сороки перелетают с ракиты на ракиту; бабы, с длинными граблями в руках, бредут в поле <...> Вот уездный городок с деревянными кривыми домишками, бесконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строениями, старинным мостом над глубоким оврагом...»^[1562]

Но прервем цитату, хотя в доказательство можно было бы перепечатать весь очерк «Лес и степь» или напомнить читателю описание березовой рощи из «Свидания» или заката из «Бежина луга», когда «алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда»^[1563]. Обратим внимание: перед нами всё те же «известные виды», о которых писал Гоголь, которые и знать не хотел Шевченко. Но совершенно другая оптика наблюдателя: там чужак-украинец смотрел на чужую природу чужой ему страны. Здесь русский смотрит на родную землю, любит красотою родной стороны.

Гоголь, гений изобразительности, мог бы описать русский пейзаж так же прекрасно, как описывал украинский, но глаз его скользит по чужим избам, чужим лесам, чужим деревьям, не замечая красоты. Разве что сад Плюшкина прекрасен «в своем картинном запустении». Но и эта величественная картина навеяна воспоминаниями о другом, вовсе не русском, а именно малороссийском саде в родной Васильевке. Это там соединились вместе природа и искусство, это там по «труду человека» прошла «окончательным резцом своим природа»^[1564]. Гости, приезжавшие в родное имение Гоголей и впервые видевшие сад, разбитый Василием Афанасьевичем, украшенный Николаем Васильевичем и его сестрами, часто вспоминали именно сад Плюшкина.

В. Чаговец, «На родине Гоголя»: «При взгляде на широкие кленовые листья вспоминается характерное сравнение, данное им нашим поэтом: лапы-листы... Вообще весь сад и парк, при приближении к нему со стороны Полтавы, представляет ту картину, которая так художественно набросана нашим поэтом в “Мертвых душах”. Этот сад Плюшкина “с трепетнолистными куполами” в особенности красив в осеннее время <...> Что под впечатлением этого сада Гоголь описывает старый, заглохший сад Плюшкина, можно убедиться из того, что многие еще помнят ту старую березу, лишенную верхушки, белый колоссальный ствол которой, по словам самого поэта, подымался из зеленой гущи, как правильная мраморная сверкающая колонна, которая составляла украшение Плюшкинского сада. Еще Кулиш видел эту березу...»^[1565]

Так что красота и поэзия пришли в «кацапию» из Гетманщины. Мог ли увидеть Гоголь именно русскую, великороссийскую красоту? Ему нравилась природа Калужской губернии, но тут была совершенно особая причина: он гостил там у Смирновой-Россет...

В 1849-м году Николай Васильевич впервые приехал на Бегичев хутор, богатое, ухоженное имение Смирновых, жил некоторое время и в загородном доме, который в народе называли «губернаторской дачей». В 1850-м Гоголь, человек не просто глубоко религиозный, но в последние годы жизни совершенно погрузившийся в религию, посетил в той же Калужской губернии знаменитую Оптину пустынь, что тоже должно было воздействовать на его чувства особым образом. Но и здесь, под Калугой, Гоголь искал знакомые, близкие приметы своей родины и вроде бы находил. Живописные наряды местных крестьян «смутно напоминали ему родную Украину»^[1566], а крестьянки Бегичева хутора казались Гоголю похожими на итальянок^[1567].

Европейская Малороссия

«Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию. Добравшись до Триэста, я себя почувствовал лучше. Дорога, мое единственное лекарство...»^[1568], – писал Гоголь Михаилу Погодину.

Когда Николай Васильевич начал подолгу жить в Европе, противопоставление юга и севера неожиданно повторилось. Теперь уже нелюбимым севером оказались Германия и Швейцария, занявшие место Великороссии. А Италия стала как будто улучшенной версией Малороссии. В Италии зима много лучше петербургского лета, вместо елей там растут кипарисы, и даже зимой, утверждал Гоголь, можно не топить печку. Горы в Германии и Швейцарии теперь кажутся Гоголю серыми, а не голубыми, как прежде. А сама Европа по сравнению с Италией «всё равно, что день пасмурный в сравнении с днем солнечным»^[1569]. «...кто был в Италии, тот скажи “прощай” другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю»^[1570], – писал Гоголь генеральше Варваре Осиповне Балабиной, матери своей ученицы Марьи Петровны.

Впервые в Италию Гоголь приехал из Швейцарии, где, как ему показалось, было очень холодно. Женеву он сравнивал то с Тобольском, то с Иркутском.

Он пишет Жуковскому: «...мне кажется, как будто я был в Олонецкой губернии и слышал медвежье дыхание северного океана»^[1571]. Заметим, Николай Васильевич не бывал в Олонецкой губернии (что на северо-западе России, недалеко от Финляндии), никогда не жил в Сибири, об Иркутске и Тобольске знал только понаслышке.

В гоголевское время еще не было единой Италии. Юг занимало Неаполитанское королевство, север был разделен между несколькими государствами. Только на северо-западе, в Пьемонте, правила Савойская династия, считавшаяся итальянской, национальной. Власть в Ломбардии и Венето принадлежала австрийцам. Тосканой управлял великий герцог Леопольд, австрийский немец, женатый на немке из Саксонии (Марии Анне Саксонской), а государственный флаг Тосканы почти не отличался от австрийского. Моденой правил герцог Франческо, сын Фердинанда Австрийского. Мария-Луиза, вдова Наполеона Бонапарта и дочь австрийского императора, управляла Пармой. Центр Италии занимала папская область – государство, где папа Римский был не только духовным, но и светским владыкой.

Если бы историки следили лишь за хроникой политических событий, не принимая во внимание повседневную жизнь человека, то времена гоголевской Италии (1837–1847) могли показаться им беспокойными. Тайные общества карбонариев, «Молодая Италия» Джузеппе Мадзини, волнения начала 1830-х, заставившие Австрию направить в Италию армию фельдмаршала Радецкого... Мир кажется тревожным, впереди взрыв революции 1848 года.

Но в письмах Гоголя мы не найдем и следа политических страстей, как не найдем и следа австрийского владычества. Гоголь нашел в Италии жизнь, как будто далекую от мировых потрясений. Он радовался, что продавцы не норовят всучить ему газету, в трактирах не говорят о политике. Зато улицы его любимого Рима, как писал Николай Васильевич, усеяны монахами и аббатами, будто маком. «Блюда все особенные, все на старинный манер. Везде доселе виделась мне картина изменений. Здесь всё остановилось на одном месте и далее не идет»^[1572].

Гоголь как будто путешествовал не по разделенной государственными границами стране, а по современному Евросоюзу, где границы более или менее условны. Переезжая из Турина во Флоренцию, из Флоренции – в Рим, из Рима, через Болонью, в Верону или Венецию – он даже не упоминал о границах, таможнях, чиновниках, которые так мешают человеку путешествовать.

Между тем путешествие по Италии того времени было занятием небезопасным. Погодина в 1839 году по дороге в Рим сопровождали карабинеры^[1573]. На дороге из Рима во Флоренцию Смирновой-Россет предложили взять «двух провожатых с заряженными ружьями и пистолетами»^[1574]. Когда недалеко от Остии к Смирновой и ее спутницам подъехал «кавалер в круглой шляпе, в плаще», она уже была готова крикнуть: «Возьмите всё, но пощадите нас». Тревога, впрочем, оказалась ложной.

Еще тревожнее было в южной Италии. Дорога от Рима до Неаполя была столь опасной, что не помогали и вооруженные охранники: «...сии господа, следуя им свойственному влечению, при первом шуме убегают что есть мочи и прячутся куда могут», – писал Алексей Константинович Толстой. Разбойники тем временем кричали несчастным путешественникам: *Face a terra!* («Лицом к земле!») – и обыскивали их, угрожая ножом или заряженным ружьем. При попытке сопротивления – убивали. Если удавалось захватить знатного и состоятельного путешественника, то его брали в заложники, требовали за него большой выкуп: «Если разбойники не получают в назначенное время условленной платы, то они отрубивают у пленного уши, руку или ногу и отсылают её к тем, к которым они принадлежат»^[1575]. Если и это не помогало, пленника убивали.

Италия тридцатых – сороковых годов XIX века – страна небогатая, отсталая в сравнении с Францией, Англией, германскими землями. Чем дальше на юг страны ехал русский путешественник, тем заметнее становилась итальянская бедность: «Места пустынные, совершенно бесплодные начались верст за сорок до Рима. Не видать ни одного дерева. Кое-где торчит скудный кустишко. Зелени нет. Вся земля как будто выжжена. Никакого жилья»^[1576], – так Михаил Погодин описывал центральную Италию в марте 1839 года. Не зря Василий Перовский советовал Смирновой-Россет «не делать крюков в Италии», не

сворачивать с обычных для путешественников маршрутов («протоптанных дорог»), чтобы «не умереть с голода»^[1577]. Но Александре Осиповне хотелось увидеть живописные места, а потому она вынуждена была мириться с дурным столом. Где-то в Тоскане на «станции» она хотела купить молока, но «нечесаная, грязная девка» ответила, что взять неоткуда, потому что «козы – в горах»^[1578]. Путешественницы вынуждены были есть в лесу сырые каштаны. Наконец на пути в Пьяченцу «на одной станции» получили хотя бы хлеб и сыр^[1579].

Из всего этого не следует, будто Италия погибала от нищеты. Тот же Погодин описал великолепную Пасху в Риме, где изобилие соединялось с изяществом: «...сало, сыр, ветчина являются здесь в таких изящных формах, что загляденье. Плошек, стаканчиков разноцветных видимо-невидимо. Масло оливное сияет в прозрачных сосудах. <...> Окрока все в гирляндах, с лавровыми венками. Сало пирамидами, сыр колоннами и обелисками в цветах и зелени...»^[1580] Реальность была, как почти всегда, многоцветна, но Гоголь выбирал в Италии только светлые, праздничные тона, прочие игнорировал. Так влюбленный замечает только достоинства своей возлюбленной.

Русский путешественник, которому довелось провести в Средиземноморье не одну зиму, знает, что холод ощущается там даже сильнее, чем в северной России. Дома, приспособленные к жаркому климату, плохо сохраняют тепло. Холодные дожди на Рождество много хуже наших снегопадов.

«Дождь льет ливня, нельзя никуда показать носу...»^[1581] – жаловался Погодин, заставший раннюю весну в Риме. Четыре года спустя, 16 февраля 1843 года, Языков опишет все страдания русского человека, которому «посчастливилось» провести зиму на берегах Тибра:

«Нынешняя зима в Риме пренегодная – такой, дескать, и старожилы здешние не запомнят; холодно, сыро, мрачно, дожди противные, ветры бурные: на прошлой неделе от излишества вод и ветров вечный Тибр вздулся <...> затопил часть Рима так, что на некоторых улицах устроилось водное сообщение. <...> До сих пор я никогда не видывал таких ливней, какие здесь; представь себе, что бывают целые дни, когда дождь льет, не переставая ни на минуту <...> Небо как тряпка, воздух свищет, вода бьет в окна, по улице река течет, в комнате сумерки!!..»^[1582]

И это в Риме, где в то же самое время жил и Гоголь! Но Николай Васильевич тогда не жаловался на промозглую южную зиму, как будто не замечал ненастья. Напротив, уверял мать и сестер, будто в Италии и зимой замечательно тепло.

Нет, в Италии всё прекрасно, как всё прекрасно в Малороссии: «В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звёзды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты. А воздух?

– он так чист, что дальние предметы кажутся близкими. О тумане и не слышно»^[1583]. В словах об итальянской ночи как будто слышится воспоминание о ночи украинской.

Для Гоголя Италия стала как будто новой Малороссией, родной землей. Зимы теплее, краски ярче, а так – много общего: «Мне кажется, что будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам, – писал Гоголь своему другу по Нежинской гимназии Александру Семеновичу Данилевскому. – Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр, марающие платья мелом; старинные подсвечники и лампы в виде церковных».

Как только началась публикация «Выбранных мест из переписки с друзьями», некоторые читатели заметили эту странную связь италянофильства Гоголя с его малороссийской идентичностью. Кажется, первым был русский поэт и литературный критик Аполлон Григорьев. Человек с обостренным национальным чувством, он отзывался о письмах Гоголя с неприязнью, с гневом, с возмущением: «...1/3 моего уважения к Гоголю уплыла вслед за двумя томами переписки <...> столь искренне разоблачающей всю неискренность этой чисто хохлацкой натуры...»^[1584], – писал Григорьев своему другу, критику Евгению Эдельсону в ноябре 1857 года. А два месяца спустя в письме к Михаилу Погодину Аполлон Григорьев неожиданно бросит: «Чтобы так поэтизировать Италию и жизнь в ней в ущерб нашей, как это делал покойник Гоголь, – надобно иметь эгоистическую и притом хохлацкую душу»^[1585].

«Хохол по рождению»

«Хохлацкая душа», «хохлацкая натура»? А какую же еще натуру ожидали найти в Гоголе?

Русские современники Гоголя, особенно из тех, что лично знали его, называли его именно «малороссом», «малороссиянином», «хохлом». При этом подчеркивали его происхождение в тех случаях, когда Гоголь по какой-либо причине производил на них неприятное впечатление.

Александр Сергеевич Пушкин: «Гоголь, хитрый малоросс»^[1586].

Сергей Тимофеевич Аксаков: «...хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок <...> нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое»^[1587].

Фаддей Венедиктович Булгарин: «По моему мнению Гоголь <...> был просто *Малороссийский жартовник*...»^[1588]

Андрей Александрович Краевский: «Гоголь скот, как и все хохлы»^[1589].

Удивительно, как сошлись в оценке национальной идентичности писателя столь разные люди.

«Хохол по рождению», – говорил о нем Василий Любич-Романович, один из учеников Нежинской гимназии высших наук. Он помнил, как «хохлацкая бричка», запряженная двумя волами, привезла в Нежин юного Никошу Яновского. Возницей был «усач-запорожец»^[1590] «с чубом на макушке, как у Тараса Бульбы». Любич-Романович, генеральский сын, прежде учившийся в Полоцкой иезуитской коллегии, с пренебрежением описывал и «грубого, дикого» «дядьку-запорожца»^[1591], и его маленького хозяина, вкладывая всё презрение шляхтича к мужику-украинцу, козаку и потомку козацкого рода. Со своей стороны, Гоголь будто бы называл Любича-Романовича «польской мордой»^[1592].

Николай Васильевич родился в то время, когда из жизни дворянства уходили старинные малороссийские обычаи, сменяясь русскими и общеевропейскими. Но как украинская деревня никогда не русифицировалась полностью, так не русифицировалась полностью и жизнь мелкопоместного малороссийского дворянства.

Татьяна Семеновна, бабушка Николая Васильевича, происходившая из славного рода Лизогубов и помнившая старый уклад жизни, принятый еще во времена Гетманщины, даже из усадьбы выезжала только в бричке, запряженной парой волов^[1593]. Должно быть, в той самой, что привезла ее внука в Нежин.

Нежинская гимназия располагалась недалеко от предместья Магерки (в некоторых источниках – Мегерки), застроенном обычными малороссийскими мазанками, крытыми соломой. Домики были огорожены плетнями, как в настоящем украинском селе. Там квартировали небогатые преподаватели, вроде латиниста Кулжинского, и некоторые из учеников. Среди последних был будущий украинский и русский поэт и прозаик Евгений Гребенка. Но большую часть населения предместья составляли украинские крестьяне. Гимназист Гоголь между прочим очень любил там гулять, «имел много знакомых между крестьянами». Случалось, приходил на простонародную свадьбу и вообще проводил в Магерках чуть ли не всякий «погодливый праздничный день»^[1594]. Кроме того, Гоголь каждый день (!) бывал на городском базаре, где покупал у «баб-хохлушек» свой любимый грушевый квас^[1595]. Любич-Романович приписывает такое поведение Гоголя его «почти плебейскому», «хуторскому» происхождению однодворца»: «...он держал себя каким-то демократом среди нас, детей аристократов»^[1596], – вспоминал генеральский сын. В его глазах Никоша Гоголь, наследник состояния в три сотни душ, может, и в самом деле представлялся однодворцем, но вот сам Николай Васильевич демократом себя никогда не ставил. Как известно, Гоголь был убежденным консерватором. Не только практиком, но и теоретиком крепостничества. Прогрессивно мыслящие люди с изумлением и неприязнью читали поучения Гоголя в его «Выбранных местах из переписки с друзьями»:

«Возьмись за дело помещика, как следует за него взяться в настоящем и законном смысле. Собери прежде всего мужиков и объясни им, что такое ты и что такое они. Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе так хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что взыщет с тебя Бог, если б ты променял это звание на другое, потому что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом»^[1597].

Практика не расходилась с теорией. Еще в 1832 году Николай Васильевич решил женить своего слугу Якима на крепостной девке Матрене. Матрена была горничной у сестер Николая Васильевича, а он как раз собрался везти их в Петербург – учиться и жить в Патриотическом институте. Везти с собой супружескую пару слуг и размещать их в Петербурге было менее хлопотно. Таким образом, «совершенно неожиданно для себя и для всех, Яким отправился в Петербург с женою, а барышни – с горничною; а Мария Ивановна (мать Гоголя) была очень довольна, что всё так устроилось по-семейному»^[1598]. Что обо всем этом думали Яким и Матрена, мы доподлинно не знаем, но случай вполне достоин печальных анекдотов о крепостниках. Так что не природный или идейный демократизм побуждали Гоголя «идти в народ». И не один лишь грушевый квас или еще какие-нибудь малороссийские лакомства вроде маковников, бубликов, коржиков и тому подобного. Гоголь их любил чрезвычайно и почти постоянно жевал, даже на занятиях, но в ежедневном общении с украинскими крестьянами он, кажется, искал другого: «Любимым времяпрепровождением Гоголя еще было выходить на большую дорогу и, встречаясь здесь с хохлами, едущими на волах в Нежин, беседовать с ними на родном ему малорусском наречии...»^[1599], – вспоминал Любич-Романович. Вне всякого сомнения, с «бабами-хохлушками» на базаре и с крестьянами из Магерок Гоголь тоже говорил только по-украински. Из русифицированной атмосферы гимназии Гоголь каждый день возвращался в чисто украинский сельский мир, который, очевидно, ему очень нравился.

В гимназии Гоголь начинает составлять «Книгу всякой всячины, или Подручную энциклопедию», куда в числе прочего заносит множество украинских материалов: выписки из составленной Павловским «Грамматики малороссийского наречия», первой грамматики украинского языка, из «Энеиды» Котляревского, из сборников малороссийских песен, составленных князем Цертелевым и Михаилом Максимовичем. В пьесе, написанной совместно с Прокоповичем и поставленной в гимназическом театре, Гоголь блистает в роли старика-украинца. Всё украинское ему близко, понятно, мило.

Шевченко наивно полагал, что Гоголь просто не знал украинского языка, а потому и не писал по-украински. В незнании не только языка, но и быта, истории Малороссии обвинял Гоголя и Пантелеймон Кулиш. Между тем Михаил Максимович, давний хороший знакомый Гоголя, в

письме Г. П. Галагану, опубликованном «Русской беседой» в качестве отклика на роман Кулиша «Черная рада», утверждал, что Гоголь был великолепным знатоком украинского языка: «...мне, как и всем Малороссиянам, знавшим Гоголя близко, несомненно известно, что он свое родное Украинское наречие знал основательно и владел им в совершенстве. В иной час, когда, бывало, заговорит он по-украински, представляя какое-нибудь оригинальное, типическое лицо, то – заслушаешься его, как заслушивались мы поющего Шевченка...»^[1600]

У нас нет оснований не верить Максимовичу. В беседах с земляками Гоголь часто переходил на украинский (малороссийский).

Впервые приехав в Москву, Гоголь узнал, что Михаил Семенович Щепкин, уже тогда знаменитый актер Малого театра, оказывается, его соотечественник. Николай Васильевич неожиданно пришел в гости, когда семья Щепкина обедала, и вместо приветствия пропел куплет из украинской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается своего роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?^[1601]

Осип Бодянский в Москве тоже приветствовал Гоголя «по-малороссийски»: «Чи дома, брате Миколо?» Гоголь отвечал: «А дома ж, дома!»^[1602] С малороссийской прислугой Гоголь, видимо, тоже общался на родном языке: «Семене! – закричал Гоголь своему слуге по-малороссийски, – ходы сюды»^[1603].

Более того, по свидетельству А. С. Данилевского, Гоголь в Париже зимой 1837 года беседовал с Адамом Мицкевичем и Юзефом Богданом Залеским по-русски или «чаще – на малороссийском языке», потому что в то время еще не знал польского^[1604].

Переселившись в Россию, а затем на долгие годы покинув и ее ради жизни в любимой Италии, Гоголь сохранял многие привычки, усвоенные с детства. Так, он по-прежнему любил украинскую кухню. Московские друзья по крайней мере раз в неделю делали для Гоголя вареники, хотя Николай Васильевич и сам умел и даже будто бы учил других, как готовить настоящие малороссийские вареники^[1605]. Садясь за стол, он обычно приговаривал: «Вареныки побиденыкы! сыром боки позабыханы, маслом очи позалываны – вареныки побиденыкы!»^[1606]

В доме московского генерал-губернатора Ивана Васильевича Капниста (сына поэта) к приезду Гоголя готовили его любимые блюда: «борщ, галушки и взвар». Часто Гоголь являлся «с приятелем, знаменитым актером Щепкиным»^[1607]. Кулинарные вкусы Гоголя и Щепкина, такого же, как и Гоголь, природного малороссиянина, только крестьянского, а не дворянского происхождения, совпадали. Великий актер и великий писатель проводили время в беседах «о разного рода

малороссийских кушаньях, причем у обоих глаза бывали масляные и на губах слюнки»^[1608].

Зимой-весной 1850 года у Аксаковых устраивались настоящие малороссийские вечера. Максимович приносил собранные им песни и учил, как их надо петь. Кроме Максимовича на вечера охотно приходили Бодянский и Гоголь. Собирались «на вареники и песни». Надежда Сергеевна Аксакова пела своим приятным голосом, который очень нравился гостям-малороссам. Впрочем, дело было не столько в ее голосе, сколько в песнях, напоминавших малороссам о родине. Два известных ученых и писатель, уже при жизни признанный великим, как будто забывали обо всем на свете. Бодянский, серьезный ученый, основоположник научного славяноведения в России, даже «было припрыгнул», только услышав первые звуки украинской песни^[1609]. Максимович, бывший профессор Московского, а потом – Киевского университета, пел, «топотал ногами» и «разводил руками». А что же Гоголь?

Из письма Веры Сергеевны Аксаковой – Ивану Сергеевичу Аксакову, 15-16 февраля 1850 года, Москва: «Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поет их, разумеется, не умея петь, но для того только, чтоб передать напев и характер песни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает ее всеми средствами – и жестами, и голосом, и лицом...»^[1610]

Заметим, что это 1850 год! «Вечера на хуторе близ Диканьки» уже в далеком прошлом. Гоголя последних лет жизни и друзья, и враги считали русским патриотом, апологетом самодержавия и противником литературы на малороссийском языке. Однако и в эти годы он по-прежнему любил всё малороссийское. Украинская песня так же восхищала его, как в молодости, когда он написал статью «О малороссийских песнях», включенную в сборник «Арабески»: «...лучшие песни и голоса слышали только одни украинские степи: только там, под сенью низеньких глиняных хат, увенчанных шелковицами и черешнями, при блеске утра, полудня и вечера, при лимонной желтизне падающих колосьев пшеницы, они раздаются, прерываемые одними степными чайками, вереницами жаворонков и стелящими иволгами»^[1611].

Российский литературовед Иосиф Мандельштам, великолепно изучивший творчество Гоголя, не сомневался, что Гоголь «весь жил своею родиною», «добрая часть его существа проникнута была малороссийским началом»^[1612].

По страницам забытой книги

Когда речь заходит о национальной идентичности Гоголя, то обычно вспоминают его знаменитое письмо к Александре Смирновой-

Россет от 24 декабря 1844 года. Гоголь дал ответ и развернутый, и логичный. Ответ этот как будто не противоречит тому, что знает о Гоголе читатель, знакомый с «Миргородом», «Шинелью», «Невским проспектом» и «Мертвыми душами». Вот он: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую»^[1613].

Современный ученый видит в этом свидетельство двойственной идентичности Гоголя. Русский националист радостно заключает, будто Гоголь, признаваясь во взаимодополняемости русской и хохлацкой натур, пришел к «общерусской идентичности». «Свидомый» (сознательный, убежденный) украинец сетует на «перерождение» или даже на «измену» Гоголя национальному делу. Все трое заблуждаются, потому что вольно или невольно следуют утвердившемуся в последние десятилетия «научному» представлению, будто главным и даже единственным признаком, определяющим национальную идентичность, является самосознание. Но как определить это самосознание, как его изучить?

Современная медицина и биология очень осторожно подходят к феномену сознания. Современная наука хорошо изучила многие функции мозга, но сознание остается едва ли не самым темным, малоизученным предметом. Американский философ Дэвид Чалмерс замечает: «Сознание – удивительный, но ускользающий феномен: невозможно уточнить, что оно такое, что оно делает и почему эволюционировало. Ничего стоящего о нем не написано»^[1614].

Но если даже биологи, представители, наверное, самой передовой современной науки, пока не решаются судить о сознании и строят только гипотезы насчет его природы, то изумляет смелость историков, и в особенности философов, этнологов, специалистов по культурной антропологии, которые уверенно говорят о сознании и самосознании целых наций, хотя вряд ли себе представляют, что такое самосознание одного человека.

Словарь русского языка определяет самосознание (в том числе национальное) как «полное понимание самого себя, своего назначения, своей роли в жизни, обществе». К кому относится это определение? Многие ли вообще приходят к этому «полному пониманию»? Пришел ли к нему и Гоголь? А если и пришел, не совершил ли при этом ошибки? Не обманул ли сам себя? И неужели научный анализ должен завершиться

тем, что исследователь процитирует знаменитое гоголевское письмо и заключит, что оно снимает все вопросы?

Еще на рубеже позапрошлого и прошлого веков ученые отвергали столь наивный подход. Филолог Иосиф Мандельштам, комментируя это письмо Гоголя к Смирновой-Россет, замечал: «...одного только не мог предвидеть Гоголь: успехов языкознания и способов анализа языка писателя, анализа, который дает ключ к разумению многого, что сокрыто было от людей его времени. Чужая душа, разумеется, потемки, – но многое обнаруживается в ней, помимо воли, помимо желания пишущего...»^[1615]

Иосиф Емельянович Мандельштам, однофамилец и тезка великого поэта, известен только профессиональным филологам, и то немногим. Крещеный еврей, окончивший Харьковский университет, он знал не только русский, но и украинский, что помогало ему ориентироваться в творчестве такого удивительного писателя, как Гоголь.

Во второй половине XIX века было немного действительно интересных работ о Гоголе. Автор «Ревизора» вплоть до начала Серебряного века оставался в роли, которую написали для него критики, и не только западник Белинский, но и славянофил Шевырев: «писатель-реалист», «основоположник натуральной школы», создатель целой галереи «типичных представителей»...

Монография Мандельштама, написанная с пиететом к Гоголю и Гоголю посвященная, и эссе Розанова, Гоголя развенчавшие, начнут новую эпоху в гоголеведении. Но Розанова читают и в наши дни. А блестящая монография Мандельштама «О характере гоголевского стиля» цитируется далеко не всеми гоголеведами. Имя ученого встречается на страницах изданий, подготовленных в ИМЛИ РАН. Но даже Игорь Золотусский и Юрий Манн, насколько мне известно, почти не ссылаются на забытого профессора Гельсингфорского университета. Не встречал ссылок на Мандельштама и у Юрия Барабаша, хотя многое в монографии Мандельштама должно было импонировать украинскому филологу. В определенном отношении Иосиф Мандельштам был предшественником формалистов, но если каждому студенту-филологу доступна статья Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя», то монографию Мандельштама можно найти только в немногих хороших библиотеках^[1616].

Странная и совсем незаслуженная судьба. Но в этой замечательной книге нас интересует, собственно говоря, только одна глава – двадцатая. Она рассказывает о влиянии на Гоголя его родного (Мандельштам убежден, что родного) малороссийского языка: «Сравнивая текст произведений с русской речью, мы замечаем, что Гоголь мысленно *переводил* обороты, слова, буквально, применяясь к русской речи»^[1617]. Об этом говорит не только обилие украинской лексики (ее очень много в «Вечерах» и «Миргороде», хотя проникает она и в «Мертвые души»), но и словосочетания, построение фразы,

синтаксис. В ранних редакциях влияние малороссийского языка заметнее, чем в поздних, что, впрочем, очевидно всякому читателю «Тараса Бульбы». Вспомним, как звучит первая фраза этого «рыцарского романа».

Редакция 1835 года: «А поворотись, сынку! Цур тебе, какой ты смешной!»^[1618]

Редакции 1842, 1851–1852 годов: «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой!»^[1619]

Мандельштам приводит множество подобных примеров. Я ограничусь двумя, наиболее яркими и очевидными, где Гоголь не просто переводит с малороссийского на русский, а даже перекладывает украинские думы на язык своей русской прозы.

Вот иноземный капитан подошел к самой большой пушке, направив ее на козаков: «Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырекратно потрясши глухо-ответную землю, – много нанесли они горя! Не по одному казаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между них одного, милейшего всех: но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех»^[1620].

А вот народная песня «У Глухове, у городе...»:

У Глухове, у городе стрельнули з гарматы;

Не по одном казаченьку заплакала маты!

То вона от сна прочинала,

На базар выходжала

.....

Старого козака и молодого о своем сыне пытала

Первая сотня и другая наступае, вдова сына не видае.

В другом фрагменте знатоки украинского фольклора легко найдут знакомые строки из думы об Ивасе Коновченко, которая вошла в сборники украинских песен и дум, собранных князем Цертелевым, Максимовичем и Лукашевичем. Все эти сборники были в распоряжении Гоголя, работавшего над второй редакцией «Бульбы». Сам Николай Васильевич, как известно, тоже собирал песни и думы и предпочитал их скучным сочинениям историков.

Вот «Тарас Бульба»: «Эй вы, пивники, броварники, полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух!»^[1621]

А вот строки из думы об Ивасе Коновченко:

Вы грубники, вы лазники,
Вы броварники, вы винники,
Годе вам у винницах горелок курити,
По броварнях пив варити,
По лазнях лазень топити,
По грубам валятися, –
Товстым видом мух годовати...^[1622]

При этом в знаменитых гоголевских описаниях природы господствует собственно русский язык, а не русский перевод с малороссийского. Русский преобладает и там, где Гоголь пишет о предметах, выходящих за пределы малороссийской жизни, поэтому в «Ревизоре» и «Мертвых душах» «речь ведется и действующими лицами, и автором преимущественно по-русски»^[1623]. И, разумеется, безраздельно господствует русский язык там, где писатель начинает рассуждать о философских материях, об общественном устройстве, о посте и молитве. Поэтому самой русской (и при этом самой неудачной) книгой Гоголя стали «Выбранные места из переписки с друзьями».

А вот когда Гоголь описывает малороссийскую жизнь, то он «весь превращается сам в малоросса, вот-вот участвующего в качестве действующего лица»^[1624]. Ближе всего русский язык повестей Гоголя к украинскому там, где автор передает чувства: грусть, веселье, любовь. «Как только Гоголь рисует настроение, он прибегает к родной речи, каково бы ни было это настроение, добродушное ли, суровое ли, раздраженное...»^[1625]

Впрочем, не нужно быть филологом, чтобы заметить: по-настоящему любят – только в «малороссийских» сочинениях Гоголя. В сочинениях «великороссийских» это чувство если и возникает, то принимает формы самые извращенные, как любовь Акакия Акакиевича к своей шинели. Оксана и Вакула, Левко и Ганна, Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна – все они остались там, в любимой «гетьманщине». А какая любовь может быть «в стране снегов, в стране финнов»? Влечение поручика Пирогова к молодой немке, а художника Пискарева к проститутке, внушенное самим демоном Невского проспекта. Вот какая любовь возможна «в стране финнов»! Сгинь! Сгинь! Даже преступная страсть Андрия к полячке, обернувшаяся бедой для целого запорожского войска, все-таки и выглядит естественней, и вызывает у читателя больше сочувствия.

Разумеется, обращает внимание Мандельштам и на многочисленные выпады против «москалей» или «кацапов», рассыпанные по тексту «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Еще задолго до Мандельштама читатели Гоголя, и друзья его, и враги, обратили внимание на особенности его языка. Этот язык великолепен, но ведь сам Пушкин в хвалебной рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» замечал: «Мы так были

благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов»^[1626]. Не станем спорить о правдоподобии. Недаром же автор «Носа» позднее заметит: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают». Но как же быть с «неправильностью слога»?

Сенковский писал о первой редакции «Тараса Бульбы»: «Чтобы усовершенствовать эту прекрасную повесть, стоило только исправить в ней русский язык...»^[1627] А Булгарин как-то злобно бросил: «Гоголь весьма плохо знал язык Великороссийский»^[1628]. Не Булгарину судить Гоголя, его неприязнь к великому писателю известна. (А. Ф. Писемский даже назвал отзывы Булгарина о Гоголе «памятником ненависти»^[1629].) Но упреки появились будто не на пустом месте. Много лет спустя Бунин, Гоголя не любивший, тоже упрекнет его за одну из фраз первой главы «Мертвых душ»: «...два русских мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем»^[1630]. «А каких же мужиков рассчитывал встретить там Гоголь, неужели португальских?» – съязвил Бунин.

Но задолго до Бунина, уже после первого издания первого тома «Мертвых душ», на «русских мужиков» обратили внимание читатели. Федор Толстой-Американец увидел в этих словах «невольное вырвавшееся небратство». Его поддержал и Федор Тютчев. Оба заметили, что «москвич уже никак бы не сказал “два русских мужика”»^[1631].

В самом деле, так мог бы написать иностранец или же человек, который привык жить в местности, где мужики были не русские или не только русские. В «журнале походу» Надежды Ивановны Арнольди встречаем «русского мужика» в похожем контексте: «русский мужик нам сказал, что Пески разделяются от Манжели одной рекой»^[1632], «Меня на станции подвезли к курной избе, вышли русские ямщики...»^[1633]

Наконец, один из величайших авторитетов в русском языкознании Владимир Иванович Даль, прочитав гоголевскую повесть «Рим», написал Погодину: «Удивительный человек Гоголь! Увлекаешься рассказом его, с жадностью проглотить всё до конца, перечитаешь еще раз и не заметишь, каким диким языком он пишет. Станешь разбирать крохоборчески – видишь, что совсем бы так писать и говорить не следовало; попробуешь поправить – испортишь, нельзя тронуть слова. Что, как бы он писал по-русски?»^[1634]

В самом деле, «Вечер накануне Ивана Купалы», впервые напечатанный в февральской и мартовской книжках «Отечественных записок» за 1830 год, подвергся большой редакторской правке^[1635]. Павел Петрович Свиньин, в то время издатель журнала, выправил стиль Гоголя так, что получил потом от автора довольно резкую отповедь, которую и теперь читатель встретит во всяком издании «Вечеров на

хуторе близ Диканьки»: Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше, сучий москаль*. Так ли я говорил? *Що-то вже, як у кого чорт ма клепки в голови!*»^[1636]

Удивительный гений, украинец-волшебник, который сумел подчинить себе даже русский язык.

Гоголь-чаровник

Гоголь обладал талантом очаровывать людей. Как будто непрактичный, некорыстолюбивый и нерасчетливый, он тем не менее умел устроить дела так, как ему было нужно. Несколько лет он преподавал историю в Патриотическом институте, одном из трех в Петербурге того времени закрытых учебных заведений для «благородных девиц». Институт располагался на 10-й линии Васильевского острова. Николай Васильевич был высокого мнения об институте и легко убедил маменьку, что в это «превосходное заведение для девиц»^[1637] следует отправить его сестер, Анну и Елизавету. Оснований для их зачисления не было: Патриотический институт предназначался для дочерей военных, а покойный Василий Афанасьевич служил по статской части, да и то недолго. Правда, Гоголь обещал платить за сестер из своего жалования – год спустя сестер приняли в институт за счет казны. Гоголь вскоре покинул институт, но сестры учились там даже дольше положенного (восемь неполных учебных лет вместо шести)^[1638].

История поступления Гоголя на кафедру всеобщей истории Киевского университета тем более примечательна. Сначала он хотел вместе с Максимовичем стать профессором только что созданного университета св. Владимира, причем претендовал ни больше ни меньше, как на должность ординарного профессора. Гоголю было тогда двадцать пять лет. Он не защитил диссертации, не учился в университете, Аттестат Нежинской гимназии высших наук давал право на чин XIV класса, но не на должность университетского профессора. Научных работ у Гоголя не было. Он еще только собирался написать многотомную «Историю Малороссии» и даже «Всеобщую историю», тоже многотомную, однако пока что в научном мире известен не был. Студенты и преподаватели знали его как автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», то есть как живое воплощение пасичника Рудого Панька, но для того, чтобы занять кафедру всеобщей истории в университете, этого, право же, было слишком мало. К тому же Гоголь не знал древних и восточных языков, необходимых специалисту всеобщей истории.

Тем не менее сначала дела у Гоголя пошли едва ли не лучше, чем у Михаила Максимовича. Максимович, профессор ботаники в Московском

университете, хотел занять в Киеве кафедру словесности, что, естественно, удивило графа Уварова, в ту пору министра просвещения^[1639].

Гоголь же едва не стал профессором. За него хлопотали Пушкин, Жуковский, министр юстиции Д. В. Дашков, министр внутренних дел Д. Н. Блудов. К нему благоволил и граф Уваров^[1640]. Николай Васильевич производил на всех самое благоприятное впечатление: «Пришедши к лицу, пригласившему его, он с первого слова очаровал его своим умным и красноречивым разговором»^[1641]. Гоголя попросили лишь принести необходимые документы и прошение об определении на должность ординарного профессора. Он пришел в другой раз, снова всех очаровал, но прошения и документов снова не принес. И лишь в третий раз, после очередного напоминания, «не без некоторого замешательства вынул из бокового кармана и подал свой аттестат об окончании курса гимназии»^[1642]. Разумеется, сделать сразу выпускника гимназии ординарным профессором было невозможно, но Гоголю предложили должность адъюнкта (адъюнкт-профессора). Однако Николай Васильевич обиделся и от должности отказался. Эта история известна нам благодаря мемуарам Ивана Григорьевича Кулжинского, преподававшего Гоголю латынь еще в Нежине.

Юрий Манн, один из самых авторитетных современных гоголеведов, вполне доверяет свидетельству Кулжинского, которое подтверждается и перепиской Гоголя с Максимовичем.

Из письма Н. В. Гоголя М. А. Максимовичу, 29 марта 1834 года: «Министр мне обещал непременно это место и требовал даже, чтоб я сейчас подавал просьбу, но я останавливаюсь затем, что мне дают только адъюнкта, уверяя впрочем, что через год непременно сделают ординарным...»^[1643]

Восемь лет спустя на должность адъюнкт-профессора того же Киевского университета пригласили Николая Костомарова. В отличие от Гоголя, Костомаров окончил Харьковский университет и успел подготовить даже две диссертации. Одну, посвященную роли униатства в истории Западной Руси, министр просвещения повелел уничтожить. Другую – «Об историческом значении русской народной поэзии» – Костомаров успешно защитил. Но и этого было мало. Костомарову в качестве испытания предложили прочитать пробную лекцию на тему «С какого времени следует начинать русскую историю».

Лекция Костомарова понравилась, и он был единогласно избран в адъюнкты. Какой долгий, трудный путь. Сколько усилий он потребовал! Сколь высокой была квалификация адъюнкт-профессора!

Гоголь же преодолел этот путь в один прыжок. Николай Васильевич не согласился быть адъюнктом в Киеве, но вскоре стал адъюнкт-профессором в Петербурге и начал читать курс всеобщей истории. Это само по себе поражает воображение. Не зная арабского, он читал

лекцию об арабском халифе ал-Мамуне, да еще так, что Пушкин и Жуковский, посетившие лекцию Гоголя, сочли ее «увлекательной»^[1644].

Как известно, преподавание очень скоро наскучило Гоголю. Несколько лекций были замечательны, но скоро аудитория стала пустеть: студенты разочаровались в Гоголе. По словам Ивана Сергеевича Тургенева, все были убеждены, «что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (так он именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем»^[1645]. Автор увлекательных, ни с чем не сравнимых «Вечеров на хуторе близ Диканьки» не был создан для университетской кафедры. Он читал так «вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать»^[1646]. (К слову, Гоголь, давно оставивший кафедру, продолжал называть себя «профессором». 21 марта 1846 года русский посланник в Риме выдал «господину профессору Гоголю» паспорт на проезд из Рима в Неаполь^[1647].)

Скучно слушать? А вот граф В. А. Соллогуб писал об удивительном умении Гоголя рассказывать в приличном обществе довольно непристойные истории, причем так, что даже самые высоконравственные дамы не обижались и не смущались. В доказательство граф припомнил рассказанную Гоголем историю о молебне в публичном доме: барышень отправляли «трудиться» на Нижегородскую ярмарку и решили «для доброго почина молебен отслужить». Священник читал молитвы, а пятнадцать или двадцать девиц в легкомысленных шелковых платьях, «с цветами и перьями в завитых волосах», стояли на коленях... Рассказано это было в присутствии графини Виельгорской, при которой такую историю, по словам Соллогуба, мог рассказать разве что больной человек^[1648].

Константин Аксаков, человек с обостренным национальным чувством, должен был, кажется, заметить в творчестве Гоголя много неприятного для русского человека. Но Аксаков был очарован и увлечен Гоголем более других. «С какою любовью он следил за каждым взглядом, за каждым движением, за каждым словом Гоголя! Как он переглядывался с Щепкиным! Как крепко жал мне руки, повторяя: “Вот он, наш Гоголь! Вот он!”»^[1649] – вспоминал Иван Иванович Панаев.

В семействе Аксаковых благоговели перед Гоголем, старались во всем угодить ему. Гоголю первым подавали кушанье, перед его прибором «стояло не простое, а розовое стекло»^[1650]. Когда Гоголь отправился в кабинет Сергея Тимофеевича и задремал на хозяйском диване, в доме всё смолкло. Аксаковы, Панаев и Щепкин на цыпочках покинули комнату: «Константин Аксаков, едва переводя дыхание, ходил кругом кабинета, как часовой, и при чьем-нибудь малейшем движении или слове повторял шепотом и махая руками: “Тсс! тсс! Николай Васильевич засыпает!”»^[1651]

Хозяева и гости в надежде и беспокойстве думали, согласится ли Гоголь что-нибудь прочесть? «У всех сердца бились, как они всегда бьются в ожидании необыкновенного события... Наконец Гоголь зевнул

громко»^[1652] и согласился прочесть первую главу «Мертвых душ». Читал он, как все признают, замечательно, у слушателей «мурашки пробежали по телу от удовольствия». Но вот Гоголь прекратил читать. Сергей Тимофеевич «в волнении прохаживался по комнате, подходил к Гоголю, жал его руки и значительно посматривал на всех нас... “Гениально, гениально!” – повторял он.

Глазки Константина Аксакова сверкали, он ударял кулаком о стол и говорил: “Гомерическая сила! гомерическая!”

Дамы восторгались, ахали, рассыпались в восклицаниях»^[1653].

Сергей Тимофеевич Аксаков рассказывал Пантелеймону Кулишу об одной затее Гоголя, предпринятой им из озорства, ведь он был «не лгун, а выдумщик». Николай Васильевич решил всем доказать, будто сможет путешествовать по Европе без паспорта. В то время Европа, а в особенности Италия и Германия, еще были покрыты сетью мелких государств, имевших, однако, свои пограничные посты и свои таможи. Обычно паспорта путешественников, исколесивших хотя бы несколько германских земель, были «измараны» пометками таможенных чиновников, но паспорт Гоголя был чист и бел. Когда путешественникам (а по Европе ездили еще в дилижансах) надо было предъявить паспорт, Гоголь брал на себя обязанность организатора: собирал со всех паспорта и приносил чиновнику. Свой паспорт оставлял у себя в кармане. Когда пометки были сделаны, Гоголь начинал разбирать паспорта и «вдруг восклицал: “Да где же мой паспорт? Я вам его отдал вместе с другими!”» Сконфуженные чиновники, разумеется, не могли найти паспорт. Тем временем возница объявлял, что пора ехать, Гоголя, извинившись, отпускали, и он продолжал свое путешествие с чистым паспортом^[1654].

Писатель Алексей Стороженко вспоминал, как они с Гоголем, в то время еще совсем молодые люди, однажды повздорили с крикливой и крайне экспансивной украинской женщиной. Молодые господа пошли через ее леваду и тут же встретили весьма неласковый прием. В разгар спора женщина позвала на подмогу мужа: «Остапе! <...> Бей их заступом». Неизвестно, чем бы всё это кончилось, но Гоголь, по словам Стороженко, «поступил как самый тонкий дипломат: всё обратил в шутку – настоящий Безбородко!». Гоголь развернул перед взором бедной крестьянки самые блестящие перспективы, которые будто бы ожидали ее сына. Вот возьмут того «в москаля» (здесь – в солдаты), станет он унтером, а потом и офицером, приедет к матери в бричке, запряженной тройкой лошадей и станет городничим в Ромнах: «Тут Гоголь с необыкновенной увлекательностью начал описывать привольное ее житье в Ромнах: как квартальные будут перед нею расталкивать народ, когда она войдет в церковь, как купцы будут угощать ее и подносить варенуху на серебряном подносе, низко кланяясь и величая сударыней матушкой». В конце концов, крестьянка поклонилась Гоголю, сказав: «Простите, паночку <...> я не знала, что

вы такие добрые паньичи. <...> Конечно, жена всегда глупее чоловіка и должна слушаться и повиноваться ему – так и в Святом Писании написано»^[1655]. Это «укрощение строптивой» – лишь один из множества примеров, не самый значимый, но весьма характерный.

Всем известен необыкновенный успех «Ревизора», одобренного самим императором Николаем I. Это очевидный исторический факт, не вызывающий сомнений. Историки любят время от времени проводить «переоценку ценностей», менять взгляд на царствование Николая, припоминая его честность, мужество, бескорыстие, несомненную и беззаветную любовь к родине. Но дурная слава его правления – не клевета, не вымысел либеральных историографов. От батюшки Павла Петровича Николай унаследовал представление, будто государь может вмешиваться и в частную жизнь подданных. Не пускать их за границу, как не пускали родственника и товарища Лермонтова, участника Кавказской войны Алексея Столыпина, которому император будто бы написал на прошении о выдачи заграничного паспорта: «Никогда, никуда»^[1656].

Петр Яковлевич Чаадаев за «Философическое письмо», как известно, был объявлен сумасшедшим, и еще легко отделался. Николай Иванович Надеждин, редактор «Телескопа», напечатавшего письмо, был сослан в далекий Усть-Сысольск, нынешний Сыктывкар.

Иван Сергеевич Тургенев за политические взгляды и за статью на смерть Гоголя просидел месяц под арестом и был сослан в собственное имение. Цензора, дозволившего напечатать «Записки охотника», уволили со службы и лишили пенсии.

Тарас Шевченко написал бесспорно оскорбительные для государя и государыни стихи, но наказание получил страшное и явно несопоставимое с виной: отправлен в Оренбургский край, в солдатскую службу, с особым запрещением писать и рисовать.

Иван Сергеевич Аксаков написал поэму «Бродяга» о беглом крепостном. Фрагменты ее решил напечатать славянофильский «Московский сборник». За эту публикацию «Московский сборник» запретили, а самого Аксакова сослали под надзор полиции, запретив ему представлять свои сочинения в цензуру, а значит, и печататься^[1657].

Гонения на славянофилов усилились в последние годы правления Николая. Борода и русское платье на дворянине считались тогда признаками вольнодумства и даже служили поводом для ареста.

Дело петрашевцев чуть было не лишило русскую литературу одного из величайших ее гениев. Молодой участник кружка Ф. М. Достоевский был приговорен вместе с другими к смертной казни, «за участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против Православной Церкви и Верховной Власти и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против Правительства». Оценим:

смертная казнь, замененная каторгой, за «участие в преступных замыслах» и «покушение к распространению».

Лермонтова за стихи, направленные не против России, не против государя, а лишь против «жадной толпой» стоящих у трона, против «света, завистливого и душного», арестовали. Доблестная служба на Кавказе (Лермонтова неоднократно представляли к наградам) ничуть не смягчила монаршего гнева. Прочитав «Героя нашего времени», царь заметил, что эта «жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность ее автора»^[1658]. Он нашел у Лермонтова «то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах»^[1659]. У Гоголя этого «преувеличенного изображения презренных характеров» царь, очевидно, не увидел. Между тем трудно найти в русской литературе пушкинского и гоголевского времени сочинение столь же резкое и гениально-злое, направленное как будто против всей системы государственного и общественного устройства, как «Ревизор». Всё было осмеяно, и при том осмеяно так, что и нельзя было не смеяться. И что же?

На премьеру «Ревизора» в Александринском театре пришел сам Николай Павлович с наследником, будущим царем Александром II: «Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души»^[1660]. На премьере присутствовали и министр финансов граф Канкрин, и военный министр Чернышев, и Павел Киселев, член Государственного совета, будущий министр государственных имуществ. Если верить Смирновой-Россет, присутствовал в зрительном зале и министр иностранных дел граф Нессельроде^[1661]. Кажется, более всех был доволен император.

Гоголь «по Высочайшему повелению» получил в награду перстень ценой в 800 рублей, такие же перстни получили ведущие актеры^[1662]. Это было только началом. Со временем Гоголь стал писать мало, поэтому доходы его были невелики. От имения и всех его доходов бескорыстный Гоголь отказался в пользу сестер. И хотя вел он жизнь самую скромную, он много путешествовал, а потому нуждался в средствах. И денежная помощь приходит от государя. Если для Пушкина царь был цензором, то для Гоголя стал меценатом.

Уже в 1837 году император в ответ на просьбу Гоголя о помощи «для бедного поэта» велит отправить ему 500 червонцев, то есть более 5 000 рублей ассигнациями^[1663]. В 1842-м попечитель Московского учебного округа граф Сергей Григорьевич Строганов написал Бенкендорфу о бедственном положении Гоголя, который «умирает с голоду и впал в отчаяние» (что было большим преувеличением). Бенкендорф предложил выплатить Гоголю единовременно 500 рублей серебром и сообщил об этом в докладе императору. Император распорядился выплатить эти деньги^[1664].

В марте 1842 года Гоголь был в Москве, но собирался в Рим. Денег на жизнь в Европе не хватало, но он похвастался маменьке, Марии Ивановне, будто государь велел причислить его «к нашему посольству в Риме». Там Николай Васильевич рассчитывал получать жалование^[1665]. Интересно, за что?

В 1845-м благодаря хлопотам Смирновой-Россет Гоголь получил еще одно государственное пособие – 3 000 рублей серебром, которые были ему выплачены в течение трех лет (по 1 000 в год)^[1666]. Не слишком много, но отметим разницу. Чрезмерно критический, с точки зрения власти, взгляд на Россию дорого обошелся Лермонтову, Тургеневу, Аксакову, Шевченко. Гоголь был беспощаднее всех, исключая только Шевченко, но вместо арестов и ссылок получал государственные пособия, на которые жил многие годы^[1667].

В январе 1847 года Гоголь собрался в Палестину, к Святым местам, и обратился за необходимым паспортом. Государь император повелел (через начальника своей военно-походной канцелярии графа Адлерберга) посольству в Константинополе и русским консульствам в турецких владениях «дабы Г-ну Гоголю было оказываемо с их стороны всевозможное покровительство и попечение». Сверх того, император повелел министру иностранных дел графу Нессельроде снабдить Гоголя «еще и рекомендательными письмами от Вашего Сиятельства»^[1668].

Царь благоволил, пожалуй, к самому суровому критику России и русских.

Впрочем, и большая часть русской читающей публики не могла заподозрить его в чем-то дурном, враждебном России или русскому народу. Не заметили даже «проклятых кацапов» и «нечестивый язык» москаля. Тем более приняли и его драматургию^[1669], и «великорусскую прозу». Зрители «Ревизора» и читатели первого тома «Мертвых душ» «приходили в совершенный восторг»^[1670]. Константин Аксаков в своей статье «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» соединял тонкие наблюдения с самыми наивными умозаключениями: «Гоголь русский, вполне русский, и это наиболее видно в его поэме»^[1671], – писал Константин Сергеевич и завершал статью прекрасным, полным самой высокой патетики, гимном русской песне, песне великорусской! Той самой песне, которую Гоголь, если верить Богдану Залескому, называл песней «финской» и «каннибальской».

С. П. Шевырев на страницах «Москвитянина» старался предупредить самые сомнения в Гоголе: «Да не подумают читатели, чтоб мы в чем-нибудь обвиняли Гоголя! Избави нас боже от такой мысли или, лучше, такого чувства! Гоголь любит Русь, знает и отгадывает ее творческим чувством лучше многих...»^[1672] Статьи Шевырева в «Москвитянине» задали целое направление в гоголеведении. Гоголь-реалист и обличитель крепостнической России,

создатель «типичных представителей» и оптимист, веривший в будущее России и русского народа, – этот образ писателя, столь известный в советское время, тиражированный школьными программами и даже запечатленный скульптором Николаем Томским в бронзе, первоначально создан даже не Белинским, а именно Шевыревым.

Но и в XIX веке взгляд Шевырева был широко распространен. Сам Гоголь был чрезвычайно доволен, благодарил критика за статьи, в которых «дышит такая чистая любовь к искусству». «Я много освежился душой по прочтении твоих статей и ощутил в себе прибавившуюся силу»^[1673], – писал он Шевыреву в ноябре 1842 года.

Может быть, Николай Васильевич был искренен, а может быть, и нет. Даже самым близким людям Гоголь казался скрытным. «Полной искренности» не признавали в нем даже старые друзья, такие как А. С. Данилевский^[1674].

Обратим внимание на особенности писем Гоголя. Гоголь не вел дневника, не оставил по себе мемуары, так что его письма – источник важнейший, бесценный. Другое дело, что надо помнить про обстоятельства их создания, учитывать, кому, что и когда писал Гоголь. Николай Васильевич даже объяснял Сергею Тимофеевичу Аксакову и его ученому, но несколько непрактичному сыну Константину Сергеевичу, что «в жизни необходима *змеиная мудрость* (курсив С. Т. Аксакова. – С. Б.) <...> не надобно сказывать иногда никому не нужную правду и приводить тем людей в хлопоты и затруднения»^[1675].

Обращаясь к украинцу Максимовичу, Гоголь мог мимоходом бросить презрительную фразу о «кацапии», о «толстой бабе» Москве, «от которой, кроме щей да матерщины, ничего не услышишь»^[1676]. Впрочем, такие эпитеты проникали и в его сочинения. 10 марта 1836 года Цензурный комитет постановил убрать из статьи Гоголя «Петербург и Москва» слова: «Какая она (Москва) нечесаная»^[1677]. Зато русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, хозяина знаменитого московского литературного салона, отца двух известных русских славянофилов – Ивана и Константина, Гоголь обещает прижать к своей «русской груди»^[1678].

В переписке с Николаем Прокоповичем, товарищем по учебе в Нежинской гимназии, малоизвестным поэтом, простым учителем словесности, Гоголь мог быть откровеннее, чем в письмах к русскому ученому Михаилу Погодину, в которых писал, как любит «неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства»^[1679]. Но не зря же Погодин жаловался С. Т. Аксакову на «капризность», «скрытность», «неискренность» и даже на «ложь» Гоголя^[1680].

Погодин, кажется, имел основания для таких жалоб. Письмо отправлено 30 марта 1837 года из Рима, где Гоголь снимал тогда небольшую квартиру. Снимал не один, а совместно с Иваном Федоровичем Золотаревым, выпускником Дерптского университета,

будущим русским офицером. Тот был, видимо, человеком настроенным патриотически. Впоследствии он будет принимать участие в деятельности Славянских комитетов и даже возглавит один из них. С Гоголем они познакомились еще в 1836 году, когда отправились за границу на одном пароходе. Два года Золотарев жил рядом с великим писателем. Если верить Ивану Федоровичу, «по убеждениям своим Гоголь был чисто русский человек, а не малоросс, каким его желают представить. <...> писатель горячо любил именно Россию, а не Малороссию»^[1681].

Всё было бы замечательно, если только не забывать и другой факт. 1837-1838 годы в биографии Гоголя – это хорошо известный его биографам «католический эпизод». Гоголь посещает католические храмы, дружит с княгиней Зинаидой Волконской, ревностной католичкой, ведет долгие беседы с польскими ксёндзами – Иеронимом Кайсевичем и Петром Семененко. Благодаря письмам Семененко к Богдану Яньскому мы кое-что знаем о содержании этих бесед. Золотарев, Аксаковы и даже Погодин немало бы изумились, послушай они хоть часть этих польско-малороссийских разговоров.

12 мая 1838 года, Рим: «С Божьего соизволения, мы с Гоголем очень хорошо столковались. Удивительно: он признал, что Россия – это розга, которую отец наказывает ребенка, чтобы потом ее сломать. И много-много других очень утешительных речей»^[1682].

25 мая 1838 года, Рим: «Занимается Гоголь русской историей. В этой области у него очень светлые мысли. Он хорошо видит, что нет цемента, который бы связывал эту безобразную громадину. Сверху давит сила, но нет внутри духа»^[1683].

Волконская и ксёндзы были бы рады обратить в католичество первого русского писателя. Слухи о возможном переходе Гоголя в католичество достигли и России, очень встревожив Марию Ивановну Гоголь. Сын поспешил ее успокоить, заметив, что «религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую»^[1684].

Гоголь не только не перешел в католичество, но даже вызвал гнев княгини Волконской и, очевидно, разорвал связи с католическим миром. В июне 1839 года на вилле Волконской умирал от чахотки друг Гоголя, граф Иосиф Виельгорский. Княгиня хотела хотя бы перед смертью обратить его в католичество, но Гоголь привел к умирающему другу православного священника, который исповедовал и причастил Виельгорского^[1685].

Русский поворот

В последние годы жизни Гоголь нечасто бывал на родине: «...меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать»^[1686], – предупреждал он мать и сестер, которые так надеялись его увидеть. После новой редакции «Тараса Бульбы» он почти не возвращается и к родным малороссийским сюжетам. Из его «тетрадей и записных книжек исчезает всё, что касается Малороссии»^[1687], – замечает Игорь Золотусский. Это не означает, будто Гоголь разлюбил родину или начал ее забывать.

Украинский литературовед Юрий Барабаш утверждает, будто в сороковые годы у Гоголя «на смену идее вольности – главной идеи украинской истории – приходят идеи самодержавной государственности, имперскости, российского мессианизма, когда гоголевское украинство перерождается в “малороссийство”»^[1688]. Но термин «малороссийство» здесь вовсе не уместен. В гоголевское время Украина и Малороссия – синонимы. Только со второй половины XIX века благодаря деятельности убежденных сторонников Российской империи вроде Кулжинского и Юзефовича «малороссийство» обретает новый смысл. «Малороссом» теперь будет считаться человек, преданный Российской империи и русскому народу, но сохранивший привязанность к некоторым этнографическим особенностям родного края: к борщу, галушкам, в лучшем случае – и к народным песням. Но даже мову такой малороссиянин должен забыть, сохранив лишь акцент или особый, уже не украинский, а просто южнорусский говор с фрикативным «г».

В глазах сознательного украинца такое «малороссиянство» – «уникальный по своему уродству ублюдок», символ «национального пораженчества»^[1689]. Нечего и говорить, что Гоголь даже в последние годы жизни был бесконечно далек от такого «малороссиянства».

Григорий Галаган, богатый украинский помещик, с удивлением замечал: Гоголь избегает разговоров о Малороссии. Только однажды заметил: «Я бы, кажется, не мог там жить, мне было бы жалко, и я бы слишком страдал»^[1690]. Эти слова перекликаются с известными строками из письма Тараса Шевченко к Якову Кухаренко от 31 января 1843 года: «...в Малороссию не поеду, цур ей! Потому что там, кроме плача, ничего не услышу»^[1691]. В этих словах печаль о родной стране, у которой, как, вероятно, казалось Гоголю, нет особого, отдельного от России будущего.

Гоголь приехал в Петербург не за одной лишь карьерой и славой. Сохранилось одно интересное свидетельство малороссийского патриотизма Гоголя. Оно принадлежит перу Василия Яковлевича Ломиковского, полтавского помещика, известного любителя и собирателя украинских древностей, составителя «Словаря малорусской старины»^[1692]. Из письма Ломиковского Ивану Романовичу Мартосу, бывшему кабинет-секретарю гетмана Разумовского, от 9 января 1830 года узнаем, что юный Николай Гоголь собирался «исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей»^[1693]. Сведения о таких планах Николая Васильевича Ломиковский мог получить только от Марии

Ивановны. Правда, она была фантазеркой, но фантазером был и ее сын. Избавить Малороссию от податей – это вернуть ее ко временам Гетманщины. И не к правлению Апостола или Разумовского, а чуть ли не в Мазепино время, когда Гетманщина податей не платила. В Петербурге Гоголь должен был осознать, что у этого плана нет будущего.

Грушевский списывал «русский поворот» Гоголя на влияние окружения. После первого отъезда в Петербург Гоголя окружали преимущественно русские люди, он оказался в стороне от становления украинской интеллектуальной жизни, центром которой в тридцатые года XIX века был Харьков, а в сороковые – Киев. Если б Гоголь уехал в Харьков, если бы надолго задержался в Киеве, свел знакомство не с Аксаковыми, Погодиным, Виельгорскими, Строгановым, Толстым, а с Костомаровым, Метлинским, Кулишем, если бы состоялась встреча двух величайших гениев Украины – Гоголя и Шевченко, литературная судьба Гоголя сложилась бы по-другому. Может быть, вместо классика русской литературы появился бы классик литературы украинской или Гоголь стал бы писателем двух славянских литератур...

Как ни удивительно, предшественником Грушевского был Сергей Тимофеевич Аксаков. Пробудившееся в Гоголе чувство – любовь к России – он приписывал влиянию своего сына Константина. Русский славянофил «постоянно объяснял Гоголю, со всею пылкостью своих глубоких святых убеждений, всё значение, весь смысл русского народа»^[1694]. И Гоголь якобы поддался убеждениям. Константин Аксаков писал в своей статье-рецензии на «Мертвые души»: «...содержание Руси, всей Руси занимает его, и вся она, как одно исполинское целое, колоссально является ему»^[1695]. Занимает. Но не влиянием Аксаковых или Виельгорских вызван был этот интерес?

Николай Полевой, последовательный критик Гоголя, писал, будто малороссиянин – человек прошлого. Малороссия завоевана великороссами, как Ирландия завоевана англичанами. Будущее – ассимиляция. Поэтому остается лишь вспоминать былое. А великоросс – человек настоящего времени, в его руках историческая судьба великой страны, им же и созданной. Этот взгляд был если не всеобщим, то чрезвычайно распространенным. Он не мог не повлиять и на Гоголя.

Гоголь согласился с исторической неизбежностью триумфа России, российской империи и великорусского народа. И русского языка, конечно. С этим до Шевченко, кажется, украинцы и не решались спорить. Лишь автор «Гайдамаков» с отчаянным упорством будет писать:

Ви розумні люде –
А я дурень; один собі
У моїй хатині
Заспіваю, зарідаю,
Як мала дитина^[1696].

Вы разумны, а я глупый...
И я вас не знаю.
Я один в родимой хате
Запою украдкой,
Запою про то, что люблю,
И заплачу сладко.

(Перевод А. Твардовского) ^[1697]

Казалось, что великому кобзарю только и остается, что плакать, вспоминая славное прошлое своей родины и понимая, что никогда оно не вернется. Но оно вернулось. Сначала – только в стихах, в творческой фантазии поэта.

...розвернулась
Висока могила,
Аж до моря запорожці
Степ широкий вкрили.

<...>

Пишними рядами
Виступають отамани,
Сотники з панами
І гетьмани – всі в золоті,
У мою хатину
Прийшли, сіли коло мене
І про Україну
Розмовляють, розказують... ^[1698]

Вот раскрылись, развернулись
Курганы глухие.
И покрыли степь до моря
Казачьи лихие.

<...>

В жупанах богатых
Идут, идут атаманы
С гетманами в хату.
Входят разом в мою хату
Ради доброй встречи
И со мной про Украину
Начинают речи.

(Перевод А. Твардовского)^[1699]

Гоголь застанет начало украинского национального возрождения. Но когда вышли из печати «Кобзарь» и «Гайдамаки», Гоголь, хотя и прочитал их, явно не предвидел той роли, какую они сыграют в судьбе украинского народа. Грамотные малороссы уже переписывали «Кобзаря» и «Гайдамаков» в альбомы и тетрадки, но Гоголь жил в другой реальности.

Итак, настоящее и будущее за Россией, за русским народом. Не в Полтаве, книг почти не читавшей, и даже не в культурном Харькове, а в Петербурге появились «Вечера», «Миргород», «Арабески». Столичная сцена принесла автору «Ревизора» невиданную славу. И Гоголь, хорошо зная украинскую мову, предпочел именно русский язык, язык Пушкина и Жуковского, и связал себя с Россией навсегда.

О России Гоголь говорил всё чаще и охотнее, говорил «с любовью, интересом, часто с юмором; выставлял светлые стороны Русского народа и скорбел о темных сторонах нашего отечества»^[1700]. Не уверен, что с любовью, но с интересом – безусловно.

Как известно, «Мертвые души» задуманы еще в счастливом для Гоголя 1835-м, когда вышли «Арабески» и «Миргород». Получивший славу певца Малороссии, Гоголь намеревался «показать хотя с одного боку всю Русь»^[1701].

По словам Смирновой-Россет, «Гоголь смотрел на “Мертвые души”, как на что-то, что лежало вне его, где должен был раскрыть тайны, ему заповеданные»^[1702]. Этими тайнами были Россия и русский человек.

10 января 1848 года, когда первый том «Мертвых душ» был уже прочитан и перечитан русскими читателями, а Гоголя еще не оставила надежда на второй том, он писал Жуковскому: «Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья* (курсив Н. В. Гоголя. – С. Б.), в котором бы предстало всё, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы»^[1703].

Работая над первым и в особенности над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь собирает материалы о России и русских: записывает пословицы и поговорки, обычаи и приметы, интересуется старинной русской иконописью и архитектурой русских храмов, историей и настоящим русских городов – Костромы, Владимира^[1704]. Он стремился узнать, что растет в русском лесу. Какие там поют птицы? Какие птицы живут у реки? Как ведет хозяйство русский крестьянин, сколько у него скота? Чем торгуют на нижегородской ярмарке? Что носят простые русские люди? Выписывает значение слов «шуба», «однорядка», «опашень», «зипун». Наконец, составляет для себя словарь неизвестных ему русских слов. Если в юности он составлял «Лексикон Малороссийский», то теперь берется за великороссийский.

Рыбник – пирог с рыбою.

Калинник – с калиною.

Заваруха – саламата.

Затируха – затертое.

<...>

Битый коровай – кладется масло, мука, яйца.

Шанишки – род вотрушки, немного меньше.

Зеленая каша из аржаной муки, зелена.

<...>

Сквалыга – скупердяй.

Монах – штоф с водкой.

Ториться – толкаться, болтаться.

Торная дорога – битая дорога; откуда: простор, расторопный^[1705].

«Я знаю Русь» – говорит герой Достоевского, списанный, кажется, именно с Гоголя. А знал он Русь?

Набоков в своей знаменитой лекции о Гоголе утверждал, будто гоголевские герои не имеют вовсе ничего общего с реальностью. Они порождение его фантазии, а не отражение реальности современной ему России.

Задолго до Набокова, в начале XX века, историк литературы С. А. Венгеров заключит: «...Гоголь совсем не знал русской действительности»^[1706]. Гоголь никогда не видел настоящей России, Великороссии, не знал и не мог знать жизни русской провинции.

В самом деле, Гоголь жил в Петербурге, в Москве, несколько лет провел в Европе. Русские деревни и сёла, губернские, уездные, заштатные города он лишь проезжал по пути из столицы в Малороссию или из Малороссии в столицу. Проезжал, не останавливаясь нигде более чем на неделю.

Булгарин писал, что Гоголь вообще никогда не знал и не изучал «национальной природы» русских, а «описывал везде и всегда Малороссию и Малороссиян»^[1707]. Оценка, что и говорить, дана не самым авторитетным экспертом. Булгарин Гоголя терпеть не мог. Но вот профессор Плетнев, хорошо знавший Гоголя, пишет С. Т. Аксакову, что Гоголь «по долговременному из нее отсутствию» России «совсем не знает»^[1708]. Славянофил Чижев высоко оценил «Мертвые души», но заметил: Гоголь «не так знает Россию, как Малороссию...»^[1709]

Впрочем, откликов на «Мертвые души» было множество, и «трудно найти двух людей, которые говорили бы» о них одно и то же^[1710]. Шевырев и Языков были убеждены в достоверности всего описанного Гоголем. Их можно понять. Великий писатель сам создает собственный мир, создает героев, которые сходят со страниц его книги в реальный мир. Не Гоголь списывал с натуры Ноздревых, Плюшкиных, Собакевичей, а сами читатели под впечатлением от «Мертвых душ» начали искать вокруг Ноздревых, Плюшкиных, Собакевичей.

Между тем А. Н. Островский верно заметил, что Плюшкин, Собакевич, Хлестаков – «всё это не столько русские типы данного времени, сколько вечные образцы общечеловеческих страстей и характеров»^[1711]. Так что они не больше русские типы, чем Гобсек или отец Горио – французские.

Другое дело, что фантазия Гоголя, при всей уникальности и загадочности, – явление нашего мира. Окружающий мир и на нее оказывал определенное влияние. Могли повлиять на автора «Мертвых душ» и национальные стереотипы, как русские, так и, в большей степени, украинские, малороссийские. Не случайно же Гоголь сделал своим героем Чичикова, воплотившего именно те черты русского национального характера, что бросались в глаза украинцам гоголевского времени.

Чичиков как москаль

Герой рассказа Шукшина Роман Звягин, колхозный механизатор, однажды прислушался к словам сына, зубрившего гоголевскую «Русь-тройку» – знаменитый финал первого тома «Мертвых душ». Его десятилетиями читали и заучивали наизусть. Роман задумался над словами Гоголя и с ужасом понял страшную, не уместившуюся в сознание истину:

«“А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова...” Роман даже привстал в изумлении... Прошелся по горнице. Точно, Чичикова везут. Этого хмыря везут, который мертвые души скупал, ездил по краю. Ёлкина мать!.. вот так троечка! <...> Русь-тройка, всё гремит, всё заливается, а в тройке – прохиндей, шулер...»^[1712]

Потрясен герой. Очевидно, потрясен и автор внезапной догадкой: «Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым шапки все снимают?»^[1713]

Не то чтобы мысль была такой уж новой. Кто только не обращал внимание на парадокс гоголевской тройки: и Мережковский, и Овсянико-Куликовский. Но, скажем, для Мережковского Чичиков – один из «героев нашего времени», дитя меркантильного XIX века^[1714]. Шукшин, с его тонким эстетическим чувством и некоторой наивностью, не испорченный излишними познаниями в литературоведении, идет к цели кратчайшей дорогой. Сразу берёт быка за рога. В самом деле, если тройка – это Русь, то везет тройка русского человека. Но для Шукшина идеальный русский человек – это Стенька Разин, борец за волю, сильный, благородный, свободный человек. А Чичиков – мошенник. Ну, пусть даже не мошенник, а «хозяин», «приобретатель». Но неужели его везет Русь-тройка? Это всё равно, как если б она везла,

скажем, шукшинского Аристарха Петровича Кузькина из пьесы «Энергичные люди». Немыслимо! «Остановился, пораженный чудом...»

Между тем такой русский герой, как Чичиков, появился не случайно. И не случайно его придумал природный малороссиянин, украинец.

В те времена, когда русские воеводы Барятинский и Чаадаев сжигали местечко Гоголев (Гоголево), москаль был настоящим «кацапом», то есть головорезом, свирепым и безжалостным воином. Но этот образ давно ушел в прошлое. В гоголевское время москаль – это плут, жулик, мошенник. Свою воинскую доблесть русские демонстрировали далеко за пределами Украины – на Балканах или на Кавказе. Русский человек на Украине, да и по всей России, занимался делами совсем другого рода. Копил копейку.

Русский этнограф Вадим Пассек отмечал совершенно различный взгляд на мир у русских и украинских крестьян. Малороссиянин на последний рубль покупал наряды своей жене или, еще лучше, старался прогулять этот рубль с друзьями, в то время как трудолюбивый и экономный русский крестьянин готов был годами жить в нищете, но копить и копить деньги. Пассек знал мужиков, располагавших капиталом в 10 000 рублей и более (очень большие деньги для тридцатых годов XIX века), хотя одевались эти русские гобсеки и гарпагоны даже хуже соседей-бедняков^[1715].

Мошенник-москаль, хитрый, пронырливый москаль, именно в гоголевское время был узнаваемым образом. В ежегодных отчетах воронежских губернаторов, которые изучал современный российский историк Михаил Долбилов, встречались и сентенции о народном характере. Эту тему особенно любили просвещенные губернаторы, располагавшие, возможно, и данными этнографов: «Малороссам всегда отводится роль чистеньких, аккуратненьких, веселеньких, но ленивых людей, а великороссам – смекалистых, пройдошливых, предприимчивых...»^[1716] – замечает историк. Воронежская губерния охватывала земли русско-украинского пограничья.

В отличие от украинцев, флегматичных и степенных, оборотистые москали гоголевского времени были замечательными торговцами, прижимистыми, хитрыми и всегда умевшими заработать. Герой Шевченко с неприязнью говорит о русских хозяевах, что за тарелку постных щей возьмут полтину серебра^[1717].

Герой романа Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» останавливается на постоялом дворе в Туле. Хозяин его угощает, всячески ублажает, а малороссиянин восхищается неожиданным гостеприимством москаля. Пану и в голову не приходит, что за услуги надо платить. Наконец подают счет:

«Не понимая, в чем дело, я взял и думал, что он поднес какие похвальные стихи в честь мне, потому что бумага исписана была стихотворною манерою, то есть неполными строками, как,

присматриваясь, читаю: за квартиру... за самовар... за калачи... и пошло – всё за... за... за... <...>

– Что это такое, мой любезный хозяин? – спросил я, свертывая бумагу, всё еще почитая ее вздорною.

– Ничего, батюшка! – отвечал он, потряхивая головою, чтобы уравнивать свои кудри, спадающие ему на лоб. – Ничего-с. Это махонький счетец, в силу коего получить с милости вашей... <...> Семьдесят шесть рублей и шестьдесят две копейки, – сказал так же меланхолично гостеприимный хозяин, поглаживая уже бороду свою». Возмущенный малороссиянин, в конце концов заплатив по счету, выговаривает хозяину:

«Слушай ты, москаль, рыжая борода! У нас так не делают. Вы хоть и говорите, что мы хохлы, и еще безмозглые, да только мы проезжего не обижаем и не грабим, как ты...»^[1718]

Надо сказать, что этот национальный стереотип в какой-то степени соответствовал реальности. Иван Сергеевич Аксаков, не имевший оснований хулить соотечественников, возмущался корыстолюбием курских крестьян. Тем более не жалел русский торговый человек украинца: «...я часто вижу, как издевается он над честностью малоросса, которая кажется ему просто глупостью, и как жестоко обдувает их»^[1719]. Он обманывает малоросса, и совесть не мучает его. Лучшим оправданием, которое снимает всякие сомнения, служат такие слова: «Нельзя, батюшка, дело торговое!» И русский славянофил вынужден сделать такое заключение: «Необычайно умен и великая скотина русский торговый человек!»^[1720]

Позднее Николай Лесков в посвященном Гоголю рассказе «Путимец» воспроизвел просто хрестоматийный (с точки зрения не русского, а именно украинца того времени!) образ «кацапа», русского торгового мужика-мироеда, и процитировал даже пословицы о хитрости и пронырливости русских людей, причем как украинские, так и русские.

Вот русская поговорка: «Кого наши не надуют!»

А вот украинская: «...вони мертве теля – и те надувають»^[1721]. То есть надуют даже мертвого теленка.

«Вечер накануне Ивана Купалы» знакомит читателя еще с одним малороссийским выражением, видимо, широко распространенным в гоголевское время. Повествователь, дьячок Фома Григорьевич, вспоминает, как «чудно» умел рассказывать его дед: «Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет *москаля везть*, да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку, да из хаты»^[1722]. Сам же Гоголь и пояснил: «москаля везть – то есть лгать, обманывать». Этнограф Павел Чубинский в одной из экспедиций даже записал украинскую народную песню, где были такие слова: «Да не гуляй, молода дівчино, з москалями; // Москальчики – обманщики, вони обманять...»^[1723]

Вспомним, что москаль в украинских пословицах сродни чёрту. Более того, он превосходит и самого чёрта (см. главу «Москали»).

Не зря писал Гоголь, что «характер русского несравненно тонее и хитрее, чем жителей всей Европы. Всякой из них, несмотря на самое тонкое остроумие, даже италианец, простодушнее. Но Русский всякий, даже не умный, может так притвориться, что (проведет всех) и одурачит другого»^[1724].

Такой образ жизни и образ мысли приносил русским людям удачу в торговых делах. В 1853–1859 годах Иван Аксаков по заданию Императорского Русского Географического общества провел серьезное исследование. Оно посвящено торговле на украинских ярмарках. Эту работу современники оценили чрезвычайно высоко. Ученый получил за нее награды от Географического общества и Академии наук, а Добролюбов на страницах «Современника» заметил, что Аксаков обогатил Россию на шестьдесят миллионов^[1725]. В числе прочего, Иван Сергеевич пришел к интересному выводу. Оказывается, все сколько-нибудь богатые торговцы украинских городов происходят из «Калуги, Ельца, Тулы и других чисто великорусских мест»^[1726]. Постоялыми дворами даже на Полтавщине владели русские^[1727].

Однако «русский торговый человек» не нравился даже Ивану Аксакову, московскому славянофилу, который, заметим, и сам со временем научится отлично вести дела и уже в шестидесятые годы, оставив на время политику и публицистику, сумеет сколотить собственный капитал. Тем более не мог русский-москаль понравиться Гоголю, природному малороссиянину, но убежденному в особой миссии именно русского народа. Однако человеческая природа поддается исправлению. «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму, – утверждал Гоголь, – еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя всё, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней»^[1728].

Обратим внимание, что интерес Гоголя к России, русскому (великороссийскому) народу совпадает с усилением у Гоголя религиозного чувства, погружением в мистицизм, а затем и в почти монашескую жизнь. Веселый и остроумный человек становился мистиком, постником, аскетом. Об этой перемене в Гоголе написано много. Духовный путь великого писателя – тема деликатная и в общем-то далекая от темы нашей книги. Нас интересует сейчас только национальный аспект этой перемены.

Литературовед и критик Павел Анненков в письме к издателю Михаилу Стасюлевичу от 27 октября 1874 года, вспоминая Гоголя, с которым был знаком много лет, заметил, что Николай Васильевич в молодости «был совсем свободным (от мистицизма) человеком». Перемена в нем случилась в то время, «когда успехи его внушили ему идею об особенном его призвании на Руси, не просто литературном, а

реформаторском. Тогда он и заговорил с друзьями языком ветхозаветного пророка»^[1729]. Бескорыстный, но по-своему тщеславный писатель взял на себя некую великую миссию. Не просто «показать с одного боку Русь» стремился он, но изменить, преобразить ее. И Русь сама ждет его, ждет как наставника, как избавителя, как пророка: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..»^[1730]

Пожалуй, такого сам император Николай I не решился бы о себе написать.

Маленькая трагедия

Великой трагедии Гоголя, заблудившегося между двумя славянскими нациями, двумя роскошными языками, двумя культурами, предшествовала «маленькая трагедия».

«Удивительно, какая у него была нежная заботливость о нас»^[1731], – вспоминала брата Анна Гоголь. Ей вторили сестры Лиза и Ольга. Слабее в этом хоре обожания голос старшей сестры, Марии. Ее и Николая Васильевича разделяли только два года. Она помнила его некрасивым, болезненным мальчиком и долго хранила сердечную привязанность к нему. «Меня очень утешило любезное письмо моего дражайшего братца»^[1732], – сообщала она матери из пансиона госпожи Арендт весной 1827 года. Но никогда Мария не смотрела на брата снизу вверх. Иное – младшие сестры. Николай Васильевич был старше Анны, Лизы и Ольги на двенадцать, четырнадцать и шестнадцать лет соответственно. Они были совсем маленькими, когда Гоголь учился в Нежине, служил недолго в Петербурге, наконец, стал известным писателем. Его редкие приезды в родительский дом были для девочек праздником. Осенью 1832 года Николай Васильевич повез Анну и Лизу в Петербург, чтобы определить в Патриотический институт. «Так молод и так заботился о нас, как мать»^[1733], – вспоминала Елизавета Гоголь. Неожданное о молодом, двадцати трех лет, человеке замечание: «как мать». На самом деле очень точное. Да, поехала с девочками горничная Матрена, но деревенская женщина в дороге, а потом в столичном городе была бы без распоряжений молодого барина совершенно беспомощной. А ведь девочкам пришлось до зачисления в институт около месяца прожить на квартире у брата. Николай Васильевич не только занимался с сестрами историей, географией и русской грамматикой, он их отвлекал и развлекал (сестры капризничали, ссорились и очень часто плакали), покупал для них одежду, игрушки, конфеты (как тогда произносили), орехи и сливы в сахаре, водил в театр, в зверинец. Позднее, из Италии, писал им в институт письма, очень познавательные: описывал

достопримечательности Рима, итальянские праздники. Перед выходом сестер из института Гоголь купил для них платья, шляпки, белье, платки, булавки и прочие мелочи. В Москве поселил их в доме профессора Погодина, ввел в круг московских литераторов. Сестры Гоголя «почти каждый день на вечерах в лучшем обществе и везде за ними чрезвычайно ухаживают и стараются занять их»^[1734], – писала Вера Аксакова.

В то время Гоголь считал, что в Малороссии у сестер нет достойного будущего, хотел устроить их жизнь в Москве, но они, сначала Анна, а через два года и Лиза, вернулись в родной дом. Гоголь собирался и Ольгу устроить в Патриотический институт, однако из-за болезни и недосмотра взрослых девочка почти полностью лишилась слуха, потому смогла получить лишь домашнее образование.

К 1842 году все четыре сестры оказались в Васильевке: три барышни на выданье и овдовевшая в двадцать четыре года Мария. Конечно, скучали, томились, мечтали о замужестве. И вот начинается история комическая или по крайней мере трагикомическая, если смотреть на нее со стороны да еще и через полтора века.

Иначе виделась она сестрам. Неожиданно для них Гоголь превратился из любящего, заботливого брата в строгого проповедника, аскета, почти монаха. «Он желал, чтобы сестры не выходили замуж и устроить вроде монастыря или странноприимного дома»^[1735], – вспоминала Анна Гоголь. Николай Васильевич жил тогда за границей (то в Италии, то в Германии), сестры – в Малороссии, поэтому драма развернулась на бумаге, в письмах. На письма Николая Васильевича, строгие и назидательные, сестры отвечали оправданиями. «Даже со страхом мы распечатываем письмо». Прежде «удовольствие было ему писать, а теперь <...> надо взвесить каждое слово, не будет ли оно пустяк»^[1736], – жаловалась Лиза Гоголь в письме к Вере Аксаковой.

И все-таки получалось эмоционально, сумбурно. Расстояние от Рима до Васильевки и время на пересылку корреспонденции не могли ослабить накала страстей. Весной 1843 года из Рима Гоголь прислал сестрам письмо, которому придавал значение огромное. Кажется, несоразмерное его тексту. Это была многословная проповедь христианского долга. Гоголь велел каждой из сестер снять копию с его письма, перечитывать, вникая в смысл: «Прочитавши один раз письмо это, пусть не думает никто, что он уже понял смысл его совершенно. Нет, пусть дождется более душевной минуты, прочтет и перечтет его. Всего лучше пусть каждая прочтет его во время говенья, за несколько часов перед исповедью, когда уясняются лучше наши очи»^[1737].

Надо полагать, сестры долго вникали в смысл. Следующее письмо (по поводу их ответа) Гоголь отправит через полгода из Дюссельдорфа. Он изумлен, он ни в чем не обвинял сестер, хотел лишь дать добрые советы. Очевидно, сестры еще не готовы воспринять их: «...оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о нем даже между собою

до самого Великого поста. Но зато дайте мне все слово во всё продолжение первой недели Великого поста (мне бы хотелось, чтобы вы говели на первой неделе) читать мое письмо, перечитывая всякий день по одному разу и входя в точный смысл его, который не может быть доступен с первого разу»^[1738].

Через некоторое время Гоголь перешел к практическим рекомендациям. Велел сестрам разделить деревню на равные части, обойти все избы, задавая крестьянам следующие вопросы: «Расспросите их каждого, во-первых, о нем самом, потом у него же о соседях, которые его окружают, и какого они рода. Мужа расспросите о жене, жену расспросите о муже. Обоих их расспросите о их детях. Потом расспросите об этой же семье у соседей. Таким только образом вы узнаете, что такое человек, а без того не узнаете. <...> И боже вас сохрани наврать что-нибудь от себя. Дело это святое...»^[1739]

Невозможно узнать в этом тексте великого писателя, да и просто любящего брата. Скорее его сочиняет какой-то гоголевский герой. Или даже два героя – так неожиданно соединяются полицейская дотошность с маниловской мечтательностью: «И когда таким образом я узнаю совершенно всё, т. е. все стороны дел, тогда только я сделаю свои распоряжения и дам советы, и вы увидите, что я отсюда, издалека буду управляться лучше вас, хотя вы стоите лицом и даже носом к вещам»^[1740]. Но и Манилову не пришло бы в голову управлять малороссийской деревней из Рима или Карлсбада. Разумеется, из этой гоголевской затеи ничего не вышло.

Не только читающая Россия в большинстве своем не приняла Гоголя-проповедника, но даже его родные сестры не поняли и не приняли. Живая жизнь не подчинялась отвлеченной идее, сопротивлялась и развивалась по своим законам. Мария так болезненно воспринимала нравоучения брата, что перестала отвечать на его письма. Она умерла в 1844 году от чахотки, тридцати трех лет. Анна замуж не вышла, но жила не в монастыре, как хотелось брату, а в собственном доме в Полтаве. Она переписывалась с биографами Гоголя, с художниками, помогала воспитывать детей рано умершей Лизы. Лиза вышла замуж еще при жизни брата, осенью 1851 года. Порадоваться бы за сестру (ей уже было под тридцать). Но Николай Васильевич принял известие о предстоящем замужестве почти как катастрофу: «Шаг твой страшен: он ведет тебя либо к счастью, либо в пропасть. <...> Молись, отправься пешком к Николаю Чудотворцу, припади к стопам угодника»^[1741]. По требованию Гоголя не только Лиза, но Анна и Ольга должны были отправиться на богомолье в Диканьку. И непременно пешком!

Известен страх Гоголя перед браком. Это навязчивый мотив его творчества («Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Женитьба») и писем к матери. Брак для Гоголя – источник не только личных, но даже социальных бед: «И как вспомнишь, сколько в последнее время дотол

хороших людей сделались ворами, грабителями, угнетателями несчастных из-за того только, чтобы доставить воспитанье и средства жить детям, и вся Россия наполнилась разоряющими ее чиновниками»^[1742]. Так он писал задолго до «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого, но это совсем другая тема. Нам важно иное: в последние годы Гоголь намеренно шел против жизни, против природы, против истории.

Только Ольга приняла проповедь Гоголя всем сердцем. Она с детства любила брата бескорыстно и беззаветно, старалась угадать его желания, услужить ему. Повзрослев, Ольга стала лечить крестьян – врачебная и даже фельдшерская помощь была им недоступна. Ольга изучала лечебники, записывала народные рецепты. Лечила в основном травами, которые сама собирала. Николай Васильевич горячо одобрял эти занятия сестры. Он посылал ей лечебники и деньги на лекарства и для раздачи бедным. Но даже жизнь Ольги сложилась не так, как предполагал Гоголь. Он как-то заметил, что спокоен за Ольгу, имея в виду, что уж она-то замуж не выйдет. Но жизнь опять оказалась и сложнее, и неожиданнее. Капитан Головня сделал предложение некрасивой старой деве в первый же день знакомства, чем ошеломил Ольгу и неприятно удивил ее маменьку. Ему тогда отказали. Головня вернулся в гоголевский дом спустя четыре года. За это время он трижды был ранен на Крымской войне. «Значит, он меня любит, если за четыре года не забыл», – подумала Ольга и согласилась.

«Заплакала Русь...»

Московские друзья Гоголя хотя и знали о его неискренности, скрытности, но не сомневались в его патриотизме и любви к России. Даже первый том «Мертвых душ» не поколебал большинство из них. Сомневавшихся убеждал рациональными аргументами С. П. Шевырев: пусть в первом томе Гоголь показал русскую жизнь и русского человека с отрицательной стороны, так ведь перед нами только начало! Впереди второй и третий тома, и уж там Гоголь непременно представит читателю «несметное богатство русского духа». И «мы уверены заранее, что он славно сдержит свое слово»^[1743], – уверенно же заключал московский критик. Не знаю, поверили ему читатели «Москвитянина» или нет. Но Гоголь, как известно, слова не сдержал. Читателям и филологам остались черновики отдельных глав второго тома. О третьем томе филологи только строят догадки.

Когда первый том «Мертвых душ» появился из печати, большинство читателей, по словам С. Т. Аксакова, «приходили в совершенный восторг» от поэмы Гоголя. Нашлись, однако, и критики, в том числе очень злые. Задолго до Розанова они многое сумели увидеть. Нашлись

и такие, кто обвинил Гоголя в клевете на русскую жизнь и попрекнул его малороссийским происхождением. Быть может, попрекнул небезосновательно.

Смирнова-Россет рассказывала Гоголю о вечере у графини Ростопчиной, где гости обсуждали первый том гоголевской поэмы. Среди них был и знаменитый скандальными выходками граф Федор Толстой-Американец. По словам Смирновой, Толстой-Американец «сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно-приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка именно потому, что она хохлачка». Толстого поддержал и Федор Тютчев. Оба согласились, что «хохлацкая» душа Гоголя вылилась в «Тарасе Бульбе», где с такою любовью созданы не только Тарас и Остап, но и Андрий^[1744].

Толстой-Американец оказался последовательным противником позднего Гоголя и его «Мертвых душ». Любивший скандалы и склонный к эпатажу, граф мог и среди друзей Гоголя или поклонников его творчества во всеуслышанье заявить, будто Гоголь – «враг России, и что его следует в кандалах отправить в Сибирь»^[1745]. Толстой-Американец был вовсе не одинок. «И *весь* Гоголь, *весь*, – кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещей, – есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания»^[1746], – напишет Розанов уже в начале XX века (курсив В. В. Розанова. – С. Б.).

В самом деле, как не обратить внимание на эстетическое и эмоциональное противопоставление России и Украины у Гоголя. Мир яркий, сказочный, пусть и страшный, как в «Страшной мести», «Вие», «Вечере накануне Ивана Купалы», но полный жизни, полный злых и добрых чудес. И мир серый, заурядный, пошлый: «...бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шум и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдаль вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора»^[1747].

Поклонники Гоголя могли всю жизнь находиться под властью чар его волшебной поэмы. Однако не переводились и люди, вслед за Тютчевым и Толстым-Американцем, за Розановым и Буниным, отрицавшие Гоголя, не любившие Гоголя. Я не о Булгарине или

Сенковском, давних противниках Гоголя еще со времен его сотрудничества в пушкинском «Современнике». В марте 1852-го Гоголя не станет. Этнограф и фольклорист Иван Михайлович Снегирев, профессор Московского университета, откликнется на смерть писателя с неожиданной злобой: «Как посмотреть с другой стороны, так что же такого сделал Гоголь? Разве то-то, что показал Европе голую жопу России, которой он поднял подол»^[1748].

Дело не в критике российских пороков, ведь и до Гоголя был Грибоедов, а еще прежде – Фонвизин. В мире Гоголя нет надежды. Гоголь сжег чистовую рукопись второго тома, а вместе с ней сгорели надежды на воскрешение мертвых душ, на нравственное преображение Чичикова. Дело, как мне представляется, в нелюбви Гоголя к русской природе, климату, быту, обычаям. Как он писал о русских помещиках и чиновниках, знает всякий. Может быть, он любил простой русский народ? Да где же этот простой русский народ у него? Неужели Петрушка, Селифан, дядя Миняй и дядя Митяй – это русский народ? Или те самые русские мужики, что беседовали о колесе, которое доедет до Москвы, но не доедет до Казани? Или кузнецы, которые, «как водится, были отъявленные подлецы и, смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро»^[1749], и Чичиков не устрасил их даже намеками на Страшный Суд? Так значит, именно таков русский человек в представлениях Гоголя?

Гоголь любил русский язык и еще в юности предпочел его украинской мове.

Можно вспомнить знаменитый разговор Гоголя с Осипом Бодянским, известный нам в передаче Григория Данилевского. Гоголь, по словам Данилевского, будто бы порицал Шевченко за то, что тот пишет по-малороссийски: «Дегтю много, – негромко, но прямо проговорил Гоголь, – и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши...»^[1750] Гоголь будто бы поучает Бодянского, что писать надо именно на русском как на «владычном» языке, на языке Пушкина. Этот язык – святыня для «всех родным нам племен».

Правда, разговор состоялся осенью 1851 года, а Данилевский опубликовал свои воспоминания о знакомстве с Гоголем в 1886-м, тридцать пять лет спустя, когда ни Гоголя, ни Бодянского уже не было в живых. Более того, еще в 1861 году Данилевский писал о Гоголе и Шевченко совсем иначе. Оказывается, «бессмертный Гоголь» «был очарован поэтическими песнями Кобзаря и Гайдамаков Шевченка» («Северная пчела». 1861. 30 мая). Так что не зря украинские литературоведы Григорию Данилевскому не доверяют.

Но если мы даже поверим Данилевскому, то поверим ли и Гоголю? Он преклонялся перед Пушкиным, своим великим современником, хорошим знакомым. Однако ведь даже и над Пушкиным Николай Васильевич посмеялся. То Хлестаков у него с Пушкиным на дружеской

ноге, то Поприщин приписывает Пушкину «очень хорошие стишки» Н. П. Николева: «“Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал”. Должно быть Пушкина сочинение».

В своей самой неудачной, но и самой скандальной книге Гоголь пишет о России даже не с любовью, а с каким-то подобострастием: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. – обращается он к А. П. Толстому. – Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. <...> А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам»^[1751].

Что за ерунда? Даже русские славянофилы были в тягостном недоумении от этой книги, хотя как раз этих слов и не могли прочесть. Цензор (кстати, украинец Никитенко) не допустил к печати эти два письма, адресованные графу А. П. Толстому, сочтя столь неумеренные и наивные слова о любви к России неуместными, дискредитирующими как писателя, так и саму Россию. Ни украинцы, ни русские не привыкли столь бурно выражать любовь к отечеству.

Зачем же это написано? Не самого ли себя уговаривает Гоголь? Не графа Александра Петровича Толстого, богомольного генерала и бывшего губернатора, а именно себя. Того, кто любит, уговаривать не надо. И любовь к отечеству – вещь столь же иррациональная и столь же естественная, как любовь между мужчиной и женщиной. Она не нуждается в проповеднике любви.

Гоголь часто, особенно в сороковые годы, отождествлял себя с русским народом. Если адресатами его писем были не украинцы, не «однокорытники» по Нежинской гимназии, а русские люди, то он и сам будто превращался в русского. Но разве таким он был в жизни? В декабре 1840 года Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно»^[1752]. Сергей Тимофеевич, комментируя эти слова, заметил, что обычно Гоголь вел себя иначе. Не только до этого письма, но и годы спустя он «по большей части подшучивал над русским человеком»^[1753].

Русские путешественники, не оценившие его любимой Италии, вызывали у Гоголя ярость. Русские виноваты в том, что сердятся на уличную грязь, виноваты и в том, что им не понравились итальянцы, а в Риме им не хватает развлечений^[1754]. «Что за несносный народ!» – в негодовании пишет он своей ученице Марии Петровне Балабиной. «...А как несет от них казармами, – так просто мочи нет»^[1755], – добавляет он, вероятно, забывшись. С чем, как ни с казармой ассоциируется Россия у всех ее врагов? Россия николаевская. Воинственная, затянутая в мундир. Да ведь не зря же и дом Собакевича напоминал те, что строятся для военных поселений и немецких колоний^[1756].

Как бы ни превозносил Гоголь Россию и русский народ, читатель, преодолевший гоголевские чары, отзывался о «великорусских» сочинениях Гоголя с изумлением, с возмущением, а чаще – с грустью. Николай Иванович Надеждин, русский издатель, журналист и притом серьезный ученый, основоположник отечественной этнографии, говорил, что ему больно читать «Мертвые души»: «больно за Россию и русских»^[1757].

Если верить свидетельству Гоголя, Пушкин услышал от самого автора несколько глав первой редакции «Мертвых душ». Поэт ожидал гоголевского веселья, «искренного и непринужденного, без жеманства, без чопорности» и гоголевской поэзии. Но по мере того, как Николай Васильевич продолжал чтение, Пушкин понемногу «становился всё сумрачней, сумрачней, а наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!”»^[1758]

Этот рассказ перекликается с эссе Розанова «Гений формы», написанным к столетию Н. В. Гоголя.

«Под разразившейся грозой “Мертвых душ” вся Русь присела, съежилась, озябла... Вдруг стало ужасно холодно, как в гробу около мертвеца... Вот и черви ползают везде...

– Неужели так ужасна жизнь? – заплакала Русь.

Чудищами стояли перед нею гоголевские великаны-миниатюры...»^[1759]

Птица-тройка, или Несбывшееся пророчество

Какая же сила влекла его к России? Только ли успех, слава, желание делать карьеру, что привели в Петербург тысячи соплеменников Гоголя? Такое предположение было бы не только оскорбительным для Гоголя, но и односторонним. Гоголь, очевидно, просто не верил в будущее Украины, как не верили в него Безбородко, Трощинский, Паскевич. Все они воспользовались возможностью поступить на службу великой империи, созданной русским народом. Они сделали верную ставку. Такой выбор принес им всё, о чем только можно было мечтать: карьеру, славу, успех. Гоголь хотел даже большего. Украинский литературовед Павел Михед полагает, будто Гоголь видел себя едва ли не апостолом обновленного христианства, «самозванным апостолом»^[1760]. Пожалуй, Николай Васильевич, даже при чрезвычайно высоком мнении о себе, никогда бы не назвал себя «апостолом». Но он действительно верил в русский народ, в его мессианское предназначение. Возможно, и в самом деле полагал, что может подготовить Россию и русских к великой миссии,

предназначенной для них волей Провидения. В блестящем будущем России он, очевидно, не сомневался.

«Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба?»^[1761]

Если всё в мире происходит по желанию Творца, то и господство России над Украиной, и расширение империи, как виделось в те времена – бесконечное, и бесконечные победы над врагами России – всё это Божья воля.

Вся жизнь Гоголя пришлась на эпоху наивысшего могущества Российской империи. Николай Васильевич родился в год, когда Россия вела сразу четыре войны: со Швецией, с Англией, с Турцией и с Персией. Три войны Россия выиграла. Под власть императора Александра I перешли Финляндия, Аландские острова, Бессарабия, Абхазия, Мегрелия, Имеретия, Баку, Гянджа, Карабах. Утвердилась русская власть над Кахетией и Картли, то есть почти вся Грузия стала частью России. Война с Англией, заключавшаяся в редких морских столкновениях, затухла сама собой, а в 1812-м обе державы, объединенные необходимостью бороться против общего врага – Франции – подписали в шведском Эребру условия мира.

Никоша Гоголь-Яновский позднее будет изучать всемирную и отечественную историю и узнает, что после несчастного Прутского похода Петра Великого (1711) Россия почти не терпела поражений. Отдельные сражения, случалось, проигрывала, но при этом выигрывала войны. И только гений Наполеона Бонапарта позволил Франции одержать несколько побед и заключить с царем Александром I Тильзитский мир. Он не стоил России ни территориальных потерь, ни денежной контрибуции, но считался позорным, потому что был заключен после поражения. Российская империя, как некогда Римская республика самой славной своей эпохи, не привыкла проигрывать войны. И несколько лет спустя всё стало на свои места, Россия вновь победила. В 1814 году Париж увидит на своих улицах донских казаков и русских солдат.

Дальнейшие войны Гоголь встретил уже в сознательном возрасте. И все эти войны были победными. В 1826–1827-м Россия выиграла новую войну с Персией, в 1829-м снова победила Османскую империю, а в 1831-м успешно подавила польское восстание, которое стоило большой войны. Наконец, последней победой России, которую имел возможность наблюдать Николай Васильевич, стали походы корпуса генерала Лидерса в Трансильванию и фельдмаршала Паскевича в Венгрию в 1849 году.

Участником Венгерского похода был Яков Иванович Головня, в 1857-м, уже после Крымской войны, он женится на младшей сестре Гоголя, Ольге. Лиза Гоголь выйдет замуж за другого ветерана Венгерского похода, Владимира Ивановича Быкова. В галицийском Лемберге (Львове), занятом армией по пути на запад, русских встречали цветами.

Быков привез из похода ветку львовской сирени. Лист этой сирени «с маленьким черенком» долго хранился в альбоме Елизаветы Васильевны^[1762].

Флаг России еще развевался над Русской Америкой. В гоголевское время Россия располагалась на трех континентах, занимая пространство от Варшавы до Ново-Архангельска на Аляске. Русский народ, казалось, был избранным народом, само провидение благословило его победы. И как было не поверить в собственную избранность образованным русским людям? Чувство национальной неполноценности, столь распространенное среди русских в наше время, было еще малоизвестно.

Из письма П. Я. Чаадаева князю П. А. Вяземскому, середина марта 1847 – весна 1848 года: «Мы нынче так довольны всем своим родным, домашним, так радуемся своим прошедшим, так потешаемся своим настоящим, так величаемся своим будущим, что чувство всеобщего самодовольства невольно переносится и к собственным нашим лицам. Коли народ русский лучше всех народов в мире, то, само собой разумеется, что и каждый даровитый русский человек лучше всех даровитых людей прочих народов»^[1763].

Гоголь хотя и не был создан для университетского преподавания, обладал несомненными педагогическими способностями. Некоторое время он был домашним учителем – у Балабиных, у Лонгиновых. Обучая детей основам истории и географии, он прибегал и к такому наглядному методу, известному, впрочем, и современному россиянину, – измерять территорию России европейскими государствами: «Положив одно государство на другое, например Францию на Россию, ученик мог легко узнать, сколько “Франций” поместилось бы в России»^[1764].

Но вернемся к знакомой читателю Руси-тройке. Образ этот был столь важен для Гоголя, что он даже нарисовал ее на эскизе обложки, который предназначался для первого издания «Мертвых душ». Тройка эта не «общерусская», а именно великорусская, ведь «снарядил и собрал» ее «ярославский расторопный мужик». Какое же чувство она может вызвать у Гоголя?

Когда-то актер Александр Филиппенко и режиссер Марк Розовский придумали моноспектакль по «Мертвым душам». В спектакле был и знаменитый эпизод из одиннадцатой главы первого тома – бегство Чичикова из города NN. Дорога, Русь-тройка: «Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в клочки воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства». При последних словах лицо артиста изображало ужас, руками он жестикулировал так, будто желал добавить: проезжайте, только нас не трогайте! Получалось, что народы и государства посторониваются, объятые ужасом.

Прежде мне казалось, что артист просто пытался снять излишний пафос этих слов. А может быть, он отдавал должное модному в то время либеральному западничеству, которое предполагало скептическое отношение к патриотизму, к воспеванию русской мощи и славы? Только позднее я понял, что Филиппенко просто очень внимательно читал «Мертвые души» и выразил именно то чувство, какое вольно или невольно отразилось в бессмертных строках гоголевской поэмы. Вчитаемся и мы в эти строки:

«И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей...»^[1765]

«Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях»^[1766].

Конечно, это ужас! Ужас Гоголя перед необоримой силой России, силой, которую благословил Создатель.

И это вовсе не та «русская сила», какую славил автор «Тараса Бульбы».

Русь считает всё на своем пути, горе тому, кто станет поперек дороги. Политическое могущество всегда покоилось на могуществе военном, а могущество России казалось вечным и совершенно неодолимым. Князь Долгорукий в свое время был потрясен Киевским арсеналом, который снабжал оружием русскую армию, что воевала с турками на Дунае и на Балканах: «Бомб и ядер пропасть: но кто на витязя Русскаго их наготовится? Безпрестанно на волах их возят в Молдавию: дня два постоят вокруг Арсенала пирамиды, а потом и в поход <...> Но при том как сравнить арсенал Киевский с Тульским!»^[1767] Сколько же оружия тогда изготовлял Тульский арсенал?!

Русская армия недаром считалась лучшей в мире. Военная служба оставалась самой престижной и наиболее достойной дворянина. Дух пацифизма не проникал в страну, и не зря же Чичикову попался на дороге «солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батарее». Казалось, так будет всегда.

Гениальный художник, равновеликий Пушкину, Лермонтову, Толстому, Николай Васильевич Гоголь не был пророком, будущее не открывалось ему, как открылось, скажем, Лермонтову.

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

Не обладал он тем более и качествами аналитика, ученого, способного не предсказывать, но хоть рассчитывать даже недалекое будущее. Все рациональные расчеты Гоголя показывали его человеком поразительно наивным, притом что он как раз старался быть и благоразумным и в высшей степени расчетливым. Замечая повсюду

упадок хозяйственной жизни, Гоголь не предсказал его последствий и не мог предвидеть Крымской войны.

Не пройдет и трех лет после смерти писателя, как остановится Русь-тройка, едва не опрокинувшись. Другие народы и государства перестанут уступать ей дорогу. Под угрозой войны чуть ли не со всей Европой Николай принужден будет вывести русские войска из дунайских княжеств – Молдавии и Валахии. Британские корабли начнут расстреливать русские укрепления на Аландских островах, присоединенных к России в год рождения Гоголя. Наконец, громадная англо-французская эскадра бросит якоря в бухте Евпатории и маршал Сент-Арно поведет армию союзников к реке Альме...

P.S.

Всякий образованный читатель непременно спросит о Розанове. Розанов, как известно, ставил Гоголя-художника чрезвычайно высоко, но считал его творчество силой разрушительной, России враждебной. Сравнивал Гоголя с монгольским игом, причем иго было меньшим несчастьем для России, чем появление Гоголя. Розанов, сторонник крайнего литературоцентризма, обвинял писателя едва ли не в разрушении русской государственности: «Пришел колдун и, вынув из-под лапсердака черную палочку, сказал: “Вот я дотронусь до вас, и вы все станете мушкарю”»^[1768].

Разрушительный гоголевский смех потряс серьезную, степенную русскую культуру, дал основу для развития нигилизма, подорвал веру русских в самих себя, в свои силы, став едва ли не началом русофобии: «Русь захохотала голым, пустынным смехом... И понесся по равнинам ее этот смех, круша и те избенки на курьих ножках, которые все-таки кое-как стояли...»^[1769]

В феврале страшного 1918 года Розанов, увидавший своими глазами гибель российского государства, писал Петру Бернгардовичу Струве из полуголодного, занесенного снегами Сергиева Посада: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: “Ты победил, ужасный хохол”»^[1770].

Но разве Гоголь виноват в том, что в дореформенной России было мало железных дорог, что в армии не хватало нарезных ружей, что в распоряжении адмирала Нахимова не оказалось ни одного винтового (парового) линейного корабля? И разве Гоголь виноват в классовой розни, веками разъедавшей общество? Крестьяне, громившие ненавистные барские усадьбы, поступали так не оттого, что сделали неверные выводы из первого тома «Мертвых душ». Эсеры бросали бомбы в градоначальников вовсе не под влиянием «Ревизора». Рабочие Иваново-Вознесенска создавали совет не оттого, что прочитали речь

Тараса Бульбы о русском товариществе. Не Гоголь придумал радикальную, революционную даже, политическую оппозицию. Когда декабристы вышли на Сенатскую площадь, он еще ходил в гимназию и намерений повстанцев не разделял. Даже в Европе он оставался консерватором, уважавшим законную власть, в России же – подавно. Русский (и украинский!) литературоцентризм имеет свои границы. И если «Кобзарь» Шевченко в самом деле пробудил от сна целую нацию, то разрушительный смех Гоголя особенной роли в упадке России и русского народа не сыграл и сыграть не мог. В худшем случае подбросил Гоголь в общий костер тонкую веточку, да и то ненароком.

Две сабли: вместо заключения

Лев Гумилев в письме к своей возлюбленной Наталье Варбанец процитировал персидскую пословицу: две сабли не входят в одни ножны. Историческое сознание двух даже очень близких народов нельзя соединить. Русский и украинский взгляды на историю неизбежно расходятся.

В украинских исторических сочинениях XVIII века, в «Истории русов», в песнях и думах сложился украинский национальный исторический миф. Это не ложь, это народное представление об истории, которое может даже совпадать с исторической реальностью, а может и резко противоречить ей. Исторический миф не может быть объективным. Подвиги «козацкого народа», его заслуги перед христианским миром, перед русским царем преувеличивались необыкновенно. Записанные этнографами легенды рассказывают о победах Палия над шведами и над Мазепой^[1771]. Автор «Истории русов» даже Полтавскую викторию приписывает воинскому искусству Палия, который будто бы указал на слабое место в шведских рядах^[1772]. Черниговская летопись чуть ли не одному Якову Лизогубу приписывала взятие Азова в 1696-м: «Петр Алексеевич, царь московский, ходил под Азов другой раз и взял его, за поводом и отвагою Якова Лизогуба, полковника черниговского»^[1773].

В украинском историческом мифе (народной концепции исторического прошлого) не было единомыслия. Скажем, автор «Истории русов» называет гетмана Дорошенко и его сторонников «разбойничьей шайкой», которая беспрестанно нападала на Малороссию^[1774], а народ складывал о Дорошенко песни, для Тараса Шевченко Петр Дорошенко был одним из любимейших героев. Хмельницкий, величайший украинский полководец, вождь «Козацкой революции» и создатель Гетманщины, даже в народных думах предстает как герой неоднозначный, а для Тараса Шевченко

Хмельницкий – это «Богдан недомудр» (Богдан недоумок), «ледачий сын» (негодный сын)^[1775], «Богдан пьяный»^[1776].

И все-таки, сталкиваясь с русским историческим мифом, украинский исторический миф превращается в более или менее единую систему взглядов, представлений, заблуждений.

Нередко украинский миф прямо противоречит русскому, а иногда касается тех страниц истории, что почти не интересны русскому человеку. Русский бы внимания не обратил на важнейшие для украинца события. Скажем, Андрусовское перемирие, с точки зрения русских, прекратило тяжелую и уже не имевшую смысла русско-польскую войну. Для народа Украины это было предательство москалей, разделивших с ляхами козацкие земли. Русские не заметили разгром Батурина, а для украинцев это великая историческая трагедия. О Запорожской Сечи русские читатели в большинстве своем знают только благодаря «Тарасу Бульбе», а для украинца Сечь (Січ) – это славная страница истории, без которой невозможно представить украинское прошлое.

Если русский прочитает «Энеиду» Котляревского, то только посмеется над смешной, с его точки зрения, украинской мовой, особенно забавной в устах Венеры и Юноны. Между тем украинцы во времена Котляревского находили в поэме не только юмор и бурлеск, но и горькую иронию, и печаль по запорожцам, которые после превращения Запорожья в часть Новороссии были вынуждены скитаться в поисках места для новой Сечи.

2 апреля 1847 года в Киеве во время обыска у коллежского асессора Николая Гулака, одного из основателей Кирилло-Мефодиевского общества, жандармы изъяли любопытную листовку. Ее автором считается Николай Костомаров. Начиналась она таким обращением: «Братья великороссияне и поляки! Сие глаголит к вам Украина, нищая сестра ваша, которую вы распяли и растерзали...»^[1777]

Не знаю, как насчет поляков, но великороссияне дальше и читать не станут и не узнают, что Украина, оказывается, «не помнит зла» и даже готова «проливать кровь детей своих» за свободу поляков и русских. Для русского, великороссиянина, такое обращение – дикое, непонятное, необъяснимое оскорбление. Удивительно, но даже русский историк Костомаров не сознавал, что русские смотрят на историю Украины совсем иначе. Обвинение и обещание «не помнить зла» просто возмутят большинство русских, которые уверены, что принесли Украине только добро.

Поэма Шевченко «Великий льох» («Подземелье») начинается рассказами трех птиц – трех душ, которые принадлежали девушкам, девочкам. Их не пускают в рай, потому что каждая из них совершила смертный грех перед Украиной.

Первая встретила с полными ведрами Богдану Хмельницкому, когда он отправился в Переяслав принимать присягу на подданство московскому царю. Полные ведра – хорошая примета, Хмельницкого

ждет успех. Для русских Переяславская рада – долгожданное воссоединение с братским народом. А для Шевченко – трагедия: Хмельницкий разрушил надежды на независимость Украины. И грех той душе, что посулила гетману удачу.

И вторая душа не может войти в рай только потому, что напоила коня русского царя.

...всякому
Служила, годила...
Що цареві московському
Коня напоїла!...^[1778]

...всем я
С радостью служила...
Что московскому царю я
Коня напоила!

(Перевод Ф. Сологуба)^[1779]

Царствование Екатерины Великой – еще один пример несовместимости двух исторических мифов, двух взглядов на историю. Долгое и блистательное правление самой знаменитой русской императрицы (даром что немки) озарено бесконечными фейерверками в честь побед русского оружия. В истории русского флота не было виктории ярче и значительнее Чесмы. А строительство Черноморского флота, триумфы адмирала Ушакова, основание Севастополя, Херсона, Николаева, Одессы! А виктории Румянцева и Суворова, Репнина и Потемкина! Ради внешнеполитических успехов императрице прощали (хотя и не забывали) крепостничество, фаворитизм, зверства Пугачевщины, спровоцированные всё тем же крепостничеством.

Но эта же Екатерина для Николая Костомарова «распутница всесветная, безбожница, мужеубийца», она «кончила козацтво и свободу». «Лютий ворог України, // Голодна вовчиця!..», – пишет о Екатерине II Тарас Шевченко. Третья душа и виновата в том, что поприветствовала Екатерину. Эта русская императрица так ненавистна украинскому народу, что даже приветствие ей – величайший грех. В общем, русский читатель, если бы захотел, мог кое о чем догадаться даже за чтением всеми любимой «Ночи перед Рождеством», если сумел бы правильно понять намеки Гоголя.

Тарас Шевченко не играл в эту сложную игру, а прямо обвинял императрицу. В поэме «Слепой» герой узнает, что царица подожгла Межигорский Спас – святыню украинского народа – и, усмехаясь, любовалась на пожар из своей золотой галеры. На той самой галере ее и увидела третья несчастная девочка из «Великого льоха».

Лирический герой поэмы «Сон» читает надпись на постаменте Медного всадника: «Первому – Вторая» и догадывается, что это подарок одного злейшего врага украинского народа другому.

Тепер же я знаю:

Це той *первий*, що розпинав

Нашу Україну,

А *вторая* доканала

Вдову сиротину^[1780].

Для Шевченко русские цари – каты (палачи) и людоеды. Петр Великий – злодей и убийца, отдавший Меншикову приказ сжечь Батурин, мазепинскую столицу, вместе со всеми жителями. А ведь Иван Мазепа, старший современник Петра, больше двадцати лет верно служил царю.

Неожиданный переход гетмана на сторону шведского короля изменил всё. Мазепа исторический, хитрый, циничный политик и дипломат, стал человеком-мифом не только для украинцев, но и для русских. Предатель, новый Иуда в глазах русского человека. Великий государственный деятель, строитель Гетманщины, просветитель, меценат и патриот в глазах украинца. Тень Мазепы лежит между русскими и украинцами, навеки разделяет две нации.

Библиография

Письма. Мемуары. Дневники. Опубликованные документы

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1988. 704 с.

2. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1994. 653 с.

3. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / изд. подгот. Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. 294 с.

4. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 248 с.

5. Аксакова В. С. Дневники. Письма. – СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 592 с.

6. Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 480 с.

7. Белинский В. Г. Письма (1841–1848). 542 с. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826125.
8. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. – М.: АСТ: Астрель, 2010. 765 с.
9. Бодянский О. М. Дневник. 1852–1857 / предисл., подгот. текста, подбор ил. и коммент. Т. А. Медовичевой. – М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2006. 333 с.
10. Булгарин Ф. В. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. 782 с.
11. Бунин И. А, Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники / под ред. М. Грин: в 2 т. Т. 1. – М.: Посев, 2005. 303 с.
12. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. 422 с.
13. Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Соч.: в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1990. 560 с.
14. Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Соч.: в 4 т. Т. 4. – М.: Правда, 1990. 560 с.
15. Веселовский В. И. Первое знакомство Гоголя с Щепкиным // Русская старина. 1872. Т. 5. Февраль. С. 282–283.
16. Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1–2. – М.: Захаров, 2003. 1358 с.
17. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / подгот. А. И. Рейтблат. – М.: НЛО, 1998. 703 с.
18. Воспоминания о Тарасе Шевченко. – Киев: Днипро, 1988. 606 с.
19. Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. Т. 1. – М.: Тип. Августа Семена при Императ. Мед.-хирург. акад., 1839. 495 с.
20. Вяземский П. А. Записные книжки. – М.: Русская книга, 1992. 380 с.
21. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 8: Старая записная книжка. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 320 с.
22. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил Генерального штаба генерал-майор князь Щербатов: в 9 т. Т. 1. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1888. 139 с.
23. Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: Искусство, 2002. 768 с.
24. Гиппиус В. В. Гоголь: Воспоминания. Письма. Дневники. – М.: АГРАФ, 1999. 459 с.
25. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: антология мемуаров / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. – СПб.: Пушкинский Дом, 2014. 628 с.
26. Гоголь Н. В. Переписка: в 2 т. Т. 2. / редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Виролайнен. – М.: Худож. лит., 1988. 527 с.

27. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 8. Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 720 с.

28. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 9. Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 968 с.

29. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 9. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 684 с.

30. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. Письма, 1820–1835. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 540 с.

31. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. Письма, 1836–1841. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 484 с.

32. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. Письма, 1842–1845. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 720 с.

33. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 13. Письма, 1846–1847. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 564 с.

34. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 14. Письма, 1848–1852. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 487 с.

35. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. Т. 1 / изд. подгот. В. И. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. 904 с.

36. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. Т. 2 / изд. подгот. В. И. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. 1032 с.

37. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. Т. 3 / изд. подгот. В. И. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. 1168 с.

38. Грибоедов А. С. Письмо Одоевскому В. Ф., князю, 10 июня 1825 // Полн. собр. соч.: в 3 т. – Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Акад. наук, 1911–1917. Т. 3. С. 174–176.

39. Григорьев А. А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. – М.: Наука, 1999. 475 с.

40. Дело петрашевцев: в 2 т. Т. 1. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 584 с.

41. Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. – М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. 208 с.

42. Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Мое путешествие кое-куда 1810 года. – М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. 352 с.

43. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. С. В. Житомирская. – М.: Наука, 1993. 456 с.

44. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). – М.: Директ-Медиа, 2010. 1414 с.
45. Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. – Люберцы: Люберецкая газета, 1996. 568 с.
46. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию // Киевская старина. 1883. Т. 7. Сентябрь – октябрь. С. 135–198.
47. Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М.: Современник, 1990. 540 с.
48. Записки Манштейна о России. 1727–1744. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1875. 399 с.
49. Из воспоминаний Н. В. Кукольника // Исторический вестник. Т. 45. № 7. С. 79–99. Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. 740 с..
50. Из дневника Ф. И. Буслаева // Русская речь. 1999. № 5. С. 33–39.
51. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым: в 4 ч. Ч. 1. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. 442 с.
52. Казанова Дж. Любовные и другие приключения Джакомо Казановы, кавалера де Сенгальта, венецианца, описанные им самим: [мемуары]. – СПб.: Амфора, 2006. 828 с.
53. Капнист-Скалон С. В. Воспоминания / коммент. Г. Н. Моисеева // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М.: Современник, 1990. С. 281–388, 496–513.
54. Кирило-Мефодіївське товариство: у 3 т. Т. 1. – Київ: Наукова думка, 1990. 540 с.
55. Ковалевская Н. Воспоминания старой институтки // Русская старина. 1898. Т. 95. Сентябрь. С. 611–628.
56. Короленко В. Г. История моего современника // Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. – Л.: Худож. лит., 1991. 565 с.
57. Короленко В. Г. История моего современника // Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. – Л.: Худож. лит., 1991. 592 с.
58. Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. – Киев: Лыбидь, 1990. 736 с.
59. Коцюбинский М. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Статьи, избранные письма / пер. с укр. – М.: Гослитиздат, 1951. 432 с.
60. Кропоткин П. А. Записки революционера. – М.: Моск. рабочий, 1988. 544 с.
61. Лебединцев П. Г. Тарас Григорьевич Шевченко (Некоторые дополнения и поправки к его биографии) // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 560–567.
62. Левшин А. Письма из Малороссии. – Харьков: Унив. тип., 1816. 206 с.
63. Мартос А. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. Кн. 2. Вып. 7. С. 305–368; Вып. 8. С. 449–542.

64. Материалы для истории Колиивщины, или резни 1768 г. / подгот. Н. Костомаров // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 297–321.

65. Миллер Г. Ф. Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г. Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные им на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. – М.: Унив. тип., 1846. 108 с.

66. Несколько данных о судьбе Железняка после его ареста в Умани // Киевская старина. 1882. Т. 4. Декабрь. С. 564–568.

67. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная / пер. с нем. В. Кеневича. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1875. 532 с.

68. Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 520–529.

69. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. 340 с.

70. Пассек В. Путевые записки. – М.: Тип. Семена Селивановского, 1834. 184 с.

71. Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 523–551; Т. 4. Октябрь. С. 89–118.

72. Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Военная тип., 1890.

73. Письмо кн. Н. В. Репнина к императору Николаю Павловичу /подгот. Ст. фон Нос // Киевская старина. 1882. Т. 4. Декабрь. С. 557–563.

74. Полетика Н. П. Виденное и пережитое (из воспоминаний). – Тель-Авив: Библиотека-Алия, 1982. 438 с.

75. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: НЛО, 2010. 912 с.

76. Рассказ современника о приключениях с ним во время «Колиивщины» / подгот. Ф. Рыльский // Киевская старина. 1887. Т. 17. Январь. С. 51–64.

77. Розанов В. В. Из письма П. Б. Струве. Февраль 1918 года // Гоголь в русской критике: антология / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 314.

78. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / изд. подгот. С. В. Житомирская. – М.: Наука, 1989. 790 с.

79. Стороженки. Фамильный архив: в 8 т. Т. 2 / сост. А. Стороженко, Н. Стороженко. – Киев: Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1906. 716 с.

80. Теплов Г. Н. Записка члена Малороссийской коллегии Г. Н. Теплова «О непорядках, которые происходят ныне от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии» // Кулиш П. А. Записки о Южной Руси: в 2 т. Т. 2. – СПб.: В тип. Александра Якобсона, 1857. С. 169–196.

81. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 1: 1938–1941. – М.: Время, 2007. 592 с.

82. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 2: 1952–1962. – М.: Время, 2007. 912 с.

83. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5: Щоденник. Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Букварь южнорусский». Записи народної творчості. – Київ: Наукова думка, 2003. 496 с.

84. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6: Листи. Дарчі та власницькі написи. Документи, складені Т. Шевченком або за його участю. – Київ: Наукова думка, 2003. 632 с.

Сочинения историков, филологов, публицистов XVIII–XIX веков

1. Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. – СПб.: В тип. Императ. Акад. Наук, 1858. 49 с.

2. Аксаков И. С. Сочинения: в 7 т. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 844 с.

3. Антонович В. Б. Моя исповедь. Ответ пану Падалице (по поводу статьи в VII книжке «Основы»: «Что об этом думать?» и письма г. Падалицы в X книжке) // Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник. 1862. № 1. С. 83–96.

4. Антонович В. Б. Колдовство: Документы. Процессы. Исследования. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877. 139 с.

5. Антонович В. Б. Уманский сотник Иван Гонта (1768 г.) // Киевская старина. 1882. Ноябрь. С. 250–276.

6. Аркас М. Історія України-Руси. – Одеса: Маяк, 1994. 390 с.

7. Багалея Д. И. Состояние полиции в малороссийских городах XVIII в. // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 379–382.

8. Багалея Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Оттиск из «Киевской старины». – Киев: Тип. Т. Г. Корчак-Новицкого, 1889. 115 с.

9. Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 ч. Ч. 1. – М.: Культура, 1991. 316 с.

10. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: в 3 ч. Ч. 3. От избрания Мазепы до уничтожения гетманства. – М.: Тип. Николая Степанова, 1842. 239 с. Примечания. 103 с.

11. Барсуков А. П. Род Шереметевых: в 8 т., 9 кн. Кн. 5. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. 449 с.

12. Бодянский О. М. О народной поэзии славянских племен. – М.: Тип. Н. Степанова, 1837. 156 с.

13. Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. С. 789–804.
14. Вольтер. История Карла XII, короля Швеции. – СПб.: Лениздат, 2013. 352 с.
15. Гегель Г. Ф. В. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. 480 с.
16. Гельбиг Г. фон. Русские избранники / пер. В. А. Бильбасова. – М.: Военная книга, 1999. 310 с.
17. Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1956. 370 с.
18. Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородько: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1879–1880. 740 с.
19. Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – СПб.: Книгоизд. товарищество «Просвещение», 1896. 536 с.
20. Грушевський М. С. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славяноведенью. Вып. I. – СПб., 1904. С. 298–304. URL: <http://litopys.org.ua/index.html>.
21. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 8. Кн. 1 / редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – Київ: Наукова думка, 1995. 856 с.
22. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 9. Кн. 1 / редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – Київ: Наукова думка, 1996. 880 с.
23. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 9. Кн. 2 / редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – Київ: Наукова думка, 1996. 776 с.
24. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 10 / редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – Київ: Наукова думка, 1998. 408 с.
25. Грушевский М. История украинского народа. – М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. 414 с.
26. Грушевський М. С. Історія української літератури: в 6 т., 9 кн., Т. 1. / упоряд. В. В. Яременко; авт. передн. П. П. Кононенко; приміт. Л. Ф. Дунаєвської. – Київ: Либідь, 1993. 392 с.
27. Грушевський М. С. Історія української літератури: в 6 т., 9 кн. Т. 2./ упоряд. В. В. Яременко; приміт. С. К. Росовецького. – Київ: Либідь, 1993. 264 с.
28. Ефименко А. Я. Двенадцать пунктов Вельяминова // Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 126–143.
29. Ефименко А. Я. Из истории борьбы малорусского народа с поляками // Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 12–125.
30. Ефименко А. Я. История Украины и ее народа. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.
31. Ефименко А. Я. Котляревский в исторической обстановке // Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 316–335.

32. Ефименко А. Я. Малорусское дворянство и его судьба // Ефименко А. Я. Очерки истории Правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 145–199.
33. Ефименко П. С. Образцы обличительной литературы в Малороссии // Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 538–559.
34. Ефименко П. С. Последний писарь Войска Запорожского Глоба // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 368–371.
35. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. – Казань: Унив. тип., 1873. 851 с.
36. История русов, или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. – М.: Унив. тип., 1846. 320 с.
37. Катков М. Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами // Катков М. Н. Империя и крамола. – М.: Фонд ИВ, 2007. С. 42–48.
38. Киреевский П. В. О древней русской истории (Письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 11–46.
39. Короленко П. П. Черноморцы // Черноморские казаки. – М.: Вече, 2014. С. 177–397.
40. Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. – Казань: Унив. тип., 1872. 266 с.
41. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. 459 с.
42. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. 550 с.
43. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – М.: Чарли, 1994. 768 с.
44. Костомаров Н. И. Гетманство Выговского // Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995. 608 с.
45. Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого // Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995. С. 168–286.
46. Костомаров Н. И. Иван Свирговский, украинский козацкий гетман XVI века // Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995. С. 287–311.
47. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 1. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. 504 с.
48. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 2. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. 398 с.
49. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 9. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1870. 396 с.
50. Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995. 608 с.
51. Костомаров Н. И. Мазепа. – М.: Терра – Книжный клуб, 2004. 336 с.

52. Костомаров Н. И. Ответ на выходки газеты (краковской) «*Czas*» и журнала «*Revue contemporaine*» // Основа: Южно-рус. лит.-уч. вестн. 1861. Февраль. С. 121-133.

53. Лазаревский А. Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы // Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 101-125.

54. Максимович М. А. Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии // Русская беседа. 1857. Кн. 4 (8). С. 22-78.

55. Максимович М. А. О народной исторической поэзии в древней Руси (Письмо профессора Максимовича к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 1-7.

56. Максимович М. А. Ответные письма М. П. Погодину // Русская беседа. 1857. Кн. 2 (6). С. 80-104.

57. Максимович М. А. Собр. соч. в 3 т. Т. 1: Отдел исторический. – Киев: Тип. М. П. Фрица, 1877. 847 с.

58. Максимович М. А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Языкознание. История словесности. – Киев: Тип. М. П. Фрица, 1880. 745 с.

59. Малорусские Козаки между Россией и Польшей в 1659 году по взгляду на них серба Юрия Крижанича. Путное описание от Левова до Москвы, лета 1659 / предис. П. А. Кулиша // Чтения в О-ве истории и древностей российских. Кн. 3. Смесь. – М.: Унив. тип., 1876. С. 109-124.

60. Маркевич Я. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. – СПб., 1798. 98 с.

61. Мацеевич Л. Е. Поляки и русины (К истории их бытовых отношений) // Киевская старина. 1882. Т. 1. Февраль. С. 301-312.

62. Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории – СПб.: А. Черкесов и К, 1874. 367 с.

63. Павловский А. Грамматика Малороссийского наречия, или Грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1818. 128 с.

64. Пестель П. Русская правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временного Верховного Правления. – СПб.: Культура, 1906. 245 с.

65. Погодин М. П. О древнем языке русском (Письмо к И. И. Срезневскому) // Москвитянин. 1856. Т. 1. № 2. С. 110-139.

66. Погодин М. П. Ответ М. А. Максимовичу // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 7-10.

67. Погодин М. П. Ответ на филологические письма М. А. Максимовича // Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 124-141.

68. Погодин М. П. Ответ П. В. Киреевскому // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 47-58.

69. Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. – М.: Вече, 2014. С. 3–176.

70. Прокопович Феофан. Избранные труды / сост. И. В. Курукин. – М.: РОССПЭН, 2010. 617 с.

71. Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года // Собр. соч.: в 12 т. Т. 6. – Киев: Изд-во Б. К. Фукса, 1902. С. 87–101.

72. Ригельман А. Летописное повествование о Малой России, ея народе и козаках вообще. – М.: Унив. тип., 1847. 766 с.

73. Скальковский А. А. К истории Запорожья // Киевская старина. 1882. Октябрь. С. 159–166.

74. Скальковский А. А. Очерки Запорожья // Журнал М-ва Нар. просвещения. 1840. Ч. 25. № 1. С. 191–226.

75. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10 // Соч.: в 18 кн. Кн. 5. – М.: Мысль, 1990. 718 с.

76. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11 // Соч.: в 18 кн. Кн. 6. – М.: Мысль, 1991. 671 с.

77. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соч.: в 18 кн. Кн. 7. – М.: Мысль, 1991. 701 с.

78. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15 // Соч.: в 18 кн. Кн. 8. – М.: Мысль, 1993. 639 с.

79. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 26 // Соч.: в 18 кн. Кн. 13. – М.: Мысль, 1990. 621 с.

80. Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. (К истории южнорусской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Т. 10. Октябрь. С. 183–226.

81. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 5 кн. Кн. 1. Ч. 2. – М.: Императ. Моск. ун-т, 1769. 600 с.

82. Терновский Ф. Киевское представительство прежнего времени // Киевская старина. 1882. Т. 2. Май. С. 177–192.

83. Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 2. Древняя история. – СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 364 с.

84. Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 3. Новая история. – СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 302 с.

85. Федевич К. К. Украинцы и не только (Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы) // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3–11.

86. Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малые России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное действительным статским советником и кавалером Афанасием Шафонским: В Чернигове, 1786 г. – Киев: Унив. тип., 1851. 697 с.

87. Шимонов А. Л. Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии // Киевская старина. 1882. Т. 4. Ноябрь. С. 191–228.

88. Эварницкий Д. И. Иван Дмитриевич Сирко, славный атаман войска запорожских низовых козаков. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. 164 с.

89. Эварницкий Д. И. История запорожских козаков: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 1892. 542 с.

90. Эварницкий Д. И. История запорожских козаков: в 3 т. Т. 3. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 1897. 646 с.

91. Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 195 с.

92. Эварницкий Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский. – Новочеркасск: Тип. А. А. Карасева, 1887. 15 с.

93. Эварницкий Д. И. Что значит слово «кацап»? // Русское слово. 1901. 1 ноября. № 301.

94. Baudouin de Courtenay J. Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego. – Kraków: Drukarnia uniwersytetu Jagiellońskiego, 1886. 39 s.

95. Duchński F. H. Peuples Aryas et Tourans. Agriculteurs et Nomades. Nécessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples arias-europeens et tourans, particulièrement des Slavs et des Moskovites. – Paris, 1864. 186 p.

96. Duchński F. H. Pologne et Ruthénie. Origines slaves. – Paris, 1861. 143 p.

Етнографія и фольклор

1. Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России, составленный согласно программе, изданной в 1852 году Императорским Русским географическим обществом. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1861. 94 с.

2. Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. – Київ: Довіра, 1992. 414 с.

3. Бурлак В. Легенды старого Киева. – М.: Мир книги, 2011. 256 с.

4. Галаган Г. П. Малорусский вертеп // Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 1–38.

5. Ефименко П. С. Упыри (из истории народных верований) // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. С. 498–504.

6. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под

общ. ред. П. П. Семенова: в 12 т. Т. 5. Малороссия, Подолия и Волынь. Ч. 1. – СПб.: Изд-во тов-ва М. О. Вольфа, 1897. 332 с.

7. Забавная родословная (рисунок и стихи) // Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 223–225.

8. Задунайскія народныя преданія // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 579–582.

9. Иванов П. В. Кое-что о вовкулаках и по поводу их // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. С. 505–511.

10. Иванов П. В. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. С. 430–497.

11. Кобзарь Остап Вересай, его песни и думы // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 259–282.

12. Коденская книга и три бандуриста // Киевская старина. 1882. Т. 2. Апрель. С. 161–166.

13. Колиивщина в песнях // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 582–589.

14. Криничная Н. А. Предания русского Севера. – СПб.: Наука, 1991. 325 с.

15. Кулиш П. А. Записки о Южной Руси: в 2 т. Т. 1. – СПб.: В тип. Александра Якобсона, 1856. 324 с.

16. Кулиш П. А. Записки о Южной Руси: в 2 т. Т. 2. – СПб.: В тип. Александра Якобсона, 1857. 355 с.

17. Лукашевич П. Малороссийские и Червонорусские народные думы и песни. – СПб.: Тип. Эдуарда Пгаца и К, 1836. 170 с.

18. Максимов С. В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск: Русич, 1995. 672 с.

19. Максимович М. А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2: Отделы: историко-топографический, археологический и этнографический. – Киев: Тип. М. П. Фрица, 1877. 524 с.

20. Максимович М. А. Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. – М.: Унив. тип., 1834. Ч. 1. 180 с.

21. Милорадович В. П. Житье-бытье лубенского крестьянина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. С. 170–341.

22. Народные малороссийские думы и песни // Моск. телеграф. 1831. № 5. Март. С. 32–35.

23. Обманутый солдат // Киевская старина. 1882. Т. 2. Июнь. С. 557–558.

24. Повесть об Азовском осадном сидении // Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Худож. лит., 1987. С. 277–295.

25. Пыпин А. Н. История русской этнографии: в 4 т. Т. 3. Этнография малорусская. – М.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 425 с.

26. Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова составил и издал

преподаватель географии во Владимирской Киевской военной гимназии А. Редров. Европейская Россия. – Киев, 1867. 352 с.

27. Рыльский Ф. Р. К изучению украинского народного мировоззрения // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. С. 25-51.

28. Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям: в 5 т. Т. 2. Южный край (Малороссия, Новороссия, Крым и земля Донского и Черноморского войска). – СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1866. 320 с.

29. Сказание о Бондаренке по народным преданиям // Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 530-537.

30. Смоктий А. Взгляд народа на Шевченка // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 371-373.

31. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским: в 7 т. Т. 5. Песни любовные, семейные, бытовые и шуточные. – СПб.: Тип. Майкова, 1874. 1229 с.

32. Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев. – М.: Наука, 2000. 535 с.

33. Українські народні думи та історичні пісні. Збірник. – Київ: Веселка, 1993. 239 с.

34. Українські народні думи та історичні пісні. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1955. URL: <http://proridne.com/content/пісенники/Українські%20народні%20думи%20та%20історичні%20пісні>.

Художественная литература и литературная критика

1. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Гоголь в русской критике: антология / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортуна ЭЛ, 2008. 720 с.

2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения 1829-1835. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. 574 с.

3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 4: Статьи и рецензии 1840-1841. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. 675 с.

4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5: Статьи и рецензии 1840-1844. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. 863 с.

5. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843-1846. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.

6. Булгарин Ф. Мазепа. Часть первая. – СПб: В тип. вдовы Плющар с сыном, 1833. 368 с.

7. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 4: Стихотворения 1828–1852. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. 379 с.
8. Глинка Ф. Н. Лука да Марья, народная повесть, сочиненная Федором Глинкой. – СПб.: В тип. Н. Греча, 1818. 24 с.
9. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3: Повести. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.
10. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8: Статьи. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 816 с.
11. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1: Ганц Кухельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки. Юношеские произведения. – М.: Наука, 2003. 920 с.
12. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3: Арабески: Разные сочинения Н. Гоголя. – М.: Наука, 2009. 1016 с.
13. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 4: Ревизор. – М.: Наука, 2003. 912 с.
14. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева – М.: Изд-во Моск Патриархии, 2009. 664 с.
15. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 688 с.
16. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 5: Мертвые души. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 680 с.
17. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 744 с.
18. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания: историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И. А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.
19. Гребенка Е. П. Богдан. Сцены из жизни Малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого // Сочинения Е. П. Гребенки: в 5 т. Т. 5. – СПб.: Изд. киевск. книгопродавца С. И. Литова, 1862. С. 7–81.
20. Гребенка Е. П. Мачеха и панночка. Малороссийское предание // Современник. 1838. Т. 12. Гл. VIII: Повести и рассказы. С. 1–21.
21. Гребенка Е. П. Чайковский // Сочинения Е. П. Гребенки: в 5 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во киевск. книгопродавца С. И. Литова, 1862. С. 287–472.
22. Гребенка Е. П. Чайковский: роман. Повести. – Киев: Днепр, 1988. 556 с.
23. Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии: роман // Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии. Воля. Княжна Тараканова. – М.: Правда, 1983. 624 с.
24. Данилевский Г. П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. – М.: Терра, 1995. 640 с.
25. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь–декабрь 1858. – М. – Л.: ГИХЛ, 1962. 543 с.

26. Квитка-Основьяненко Г. Ф. Конотопская ведьма // Квитка-Основьяненко Г. Ф. Украинские повести и рассказы: в 3 т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1954. С. 134–208.
27. Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. – М.: Худож. лит., 1978. 335 с.
28. Квітка-Основ'яненко Г. Конотопська відьма. – Відкрита книга, 2011. URL: <https://sites.google.com/site/openbookclassic/ukraienska-literatura/kvitka-osnov-anenko-g-f/konotopska-vidma>.
29. Костомаров Н. Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке // «Ізборник» – Історія України IX–XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації: Електронна бібліотека давньої української літератури. URL: <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos12.htm>.
30. Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. В. Потаповой. – М.: Гослитиздат, 1961. 296 с.
31. Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. И. Бражникова. URL: http://lukianpovorotov.narod.ru/Folder_Kotlyarevskiy/Eneida_Kotl_Rus.html.
32. Котляревський І. Енеїда; Наталка Полтавка. – Донецьк: ТОВ «ВКФ «БАО»», 2010. 384 с.
33. Кудрин О. Полтавская перемога. Рукопись.
34. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 11. Автобиографические заметки: Статьи, воспоминания. Письма / подгот. текста и примеч. И. Я. Айзенштока. – М.: ГИХЛ, 1958. 862 с.
35. Максимович М. А. Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии. IV. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г. (Письмо к Г. П. Галагану) // Русская беседа. 1858. Кн. 1 (9). С. 13–27.
36. Мережковский Д. С. Из книги «Гоголь и чёрт» // Гоголь в русской критике: антология / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 209–225.
37. Минаев Д. Евгений Онегин нашего времени // Минаев Д. Избранное. – Л.: Худож. лит., 1986. 400 с.
38. Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы / пер. с пол. С. Мар (Аксеновой). – М.: Худож. лит., 1968. 743 с.
39. Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. – М.: Правда, 1990. 624 с.
40. Нарезный В. Т. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Грихина, В. Ф. Калмыкова. – М.: Советская Россия, 1983. 448 с.
41. Нарезный В. Т. Соч.: в 2 т. Т. 2: Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1983. 478 с.
42. Нарезный В. Т. Соч. – М., 2011. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548195.
43. Осипов Н. П. Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку: в 3 ч. – СПб.: Изданием И. К. Шнора, 1791–1794.
44. Осипов Н. П. Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку: в 4 ч. – СПб.: Императ. тип., 1800.

45. Осипов Н. П. *Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку*. – СПб.: Тип. гос. мед. коллегии, 1801.
46. Погорельский А. *Сочинения. Письма* / изд. подгот. М. А. Турьян. – СПб.: Наука, 2010. 755 с.
47. Пушкин А. С. *Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6: Художественная проза*. – Л.: Наука, 1978. 575 с.
48. Равита Ф. *Фома Падурра (Критический очерк)* // *Киевская старина*. 1889. Т. 26. Сентябрь. С. 727–751.
49. *Разговор Великороссии с Малороссией (Литературный памятник второй половины XVIII века)* / подгот. Н. Петров // *Киевская старина*. 1882. Т. 1. Февраль. С. 313–365.
50. Розанов В. В. *Мимолетное* // Розанов В. В. *Собр. соч. Мимолетное* / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994. 541 с.
51. Розанов В. В. *Уединенное: сб.* – М.: Эксмо, 2006. 906 с.
52. Розанов В. В. *Гений формы (к столетию со дня рождения Гоголя)* // *Гоголь в русской критике: антология* / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортuna ЭЛ, 2008. С. 233–241.
53. Розанов В. В. *Из «Уединенного» и «Опавших листьев»* // *Гоголь в русской критике: антология* / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортuna ЭЛ, 2008. С. 304–313.
54. Руданський С. В. *Лірникові думи*. – Відкрита книга, 2012. 274 с. URL: <https://sites.google.com/site/openbookclassic/ukraienska-literatura/rudanskij/lirnikovi-dumi>.
55. Руданський С. В. *Пісні*. – Відкрита книга, 2012. 90 с. URL: <https://sites.google.com/site/openbookclassic/ukraienska-literatura/rudanskij/pisni>.
56. *Северные цветы на 1832 год* / изд. подгот. Л. Г. Фризман. – М.: Наука, 1980. 400 с.
57. Сомов О. М. *Были и небылицы* / сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. – М.: Советская Россия, 1984. 367 с.
58. Сомов О. М. *Купалов вечер. Избр. произведения*. – Киев: Днипро, 1991. 557 с.
59. Стефаник В. *Новеллы*. – М.: Наука, 1983. 288 с.
60. Толстой А. К. *Смерть Ивана Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. Стихотворения*. – М.: Худож. лит., 1988. 527 с.
61. Тынянов Ю. Н. *Смерть Вазир-Мухтара*. – М.: Эксмо, 2007. 378 с.
62. Франко І. *Зібрання творів: у 50 т. Т. 27: Літературно-критичні праці (1886–1889)*. – Київ: Наукова думка, 1980. 464 с.
63. Хомяков С. А. *Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 4: Трагедии и стихотворения*. – М.: Унив. тип., 1900. 428 с.
64. Шевченко Т. Г. *Избр. произведения* / под ред. К. И. Чуковского. – М.–Л.: Изд-во дет. лит., 1939. 367 с.
65. Шевченко Т. Г. *Зібрання творів: у 6 т. Т. 1: Поезія 1837–1847*. – Київ: Наукова думка, 2003. – 784 с.

66. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 2: Поезія 1847–1861. – Київ: Наукова думка, 2003. – 784 с.
67. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 3: Драматичні твори. Повісті. – Київ: Наукова думка, 2003. – 592 с.
68. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 4: Повісті. – Київ: Наукова думка, 2003. – 600 с.
69. Шевченко Т. Г. Кобзар. – Київ: Держлітвидав, 1961. 616 с.
70. Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы / пер. с укр. – М.: Худож. лит., 1972. 656 с.
71. Шевырев С. П. «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Гоголь в русской критике: антология / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортунa ЭЛ, 2008. С. 49–73.
72. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2009. 352 с.
73. Czajkowski M. Wernyhora, wieszcs ukraiński powiesc historyczna z roku 1768. – Lipsk: F. A. Brockhaus, 1862. 270 s.
74. Goszczynski S. Zamek Kaniowski // Wirtualna Biblioteka Literatury Polskiej.URL: <http://literat.ug.edu.pl/zamek/index.htm>.

Газеты, литературные журналы и альманахи

1. Библиотека для чтения.
2. День. Всеукраинская газета.
3. Киевская старина.
4. Колокол.
5. Маяк.
6. Москвитянин.
7. Московский телеграф.
8. Народное чтение.
9. Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник.
10. Отечественные записки.
11. Поступ. Щоденна львівська газета.
12. Русская беседа.
13. Русская старина.
14. Русское слово.
15. Северная пчела.
16. Сніп. Український новорочникъ.
17. Современник.

Источники по истории Древнего мира, Средних веков и Раннего Нового времени

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / совр. рус. пер. – М.: Российское библейское общество, 2011. 1408 с.

2. Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. 179 с.

3. Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины // Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России / пер. В. Г. Ляскоронского. – Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1901. 44 с.

4. Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст. Атлас репродукцій. – Київ: ДНВП «Картографія», 2009. 224 с.

5. Величко С. В. Літопис: в 2 т. / пер. з кн. укр. мови, комент. В. О. Шевчука; відп. ред. О. В. Мишанич. – Київ: Дніпро, 1991. URL: <http://izbornyk.org.ua/velichko/vel.htm>.

6. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. 559 с.

7. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

8. Гордон П. Дневник. 1659–1667 / пер., вступ. ст. и примеч. Д. Г. Федосова. – М.: Наука, 2003. 330 с.

9. Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. – М.: Современник, 1990. С. 201–327.

10. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года (Из летописного сборника Ильи Кощаковского) // Киевская старина. 1882. Т. 3. Июль. С. 97–105.

11. Ипатьевская летопись // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/acts/12/pvl/ipat0.htm>.

12. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. Ч. 1. – М.: Унив. тип., 1858. 346 с.

13. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. Ч. 2. – М.: Унив. тип., 1859. 340 с.

14. Історія України в документах і матеріалах. Т. 3. Визвольна боротьба українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії. (1569–1654 роки) / скл. М. Н. Петровський і В. К. Путілов. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1941. 291 с.

15. Киевский Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа и первоначальных князех Богоспасаемого града Киева. – Киев: В тип. Киево-Печерской Лавры, 1823. 164 с.

16. Коллинс С. Нынешнее состояние России // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text1.phtml?id=715>.

17. Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание, что в каком год в Украине Малороссийской деялось, наипаче, кто именно когда был козацким гетманом, и о протчих приключениях от России, кратко. URL: <http://litopys.org.ua/bilozer/bilz02.htm#page89>.

18. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. – М.: Унив. тип., 1846. 152 с.

19. «Летопись самовидца» по новооткрытым спискам: с прил. 3 малорос. хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». – Киев: Киевск. врем. комис. для разбора древ. актов, 1878. 472 с.

20. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / сост. Самоил Величко, б. канцелярист Канцелярии Войска Запорожского, 1720: в 4 т. Т. 1. – Киев: В лито-тип. заведении Иосифа Вальнера, 1848. 548 с.

21. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / сост. Самоил Величко, б. канцелярист Канцелярии Войска Запорожского, 1720: в 4 т. Т. 2. – Киев: В лито-тип. заведении Иосифа Вальнера, 1851. 612 с.

22. Лист Пилипа Орлика до київського митрополита Стефана Яворського (1721) // Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник. 1862. № 10. С. 1-28.

23. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки / пер. із ст.-укр. – Київ: Т-во «Знання» України, 1992. URL: <http://izbornyk.org.ua/grab/hrab.htm>.

24. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста О. Я. Сапожниковой и И. Ю. Сапожниковой. – М.: Европа, 2006. 248 с.

25. Невилль де ла. Записки де ла Невилля о Московии / пер. А. С. Лаврова. – М.: Аллегро-пресс. 1996. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frametext3.htm>.

26. Новгородские летописи – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1879. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/novg3.htm>.

27. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.VIII (июль – декабрь 1708 г.). Вып. 1. – М. – Л., 1948. 408 с.

28. Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. Первое. Т. 1. 1649-1675 гг. / под. ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.

29. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Украину в середине XVII века, описанное его сыном архимандритом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. – Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1997. 160 с.

30. [Синописис], или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева... – Киев: Тип. Лавры, 1674. 124 с.

31. [Синописис], или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева... – Киев: Тип. Лавры, 1678. 136 с.

32. Филипп Орлик и Запорожцы / подгот. А. Скальковский // Киевская старина. 1882. Т. 2. Апрель. С. 106–132.

33. Україна перед визлоленною войною 1648–1654 рр. Збирка документів (1639–1648) / под ред. М. Н. Петровского, К. Г. Гуслистоного. – Київ: Изд-во АН УРСР, 1946. 256 с.

34. Fox J. Book of Martyrs, containing an Account of the Sufferings and Death of the Protestants in the Reign of Queen Mary. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fihtys.narod.ru%2Ffoxes_book_of_martyrs.pdf&lang=en&c=5568868fcb62.

Энциклопедии. Словари

1. Аверинцев С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. София-Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев: Дух и литера, 2006. 912 с.

2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 26. 622 с.

3. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь: в 86 т. – М.: Терра, 1991. (Репринт издания Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон 1890 г.). Т. 11. 489 с.; Т. 16. 478 с. Т. 34. 478 с.

4. Быт Пушкинского Петербурга: в 2 т. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Совмещенная редакция изданий В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ в современном написании: в 4 т. – М.: Олма-Пресс, 2004.

6. Католическая энциклопедия: в 4 т. Т. 1. – М.: Изд-во францисканцев, 2002. 1906 с.

7. Мень А. В. Библиологический словарь: в 3 т. – М.: Фонд Александра Меня, 2002.

8. Народы России. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.

9. Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 19. / изд. под набл. предс. Императ. Рус. Ист. О-ва А. А. Половцова. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1909. 608 с.

10. Славянофилы: историческая энциклопедия. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. 736 с.

11. Українсько-російський словник / уклад.: Г. П. їжакевич та ін. – Київ: Наукова думка, 2004. 1008 с.

Исследования

1. Аверинцев С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы / пер. с древнегреч. и древнеевр.; под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев: Дух и литера, 2004. 500 с.

2. Алексеев А. Переводы Библии // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 345–355.

3. Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. – М.: Искусство, 1975. 421 с.

4. Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 122–171.

5. Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 172–243.

6. Алексашин С. С. Современные генографические исследования родословий Рюриковичей посредством генетического маркера Y-хромосомы // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-187-9.

7. Алымов С. С. Павел Иванович Кушнер: между наукой и идеологией // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 475–516.

8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер с англ. В. Г. Николаева. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 287 с.

9. Андреева Е. А. Петербург – «город на костях»? // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 29–40.

10. Анненкова Е. И. «Страхи и ужасы России» (Диалог автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» с современниками) // Н. В. Гоголь. Мат. и исслед. Вып. 3 / отв. ред. Ю. В. Манн. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 55–90.

11. Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 363 с.

12. Артемьева Т. В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. 182 с.

13. Бабулин И. Б. Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года // Рейтар. 2006. № 28. URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2014/07/1660.html>.

14. Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на Русской равнине. – М.: Луч, 2007; Генофонд.ру. URL: <http://genofond.ru/default2.aspx?s=0&p=23>.

15. Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г. и др. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII, Антропология, 2011. Вып. 3. С. 27–58. URL: http://genofond.ru/LoadFile.aspx?file_id=1816.

16. Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко: сравнительно-типологические опыты. – Харьков, 2007. 416 с.

17. Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» («Родина – чужбина» у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 137–175.

18. Барабаш Ю. «Инь» и «Ян» украинской культуры (Гоголь и Шевченко) // Н. В. Гоголь. Мат. и исслед. Вып. 3 / отв. ред. Ю. В. Манн. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 31–54.

19. Барабаш Ю. «Лица басурманской национальности» у Гоголя и Шевченко // Вопросы литературы. 1999. № 3. С. 204–235.

20. Барабаш Ю. «Месторазвитие», или Знаете ли вы украинскую ночь? Национальный ландшафт как ментальный фактор (Гоголь) // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 340–351.

21. Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М.: Наследие, 1995. 223 с.

22. Барабаш Ю. Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (Мечь как религиозно-мистическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 31–65.

23. Барабаш Ю. Случай Хмельницкого (Шевченко и Гоголь. Фрагмент) // Вопросы литературы. 1996. № 2. С. 103–133.

24. Барабаш Ю. «Страшная мечь» в двух измерениях. Миф и (или?) история // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 171–210.

25. Барабаш Ю. «Художник петербургский!» // Вопросы литературы. 2002. № 1. С. 157–205.

26. Белова О. О «жидах» и «жидовской вере» в народных представлениях восточных славян // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: сб. ст. – М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 160–175.

27. Березкина С. В. «Немцы» против «Европейца» // Москва. 2009. № 3. С. 201–213.

28. Бибииков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. М., 1950. Т. 32. С. 173–197.

29. Билецкий А. «Энеида» И. П. Котляревского // Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. В. Потаповой. – М.: Гослитиздат, 1961. С. 3–15.

30. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / авториз. пер. с франц. М. Крисань. – М.: НЛО, 2011. 1008 с.

31. Бойко Ю. В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.): этностатистический очерк. – Черкассы: Вертикаль, 2007. 48 с.

32. Большаков Л. Н., Бородин В. С. Путь «Кобзаря». Судьба книги Т. Шевченко. – М.: Книга, 1978. 91 с.

33. Бондаренко Н. А. О. М. Бодянский и И. И. Срезневский об изучении фольклора Малороссии // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения: сб. ст. к 200-летию со дня рождения ученого – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 166–172.

34. Бородин В. С., Кирилук Є. П., Смилянська В. Л., Шабліовский Є. С., Шубравський В.Є. Т. Г. Шевченко. Біографія. – Київ: Наукова думка, 1984. 560 с.

35. Бояновська Е. М. Микола Гоголь: Між українським і російським націоналізмом. – Київ: Темпора, 2013. 616 с.

36. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... канд. ист. наук. – Тарту, 2010. 213 с.

37. Великий Новгород. Колыбель государства Российского / авт.-сост. В. Г. Смирнов. – М.: Вече, 2012. 320 с.

38. Виноградов И. И. К истории отношений Гоголя с Виельгорскими (в Италии и России) // Наше наследие. 1998. № 46. С. 56–59.

39. Глуховский П. Фаддей Булгарин в мире в мире идентичностей Российской империи // Славяноведение. 2011. № 2. С. 46–55.

40. Гнатюк М. П. Поема Т. Г. Шевченка «Гайдамаки». – Київ: Держлітвидав, 1963. 173 с.

41. Горский А. А. К вопросу о причинах возвышения Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3–12.

42. Гуржій О. «Іван носить плахту, а Настя булаву»? Суспільно-політичний портрет елітної жінки першої третини XVIII ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. 2002. Вип. I. С. 219–230.

43. Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. – Київ: Києво-Могилянська академія, 2008. 718 с.

44. Дмитриев М. В. Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 154–159.

45. Досталь М. Ю. О. М. Бодянский и первые университетские слависты: Проблемы методологии романтизма // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения: сб. ст. к 200-летию со дня рождения ученого. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 19–27.

46. Дубнов С. М. Краткая история евреев. – Ростов-н/Д: Феникс, 2000. 576 с.

47. Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. 384 с.

48. Егорова И. Украинцы – поляки: братья/враги, соседи... // День. Всеукраинская газета. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-ukrainy/ukraincy-polyaki-bratyavragi-sosedi>.

49. Елисеева О. Григорий Потемкин. – М.: Молодая гвардия, 2006. 665 с.

50. Євсева Т. М. Роль церковної еліти формуванні політичної самосвідомості українців XVII–XVIII століть // Український історичний журнал. 1999. № 2. С. 89–104.

51. Живов В. М. Вопрос о церковной юрисдикции в российско-украинских отношениях XVII – XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2002. С. 344–363.

52. Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. – М.: НЛО, 2004. 360 с.

53. Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. С. 579–631.

54. Жутић Н. Римокатоличка црква и Хрватцтво. Од илирске идеје до великохрватске реализације 1453–1941. – Београд: Институт за савремену историју, 1997. 336 с.

55. Жутић Н. Срби римокатолици, такозвани Хрвати. – Београд: Српска радикална странка, 2006. 357 с.

56. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

57. Зализняк А. А. Новгородская Русь по берестяным грамотам // Портал Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/11/30/zalizniak>.

58. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Полигон, 2002. 573 с.

59. Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М.: Изд-во МГУ, 1959. 171 с.

60. Западные окраины Российской империи. – М.: НЛО, 2007. 608 с.

61. Звигяцковский В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. – Киев: Линей, 1994. 543 с.

62. Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в формировании великорусской народности? // Сб. Ленингр. о-ва исследователей культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). Исслед. и матер. по финноугроведению / под. ред. В. А. Егорова. – Л.: Изд. ЛОИКФУН, 1929. Вып. 1. С. 96–108.

63. Золотусский И. Гоголь. – М.: Молодая гвардия, 2009. 485 с.

64. История городов и сёл Украинской ССР: в 26 т. Т. 1. Харьковская область. – Киев: Укр. совет. энцикл., 1976. 721 с.

65. История городов и сёл Украинской ССР: в 26 т. Т. 7. Днепропетровская область. – Киев: Укр. сов. энцикл., 1977. 837 с.

66. История Киева: в 3 т., 4 кн. Т. 2. Киев периода позднего феодализма и капитализма. – Киев: Наукова думка, 1983. 463 с.

67. История еврейского народа / под ред. Ш.Эттингера. – М.–Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2002. 687 с.

68. История Полтавской губернии // Петриченко. История рода. URL: <http://www.petrichenko.info/istoriya>.

69. Історія міст і сіл Української РСР. Т. 21. Харківська область. – Київ: Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1966. 1086 с.

70. Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века. – М.: Наука, 1976. 306 с.

71. Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. – М.: Наука, 2006. 658 с.

72. Калик Ю. Будущее российское еврейство: евреи в восточных землях Речи Посполитой // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 243–266.

73. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. – М.: Терра, 1997.

74. Касименко А. К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 – початку 1651 р. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1955. 432 с.

75. Киселев В., Васильева Т. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX века // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А.Эткинда, Д.Уффельманна, И. Кукулина. – М.: НЛО, 2012. С. 478–517.

76. Колосова Н. Россети черноокая. – М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 304 с.

77. Коляда С. Ю., Кирієнко, Коляда І. А. Пилип Орлик. – Харків: Фолио, 2008. URL: <http://www.litres.ru/a-kolyada/o-u-kir-nko/s-u-kolyada/pilip-orlik>.

78. Кониський О. Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка йога життя. – Київ: Дніпро, 1991. 702 с.

79. Кохановская Т., Назаренко М. Украинский вектор. Тени незабытых предков // Новый мир. 2011. № 2. С. 204–211.

80. Кривопапов А. А. Граф Е. Ф. Канкрин об обороне западных границ России в 1836 году // Российская история. 2013. № 6. С. 52–64.

81. Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М.: Изд-во МГУ, 2013. 251 л.

82. Крутікова Н.Є. Гоголь та українська література (30–80-і рр. XIX сторіччя). – Київ: Держлітвидав, 1957. 552 с.

83. Крыжановский Е. Учебные заведения в русских областях Польши в период ее разделов // Киевская старина. 1882. Т. 1. Февраль. С. 262–300.

84. Кудрин О. Песня на два голоса. О национальной идентичности Николая Гоголя-Яновского // Урал. 2013. № 9. С. 193–204.

85. Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 189–213.

86. Курохтина Т. Н. К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение. 2012. № 3. С. 93–101.

87. Курохтина Т. Н. Русско-украинское двуязычие в теории языковых контактов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре / отв. ред. Е. С.Узенёва. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 274–284.

88. Кутилова Л. А. Украинцы в Сибири: Пути этничности (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod1/78–81.html>.

89. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. 285 с.

90. Лабаури Д. О. Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг. Идеология, программа, практика политической борьбы. – София: Академ. изд-во им. проф. Марина Дринова, 2008. 247 с.

91. Лабынцев Ю. А. Образ Тараса Шевченко и его «Кобзарь» в польском культурном пространстве между Киевом и Вильно до начала восстания 1863–1864 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре / отв. ред. Е. С.Узенёва. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 127–140.

92. Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. – М.: Древлехранилище, 2000. 574 с.

93. Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. – М.: Археографический центр, 1999. 304 с.

94. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–29.

95. Лаптева Л. П. Значение О. М. Бодянского в развитии русского славяноведения. К 200-летию со дня рождения ученого // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения: к 200-летию со дня рождения ученого: сб. ст. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 5–18.

96. Левкиевская Е. Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии // Studia Mythologica Slavica. 1998. I. С. 307–316.

97. Лескинен М. В. «Малороссийская народность» в российской науке второй половины XIX в. Проблемы этнографического описания // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 244–283.

98. Лескинен М. В. Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX века. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии: сб. ст. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 67–94.

99. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

100. Лукашова С. С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII века // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 37–52.

101. Лукашова С. С. Малороссийские архиереи Русской православной церкви в 1700–1771 годах // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 69–121.

102. Льюис К. С. Размышления о псалмах / пер. с англ. Н. Трауберг. – М.: Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2007. 120 с.

103. Макарий (Булгаков М. П.), митр. История Русской церкви: в 12 т. Т. 11. Патриаршество в России. Кн. 2. – СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882. 629 с.

104. Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. – М.: Зерцало-М; Вече, 2005. С. 11–124.

105. Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. – Гельсингфорс: Новая тип. Гувудстадсбладет, 1902. 406 с.

106. Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. – М.: Аспект-Пресс, 2004. 787 с.

107. Манн Ю. В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809–1835. – М.: РГГУ, 2012. 505 с.

108. Манн Ю. В. Гоголь. Книга вторая. На вершине. 1835–1845. – М.: РГГУ, 2012. 551 с.

109. Марченко А. Лермонтов. – М.: АСТ : Астрель, 2010. 600 с.

110. Марчуков. А. В. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М.: Regnum, 2011. 294 с.

111. Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа у західноєвропейських джерелах. 1687–1709. – Київ – Полтава, 1995. URL: <http://litopys.org.ua/coss4/mazk10.htm>.

112. Мельниченко В. Ю. «На славу нашої преславної України» (Тарас Шевченко і Осип Бодяньський). – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 560 с.

113. Мельниченко В. Ю. Тарас Шевченко: «Друзі мої єдині» (десять постатей у поетовому житті). – М.: Домашня бібліотека, 2013. 703 с.

114. Мельниченко В. Ю. Українська душа Москви (Михайло Максимович. Михайло Щепкін. Осип Бодянський. Микола Гоголь). – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 672 с.

115. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). – СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

116. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в Российской империи. – Киев: Laurus, 2013. 416 с.

117. Милюков А. Вопрос о малороссийской литературе // Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления: критические очерки. – СПб.: Тип. Ф. Сучинского, 1875. С. 126–163.

118. Мірчук П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. – Н.-Й.: Наукове Товариство ім. Тараса Шевченка, 1973 // EXLIBRIS: українська електронна бібліотека: історія, публіцистика, художня література. URL: <http://exlibris.org.ua/hajdamaky/index.html>.

119. Михед П. Гоголь в контексте русской и украинской культур // Филолог. Вып. 18. С. 242–251. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_18_364.

120. Мицик Ю. Умань козацька и гайдамацька. – Київ: КМ Академія, 2002. 187 с.

121. Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Прага, 1924. Т. 1. Вып. 1. 288 с.

122. Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Прага, 1926. Т. 1. Вып. 2. 274 с.

123. Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Прага, 1926. Т. 1. Вып. 3. 217 с.

124. На путях становления украинской и белорусской наций: Факторы, механизмы, соотнесения. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. 256 с.

125. Назаренко М. Сокращенный рай: Украина между Гоголем и Шевченко // Новый мир. 2009. № 7. С. 160–172.

126. Неменский О. Б. Национализм городского и сельского типа. Украинство на фоне других национальных идеологий Центральной и Восточной Европы // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: механизмы формирования и способы проявления. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. С. 120–141.

127. Неменский О. Б. «Чтобы быть Руси без Руси». Украинство как национальный проект // Вопр. национализма. 2011. № 1 (5). С. 77–123.

128. Неменский О. Б. Игры с русским именем // Вопросы национализма. 2014. № 4 (20). С. 72–82.

129. Німчук В. В. Мова. Історія української культури. Т. 1. – Київ, 2001. URL: <http://litopys.org.ua/istkult/ikult.htm>.

130. Новиков В. И. Алексей Константинович Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2011. 286 с.

131. О происхождении слова «кацап» // Киевская старина. 1901. Т. 55. Декабрь. С. 472–477.

132. Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). – Тула: Гриф и К, 2011. 352 с.

133. Огієнко І. Українська культура. Коротка історія культурного життя українського народу. – Київ: Вид-во Книгарні Є. Череповського, 1918. 272 с.

134. Огієнко І. Українська церква: Нариси з історії української православної церкви: у 2 т. – Київ: Україна, 1993. 284 с. URL: <http://litopys.org.ua/ohienko/oh.htm>.

135. Оглоблин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. – Н.-Й. – Киев – Львів – Торонто, 2001. // “Ізборник” – Історія України IX–XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації: Електронна бібліотека давньої української літератури. URL: <http://izbornyk.org.ua/coss3/ohl.htm>.

136. Околитенко Т. Иван Сошенко: предтеча нашего гения // День. Всеукраинская газета. 2013. 4 мая.

137. Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». – Саратов, 1959. 316 с.

138. Орлова Н. Иван Котляревский: портрет без ретуши. URL: <http://persons-journal.com/journal/634/641>.

139. Осокин М. «Между делом сквернодействия» Григория Теплова. URL: <http://polit.ru/article/2013/07/27/teplov>.

140. Павленко Н., Артамонов В. 27 июня 1709. – М.: Молодая гвардия, 1989. 270 с.

141. Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии: очерки по архивным данным с рисунками. Вып. 2. Отдельный оттиск из журнала «Киевская старина». – Киев: Типо-литография Н. А. Гирич, 1906. 115 с.

142. Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – М.: Наука, 1982. 263 с.

143. Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Военная тип., 1890. 430 с.

144. Петрухин В. Евреи в древнерусских источниках. XI–XIII вв. // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 214–240.

145. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). – М.: РОССПЭН, 2014. 1062 с.

146. Пештич С. Л. «Синописис» как историческое произведение // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. XV. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 284–298.

147. Пичета В. [Рецензия] // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 130–131. Рец. на кн.: Україна перед визлоленою войною 1648–1654 рр. Збірка документів (1639–1648 рр.). – Київ: Изд-во АН УРСР, 1946. 256 с.

148. Півторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. – Київ: Академія, 2001. URL: <http://izbornyk.org.ua/pivtorak/pivt12.htm>.

149. Плохій С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. – Київ: Laurus, 2013. 440 с.

150. Плохинский М. М. Гетман Мазепа в роли великорусского помещика // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 4. – Харьков: Тип. К. Счасни, 1892. С. 23–53.

151. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки. Критические статьи и заметки.). – М. – Л.: Соцэкгиз, 1933. Вып. 1. 327 с.

152. Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. – М.–Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 1997. 430 с.

153. Попков А. И. Участие черкас в боевых действиях на Поле в 1632–1634 гг. (тезисы) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материалы регион. науч.-практ. конф. – Белгород, 1996. С. 25–27.

154. Рождественский И. Г. Книга Есфирь в текстах: еврейско-масоретском, греческом и славянском. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1885. 218 с.

155. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настол. и дорож. кн. для русских людей: в 19 т. Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия / под ред. В. П. Семенова и под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского. – СПб.: А. Ф. Девреин, 1905. 600 с.

156. «Русская Беседа». История славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 568 с.

157. Рябчук Н. Ю. Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных» отношений // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А.Эткинда, Д.Уффельманна, И. Кукулина. – М.: НЛО, 2012. С. 447–477.

158. Самарин Ю. Ф. Соч.: в 10 т. Т. 1: Статьи разного содержания по польскому вопросу. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1877. 402 с.

159. Самарин Ю. Ф. Соч.: в 12 т. Т. 12: Письма 1840–1853. – М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1911. 477 с.

160. Сарабьянов Д. С. Образы века. О русской живописи XIX столетия, ее мастерах и их картинах. – М.: Молодая гвардия, 1967. 176 с.

161. Сергеев С. «Хозяева» против «наемников». Русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 38–78.

162. Скитский Б. В. Гетманщина накануне ее падения (очерки быта). – Владикавказ: Сердало, 1928. 59 с.

163. Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре / отв. ред. Е. С.Узенёва. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. 360 с.

164. Соколов Л. Ответ идейным наследникам Духинского // Вестник Юго-Зап. Руси. 2007. № 4 (5). С. 83–92.

165. Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. – М.: Русский путь, 2001. 512 с.
166. Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.
167. Степанов Д. Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 12–21.
168. [Стороженко Н. В.] Н. С. К истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX века // Киевская старина. 1897. Т. 59. Октябрь. С. 115–131; Ноябрь. С. 143–156.
169. Таирова-Яковлева Т. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. – М.: Центрполиграф, 2011.
170. Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. – М.: Молодая гвардия, 2007. 171 с.
171. Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. – М.: Изографус: ЭКСМО, 2003.
172. Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 367–397.
173. Тесля А. «Украинский вопрос» в публицистике Ивана Аксакова начала 1860-х гг. // Вопросы национализма. 2014. № 17. С. 152–166.
174. Толочко П. П. Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. – Киев: АДЕФ-Україна, 2010. 300 с.
175. Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. – Киев: Laurus, 2012. 256 с.
176. Томмасо Ди Л. Древнееврейские источники в славянской литературной традиции // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 356–366.
177. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс: Универс, 1995. 800 с.
178. Трушкин М. Д. А. К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы. – М.: Русский Мир, 2009. 656 с.
179. Турьян М. А. Личность А. А. Перовского и литературное наследие Антония Погорельского // Погорельский А. Соч. Письма. – СПб.: Наука, 2010. С. 565–654.
180. Ульянов Н. Украинский сепаратизм. – М.: Эксмо, 2004. 416 с.
181. Филин М. После смерти Н. В. Гоголя // Русская речь. 1999. № 5. С. 29–32.
182. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. – Л.: Наука, 1972. 655 с.

183. Финкельштейн Ю. Е. Симон Петлюра // Козлов А. Генерал Деникин; Финкельштейн Ю. Симон Петлюра. – Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 349–510.

184. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. – М.: Индрик, 2013. 448 с.

185. Флоря Б. Н. Воссоединение Украины с Россией в оценке современников // Славянский альманах. 2004. – М.: Индрик, 2005. С. 4–10.

186. Флоря Б. Н. Епископы, православная знать и братства. Вопрос о реформе церкви в последние десятилетия XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. – М.: Индрик, 1996. С. 95–116.

187. Флоря Б. Н. Кто такой «хохол»? // Родина. 1999. № 8. С. 58–59.

188. Флоря Б. Н. Подготовка унии и Ватикан // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. – М.: Индрик, 1996. С. 169–176.

189. Флоря Б. Н. Положение православной и католической церквей в Речи Посполитой. Развитие национально-конфессионального сознания западнорусского православного общества во второй половине XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. – М.: Индрик, 1996. С. 85–94.

190. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. – М.: Индрик, 2005. 416 с.

191. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). – М.: Индрик, 2010. 656 с.

192. Флоря Б. Н. Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII – первая треть XVIII века) и два ее идеолога // Славяноведение. 2014. № 2. С. 25–46.

193. Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Раскол западнорусского православного общества на два лагеря, провозглашение унии церквей в Риме. Брестские соборы 1596 г. и закрепление раскола // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. – М.: Индрик, 1996. С. 177–193.

194. Формозов А. А. Человек и наука: из записей археолога. – М.: Знак, 2005. 224 с.

195. Фрейдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). – СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.

196. Харишин М., Мордвінцев В. Російско самодержавство та Київська митрополічна кафедра, або як Українська православна церква позабулася автокефалії. – Київ: Братство УАПУ «Світло для світу», 1999. 336 с.

197. Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. – Казань: Кн. магазин М. А. Голубева, 1914. 878 с.
198. Хилл К. Английская Библия и революция XVII в. – М.: ИВИ РАН, 1998. 489 с.
199. Хорев В. А. «Тарас Бульба» в Польше // Славяноведение. 2011. № 4. С. 37–42.
200. Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 8–68.
201. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
202. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. – М.: УРСС: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
203. Чорновол І. Мостовий Р. Вернигора – український Нострадамус // Поступ. Щоденна львівська газета. 20–21 мая 2000 года. URL: http://postup.brama.com/000520/88_11_2.html.
204. Шагинян М. Тарас Шевченко. – М.: Худож. лит., 1964. 273 с.
205. Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. – Л.: Худож. лит., 1969. 501 с.
206. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: НЛО, 2013. 448 с.
207. Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. – М.: НЛО, 2012. 768 с.
208. Яковенко Н. Почти беспристрастно. Как Михаил Грушевский и Вячеслав Липинский создавали национальную историю // Родина. 1999. № 7. С. 10–13.
209. Яковлева Т. Г. Мазепа – гетман: в поисках исторической объективности // Новая и Новейшая история. 2003. № 4. С. 45–63.
210. Gross M. Izvorno pravaštvo: ideologija, agitacija, pokret. Zagreb: Golden marketing, 2000. 830 s.
211. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 229 p.
212. Novak V. Magnum Crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. – Zagreb: Nakladni zavod Hrvatske, 1948. 1120 s.

Электронные ресурсы

1. Библиотека Анархизма. URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org>.
2. Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info>.
3. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия>.

4. Вікіпедія, вільна енциклопедія. URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Головна_сторінка.
 5. «Відкрита книга»: електронна бібліотека класики української та світової літератури. URL: <https://sites.google.com/site/openbookclassic>.
 6. «Ізборник» - Історія України IX-XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації: Електронна бібліотека давньої української літератури. URL: <http://litopys.org.ua>.
 7. ЛитРес - магазин електронних і аудіокниг. URL: <http://www.litres.ru>.
 8. Полит.ру - Информационно-политический канал. URL: <http://polit.ru>.
 9. Сайт Музея антропологии и этнографии им Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://kunstkamera.ru>.
 10. Сайт, посвященный жизни и творчеству Тараса Шевченко. URL: <http://taras-shevchenko.com.ua>.
 11. Традиция: Свободная русская энциклопедия. URL: http://traditio.ru.org/wiki/Заглавная_страница.
 12. Українські народні пісні. URL: <http://proridne.com>.
 13. Публичная электронная библиотека. URL: <http://public-library.ru>.
 14. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). URL: <http://feb-web.ru>.
 15. Электронная библиотека Руниверс. URL: <http://www.runivers.ru>.
 16. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il>.
 17. Diasporiana: електронна бібліотека. URL: <http://diasporiana.org.ua>.
 18. The Genographic Project. Your Regional Ancestry: Reference Populations. URL: <https://genographic.nationalgeographic.com/reference-populations>.
-

notes

Примечания

1

Московский телеграф. 1830. № 17. С. 76. (Здесь и далее названия изданий, вышедших до 1918 года, даются в современной орфографии. – Прим. авт.)

2

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. – М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. С. 191.

3

Шевченко Т. Г. Капитанша // Зібрання творів: у 6 т. Т. 3. Драматичні твори. Повісті. – Київ: Наукова думка, 2003. С. 293.

4

См.: Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Мое путешествие кое-куда 1810 года. – М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. С. 46.

5

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1994. С. 306.

6

Там же. С. 310.

7

Там же. С. 305.

8

Впрочем, малороссийские хаты тоже бывали курными еще в начале XIX века.

9

Шевченко Т. Г. Капитанша. С. 293–294.

10

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. С. 108.

11

Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. Т. 1. – М., 1839. С. 11.

12

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1988. С. 401.

13

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 64.

14

Там же. С. 206.

15

Из переписки И. И. Срезневского (1829–39 гг.) // Киевская старина. 1901. Т. 73. Июнь. С. 325.

16

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: Искусство, 2002. С. 146.

17

См.: Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 119.

18

Шевченко Т. Г. Прогулка с удовольствием и не без морали // Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. Повісті. С. 266.

19

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. Т.2. / изд. подгот. В. И. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 481.

20

Чтобы не путать казаков русских (донских, терских, уральских) с казаками украинскими, мы будем называть последних по-украински «козаками», а слово «казачий» там, где это допустимо, заменять на

«козацкий». Так поступал еще Николай Васильевич Гоголь, начиная с первых изданий «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Будем следовать здесь гоголевской традиции. Исключение – цитаты из документов и художественных произведений.

21

Лукашевич П. Малороссийские и Червонорусские народные думы и песни. – СПб.: Тип. Эдуарда Пгаца и К, 1836. С. 107.

22

Там же. С. 103-104.

23

См.: Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. – М.: Вече, 2014. С. 37.

24

См.: Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 207.

25

Курень – это и общежитие, точнее – казарма для козаков, и административная единица, вроде донской станицы. Чтобы не путать те и другие курени, историк Лазаревский называл последние «куренными селами». См.: Там же. С. 207.

26

Попко И. Д. Черноморские казаки... С. 29–30.

27

Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. – Київ: Києво-Могилянська академія, 2008. С. 161.

28

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. С. 266.

29

Левшин А. Письма из Малороссии. – Харьков: Унив. тип., 1816. С. 17.

30

Территория Гетманщины делилась на полки, полки – на сотни. Центром полка был полковой город (місто полкове, полковий центр), где находилась полковая канцелярия. В полк входили 15–20 сотен. Две – четыре сотни, как правило, были приписаны к полковому городу, остальные являлись не только военными, но и административными единицами. Резиденция сотника и сотенного писаря располагалась в сотенном городе или селе (сотенно місто).

31

Гребенка Е. П. Чайковский: роман. Повести. – Киев: Днепр, 1988. С. 21.

32

Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии: очерки по архивным данным с рисунками. Вып. 2. Отдельный оттиск из журнала «Киевская старина». – Киев: Типо-литография Н. А. Гирич, 1906. С. 71.

33

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 77.

34

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 65, 87.

35

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 6.

36

Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 4. Стихотворения 1828–1852. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. С. 340.

37

См.: Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 67.

38

Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. С. 340.

39

Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 72–73.

40

Если уж говорить о переводе, то за оригинал надо принять не «Энеиду» Вергилия Марона, а сочинение Николая Осипова «Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку» [СПб.: Изданием И. К. Шнора, 1791–1796].

41

См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. – Казань: Кн. магазин М. А. Голубева, 1914. С. 317–322, 324.

42

См.: Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 95–96.

43

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... канд. ист. наук. – Тарту, 2010. С. 46.

44

Там же.

45

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. Гл. 3. // Соч.: в 18 кн. Кн. 8. – М.: Мысль, 1993. С. 142.

46

См.: История Киева: в 3 т., 4 кн. Т. 2. Киев периода позднего феодализма и капитализма. – Киев: Наукова думка, 1983. С. 126.

47

Там же. С. 128.

48

Магдебургское право – система городского права, широко распространенная в Польше и Великом княжестве Литовском. Города, получившие магдебургское право, пользовались развитой системой самоуправления с выборными должностями и собственным судопроизводством. Магдебургское право ограничивало или даже сводило на нет власть феодалов и государственных чиновников в городе. На землях Западной Руси «магдебургия» появилась уже в начале XIV века, в последние десятилетия существования Галицко-Волынского княжества. В Российской империи «магдебургия» продержалась достаточно долго. Более того, некоторые города (Полтава, Прилуки) получили магдебургское право только в XVIII веке, то есть уже под властью русского государя. Правда, еще до городской реформы Екатерины II магдебургское право постепенно выходило из употребления на Украине. Малороссийские местечки, заселенные даже не ремесленниками, а крестьянами, мало напоминали средневековые города. Тем не менее окончательно «магдебургия» будет ликвидирована только по инициативе М. М. Сперанского и по воле императора Николая I в 1831 году.

49

Войт – глава городской администрации, избиравшийся пожизненно.

50

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 302.

51

См.: Терновский Ф. А. Киевское представительство прежнего времени // Киевская старина. 1882. Т. 2. Май. С. 184–191.

52

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым: в 4 ч. Ч. 1. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. С. 183.

53

См.: Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 61.

54

См.: История Киева. Т. 2. С. 168.

55

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 61.

56

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 373.

57

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 61.

58

См.: История Киева. Т. 2. С. 126; Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 41.

59

Крещатик, или Большая Крещатицкая улица, сейчас – Набережно-Крещатицкая улица. Не путать с хорошо известным Крещатиком – главной улицей Киева, который ведет свое название от Крещатого яра.

60

Грибоедов А. С. Письмо Одоевскому В. Ф., князю, 10 июня 1825 // Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3. – Пг.: Изд-во Разряда изящной словесности Акад. наук, 1911–1917. С. 175.

61

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 304.

62

Гоголь Н. В. Письмо Максимовичу М. А., 2 июля 1833 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. Письма, 1820–1835. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 273.

63

Там же. С. 288.

64

Гоголь Н. В. 1834 // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. – М.: Наука, 2009. С. 246.

65

Гребенка Е. П. Мачеха и панночка: Малороссийское предание // Современник. 1838. Т. 12. Гл. VIII. Повести и рассказы. С. 19–20.

66

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Гл. 3. С. 533.

67

Там же. С. 533–534.

68

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – М.: Чарли, 1994. С. 66.
Сам Костомаров использует здесь свой собственный термин: «русские украинцы».

69

См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 528.

70

Шимонов А. Л. Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии // Киевская старина. 1882. Т. 4. Ноябрь. С. 201.

71

Там же. Декабрь. С. 414.

72

См.: Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев. – М.: Наука, 2000. С. 43.

73

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. – М.: НЛО, 2012. С. 437.

74

См.: Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). – М.: РОССПЭН, 2014. С. 253-258, 265, 270, 283.

75

Данилевский Г. П. Слобожане (Малороссийские рассказы) // Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. – М.: Терра, 1995. С. 519.

76

Шимонов А. Л. Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии // Киевская старина. 1882. Т. 4. Декабрь. С. 409.

77

Ригельман А. Летописное повествование о Малой России, ея народе и козаках вообще. Кн. 6. – М.: Унив. тип., 1847. С. 100-101.

78

См.: Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1887 г. – Харьков, 1887. С. 256-258;
Історія міст і сіл Української РСР. Т. 21. Харківська область. – Київ: Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1966.

79

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844-1849. С. 401.

80

См.: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 81.

81

О харьковских изданиях см.: Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 145.

82

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. С. 401.

83

См.: История городов и сёл Украинской ССР: в 26 т. Т. 1. Харьковская область. – Киев: Укр. сов. энцикл., 1976. С. 77–134.

84

См.: Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. – СПб.: В тип. Императ. Акад. Наук, 1858. С. 6.

85

В составе русской армии действовали и полки, набранные из малороссиян (жителей бывшей Гетманщины и Слободской Украины) и т.н. «верных» запорожцев, которые после уничтожения Запорожской Сечи генералом Текели не ушли на Дунай, а перешли на русскую службу. Так, 13 (24) сентября 1789 года в штурме крепости Гаджибей, на месте которой будет построена Одесса, участвовали шесть козацких полков под командованием войскового атамана Захария Чепеги и войскового судьи Антона Головатого.

86

См.: Багалея Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Оттиск из «Киевской старины». – Киев: Тип. Т. Г. Корчак-Новицкого, 1889. С. 15.

87

Там же.

88

Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века. – М.: Наука, 1976. С. 53.

89

См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 72.

90

См.: Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Новую Сербию // Киевская старина. 1883. Т. 7. Сентябрь – октябрь. С. 170.

91

Елисаветградская провинция граничила с Речью Посполитой.

92

См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 106.

93

См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 85.

94

Багaley Д. И. Колонизация Новороссийского края... С. 79–80.

95

Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 32.

96

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 128.

97

Елисеева О. Григорий Потемкин. – М.: Молодая гвардия, 2006. С. 362.

98

См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 98.

99

Там же. С. 102.

100

См.: Багaley Д. И. Колонизация Новороссийского края... С. 56.

101

Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии. Воля. Княжна Тараканова. – М.: Правда, 1983. С. 8.

102

Там же. С. 33.

103

Для сравнения, в первой половине XIX века надел козака Черноморского войска составлял 30 десятин. Крестьяне черноземных губерний нередко довольствовались наделами в 2–3 десятины.

104

Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. – М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 49.

105

См.: Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 171–172.

106

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 44.

107

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 80.

108

См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 71.

109

Там же. С. 71-72.

110

См.: Бахмут стал уездным городом в 1783 году, но в расчетах на 1763 год дана численность населения всех территорий, которые позднее будут включены в Бахмутский уезд.

111

См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 95.

112

Там же. С. 133.

113

Там же. С. 135.

114

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 401.

115

Там же. С. 407.

116

См.: Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI вв.): этностатистический очерк. – Черкассы: Вертикаль, 2007. С. 25–26.

117

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 27.

118

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Тип. Александра Якобсона, 1857. С. 133.

119

Флоря Б. Н. Положение православной и католической церквей в Речи Посполитой. Развитие национально-конфессионального сознания западнорусского православного общества во второй половине XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII вв. Ч. 1. – М.: Индрик, 1996. С. 92.

120

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 281.

121

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века // Русские об Украине и украинцах. С. 28.

122

См.: Неменский О. Б. Игры с русским именем // Вопросы национализма. 2014. № 4 (20). С. 74.

123

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 413.

124

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 277.

125

Цит. по: Ульянов Н. Украинский сепаратизм. – М.: Эксмо, 2004. С. 115.

126

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 266.

127

Там же. С. 414.

128

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 352.

129

Западные окраины Российской империи. – М.: НЛО, 2007. С. 37.

130

См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 668.

131

Рассказ современника о приключениях с ним во время «Колиивщины» / подгот. Ф. Рыльский // Киевская старина. 1887. Т. 17. Январь. С. 59–60, 62–64.

132

Пестель П. Русская правда... – СПб.: Культура, 1906. С. 39.

133

Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 792.

134

С Балканами, прежде всего – с Болгарией, связаны и его научные достижения. Он стал автором первой грамматики болгарского языка, доказал тесную связь этого языка с церковнославянским, собирал болгарские народные песни, которые были изданы уже после смерти филолога. Болгары столь высоко оценили его роль в болгарском национальном возрождении, что сделали фамилию (а на самом деле – псевдоним) «Венелин» болгарским именем.

135

Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. С. 793.

136

Там же.

137

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 261.

138

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 235.

139

См.: Горский А. А. К вопросу о причинах возвышения Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3-12.

140

См.: Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 59.

141

Там же. С. 185.

142

Там же.

143

См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 18.

144

См.: Флоря Б. Н. Кто такой «хохол»? // Родина. 1999. № 8. С. 58-59.

145

Там же. С. 59.

146

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. – М.: Индрик, 2005. С. 382.

147

См.: Бибииков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. – М., 1950. Т. 32. С. 177. Подробнее об этом сражении см. с. 173-197.

148

Флоря Б. Н. Кто такой «хохол»? С. 58-59.

149

Костомаров Н. И. Мазепа. – М.: Терра—Книжный клуб, 2004. С. 108.

150

История русов, или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. – М.: Унив. тип., 1846. С. 209.

151

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 292.

152

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 235.

153

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т.1. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. С. 233.

154

См.: Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 70–77;

Алымов С. С. Павел Иванович Кушнер: между наукой и идеологией // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. С. 499.

155

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 418–419.

156

Попков А. И. Участие черкас в боевых действиях на Поле в 1632–1634 гг. (тезисы) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материалы регион. науч.-практ. конф. – Белгород, 1996. С. 25–27;

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 63.

157

Цит. по: Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. – М.: Археографический центр, 1999. С. 58.

158

Коллинс С. Нынешнее состояние России // Восточная литература.
URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text1.phtml?id=715>.

159

Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. – М.: Современник, 1990. С. 324.

160

История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно // Прокопович Феофан. Избранные труды / сост. И. В. Курукин. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 524.

161

См.: Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. С. 27.

162

Цит. по.: Колосова Н. П. Россети черноокая. – М.: Прогресс-Плеяда, 2003. С. 216.

163

См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 348.

164

Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 28.

165

Там же. С. 29.

166

Там же. С. 32.

167

Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 35.

168

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 377.

169

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 29.

170

Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 37.

171

Староукраинский язык ближе к русскому, чем современный украинский.

172

Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. – М.: Центрполиграф, 2011. С. 267.

173

Степанов Д. Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50-60-е годы XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 18.

174

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. – М.: Молодая гвардия, 2007. С. 197.

175

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. С. 274.

176

Позднее украинские патриоты будут еще и так трактовать противопоставление Великой и Малой России: Великая Россия – это аналог Великой Греции, то есть большая, неизмеримо разросшаяся и разбогатевшая колония Малой Руси, Руси настоящей. Увы, эрудированный и дотошный Александр Соловьев доказал, что сопоставление это лишено смысла. Во-первых, Античность знает Великую Грецию (богатые греческие колонии на юге Италии), но не

знает Греции Малой. Элладу античные авторы так не называли. Во-вторых, в Средние века деление стран на «великие» и «малые» было чрезвычайно распространено. Великая и Малая Скифия, Великая и Малая Татария, Валахия... Но закономерность в разделении на «великих» и «малых» найти трудно. Нередко именно древняя родина называлась «великой», а новая родина – «малой». Скажем, Великая Венгрия – Югра, а Малая Венгрия – собственно дунайская Венгрия, куда венгры пришли только в IX веке, Великая Болгария – Волжская Болгария, а Малая Болгария – Болгария балканская.

177

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 67.

178

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 228–229.

179

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 86–87.

180

См.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Прага, 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 88–89.

181

Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст. Атлас репродукцій. – Київ: ДНВП «Картографія», 2009. С. 120–121.

182

Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века // Русские об Украине и украинцах. С. 195.

183

Письмо кн. Н. В. Репнина к императору Николаю Павловичу / подгот. Ст. фон Нос // Киевская старина. 1882. Т. 4. Декабрь. С. 558.

184

«Русская Беседа». История славянофильского журнала. Исследования. материалы. Постатейная роспись. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 149.

185

Аскаоченский В. И. И мои воспоминания о Т. Г. Шевченке // Воспоминания о Тарасе Шевченко. – Киев: Днепр, 1988. С. 135, 137.

186

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 252.

187

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 60.

188

Галаган Г. П. Малорусский вертеп // Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 34.

189

Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie.

190

Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie.

191

См.: Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1832.

192

См.: Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. С. 14–15.

193

Там же. С. 120–121.

194

Ипатьевская летопись // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/acts/12/pvl/ipat0.htm>.

195

Півторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. – Київ: Академія, 2001. URL: <http://izbornyk.org.ua/pivtorak/pivt12.htm>.

196

Історія України в документах и матеріалах. Т. 3. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1941. С. 25.

197

Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. первое. Т. 1. 1649–1675 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. С. 278, 487, 489.

198

Повесть об Азовском осадном сидении // Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Худож. лит., 1987. С. 285.

199

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 9.

200

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 36.

201

Вообще-то летопись доведена до 1734 года, но после 1702-го ее вел уже не автор, а его преемники.

202

Рукопись летописи не имеет ни заголовка, ни имени автора. Название «Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти» дано П. Кулишем, обладателем одного из четырех сохранившихся списков летописи, и О. Бодянским, который подготовил к печати и опубликовал ее. Авторство Романа Ракушки установлено исследователями – Петром Сердюковым, Александром Оглоблиным, Николаем Петровским.

203

Эта и последующие цитаты из «Летописи Самовидца» дается в переводе на современный русский литературный язык. Оригинал см.: Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. – М.: Унив. тип., 1846. С. 34. (Далее «Летопись Самовидца».)

204

«Между тем Запорожские Козаки в раде своей самовольно Брюховецкого украинским огласили гетманом». См.: Летопись Самовидца. С. 37.

205

Там же. С. 78.

206

Там же. С. 64, 72, 90.

207

«Летопись Самовидца» по новооткрытым спискам: С прил. 3-х малорос. хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». – Киев: Киев. врем. комис. для разбора древ. актов, 1878. С. 124.

208

В оригинале даже в одно слово – «украиномалороссийская». См.: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / сост. Самоил Величко, б. канцелярист Канцелярии Войска Запорожского, 1720.: в 4 т. Т. 1. – Киев: Лито-типографическое заведение Иосифа Вальнера, 1848. С. 5.

См. также: Кулиш П. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 83.

209

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. С. 111.

210

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. – М.: Индрик, 2013. С. 324.

211

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 122.

212

Там же. С. 248.

213

Там же. С. 182.

214

Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины // Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России / пер. В. Г. Ляскоронского. – Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1901. С. 1.

215

Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. С. 160–161.

216

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 26. С. 539.

217

Народы России. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 357.

218

См.: Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 40.

219

Разрядный приказ занимался делами служилых людей, строительством крепостей, формированием гарнизонов, их вооружением, снабжением.

220

Погорельский А. Сочинения. Письма / изд. подгот. М. А. Турьян. – СПб.: Наука, 2010. С. 162, 163.

221

Еще раз «украинский народ» упоминается в начале повести «Близнецы». В «Письме редактору Народного чтения», своеобразной автобиографии Шевченко, говорится об «украинской народности».

222

Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. – Київ: Довіра, 1992. С. 155.

223

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 235.

224

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 242.

225

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 236.

226

Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова составил и издал преподаватель географии во Владимирской Киевской военной гимназии А. Редров. Европейская Россия. – Киев, 1867. С. 261;

Лескинен М. В. Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX века. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 81.

227

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова: в 12 т. Т. 5. Малороссия, Подолия и Волынь. Ч. 1. – СПб.: Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1897. С.13.

228

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 75.

229

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5: Щоденник. Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Букварь южнорусский». Записи народної творчості. С. 55.

230

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 162.

231

Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. С. 332; Лескинен М. В. Понятие «нрав народа»... С. 83.

232

Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям.: в 5 т. Т. 2. Южный край (Малороссия, Новороссия, Крым и земля Донского и Черноморского войска). – СПб.: Изд. тов-ва М. О. Вольфа, 1886. С. 115;

См. также: Лескинен М. В. Понятие «нрав народа»... С. 83.

233

См.: Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. С. 155–156.

234

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 6.

235

Живописная Россия. Т. 5. Ч. 1. С. 6.

236

Живописная Россия. Т. 5. Ч.1. С. 14.

237

Полевой никогда не бывал на правобережной Украине, где поляки приучили украинских крестьян не только кланяться, но и целовать им руки.

238

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 249–250.

239

Лескинен М. В. Понятие «нрав народа»... С. 84–87.

240

Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. С. 152.

241

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 242.

242

Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. В. Потаповой. – М.: Гослитиздат, 1961. С. 126.

243

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 122.

244

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 29.

245

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 249.

246

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 46.

247

Там же. С. 322.

248

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 314.

249

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 249.

250

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 520.

251

Пассек В. Путевые записки. – М.: Тип. Семена Селивановского, 1834. С. 139. Пассек описал здесь хату каркасного типа, одного из самых распространенных, но отнюдь не единственного.

252

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 305.

253

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 481.

254

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 30.

255

Гоголь Н. В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 225.

256

См.: Пассек В. Путевые записки. С. 139.

257

Гоголь Н. В. Страшная месть // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 1. – М. – Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 214.

258

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 91.

259

Шевченко Т. Г. Близнецы // Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. С. 25.

260

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 386.

261

Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 2. С. 305.

262

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 55–56.

263

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 104–105.

264

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 527.

265

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 261.

266

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 55.

267

Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 1. С. 127.

268

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. С. 315.

269

Гоголь Н. В. Вий. С. 424.

270

Шевченко Т. Г. Кобзар. – Київ: Держлітвидав, 1961. С. 322.

271

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы / пер. с укр. – М.: Худож. лит., 1972. С. 348.

272

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 55.

273

Там же.

274

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 479.

275

Лесков Н. С. Путимец // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 1003.

276

Данилевский Г. П. Слобожане (Малороссийские рассказы). С. 564.

277

Гоголь Н. В. Вий. С. 428.

278

Костомаров Н. И. Воспоминание о двух малярах // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 162.

279

Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Соч.: в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1990. С. 461.

280

Большой (Камерный) театр на Театральной площади считался одной из достопримечательностей Петербурга, наряду с Казанским собором и Адмиралтейством.

281

Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. – Люберцы: Люберецкая газета, 1996. С. 37.

282

Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. – М.: Искусство, 1975. С. 25.

283

См.: Украинцы. С. 186.

284

См.: Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. С. 41–45.

285

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 38, 406.

См.: Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. – Киев: Laurus, 2013. С. 278.

286

«Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 года». Это и есть «Валуевский циркуляр». Он ограничивал публикацию книг на малороссийском языке «впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Синода и шефом жандармов». Историю появления «Валуевского циркуляра» детально изучил современный российский историк Алексей Миллер. См.: Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. С. 111–143, 277–278.

287

См.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». – Саратов, 1959. С. 32, 107–108.

288

Толстой А. К. Смерть Ивана Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1988. С. 506.

289

Дневник П. А. Валуева... Т. 1. С. 41.

290

Колокол. 1 марта 1867. С. 235.

291

Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. С. 125–126.

292

Там же. С. 126.

293

Катков М. Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами // Катков М. Н. Империя и крамола. – М.: Фонд ИВ, 2007. С. 42–48.

294

Это цитата из письма И. И. Срезневского к профессору И. М. Снегиреву. Цит. по: Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе

малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века. С. 214.

295

Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии: в 4 т. Т. 3. Этнография малорусская. – М.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. С. 94.

296

На первую грамматику Павловского откликнулся князь Цертелев, первый собиратель украинских народных песен. Свою рецензию князь напечатал в журнале «Сын Отечества», тогда и завязалась едва ли не первая дискуссия между первыми украинистами.

297

Павловский А. Грамматика Малороссийского наречия, или Грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших Малороссийское наречие от чистого Российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1818. С. 5–6.

298

Там же. С. 4.

299

Там же. С. 23.

300

Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 312.

301

Костомаров Н. И. Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке // «Ізборник» – Історія України IX-XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації: Електронна бібліотека давньої української літератури. URL: <http://izbornyk.org.ua/kostomar/kos12.htm>;

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846-1847). С. 62.

302

См.: Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. – Киев: Лыбидь, 1990. С. 447.

303

Цит. по: Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века. С. 215.

У этой запальчивости престарелого украинского писателя была особая причина. Фраза взята из его письма к издателю «Отечественных записок» Краевскому. Именно в этом журнале Белинский напечатал резкую, оскорбительную для национальных чувств малороссиян статью.

304

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 64.

305

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 77.

306

Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 131.

307

Обманутый солдат // Киевская старина. 1882. Т. 2. Июнь. С. 557–558.

308

Погорельский А. Сочинения. Письма. С. 169.

309

Наськы украинськы казки, запорозьця Иська Матыренки. – М.: Унив. тип., 1835.

Это было поэтическое переложение украинских сказок, подготовленное Осипом Бодянским.

310

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения 1829–1835. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 239.

311

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии 1840–1844. С. 288.

312

Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 552.

313

Там же. С. 552, 351.

314

Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 110.

315

Німчук В. В. Мова. Історія української культури. Т. 1. – Київ, 2001. С. 687–688, 693–694. URL: <http://litopys.org.ua/istkult/ikult.htm>.

316

См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л.: Наука, 1972. С. 632–637;

Толочко П. П. Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. – Киев: АДЕФ-Україна, 2010. С. 232–233.

317

Зализняк А. А. Новгородская Русь по берестяным грамотам // Портал Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/11/30/zalizniak>. См. подробнее: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

318

См.: Зализняк А. А. Новгородская Русь по берестяным грамотам.

319

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 44.

320

Началась работа не на Волыни, а в Подолии, в селе Дворец, но там было переведено и переписано только Евангелие от Матфея.

321

В языке Пересопницкого Евангелия немало церковнославянизмов, но последние встречаются даже у Шевченко в его переводах псалмов Давидовых.

322

Разумеется, здесь есть некоторое упрощение. Западнорусский язык развивался, его обогащали и/или портили полонизмы, которых в XVII веке станет намного больше, чем во времена Пересопницкого Евангелия.

323

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. 2. – М.: Терра, 1997. С. 287.

324

Полное название: «Собрание короткой науки об артикулах веры».

325

В Галиции этот искусственный, книжный язык еще в XIX веке будет соперничать с народным украинским языком. Галицийские просветители попытаются изобрести новый вариант книжного языка – «язычье», гибрид литературного русского, церковнославянского и украинского народного языков. Разумеется, он оказался нежизнеспособен. А когда в Галиции прочитали стихи Тараса Шевченко, написанные на украинском народном языке, на котором говорили крестьяне, то судьба «язычья» была решена.

326

Северная пчела. 1834. № 248;
Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 138.

327

Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя і творчість. С. 453.

328

Кулиш П. А. Историческое повествование // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 147.

329

Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 113;
Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 450.

330

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 595.

331

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. Листи. Дарчі та власницькі написи. Документи, складені Т. Шевченком або за його участю. С. 11.

332

Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 110–112.

333

Павловский А. Грамматика Малороссийского наречия... С. 4.

334

Павловский А. Грамматика Малороссийского наречия... С. 113.

335

Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 134.

Первые издания «Энеиды» Котляревского печатали так называемой «ярыжкой»: то есть по-украински, но используя русский алфавит. На ярыжке вышло и первое издание шевченковского «Кобзаря» (1840). Но украинцы считали, что русские буквы не слишком хорошо передают именно украинскую мову. Поэтому уже в «Грамматике» Алексея Павловского, напечатанной русским алфавитом, появляются первые попытки приспособить его к особенностям украинского языка. Так, Павловский различал мягкое, фрикативное «h» и твердое, звонкое «g», которое предложил обозначать буквами «кг»: «Галаган – Кгалаган», «гвалт – кгвалт» и т.д. Свою систему фонетического («как слышится, так и пишется») правописания предложили создатели галицийского альманаха «Русалка Днистровая» в 1837 году. А в Петербурге Кулиш разработал свою систему правописания (тоже фонетическую), которая, как ему казалось, лучше подходила для украинского языка. Так, полагал Кулиш, русская буква «ы» столь непривычна для «южно-русской речи», что «полтавец или чигиринец не может даже в великорусской книге произнести звуков *мы, вы* и т.п. Он будет произносить нечто подобное словам *ми, ви...*» Поэтому грубое русское «ы» он заменил на «мягкое, южное и». А «острое и» на письме стал обозначать десятеричным «і», которое было тогда и в русском. Это только одна из многих замен, произведенных Кулишем в работе над новым алфавитом, который теперь называют по его имени – «кулишовкой». На «кулишовке» вышла и составленная самим Пантелеймоном Александровичем «Грамматика» украинского языка, и «Записки о Южной Руси», и последнее, самое полное прижизненное издание «Кобзаря» Шевченко. Собственную систему украинского правописания предложил Михаил Максимович («максимовичевка»), но ее использовали, главным образом, за пределами России – в Галиции и Закарпатье.

Первое издание осиповской «Енейды» появилось в 1791 году: Осипов Н. П. *Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку: в 4 ч.* – СПб.: Иждивением И. К. Шнора, 1791–1796.

Осипов Н. П. *Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку*: в 4 ч. Ч. 1. – СПб.: Имп. тип., 1800. С. 13.

339

Котляревський І. *Енеїда. Наталка Полтавка*. – Донецьк: ТОВ «ВКФ «БАО», 2010. С. 5.

340

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 256.

341

Цит. по: Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 131.
См. также: Северная пчела. 1835. № 17.

342

Долгорукий И. М. *Славны бубны за горами...* С. 48.

343

Таирова-Яковлева Т. Г. *Мазепа*. С. 39; Невилль де ла. *Записки де ла Невилля о Московии* / пер. А. С. Лаврова. – М.: Аллегро-пресс, 1996. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frametext3.htm>.

344

С 1775 года – в Славяно-греко-латинскую.

345

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. С. 130.

346

Русские консерваторы позднее найдут пользу в латыни и греческом, продлив жизнь мертвых языков в русских классических гимназиях. Но это уже другая история, далекая от русско-украинских отношений.

347

Первый великоросс получит степень доктора медицины и философии в европейском (в его случае – в Падуанском) университете только в 1694 году. Им будет Петр Васильевич Постников.

348

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 169–170.

349

См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – СПб.: Книгоизд. товарищество «Просвещение», 1896. С. 426.

350

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 427.

351

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 427.

352

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Сердние века и раннее Новое время. С. 410.

353

См.: Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 16.

354

См.: Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М.: Наследие, 1995. С. 24.

355

Плохій С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. – Київ: Laurus, 2013. С. 102–103.

356

От украинского «мандрувать» – ходить, бродить, путешествовать, скитаться.

357

Ефименко А. Я. Котляревский в исторической обстановке // Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 324.

358

Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И. А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 620.

См. также: Максимович М. А. Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. – М.: Унив. тип., 1834. С. 54–55.

359

Записка члена Малороссийской коллегии Г. Н. Теплова «О непорядках, которые происходят ныне от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малоросии» // Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 190.

360

Котляревский И. П. Энеида. С. 133.

361

Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. С. 62.

362

Цит. по: Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. С. 307.

363

Сравнение, конечно, неудачное. Музой Шевченко она все-таки не стала, а Кулиш был во всех отношениях не Данте. Зато брак Кулиша и Белозерской оказался удивительно долгим, как это иногда случается при союзах творческих людей и к тому же единомышленников. Им посчастливилось отпраздновать и золотую свадьбу.

364

Боярин – старший дружка жениха, распорядитель на свадьбе.

365

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 50.

366

Цит. по: Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. С. 307.

367

Данилевский Г. П. Слободка // Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. С. 565.

368

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 270.

369

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 14.

370

Погорельский А. Сочинения. Письма. С. 168.

371

Сомов О. М. Гайдамак. Главы из малороссийской повести // Сомов О. М. Были и небылицы / сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. – М.: Советская Россия, 1984. С. 37.

372

Гоголь Н. В. Страшная месть. С. 163.

373

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 348.

374

Там же. С. 348.

375

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 68.

376

Милорадович В. П. Жит'є-быт'є лубенського крест'янина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. С. 307.

377

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 48.

378

См.: Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. С. 28.

379

Цит. по: Украинцы. С. 275.

380

Там же. С. 276.

381

Там же.

382

Там же.

383

Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Украину в середине XVII века, описанное его сыном архимандритом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. – Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1997. С. 10.

384

Гоголь Н. В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 227.

385

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания / коммент. Г. Н. Моисеева // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М.: Современник, 1990. С. 301–302.

386

Коллинс С. Нынешнее состояние России.

387

См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. – М.: Древлехранилище, 2000. С. 117.

388

См.: Украинцы. С. 442.

389

См.: Рыльский Ф. Р. К изучению украинского народного мировоззрения // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. С. 28.

390

Нарежный В. Т. Бурсак, малороссийская повесть // Соч.: в 2 т. Т. 2. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1983. С. 26–27.

391

См.: Левкиевская Е. Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии // *Studia Mythologica Slavica*. 1998. I. С. 309.

392

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Совмещенная редакция изданий В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ в современном написании: в 4 т. Т. 1. – М.: Олма-Пресс, 2004. С. 190.

393

Максимов С. В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск: Русич, 1995. С. 353–354.

394

Котляревский И. П. Энеида. С. 79.

395

Там же. С. 141.

396

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Конотопская ведьма // Квитка-Основьяненко Г. Ф. Украинские повести и рассказы: в 3 т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1954. С. 159.

397

Сомов О. М. Киевские ведьмы // Сомов О. М. Купалов вечер. Избр. произв. – Киев: Дніпро, 1991. С. 109.

398

Ефименко П. С. Упыри (из истории народных верований) // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. С. 500.

399

См.: Украинцы. С. 442.

400

См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 37.

401

См.: Иванов П. В. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. С. 439–441.

402

Антонович В. Б. Колдовство: Документы. Процессы. Исследования. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877. С. 6.

403

См.: Антонович В. Б. Колдовство... С. 16-17.

404

Там же. С. 17-19.

405

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 117.

406

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. С. 275-276.

407

Соблазнительно было бы отождествить эту «Марушу», упомянутую в польском источнике, с легендарной Марусей Чурай. Эта «малороссийская Сафо», поэтесса, которой приписывается до двадцати украинских народных песен, в том числе таких знаменитых, как «Не ходи, Грицю, на вечорніці», была родом из Полтавы. Полтавский полк участвовал в походе 1648 года на Львов и Замостье, но даже легендарные сведения о жизни ничего не говорят о том, могла ли она сопровождать войска Хмельницкого в походе. И ведьмой Маруся Чурай не была.

408

См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. С. 290.

409

Булгарин Ф. В. Мазепа. Часть первая. – СПб.: В тип. вдовы Плющар с сыном, 1833. С. 110–113.

410

Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. С. 101.

411

См. хотя бы описание характерника в романе Евгения Гребенки «Чайковский».

412

Эварницкий Д. И. Иван Дмитриевич Сирко, славный атаман войска запорожских низовых козаков. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. С. 5.

413

История русов, или Малой России. С. 173.

414

См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 95–96.

415

Эварницкий Д. И. Иван Дмитриевич Сирко, славный атаман... С. 142.

416

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 126.

417

Там же. С. 115.

418

См.: Беляшевский Н. Ф. Рассказы крестьян с. Пекарей о Т. Г. Шевченке // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 372.

419

Там же.

420

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 285, 311.

421

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 116, 124-127.

422

Сомов О. М. Гайдамак. С. 40.

423

См.: Эварницкий Д. И. Иван Дмитриевич Сирко, славный атаман... С. 3-4.

424

Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 1. С. 72.

425

Согласно другой, более распространенной версии, шелудивый Буняк (Шелудивый Буняк) – особое демоническое существо, которое иногда сопоставляют с гоголевским Виєм.

426

Короленко В. Г. История моего современника // Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. – Л.: Худож. лит., 1991. С. 39-40.

427

Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники / под ред. М. Грин: в 2 т. Т. 1. – М.: Посев, 2005. С. 137.

428

Финкельштейн Ю. Е. Симон Петлюра // Козлов А. Генерал Деникин; Финкельштейн Ю. Симон Петлюра. – Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 398.

429

Белозерский Н. М. Тарас Григорьевич Шевченко по воспоминаниям разных лиц (1831–1861 гг.) // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 205.

430

История русов, или Малой России. С. 209.

431

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 78.

432

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 179.

433

Там же. С. 261.

434

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 259.

435

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. С. 147.

436

Цит. по.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Гл. 3. С. 528.

437

См.: Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 297.

438

Разговор Великороссии с Малороссией (Литературный памятник второй половины XVIII века) // Киевская старина. 1882. Т. 1. Февраль. С. 342.

439

Аксакова В. С. Дневники. Письма. – СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 165–166.

440

Кирило-Мефодіївське товариство: у 3 т. Т. 1. – Київ: Наукова думка, 1990. С. 166.

441

Честаховский Г. Н. Эпизод на могиле Тараса Шевченко // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 460.

442

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 47.

443

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 167.

444

Не путать с Запорожской Сечью, которая подчинялась гетманам только формально.

445

См.: Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С. 307, 311.

446

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 60-61.

447

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 265.

448

Урожденная Анастасия Маркевич, вторая жена Ивана Скоропадского.

449

Гуржій О. «Іван носить плахту, а Настя булаву»? Суспільно-політичний портрет елітної жінки першої третини XVIII ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. 2002. Вип. I. С. 219.

450

Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. С. 304.

451

Гоголь Н. В. <Размышления Мазепы> // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 9. С. 83.

452

Смирнова А. О. Письмо Гоголю Н. В., 3 ноября 1844 г. Петербург // Гоголь Н. В. Переписка: в 2 т. Т. 2. / сост. и коммент. А. А. Карпова, М. Н. Виролайнен. – М.: Худож. лит., 1988. С. 124.

453

Теплов от имени Разумовского велел не сжигать доклад Миллера, а «собрав черную и белую рукописную, отдать в архив, а напечатанную и с корректурами хранить до указа под особливою канцелярскою печатью, не выпуская ни под каким видом ни единого экземпляра в свет». Но решение было исполнено врагами Миллера с излишним рвением... См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 23. С. 254.

454

См.: Гельбиг Г. фон. Русские избранники / пер. В. А. Бильбасова. – М.: Военная книга, 1999. С. 199–200.

455

См. о Теплове: Артемьева Т. В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999.

456

См.: Казанова Дж. Любовные и другие приключения Джакомо Казановы, кавалера де Сенгальта, венецианца, описанные им самим [мемуары]. – СПб.: Амфора, 2006. С. 639.

457

Осокин М. «Между делом сквернодействия» Григория Теплова. URL: <http://polit.ru/article/2013/07/27/teplov>.

458

Записка члена Малороссийской коллегии Г. Н. Теплова «О непорядках...». С. 196.

459

См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 460.

460

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 682.

461

Там же. С. 683.

462

См.: Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 16.– М.: Терра, 1991. С. 563. (Репринт издания Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон 1890 г.)

463

См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 486.

464

См.: Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 307.

465

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 191.

466

Ефименко А. Я. Котляревский в исторической обстановке. С. 331.

467

Колись – «когда-то, некогда» (укр.).

468

Кудрин О. Полтавская перемога. Рукопись.

469

Константин Иванович Острожский, гетман Великого княжества Литовского, отец великого Константина Константиновича Острожского.

470

Шевченко Т. Г. Гамалія // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1: Поезія 1837–1847. С. 234.

471

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 188.

472

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 2. С. 19.

473

Там же. С. 37.

474

Молдавский боярин Георгий Стефан, претендент на молдавский престол. Он и станет господарем Молдавии после поражения Василия Лупу и поддержавших его козаков.

475

См.: Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 9: Богдан Хмельницкий. Кн. 2. С. 363–364.

476

История русов, или Малой России. С. 204.

477

См.: Ефименко П. С. Последний писарь Войска Запорожского Глоба // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 369.

478

См.: Эварницкий Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский. – Новочеркасск: Тип. А. А. Карасева, 1887. С. 5.

479

См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 112.

480

Там же. С. 156.

481

Гребенка Е. П. Чайковский: роман. Повести. С. 69.

482

Там же. С. 80.

483

Эварницкий Д. И. История запорожских козаков: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1892. С. 288. Эварницкий приводит другую дату – 1728 год, однако упоминает, что Глебов приезжал во время русско-турецкой войны. Но в 1728 году русско-турецкой войны не было, а сама Сечь до 1734-го размещалась на татарских землях.

484

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 163.

485

Там же. С. 113.

486

Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. С. 74.

487

Там же. С. 75.

488

Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. С. 77.

489

Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки / пер. із ст.- укр.
– Київ: Т-во «Знання» України, 1992. URL:
<http://izbornyk.org.ua/grab/hrab.htm>.

490

Шевченко Т. Г. Сліпий // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 311.

491

Шевченко Т. Г. Избр. произведения / под ред. К. И. Чуковского. – М.–Л.: Изд-во дет. лит., 1939. С. 150.

492

Путо – цепи, оковы (укр.).

493

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 311-312.

Не даю здесь параллельного русского перевода, потому что перевод Николая Асеева настолько неточен и политкорректен, что грубо искажает смысл стихов Шевченко. Начиная с этого фрагмента, Асеев переводит слово «москали» словом «солдаты», что противоречит смыслу этого эпизода поэмы, ведь солдаты, подневольные люди,

конечно же, не определяли судьбы Гетманщины и Запорожья. Но и крамольное слово «москали» в поэме всё же осталось, то есть задача не была до конца решена. Поэтому в редакции 1949 года появится новый вариант перевода поэмы, где слово «москали» в первом фрагменте исчезнет, а слово «солдаты» во втором фрагменте будет заменено на слово «царица». Новый перевод тоже получился неточным. Шевченко писал здесь не столько о Екатерине II, уничтожившей автономию Украины, сколько о русских (великороссах) вообще, не отделяя российскую власть от русского народа. Третий вариант перевода этой злосчастной строчки, появившийся в первом томе собрания сочинений Шевченко, изданном «Художественной литературой» в 1964 г., будет не только неточным, но и крайне неблагозвучным: А царя и самый воздух // В цепи заковали.

494

Гоголь Н. В. Пропавшая грамота // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 155.

495

Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 201-202.

496

Самую первую Сечь, созданную Дмитрием Вишневецким, разрушили татары, но это было в далеком XVI веке.

497

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 294, 298-300.

498

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 154–155.

499

Эварницкий Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский. – Новочеркасск: Тип. А. А. Карасева, 1887. С. 4.

500

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 155

501

Эварницкий Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский. С. 3.

502

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 107.

503

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 318–320.

504

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 102.

505

506

Столько заплатили за девку, которую купили будущей фрейлине, а также «известной писательнице русских романов» Олимпиаде Шишкиной, когда она закончила Смольный институт. Крепостные, владевшие редкими специальностями, стоили намного дороже. Осип Россети, отец Александры Смирновой-Россет, купил в Москве повара за 3 000 рублей. (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 80.)

507

Миллер Г. Ф. Рассуждение о запорожцах // Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г. Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные им на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. – М.: Унив. тип., 1846. С. 40.

См. также: Киселев В., Васильева Т. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX века // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: НЛО, 2012. С. 490.

508

Хотя Потемкин действительно благоволил к запорожцам, само по себе вступление русского вельможи «в кош запорожский» не было случаем уникальным. В последние двадцать лет Запорозжской Сечи козаки приняли в запорожцы графа Панина, графа Остермана, князя Прозоровского. Все они были приняты в состав запорожских куреней, вельможам были даже отправлены особые аттестаты, подтверждавшие их статус. До сих пор живет миф, будто бы в запорожский кош был записан и великий математик Леонард Эйлер. Миф вольно или невольно создал малороссийский историк Скальковский, который даже опубликовал в «Киевской старине» «аттестат», подтверждающий принятие Эйлера в Кушевский курень. Аттестат подлинный, подписан

кошевым атаманом Петром Калнишевским. Вот только речь в нем вовсе не о Леонарде Эйлере, а о его сыне Христофоре, артиллерийском офицере и астрономе. См.: Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 165-166.

509

Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1879-1880. С. 261.

510

Из письма Екатерины II Г. А. Потемкину // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791). – М.: Директ-Медиа, 2010. С. 389.

511

Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. С. 16.

512

Семенов Д. Д. Отечествоведение. С. 165.
См. также: Лескинен М. В. Понятие «нрав народа»... С. 86.

513

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 137.

514

Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. С. 6.

515

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 434.

516

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. С. 393.

517

Шевченко Т. Г. Тарасова ніч // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 87.

518

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 191–192.

519

Современная Феодосия.

520

Современная Евпатория.

521

См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 68.

522

Шевченко Т. Г. Тарасова ніч. С. 87.

523

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 72.

524

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 345.

525

Летопись Самовидца. С. 14.

526

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 399.

527

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 9: Богдан Хмельницкий. Кн. 1. С. 27–28.

528

Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. С. 5.

529

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 304.

530

Пичета В. [Рецензия] // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 130–131. Рец. на кн.: Україна перед визволеною войною 1648–1654 рр. Збірка документів (1639–1648 рр.). – Київ: Изд-во АН УРСР, 1946.

531

Эварницкий Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский. С. 5.

532

Подстрочный перевод Пантелеймона Кулиша. См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 19.

533

Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 143.

534

См.: Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 125.

535

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 146, 149.

536

Там же. С. 149.

537

См.: Костомаров Н. И. Мазепа. С. 178.

538

Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. Ч. 2. – М.: Унив. тип., 1859. С. 130. С. 44.

539

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 186.

540

См.: Павленко Н., Артамонов В. 27 июня 1709. – М.: Молодая гвардия, 1989. С. 187.

541

См.: Записка члена Малороссийской коллегии Г. Н. Теплова «О не порядках... ». С. 181.

542

Ефименко А. Я. История Украины и ее народа. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 107.

543

См.: Записка члена Малороссийской коллегии Г. Н. Теплова «О не порядках...» С. 180.

544

Ефименко А. Я. История Украины и ее народа. С. 109.

545

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 289–292.

546

Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. – Киев: Унив. тип., 1851. С. 25.

547

См.: Полетика Н. П. Виденное и пережитое (из воспоминаний). – Тель-Авив: Библиотека-Алия, 1982. С. 12.

548

Там же. С. 6.

549

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 297.

550

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 284.

551

Там же. С. 285.

Сабля, как семейная реликвия, хранилась потом в имени Капнистов.

552

См.: Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. С. 36.

553

Лазаревский А. Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы // Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 105.

554

Разговор Великороссии с Малороссией. С. 357.

555

Лазаревский Ал. Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы. С. 108.

556

См.: Золотусский И. Гоголь. – М.: Молодая гвардия, 2009. С. 9.

557

Там же. С. 12.

558

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 613.

559

Там же. Т. 3. С. 1002.

560

Правда, эти замечательные дома, как уточняет Павел Алеппский, раньше принадлежали полякам, евреям, армянам.

См.: Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Украину... С. 34.

561

Там же. С. 27.

562

Там же. С. 26.

563

Там же.

564

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 236.

565

Левшин А. Письма из Малоросии. С. 70.

566

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 14/2 января 1837 г. Париж // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 80.

567

Цит. по: Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века. С. 185.

568

Максимович М. А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. – Киев: Тип. М. П. Фрица, 1877. С. 480.

569

Цифры взяты из «Истории Полтавской губернии» Петриченко. Данные по населению на 1807 год получены путем такого расчета: по данным Петриченко, население Полтавы в 1802 году составляло 7 975 человек, а в 1838-м – 15 521 человек. Следовательно, ежегодный прирост 209,6 человека. Получается, к 1807-му – около 8184 человека.

570

Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 36.

571

Гоголь Н. В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 1. С. 252.

572

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 54.

573

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 20.

574

Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. С. 6.

575

Данилевский Г. П. Слобода. С. 565.

576

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 131.

577

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 5.

578

Золотусский И. Гоголь. С. 37.

579

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 6.

580

Там же.

581

Там же. С. 8-9.

582

Кулиш П. А. Историческое повествование. С. 161.

583

Лукашевич П. Малороссийские и Червонорусские народные думы и песни. С. 5–6.

584

Там же. С. 7.

585

Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 111.

586

Шевченко Т. Г. Тарасова ніч. С. 85–86.

587

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 70–71.

588

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 93.

589

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 4.

590

См. самое цитируемое и самое авторитетное исследование по вопросу генезиса нации и национализма – монографию Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 36–42).

591

В отличие от святого Георгия и апостола Андрея, которые никогда не бывали ни в Англии, ни в Шотландии, св. Савва был действительно сербом, младшим сыном великого жупана (правителя) Стефана Немани и родным братом сербского короля Стефана Первовенчанного.

592

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 482.

593

Рассказ современника о приключениях с ним во время «Колиивщины». С. 59, 63–64.

594

Хилл К. Английская Библия и революция XVII в. – М.: ИВИ РАН, 1998. С. 290.

595

Fox J. Book of Martyrs, containing an Account of the Sufferings and Death of the Protestants in the Reign of Queen Mary. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fihtys.narod.ru%2Ffoxes_book_of_martyrs.pdf&lang=en&c=5568868fcb62.

596

Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. – М.: Зерцало-М; Вече, 2005. С. 22–23.

597

Титул митрополита Гнезненского, возглавлявшего старейшую польскую митрополию. Во время «межкрулевья» (междоцарствия) исполнял обязанности главы государства.

598

См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 242.

599

Степанов Д. Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века. С. 13.

600

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 423.

601

Там же. С. 422.

602

Короленко В. Г. История моего современника. С. 103.

603

См.: Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 478.

604

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С.15.

605

Боплан Гильом Лавассер де. Описание Украины. С. 6.

606

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 46.

607

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 439.

608

Степанов Д. Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века. С. 13.

609

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 503.

610

Максимович М. А. Собр. соч. Т. 1. С. 626.

611

История русов, или Малой России. С. 33.

612

Флоря Б. Н. Епископы, православная знать и братства. Вопрос о реформе церкви в последние десятилетия XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. С. 99.

613

Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Внутренний кризис в православном обществе и проекты унии с Римом 90-х гг. XVI в. // Там же. С. 138.

614

См.: Флоря Б. Н. Положение православной и католической церквей в Речи Посполитой. Развитие национально-конфессионального сознания западнорусского православного общества во второй половине XVI в. С. 85.

615

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 298.

616

Там же. С. 299.

617

Короленко В. Г. История моего современника. С. 96.

618

Ефименко А. Я. Из истории борьбы малорусского народа с поляками // Ефименко А. Я. Южная Русь. С. 109.

619

Рассказ современника о приключениях с ним во время «Колиивщины». С. 58.

620

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 289.

621

Там же. С. 284.

622

См.: Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 8.

623

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 370

624

См.: Макарий (Булгаков М. П.), митр. История Русской церкви: в 12 т. Т. 11: Патриаршество в России. Кн. 2. – СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882. С. 486–488.

625

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 136.

626

Там же. С. 18.

627

См.: Живов В. М. Вопрос о церковной юрисдикции в российско-украинских отношениях XVII – XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2002. С. 344.

628

Хотя уже во второй половине XVII века патриарх Московский Иоаким будет бороться с так называемой «хлебопоклонной ересью», распространенной на Украине.

629

См.: Дмитриев М. В. Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 157.

630

См.: Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 47.

631

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 662–663.

632

См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 504.

633

Костомаров Н. И. Гетманство Выговского // Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995. С. 116–117.

634

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 307.

635

Там же.

636

Другая малороссийская православная епархия – черниговская – перешла под власть патриарха Московского несколько раньше – в 1667 году.

637

Макарий (Булгаков М. П.), митр. История Русской церкви. Т. 11. С. 437.

638

Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. – Казань: Унив. тип., 1873. С. 25, 26.

639

Там же. С. 25.

640

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 21.

641

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 165.

642

См.: Харишин М., Мордвінцев В. Російсько самодержавство та Київська митрополича кафедра, або як Українська православна церква позабулася автокефалії. – Київ: Братство УАПУ «Світло для світу», 1999. С. 201; Євсева Т. М. Роль церковної еліти формуванні політичної самосвідомості українців XVII–XVIII століть. // Український історичний журнал. 1999. № 2. С. 102.

643

Огієнко І. Українська церква. Нариси з історії української православної церкви. – Вінніпег, 1982. С. 246;

Лукашова С. С. Малороссийские архиереи Русской православной церкви в 1700–1771 годах // Русские об Украине и украинцах. С. 117.

644

См.: Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. – М.: НЛО, 2004. С. 43, 45, 125.

645

Явор или Яворов – город в Галиции, на территории современной Львовской области.

646

Дмитрий Евдокимович Тверитинов (Дерюжкин) – бывший стрелец, затем – ученик лекаря в Немецкой слободе. «Впал в ересь», видимо, под влиянием общения с немцами-протестантами. Отрицал Священное Предание, насмехался над иконами, осуждал почитание святых, священство и монашество. Активно распространял свои взгляды, вел религиозные диспуты с православными. У Тверитинова появился в Москве кружок последователей из посадских людей: часовщик, хлеботорговец, сын священника и другие. Одним из них был и двоюродный брат Тверитинова, цирюльник Фома Иванов. Последний был отправлен на покаяние в Чудов монастырь, где не только не «исправился», но даже разрубил икону. Иванов был сожжен в срубе на Красной площади. Тверитинов отрекся от ереси. Царь Петр повелел освободить его. Однако Яворский ослушался царя, возобновил следствие по делу о ереси и предал Тверитинова анафеме. Недовольный царь Петр вызвал самого Стефана в Петербург, в Петербурге же продолжали рассматривать дело о ереси. Оно окончилось благоприятно для Тверитинова: московского протестанта освободили из заточения (1718) и сняли с него церковное проклятие (1723).

647

Оригинал на церковнославянском. См.: Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого. С. 125.

648

Там же. С. 126.

649

«Не оглашать, не произносить» *(лат)*. Там же. С. 126.

650

См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 666.

651

См.: Лукашова С. С. Малороссийские архиереи Русской православной церкви в 1700–1771 годах. С. 79.

652

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 494.

653

Там же. С. 495.

654

Дмитриев М. В. Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований. С. 157–158.

655

Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. (К истории южнорусской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Т 10. Октябрь. С. 185.

656

Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. С. 186.

657

См.: Пештич С. Л. «Синописис» как историческое произведение // Труды Отд. древнерус. лит. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XV. С. 284–298.

658

Ее полное название «Хроника з святого Нестора Печерского и инших, также з хроник Польских о Руси, отколь Русь почалася и о первых князех Русских и по них дальших наступающих князех и о их делах, собранная працою иеромонаха Феодосия Сафоновича, игумена монастыря Михайловского Златоверхого Киевского, року от сотворения света 7180, а от Рождества Христога 1672». Феодосий довел свою хронику до 1292 года.

659

[Синописис] или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева... – Киев: Тип. Лавры, 1674. С. 124.

660

[Синописис] или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева... – Киев: Тип. Лавры, 1678. С. 136.

661

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Рус. ист. журнал. 1920. Кн. 6. С. 23.

662

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. Гл. 1. С. 141.

663

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная / пер. с нем. В. Кеневича. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1875. С. 51.

664

См.: Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста О. Я. Сапожниковой и И. Ю. Сапожниковой. – М.: Европа, 2006. С. 50, 55, 59.

665

Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). С. 51.

666

Пештич С. Л. «Синопсис» как историческое произведение. С. 287.

667

Формозов А. А. Человек и наука: Из записей археолога. – М.: Знак, 2005. С. 133.

668

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная. С. 50–51.

669

См.: Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). С. 51.

670

Есть версия, будто первое издание «Синопсиса» вышло из типографии Киево-Печерской лавры даже не в 1674-м, а в 1672-м.

671

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 294.

672

Там же. С. 296.

673

Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. С. 195.

674

Степанов Д. Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50-60-е годы XVII века. С. 15.

675

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 660.

676

Там же. С. 661.

677

См.: Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. С. 71.

678

Шевченко Т. Г. Заступила чорна хмара... // Зібрання творів: у 6 т. Т. 2: Поезія 1847-1861. С. 165.

Даю без перевода, потому что текст вполне понятен и русскому читателю, а в переводе И. Сельвинского Межигорский Спас заменен на «святого Спаса», что искажает смысл стихотворения.

679

См.: Мірчук П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. – Н-Й.: Наукове Товариство ім. Тараса Шевченка, 1973 // EXLIBRIS: українська електронна бібліотека: історія, публіцистика, художня література. URL: <http://exlibris.org.ua/hajdamaky/index.html>.

680

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 244.

681

Там же. С. 245.

682

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 179.

683

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 127.

684

Шевченко знает и охотно использует и это слово, только не в стихах, а в своей русской прозе.

685

Резня, устроенная сицилийцами французам Карла Анжуйского в Палермо в 1282 году.

686

Шевченко Т. Г. Прогулка с удовольствием и не без морали. С. 228–229.

687

См.: Мірчук П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р.

688

Рассказ современника о приключениях с ним во время «Колиивщины». С. 55.

689

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 107.

690

Козаки-наемники, служившие польским магнатам за жалование.

691

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 252.

692

Там же. Т. 2. С. 108.

693

См.: Кониський О. Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя. – Київ: Дніпро, 1991. С. 53.

694

См.: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 10.

695

См.: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 18.

696

См.: Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...». Гоголь и Шевченко: сравнительно-типологические опыты. – Харьков, 2007. С. 26, 97.

697

См.: Бородін В. С., Кирилюк Є. П. и др. Т. Г. Шевченко. Біографія. – Київ: Наукова думка, 1984.

698

Колиивщина в песнях // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 586.

699

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 149–150.

700

Антонович В. Б. Уманский сотник Иван Гонта (1768 г.) // Киевская старина. 1882. Ноябрь. С. 250–276.

701

См.: Электронная еврейская энциклопедия. Т. 8. Кол. 1281–1282.
URL: <http://www.eleven.co.il/article/14213>. Аналогичная история произошла в Хмельнитчину при взятии козаками Немирова.

702

См.: Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 527.

703

См.: Электронная еврейская энциклопедия. Т. 8. Кол. 1281–1282.
URL: <http://www.eleven.co.il/article/14213>.

704

См.: Письмо пана Якова Кузалкевича к русскому полковнику Чорбе, с описанием уманской резни 1768 года // Материалы для истории Колиивщины, или резни 1768 г. <подгот. Н. И. Костомаров> // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 305.

705

См.: Мицик Ю. Умань козацька і гайдамацька. – Київ: КМ Академія, 2002. С. 128.

706

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 161.

707

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 108.

708

См.: Антонович В. Б. Уманский сотник Иван Гонта (1768 г.). С. 250–276.

709

Там же.

710

Мицик Ю. Умань козацька и гайдамацька. С. 126.

711

Эта идея давно обсуждается украинскими литературоведами. При этом жертвоприношение Гонты сравнивают и с убийством Андрия в «Тарасе Бульбе», хотя ближе к истории Авраама, конечно, шевченковский Гонта. Андрия убивают за предательство, совершенное в разгар войны. А дети Гонты невинны, как невинен Исаак.

См.: Звисяцковский В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. – Киев: Ликей, 1994. С. 238–239;

Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 34–36.

712

Антонович В. Б. Уманский сотник Иван Гонта (1768 г.). С. 250–276.

713

Слово «заповит» переводится с украинского и как «завещание», и как «завет».

714

Novak V. Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. – Zagreb: Nakladni zavod Hrvatske, 1948. S. 732-733.

715

См.: Западные окраины Российской империи. С. 108.

716

См.: Западные окраины Российской империи. С. 89.

717

Западные окраины Российской империи. 90-91.

718

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 151.

719

См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914) / авториз. пер. с франц. М. Крисань. – М.: НЛО, 2011. С. 256.

720

См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи... С. 23.

721

Брак с Софией магнату дорого стоил. Гречанка София была женой генерала Юзефа (Иосифа) Витта, и Потоцкий добился развода, заплатив за Софию тоже два миллиона, но не рублей, а серебряных злотых. Курс злотого был выше.

722

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 225, 227.

723

Лебединцев П. Г. Тарас Григорьевич Шевченко (Некоторые дополнения и поправки к его биографии) // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 561.

724

Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 38.

725

Мицкевич А. Пан Тадеуш // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы / пер. с пол. С. Мар (Аксеновой). – М.: Худож. лит., 1968. С. 565.

726

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 151.

727

Короленко В. Г. История моего современника. С. 73.

728

Мицкевич А. Пан Тадеуш. С. 564.

729

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 482.

730

См.: Западные окраины Российской империи. С. 104.

731

Там же. С. 76.

732

См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи... С. 266.

733

Там же. С. 254.

734

См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи... С. 255.

735

Там же. С. 264.

736

Крыжановский Е. Учебные заведения в русских областях Польши в период ея разделов // Киевская старина. 1882. Т. 1. Февраль. С. 278.

737

Там же. С. 277.

738

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи... С. 251.

739

Там же. С. 256.

740

В Киеве еще работала Киево-Могилянская академия, но она давно изжила себя. Схоластическое образование в XIX веке уже было анахронизмом.

741

См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи... С. 256-258.

742

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 479.

743

См.: Западные окраины Российской империи. С. 140.

744

См.: Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 56.

745

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 536.

746

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. С. 65.

747

Там же. С. 66.

748

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 72.

749

Там же. С. 72-73.

750

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 536.

751

Кропоткин П. А. Записки революционера. – М.: Моск. рабочий, 1988. С. 187-188.

752

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 548.

753

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 66.

754

Там же. С. 64.

755

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 150.

756

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 478.

757

См.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 379–380.

758

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 478.

759

Чалый М. К. Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 55.

760

См.: Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. – М.: НЛО, 1998. С. 258.

761

В научном мире Адам Чарноцкий известен под именем Зориана Доленго-Ходаковского.

762

Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 259.

763

Западные окраины Российской империи. С. 98.

764

Там же. С. 155.

765

Мицкевич А. Конрад Валленрод // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. С. 199.

766

Там же. С. 708.

767

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 567.

768

См.: Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 568.

769

Короленко В. Г. История моего современника. С. 115.

770

Там же. С. 107.

771

См.: Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 570.

772

Пожалуй, самое известное сочинение о Вернигоре – это исторический роман Михаила Чайковского «Вернигора, украинский прорицатель». Czajkowski M. Wernyhora, wieszcs ukraiński powieść historyczna z roku 1768. – Lipsk: F. A. Brockhaus, 1862.

773

Впрочем, рядом с Вернигорой упомянуты погибшие соратники «пана Энея», так что отношение автора к Вернигоре может быть амбивалентным.

774

Этой точки зрения придерживаются и авторы комментариев к современным изданиям «Энеиды». См.: Котляревский I. Енеїда; Наталка Полтавка. С. 364.

775

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 34. С. 515.

776

Егорова И. Украинцы – поляки: братья/враги, соседи... // День. Всеукраинская газета. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-ukrainy/ukraincy-polyaki-bratyavragi-sosedі>.

777

Маркевич Я. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. – СПб., 1798. С. 42–43;

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 35.

778

См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи... С. 305.

779

См.: Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 57.

780

В украинском и польском *степь* – мужского рода, при литературном русском переводе получается нечто несусветное. Это строчки из думы «Зозулич», посвященной прадеду Залеского, запорожскому козаку.

781

Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 277.

782

Там же.

783

Цит. по: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. С. 308.

См. также польский оригинал: Goszczynski S. Zamek Kaniowski // Wirtualna Biblioteka Literatury Polskiej. URL: <http://literat.ug.edu.pl/zamek/index.htm>.

784

Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 166.

785

См.: Пыпин А. Н. История русской этнографии Т. 3. С. 268–269.

786

Там же. С. 270.

787

Гоголь писал по-украински на так называемой «ярыжке», записывая буквами русского алфавита украинские слова.

788

Гоголь Н. В. Письмо Залескому Ю. Б., вторая половина февраля 1837 г. Париж // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 88.

789

Белина-Кенджицкий Ю. В Киеве у Шевченко в 1846 году // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 191.

790

См.: Лазаревский Ф. М. Т. Г. Шевченко в Оренбурге // Там же. С. 218.

791

См.: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 305.

792

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 85.

793

См.: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 523.

794

Лабынцев Ю. А. Образ Тараса Шевченко и его «Кобзарь» в польском культурном пространстве между Киевом и Вильно до начала восстания 1863–1864 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре / отв. ред. Е. С. Узенёва. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 130.

795

Там же. С. 135.

796

Там же. С. 133.

797

Прежде считалось, будто первый перевод сделан был во Львове в 1850 году. На самом деле Петр Главацкий в 1850 году перевел «Тараса Будьбу» на «галицко-русский» язык, то есть на один из диалектов украинского. Единственный сохранившийся экземпляр нашла во Львове польская исследовательница Алиция Володзько. См.: Хорев В. А. «Тарас Бульба» в Польше // Славяноведение. 2011. № 4. С. 37.

798

См.: Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 72–73.

799

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 74–75.

800

После 1831 года старинные польские поветы уже давно были заменены уездами, но в разговорной речи уроженцев Малороссии и Юго-Западного края уезды упорно называли поветами/повитами. В разговоре Шевченко с Обеременко речь именно о «повите».

801

Лазаревский Ф. М. Т. Г. Шевченко в Оренбурге. С. 219.

802

Шевченко Т. Г. Полякам // Зібрання творів: у 6 т. Т. 2. С. 48.

803

Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 264.

804

Там же. С. 257.

805

Равита Ф. Фома Падурра (Критический очерк) // Киевская старина. 1889. Т. 26. Сентябрь. С. 727–751.

806

Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 27. – Київ: Наукова думка, 1980. С. 26.

807

Там же. С. 25.

808

Там же. С. 28.

809

См.: Яковенко Н. Почти беспристрастно. Как Михаил Грушевский и Вячеслав Липинский создавали национальную историю // Родина. 1999. № 7. С. 11.

810

Антонович В. Б. Моя исповедь. Ответ пану Падалице (по поводу статьи в VII книжке «Основы»: «Что об этом думать?» и письма г. Падалицы в X книжке) // Основа. 1862. № 1. URL: <http://litopys.org.ua/anton/ant02.htm>.

811

Катков М. Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами. С. 42–48.

812

Цит по: Антонович В. Б. Моя исповедь. Ответ пану Падалице...

813

Мацеевич Л. Е. Поляки и русины (К истории их бытовых отношений) // Киевская старина. 1882. Т. 1. Февраль. С. 303.

814

Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. С. 7.

815

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 232.

816

Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 264.

817

Скорее всего, речь о василианском ордене святого Иосафата, который с начала XVII века действовал на землях Речи Посполитой, Российской и Австрийской империй.

818

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 101–102.

819

Мельниченко В. Ю. Тарас Шевченко: «Друзі мої єдині» (десять постатей у поетовому житті). – М.: Домашня бібліотека, 2013. С. 14.

820

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 1. 1938–1941. – М.: Время, 2007. С. 222.

821

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 151.

822

Булгарин Ф. В. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. С. 18.

823

Стефаник В. Автобиография // Стефаник В. Новеллы. – М.: Наука, 1983. С. 226.

824

Там же.

825

Мацеевич Л. Е. Поляки и русины (К истории их бытовых отношений). С. 302.

826

Галаган Г. П. Малорусский вертеп. С. 20-21.

827

Короленко В. Г. История моего современника. С. 213.

828

Замечания М. А. Грабовского // Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 310.

829

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 270.

830

Там же. С. 538.

831

Там же. С. 308.

832

Цит. по: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 417.

833

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 704.

834

Там же. С. 704.

835

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 520.

836

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 154–155.

837

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 178.

838

Там же. С. 152.

839

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 157.

840

Сейчас историки называют гайдаматчину «социальным бандитизмом». См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 633–647.

841

Ефименко А. Я. Из истории борьбы малорусского народа с поляками. С. 40–41.

842

См.: Короленко В. Г. История моего современника. С. 112.

843

Там же. С. 205.

844

См.: Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. С. 150–151.

845

Там же. С. 151.

846

Подробнее на эту тему см.: Петрухин В. Евреи в древнерусских источниках. XI-XIII вв. // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1 / под ред. А. Кулика. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2010. С. 214–240.

847

Рождественский И. Книга Есфирь в текстах еврейско-масоретском, греческом и славянском. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1885. С. 193–194;

Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. С. 204.

848

См.: Кулик А. Евреи Древней Руси... С. 204.

849

Септуагинта – перевод «семидесяти толковников», первый перевод библейских книг на греческий язык, осуществленный в III веке до н.э.

850

Об этом пишет, в частности, Александр Кулик, заведующий кафедрой славистики Еврейского университета в Иерусалиме. См.: Кулик А. Евреи Древней Руси... С. 204.

851

См.: Алексеев А. Переводы Библии // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. С. 353.

852

Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус Навин, Судьи, Руфь.

853

Алексеев А. Переводы Библии. С. 353;
Кулик А. Евреи Древней Руси... С. 204.

854

К началу восьмидесятых годов XIX века их численность возрастет почти в полтора раза. См. статью «Евреи в России» в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. См. также: Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. С. 132—133.

855

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 183.
Измайлов описывал Киев конца XVIII века. В 1834 году евреев из Киева выселили.

856

См.: Левшин А. Письма из Малороссии. С. 90.

857

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 601.

858

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 464.

859

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 236.

860

История еврейского народа / под ред. Ш. Эттингера. – М. – Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2002. С. 365.

861

Вполне вероятно, впрочем, что Саббатай Цеви, человек впечатлительный и мистически настроенный, искренне считал себя мессией. По крайней мере, он создал большую секту, которая не только пережила его, но и оказала влияние на последующее развитие религиозной мысли еврейского народа.

862

См.: Дубнов С. М. Краткая история евреев. – Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 489–490.

863

Там же. С. 533–534.

864

Миснагиды (точнее миснагидим) – «противящиеся», «возражающие» (*ивр.*).

865

Эсфирь. 3:8 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М.: Рос. библиотечное общество, 2011. С. 552.

866

Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 717.

867

Даже в конце XIX века в Пинском уезде встречались евреи, вовсе не знавшие других языков, кроме идиш. В гоголевское время таких евреев должно было быть намного больше.

См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настол. и дорож. кн. для русских людей / под ред. В. П. Семенова и под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского: в 19 т. Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – СПб.: Изд-во. А. Ф. Девреина, 1905. С. 215.

868

Гребенка Е. П. Чайковский: роман. Повести. С. 28.

869

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества... Т. 9. С. 218.

870

Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России, составленный согласно программе, изданной в 1852 году Императорским Русским географическим обществом. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1861. С. 1.

871

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 96.

872

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 380.

873

Там же. С. 383.

874

Максимович М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 498.

875

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 94.

876

Там же. С. 195.

877

Шевченко Т. Г. Прогулка с удовольствием и не без морали. С. 209–210.

878

Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания... С. 537.

879

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 527.

880

См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 191.

881

Там же. Т. 2. С. 109.

882

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 140.

883

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 183, 184.

884

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 383.

885

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 57.

886

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 143.

887

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 3.: Записки охотника. – М.: Наука, 1979. С. 299–301.

888

Летопись Самовидца. С. 11.

889

Там же. С. 11.

890

Письмо атамана запорожского Неживого к подполковнику Хорвату, в котором жалуется, что военные власти принимают и укрывают поляков и жидов от казацкой расправы // Костомаров Н. И. Материалы для истории Колиивщины, или резни 1768 г. // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 309–310.

891

Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 42.

892

Там же. С. 43—44.

893

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. С. 395.

894

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 2. С. 162.

895

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 464.

896

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 79, 81.

897

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 153—154.

898

См.: Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. – М.–Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 1997. С. 128.

899

Белова О. О «жидах» и «жидовской вере» в народных представлениях восточных славян // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: сб. ст. – М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 163.

900

См.: Рыльский Ф. Р. К изучению украинского народного мировоззрения. С. 46.

901

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 220.

902

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. С. 394.

903

Глинка Ф. Н. Лука да Марья, народная повесть, сочиненная Федором Глинкой. – СПб.: В тип. Н. Греча, 1818. С. 12–13.

904

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 383.

905

Шевченко Т. Г. Тарасова ніч. С. 85–86.

906

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 70.
Как видим, и здесь перевод неточный и политкорректный.

907

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 60, 61.

908

Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания... С. 635.

909

Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания... С. 635.

910

Цит. по: Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. – М.: Русский путь, 2001. С. 107.

911

Там же. С. 113.

912

Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 727.

913

Там же.

914

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 146.

915

Погорельский А. Сочинения. Письма. С. 169.

916

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. С. 394.

917

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 218.

918

См. статью «Евреи в России» в энциклопедии Брокгауза и Ефрона.
См. также: Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. С. 160.

919

Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 284.

920

Там же.

921

Там же.

922

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 96.

923

История Киева. Т. 2. С.168.

924

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 184.

925

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 245.

926

См.: История еврейского народа / под ред. Ш. Эттингера. С. 407.

927

Иешива – высшее религиозное учебное заведение, где изучали Талмуд и готовили будущих раввинов.

928

См.: Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. С. 114.

929

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 146.

930

Там же. С. 146—147.

931

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 74–75.

932

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 273.

933

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 218.

Пенязь – деньга, монета. Пенязь до середины XVI века чеканили в Великом княжестве Литовском. Позднее слово «пенязь» использовалось в значении русского «деньги» или украинского «гроши», то есть деньги вообще.

934

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 234.

935

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 407.

936

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 15.

937

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 78.

938

См.: Касименко А. К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 – початку 1651 р. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1955. С. 76, 77.

939

См.: Скальковский А. А. К истории Запорожья // Киевская старина. 1882. Октябрь. С. 159—160.

В наши дни именно в Приазовье идут бои между донецкими ополченцами и украинскими войсками, только теперь бьются не за рыбные промыслы, а за Мариуполь – морской порт и промышленный город.

940

См.: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 498.

941

Воссоединение Украины с Россией... Т. 2. С. 51.

942

Там же. С. 75.

943

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. С. 273–274.

944

Флоря Б. Н. Воссоединение Украины с Россией в оценке современников // Славянский альманах. 2004. – М.: Индрик, 2005. С. 8.

945

Там же. С. 6.

946

Там же. С. 8.

947

Гребенка Е. П. Богдан. Сцены из жизни Малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого // Сочинения Е. П. Гребенки: в 5 т. Т. 5. – СПб.: Изд-во киевск. книгопродавца С. И. Литова, 1862. С. 75.

948

Гребенка Е. П. Богдан. Сцены из жизни Малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого. С. 54, 55.

949

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Гл. 3. С. 531; Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 413.

950

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Гл. 3. С. 554.

951

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 413.

952

Там же.

953

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Гл. 3. С. 570.

954

Разговор Великороссии с Малороссией. С. 326.

955

Смирнова А. О. Письмо Гоголю Н. В., 3 ноября 1844 г. Петербург // Гоголь Н. В. Переписка: в 2 т. Т. 2. С. 124.

В последнем случае речь шла о декабристах.

956

Разговор Великороссии с Малороссией. С. 328.

957

Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 374.

958

Нарежный В. Т. Сочинения. URL:
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548195.

959

Пассек В. Путевые записки. С. 54.

960

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 7.

961

Цит. по: Киселев В., Васильева Т. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»... С. 480.

962

Українські народні думи та історичні пісні. Збірник. – Київ: Веселка, 1993. С. 160-161.

963

См.: Великий Новгород. Колыбель государства Российского / авт.-сост. В. Г. Смирнов. – М.: Вече, 2012. С. 204.

964

Огієнко І. Українська культура. Коротка історія культурного життя українського народу. – Київ: Вид-во книгарні Є. Череповського, 1918. С. 108.

965

Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс: Универс, 1995. С. 365.

966

Там же. С. 365.

967

На путях становления украинской и белорусской наций... С. 55.

968

На путях становления украинской и белорусской наций... С. 53-55.

969

Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848-1856 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 120.

970

Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. Т. 1. – М.: Изографус; Эксмо, 2003. С. 250.

971

Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара. – М.: Эксмо, 2007. С. 198.

972

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Т. 1. – СПб.: Полигон, 2002. С. 487. Впрочем, несколько выше Зайончковский называет Паскевича «талантливым генералом, но заурядным главнокомандующим».

973

См.: Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Военная тип. 1890. С. 360–362.

974

В 1831–1855 годах Паскевич был главнокомандующим Большой Действующей армией, штаб которой был расквартирован в Варшаве. Она объединяла четыре из шести корпусов, составлявших основу русской армии. Численность каждого из этих корпусов достигала 50 000. (См.: Кривопапов А. А. Граф Е. Ф. Канкрин об обороне западных границ России в 1836 году // Российская история. 2013. № 6. С. 53.)

975

Кулиш П. А. Историческое повествование. С. 154.

976

Имеется в виду граф Эриванский, то есть тот же Паскевич.

977

Кулиш П. А. Историческое повествование. С. 154.

978

Там же.

979

В доказательство можно вспомнить один исторический анекдот – о том, что будто бы Трощинский разорвал указ императора Павла о введении нового налога, чем заслужил уважение императора. Вероятнее всего, это именно анекдот, но Трощинский стал его героем не случайно.

980

Н. С. [Стороженко Н. В.] К истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX века // Киевская старина. 1897. Т. 59. Ноябрь. С. 143.

981

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 269.

982

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. С. 150.

983

Там же. С. 143.

984

Там же. С. 154.

985

Там же. С. 165.

986

Цит. по: Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко... С. 400-401.

987

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849-1856. С. 287.

988

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 176.

989

См.: Рябчук Н. Ю. Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных» отношений // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. С. 447–448.

990

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 948–949.

991

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 614.

992

Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 57.

993

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 57–58.

994

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 2.

995

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 257.

996

Там же. С. 248.

997

Там же. С. 229.

998

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 224–225.

999

Там же.

1000

См.: Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 56.

1001

См.: Кулиш П. А. Историческое повествование. С. 156.

1002

Филипп Орлик и запорожцы подгот. А. Скальковский // Киевская старина. 1882. Т. 2. Апрель. С. 114.

1003

Шевченко Т. Г. Тарасова ніч. С. 85—86.

1004

Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года (Из летописного сборника Ильи Кощаковского) // Киевская старина. 1882. Т. 3. Июль. С. 103–105.

1005

Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 16.

Иногда словосочетание «Московское государство» использовали и в Москве, причем даже в официальной титулатуре русских государей. В семидесятые годы XVI века это понятие использовал Иван Грозный, а в 1605–1606 годах – Лжедмитрий I. Хотя традиционным именованием государства были «Росия», «Российское царство», «Российское государство». См.: Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 17, 18, 20.

1006

Там же. С. 21.

1007

См.: Кудрин О. Песня на два голоса. О национальной идентичности Николая Гоголя-Яновского // Урал. 2013. № 9. С. 193–204.

1008

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 85.

1009

Там же. С. 95.

1010

Задунайские народные предания // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 581.

1011

История русов, или Малой России. С. 209.

1012

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 368.

1013

Шевченко Т. Г. Катерина // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 92.

1014

Шевченко Т. Г. Избр. произведения. С. 15.

1015

Шевченко Т. Г. Катерина. С. 96–97.

1016

Шевченко Т. Г. Катерина. С. 103.

1017

Там же. С. 109.

1018

Шевченко Т. Г. Избр. произведения. С. 15.

1019

См.: Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. С. 155.

1020

Там же. С. 147.

1021

Там же.

1022

Іванов П. В. Кое-что о вовкулаках и по поводу их // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. С. 510.

1023

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 135.

1024

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 139.

1025

См.: Гоголь Н. В. <Хромой чорт> // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 9. С. 16.

1026

Левшин А. Письма из Малоросии. С. 73.

1027

Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. С. 147.

1028

Там же. С. 157.

1029

Там же. С. 153.

1030

См.: Кутилова Л. А. Украинцы в Сибири: Пути этничности (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod1/78-81.html>.

1031

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 51.

1032

См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 44.

1033

См.: Огієнко І. Українська культура... С. 9.

1034

См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 538.

1035

Эварницкий Д. И. Что значит слово «кацап»? // Русское слово. 1901. 1 ноября. № 301.

1036

См.: О происхождении слова «кацап» // Киевская старина. 1901. Т. 75. Декабрь. С. 472–477.

1037

См.: Грушевский М. С. История украинского народа. – М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 28.

1038

Костомаров Н. И. Гетманство Выговского. С. 148.

1039

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 314.

1040

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. (Июль—дек. 1708 г.). – Вып. 1. – М.–Л., 1948. С. 274. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/pisma.htm#n2812>.

1041

Новгородские летописи. – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1879. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/novg3.htm>.

1042

Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных
действ и случаев описание, что в каком годе ве Украине Малороссийской
деялось, наипаче, кто именно когда былъ козацким гетманом, и о
протчих приключениях в России, кратко. URL:
<http://litopys.org.ua/bilozer/bilz02.htm#page89>.

1043

Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. С. 324.

1044

Там же. С. 324.

1045

Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа у західноєвропейських джерелах.
1687-1709. – Київ – Полтава, 1995. URL:
<http://litopys.org.ua/coss4/mazk10.htm>.

1046

Задунайские народные предания. С. 580.

1047

См.: Костомаров Н. И. Гетманство Выговского. С. 67. Впрочем, этот
страх несколько удивляет, ведь лапти («лычаки») издавна носили и на
Западной Руси. Носили там и «постолы» из сыромятной кожи, которые
тоже считались бедняцкой обувью. См.: Украинцы. С. 202. Чоботы
(сапоги) и в Малороссии носили далеко не все, так что у русинов-
украинцев не было никаких оснований для превосходства над якобы
«лапотными» «москалями».

1048

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). – М.: Индрик, 2010. С. 588.

1049

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 350.

1050

См.: Костомаров Н. И. Гетманство Выговского. С. 101.

1051

Малорусские Козаки между Россией и Польшей в 1659 году по взгляду на них серба Юрия Крижанича. Путное описание от Левова до Москвы, лета 1659 / предисл. П. А. Кулиша // Чтения в О-ве истории и древностей российских. Кн. 3. Смесь. – М.: Унив.тип., 1876. С. 115.

1052

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 317.

1053

Там же. С. 320.

1054

«Черкасов», или «русинов», мы смело можем называть как «русинами», так и «украинцами». И эту традицию, что идет от советской историографии, сейчас продолжает, например, академик Б. Н. Флоря, крупнейший специалист по истории русско-украинских связей XVII века.

1055

Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 26. Гл. 1. С. 331.

1056

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 590.

1057

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 11-12.

1058

Там же. Т. 1. С. 120.

1059

Шевченко Т. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 66. Как видим, перевод Державина неточен и не слишком благозвучен. Шевченкова «Московщина» у Державина куда-то исчезает.

1060

Манн Ю. В. Гоголь. Книга вторая. На вершине. 1835–1845. – М.: РГГУ, 2012. С. 141.

1061

Манн Ю. В. Гоголь. Книга вторая. На вершине. 1835–1845. С. 141.

1062

Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. С. 184.

1063

Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. – М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 478.

1064

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т 3. С. 83.

1065

Бодянский О. М. О народной поэзии славянских племен. – М.: Тип. Н. Степанова, 1837. С. 114.

1066

Там же. С. 115.

1067

Там же. С. 122-123.

1068

См.: Duchinski F. H. Peuples Aryas et Tourans. Agriculteurs et Nomades. Nécessite des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples arias-européens et tourans, particulièrement des Slavs et des Moskovites. – Paris, 1864.

1069

Костомаров Н. И. Ответ на выходки газеты (краковской) «*Czas*» и журнала «*Revue contemporaine*» // Основа.: Южно-рус. лит.-уч. вестн. 1861. Февраль. С. 127, 129.

1070

Baudouin de Courtenay J. Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego. – Kraków: Drukarnia uniwersytetu Jagiellońskiego, 1886. S. 21.

1071

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 2. – М.: Императ. Моск. ун-т, 1769. С. 390.

1072

Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. – Казань: Унив. тип., 1872. С. 2.

1073

Там же. С. 60.

1074

Здесь чудь – собирательное название финно-угорских племен.

1075

Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1933. С. 284.

1076

Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в формировании великорусской народности? // Сб. Ленингр. о-ва исслед. культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). Исслед. и матер. по финноугроведению / под ред. В. А. Егорова. – Л.: Изд. ЛОИКФУН, 1929. Вып. 1. С. 98.

1077

Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на Русской равнине. – М.: Луч, 2007; Генофонд.ру. URL: <http://genofond.ru/default2.aspx?s=0&p=23>.

1078

Интересно, что Ольговичи, другая ветвь Рюриковичей, имеют гаплогруппу – R1a1, характерную для Восточной Европы. Гаплогруппы

передаются по отцовской линии. Как считают исследователи, возможно, генетика отразила давнюю романтическую историю, известную по скандинавским сагам. Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Ингигерде (в крещении – Ирине), которая еще прежде была невестой норвежского короля Олафа Харальдсона. В 1027–1028 годах Олаф вел неудачную войну с Кнудом Великим и после поражения бежал в Новгород, где его приняла Ингигерда. Гостил он в Новгороде в 1029 году. А в 1030-м у Ингигерды родился сын Всеволод, будущий князь Переяславский, а затем Великий князь Киевский, отец Владимира Всеволодовича Мономаха. При этом у потомков Всеволода оказалась гаплогруппа N1c1, а у потомков другого сына Ярослава Мудрого, Черниговского князя Святослава (отца Олега Святославича, от которого пошли Ольговичи), почему-то гаплогруппа R1a1. С точки зрения современной науки, из этого следует, что у Всеволода и Святослава были разные отцы. По мнению С. С. Алексашина, истинные Рюриковичи имели именно гаплогруппу R1a1. А Мономашичи унаследовали гаплогруппу N1c1 от Олафа Харальдсона, настоящего биологического отца Всеволода Ярославича.

См.: Алексашин С. С. Современные генографические исследования родословий Рюриковичей посредством генетического маркера Y-хромосомы // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-187-9.

1079

Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г. и др. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII, Антропология. 2011. Вып. 3. С. 27–58.

1080

The Genographic Project. Your Regional Ancestry: Reference Populations. URL: <https://genographic.nationalgeographic.com/reference-populations>.

1081

Лодомерия – название Галицко-Волынского княжества, встречавшееся в европейских дипломатических и церковных документах. Впоследствии стало частью официального названия Галиции – «Королевство Галиции и Лодомерии».

1082

См.: Горский А. А. К вопросу о причинах возвышения Москвы. С. 3–12.

1083

Там же. С. 9.

1084

Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 462.

1085

Там же. С. 268, 269.

1086

Ригельман А. Летописное повествование о Малой России, ея народе и козаках вообще. Ч. 3. Кн. 5. С. 23.

1087

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 30 апреля 1829 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 139.

1088

Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. С. 179.

1089

См.: Быт Пушкинского Петербурга: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 86.

Правда, в понятие «русские» включали украинцев и белорусов.

1090

Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. С. 178.

1091

Цит. по: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 477.

1092

Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. С. 178.

1093

См.: Сергеев С. «Хозяева» против «наемников». Русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 50.

1094

Там же. С. 64.

1095

Из писем Ю. Ф. Самарина К. С. Аксакову и М. П. Погодину.
См.: Самарин Ю. Ф. Соч.: в 12 т. Т. 12: Письма 1840–1853. – М.: Тов.
тип. А. И. Мамонтова, 1911. С. 200;
Сергеев С. «Хозяева» против «наемников»... С. 65.

1096

Цит. по: Березкина С. В. «Немцы» против «Европейца» // Москва.
2009. № 3. С. 206.

1097

Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. Т. 3. – М. ГИХЛ, 1956. С. 422–423.

1098

Сергеев С. «Хозяева» против «наемников». С. 52.

1099

Бодянский О. М. Дневник. 1852–1857 / предисл., подгот. текста,
подбор ил. и коммент. Т. А. Медовичевой. – М.: Русский мир: Жизнь и
мысль, 2006. С. 271 .

1100

Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. – М.: Изд-во
АН СССР, 1951. С 11.

1101

Там же.

1102

Вяземский П. А. Записные книжки. – М.: Русская книга, 1992. С. 329.

1103

Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. Кн. 2. – М.: Захаров, 2003. С. 1050.

1104

Короленко В. Г. История моего современника. С. 44.

1105

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 169.

1106

Гоголь Н. В. Пропавшая грамота // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 1. С. 160.

1107

Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством // Там же. С. 168.

1108

См.: Гоголь Н. В. Письмо Гоголь А. В. и Е. В., 17 июля (н. ст.) 1836 г. Ахен // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 54.

1109

Гоголь Н. В. Письмо Балабиной М. П., апрель 1838 г. Рим // Там же. С. 142.

1110

Гоголь Н. В. Письмо Шевыреву С. П., 10 сентября (н. ст.) 1839 г. Вена // Там же. С. 248.

1111

Гоголь Н. В. Письмо Балабиной М. П., 30 мая (н. ст.) 1839 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 229.

1112

Гоголь Н. В. Письмо Аксакову С. Т., 22 декабря (н. ст.). 1844 г. Франкфурт // Там же. Т. 12. С. 405.

1113

Гоголь Н. В. Письмо Аксакову С. Т., 7 июля (н. ст.) 1840 г. Вена // Там же. Т. 11. С. 296.

1114

Гоголь Н. В. Письмо Плетневу П. А., 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Ницца // Там же. Т. 13. С. 123.

1115

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 240.

1116

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 31.

1117

Шевченко Т. Г. Музыкант // Зібрання творів: у 6 т. Т. 3. С.197.

1118

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. С. 162.

1119

См.: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 58.

1120

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 3 июня 1830 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 179.

1121

Впрочем, Петр Владимирович Жур, один из патриархов шевченковедения, объединяет две версии: сначала была встреча в Летнем саду, а через пару дней Шевченко навестил своего нового знакомого в квартире на Васильевском острове.

1122

Чалый М. К. Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка. С. 56.

1123

Цит. по: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 52.

1124

Стороженки. Семейный архив: в 8 т. Т. 2. / сост. А. Стороженко, Н. Стороженко. – Киев: Тип. тов-во Г. Л. Францкевича, 1906. С. 87;
Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 77–78.

1125

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 31.

1126

См.: Лабаури Д. О. Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг. Идеология, программа, практика политической борьбы. – София: Академ. изд-во им. проф. Марина Дринова, 2008. С. 199–208.

1127

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 19.

1128

Шевченко Т. Г. Сон // Там же. С. 271.

1129

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 66.

1130

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 22.

1131

Минаев Д. Евгений Онегин нашего времени // Минаев Д. Избранное.
– Л.: Худож. лит., 1986. С. 237–238.

1132

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 3 января 1829 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 137.

1133

Гребенка Е. П. Чайковский: роман. Повести. С. 31.
Правда, «здоровый борщ», описанный в романе Гребенки, блюдо в самом деле странное: рыбный суп, сваренный в крепком уксусе.

1134

См.: Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 300.

1135

Пассек В. Путевые записки. С. 145.

1136

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. – М.: Худож. лит., 1978. С. 30.

1137

Там же. С. 265.

1138

Руданський С. В. Студент // Руданський С. В. Пісні. – Відкрита книга, 2012. URL: <https://sites.google.com/site/openbookclassic/ukraienska-literatura/rudanskij/pisni>.

1139

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 12 мая 1832 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 232.

1140

Гоголь Н. В. <Отрывок детской книги по географии> // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 287.

1141

Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. – М.: Правда, 1990. С. 471.

1142

Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством. С. 161.

1143

Руданський С. В. Студент. URL: <https://sites.google.com/site/openbook-classic/ukraienska-literatura/rudanskij/pisni>.

1144

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 22 мая 1829 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 144.

1145

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 12 мая 1836 г. С.-Петербург // Там же. Т. 11. С. 42.

1146

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 30 апреля 1829 г. С.-Петербург // Там же. Т. 10. С. 140.

1147

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 24 июня 1833 г. С.-Петербург // Там же. С. 272.

1148

Гоголь Н. В. Письмо Максимовичу М. А., 2 июля 1833 г. С.-Петербург // Там же. С. 273.

1149

Гоголь Н. В. Письмо Косяровскому Петру П., 9 сентября 1832 г. Васильевка // Там же. С. 241.

1150

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 19.

1151

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 3 июня 1830 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 180.

1152

Быт Пушкинского Петербурга. Т. 2. С. 257.

1153

Гоголь Н. В. Невский проспект // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. С. 27.

1154

Гоголь Н. В. Невский проспект. С. 46.

1155

Мицкевич А. Дзяды // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. С. 410.

1156

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 188.

1157

Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко... С. 399.

1158

Эта компания, как известно, была создана по образцу европейских коммерческих компаний, которые успешно занимались не только торговлей с заморскими странами, но и сами вели войны, захватывали целые страны, превращая их в новые колонии. Русско-американская компания управляла русскими владениями в Новом Свете.

1159

Сомов О. М. Гайдамак. С. 36.

1160

См.: Русский биографический словарь / изд. под набл. предс. Императ. Рус. Ист. О-ва А. А. Половцова: в 25 т. Т. 19. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1909. С. 109.

1161

Письмо О. М. Сомова Ф. Н. Глинке. 29 октября 1829 // Северные цветы на 1832 год. – М.: Наука, 1980.

1162

Гоголь Н. В. Успех посольства (Из малороссийской повести «Страшный кабан») // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 232.

1163

Цит. по: Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко... С. 330.

1164

Пс 136: 8–9. Псалом 136 цитируется по современному русскому переводу Псалмов, подготовленному Российским библейским обществом. См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С. 685.

1165

Цит. по: Аверинцев С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова; пер. с древнегреч. и древнеевр. – Киев: Дух и литера, 2004. С. 469.

1166

Шевченко Т. Г. Давидові псалми // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 364.

1167

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 316–317.

1168

Шевченко Т. Г. Давидові псалми // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 364.

1169

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 316.

1170

Чалый М. К. Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка. С. 63.

1171

См.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / изд. подгот. Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 10–11.

1172

См.: Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 105–106, 109.

1173

См.: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 57.

1174

Огієнко І. Українська культура... С. 144.

1175

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 167.

1176

Правда, Костомаров написал это не в научной монографии, а в сочинении идеологическом и пропагандистском. Костомаров писал «Закон Божий», пока трудился на благо основанного им тайного Кирилло-Мефодиевского общества. В «Законе Божиим» излагалась кратко история Украины, вписанная и во всемирную историю. Так что Костомаров действовал здесь не как ученый, а как деятель национального движения, которого интересует не историческая правда, а польза для нации. См.: Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 152-169.

1177

Шевченко Т. Г. Іржавець // Зібрання творів: у 6 т. Т. 2. С. 45.

1178

Шевченко Т. Г. Кобзарь. С. 375.

1179

Андреева Е. А. Петербург - «город на костях»? // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 29-40.

1180

Шевченко Т. Г. Сон. С. 275.

1181

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 228-229.

1182

См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 390.

1183

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 556.

1184

История русов, или Малой России. С. 222.

1185

Там же. С. 224.

1186

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 167.

1187

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства... С. 178-179.

1188

См.: Лукашова С. С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII века // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. С. 43.

1189

Там же. С. 42-43.

1190

См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 389-390.

1191

См.: Лукашова С. С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII века. С. 43.

1192

Криничная Н. А. Предания русского Севера. – СПб.: Наука, 1991. С. 208.

1193

См.: Лукашова С. С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII века. С. 41.

1194

См.: Костомаров Н. И. Гетманство Выговского. С. 163.

1195

См.: Летопись Самовидца. С. 41.

1196

См.: Флоря Б. Н. Формирование новой социальной элиты украинского общества... С. 32.

1197

Коллинс С. Нынешнее состояние России.

1198

Гребенка Е. П. Чайковский // Сочинения Е. П. Гребенки: в 5 т. Т. 2. С. 294.

1199

Правда, еще в 1657 году гетманом Войска Запорожского избрали юного Юрия Хмельницкого, но тогда обстоятельства выборов были исключительными: козаки исполнили последнюю волю Богдана Хмельницкого, который лежал на смертном одре. Юрий Богданович, однако, власть не удержал и вскоре отказался от булавы.

1200

На латыни этот документ назывался так: *Pacta et Constitutiones legum libertatumque Exercitus Zaporoviensis*. Западнорусское (украинское) название намного длинее: «Договоры и постановления Прав и вольностей войсковых между Ясневельможным Его милости Паном Филиппом Орликом новоизбранным войска Запорожского Гетманом, и между Генеральными особами Полковниками и тем же войском Запорожским с полною з обоих сторон обрадою Утвержденные при вольной Елекции формальною присягою от того же Ясневельможного Гетмана Потверженные».

1201

Цит. по: Флоря Б. Н. Формирование новой социальной элиты украинского общества... С. 32.

1202

Там же. С. 33.

1203

Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки / пер. із ст.-укр. – Київ: Тов-во «Знання» України, 1992. URL: <http://izbornyk.org.ua/grab/hrab.htm>.

1204

См.: Летопись Самовидца. С. 11.

1205

Цит. по: Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. – Киев: Laurus, 2012. С. 185.

1206

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 150.

1207

Это учреждение несколько раз меняло свое название: Герольдмейстерская контора, Герольдия, с 1848 года – Департамент Герольдии.

1208

Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. С. 183.

1209

Правда, Боровиковские считали, что происходят все-таки не от польской, а от малороссийской шляхты. Это шляхетство у Боровиковских было таким же «выслуженным» в канцелярии, как и у Яновских.

1210

См.: Ефименко А. Я. Малорусское дворянство и его судьба // Ефименко А. Я. Очерки истории правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 185–186.

1211

Там же. С. 187.

1212

См.: Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. С. 268, 272.

1213

См.: Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. С. 320.

1214

Цит. по: Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. С. 185.

1215

Ефименко А. Я. Малорусское дворянство и его судьба. С. 186. Современный украинский историк Наталья Яковенко полагает, что к концу XVIII века на землях бывшей Гетманщины дворян было все-таки меньше: 23 или 25 тысяч (см.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 681). Но противоречие только кажущееся. Яковенко пишет о данных на последние годы XVIII века. Данные о 100 000 дворян относятся ко времени более позднему, когда Сенат перестал безоговорочно верить фальшивым украинским родословным.

1216

Погорельский А. Сочинения. Письма. С. 165.

1217

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 46.

1218

Пушкин А. С. Гости съезжались на дачу // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6.: Художественная проза. – Л.: Наука, 1978. С. 380.

1219

Забавная родословная (рисунок и стихи) // Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 223–225.

1220

См.: Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. С. 188–203.

1221

Пушкин А. С. Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом...») // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836. С. 197.

1222

См.: Ефименко П. С. Образцы обличительной литературы в Малороссии // Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 538–539.

1223

См.: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 36.

1224

См.: Золотусский И. Гоголь. С. 18.

1225

См.: Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 497.

1226

Там же. С. 285.

1227

Сестры Александры Алексеевны, Дарья и Мария, вышли замуж, соответственно, за Гавриила Державина и Николая Львова, так что Капнисты породнились с незаурядными и весьма влиятельными людьми.

1228

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 283.

1229

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 281–388.

1230

Капнист В. В. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. – М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 88.

1231

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. С. 289–290.

1232

См.: Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. С. 31–32.

1233

Шевченко Т. Г. Сон. С. 275.

1234

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 229.

1235

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 53.

1236

Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 26. Гл. 1. С. 325.

1237

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 677.

1238

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 682.

1239

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 472.

1240

Ефименко А. Я. Двенадцать пунктов Вельяминова // Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки. С. 130.

1241

См.: Лазаревский Ал. Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы. С. 110–111.

1242

Ефименко А. Я. Двенадцать пунктов Вельяминова. С. 139.

1243

Ефименко А. Я. Котляревский в исторической обстановке. С. 332–333.

1244

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т.1. С. 316.

1245

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 286.

1246

Северная пчела. 1834. № 248;
Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 138.

1247

Шевченко Т. Г. Сон. С. 277.

1248

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 230. Перевод Державина неточен. «Московская мова» – это русский язык, а никак не «столичный говор». Да и столицей в то время был Петербург, никак не Москва.

1249

См.: Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил Генерального штаба генерал-майор князь Щербатов: в 9 т. Т. 1. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1888. С. 7–9.

1250

См.: Из воспоминаний Н. В. Кукольника // Исторический вестник. Т. 45. № 7. С. 99; Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 53–54.

1251

См.: Вересаев В. Гоголь в жизни. С. 408–409.

1252

Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: антология мемуаров / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. – СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 94.

1253

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 1 марта 1828 г. Нежин // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 122.

1254

Кулиш П. А. Историческое повествование. С. 152.

1255

Там же.

1256

Аксаков И. С. Сочинения: в 7 т. Т. 3. – М.: Тип М. Г. Волчанинова, 1886. С. 113-114;

См. также: Тесля А. «Украинский вопрос» в публицистике Ивана Аксакова начала 1860-х гг. // Вопросы национализма. 2014. № 17. С. 165.

1257

Афанасьев-Чужбинский А. С. Воспоминания о Т. Г. Шевченко // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 104.

1258

См.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 286.

1259

Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 453.

1260

Цит. по: Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. С. 68.

1261

Гоголь Н. В. Старосветские помещики // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 2. С. 282–283.

1262

Манштейн, адъютант фельдмаршала Миниха, в самом деле был человеком хорошо информированным и неглупым. Он выдвинул и правдоподобное объяснение, почему императрица решилась на такой мезальянс: с годами Елизавета стала набожной. См.: Записки Манштейна о России. 1727–1744. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1875. С. 244.

1263

Полное название церкви – храм иконы Божией Матери «Знамение». Он был построен в конце XVII века в стиле так называемого «галицинского барокко». Храм сохранился и до наших дней. Сейчас это московский район Перово, улица Лазо.

1264

Бантыш-Каменский Д. М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 ч. Ч. 1. – М.: Культура, 1991. С. 271.

1265

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 414.

1266

Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 509.

1267

Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 509.

1268

Погорельский А. Сочинения. Письма. С. 167.

1269

Турьян М. А. Личность А. А. Перовского и литературное наследие Антония Погорельского // Погорельский А. Сочинения. Письма. С. 569.

1270

Толстой А. К. Смерть Ивана Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. Стихотворения. С. 306.

1271

См.: Трушкин М. Д. А. К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы. – М.: Русский Мир, 2009. С. 29.

1272

Новиков В. И. Алексей Константинович Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2011. С. 29.

1273

Там же. С. 12.

1274

Толстой А. К. Смерть Ивана Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. Стихотворения. С. 307.

1275

Матов А. И. Воспоминания о Т. Г. Шевченке // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 234.

1276

Летопись Самовидца. С. 78.

1277

См.: Яковлева Т. Г. Мазепа – гетман: в поисках исторической объективности // Новая и Новейшая история. 2003. № 4. С. 46.

1278

См.: Gajecki G. The Cossack Administration of the Hetmanate. Harvard, 1978. V. 2. P. 571.

1279

См.: Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 162, 254.
Напротив, когда гетманом станет Иван Ильич Скоропадский, его властной Насте подарки будут дарить непременно.

1280

См.: Костомаров Н. И. Мазепа. С. 11.

1281

См.: Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 56.

1282

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 371.

1283

Цит. по: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 535.

1284

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 149.

1285

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 158.

1286

Там же.

1287

Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа у західноєвропейських джерелах. 1687-1709.

1288

Вольтер. История Карла XII, короля Швеции. – СПб.: Лениздат, 2013. С. 141.

1289

История русов, или Малой России. С. 184.

1290

См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 367-368.

1291

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 369.

1292

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 57.

1293

Там же. С. 52.

1294

До гетманства Ивана Скоропадского русские не имели земельных владений в Малороссии.

1295

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства... С. 74.

1296

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 95–96.

1297

Там же. С. 96.

1298

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 330.

1299

Лист Пилипа Орлика до київського митрополита Стефана Яворского (1721) // Основа: Южно-рус. лит.-уч. вест. Ізборник. Історія України IX–XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації. URL: <http://litopys.org.ua/coss3/ohl23.htm>.

1300

Там же.

1301

Лист Пилипа Орлика до київського митрополита Стефана Яворського (1721).

1302

См.: Оглоблин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. – Нью-Йорк – Київ – Львів – Торонто, 2001. // “Ізборник” – Історія України IX-XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації: Електронна бібліотека давньої української літератури. URL: <http://izbornyk.org.ua/coss3/ohl.htm>.

1303

Лист Пилипа Орлика до київського митрополита Стефана Яворського (1721).

1304

Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 223–224;
Лист Пилипа Орлика до київського митрополита Стефана Яворського (1721).

1305

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства... С. 378.

1306

Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. С. 299.

1307

Цит. по: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 547.

1308

Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа у західноєвропейських джерелах. 1687-1709.

1309

Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. Ч. 2.

1310

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 65-66.

1311

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 331.

1312

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 269.

1313

Мазепа родился в 1639 году, царю Петру он годился не в сыновья, а в отцы, но у массового сознания народа, отраженного в фольклоре, своя логика, свой историзм и свой счет времени.

1314

Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 611-612.

1315

Зрадить – предать (укр.).

1316

Киевская старина. 1882. Т. 1. Март. С. 613.

1317

Народные малороссийские думы и песни // Московский телеграф. 1831. № 5. Март. С. 33.

1318

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 376.

1319

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 123.

1320

Там же. С. 227.

У исторического Ивана Мазепы своих детей не было, если не считать падчерицу Марию и пасынка Криштофа – детей Ганны Мазепы от первого брака. Криштоф станет сотником, Мария выйдет замуж. Оба, кажется, были людьми вполне заурядными.

1321

Точная дата создания «Истории русов» неизвестна. Верхней границей считается 1769 год, так как события, изложенные в этом сочинении, доведены до этого года, нижней границей – 1818-й, когда стали известны первые списки «Истории русов». Вероятнее всего, это сочинение появилось все-таки в царствование Александра I и принадлежит перу Василия Полетики. Впрочем, ученые успели приписать «Историю русов» едва ли не всем сколько-нибудь известным малороссийским авторам конца XVIII – начала XIX веков, включая канцлера Безбородко. Самый современный и самый полный обзор см. в книге канадского историка Сергея Плохия: Плохій С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій.

1322

История русов, или Малой России. С. 202.

1323

Там же.

1324

История русов, или Малой России. С. 202, 203.

1325

Там же. С. 202.

1326

Гоголь Н. В. <Размышления Мазепы> // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 9.: С. 83–84.

1327

Шевченко Т. Г. Сон («Гори мої високії»).

1328

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 372.

1329

Короленко В. Г. История моего современника. С. 110.

1330

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 333.

1331

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 329.

1332

См.: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 2. С. 13.

1333

Барсуков А. П. Род Шереметевых: в 8 т., 9 кн. Кн. 5. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. С. 300.

1334

Там же. С. 119.

1335

Там же. С. 13.

1336

Там же. С. 305.

1337

Там же. С. 306.

1338

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн.5. С. 319.

1339

Там же. С. 324–325.

1340

См.: Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн.5. С. 338.

1341

Цит. по: Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого // Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. С. 202.

1342

Там же. С. 203.

1343

См.: Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). С. 584.

1344

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 387.

1345

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 340.

1346

Там же. С. 295.

1347

Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого. С. 206.

1348

Гордон П. Дневник. 1659-1667 / пер., вступ. ст. и примеч. Д. Г. Федосова. – М.: Наука, 2003. С. 69.

1349

См.: Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого. С. 212.

1350

См.: Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661 гг.). С. 590.

1351

Наряд – артиллерия.

1352

Цит. по: Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661 гг.). С. 590.

1353

Там же. С. 595.

1354

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 409.

1355

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 434.

1356

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). С. 592.

1357

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 436.

1358

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). С. 596.

1359

Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого. С. 217.

1360

См.: Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого. С. 227–228.

1361

Но и праведная жизнь монаха оказалась Юрию не по силам. Он еще не раз будет пытаться вернуться в политическую жизнь, в конце концов, примет басурманскую веру и станет наместником турецкого султана на завоеванных турками землях украинского правобережья. С этой должностью он тоже не справится и будет удушен турками в Каменце-Подольском.

1362

Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 432.

1363

См.: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 1. С. 13.

1364

Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки.

1365

Разговор Великороссии с Малороссией. С. 361–362.

1366

См.: Грушевский М. С. История украинского народа. С. 239–240.

1367

Там же. С. 240.

1368

Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 493, 494.

1369

Там же. С. 494.

1370

Там же. С. 492–496.

1371

Простой народ на Украине относился к Юрасю Хмельницкому гораздо хуже интеллигенции. Кулиш записал историю о страшном наказании, которое несет сын Хмельницкого. Наказан он, конечно, не за предательство 1660 года. Его вина в другом: мало того, что «побусурменился», так еще будто бы хотел разрушить церковь над могилой отца. За это Хмельниченко обречен скитаться по свету до Страшного суда, а сердце его гложет змея. Будто бы чумаки видели его в горах своими глазами. См.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 277—278.

1372

Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

1373

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). С. 72.

1374

Левшин А. Письма из Малороссии. С. 65.

1375

См.: Левшин А. Письма из Малороссии. С. 14–15.

1376

См.: Гнатюк М. П. Поема Т. Г. Шевченка «Гайдамаки». – Київ: Держлітвидов, 1963. С. 10–11.

1377

См.: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. С. 149–151.

1378

Шевченко Т. Г. Гайдамаки // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 187.

1379

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 135.

1380

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 181.

1381

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 156.

1382

Гоголь Н. В. Письмо Срезневскому И. И., 6 марта 1834 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 299.

1383

Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 98.

1384

См.: Коденская книга и три бандуриста // Киевская старина. 1882. Т. 2. Апрель. С. 163-165.

1385

Шевченко Т. Г. Катерина. С. 109.

1386

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 8, 9.

1387

Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 18. С. 252.

1388

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 44.

1389

Шевченко Т. Г. Іржавець // Зібрання творів: у 6 т. Т. 2. С. 45.

1390

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 375.

1391

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 19, 54, 57, 60, 61, 63.

1392

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 492.

1393

Яковенко Н. Почти беспристрастно. Как Михаил Грушевский и Вячеслав Липинский создавали «национальную историю». С. 12.

1394

Грушевський М. С. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славянознавству. – СПб., 1904. Вип. I. С. 298–304. URL: <http://litopys.org.ua/index.html>.

1395

Там же.

1396

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 25–27.

1397

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 3–5.

1398

В первом издании 1846 года, подготовленным к печати Осипом Бодянским.

1399

См.: История русов, или Малой России. С. 3–4.

1400

См.: Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. С. 145.

1401

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 210–214.

1402

История городов и сёл Украинской ССР: в 26 т. Т. 7. Днепропетровская область. С. 271;

Українські народні думи та історичні пісні. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1955. С. 92.

1403

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 378.

1404

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 35.

1405

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 468.

1406

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 24.

1407

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 26.

1408

Правда, славянофильство само по себе делало Чижова человеком подозрительным. Кроме того, он одобрял идею славянской федерации, о которой мечтали и кирилло-мефодиевцы.

1409

Отцом Пантелеймона Александровича Кулиша был богатый украинский крестьянин, который, однако, вел свой род от малороссийских козаков.

1410

См.: Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 150-151, 170.

1411

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 473-474.

1412

См.: Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846-1847). С. 113.

Правда, как писал еще советский историк Зайончковский, собрано было все-таки несколько больше, но точно установить сумму пожертвований невозможно.

1413

Там же. С. 114.

1414

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). С. 131.

1415

Там же. С. 125–126.

1416

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 67.

1417

Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 265–266.

1418

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 169.

1419

Там же. С. 39.

1420

Там же. С. 44.

1421

Момбелли Н. А. Записки (Отрывок) // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 213.

1422

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 56.

1423

Коцюбинский М. Письмо Полтавской думе. Сентябрь 1903 // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. / пер. с укр. – М.: Гослитиздат, 1951. С. 335, 336.

1424

См.: Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. С. 94.

1425

См.: Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. С. 79.

1426

См.: Большаков Л. Н., Бородин В. С. Путь «Кобзаря». Судьба книги Т. Шевченко. – М.: Книга, 1978. С. 82.

1427

Шигарин Н. Д. Воспоминания киевлян о Шевченке и его времени // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 206.

1428

Там же.

1429

Афанасьев-Чужбинский А. С. Воспоминания о Т. Г. Шевченко. С. 104, 109.

1430

Дело петрашевцев: в 2 т. Т. 1. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 406–407.

1431

Цит. по: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 238.

1432

Кулиш П. А. Историческое повествование. С. 147.

1433

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 249, 275.

1434

Там же. С. 67.

1435

Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 148.

1436

См. рецензию на издание «Кобзаря»: Народное чтение. 1860. Кн. 1. С. 143-148.

1437

Цит. по: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 473.

1438

Северная пчела. 1861. № 89.

1439

Шевченко В. Г. Воспоминания о Тарасе Григорьевиче Шевченко // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 30.

1440

Афанасьев-Чужбинский А. С. Воспоминания о Т. Г. Шевченко. С. 104.

1441

См.: Большаков Л. Н., Бородин В. С. Путь «Кобзаря». Судьба книги Т. Шевченко С. 84.

1442

Суханов-Подколзин Б. Г. Что вспомнилось о Тарасе Григорьевиче Шевченко // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 411.

1443

Там же.

1444

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 179.

1445

Кобзарь Остап Вересай, его песни и думы // Киевская старина. 1882. Т. 3. Август. С. 264.

1446

См.: Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 171.

1447

Тургенев И. С. Воспоминания о Шевченко // Воспоминания о Тарасе Шевченко. С. 392.

1448

Современник. 1844. Т. 34. № 6. С. 295–296.

1449

Афанасьев-Чужбинский А. С. Воспоминания о Т. Г. Шевченко. С. 104.

1450

Цит. по: Жур П. В. Труды и дни Кобзаря. С. 64.

1451

Костомаров Н. И. Воспоминание о двух малярах. С. 166.

1452

Тургенев И. С. Воспоминания о Шевченко. С. 391.

1453

Письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову. <1–10 декабря 1847>. URL: <http://litopys.org.ua/shevchenko/belinsky.htm>;

Белинский В. Г. Письма (1841–1848). С. 378–379. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826125.

1454

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 4. С. 398–400.

1455

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 5. С. 176-177.

1456

Там же. С. 178.

1457

Там же. С. 179.

1458

Статья Белинского не осталась без ответа. Григорий Квитка-Основьяненко писал из Харькова издателю «Отечественных записок» Краевскому: «Должен вам сказать, что при появлении у нас той книги «Отечественных записок» здесь все взбунтовались против Вашего журнала...» (Цит.по: Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века. С. 215.)

1459

Отечественные записки. 1842. Т. 22. №. 5. С. 12-14.

1460

«Северная пчела». 1841. № 143;
Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 147-148.

1461

Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 149.

1462

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. С. 44–65.

1463

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. С. 377.

1464

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. С. 147.

1465

Цит. по: Киселев В., Василева Т. «Странное политическое сонмище», или «народ, поющий и пляшущий»... С. 488.

1466

Цит. по: Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века. С. 217.

См. также: Милюков А. Вопрос о малороссийской литературе // Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления: критические очерки. – СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1875. С. 126–163.

1467

Сенковский О. И. Новые книги // Библиотека для чтения. 1840. Апрель. Т. 39. С. 14.

1468

См.: Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века. С. 135–136; Сын Отечества. 1839. Т. 8. С. 150–151; Т. 9. С. 141–142.

1469

Катков М. Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами. С. 42.

1470

Катков М. Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами. С. 47–48.

1471

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 2.

1472

Кулиша, наряду с Шевченко, следователи III отделения отнесли к «неумеренной» (радикальной) партии Кирилло-Мефодиевского братства, однако со временем он превратится в лояльного подданного империи, который сам будет русифицировать Царство Польское.

1473

Самарин Ю. Ф. Соч.: в 10 т. Т. 1.: Статьи разного содержания по польскому вопросу. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1877. С. 298.

См. также: Тесля А. «Украинский вопрос» в публицистике Ивана Аксакова начала 1860-х. С. 157.

1474

Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 65, 66.

1475

Шевченко Т. Г. Як би то ти, Богдане п'яний // Зібрання творів: у 6 т. Т. 2. С. 308.

1476

Пестель П. Русская правда... С. 38-39.

1477

Статья «Малороссы» в тридцать шестом томе знаменитого энциклопедического словаря начинается словами: «Малороссы (в антр. отнош.) или южнороссы – одна из трех русских народностей». Правда, в этой же статье находим: «М. отличаются от великоруссов многими чертами своего умственного и нравственного склада, своим отношением к религии, к женщине, к семье, к собственности и т.д. <... > Они имеют особый (мужской и женский) костюм, их селения (из хат) представляют иной вид, волю у них часто имеют большее значение, чем лошадь, их «громада» не то, что великорусский «міръ», их песни, думы, поговорки, сказки проникнуты иными чувствами, мыслями и воспоминаниями. С развитием культуры эти различия, отчасти, сглаживаются, и хотя М. даже в своих отдаленных, сибирских колониях

долго сохраняют свои особенности...» См.: Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 36. С. 484-485.

1478

Николай Герасимович Устрялов готовил к печати пять томов «Сказаний современников о Дмитрие Самозванце», два тома сочинений Андрея Курбского, известный труд Жака Маржерета «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского».

1479

Славонцы еще в первой половине XIX века не считали себя частью хорватской нации.

1480

Жутић Н. Срби римокатолици, такозвани Хрвати. – Београд: Српска радикална странка, 2006.

1481

Starčević A. Izabrani spisi. – Zagreb, 1945. S. 430.

1482

Сербское королевство было союзником победоносной Антанты, а хорватские и словенские земли принадлежали прежде разгромленной и распавшейся Австро-Венгрии.

1483

«Усташская хорватская революционная организация», затем – «Усташское хорватское освободительное движение».

1484

Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года // Собр. соч.: в 12 т. Т. 6. – Киев: Изд-во Б. К. Фукса, 1902. С. 101.

1485

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 427.

1486

Пыпин А. Н. История русской этнографии Т. 3. С. 152.

1487

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 447.

1488

Короленко В. Г. История моего современника. С. 99.

1489

Короленко В. Г. История моего современника. С. 99.

1490

Там же. С. 115.

1491

Там же. С. 116-117.

1492

Там же. С. 117.

1493

Короленко В. Г. История моего современника. С. 256.

1494

Там же. С. 268-269.

1495

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 231.

1496

Новое имя «Васильевка» долго не приживалось. Когда путешественник спрашивал мужика, как проехать к Васильевке, то мужик просто не понимал вопроса. Он знал именно Яновщину, а не Васильевку.

1497

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 311.

1498

Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. С. 53.

1499

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 356.

1500

Там же. С. 479–480.

1501

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 406.

1502

См.: Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. С. 25.

1503

Гоголь Н. В. Мертвые души // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т.5. С. 22.

1504

Там же. С. 23.

1505

Там же. С. 213.

1506

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 99.

1507

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 99.

1508

Там же. С. 103.

1509

Гоголь Н. В. Старосветские помещики. С. 283.

1510

Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 8.: Старая записная книжка. С. 234.

1511

Цит. по: Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 609.

1512

См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 51.

1513

Колосова Н. Россети черноокая. С. 189.

1514

Там же. С. 198.

1515

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 188.

1516

Колосова Н. Россети черноокая. С. 198.

1517

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 805–806.

1518

Гоголь Н. В. Письмо Смирновой А. О., 28 ноября н. ст. 1842 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 123.

1519

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 875.

1520

См.: Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие. С. 601.

1521

Гоголь Н. В. Письмо Жуковскому В. А., 10 сентября 1831 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 206.

1522

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 27.

1523

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 352.

1524

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 27. См. также с. 34, 42.

1525

Там же. С. 488.

1526

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 488.

1527

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 314.

1528

Там же. С. 325.

1529

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 875. Впрочем, народным песням Россети предпочитала европейскую симфоническую музыку. См.: Там же.

1530

Там же. С. 310.

1531

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 2. – М.: Время, 2007. С. 47.

1532

По другой версии, Россети принадлежал к итальянской семье, обосновавшейся в Швейцарии. В Генуе же Россети учился мореходному делу. См.: Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие. С. 580, 582; Колосова Н. Россети черноокая. С. 14–16.

Сама Александра Осиповна писала, будто ее отец, «шевалье де Россет», происходил из французского Руссильона, «смежного со Швейцарией». См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 73, 321.

1533

Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие. С. 580.

1534

Там же. С. 581.

1535

Колосова Н. Россети черноокая. С. 15.

1536

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 81.

1537

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 203.

1538

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 80.

1539

Там же. С. 122.

1540

См.: Быт Пушкинского Петербурга. Т. 1. С. 262–263.

1541

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 147.

1542

Ковалевская Н. Воспоминания старой институтки // Русская старина. 1898. Т. 95. Сентябрь. С. 613.

1543

Колосова Н. Россети черноокая. С. 138.

1544

Хомяков А. С. Иностранка // Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 4. Трагедии и стихотворения. – М.: Унив. тип., 1900. С. 209.

1545

Колосова Н. Россети черноокая. С. 204, 216.

1546

Там же. С. 216.

1547

См.: Алымов С. С. Павел Иванович Кушнер: между наукой и идеологией. С. 499.

См. также: Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. С. 70–77.

1548

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 104.

1549

Смирнова А. О. Письмо Гоголю Н. В., 3 ноября 1844 г. Петербург. С. 124.

1550

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 701.

1551

Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. С. 214.

1552

Погорельский А. Двойник, или Мои вечера в Малороссии // Сочинения. Письма. С. 101.

1553

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь А. В. и Е. В., 17 июля (н. ст.) 1836 г. Ахен // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 54.

1554

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 266.

1555

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 64.

1556

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников.
Т. 2. С. 267.

1557

Там же.

1558

Гоголь Н. В. Мертвые души. С. 22.

1559

И Шевченко, и Гоголь впервые приедут «на Московщину» совсем другим шляхом. Гоголь поедет через Белоруссию. Шевченко попадет в русские земли не с Украины, а из Вильно. Но оба не раз впоследствии ездили именно традиционными путями: через Курск или через Белгород.

1560

Шевченко Т. Г. Катерина. С. 100.

1561

Шевченко Т. Г. Избр. произведения. С. 27.

1562

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 3. С. 359.

1563

Там же. С. 86.

1564

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 5. С. 110.

1565

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 228.

1566

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 404.

1567

Там же. С. 221.

1568

Гоголь Н. В. Письмо Погодину М. П., 17 октября (н. ст.) 1840 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 315.

1569

Гоголь Н. В. Письмо Балабиной В. О., 16 июля (н. ст.) 1837 г. Баден-Баден // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 106.

1570

Там же. С. 105.

1571

Гоголь Н. В. Письмо Жуковскому В. А., 30 октября (н. ст.) 1837 г. Рим // Там же. С. 112.

1572

Гоголь Н. В. Письмо Данилевскому А. С., 15 апреля (н. ст.) 1837 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 95.

1573

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 429.

1574

Там же. С. 253.

1575

Новиков В. И. Алексей Константинович Толстой. С. 35.

1576

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 429.

1577

Там же. С. 254.

1578

Там же. С. 253.

1579

Там же. С. 254.

1580

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 446.

1581

Там же.

1582

Там же. Т. 3. С. 160.

1583

Гоголь Н. В. Письмо Прокоповичу Н. Я., 30 марта (н. ст.) 1837 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 93.

1584

Григорьев А. А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. – М.: Наука, 1999. С. 159.

1585

Григорьев А. А. Письма. С. 187–188.

1586

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 717.

1587

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. С. 6.

1588

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 977.

1589

Там же. Т. 1. С. 804.

1590

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 559.

1591

Там же. С. 567-568.

1592

Там же. Т. 3. С. 983.

1593

См.: Барабаш Ю. Почва и судьба: Гоголь и украинская литература: у истоков. С. 25.

1594

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 555.

1595

Там же. С. 570.

1596

Там же. С. 559.

1597

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 6. С. 109–110.

1598

Вересаев В. Гоголь в жизни. С. 320.

1599

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 570.

1600

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 641.

См. также оригинал: Максимович М. А. Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии. IV. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г. (Письмо к Г. П. Галагану) // Русская беседа. 1858. Кн. 1(9). С. 13–27.

1601

П. М. Щепкин по записи В. И. Веселовского // Русская старина. 1872. Февраль. С. 282.

1602

Вересаев В. Гоголь в жизни. С. 446.

1603

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 241.

1604

Там же. Т. 1. С. 517.

1605

Там же. Т. 2. С. 951.

1606

Там же.

1607

Там же. Т. 3. С. 669.

1608

Там же. С. 26.

1609

Осип Максимович Бодянский и в своих научных работах прославлял культуру родного украинского народа. В его магистерской диссертации читаем: «...песни Южно-Русские (т.е. малороссийские, украинские, для

Бодянского это синонимы. – С. Б.) единственные в своем роде, стоят выше песен всех прочих славянских племен». См.: Бодянский О. О народной поэзии славянских племен. С. 135.

1610

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 873–874.

1611

Гоголь Н. В. О малороссийских песнях // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 156.

1612

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. – Гельсингфорс: Нов. тип. Гувудстадсбладет, 1902. С. 196.

1613

Гоголь Н. В. Письмо Смирновой А. О., 24 декабря н. ст. 1844 г. Франкфурт // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 93.

1614

Чалмерс Д. Сознющий ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. – М.: УРСС: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 19.

1615

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. С. 198–199.

1616

С недавнего времени ее можно прочитать и онлайн.

1617

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. С. 208.

1618

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания... С. 107.

1619

Там же. С. 5.

1620

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. С. 382.

1621

Там же. С. 308.

1622

Лукашевич П. Малороссийские и Червонорусские народные думы и песни. С. 57.

1623

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. С. 225.

1624

Там же. С. 201.

1625

Там же. С. 218.

1626

Современник. 1836. Т. 1. С. 311–312;

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 711.

1627

Библиотека для чтения. 1843. Т. 57. Отд. 4. С. 23;

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания... С. 506.

1628

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 977–978.

1629

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 979.

1630

Гоголь Н. В. Мертвые души. С. 9.

1631

Смирнова А. О. Письмо Гоголю Н. В., 3 ноября 1844 г. Петербург // Гоголь Н. В. Переписка: в 2 т. Т. 2. С. 124.

1632

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 102.

1633

Там же. С. 109.

1634

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 725.

1635

В том издании сочинение Гоголя называлось: «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купалы. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви».

1636

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 99.

1637

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 9 октября 1831 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 210.

1638

См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 188.

1639

См.: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 303.

1640

См.: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 304.

1641

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 427.

1642

Там же.

1643

Гоголь Н. В. Письмо Максимовичу М. А., 29 марта 1834 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 307.

1644

Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 311.

1645

Там же. С. 313.

1646

Там же. С. 312.

1647

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 591.

1648

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 654–655.

1649

Там же. Т. 3. С. 282.

1650

Там же. С. 283.

1651

Там же.

1652

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3.
С. 283.

1653

Там же. С. 284.

1654

Там же. Т. 1. С. 660–661.

1655

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1.
С. 610–612.

1656

Цит. по: Марченко А. Лермонтов. – М.: АСТ : Астрель, 2010. С. 401.

1657

См.: Славянофилы. Историческая энциклопедия. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 18.

1658

Эйхенбаум Б. Николай I о Лермонтове // О прозе: сб. ст. / Эйхенбаум Б.; сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. – Л.: Худож. лит., 1969. С. 425.

1659

Там же. С. 424.

1660

Русская старина. 1879. № 2. С. 348;
Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 406.

1661

См.: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 415.

1662

Там же. С. 487–488.

1663

Там же.

1664

Там же. С. 611.

1665

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 22 марта 1842 г. Москва // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 48.

1666

См.: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 717–718.

1667

Мария Ивановна Гоголь, обладавшая богатой фантазией, уступавшей лишь беспримерной творческой фантазии ее сына, так представляла заботы государя о Николае Васильевиче: Гоголь написал письмо Жуковскому с просьбой занять для него 3 000 рублей, да так занятно написал, что Жуковский многим это письмо показал. Дошло до государя. «Он изволил потребовать письмо, много смеялся, читая его, и велел послать ему 4 тысячи рублей! – и притом сказал: “пусть еще напишет такое письмо, и я еще ему пошлю денег”». См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 85–86.

1668

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 605.

1669

Правда, некоторым русским крайне не понравилась «Женитьба». Ее сочли чрезмерно грубой, оскорбляющей «самых неприхотливых людей». См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 754.

1670

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 40.

1671

Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Гоголь в русской критике: антология / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 47.

1672

Шевырев С. П. «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Там же. С. 67.

1673

Гоголь Н. В. Письмо Шевыреву С. П., 12 ноября н. ст. 1842 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 117.

1674

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 513.

1675

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. С. 74.

1676

Гоголь Н. В. Письмо Максимовичу М. А., 12 марта 1834 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 320.

1677

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 823.

1678

Гоголь Н. В.. Письмо Аксакову С. Т., 5 марта (ст. ст.) 1841 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 331.

1679

Гоголь Н. В. Письмо Погодину М. П., 30 марта (н. ст.) 1837 г. Рим // Там же. С. 92.

1680

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. С. 62.

1681

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 121.

1682

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 23.

1683

Там же. С. 23-24.

1684

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 22 декабря (н. ст.) 1837 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 118.

1685

См.: Виноградов И. И. К истории отношений Гоголя с Виельгорскими (в Италии и России) // Наше наследие. 1998. № 46. С. 56-59;

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания... С. 449.

1686

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 22 сентября 1851 г. Москва // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 14. С. 250.

1687

Золотусский И. Гоголь. С. 329.

1688

Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко... С. 281.

1689

Барабаш Ю. Почва и судьба: Гоголь и украинская литература: у истоков. С. 64.

1690

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 70.

1691

Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 6. С. 23.

1692

Опубликован в седьмом номере журнала «Киевская старина» за 1894 год.

1693

Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 171.

1694

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. С. 53.

1695

Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 48.

1696

Шевченко Т. Г. Гайдамаки. С. 130.

1697

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 77.

1698

Шевченко Т. Г. Гайдамаки. С. 130, 131.

1699

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 77.

1700

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 70.

1701

Гоголь Н. В. Письмо Пушкину А. С., 7 октября 1835 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. С. 375.

1702

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 240.

1703

Гоголь Н. В. Письмо Жуковскому В. А., 10 января 1848 г. / 29 декабря 1847 г. Неаполь // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 14. С. 35.

1704

См.: Золотусский И. Гоголь. С. 329.

1705

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 9. С. 635–647.

1706

Там же. Т. 5. С. 532.

1707

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 977–978.

1708

Там же. Т. 1. С. 687.

1709

Там же. Т. 3. С. 50.

1710

Там же. Т. 2. С. 957.

1711

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 567.

1712

Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6./ под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2009. С. 86.

1713

Там же. С. 87.

1714

Мережковский Д. С. Из книги «Гоголь и чёрт» // Гоголь в русской критике. С. 225.

1715

См.: Пассек В. Путевые записки. С. 139.

1716

На путях становления украинской и белорусской наций: Факторы, механизмы, соотнесения. С. 123.

1717

См.: Шевченко Т. Г. Капитанша. С. 294–295.

1718

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. С. 236–237.

1719

Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 309.

1720

Там же.

1721

Лесков Н. С. Путимец. С. 1000.

1722

Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. С. 99-100.

1723

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским: в 7 т. Т. 5. – СПб.: Тип. Майкова, 1874. С. 304.

1724

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. С. 205.

1725

См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. – М.-Л.: ГИХЛ, 1962. С. 348.

1726

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 6.

1727

См.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 281.

1728

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 5. С. 529.

1729

Вересаев В. Гоголь в жизни. С. 503.

1730

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 5. С. 213.

1731

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 144.

1732

Там же. С. 140.

1733

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 179.

1734

Там же. Т. 2. С. 808.

1735

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 153.

1736

Там же. С. 175.

1737

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., вторая половина марта – апрель 1843 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 77.

1738

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 1 сентября н. ст. 1843 г. Дюссельдорф // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 218.

1739

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь А. В. и Е. В., январь – май н. ст. 1844 г. // Там же. С. 313–314.

1740

Там же. С. 315.

1741

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь Е. В., после 22 мая 1851 г. Полтава // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 14. С. 232.

1742

Гоголь Н. В. Письмо Гоголь М. И., 5 июня 1851 г. Москва // Там же. С. 234.

1743

Шевырев С. П. «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Поэма Н. Гоголя. Статья вторая. С. 67–68.

1744

Смирнова А. О. Письмо Гоголю Н. В., 3 ноября 1844 г. Петербург // Гоголь Н. В. Переписка: в 2 т. Т. 2. С. 124.

1745

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 40.

1746

Розанов В. В. Уединенное // Гоголь в русской критике. С. 305.

1747

Гоголь Н. В. Мертвые души. С. 213.

1748

Это высказывание Снегирева известно нам из записи в дневнике известного филолога Ф. И. Буслаева. См.: Из дневника Ф. И. Буслаева // Русская речь. 1999. № 5. С. 33.

1749

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 6. С. 210.

1750

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 303.

1751

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 6. С. 88, 89.

1752

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. С. 53.

1753

Там же.

1754

См.: Гоголь Н. В. Письмо Балабиной М. П., апрель 1838 г. Рим // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 11. С. 41.

1755

Там же.

1756

См.: Гоголь Н. В. Мертвые души. С. 91.

1757

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 957.

1758

Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 239.

1759

Розанов В. В. Гений формы (к столетию со дня рождения Гоголя) // Гоголь в русской критике. С. 239.

1760

Михед П. Гоголь в контексте русской и украинской культур // Филолог. Вып. 18. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_18_364.

1761

Гоголь Н. В. Мертвые души. С. 239.

1762

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 173.

1763

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 865.

1764

Манн Ю. В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809–1835. – М.: РГГУ, 2012. С. 261.

1765

Гоголь Н. В. Мертвые души. С. 239.

1766

Там же.

1767

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 292.

1768

Розанов В. В. Мимолетное // Собр. соч. Мимолетное / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994. С. 113.

1769

Розанов В. В. Гений формы (к столетию со дня рождения Гоголя). С. 241.

1770

Розанов В. В. Из письма П. Б. Струве. Февраль 1918 года // Гоголь в русской критике. С. 314.

1771

См.: Задунайские народные предания. С. 580–581.

1772

См.: История русов, или Малой России. С. 210.

1773

Лазаревский А. Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы. С. 105.

1774

История русов, или Малой России. С. 171.

1775

Шевченко Т. Г. Кобзар. С. 240.

1776

Шевченко Т. Г. Як би то ти, Богдане п'яний. С. 308.

1777

Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 172.

1778

Шевченко Т. Г. Великий льох // Зібрання творів: у 6 т. Т. 1. С. 317.

1779

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. С. 77.

1780

Шевченко Т. Г. Сон. С. 274-275.